

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР

ДОМОНОСОВ

6

ДОМОНОСОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ТОМ ШЕСТОЙ

ТРУДЫ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ,
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ВОПРОСАМ И ГЕОГРАФИИ

1747 — 1765 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1952 · ЛЕНИНГРАД

ТРУДЫ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

1747 — 1764 гг.

РАССМОТРЕНИЕ СПОРНЫХ ПУНКТОВ МЕЖДУ
ГОСПОДИНОМ ПРОФЕССОРОМ МИЛЛЕРОМ
И ГОСПОДИНОМ КОМИССАРОМ КРЕКШИНЫМ,
ПО ПРИКАЗАНИЮ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА ГРАФА
И ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК КИРИЛЫ
ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКОГО УЧИНЕННОЕ
ОТ ПРОФЕССОРОВ ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОН,
ВАСИЛЬЯ ТРЕДЬЯКОВСКОГО И МИХАЙЛА
ЛОМОНОСОВА

1. Мнение господина Крекшина.¹

Владимир Светославич, великий князь киевский, был царь, венчан царским венцом и помазан, и по нем все великие князи российскийские были цари, венчаны венцом царским и помазаны.

Сомнение господина Миллера.

О сем я требовал от господина комиссара Крекшина доказательства, а доказал ли он то довольно, оное я оставляю господам профессорам, для того учрежденным, на рассмотрение.

Сила доказательств господина Крекшина.

Что великого князя Владимира Светославича во многих книгах писатели называли царем, то явствует в предложенных от него, Крекшина, книгах.² А следовавших по нем великих князей российскийские писатели некоторых называли царями или самодержцами, в чем господин профессор Миллер не спорит. А что все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича были цари, венчаны венцом царским и помазаны, того господин Крекшин не доказал, также и того, что была ли разность между великокняжеским венцом и царским, каковым царь Иоанн Васильевич венчался. А что господин Крекшин предлагал, якобы великому князю Владимиру Светославичу прислан был венец царский от греческого царя Константина Мономаха, на то доказательства его не только не довольны, но и Синопсисом Киевским³ такое его мнение отражается, в котором ясно изображено, что венец царский

прислан был к великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, и потому он в помянутом Синописе называется первовенчанным царем. Однако господин Крекшин свое мнение обещался еще доказывать, чего он не учинил.

2. Что надлежит до спора в несогласии о летах рождения, приятия престола и преставления государей российских, то рассматривали мы подлинные книги и усмотрели, что оные между собою не согласуются и что по иным прав господин Миллер, а по иным господин Крекшин.

3. Мнение господина комиссара Крекшина.

Высочайшая фамилия Романовых происходит от великих князей российских Рурика и Владимира Светославича по мужескому колену, как в табели моей родословной находится. (В родословной табели господина Крекшина производится высочайшая фамилия Романовых от князя Романа Васильевича Ярославского и что Захария, прадед Никиты Романовича, шурина царю Ивану Васильевичу, был сын помянутого князя Романа Васильевича).⁴

Сомнение господина профессора Миллера.

О сем я требовал подлинных доказательств, а довольно ли он то доказал, оное я оставляю господам профессорам на рассуждение.

Сила доказательств господина комиссара Крекшина.

Подлинные доказательства, каковые в произведении фамилий законно требуются и какие господин Крекшин предложить должен, суть следующие: 1) показать в подлинных российских родословных книгах, что князь Роман Васильевич Ярославский имел ли сына Захарию; 2) ежели он имел сына Захарию, то Захария, прадед Никиты Романовича, шурина царю Ивану Васильевичу, тот ли был Захария, который был сын князя Романа Васильевича Ярославского, ибо в сем состоит самая сила спора. Сего требовали мы от помянутого господина Крекшина, однако он таких подлинных доказательств предложить не мог, но вместо оных показал в разных книгах сродство высочайшей фамилии

Романовых с бывшими прежде великими князьями и царями российскими, из которых главное есть, что в благодарственной молитве по избрании государя царя и великого князя Михайла Феодоровича написано сие: в троице славимому богу и пр. дал нам прежних великих государей наших благоверных и благородных царей российских, их царского и благородного корене благорасленную ветвь, великого государя царя и великого князя Михайла Феодоровича. Но когда господин профессор Миллер спросил у него, Крекшина, что может ли он показать, в чем состоит сие сродство и не в том ли, что царица Анастасия Романовна была супруга царя Иоанна Васильевича, о чем упоминают прочие книги тех времен, а особливо когда весь народ российский государя Михайла Феодоровича назвал сродичем токмо царя Феодора Иоанновича, что явствует в летописце Брюсовом⁵ и в настольной утвердительной грамоте,⁶ тогда он, господин Крекшин, на то ничего точного сказать не мог, а особливо того не доказал, почему он высочайшую фамилию Романовых производит от князя Романа Васильевича Ярославского, как то он написал в своей родословной табели.

4. Мнение господина комиссара Крекшина.

Великий князь Рюрик призван от варяг, то есть из Вагрии, лежащая по берегу моря Варяжского.

На сие господин профессор Миллер говорит:

Я о сем писал для наставления господина комиссара Крекшина в первых от меня поданных пунктах, а ежели он мое наставление принять не хочет, то его к тому принудить нельзя.

Сила доказательств господина Крекшина.

Господин Крекшин о варягах, кто они были и где жили, на своем мнении утверждает, но доказательства его о сем деле оставляют в сомнении. Сие только известно, что великий князь Рурик по Гостомыслову совету призван в Новгород от варяг.

5. Мнение господина Крекшина.

Княжна Марья Андреевна, дочь князя Андрея Ивановича Старицкого, двоюродная сестра царя Иоанна Васильевича, была сочетана великому князю [голштинскому Христиану].

Сомнение господина Миллера.

Сие противно иностранным родословным книгам,⁷ чего ради надлежит рассмотреть, чем господин Крекшин оное доказывает.

Сила доказательств господина Крекшина.

Сочетание княжны Марьи Андреевны, дочери князя Андрея Ивановича Старицкого, доказывает господин Крекшин токмо Лаврентьем Хурелихдом, герольдмейстером цесарским.⁸

6. В рассуждении великия княжны Анны спор состоял в отечестве ея, а именно: в генеалогической таблице господина Крекшина было написано, что она Дмитриевна, однако она есть внука Дмитриева, а дочь Василия Дмитриевича, а о сочетании ея брачном с царем греческим Мануйлом свидетельствует Степенная книга Никона патриарха,⁹ но о сочетании ея ж с Иоанном Мануйловичем свидетельствует та ж книга о митрополите Фотии, грань 14, да еще в той же книге о том же и в той же 14 грани. Сей пункт будет уже без спора, потому что господин комиссар признает, что у него погрешено в отечестве, а о брачном сочетании два свидетельства против одного он приводит, которые согласны с предложением господина профессора Миллера.

7. Господин комиссар Крекшин говорит: О великой княжне Елене Васильевне написано в моей таблице опискою, а надлежит ея отечеству быть Иоанновною.

На сие господин Миллер отвечал: Я сим признанием доволен.

2

[ПОСВЯЩЕНИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ
„ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ“ В. Н. ТАТИЩЕВА]

Пресветлейший государь, великий князь,
милостивейший государь!

Дела бывших в России владетелей, а особливо самодержавных вашего императорского высочества предков коль велики, ясно показывают широко распространенные пределы сего государства, но как оное возрастало, и умножение его могущества и славы коль тяжким затруднениям подвержено было, и как оные преодолены, о том весьма немногие знание имеют, лишаясь достоверного описания деяний российских, чрез что похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего российского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии. Искренняя моя любовь и горячее усердие к отечеству побудили меня по моей возможности пособить сему недостатку, и для того еще при жизни блаженные и бессмертные памяти государя императора Петра Великого начал я прилагать^а крайнее мое старание к собранию и приведению в порядок Российской истории из разных книг рукописных российских и некоторых иностранных авторов. Плод сего моего многих лет труда есть настоящая книга, которую приношу в честь вашему высочеству и уповаю, что, подражая Петру Великому, который воспоминанием славных дел предков своих часто увеселяться и описания оных охотно читал, ваше

^а В тексте: предлагать.

высочество сей мой труд милостивейше принять изволите. В нем найдется немало таких примеров, которые природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут.

Вашего императорского высочества превосходные достоинства подают бессомненную надежду, что во время, определенное от бога, ревностного подражателя бессмертным к себе заслугам венчаных [в] вашем высочестве увидит Россия, с которою купно приношу ко всевышнему усердые желания, да благословит и укрепит ваше высочество силою своею к общему нашему благополучию, и ежели судьба его такой предел положила, что несравненных дел Петра Великого человеческой силе превысить невозможно, то да присовокупит к дражайшей жизни вашего высочества оные лета, которых верные сынове отечества его величеству по смерти желали.

Пресветлейший государь, великий князь,
милостивейший государь,
вашего императорского высочества

[ЗАМЕЧАНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ
Г.-Ф. МИЛЛЕРА „ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ИМЕНИ И НАРОДА РОССИЙСКОГО“]

[I]

[РЕПОРТ В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК
16 сентября 1749 г.]

Р е п о р т

Указом ея величества из Канцелярии Академии Наук велено сочиненную господином профессором Миллером речь о происхождении имени и народа российского мне рассмотреть, нет ли в ней чего России предосудительного, которую многократно прочитав и рассмотрев, подаю об ней в оную Канцелярию мое мнение, которое состоит в следующих пунктах.

1

В рассуждении оснований, на которых господин Миллер свои мнения утверждает, следующее весьма неприлично, ибо: 1) Обещается он иностранных авторов тут приводить, где своих к тому недоволю (стр. 6); однако в противность того российских авторов не токмо просто, но нередко и с поношением опровергает, [как то в 9 пункте явствует ниже сего, что учинил он весьма несправедливо и дерзновенно. Ибо как иностранные писатели ненадежны, то явствует на странице 32, где о разделении государства, учиненном от великого князя Владимира Святославича, многие неисправности находятся; также незнание их о наших землях,

2*

городах и князьях во всей его книге явствует, которые их грубые погрешности исправить и согласить старался господин Миллер без всякого успеха. Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках. Из всего видно, что он весьма немного читал российских летописей,¹ и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях. 2) Иностраннных авторов употребляет он весьма непостоянным и важному историографу непристойным образом, ибо где они противны его мнениям, засвидетельствует их недостоверными, а где на его сторону клонятся, тут употребляет их за достоверных. Сие видеть можно о Саксоне Грамматике² на странице 25 и в других местах. 3) Чтобы из одного сходства имен вывести следствия, того по правде не принимает (стр. 7 и 12), однако, где видит что себе в пользу, того мимо не пропускает, но толкует имен сходства в согласие своему мнению (стр. 53), где он весьма смешным образом из Гостомысла сделал Гостомила, что он от неразумения российского языка сам против себя выдумал, ибо Гостомил значит того, кто гостям мил, а Гостомыл того, кто о гостях мыслит.

2

На таких зыблующихся основаниях поставлена вся его диссертация, в которой он, во-первых, опровергает мнение о происхождении от Мосоха Москвы и россиян от реки Росса,³ которые его мнения, десять раз прочитав, едва распознать можно, спорит ли он, или согласуется; наконец узнал я, что то — опровержения, которые никакой силы не имеют и притом переплетены непорядочным расположением и темной ночи подобны.

3

О скифах, которых почитать должно за первоначальных жителей в наших нынешних селениях, господин Миллер весьма мало упоминает, разве он не хотел повторять того, что от покойного профессора Бейера в наших „Комментариях“ писано;⁴ но справедливее подумать можно, что он не хотел принять одного мнений, которые с его мнениями несогласны. Я приметил здесь, что от господина Миллера пропущен самый лучший случай к похвале славенского народа, ибо как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и Александра, царей македонских, и самих римлян не устрашались, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали, то посему легко заключить можно, что народ славенский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было. Правда, что господин Миллер говорит (стр. 13): „прадеды ваши от славных дел назвались славянами“, но сему во всей своей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских бьют, грабят *благополучно*, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен.

4

Вторая из главных частей сей диссертации пишет о славенском народе, которого приход в здешние места поставляет господин Миллер весьма поздно, чему противное показывают славенские имена старинных городов российских, так что ежели славяне пришли в здешние земли в 4-м веке, то оные города должны были иметь славенские имена

прежде приходу славян в оные места, что отнюд быть не может. Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рождества Христова,⁵ то неспоримо доказать можно.

5

Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным, и что Рурик с братьями был сродственник князям славенским⁶ и для того в Россию призван на владение, сие все из самой сей диссертации заключить, а из других оснований весьма довольно доказать можно.

6

Имя российское почитает господин Миллер за новое, которое началось при Рурике, а сие из того заключает, что об нем иностранные не знали; но как из того заключить, что варяги сами себя русью не называли? Германцы дивно себя называют дейчен, хотя их ни русские, ни французы тем именем и поныне не пишут; так и варяги, просясь от роксолян, всегда себя русью называли, хотя другие народы их инако именовали, и самые слова Несторовы показывают, что варяги назывались русью, а по ним и новгородские славяне и прочие назвались русью. Но едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали.

7

Сверх сего примечания достойны следующие догадки:
1) Весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург,

которая только для того вымышлена, чтобы опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове; однако сие ясно показуется рождением Ольги, великой княгини, которая в Прологе псковитянынею, а у Стриковского правнукою Гостомысловою называется.⁷ 2) Имена князей, которые пришли от варягов, признает за неславенские, не зная того, что Осколд речение есть славенское и значит обоудный топор (bipennis): так в псалме 73, стих 6, секирою и оскордом (или осколдом) разрушиша. Дир происходит от слова дереу, якобы драч. Ольга названа от облегчения матери своею рождением. 3) Из сих двух князей хочет господин Миллер одного сделать весьма неосновательною догадкою, не рассуждая того, что каждого могила порозну в Синописе Киевском неоднократно упоминается. 4) Слово богатырь напрасно называет татарским.

8

При таких неосновательных мнениях и пустых словопрениях немало найти можно предложений, между собою прекословных, как то в самом начале на странице 2, в последних строчках говорит, что сочинения в „Комментариях“ [в]сему свету сообщаем, а на 3 странице, в первых строчках объявляет, что о сих наших трудах едва кто вне Академии может быть известен.

9

Сверх сего весьма неосторожны и предосудительны следующие: 1) Опровержение Киева перевозу из Нестора приведено равно как напоказ, для смеху. 2) Славенских князей называет царями российскими в противность своему мнению и в предосуждение первовенчанным царям российским. 3) А по сему весьма непристойно княжны славенские называются от него российскими царевнами. 4) Новгородцев называет самохвалами для того только, чтобы утвердить

свои догадки. 5) О святом Несторе, летописце, говорит весьма прöderзостно и хулительно так: *ошибся Нестор*, и сие неоднократно.

10

Что до латинского штиля касается, то никому не бесчестнее так худо знать по латине, как историку, которому древних латинских историков необходимо читать должно, а следовательно и штилю их навькнуть. И российский перевод, который он по большей части по своему переправлял,⁸ исполнен несносными погрешностями, которые ясно показывают, что он не такой великий знаток российского языка, чтобы он мог поправлять за природными россиянами, как он о себе хвастал в кичливом своем, однако опроверженном предисловии к Сибирской истории,⁹ которая, как я думаю, едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссертация.

11

В приступе и заключении диссертации, которые больше всех погрешностями против российского языка наполнены, нет никаких остроумных замыслов, которые бы на толь знатный случай годились и могли бы в слушателях возбудить удивление, и весь корпус диссертации сочинен без связи и порядку, а особливо она для многих дигрессий¹⁰ весьма темна.

12

Конец, на который сия диссертация сочинена, есть сей, чтобы всемилостивейшей государыне нашей принести первые плоды обновленные от ея величества Академии, а притом чтобы она приятна была российским слушателям и всякому читателю новостью и справедливостью своею полезна. Первое требует важности и великолепия, второе и

третье живности, ясности и подлинности, старательно изысканной, которых качеств речь сия отнюд не имеет, но весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна, и, по моему мнению, отнюд не может быть так исправлена, чтобы она когда к публичному действию годилась. Сие репортует профессор Михайло Ломоносов.

Сентября 16 дня 1749 году.

[II]

[ВОЗРАЖЕНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ МИЛЛЕРА]

Указом ея величества, данным из Канцелярии Академии Наук, повелено мне в собрании с прочими господами профессорами вторично исследовать сочиненную господином профессором Миллером диссертацию О начале народа и имени российского, в котором указе особливо требуется, что нет ли в ней чего предосудительного России и можно ли оную исправив к будущему публичному собранию напечатать. Что исполняя, следующие рассуждения предлагаю обстоятельнее для того, чтобы видны были причины, для которых помянутая диссертация и прежде сего мною не одобрена; и чтобы ясно показать, что я не по пристрастию и не взирая на лицо, но как верному сыну отечества надлежит, по присяжной должности поступаю. А чтобы все изобразить короче, для того, пропуская мелкие погрешности, только главные предлагаю.

1

Страница 9. Отвергает господин Миллер мнение ученых людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать:

1) как имя *роксолане* переменялось на имя *россияне*, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили. На сие ответственю, что хотя сходство имени и места роксолан с россиянами довольно быть казалось уже многим славным европейским авторам и целым ученым собраниям,* чтобы имя и род россиян произвести от роксолан, однако дабы господина Миллера и в строгих сих его требованиях удовольствоваться, следующее предлагаю: 1) Перемена имени *роксолане* на *россияне* весьма невелика и много меньше разницы имеет, нежели *Киев* и *Кенугардия*, которые господин Миллер за одно почитает (стран. 31). Литеру с переменяют иногда аттики на ζ, то недивно, что из речения *россолане* сделалось у греков *ροζолане*, а слово *россолане* не больше разнится от *россияне*, как только окончанием по разности языков. С роксоланами соединяются у Плиния** аланы в один народ сарматский. И Христофор Целларий примечает,*** что сие слово может быть составлено из двух — *россы* и *аланы*, о чем и Киевского Синопсиса автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый *россы*. А как слово *росс* переменялось на *русс* или *русь*, то всяк ясно видит, кто знает, что поляки *o* в выговоре произносят нередко как *o*, напр. бог, б^oг; мой, м^oй; король, кр^oль; ров, р^oв; конь, к^oнь; толстый, тл^oстый, и проч. Сие имя иностранные писатели девятого века и позже услышав от поляков, стали *россов* называть *руссами*. И сами *россы* называли себя тем именем долгое время оттого, что столица была сперва в полянех, славенском народе, то есть в Киеве, и великие князи российскийские нередко польских принцесс в супружестве имели. 2) Что надлежит до прохождения роксолан к северу, то хотя и вероятно, что их некоторая часть, соединившись

* Общее описание всего света, которое ныне в Англии от целого собрания сочиняется, в томе 8, § 394.¹¹

** Книга 4, глава 12.¹²

*** В Древней Географии, том I, кн. 2, гл. 6.¹³

с гетами или готами, не токмо во Франции, Италии, Гишпаниии и проч. рассеялась, но и перешла к северу около Балтийского моря, в чем профессор Бейер не спорит;* однако сие требование господина Миллера излишно, и к показанию роксолан в севере близ славян новгородских не надобно приводить их от полудни: ибо ясно доказать можно, что Роксоланская земля в древние времена простиралась от Черного моря до Варяжского и до Ильменя-озера, что из следующих доводов и свидетельств весьма довольно явствует. Страбон** говорит: „за Днепром живут дальнейшие из известных скифов, роксолане, далее стужа жить не попускает“; и в другом месте:*** „роксолане живут далее всех к северу, на полях между Днепром и Доном; далее живет ли кто, не знаем“. Целларий**** хотя и полагает далее в севере амаксовиев, иппофагов и проч., однако из самих сих греческих имен явствует, что ими называли греки роксоланских же народов по их разным обычаям, как то: *αμαξοβιοι*: значат тележных жителей, иппофаги — те, которые едят конское мясо. Такое положение места роксолан весьма согласуется с Новгородским летописцем,¹⁶ в котором в древние времена славяно-русского народа жительство полагается у Черного моря, и что того же народа великая часть отделившись распространилась до Ильменя-озера и далее к северу. И хотя господин Миллер сию летопись за бабьи басни почитает,***** однако старинный город, Старая Руса издревле называемый, довольно показывает оныя в сем справедливость и что прежде Рурика жил тут народ руссы или россы, или по-гречески роксоланы называемый. Страбон***** пишет, что роксолане воевали

* В Комментариях, том 8, стр. 407.¹⁴

** Книга 2, стр. 78.¹⁵

*** Книга 7, стр. 212.

**** В Древней Географии, том I, кн. 2, гл. 6.

***** В своих ответах.

***** Книга 7.

против генералов Митридата, царя понтийского. Тацит* свидетельствует, что роксолане при Оттоне, кесаре римском, девять тысяч конных латников ворвались в Мисию и два батальона римлян побили. Спартиан объявляет,** что когда Адриан, кесарь римский, услышал, что король роксоланский негодует о убавлении найму его войску, в том его удовольствовал. После четвертого века по рождестве Христове о роксоланах ничего больше у древних писателей не слышно. А после осьмого веку в девятом, на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился весьма славен народ русский, который и росс назывался. Фотий, патриарх цареградский, в окружном своем послании пишет о походе киевлян к Царюграду: „Руссы бесчисленных народов себе покорили и, ради того возносясь, против Римской империи восстали“***. Толиких дел и с толь великою славою в краткое время учинить было невозможно. Следовательно, российский народ был за многое время до Рурика.

Но хотя ни о роксоланах, ни о россах, ни о руссах после четвертого до девятого века не упоминается у внешних писателей, однако из того не следует, чтобы тем именем оный народ сам не назывался. Ибо молчанию внешних авторов были довольные причины: 1) что в то время были веки варварские и писателями было весьма скудно; 2) козаре, нашед на южную часть России, у роксолан или россов сообщение с греками отняли, ибо когда Осколд и Дир пришли к Киеву,**** тогда поляне, где Киев стоит, платили дань козарам; 3) что же касается до третьего требования господина Миллера, то есть: каким языком роксолане говорили? на сие отвечаю, что они говорили языком славенским, и сие следующими доказываю. Язык славенский во времена Руриковы, а по свидетельству российских летописей и много

* Книга 1, гл. 79.¹⁷

** В житии Адриана кесаря, гл. 6.¹⁸

*** Смотри Комент., том 8, стр. 401 и 408 и 409.

**** Нестор, лист 10.¹⁹

прежде оно, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Бела-озера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждальцы и проч. А чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского, ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде рождения христового. Во времена Августовы и после назывались сии народы у греков и латин вообще сарматами и разделялись на другие, меньшие земли, между которыми и роксолане полагались и назывались именно сарматским народом.* А понеже из вышеписанного явствует, что славяне и сарматы был один народ (первым именем сами себя издревле от славных дел называли, а другим именем от греков и латин именовались), то следует, что и роксолане были славяне ж и говорили языком славенским. И так понеже народ российский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неспоримо есть, что российский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних. Ибо никоею мерою статья не может, чтобы великий и сильный народ роксоланский вдруг вовсе разрушился, а после бы на том же месте, того же имени и того же языка сильный же народ вдруг проявился, а не был бы с первым одного происхождения.

Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе,

* О сем согласно пишут старые и новые географы. Смотри Целлария, том I, кн. 2, гл. 6.

чего ему учинить отнюд было не должно: ибо хотя он происхождение россиян от роксолан и отвергает, однако ежели он прямым путем идет, то должно ему все противной стороны доводы на среду поставить и потом опровергнуть. Однако по всему видно, что господин Миллер, чувствуя, что неосновательное его мнение при толь многих свидетелях слабо весьма будет, за благо рассудил оных прокинуть.

2

Стран. 20, 21, 22, 23. Полагает господин Миллер, что варяги, из которых был Рурик с братьями, не были колена и языка славенского, как о том автор Синописа Киевского объявляет, но хочет доказать, что они были скандинавы, то есть шведы. В сем посылается сперва на Бейерову диссертацию о варягах,²⁰ а потом некоторые его доводы вкратце предлагает. Что до покойного Бейера в сем случае надлежит, то он в помянутой диссертации: 1) Впал в превеликие и смешные погрешности, например, пишет он противно мнениям других авторов и утверждает, что пруссы не были колена славенского,* а были-де одного происхождения с курландцами, не зная того, что курландский язык есть происхождения славенского, так что не токмо большая часть речей, но и склонения и спряжения от славенских весьма мало разнятся. В сем случае не умнее сказал он, как бы сие: славяне суть не славяне. 2) Последуя своей фантазии, Бейер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч. Сего не токмо принять за правду, но и читать без досады невозможно, видя сих имен явное от славенского языка происхождение и согласие с особами государскими, а особливо, что на скандинавском

* Коммент., том 6,^а стр. 276.

^а В подлиннике ошибка: нужно том 4.

языке не имеют сии имена никакого знаменования. Ежели сии Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя *Байер* происходит от российского *бурлак*. Я не спорю, что некоторые имена первых владетелей российских и их знатных людей были скандинавские; однако из того отнюд не следует, чтобы они были скандинавцы. Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски? Варяги, называемые русь, славенского колена (как ниже показано будет), жившие на восточно-южных берегах Варяжского моря, имели сообщение с варягами скандинавскими через море, и для того князья их и знатные люди нередко женились у скандинавов и в угождение своим супругам давали детям нередко имена скандинавские. И так весьма недивно, что Рурик, хотя был из варяг-руси,* однако имя имел скандинавское. 3) Стараются Бейер не столько о исследовании правды, сколько о том, дабы показать, что он знает много языков и читал много книг. Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы. И потому недивно, что он нередко сам с собою несогласен. Всего несноснее, что он в таком своем исступлении или палоумстве опровергает основание, на котором утверждено важное Петра Великого учреждение, то есть орден святаго апостола Андрея Первозванного; ибо Бейер то явно отрицает, что святой апостол Андрей Первозванный был в земли Российской для проповеди евангелия. Жаль, что в то время не было такого человека, который бы поднес ему к носу такой химический пронизательный состав, от чего бы он мог очунуться. Господин Миллер поступает

* Нестор, стр. 9.

в том осторожнее, ибо он не говорит прямо, что Андрей святой не проповедывал евангелия христового в славянах и в России, но только предлагает, что славяне около Днепра и Волхова поселились больше четырех сот лет после рождения Христова* и что во времена апостольские и слуху не было о российском имени, что ежели почесть за правду, то следует, что или Андрей апостол ни у Днепра, ни у Волхова не был, или ежели был у Днепра и Волхова, то был, да не у славян, ни у россиян.

Прочие догадки, которые господин Миллер взял от Бейера, отнюд не доказывают, чтобы варяги, из которых пришел Рурик, были скандинавцы: ибо что Константин Порфирогенета, царь греческий, имена Днепрских порогов славенские отличает от русских, то не состоит в разности языка, но в разности времени: для того что они названы так после изгнания козаров от пришедших вновь варягов-руси. Сия правда явствует из того, что имена русские порогов суть славенского же происхождения; а ныне некоторые уже паки отменились, что показывает ясно по временам отмену имен оных порогов. Для ясного понятия предлагается здесь следующая таблица:²¹

	Имена славенские старые		Имена русские старые		Новые имена
1	Εσσοιπη	Не спи	Εσσοιπη	Не спи	Кодацкий Вольный
2	Οστρωβουιπραχ	Островный праг	Ουλβορσι	Олеборзый	
3	Γελανδρι	Шумный	—	—	Ненасытц
4	Νεασητ	Неясыть	Λευφαρ	Ливарь	
5	Βουλιπραχ	Вольный праг	Βχροιφορσ	Греческое слово	
6	Βερωιτση	Виручий	Λεαυτι	Лентяй	
7	Ναπρεση	На прези	Στρουβουι	Срывун ^a	

* Стр. 14 и далее.

^a Греческие имена и четыре последние в рубрике Имена русские старые написаны рукою Ломоносова.

По сему явствует, что русские имена порогов *не спи, борзый, ливарь, лентяй, срывун* суть славенского происхождения, а следовательно, и русский язык тогда был не скандинавский, но славенский, и что Бейер и Миллер в том ошиблись, когда думали, что сие будет служить им в доказательство их мнения. Прочие доводы господина Миллера, у Бейера занятые, которые состоят в том, как нас венгерцы и литва называют,* весьма неважны. А притом я довольно удостоверился, что венгерцы называют нас руссами, а славян разами,²² что больше мне в защищение служит. Против всех сих неосновательных Бейеро-Миллеровых догадок имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною. Блаженный Нестор, летописец печерский, варягов различает** на свиев, на готов, на урмян (норманов), инглян (ингриян) и на русь. Следовательно, сии варяги жили по разным местам. Имени русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано; то явствует, что русь-варяги жили на полуденных берегах помянутого же моря к востоку или западу. В наших летописцах упоминается, что Рурик с родом своим пришел из Немец, а инде пишется, что из Пруссии. А Нестор ясно объявляет, что он призван был из варягов-русь.** Между реками Вислою и Двиною впадает в Варяжское море от восточно-южной стороны река, которая вверху, около города Гродна, называется *Немень*, а к устью своему слывет *Руса*. Здесь явствует, что варяги-русь жили на восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе, которая от сих варягов русских свое имя имеет, и что они иногда от той

* Стр. 48.

** Лист 9.

же реки Немени назывались *неменьцы* или *немцы*. А понеже Пруссия была с варягами-русью в соседстве к западу и одного славенского языка (как уже выше упомянуто и ниже сего явствовать будет), то недивно, что от новгородцев руссы и пруссы за одно почитались. И самое звание пруссы (*Borussi*) или порусы показывает, что пруссы жили по руссах или подле руссов. Древние пруссы имели у себя идола, называемого *Перкуна*,* которому они неугасимый огонь в жертву приносили. Сей Перкун именем и жертвою тот же есть, что Перун у наших руссов, которого почитали, в поганстве будучи, российские князья варяжского рода. Сие согласие подтверждает сходство обычаев у варягов-руссов и у пруссов, а следовательно, и ближнее их соседство и почти единство показывает. Имя *Перун* есть славенское и происходит от глагола *перѹ* (*ferio, pingo* — ударяю, очищаю), яко бы оный мнимый бог огнем своим ударял и очищал. Из сего весьма вероятно кажется, что варяги-русь и пруссы говорили языком славенским. О варягах сие доказывают следующие доводы: 1) Прежде Рурика и в его время, когда по вышепоказанному народ и язык славенский весьма уже широко распространялся, тогда от Голстинии до устья реки Двины, по южному берегу Варяжскому живущие народы говорили языком славенским, чего еще и ныне имеются довольные и явственные знаки, то есть имена не токмо деревень, городов, рек, но и целых земель. А варяги-русь жили на тех же берегах, следовательно, говорили языком славенским. 2) Сие подтверждается тем, что около того места, где жили варяги-русь, и теперь еще говорят курландцы языком, от славенского происходящим, и тем показывают, что они суть остатки от варягов-русси. 3) Нестор Печерский говорит ясно, что славенский и русский язык едино есть.** 4) Если бы варяги-русь были языком своим от славян так отменны, какуо

* Гарткнох в Новой и старой Пруссии,²³ страницы 30, 131, 160.

** Лист 16 на обороте.

отмену должен иметь скандинавский, то бы от самих варяжских владетелей, от великого множества пришедшего с ними народа и от армей варяжских, которые до 20 и 30 тысяч простирались, от великой гвардии, каковую после Рурика и до Ярослава великие князи имели из варягов, должен бы российский язык иметь в себе великое множество слов скандинавских. Татара хотя никогда в российских городах столицы не имели, а следовательно ни гварнизонов, ни гвардии при себе не держали, но токмо посылали баскак или сборщиков, однако и поныне имеем мы в своем языке великое множество слов татарских. Посему быть не может, чтоб варяги-русь не имели языка славенского и говорили бы поскандинавски, однако бы, преселившись к нам, не учинили знатной в славенском языке перемены. Думаю, что господин Миллер поставит в причину божию службу, которая, будучи отправляема на славенском языке, варяжскому языку так вселиться не позволяла. Но сие не имеет против меня никакой силы, для того что варяжские государи владели почти полтора века в поганстве, в которое время был самый лучший случай к отмене языка, для того что в то время самое великое множество варяг между славянами находилось, а чтения церковных книг на славенском языке почти нигде не было. 5) Я думаю, что ежели у варягов-руси язык был скандинавский, то бы и донныне были в России не токмо деревни, но и целые города, в которых бы оным языком говорили, не взирая на то, что они были одной веры. Пермяки слышат всегда божию службу на славенском языке уже весьма из давних лет и везде имеют внутрь и вокруг своей земли российские города, однако свой язык и донныне сохранили. Сие видим в таких людях, которые славенскому языку подвластны; то не больше ли бы сие и не способнее ли бы могло учиниться у тех, которые славянам повелевали? 6) В древних летописцах, а особливо у Нестора народы, которые не славенским языком говорили, всегда ясно отличаются, что они имеют свой язык, или что тот или другой.

разумел язык печенежский; а о варяжском языке нигде не упоминается, чтобы он был совсем от славенского отменен, но везде варяги и славяне как одного племени почитаются.

Но чтобы кто не подумал, что я уже от древних роксоланов с варягами-русью далече отсторонился, то единство их следующим образом показываю. Варягами назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря; итак, россы или русь только при устьях реки Немени или Русы имели имя варягов, а простираясь далее к востоку и югу, назывались просто руссы или россы; а что они к востоку и к полудни далее простирались, то показывает: 1) их сильное множество, которому на берегах между Двиною и Вислою уместиться нельзя было; 2) Белая и Чермная Русь, которые лежат в Польше, а отчасти в России, имеют имя свое, конечно, не от чухонцев, как то господин Миллер о великороссиянах рассуждает, но ясно доказывают, что варяги-русь были те же с живущими далее к югу и им смежными белоруссийцами, где ныне Новгородок, воеводства Минское, Мстиславское, Вытепск и Полоцк, а от Полоцка простирались и до Старой Русы. Чермная Русь, которая от Днепра протянулась почти до самой Вислы, есть того же происхождения с Белою, а следовательно, и с варягами-русью. Здесь явствует, что россы или Русь Чермная, Белая и Варяжская перед приходом Руриковым простиралась от Варяжского моря и от озера Ильменя почти до Черного, а как от онога несколько отдалилась, то явствует выше сего, как печенеги завладели Киевом.

3

Стр. 49. Господин Миллер производит имя российского народа от чухонцев следующим образом. Чухонцы-де шведов называют россалейна, то, услышав сие, новгородцы стали называть русью всех народов, от запада приходящих. Рурик с родом своим, услышав, что новгородцы их называют русью, назвались и сами русью, а после того и весь народ славен-

ский назвался русью. Здесь всяк видит, сколько тут нескладных вымыслов. 1) Полагает здесь господин Миллер, что новгородцы сами о имени западных народов ничего не знали, а между тем всяк ведаёт, что они их варягами называли. 2) Что Рурик с родом своим, покинув свое старое имя, стали зваться так, как их называли новгородцы. 3) Новгородцы, зная, что сие имя русь ни им, ни варягам не собственное, но от чухонцев взятое, сами назвались оным, оставя свое прежнее; так что, по мнению господина Миллера, два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвались новым, не от них происшедшим, но взятым от чухонцев. Где теперь строгость господина Миллера, которой он в доказательствах требует у тех, которые российское имя от роксолан производят? Не явно ли показал он здесь пристрастие к своим неосновательным догадкам, полагая за основание оных такие вымыслы, которые чуть могут кому во сне привидеться. Пример агличан и франков, от него здесь присовокупленный, не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев!

В. В сем состоит главное дело его всей диссертации, прочие мои примечания касаются до частей оных.

4

Стр. 13. „Прадеды ваши, п[очтеннейшие] с[лушатели], от славных своих дел *славянами* назывались, которых от Дуная волохи выгнали“. Здесь весьма явны противные вещи *слава* и *изгнание*, которые в такой диссертации места иметь не могут. Но как наш сочинитель славные дела прадедов наших начинает изгнанием, так и всю их жизнь в разорениях и порабощениях представляет, о чем смотри ниже. И хотя бы то была правда, что славяне для римлян Дунай оставили,

однако сие можно бы было изобразить инако. Например: славенский народ, любя свою вольность и не хотя носить римского ига, преселился к северу. Новгородский летописец говорит, что славян часть некоторая, для тесноты места на Дунае, отошла к Днепру, Ильменю и прочая, что с правдою очень сходно, ибо и теперь по Дунаю довольно есть славенского народа, как то: сербьяне, болгары и проч. Господину бы автору должно было упомянуть славные дела славенского народа из старых внешних авторов, из которых явно, что римляне сами чувствовали храбрость наших праотцев и проч. Прокопий Кесарийский в кн. 3²⁴ пишет, что в пятом веку во время Юстиниана, царя греческого, славяне, перешед Дунай, землю за ним опустошили и великое множество римлян в полон взяли. Иорнанд, о гетах пишущи,²⁵ говорит, что ныне славяне за грехи наши везде нас разоряют, что было в шестом веку. Григорий Великий, папа римский, к епископам в Истрию пишет:²⁶ „Истинно для славенского народа, который на вас наступает, весьма сокрушаюсь и смущаюсь: сокрушаюсь о том, что вашу болезнь сам претерпеваю; возмущаюсь о том, что они чрез Истрию уже и в Италию вступают“. Из сего явствует, что славяне от римлян не так выгнаны были, как господин Миллер пишет. И сие бы должно было ему упомянуть для чести славенского народа.

5

Стр. 14. Новгородский летописец весьма дерзновенно опровергается, так что г. автор князей и деяний славенских новгородских и упомяновения не удостоил. По последней мере, ежели автор против того важные возражения имеет, надлежало бы ему, предложив о Славене, Русе, Болгаре, Комане, Истере, о создании Славенска и Старой Русы, о двух запустениях Славенска и о обновлении одного и пременении в Новгород и проч., и купно сообщить свое мнение, а не

так совсем без основания откинуть. По моему мнению, сего древнего о Славенске предания ничем опровергнуть нельзя. И хотя внешними писателями не утверждается, однако само собою стоять может, и самовольно опровергать его в предосуждение древности славенороссийского народа не должно.

6

Стр. 14. Предлагает господин Миллер о Киеве перевозе и как Нестор сие отвергает и доказывает, что Кий не был перевозчик, но князь. К сему присовокупляет господин Миллер на стр. 15: „Все сие изрядно“ (то есть защищение Киево от Нестора), „только-де оное так истолковать надлежит, дабы тем у греческих писателей, живших прежде Нестора, не отнять вероятности“; чем он несколько, повидимому, сомневается, что не был ли и заправду Кий человек приватный. И сие подкрепляется тем, что он на стр. 16 говорит, якобы Кий взят был от гуннов под Царьград с принуждения и был только у них полководцем. Такая догадка, которая довольно основания не имеет и с нашими летописьми не сходствует, а особливо что не в честь древнему российскому владельцу вымышлена, не думаю, чтобы была приятна российским слушателям и читателям.

7

От стран. 23 до 44 все должно было автору почти без остатку выкинуть: 1) Для того что, как по самой правде, так и по признанию самого автора, все те нелепые сказки о богатырях и о колдунах²⁷ взяты из таких басней, какова у нас о Бове-королевиче. Весьма чудно, что господин Миллер, сам признав их несправедливость, потом как правду толкует, а особливо что по его же мнению нерусских владетелей русскими называет. Сие толь же не складно, как бы Юстиниана, царя греческого, назвать султаном турецким, для того что ныне Грециею турки владеют. Господин Миллер точно так поступает, ибо полагает он, что прежде Рурика россиян в России

не было, а владельцев, прежде его бывших, называет царями русскими; следовательно, сии почтенные имена приемлет всеу. 2) Для того вышепомянутое выкинуть должно, что преисполнено именами дикими, и российскими перепорченными, и Бейерскими перевертками, слушателям скучными и невнятными. 3) Что служат только к славе скандинавцев или шведов и, как сам господин Миллер говорит, для того внесено, дабы показать, что скандинавцы, против россиян воюя, славу себе получали. 4) Что все оное к изъяснению нашей истории почти ничего не служит и могло бы быть без утраты (*sine damno*) пропущено, как то сам автор на 23 и 24 странице объявляет. 5) Что оно российским слушателям будет весьма досадно и огорчительно, когда услышат, что народов, одним именем с ним называемых, скандинавы бьют, грабят, огнем и мечом разоряют, победоносным оружием благополучно побеждают.

8

Стран. 46. Здесь ясно показывается пристрастие господина Миллера к своим догадкам, ибо он, как уже выше упомянуто, одного сходства имени и места за доказательство не принимает. Сия его строгость была бы весьма похвальна, ежели бы господин Миллер не токмо для отвержения противных, но и для доказательства своих мнений поступал по оной; но здесь выводит он из одного сходства имени Дир и Диар, что Оскольд и Дир не двое, но один был князь именем Оскольд, а по чину Диар (то есть по-готски судья). Не упоминаю о том, что сие все для того он сюда взял из Бейеровой диссертации, чтобы русь-варягов произвести от готов; тому удивляюсь, что он ясное Несторово, Стриковского и других авторов свидетельство принес в жертву своей догадке, ибо сии писатели не токмо сих двух князей различают, но и гробы их в Киеве особливо назначают. А что они вместе жили и в одно время умерли, то весьма недивно, ибо таких примеров довольно в историях находится.

9

Не упоминая других его переверток, которыми он имена князей и городов российских претворяет, не могу пройти мимо того, как он имя города Холмогор (стр. 30) производит от Голмгардии, которым его скандинавцы называли. Ежели бы я хотел по примеру Бейеро-Миллерскому перебрасывать литеры, как зернь, то бы я право сказал шведам, что они свою столицу несправедливо *Стокгоlm* называют, но должно им звать оную *Стиоколной* для того, что она так слывет у русских. Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того что на островах около его лежат холмы, а на матерой земли горы, по которым и деревни близ оного называются, напр., Матигоры, Верхние и Нижние, Каскова Гора, Загорье и проч.

10

Здесь не упоминая я того, что обстоятельно предложено мною было в прежнем моем о сей же диссертации рассуждении. А из сих вышписанных следует, что оной диссертации отнюд поправить не можно так, чтобы льзя было ее публиковать в собрании академическом: 1) Что мнение господина Миллера о происхождении росссов от шведов, а имени их от чухонцев весьма неосновательно, а оное, которое от европейских славных авторов и от целых ученых собраний приемлется, есть весьма основательнее, то есть, что россы и их имя происходят от роксолан древних. При сем отдаю на рассуждение знающим политику, не предосудительно ли славе российского народа будет, ежели его происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, в чем другие народы себе чести и славы ищут. При том также искуснейшим на рассуждение отдаю, что ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то не будут ли из того выводиться какого опасного следствия. 2) В публичном действии не должно быть ничего такого, что

бы российским слушателям было противно и могло бы в них произвести на Академию роптание и ненависть. Но я рассуждаю, что они, слыша в сей диссертации толь новое свое происхождение, на догадках основанное, проименование свое от чухонцев, презрение древних своих историй и частые россиян от шведов разорения, победы, порабощения и опустошения, о которых они прежде не слыхали, конечно не токмо на господина Миллера, но и на всю Академию и на ее командиров по справедливости вознегодуют. 3) Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяния имеет.

Профессор Михайла Ломоносов.

[III]

[ЗАМЕЧАНИЯ НА ОТВЕТЫ МИЛЛЕРА]

[Ответы Миллера. Перевод с латинского] [Замечания Ломоносова]

..[Возражение Ломоносова]

2

Против того же места о роксоланах. Изменение названия роксоланы в руссы очень легкое и состоит лишь в том, что *кс* изменилось в *сс*, а различие в окончании зависит от разного произношения у разных племен.

[Ответ Миллера]

На 2-ое

Чтобы показать сходство названия руссов с названием роксоланов,

противник предлагает нам слово *россиане*,^а которым сейчас любят называть себя русские, но не помнит о том, что я уже возразил на то в ответе, данном 24 октября. Именно — слово *россиане* возникло и вошло в употребление слишком недавно, чтобы служить здесь доказательством. В древних книгах и письменных памятниках оно не встречается. Ведь древние называли свое племя *русь*, образуя отсюда прилагательное *русский*, которое и сейчас еще в общем употреблении. Мы замечаем, что наименование *россиане* предпочли прежнему с тех пор, как в нашем веке укрепилась этимология имени *руссы* от *рассеяние*. Если твердо установить это, а оно вполне твердо, то словопроизводство Ломоносова, будто название *роксоланы* уже в ранние времена перешло в название *россиане*, само собой падает. Но допустим, что название *россиане* очень древнее; разве оно из-за этого будет происходить от *роксоланы*? *Роксоланы* были одного племени с *аланами*, которые владели всей внутренней частью России в то же самое время. От них они и получили название. Ведь оно звучит не иначе, как *роке-аланы*. Оно является специальным названием части *аланов*, отличавшейся от остальной массы местом жительства, тогда как все племя охватывалось общим названием *аланы*. Приставка *роке*, на что я указываю вслед за другими, обязана своим происхожде-

^а *Написанные по-русски слова выделяются курсивом.*

нием грекам и обозначает трещину, как если бы сказать, что роксоланы — отсеченные или отделенные аланы. Можно также вывести и от ρωσ — вершина, если понимать так, что это аланы, живущие под одной верхушкой, или князем. (Ср. Иордан, Происхождение славян,²⁸ ч. 1, гл. XIV, стр. 54 сл.). Если бы русские происходили от этого племени, то они, несомненно, получили бы название скорее от его главной части, жившей ближе, чем от более отдаленной. Или — если бы это и было так, то племенное название и коренная буква л не остались бы до такой степени без внимания в названии русских (*россияне*). Следовательно, нельзя говорить, что название руссы произошло от роксоланы.^[1] Другое доказательство я дал для протокола 24 октября; чувствуя его силу, Ломоносов совершенно обошел его молчанием. Именно — если бы русские происходили от роксоланов и от них получили бы название, то роксоланы были бы никем иным, как славянами. Следовательно, славяне до прихода варягов назывались бы руссами. Это явно противоречит свидетельству преп. Нестора и всех^a [2] русских летописей. Удивительно, до какой степени Ломоносов презирает местные исторические свидетельства, которые вообще высоко ценятся людьми, интересующимися историей отечества. В ясных выражениях они объясняют нам происхождение рус-

^a Слово всех подчеркнуто Ломоносовым.

[1] NB. Quoniam Mullerus summa tantum capita objectionum mearum et quidem mutilata attingit, non abs re fore judicavi, quaedam hic adjicienda esse.

[Ввиду того, что Миллер лишь поверхностно коснулся моих возражений, и притом искажая их, я счел уместным кое-что здесь добавить].

[2] False, nam Chronographus Novogorodensis et plerique alii scriptores Slavos et Russos ante adventum Varagorum unam gentem fuisse prodiderunt.

[Неверно, ибо Новгородский летописец и большинство других писателей передают, что славяне и руссы до прихода варягов были единым племенем].

сов от славян и варягов. Ломоносов же пренебрегает ими и, следуя чуждому примеру иностранных писателей, недостаточно осведомленных о русских делах, уделяет роксоланам главное место среди предков русских. Судите, граждане, поступает ли он так из любви к истине или, скорее, увлеченный и ослепленный жадой противоречия, издевается таким образом над своим отечеством. [1]

[Возражение Ломоносова]

3

Различие между названиями роксоланы и россы гораздо меньше, чем между Киев и Кенугардия, а последние названия считаются в диссертации, стр. 31, за одно и то же.

[Ответ Миллера]

На 3-ье

О том, что Киев у северных племен назывался Кенугардией, я не заключил на основании сходства названий, но доказал подлинными и бесспорными историческими свидетельствами. Если бы даже названия ни одной буквой не были похожи друг на друга, то это ничуть не повредило бы исторической истине. В самом деле, в чем сходство между Нарва и Ругодив, между Ревель и Колывань и т. д.? Разве на этом основании следует отрицать, что эти города обозначались у русских такими названиями? Отсюда ясно, до какой степени неуместно ставится здесь под сомнение название Кенугардия. [2]

[1] NB. Sed cum tanta convicia in me sparsa videam, rationibus et argumentis locum hic non esse judico.

[Видя такую направленную против меня брань, считаю, что здесь нет места для доказательств и доводов].

[2] Indirecte hic oppugnat meam objectionem Mullerus. Non enim nego Kaenugardiam Kioviam fuisse, sed exemplum id esse volo, quo major convenientia nominum Rossolani et Rossi appareat.

[Здесь Миллер не прямо опровергает мое возражение. Ведь я не отрицаю того, что Кенугардия была Киевом, но хочу представить это в качестве примера, который делает более ясным сходство названий роксоланы и руссы].

[Возражение Ломоносова]

4

Плиний считает роксоланов и аланов единым племенем, и Целларий предполагает, что слово роксоланы составлено из россы и аланы, и с ним согласен автор Киевского Синописа. Отсюда следует, что некогда существовало племя, называвшееся россами, которое имело местопребывание между Днепром и Доном.

[Ответ Миллера]

На 4-ое

Ломоносов судит правильно, считая, под влиянием авторитета Плиния, роксоланов и аланов единым племенем. Но эта истина диаметрально ^a[1] противоречит его выдумке, с помощью которой он истолковывает роксоланов как руссов. Ведь историкам известно, что это племя было вандалским, т. е. германским, или, как предпочитают другие, — готским, и очень далеким по своему происхождению и языку от славян. Думают, что название аланов дано этому племени греками — от ἀλάοιαι — блуждаю, так как они вели кочующий образ жизни, — на том же основании, на каком вандалы носили название от германского wandeln. Прокопий (О готской войне, кн. 1, гл. 1) говорит: „Римляне за несколько времени до того приняли в союз скирров, аланов и некоторые другие готские пле-

[1] E diametro? Quare? Nam ubi Rossolani ex Rossis et Alanis compositus populus fuerunt, ibi ergo et Rossi etiam populus fuit. Rossos autem et Russos qui negari potest eundem populum, propter eundem locum idemque nomen, fuisse.

[Диаметрально? Почему? Где были роксоланы — народ, образовавшийся из россов и аланов, — там, следовательно, был и народ россы. А кто может отрицать, что россы и руссы — ввиду одного и того же места жительства и названия — были одним и тем же народом?].

^a Слово диаметрально подчеркнуто Ломоносовым.

мена". Он же (О вандальской войне, гл. 3): „Вандалы, жившие у Меотийского озера, под давлением голода ушли к реке Рейну, к германцам, которых сейчас называют франками, захватив в союз готскую народность аланов“. Если Ломоносов будет возражать и против этого, то я хотел бы, чтобы он привел хотя бы одно место из историков старого времени, из которого можно было бы заключить, что аланы и роксоланы были славянским племенем. Если он этого не сделает, то пусть считает тщетным все то, что он привел — на основании сходства названий и свидетельств новых писателей — для подкрепления принятой им гипотезы о происхождении руссов от роксоланов. Прежде всего, никакого значения не имеет здесь предположение Христофора Целлария, писателя нашего времени, человека вообще весьма ученого, который, однако, в своей Древней Географии очень беспорядочно разобрал вопрос о древних местах жительства племен, сваливая в одну кучу места старых писателей, не продумав тщательно, какие заключения следует из них делать. С ним случилось то, что является общим у всех иностранных писателей, а именно — он не знал, что название руссы появилось вместе с варягами, пришедшими в Россию с севера. Поэтому он думал, что оно было в употреблении во все века, и полагал, что нашел его следы в названии роксоланов. А если бы он обратил внимание на то, что я привел выше из историй — о вандальском и готском, совсем от-

личном от славянского, происхождении аланов, — следует ли думать, что он остался бы при прежнем мнении? Итак, с чем сообразно заключение, выведенное Ломоносовым из этого предположения Целлария, — будто когда-то было племя, называвшееся руссами, место жительства которого находилось между Днепром и Доном? Если бы это было так, то, без сомнения мы, имели бы сведения о нем у греческих и латинских писателей, описавших эту область. Решать же что-нибудь против их свидетельства в столь важном вопросе, с помощью одного только предположения, притом лишенного всякого основания, — непозволительно. [1]

[Возражение Ломоносова]

5

Название руссы превратилось в руссы на основе произношения поляков, которые изменяют *o* в *u*. Внешние писатели IX и следующих веков, слышав это название от поляков, сохранили эту польскую манеру произношения; даже сами руссы долгое время называли себя руссами, потому что столица была сначала среди поляков, именно в Киеве, и вследствие того, что великие князья нередко брали себе супруг из Польши.

[Ответ Миллера]

На 5-ое

Что русские в древности называли себя руссами, это отнюдь нельзя подтвердить теми доказательствами, которые приводит Ломоносов. Согласен: поляки в обычной

[1] Est sane multoties mentio facta a Strabone et reliquis. Ex tua enim sententia patet Rossos fuisse populum cum Alanis mixtum.

[Многочисленные упоминания действительно имеются у Страбона и прочих. Из нашего мнения ясно, что руссы были народ, смешавшийся с аланами].

речи часто изменяют о в у. Но все ли слова, в которых встречается о, они так произносят, чтобы можно было сделать правильное заключение о том, что в их числе было и название руссы? И такую ли силу имеет у этого народа произношение, чтобы изменить и написание? Я в этом не уверен, и Ломоносов не решится это утверждать. Если бы сохранились примеры того, что название руссы в древности писалось в России через о, тогда только это объяснение Ломоносова имело бы какое-нибудь значение. [1] До тех же пор, пока он не представит таких примеров, тщетно и напрасно все то, что он выдвигает относительно изменения названия, о котором мы не имеем никаких указаний. Никакого значения также не имеет довод, основанный на том, что столица руссов находилась среди поляков: будто поэтому россы в течение долгого времени называли себя руссами. Ведь область, где лежит Киев, — это не собственно Польша, согласно ныне употребляемому ее имени, но подлинная Россия, которая в старину простиралась на запад до Днепра. Подлинный и чистый русский язык первых времен процветал там, что мы ясно видим из старинных летописей и переводов отцов церкви, сделанных некогда в Киеве и не содержащих в себе ничего польского. [2]

[1] O si Mullerus ejusmodi conjecturam protulisset, obtruderet sane pro inconcussa veritate.

Oblitus est hic Mullerus Rosorum nomen etiam apud Graecos ρως scribi; revocet in animum legatos ex gente ρως apud Romanum imperatorem examinatos; nec nimium credat ρωσсы novam prorsus scriptionem esse; non enim desunt argumenta pro partibus nostris.

[О, если бы Миллер выдвинул такого рода предположение, то он, конечно, выдавал бы его за бесспорную истину.

Миллер здесь забыл, что название россы также и у греков пишется ρως; пусть он вспомнит, как у императора Романа допрашивали послов из племени ρως,²⁹ и пусть он не думает, что написание ρωσсы является совсем новым; ведь нет недостатка в доказательствах в нашу пользу].

[2] O praeclarum linguae Russicae heroem! qui nec id novit, quod omnes libri ecclesiastici et historici Slavonica lingua sint conscripti, cujus nec in Polonia

usus unquam fuit ullus nisi in templis, qui mos hunc usque in diem in Polonia in Ecclesia graeca obtinet. Caeterum lingua polonica jam antiquissimis temporibus ut a Russica ita quoque a slavica ecclesiastica illa dialecto differt. Ecclesiastica enim dialectus, quae apud omnes Slavici generis et Graecae confessionis populos in templis viget, proprie est antiqua Moravica lingua, cujus apud Slavicos populos nunquam fuit usus universalis.

[О преславный знаток русского языка, не знающий даже того, что все церковные книги написаны на славянском языке, который в Польше употребляется только в храмах, — и этот обычай до сего дня сохранился в греческой церкви в Польше! Кроме того, уже с древнейших времен польский язык отличается как от русского, так и от церковно-славянского диалекта. Ведь церковный диалект, который живет у всех народов славянского племени и греческого вероисповедания, есть собственно древний моравский язык, употребление которого у славянских народов никогда не было всеобщим].

Изменение ^a [1], киевского и всего наречия Малой России в сторону польской манеры произношения должно быть приписано лишь более поздним временам, когда эта область в течение нескольких столетий была под властью литовцев и поляков, от которой ее благополучно освободила, избавив от плена, доблесть и мудрость славного государя Алексея Михайловича. Наконец, непонятно, как могли способствовать изменению русского языка супруги русских великих князей, взятые из Польши. Имеется всего только один пример, говорящий в пользу Ломоносова, — ввиду времени, к которому он относится, именно: дочь польского короля Болеслава Храброго, вышедшая замуж за великого князя Святополка Владимировича. Но какое короткое время Святополк с этой супругой владел Киевом! Остальные примеры слишком позднего времени, чтобы их можно было здесь рассматривать. . . [2]

[1] *Ista mutatio non obscure prodit etiam nomen ϱως mutatum fuisse in ϱδς.*

[Это изменение вполне ясно показывает, что и название ϱως изменилось в ϱδς].

[2] *Ad singulas responsiones Mulleri regerere possem ejusmodi retorsiones, sed cum graviora negotia tempori parcendum esse monent, breviter clarissimos collegas moneo, eos ubique fere quadruplex artificium in Mulleri responsionibus inventuros. 1) Ambages et res sine ullo nexu congestas, quo lectorem confundere et implicatis ideis onerare studet, ut veritatem tenebris obruat. 2) Citationes responsionum ejus, quae ad aliorum objectiones factae, vel potius fictae sunt. 3) Fictiones, quas nobis tribuit;*

^a Слово изменение подчеркнуто Ломоносовым.

alium nempe sensum objectionibus nostris dando, eumque refellendo super umbras et somnia magnifice triumphare videtur. 4) Maledicta et convicia, quibus terrorem nobis incutere satagit. Sed plumbei hi sunt pugiones et bruta fulmina.

[Такого рода возражения я мог бы сделать на все ответы Миллера, но, ввиду более важных дел, следует беречь время; поэтому я вкратце указываю славнейшим коллегам на то, что они почти везде найдут в ответах Миллера четырех родов уловки: 1. Неясности и вещи, нагроможденные без всякой связи, чем он старается смутить читателя и затруднить запутанными мыслями, чтобы покрыть истину мраком. 2. Цитирование ответов, которые даны (или, вернее, выдуманы) им на возражения других. 3. Измышления, которые он приписывает нам; придавая иной смысл нашим возражениям и опровергая их, он, кажется, справляет великолепный триумф над теньями и сновидениями. 4. Злословие и брань, которыми он пытается запугать нас; но это — тупое оружие и негодные молнии].

[Возражение Ломоносова]

25

В своем доказательстве того, что варяги были скандинавами, славнейший автор ссылается на диссертацию Байера, который допустил в этом деле много крупнейших и смехотворных ошибок. Первое — то, что он исключил пруссов из числа славянских племен, но объявил, что они одного племени с куронами, не зная того, что язык последних славянского происхождения. Ведь очень много куронских слов, даже способы склонения и спряжения мало отличаются от славянских. В этом случае Байер высказался столь же неразумно, как если бы он сказал, что славяне — не славяне.

[Ответ Миллера]

На 25-ое

Хотя я мог бы не брать на себя труда защищать чужое имя, однако, видя, как несправедливо обращаются с памятью покойного, причем кое-что имеет отношение к разъяснению предмета нашего спора, я кратко укажу противнику на его собственные ошибки. Уже первая ошибка, поставленная в вину Байеру, целиком принадлежит Ломоносову, что засвидетельствуют все, имеющие хотя бы самое слабое знакомство с куронским, латышским и литовским языком. Это — один и тот же язык, к которому принадлежал также и древний прусский. Между ним и славянским нет никакого родства. Ломоносов мог бы в этом вопросе с большей безопасностью довериться Байеру,

который и сам был пруссаком, чем верить другим людям, которые, возможно, рассказали ему что-нибудь неверное о характере куронского языка... [1]

[1] Curoniam linguam a Slavica ortam et non magis diversam esse ab ea, quam Sweticam a Germanica, non à Borusso Bejero, sed a plerisque eruditissimis Curoniae indigenis didici.

[О том, что куронский язык произошел от славянского и отличается от него не больше, чем шведский от немецкого, я узнал не от пруссака Бейера, а от многих местных курляндских ученых].

[Возражение Ломоносова]

27

Если Байеровы изменения вышеуказанных имен что-либо доказывают, то с таким же правом можно заключить, что фамилия Байер происходит от русского бурлак. Я не отрицаю того, что некоторые имена первых русских князей и вельмож были скандинавскими, но отсюда никак нельзя вывести, что сами они происходили из Скандинавии. Почти все русские носят сейчас греческие и еврейские имена. Разве отсюда следует, что они греки или евреи или что они употребляют языки последних? Варяги по прозванию русь, племя славянского происхождения, как я покажу ниже, владели южным побережьем Балтийского моря, находились в сношениях со скандинавскими варягами, их князья и вельможи нередко заключали брачные союзы с последними. Наконец, в угоду

своим супругам давали своим детям скандинавские имена. Поэтому не удивительно, что Рюрик, хотя он был из варягов-руси, был назван скандинавским именем.

[Ответ Миллера]

На 27-ое

Противник показывает свое остроумие, намекая на фамилию Байера, но так неудачно, что, боюсь, не заслужит одобрения у воспитанных людей. К делу этот намек не имеет никакого отношения; поэтому ему можно было бы ответить, как обычно и думают ученые, что верный признак отсутствия правоты, когда хотят защищать свое дело бранью и злословием.^[1] То, что следует нами противник, который признает то, что раньше отрицали Крашенинников и Попов:³⁰ что первые русские князья и вельможи носили скандинавские имена. Теперь спор между нами будет происходить только о том, каким образом эти имена были перенесены в Россию. Ломоносов выдумывает, будто варяги по прозванию русь были особым славянским племенем на южном берегу Балтийского моря, которое, будучи связано со скандинавскими варягами общением и брачными узами, таким образом усвоило от скандинавов эти имена и принесло их с собой в Россию. Чем он подкрепит эти выдумки? Свидетельствами историй — не может. Полагаю, он сошлется на вероятность, что так могло произойти; но эта вероятность, обязанная своим возникновением лишь остроумию

[1] NB. NB. Ecce Mullerus sibi dictat sententiam.

[NB. NB. Вот Миллер произносит себе приговор].

Ломоносова, совсем не существует. Мне, наоборот, кажется весьма невероятным, что столько скандинавских имен, бывших в употреблении у наших варягов, причисляется к чужим именам и что среди них нельзя указать туземные, славянские. Единственная защита гипотезы заключается в ее возможности — способ доказательства, вообще характерный для моих противников. Но как смехотворно и противно логическим правилам заключать от возможности к действительности! [1] О том, что греческие и еврейские имена были принесены в Россию вместе с христианской религией, а потому ничего здесь не доказывают, — нет надобности напоминать...

[Возражение Ломоносова]

29

Менее всего можно стерпеть то, что Байер в бредовом состоянии опрокинул основание, на котором Петр Великий установил орден св. апостола Андрея: он открыто утверждает, что св. Андрей не проповедывал евангелие в России. Жаль, что в то время не было никого, кто мог бы поднести к носу Байера химический порошок для приведения его в чувство.

[Ответ Миллера]

На 29-ое

Покойный Байер в диссертации О происхождении русских (том VIII Комментариев, стр. 390) вообще усумнился в истинности рассказа, передаваемого русскими летописями и житиями святых, о том, что русским

[1] Quod passim Mullerus facit, et ipse sibi iterum contrarius est.

[Что везде и делает Миллер и опять самому себе противоречит].

евангелие проповедывал апостол Андрей. Он рассмотрел все известные ему места отцов церкви, где идет речь о св. Андрее, и нигде не нашел подтверждения этому рассказу. Он признал очевидным скорее противное, так как святые отцы перечисляют совсем другие области, в которых св. Андрей выполнял обязанности апостола. Он не верил, чтобы сами по себе летописи, написанные спустя одиннадцать с лишним веков, обладали таким авторитетом, чтобы убедить нас в том, что противно истории. Поэтому он и разошелся с общепринятым мнением в твердой надежде на то, что это никак не может быть поставлено ему в вину, — и никто в вину этого до сих пор ему не поставил, потому что церковь никому не навязывает в качестве евангельских истин исторические сообщения, переданные в житиях святых; наоборот, во всех землях позволено смотреть на эти вещи критически и исследовать, в какой степени они основаны на бесспорной истине. Так, конечно, думали и до сих пор думают духовные лица, в течение многих лет стоявшие и до сих пор стоящие во главе церковного управления в России. Байер не написал и не издал ничего такого, чего не одобрил покойный Феофан, архиепископ Новгородский. Надо ли думать, что он не сделал бы указания автору, если бы считал недозванным судить о таких вещах? Мы читаем включенный, по распоряжению прежних патриархов и нынешнего святейшего Синода, в святейший свод

Библии рассказ св. Епифания о двенадцати апостолах — где каждый из них проповедывал евангельское учение и какой смертью умер. Рассказывается о странах, в которых св. Андрей проповедывал евангелие, но никакого упоминания о русских, никакого о Киеве, никакого — о славянах, никакого о Новгороде. „Проповеда Вифинии, Понту ^а [1] и Арусинии, Скифон и Согдаен и Горсином, проповеда же и Севастополи велицем идеже ест Полк ассирийск, и Аксарови, и Сулинни и Фарсиси, идеже живут мури, изшед даже до Еллады и в Патрех ахайских на крест распял бысть“. Скифы, объединенные с согдийцами, конечно, не могут считаться обитателями России. Затем, что стало с путешествием по Балтийскому морю и т. д. — по направлению к Риму, которое приписывают св. Андрею летописи и Миней? Следует признать, что св. Епифаний в этом с ними не согласуется. Тем не менее иерархи не колебались включить его рассказ в святую Библию; превосходное доказательство того, что они позволяют всякому думать по этому поводу то, что он считает соответствующим истине. Это мнение Байера не препятствует тому, чтобы русская церковь могла почитать св. Андрея заступником русского государства. Допустим, что он не проник в Россию. Насколько мы знаем, туда не проникал никто другой из апостолов. Андрей занимался проповедью по

[1] Нис Slavi et Russi.

[Здесь же славяне и руссы].

^а Слово Понту подчеркнуто Ломоносовым.

соседству и, возможно, посылал учеников в наши области. А если он заступник, то вот и не устраненное Байером основание, которым воспользовался Петр Великий, чтобы посвятить первый русский орден св. Андрея. То, что добавляет Ломоносов о химическом порошке, ясно показывает, что он говорит о самом себе и уверен, что, будь он в то время в Академии, Байер не осмелился бы написать ничего подобного. О, смейтесь со мной все, знавшие Байера! Неужели на вас, Ломоносов, и вам подобных посмотрел бы тот, кого горячо любили за его божественный талант и редчайшую ученость первые лица в церкви и в государстве? У него были другие судьи его трудов, и не вам с вашими указаниями было влиять на него. . .

[Возражение Ломоносова]

46

Если бы варяги-руссы говорили на скандинавском языке, то, я думаю, до сих пор существовали бы в России не только деревни, но и целые города, в которых жители говорили бы на скандинавском языке, хотя бы они были того же христианского вероисповедания, что и славяне. Племя пермяков, которое издавна слушает богослужение на славянском языке и живет вперемешку с русскими в селах и городах и со всех сторон окружено ими, тем не менее даже до сего дня сохраняет свой собственный язык. Если это бывает с подчиненным племенем, то тем более следует ожи-

дать этого у племени господствующего.

[О т в е т М и л л е р а]

На 46-ое

Если бы варяги, происшедшие от скандинавов, населяли в России целые города и села, а не были бы — о чем мы должны заключать как о бесспорном факте — рассеяны и перемешаны со славянами в их городах, то это возражение имело бы некоторую силу. Так как, однако, противник никогда не сможет доказать первого, то всякий признает все его доказательство тщетным. С племенем пермяков дело обстоит совершенно иначе. Они нигде не живут вперемешку с русскими. ^a[1] Среди них количество русских городов очень ничтожно. Мужчины вследствие сношений с русскими усваивают русский язык, но женщины, редко выходящие из своих изб, говорят только на своем собственном языке и приучают к нему детей с младенчества; поэтому язык пермяков не может так быстро исчезнуть. Впрочем, нет недостатка в примерах племен, языки которых погибли. В наше время в Сибири оставался один единственный человек из племени аринцев, который говорил на языке своего племени. Остальные, вследствие житейских и брачных связей с татарами, знали только татарский язык. Все саянские татары, соседи монголов, пользуются уже монгольским языком,

[1] Passim permixti sunt, etiam urbibus et vicis interspersi.

[Они везде перемешаны, даже примешаны в городах и селах].

^a Слова живут вперемешку с русскими подчеркнуты Ломоносовым.

а на своем языке могут сказать лишь названия чисел.

[Возражение Ломоносова]

47

В древних летописях, и особенно у Нестора, везде ясно отмечается, о племенах, не употреблявших славянского языка, что они имеют свой собственный язык, а также, если кто-нибудь, например, понимал язык печенегов. О варяжском же языке нигде не сообщается, чтобы он был совершенно отличным от славянского, но везде варяги и славяне считаются племенем одного колена.

[Ответ Миллера]

На 47-ое

У Нестора и в прочих летописях, списанных с Нестора, мы читаем замечание о различии языка только относительно тех племен, которые платят дань Русскому государству. Среди них не было места для варягов; поэтому у первого летописца, согласно его же замыслу, не было никакой причины говорить о языке варягов. Печенеги беспокоили киевлян постоянными набегами. Поэтому имело большое значение для родины, если находился кто-нибудь, знакомый с языком варваров, кого можно было бы использовать в качестве лазутчика в тяжелое время. Итак, это был вопрос большого значения, о котором первый летописец не пожелал хранить молчание. А где что-либо подобное имело место с варягами? Правда, нигде не встречается упоминания о том, что язык варягов был совершенно отличен от

славянского, но нет сообщения и о том, что это был тот же самый язык. Преп. Нестор не мог предвидеть, что по этому вопросу когда-нибудь возникнут споры. В его время всем было хорошо известно, на каком языке говорили варяги. Поэтому он счел излишним сделать какое-нибудь указание по этому поводу. Однако, где бы он ни упоминал о варягах, он тщательно отличал их от славян, так что из данной главы становится вполне ясным, что это были племена совершенно различные по своему происхождению и языку. В ответе на двадцать пятое возражение Попова я привел два места Нестора, не допускающие никакого возражения. Здесь, в качестве завершения, добавлю еще кое-что. Под годами 6367—6369 в Патриаршем списке летописи³¹ имеются следующие слова: „В царствование греческих императоров Михаила и Василия, когда патриарший престол занимал Фотий, к варягам пришли послы от новгородцев, мерян и кривичей и сказали им: Земля наша велика и обильна! Поидите владети нами! Варяги же побоялись звериного обычая и нрава этого племени, а [1] и было избрано всего три брата, которые и прибыли с новгородскими послами“. Отсюда ясно различие между нравами славян и варягов, что неизбежно влечет за собой заключение о различии происхождения этих племен. В этой

^a Слова звериного обычая и нрава этого племени подчеркнуты Ломоносовым.

[1] NB. Haec tantum exstant in corrupto Nestoris Chronico. Slavos enim etiam exteri scriptores bene moratos fuisse litteris prodiderunt.

[NB. Это имеется только в искаженной летописи Нестора.³² Ведь даже иноземные писатели передают, что славяне отличались добрыми нравами].

же летописи под 6372 годом читаем так: „Новгородцы пали духом, говоря: — Мы отдали себя в рабство, мы будем терпеть много бед от Рюрика и от его потомков“. Я не могу убедить себя в том, что они говорили бы так, если бы не считали варягов племенем, которое ничего общего с ними не имеет. Под 6388 и 6389 годами о занятии Киева Олегом говорится: „Были у них мужи, варяги и славяне; с этого времени прочие также приняли название руссов. Олег установил подати, которые должны были уплачиваться варягам славянами, мерянами, кривичами и со всей России“. Под 6415 годом: „Намереваясь совершить военное нападение на греков, пользовался войском, набранным из варягов, славян, чуди“. И таким образом Нестор везде тщательно различает варягов и славян, а это он делал — так только и можно думать — не с иной какой-нибудь целью, а лишь для того, чтобы указать и показать на примерах существовавшее между этими племенами различие.^[1] Не только варягов, но и руссов он противопоставляет славянам. По поводу отхода Олега от Константинополя он говорит, что Олег приказал руссам сплести себе паруса из конских грив и хвостов, а славянам — из крапивных волокон, что они и выполнили по его повелению. Руссы в этом месте, очевидно, то же, что варяги: ведь у варягов, которые в течение нескольких поколений жили в России, название *варяги* постепенно вышло из употребления, и его заменило название *руссы*; в последую-

[1] Ex his omni[bu]s nil nisi nominis diversitas et vitae, non linguae perspicitur.

[Из всего этого видно только то, что название и образ жизни были разные, но не язык].

щие же времена варягами назывались только те, кто вновь прибывал из заморских стран, чтобы сражаться под русскими знаменами. Нестор, под 6485 годом: Владимир, опасаясь брата Ярополка, бежал за море к варягам; под 6488 годом: восстановленный варягами, он привел составленное из этого племени войско, с помощью которого победил сначала Рогвольда полоцкого, а затем также брата Ярополка. После занятия Киева варяги с такими словами обратились к Владимиру: „Это наш город. Мы его завоевали. Поэтому мы хотим, чтобы каждый горожанин выкупил у нас свою свободу за две гривны!“. На это требование Владимир ответил так: „Подождите один месяц, пока не будет собрана дань“. Не получив ничего по прошествии месяца, они сказали, что он поступает с ними коварно, и попросили только позволить им свободно уйти в Грецию. Владимир выбрал более выдающихся из варягов — людей, отличавшихся храбростью и умом, которым он поручил управлять городами. Прочих он отпустил к грекам. Однако он посоветовал императору остерегаться их, как бы они чего-нибудь не задумали против него: это можно предотвратить, рассеяв их по провинциям. Больше всего он просил о том, чтобы император не разрешал никому из них возвратиться в Россию. Вот здесь варяги — не подданные князя Владимира, не из тех, кто пришел с Рюриком, а новые пришельцы и свободные люди, повинующиеся за плату. Вот также — откуда появились варяги,

или варанги, среди греков; сомневаюсь, чтобы у византийских писателей имелось более раннее упоминание.^[1] Отсюда понятно, что Дитмар Мерзбургский и Эггегард Урагинский (см. Комм., том IV, стр. 292) не без основания сообщают, что в Киев стеклось население преимущественно из датчан. Понятно также, почему Нестор под 6558 годом, где он описывает военный поход Владимира младшего на Константинополь, различает руссов и варягов; ни о каких славянах упоминания нет. Следовательно, под названием руссы следует понимать племя, которое, возникнув от смешения варягов со славянами, в это время приобрело тот вид, который оно сохранило впоследствии, а именно — различие, существовавшее между предками, исчезло, и разные люди соединились под одним общим именем. Варяги же, участвовавшие в походах, опять-таки — те наемные воины из датчан, норвежцев и шведов, которыми пользовался Ярослав в войне против брата Святополка, как нам сообщают и летопись Нестора, и сочинения северных писателей.

[Возражение Ломоносова]

48

Однако, чтобы кому-нибудь не показалось, что я с варягами-руссами далеко отошел от древнего племени роксоланов, я доказываю тожество того и другого следующими доводами. Варягами назывались племена, владевшие побережьем Варяжского моря, — поэтому руссы, или русь, жившие у устья реки Немана

[1] Sed quid haec ad diversitatem linguae?

[Но какое отношение это имеет к различию языка?].

(то есть Мемеля), также приняли название варягов. Они населяли не только побережье, но и большую полосу земли к югу и востоку, где они назывались просто руссами или россами.

[О т в е т М и л л е р а]

На 48-ое

На все это достаточно будет ответить сразу, напомнив читателю то, что сказано в моих ответах на IV, VI, VII и другие возражения Ломоносова по поводу мнимого переселения роксоланов на север и на его XVIII, XIX, XXXIV и многие следующие возражения — по поводу сообщений о местах жительства русских варягов в Пруссии и Курляндии. Если нельзя доказать, ни что роксоланы переселились к Балтийскому морю, ни что варяги-руссы жили в Пруссии, то легко понять тщету всего того, что противник строит на вышеуказанных гипотезах относительно, так сказать, тождества роксоланов и варягов. Но мне все-таки хочется добавить несколько замечаний против доказательств, которые впервые здесь выдвинуты. Итак, неверно, что все племена у Варяжского моря носили название варягов. Неверно, что варяги жили у устья реки Немана. Неверно, что варяги, прежде чем так зваться, носили название руссы. Неверно, что варяги, кроме морских побережий, населяли также большую полосу земли к югу и востоку.^[1] И однако это — те доказательства, с помощью которых противник силится обосновать

[1] *Quantam vim adfert haec figurata oratio argumentis Mullerianis! Sed quibus? nullis.*

[Сколько силы придает эта витиеватая речь доказательствам Миллера! Но каким доказательствам? — которых нет].

вать придуманную им гипотезу о происхождении варягов от роксоланов. Люди, сведущие в истории, согласятся со мной и признают, что я не зря объявлял все это неверным, так как из моих предыдущих ответов выясняется многое, что в случае надобности может служить к опровержению этих вымыслов. . ."

[Возражение Ломоносова]

55

Против стр. 13 диссертации, где слова: „Предки ваши, слушатели, благодаря славе своих храбрых деяний в древности назывались славянами“ и т. д.; здесь очень ясно видны противоречащие друг другу вещи, именно — слава и изгнание, чему не может быть места в такого рода диссертации.

[Ответ Миллера]

На 55-ое

Не знаю, какого рода представление об историческом писателе и об исторических рассуждениях составил себе Ломоносов, если он делает мне такие возражения, каких я, пожалуй, вообще ни от кого не слышал. Он хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью? [1] Откуда он почерпнул это правило, будто следует умалчивать

[1] *Nec panegyricum postulo, nec apertas contradictiones Slavorum genti ignominiosas tolerandas esse affirmo.*

[Я не требую панегирика, но утверждаю, что не терпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени].

о том, что не относится к славе? [1] Если бы он сказал, что следует воздерживаться от поношения и что писателю не следует писать ничего такого, что принесет бесчестие его народу у других народов, то это было бы не в полном соответствии с основным историческим законом, который предписан Цицероном (кн. II Об ораторе, стр. 368, изд. Вербурга 8°),³³ однако по нынешним обстоятельствам вполне основательно. Это — мое последнее и высшее правило и никаким способом нельзя доказать, что я его нарушил. Но ведь между славой и бесславием есть обширнейшее поле для истории, занимаемое большим количеством фактов и событий, которые могут происходить у какого-нибудь народа или рассказываться о нем. Сюда относятся — происхождение племен, по большей части довольно темное, начало государств — с малого, дикие нравы предков, несчастные войны, притеснения от соседей, пороки отдельных лиц, иногда довольно гибельные для государства, общественные бедствия и многое другое, что, по мнению историков, не имеет отношения ни к славе, ни к бесславию; об этом всем нельзя умолчать в истинном историческом повествовании, и мы читаем подобные пространные рассказы у всех известных историков о тех народах, к которым они сами принадлежали. Кто в этом сомневается, пусть прочитает из греков — Фукидида, из римлян — Ливия, из итальянцев — Муратори, из испанцев — Мариану, из французов —

[1] Deus bone! ubi hanc novam regulam a me vel scriptam vel dictam legit vel audivit? Fingit certe Mullerus, ut solet, fictaque aggreditur, quia ipsam genuinam objectionem refellere nequaquam potest. Hoc artificio passim utitur.

[Боже благий! Где он вычитал или услышал, что я написал или высказал такое необыкновенное правило? Миллер, по обыкновению, конечно, выдумывает и нападает на то, что выдумал, так как опровергнуть подлинное возражение он совершенно не в состоянии. Этой уловкой он пользуется везде].

де Ту, из англичан — Бурнета, из немцев — Маскова, из датчан — Гунтфельда, из шведов — Далина. Пусть он посмотрит, только ли они превозносят похвалами своих и не перечисляют ли они тщательно различные случаи и столько превратностей, которые, как кажется на первый взгляд, преграждают доступ к большому благоденствию, но в действительности открывают его. Пусть он обратит внимание на то, какова сила правды у тех, кто к ней стремится в такой степени, что не может нигде обойти молчанием даже вещи, действительно позорные. Кто, если только он — не Ломоносов, или Крашенинников, или Попов, или Крекшин, может вменить мне в вину то, что я упомянул об изгнании славян с берегов Дуная? Сколько племен было побеждено и прогнано более сильными. Кто когда-либо слышал хотя бы слово о том, что следует считать бесславием превратности войны, если они обернутся в несчастную сторону, и что их следует поэтому окутать покровом молчания? Если Ломоносов считает, что не подобает одновременно говорить о храбрых деяниях народа и об его изгнании, то у меня уже готова защита в ответе на второе возражение Крашенинникова; [1] можно добавить следующее: что касается первого, то я дал истолкование названия, что касается второго, — то я хотел изложить историю славян с того периода времени, когда начинается летопись преподобного Нестора. Вот слова, вписанные сюда из Патриаршего списка летописи:
„По разрушении столпа и по разде-

[1] *Nihil invenitur, quod contra hanc objectionem cl. Krasch. responsum sit directe.*

[Нет ничего, что представляло бы собой прямой ответ на это возражение славнейшего Крашенинникова].

лении язык приаши сынове Си-
мовы восточные страны, а Хамовы
сынове полуденные страны, Афе-
товы же приаши запад и полуноч-
ные страны. От тех же седми-
десяти и двою язык бысть язык
словенск от племени Афетова, на-
рицаемы норцы, еже суть словене.
По мнозех же временех сели суть
словене обапол Дунаю, идесть ныне
Угорская земля и Болгарская... Во-
лохом же нашедшим на дунайские
словены и седшим им в них и на-
силующим им, "словене ж пришед-
ше... овии на Висле реце... Тако же и
тии словене пришедше седоша по
Днепру" и т. д. . .

[Возражение Ломоносова]

57

Хотя и правда, что славяне, тес-
нимые римлянами, отступили от Ду-
ная, однако об этом можно было бы
сказать другими словами, например,
так: славянское племя, побуждаемое
любовью к свободе, отвергая рим-
ское иго, переселилось на север.

[Ответ Миллера]

На 57-ое

В какой степени эти слова рас-
ходятся с моими — предоставляю су-
дить другим. Мне кажется, что они
выражают, по меньшей мере, то же
или даже больше: если славяне воз-
вратились в свое свободное состоя-
ние благодаря переселению, следо-
вательно, раньше они были под
властью римлян. Если они ушли от
римского ига, то что же другое
это значит, как не то, что они были

порабощены?^[1] Этого я нигде не говорил и не думаю, чтобы так было. Изгнание — это мое слово — можно сказать и о свободном племени.

[Возражение Ломоносова]

58

Новгородская летопись свидетельствует, что часть славян, вследствие тесноты их страны у Дуная, переселилась к Днепру, озеру Ильмену и т. д., что также хорошо согласуется с истиной. Ведь и ныне у Дуная живет много славян, как сербы, болгары и другие.

[Ответ Миллера]

На 58-ое

Неверно, что в Новгородской летописи написано так, как хочет Ломоносов.^[2] То, что имеется в первой части о происхождении славян, приведено мною в ответе на его девятое возражение. Вторая часть — в том, что касается этого периода времени, во всем согласуется с преподобным Нестором, из которого я заимствовал и самые слова: „По инозех же временах сели суть словене по Дунаеву, где есть ныне Угорская земля и Болгарская... Волохом же нашедшим на дунайские словены и седшим им в них и насилующим им, словене же пришедше седоша овии на Висле реце“ и т. д. Если будет угодно сравнить это со

^[1] Respuens jugum, id est, subire nolens. Ergo nondum adhuc fuit servitute pressa gens Slavinorum.

[Отвергая иго, то есть — не желая его переносить. Следовательно, славянское племя до тех пор не было в порабощении].

^[2] At ego haec exstare affirmo, et ostendere possum.

[А я утверждаю, что это есть, и могу доказать].

словами преподобного Нестора, приведенными в ответе на 55-ое возражение Ломоносова, то согласие тех и других станет совершенно ясным. Соображение об остатках славян в придунайских землях также не имеет никакого значения. Ведь из истории известно, что те, кто подчинился римскому игу, остались, а прочие выселились. Спорщик, придирающийся к словам, задал бы Ломоносову вопрос, где теперь живут болгары, о которых он упоминает?..

[Возражение Ломоносова]

63

Первое основание, по которому следует опустить историю скандинавов в России, следующее: так как действительно, и это не отрицается самим Миллером, вся эта история состоит из нелепых сказок о богатырях и колдунах, наподобие наших народных рассказов вроде сказки о Бове-королевиче, поэтому кажется весьма странным, что славнейший автор, признавший лживость этих рассказов, тем не менее рассматривает их как истинные.

[Ответ Миллера]

На 63-ье

В своей диссертации на стр. 23 я сказал, что я не могу без ущерба обойти молчанием то, что дают о древнейших событиях в России датские и норвежские истории. Ведь хронологические расчеты у народов еще не таковы, чтобы не допускать сомнений; и, без сомнения, у этих

народов было то, что свойственно почти всем народам: начало истории, ввиду того, что нет писателей, современных самим событиям, повидимому, полно сказками и сочинено больше во славу своим, чем в интересах достоверности. Кто не видит, что это следует относить не ко всей истории датчан и норвежцев, но только к тому, что я перечислил в первую очередь как наиболее сомнительное? Поэтому также на стр. 25 я привел слова Ол. Верелиуса о Саксоне Грамматике,³⁴ чтобы подтвердить большим количеством доводов свое суждение по этим вопросам. Затем (стр. 38) я сравнил храбрые деяния старкадиев со сказками нашего народа, рассказываемыми, чтобы отгонять сон, что равным образом не следует распространять за пределы сравнения. Прочее — в соответствии с хронологическими соображениями, с характером народов, истории которых описываются, с авторитетом источников, из которых оно почерпнуто, — в достаточной степени достоверно и никем (как это делает Ломоносов) из сведущих в этих вопросах не относится к разряду сказок. То, что он говорит о богатырях и колдунах, — совсем пустое. Они встречаются в очень незначительном количестве, а там, где и встречаются, напр., стр. 38, — о старкадиях, — историческое суждение, мною добавленное, верно осведомляет читателя о цене, которую следует придавать этим рассказам. У каких народов, наконец, Ломоносов найдет историю древних времен, совершенно свобод-

ную от подобных рассказов? [1] Они имеются в изобилии в русских летописях, и последние на этом основании были бы лишены всякой достоверности, если бы мы пожелали усвоить Ломоносовский способ умозаключения. Не помню, чтобы я когда-нибудь слышал рассказ о королевице Бове; на основании имени подозреваю, что он, пожалуй, согласуется с северными рассказами о Бове, брате Бальтера (см. дисс., стр. 26); если бы это было так, то он еще больше иллюстрировал бы связь между обоими народами. Сведущие в этих вопросах люди никогда вполне не пренебрегают такими рассказами, — об этом ср. мой ответ на одно возражение Фишера, продиктованный 26 числа для протокола.³⁵

[1] Si ergo Scandinavicas fabulas te referre non piget; cur et Novogorodensium scripta hinc inde fabulis permixta referre non vis? Cum antiquas gentium fabulas jam hic putas non tam ignominiosum esse recensere.

[Итак, если вам не претит передавать скандинавские сказки, то почему вы не хотите передавать писания новгородцев, перемешанные со сказками, раз считаете, что не так уже зазорно пересказывать старинные сказки народов?].

[Возражение Ломоносова]

64

Кроме того, удивительно, что князей и государей, правивших в России до Рюрика, славнейший Миллер называет русскими, хотя, согласно его мнению, они таковыми не были. Это столь же несообразно, как если бы кто-нибудь пожелал именовать греческого императора Юстиниана турецким султаном — на том основании, что ныне турки господствуют в Греции. Совершенно таким же образом поступил и славнейший автор, утверждая, что до Рюрика в России не было никаких русских, но называя князей, которые были до него, — русскими государями. Таким образом, он напрасно употребил эти почтенные названия.

[Ответ Миллера]

На 64-ое

Противник злобно умолчал о том, что сказано мною об этом в диссертации на стр. 23 и 26. Он считал, что будут читаться только его возражения, а моя диссертация, отвергнутая вследствие несправедливых нареканий с его стороны и со стороны его союзников, не сможет стать известной; поэтому для него пройдет безнаказанным все, что ему вздумается наболтать против меня. Вот мои слова на стр. 23 (я говорю о норманнах-скандинавах): "... на Россию, наконец, — но почему на Россию? Ведь это название в то время совершенно не было известно, — на Австрию, Острогардию, Гардарикию, Холмгардию, Кунигардию, Гунниландию — ведь так они называли, наши земля [1] — они делали вооруженные нападения по большей части со счастливым исходом"; и на стр. 26: „Сами мы употребляем название Россия, говоря об этих ранних временах, когда оно не было еще в употреблении, не для того, чтобы делалось заключение, будто уже в тот век Россия так называлась, а для того, чтобы было понятно, о какой части земли у нас идет речь“. Эти слова вполне достаточно защищают меня от приведенного возражения Ломоносова. А сравнение с греческим императором Юстинианом никакого отношения к этому не имеет, так как все знают название империи, которой он управлял. Россия же в те древние времена, о которых идет речь, на-

[1] *Cur igitur passim his nominibus Ostrogardia etc. non est usus? Unico enim verbo declarare posses illis nominibus has terras designari.*

[Почему же, однако, вы не пользовались везде этими названиями — Острогардия и др.? Ведь вы могли бы в двух словах отметить, что эти земли обозначались этими названиями].

сколько мы знаем, не обозначалась каким-нибудь особым названием, так что, повидимому, сама необходимость предписывает нам то правило, которого я держался..

[Возражение Ломоносова]

66

Третий довод: потому что эти истории только способствуют славе скандинавов или шведов и приводятся славнейшим автором, по его словам, для того, чтобы стало ясно, что во все века скандинавы приобретали особую славу от походов на Русь.

[Ответ Миллера]

На 66-ое

Ввиду того, что Ломоносов опять считает здесь имена скандинавов и шведов за одно и то же, будет уместным перечитать то, что я указал в ответе на 24-ое возражение. Ложен в исторической науке закон, будто следует умалчивать о том, что способствует увеличению славы других народов. Но по справедливости нельзя сказать, что я привел такие факты, так как славные факты, рассказываемые о варягах, предках великого князя Рюрика, в равной мере относятся как к нам, так и к скандинавам, от которых произошли эти варяги.^[1] К чему мне пересказывать эти мои слова; они написаны на стр. 24 моей диссертации. Я просил бы сравнить их с этим возражением. Отсюда выявится новый пример недобросовестности: ко всем деяниям скандинавов в России применяется то, что следует отно-

[1] Quibus autem testibus haec Mullerus firmabit? Cur in dissertatione sua nusquam indicavit Rurici patrem, avum aut aliquem ex majoribus ejus Scandinavum? inconsulte equidem fecit, et id, in quo cardo rei vertitur, prorsus omisit. Sed nullum sane invenire potest vestigium, in Scandinavorum monumentis eorum, quae profert.

силью только к тем сомнительным событиям, которые, по преданию, происходили в первом веке до Р. Х...

[Но какими свидетелями подкрепит это Миллер? Почему он в своей диссертации нигде не указал отца Рюрика, его деда или какого-нибудь скандинава из его предков? Он поступил неразумно и вообще опустил то, что является самым важным в этом вопросе. Но, конечно, он не может найти в скандинавских памятниках никаких следов того, что он выдвигает].

[Возражение Ломоносова]

68

Пятый: слушателям будет крайне тягостно слушать о том, как племя, носившее одинаковое с ними имя, подвергалось со стороны скандинавов убийствам и грабежам, как страна опустошалась огнем и мечом и была благополучно побеждаема победоносным оружием.

[Ответ Миллера]

На 68-ое

Невежество некоторых слушателей никоим образом не может быть поставлено в упрек мне. Более разумные, читая это, сразу поймут, что речь идет не о нынешних русских, но об обитателях России, которые населяли эту землю до прихода русских и были покорены русскими, или варягами.^[1] О победоносном оружии, которым Россия была благополучно побеждаема, — в моей диссертации нет речи; если что-либо подобное встречается в русском переводе, то, я думаю, вина не падает

^[1] *Hodiernum populum Rusiacum ex antiquis incolis, qui ante adventum Varagorum fuerunt, potissimum constare ipse Mullerus fatetur in dissertatione sua: quidquid igitur ignominiae in antiquos incolas ex contemptu eorum redundat, id ipsum potissimum in hodiernum quoque populum redundat.*

[Сам Миллер признает в своей диссертации, что нынешний русский народ произошел пре-

на меня, иностранца, от чьего взора легко могут ускользнуть подобные ошибки переводчика.

имущественно от древних жителей, которые были до прихода варягов; следовательно, бесчестие, падающее на древних жителей от презрения к ним, в очень большой степени падает также на нынешний народ].

[Возражение Ломоносова]

69

Против стр. 46, где речь идет об Оскольде и Дире. Здесь славнейший Миллер в своих предположениях явно обнаруживает увлечение. Он отвергает, как упомянуто выше, доказательство, основанное на простом сходстве имен и места. Эта его строгость была бы похвальной, если бы он соблюдал ее не только при опровержении мнений противной стороны, но и в своих доказательствах. Но в этом месте славнейший автор на основании простого сходства имен Дир и Диар заключает о том, что Оскольд и Дир были не двумя, а одним князем, по имени Оскольд, а по званию Диар, что на готском языке означает судья. Обхожу молчаньем то, что все это славнейший Миллер извлек из диссертации Байера, для того чтобы вывести варягов-русов от готов; удивляюсь лишь тому, что он ради своего предположения пожертвовал вполне ясными свидетельствами Нестора, Стрийковского и других авторов. Ведь названные авторы не только различают этих двух князей, но и прямо свидетельствуют, что их могилы находятся в Киеве в разных местах. Что они жили вместе и в одно время

были убиты — совсем не удивительно, так как множество подобных примеров имеется в историях.

[О т в е т М и л л е р а]

На 69-ое

Если бы я был склонен воздавать везде равной мерой Ломоносову за его обидные выражения, то не было бы недостатка в подходящих случаях с полным правом повернуть против него все то, что он говорит обо мне, и я не думаю, что кто-нибудь поставит это в упрек мне, которого он столь несправедливо терзает.^[1] Но я предпочитаю бороться доводами, а не бранью. И так как Ломоносов не сказал здесь ничего, о чем не было бы сказано раньше, — я также вновь предлагаю ему ответ, данный Попову. а^[2]

^a Слова ответ и Попову подчеркнуты Ломоносовым.

[¹] Videant, obsecror, clarissimi Collegae, quid § 69, a me in Mullerum injuriose dictum sit. Intelligent certe vim urgentis veritatis injuriam [ad illo appellari.

[Умоляю славнейших коллег посмотреть, что в § 69 сказано мной обидного против Миллера. Они, конечно, поймут, что он называет обидою сокрушительную силу истины].

[²] Quae sana nulla est: nihil adhaec Popovio responsum, nihil mihi.

[Его конечно нет: ведь на это не было дано никакого ответа ни Попову, ни мне].

[IV]

В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК РЕПОРТ

[21 июня 1750]

В присланном ея императорского величества из Канцелярии Академии Наук вторичном ко мне указе повелено мне освидетельствовать вторично диссертацию господина профессора Миллера О начале и имени российского народа, что нет ли-де в ней чего предосудительного России. На сие я репортуя, как и прежде, по присяжной моей должности,

как прямому сыну отечества надлежит, что оной диссертации никоим образом в свет выпустить не надлежит. Ибо кроме того, что вся она основана на вымысле и на ложно приведенном во свидетельство от господина Миллера Несторовом тексте и что многие явные между собою борющиеся прекословные мнения и нескладные затеи Академии бесславие сделать могут, находятся в ней еще немало опасные рассуждения. Ибо 1) должно опасаться, чтобы не было соблазну православной российской церкви от того, что господин Миллер полагает поселение славян на Днепре и в Новгороде после времен апостольских; а церковь российская повсягодно воспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам, где и крест от него поставлен и ныне высочайшим ея величества указом строится на оном месте каменная церковь. 2) Из сего мнения не воспоследовала бы некоторая критика на премудрое учреждение Петра Великого о кавалерском ордене святого апостола Андрея. 3) Происхождение первых великих князей российских от безымянных скандинавов в противность Несторову свидетельству, который их именно от варягов-русси производит, происхождение имени российского весьма недревнее, да и то от чухонцев, в противность же ясного Несторова свидетельства; презрение российских писателей, как преподобного Нестора, и предпочитание им своих неосновательных догадок и готических басней; наконец частые над россиянами победы скандинавов с досадительными изображениями не токмо в такой речи быть недостойны, которую господину Миллеру для чести России и Академии и для побуждения российского народа на любовь к наукам сочинить было велено, но и всей России перед другими государствами предосудительны, а российским слушателям досадны и весьма несносны быть должны.

О сем репортует химии профессор

Михайло Ломоносов.

Июня 21 дня 1750 года.

4

[ЗАМЕЧАНИЯ НА 6 И 7 ГЛАВЫ
„СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ“ Г.-Ф. МИЛЛЕРА]

В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК РЕПОРТ

Присланные ко мне из Канцелярии Академии Наук две главы Сибирской истории профессора Миллера, по ордеру, от 23 дня сентября данному, свидетельствовал и приметил в ней следующие непристойности: 1) весьма много в ней вещей, печати недостойных,¹ как то, например, о пушкаре, называемом Ворошилке, который был послан для пробования рассола, и о его худых поступках весьма излишно: ибо по сему примеру всех в Сибири бывших подлых бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно других знатных дел и приключений иметь может, каково есть посольство от блаженной памяти великого государя царя Михаила Феодоровича к Золотому царю. 2) О строении церквей, а особливо тех, которые не токмо сами, но и после них построенные погорели, по моему мнению, упоминать излишно, в чем ему сказать должно, чтобы, где о церковных строениях упомянуть надлежит, употреблял пристойные термины, как то неосторожно написано, глав. 7, § 8, что будто для лучшего украшения города две церкви построены: ибо церкви строятся для приношения славословия божия и молитвы. 3) Так же и в других знатных и высоких предложениях осторожнее поступать должно и таких выговоров убегать, как (§ 23) *праздность всероссийского*

престола, вместо междуцарствования. Для сих причин надлежит, по моему мнению, сии главы дать сочинителю для исправления, чтоб вышеупомянутые излишества и им подобные другие выкинул, ибо первый том Сибирской истории² для таких мелочей подвержен был немалой критике и роптанию.

Советник Михайло Ломоносов.

1751 года октября 29 дня.

5

[НАБРОСКИ ПЛАНА РУССКОЙ ИСТОРИИ]

[I]

Прежде сомнительные времена

- Период 1. От Рурика до смерти Владимировой.
—— 2. От смерти Владимировой до Батыя.
—— 3. От Батыя до царя Иоанна В[асильевича].
—— 4. От царя Ивана В[асильевича] до Петра Вел[икого].
—— 5. От Пе[тра] В[еликого] до Е[лизаветы] П[етровны].

[II]

1. Век древний до Рурика.
2. Век от начала Рурикова владения до смерти к[нязя] Владимира.
3. Век от смерти князя Владимира до Батыя.
4. От Батыя до начала царства царя Иоанна Вас[ильевича].
5. От нач[ала] цар[ства] ц[аря] Ио[анна] В[асильевича] до смерти царя Феод[ора] Алекс[еевича].

6

ПРИМЕЧАНИЯ [НА РУКОПИСЬ „ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ“
ВОЛЬТЕРА 1757 г.]

[ПРИСТУПЛЕНИЕ]

1. Приступление. Стр. 1. В первые 18 лет нынешнего столетия никакой герой в Севере не был известен, кроме Карла второгонадесять. Геройские дела Петровы, великие предприятия и труды славны учинились еще прежде Левенгауптской и Полтавской батальи. Карл 12 показал бегством своим больше себя героя в Петре Великом задолго до 1718 года.¹

[ГЛАВА 1]

2. Гл. 1, стр. 3. Таких царей, как Петр Великий. Лучше бы было: таких императоров.

3. Гл. та ж, стран. 4. Москва нарочитый город. Москва великий город, первого рангу во всей Европе.²

4. ——— стран. 5 и далее; Санктпетербург не хорошо описан, инде мало, инде излишно. Должно сделать хорошее описание и перевесть.³ Вместить новые строения, Петергоф, Сарское Село и прочие.

5. ——— стр. 7. Земля около города Архангель[ского]— весьма новая для прочей Европы, учинилась известна в половине 16 веку. В Двинской провинции, где ныне город Архангельской, торговали датчане и другие нордские народы за тысячу лет и больше, о чем пишет Стурлезон,⁴ автор 12-ть столетия по Христе.

6. — стран. 8. Девять месяцев нет пристани к Архангельскому городу. С половины мая до Покрова Двина всегда чиста бывает, и того $4\frac{1}{2}$ месяца, и так $7\frac{1}{2}$, а часто только 7 месяцев Двина бывает неприступна.⁵

7. — стран. 9, 10. Лопари смуглы, не финского покаяния, почитают идола Юмалу. Однако лопари белокуры, больше финского облику; язык с финским, как французский с италианским сходны. Юмала по-чухонски и по-лопарски бог. Ростом лопари малы и силою слабы, затем что больше рыбою кормятся.⁶

8. — стр. 4. Москва столицею учинилась в 15 век. Однако князь Иван Данилович Калита столицу из Владимира в Москву перенес около 1320 году.⁷

9. — стр. та ж. Губернии со временем разделены будут. Губернии разделены у нас давно на провинции и уезды и на приписные города.⁸

10. — стр. та ж. Ливония всех северных земель плодоснее. Вятка и некоторые другие в севере провинции много плодоснее.⁹

11. — стр. 11. Москва стоит в великой и прекрасной долине. Москва стоит на многих горах и долинах, по котрым возвышенные и униженные стены и здания многие города представляют, которые в один соединились.

12. Просмотрев описание России, вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само. Для того советую, чтобы г. В[ольтер] описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочиненного, которое под моим смотрением скоро быть может готово. Таким образом, как оное есть, не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным. Описывает г. В[ольтер], Лапландию, самоедов, а где многолюдные, плодосные и наполненные городами княжения и провинции: Ярослав-

ская, Тферская, Володимер, Нижней и великое множество городов около Оки и других рек великих?¹⁰

13. — 27. Ола вместо Олга.¹¹

14. — 28. Петр Великий произошел по фамилии от патриарха. Правда, что так, однако не для того он был государь, что прадед был патриарх.¹²

15. — р. 30. Ливония больше доходов приносит, нежели Сибирь. Сомневаюсь.¹³

ГЛАВА 2

16. — стр. 32. Гришка согнал Бориса. Борис уморил себя ядом.

17. — стр. та ж. Три других лживых Дмитриев один за другим. Самозванцев было вдруг иногда по четыре, и не все назывались Дмитриями; но был ложный царевич Август, Лаврентей, Федор и другие.

18. — стр. 33. Сын архиерея ростовского. Экспрессия дурна. Лучше написать: сын боярина Федора Никитича Романова, который был неволею пострижен от Годунова, а потом был ростовским архиереем и наконец патриархом.¹⁴

19. — стр. 34. Сей старый человек был самодержец под сыновним именем. Правда, что с[в]. патр[иарх] Филарет имел много силы в царство г. ц. Михай[ла] Федоровича; однако и сам государь был тогда в полном возрасте, как родитель его из Польши прибыл, и мог отправлять дела государственные.

20. — стр. 35. Не написал г. В[ольтер], что прежде дарицы Авдотьи Лукьяновны женат был г. ц. М[ихаил] Ф[едорович] на княжне Марье Володимеровне Долгорукой, которая скоро после браку преставилась.

21. — стр. 37. Г. ц. Михайло Федорович не сделал никакой перемены, чем бы правление поправилось или испор-

тилось. Весьма несправедливо. Его владением Москва выстроена, искоренены самозванцы, люди собраны и все приведено в порядок.

22. — стр. 44. Петр В[еликий] родился генваря 28. В тот месяц и число преставился, а родился 30 мая.¹⁵

23. — стр. 46. Царевна Софья молодшая от первого брака. Весьма несправедливо. Число и порядок детей г. ц. Алексея Михайловича есть следующий:

1. Евдокея.	6. Алексей.	11. Федора.
2. Дмитрий.	7. Марья.	12. Симеон.
3. Марфа.	8. Анна.	13. Иван.
4. Софья.	9. Федосья.	14. Петр.
5. Екатерина.	10. Федор.	15. Наталья. ¹⁶

24. — стр. 46. Татьяна числится сестрою царевны Софьи А[лексеевны]. Однако она ей была тетка.¹⁷

25. — стр. та ж. Софья монастырь оставила. Она еще тогда не была пострижена и жила в дворце.¹⁸

ГЛАВА ТРЕТЯ

26. Вся сия глава о стрелецких бунтах не полна и весьма недостаточна. Много неисправностей. К сочинению ее можете перевести приказать мой экстракт о стрелецких бунтах.¹⁹

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

27. — р. 59. Будто П[етр] В[еликий] после брака, будучи 17 лет, жил только в роскоше, не имея никаких других прерогатив в рассуждении трона. Но известно, что 14-ти лет зачал собирать регулярное войско, других обучать и сам обучаться.

28. — стр. та ж. Les liens sérieux, etc. [законные узы брака и пр.]. Должно совсем вон выкинуть, равно как и ses débauches de table²⁰ [разгульные пиры].

29. — стр. 60. Sueur froide et convulsions, quand il fallait passer un ruisseau [холодный пот и судороги, когда нужно было переходить ручей]. Я имею примеры, что государь в детстве воды не боялся и часто ездил Москвою рекою к Савве Старожевскому с братом своим ц, И[ваном] А[лексеевичем]. На сей же странице о ботике весьма ложное известие.²¹

30. — стр. 61.

31. — В сей главе много отнято чести П[етра] В[еликого] и отдано Лефорту.²² Между тем все так коротко и недостаточно, что совсем не может ни мало служить хотя к краткой истории государевой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

32. — стр. 73. Scheremetew et Shein originaires de Prusse [Шереметев и Шеин, уроженцы Пруссии]. Здесь хочется, видно, автору, чтобы все генералы были иностранные, как и в четвертой главе потешных почти всех почитает иностранными.²³

ГЛАВА ШЕСТАЯ

33. — стр. 80. С государем в посольстве были, по моим известиям: 1) генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт, боярин Федор Алексеевич Головин, думный дьяк Прокофей Богданович Возницын. Стран. 81. Правление будто поручено было Нарышкину, Голицыну и Прозоровскому. А по моим известиям, боярину Тихону Никитичу Стрешневу и комнатному стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому.²⁴

34. — 85. Г. В[ольтер] здесь пропустил описание опасности П[етру] В[еликому] в переезде через Двину льдом.

35. — стр. та ж. Prince d'Arménie. Я отроду не слышал, чтобы где был принц армянский. Разве грузинский.²⁵

36. — стр. 106. Вдовые попы перестают быть попами. Неправда.

37. — стр. та ж. Ce réglement a été aboli depuis lui [это правило было с его времени уничтожено]. Также неправда, затем что и поныне пострижение имеет свои пределы.

38. — стр. 107. Трех школ духовных учреждения при П[етре] В[еликом] не было, а в Спасском монастыре школу основал ц. Феодор Алексеевич. Также три поста государь не уничтожил, а дал только волю.

ГЛАВА 8

39. — стр. 16. Нарва, маленький город. Мне кажется, мало сказано.

40^a. — Вся сия глава описана несправедливо и коротко очень.²⁶ Многие полки возвратились с военною честью и военную казну почти всю вынесли в карманах, которую в Новгороде перед Софейским собором в ящики высыпали.

NB. Многие российские имена написаны несправно.²⁷ Однако можно тогда исправить, как печатать станут, или и прежде.

^a В подлиннике 30.

7

[ОПИСАНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ БУНТОВ
И ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ]

MEMOIRE SUR LA PREMIERE REVOLTE DES STRÉLITZ
en 1682

Le chagrin, que causa au tsar Fedor Alexéewitsch la mort de sa premiere épouse Agafia ou Agathe Simeonowna et celle de son fils le tsarewitsch Elie Feodorowitsch, prit beaucoup sur sa santé. Son ministre favori étoit alors Jasikow. Le tsar lui déclara, que vu la foiblesse de sa santé, et voulant prévenir des accidents, qui pourroient troubler la tranquillité de l'Etat, en cas, qu'il vint à mourir, il étoit dans le dessein de nommer son frere Pierre Alexéewitsch pour successeur au trone.

Jasykow lui représenta, que le prince Jean Alexéewitsch étant du même lit, que lui, et l'ainé de Pierre, il devenoit son héritier naturel. Le tsar lui objecta la complexion trop foible du prince Jean, ajoutant que Pierre au contraire étoit d'une constitution robuste; que la providence lui avoit accordé en outre des talens particuliers, et qu'ainsi il étoit plus digne de lui succeder.

Le favori par ressentiment de quelques demêlés, qu'il avoit eû avec les Narischkins, fit tout son possible pour éloigner le prince Pierre du trone. Il conseilla même au tsar de se rémarier sans délai, pour donner des successeurs à l'Empire. Je me suis entretenu plusieurs fois, ajouta-t-il, avec les medecins touchant vôtre santé; tous m'ont repondu, que dans peu vous serés rétabli entierement, et que vous vivrés encor longtems.

Le tsar entraîné par les conseils de Jasykow se rémaria avec Marfa Matfewna de la famille d'Apraxin, mais peu après sa maladie empira, et il mourut le 27 d'Avril de l'année 1682. Deux jours avant sa mort les strélitz, maltraités par leurs colonels, qui les employoient à toutes sortes de travaux, ne les en dispensoient même les jours de fêtes et leur retranchoient leur paye sous différents prétextes, présentèrent une requête au tsar, dans laquelle ils demandèrent, qu'on les satisfît sur toutes leurs plaintes. Ils choisirent un de leurs camarades pour la porter au bureau des strélitz. Le doumnoi dworänin, ou conseiller de la chancellerie, Paul Petrowitsch Jasykow, la reçut, leur promit d'en faire rapport au knés Juria Alexéewitsch Dolgoroukoi, chef du même bureau, et que le lendemain ils auroient réponse.

Jasykow se rendit d'abord chez le knés Dolgoroukoi, mais il ne lui exposa pas la chose comme elle étoit. Il lui dit, qu'un strélitz yvre étoit venu lui remettre la requête, et qu'il avoit même parlé du knés dans des termes peu respectueux. Le knés Dolgoroukoi répondit, que si le strélitz étoit yvre, il falloit le faire punir de la knout le lendemain devant le corps de garde, pour donner exemple aux autres strélitz.

Le même strélitz retourna au bureau le jour après pour s'informer de l'effet, qu'avoit produit la requête, qu'il avoit présentée au nom de tous ses camarades. On lui répondit, que sa majesté tsarienne avoit ordonné de le punir de sa mutinerie, et de lui faire donner le knout, afin de statuer un exemple pour tous les autres. Deux archers, accompagnés du boureau, le conduisirent à l'endroit, où l'exécution devoit se faire. Pendant qu'il se déshabilloit pour subir le chatiment prescrit par la sentence, il s'écria aux autres strélitz: „Ce n'est que de votre aveu et de votre consentement, que j'ai présenté la requête, comment pouvés vous donc permettre, qu'on me fasse cet affront!“

Quelques strélitz accoururent d'abord et delivrèrent leur camarade après avoir maltraité les archers et le boureau.

Le diak ou secretaire, qui étoit présent, et qui par bonheur pour lui n'étoit pas descendu de cheval, s'enfuit à toute bride, et courût donner avis au conseiller de la chancellerie de ce qui venoit se passer.

Les strélitz de ce régiment, qui étoit celui du colonel Semen Gribojedoff, furent extrêmement courroucés de cette affaire. Ils s'assemblerent la même nuit et le lendemain matin, inviterent les strélitz des autres régiments à faire cause commune avec eux et s'informerent, quels étoient les autres colonels, qui fournissoient les mêmes sujets de plainte.

De vingt colonels, qui commandoient alors 22 000 strélitz, ils s'en trouva neuf de coupables. Les strélitz formerent alors la résolution de se faire rendre justice contre leurs colonels, ou de les massacrer tous.

Le lendemain 27 Avril le tsar Feodor Alexéewitsch mourut à 4 heures après midi.

Les strélitz furent sommés sur le champ de se rendre tous au Kreml, pour prêter serment au tsar Pierre déclaré successeur preferablement à son frere aîné Iwan Alexéewitsch, que sa santé foible, la difficulté de parler, et d'autres infirmités avoient exclus du trone. Ils le firent de bonne grace, et retournerent ensuite chez eux. L'enterrement du tsar se fit le 28 et les strélitz se tinrent tranquilles tout ce jour là; mais le 29 ils se rendirent en foule au Kreml pour demander au nouveau tsar, que les neuf colonels, qu'ils nommerent, fussent arrêtés en leur présence, qu'on les obligéât de rendre l'argent, qu'ils leur avoient extorqué, et de payer les travaux, qu'ils avoient faits pour eux, dont ils donnerent un état; que si on leur refusoit la satisfaction, qu'ils demandoient, ils se la procure-roient eux mêmes, qu'ils massacreroient leurs colonels, pilleroient leurs maisons, et trouveroient par là de quoi se dedom-mager. Ils menacerent de ne point s'en tenir là, et d'étendre leur ressentiment sur plusieurs autres traitres, ajoutant, qu'il pourroit même couter la vie à des boyars, qu'ils nommerent pour la pluspart, et qui avoient pour lors le plus d'autorité;

qu'enfin ils ne pouvoient plus supporter la tyrannie de leurs colonels et la mauvaise administration des traitres, qui abusoient de la confiance de sa majesté.

Un discours aussi hardi intimida la cour. On ordonna d'arrêter les neuf colonels accusés par les strélitz. Ils furent tous pris en deux jours et gardés dans la Pricase, ou bureau des reutres. Les strélitz firent beaucoup d'instances, pour qu'on les remit entre leurs mains, et qu'ils regleroient bientôt leur compte avec eux; mais on leur refusa leur demande. En revanche on les assura, que sa majesté tsarienne leur feroit rendre justice de façon à en être satisfaits. Cependant ils ne se contenterent point de cette promesse, et pretendirent absolument l'extradition de leurs colonels.

Enfin quelques boyars, aimés des strélitz, et plusieurs évêques, pour lesquels ils ne temoignerent pourtant pas trop de déference, reglerent cette affaire d'une maniere, dont les strélitz parurent satisfaits. Les colonels furent condamnés à leur payer leurs pretensions suivant le compte, qu'ils en avoient donné, et ils furent démis de leurs charges. On promit en même temps de mettre d'autres chefs à leurs places, dont ils seroient contents. Les strélitz prétendoient, qu'il falloit faire donner le knout à leurs colonels, qui les avoient maltraités très souvent d'une façon impitoyable.

Mais cette punition fut mitigée. On leur donna les battogues, ce qui s'exécuta le 1 et le 2 de May sur la place publique devant le bureau des reutres. On deshabilla les colonels jus qu'à la chemyse et après les avoir couchés sur le ventre, deux hommes les battirent sur le dos avec de petites baguettes, tout aussi longtems, jusqu'à ce que les strélitz temoignerent, que c'étoit asses. Parmi les colonels il y en avoient quelques uns, contre lesquels les strélitz étoient le plus animés, et auxquels on fut obligé de reiterer le même chatiment jusqu'à trois reprises. Ceux que les strélitz hayssoiient le moins, furent épargnés, et reçurent moins de coups. Tout cela se faisoit selon leur bon plaisir, et personne n'osoit les contredire.

Après cette exécution les strélitz remercièrent sa majesté de la bonne justice, qu'on leur avoit rendue, et les colonels apportèrent l'argent, qu'ils devoient payer. Quelques uns furent obligés de donner jusqu'à 2000 roubles et plus. Ceux qui furent les plus prompts à s'acquitter du payement, furent les premiers remis en liberté. Les autres qui furent plus lents, reçurent tous les jours pendant deux heures de suite des coups de baton sur les jambes, et cela dura jusqu'à ce qu'ils eussent payé. Tout fut acquité dans huit jours. Les colonels furent relachés en suite et démis de leurs charges, après quoi ils se retirèrent sur leurs terres.

La condescendance, qu'on eut pour les strélitz, ne pouvoit pas manquer d'être suivie de bien des inconveniens. Ils faisoient entendre continuellement dans leurs discours que le choix du nouveau tsar n'avoit pas été fait dans les regles, qu'ils ne pouvoient pas croire, que le prince aîné Iwan Alexéewitsch fût incapable de regner à cause des infirmités, qu'on lui attribuoit, et encor moins qu'il eût refusé lui même d'accepter la couronne, que c'étoit l'ouvrage de quelques traitres, dont les principaux étoient les Narischkins, pere et frere de la tsarine douairiere, mere de Pierre I, agé alors de dix ans. Ils disoient même ouvertement, qu'ils ne vouloient pas se laisser gouverner par les Narischkins, et par Artemon Sergeewitsch Matféew, qui devoit revenir de son exil, et qu'ils les tueroient plus tôt tous.

La princesse Sophie ne pouvant souffrir que son frere Iwan fut exclus du trone, eut soin de fomenter par ses créatures cet esprit de sédition parmi les strélitz. Elle crut néanmoins devoir employer d'abord les voyes les moins violentes pour parvenir à son but. Elle convoqua pour cet effet chez elle les princesses du sang, le patriarche, le haut clergé, les boyars, les généraux, la noblesse, et les marchands du premier ordre. Elle représenta à cette assemblée, que le prince Jean par son droit d'ainesse devoit necessairement monter sur le trone, et que c'étoit même le seul moyen de prévenir des troubles et des guerres civiles. Tous les regiments des strélitz, ajouta-t-elle, souhaitent de voir sur le trone le prince Jean, qui est beaucoup plus agé que

le prince Pierre, lequel étant encor dans l'enfance, n'est point capable de gouverner l'Etat. Les vues de la princesse Sophie en tout cela étoient de se voir à la tête des affaires, dont elle ne manqueroit pas de se saisir à cause de son ascendant sur l'esprit du tsar Jean et de la foiblesse de la santé de ce prince. L'ame de toute cette intrigue étoit le boyar Iwan Michailowitsch Miloslavski, homme fin et rusé, et proche parent de Sophie du côté de sa mère.

Le patriarche exposa à la princesse les motifs, qui avoient engagé le tsar Feodor Alexéwitsch à préférer le prince Pierre; mais elle lui repondit, que cela ne suffisoit pas, qu'il falloit demander l'avis des strélitz, et du peuple, et s'en rapporter, à leur volonté. Le patriarche et le clergé répondirent, que le prince Pierre ayant déjà été nommé au trone, et reconnu souverain, ils n'avoient pas le pouvoir de le détroner.

La princesse désespérant de pouvoir faire donner l'exclusion à Pierre pria, qu'on lui associat au moins son frere Jean. Le patriarche répartit, que l'administration de plusieurs étoit sujette à bien des inconvenients, qu'il ne devoit y avoir, qu'un seul tsar, et que dieu le vouloit ainsi. Après quoi il fit une révérence, et sortit de l'assemblée.

La princesse envoya sur le champ Miloslavskoi implorer le secours des strélitz, pour faire monter le prince Jean Alexéwitsch sur le trone. Elle leur fit promettre une augmentation de paye et d'autres gratifications.

Miloslavskoi parvint par ses intrigues à mettre entierement les strélitz dans les intéréts de la princesse. Mais comme il devoit appréhender, que l'entreprise ne reussît pas suivant ses voeux, il affecta une maladie et prit toutes les precautions possibles pour se mettre hors de soupçon. Trois courtisans—Alexandre Miloslavskoi et deux freres Tolstoi—ainsi que deux colonels des strélitz Ziegler et Oserow, conduisirent en attendant toute cette trame et convinrent secrettement avec les strélitz de ce qu'ils devoient faire. Sur ces entrefaites le boyar Iwan Maximowitsch Jasykow, qui avoit été favori du feu tsar Feodor Alexée-

witsch, et Alexei Timofejewitsch Likatschow furent privés de leurs emplois. Le premier étoit grand chambellan, et le second trésorier. Il leur fût défendu de paroître en présence du nouveau tsar: mais on leur permit de voir la jeune tsarine douairiere. Le fils aîné de Narischkin, jeune homme de 23 ans, fût nommé boyar, et grand maître d'artillerie. Bien de personnes pensoient que cette charge ne convenoit point à son age. L'autre frere Afonassei ou Athanase Kirilowitsch, agé d'environ vingt ans eût l'emploi de komnatnoi stolnick auprès du tsar Pierre Alexéewitsch.

Ces dispositions augmenterent les murmures des strélitz prévenus d'ailleurs par la princesse Sophie contre la famille des Narischkins.

Le boyar Artemon Sergéewitsch Matféeff au retour de son exil, s'étoit arrêté dans le voisinage de Moscou. Il n'avoit pas grande envie d'entrer dans la ville, avant d'être assuré, que les esprits aigris commençoient à se radoucir. Mais comme ce seigneur étoit aussi respectable par son age, que par son expérience consommée dans les affaires tant politiques que militaires, on jugea sa présence absolument nécessaire dans cette crise. Sa majesté envoya au devant de lui un de ses propres carosses, dans lequel il arriva en ville le 11 de May, et se rendit dans sa maison, qui avoit été préparée pour le recevoir. Le lendemain il alla à la cour et y fut reçu avec toute la distinction possible tant de la part du tsar Pierre I, et de la tsarine sa mere que par tous les seigneurs de la cour.

Le titre de boyar lui fut d'abord rendu, de même que toutes ses terres et ses domestiques qui s'étoient engagés pendant son exil au service d'autres maîtres. Le 12, le 13 et le 14 sa maison ne desemplit point d'une foule de personnes, qui s'empressoient de lui marquer leur joie de son retour. On lui envoya de tous côtés des provisions pour sa maison. Quelques strélitz même allerent lui présenter au nom de tous leurs camarades du pain et du sel, comme c'est la coutume, quand quelqu'un arrive, ou entre dans une nouvelle maison. Il n'est gueres possible d'exprimer, avec quelle politesse et quelle soumission

melée de larmes il recevoit et embrassoit ceux, qui lui faisoient visite. Il n'y avoit pas jusqu'à ceux, qui n'étoient point de ses amis, qui ne se réjouissoient de son retour. Ils esperoient, que sa présence dissiperoit les troubles, que l'on appréhendoit de la part des strélitz.

Ce seigneur n'approuva point à son arrivée à Moscou l'élevation subite des fils de Narischkin, et surtout celle de l'ainé à une si haute dignité. Il trouva, qu'il étoit d'une consequence très dangereuse d'avoir accordé aux strélitz tant de pouvoir sur leurs colonels, connoissant trop bien leur esprit toujours disposé à la mutinerie et à la revolte, comme la suite ne le prouva que trop.

Après l'arrivée de Matféew les strélitz ne s'entretenoient que de délibérations formées dans le conseil des boyars pour se saisir des auteurs de ce qu'ils appeloient entre eux la bonne action, de les punir de mort, et de disperser la plupart des autres dans des garnisons éloignées. L'indiscrétion d'Iwan Kirilowitsch Narischkin acheva d'aigrir les esprits. C'étoit un jeune étourdi qui ne ménagoit pas même les seigneurs les plus agés. Il en tiroit souvent quelques uns par la barbe, ce qui dans ce tems là étoit l'affront le plus sensible. Aussi plusieurs d'entre eux s'en plaignirent-ils dans leurs conversations avec les strélitz.

Le dimanche 14 May et le jour suivant les strélitz disoient publiquement, qu'Iwan Kirilowitsch, étant entré dans la garde-robe, s'étoit revêtu de la robe du tsar, et que s'étant assis sur le trone, il avoit dit, que la couronne ne sieoit à personne si bien qu'à lui; que la jeune tsarine douairiere, et la princesse Sophie lui ayant fait des reproches de son insolence, il en étoit devenu furieux au point, que s'étant levé tout d'un coup de sa chaise, il s'étoit jetté sur le prince Iwan pour l'étouffer, et que les gardes de la porte accourues aux cris des princesses l'en avoient seules empêché. Tout cela n'étoit cependant que des faux bruits, qu'on faisoit répandre à dessein de rendre les Narischkins plus odieux au peuple.

Le Lundi 15/26-me de May, pendant que les boyars étoient encor assemblés au conseil, on entendit tout à coup un strélitz, qui étoit de garde au palais devant l'appartement du tsar crier à haute voix, qu'Iwan Narischkin vouloit étouffer le prince Iwan Alexéewitsch. Sur le champ on cria aux armes. Quelques uns coururent pour sonner le tocsin. La plupart des strélitz, qui étoient dans le Kreml coururent au palais, d'autres occupèrent les portes, et ne laisserent sortir personne. Les courtisans qui étoient de service, et dont quelques uns ne venoient que de s'éveiller, tacherent de se sauver comme ils purent. D'autres se cachèrent ça et là. Plusieurs carosses des seigneurs, qui devoient être la victime de la fureur des seditieux, furent hachés en pieces, et les chevaux estropiés. En attendant Pierre Tolstoi émissaire de Miloslavskoi parcourut à cheval tous les quartiers de la ville ou demeuroient les strélitz criant à haute voix, que les Narischkins avoient étouffés le prince Jean, et que les strélitz devoient se rendre en diligence au Kreml. Ceux-ci deja préparés n'attendoient que le signal. Ils coururent donc comme des forcenés au Kreml avec leurs armes, drapeaux déployés et menant du canon avec eux. Lorsqu'ils furent arrivés devant le palais, ils s'écrierent tous: „Donnés nous les traîtres Narischkins, qui ont étouffé le prince Iwan Alexéewitsch, ou nous massacrerons tout le monde“.

Les boyars knés Michel Jurjewitsch Dolgoroukoi, chef du bureau des strélitz, et Artemon Sergeewitsch Matféew allerent sur le grand escalier, et assurerent les strélitz, que le prince Iwan Alexéewitsch étoit en bonne santé, et qu'il alloit sortir à l'instant pour se montrer. Cela les tranquillisa un peu. Cependant la princesse avoit ordonné de distribuer aux revoltés quelques tonneaux d'eau de vie sous pretexte de les apaiser. La tsarine Natalia Kirilowna sur les instances des boyars parut avec les princes sur le grand escalier, accompagnée de la princesse Sophie, ce qui deconcerta entierement les rébelles. Plusieurs d'entre eux monterent sur l'escalier et demanderent au prince Iwan s'il l'étoit veritablement. Quand il les en eût assurés, ils

s'écrierent tous: „Vous serés notre tsar et perissent tous les traitres!“ Ils exigèrent en même temps, que le tsar Pierre rémit le sceptre à son frere aîné, ce qu'il fut obligé de faire. Après cela ils s'écrierent derechef: „Remettés entre nos mains les traitres, et principalement les Narischkins pour les exterminer tous, et qu'on enferme dans un couvent la tsarine Natalia Kirilowna; nous defendrons jusqu'à la derniere goutte de sang nôtre tsar Iwan Alexéewitsch et nôtre prince Pierre Alexéewitsch“. Le knés Dolgoroukoi et le boyar Artemon Matféew sortirent pour la seconde fois; et le premier ayant descendu le grand escalier, parla aux strélitz avec douceur et tacha de les faire rentrer dans leur devoir, les assurant qu'on auroit soin de les satisfaire en tout.

La princesse Sophie, craignant l'effet des persuasions de ce seigneur, les fit avertir sur le champ, que s'ils ne massacroient pas le jour même les personnes dont les noms étoient écrits sur la liste, qu'on leur rémit, ils le seroient eux mêmes le lendemain.

Cet avis mit les strélitz en fureur et ils ne voulurent plus rien écouter. Ils se saisirent du knés Dolgoroukoi, et après de Matféew et les jetterent tous deux du haut de l'escalier. Les autres strélitz les reçurent sur leurs piques, et après les avoir tués, ils trainerent leurs corps nus sur la grande place devant le Kreml.

A peine cette premiere scene tragique fut elle finie, qu'ils crierent de nouveau, qu'on leur remît aussi les autres traitres, dont le nombre suivant leur liste devoit monter à 40. Comme personne ne paroissoit, ils entrerent eux mêmes dans les appartements intérieurs et dans les eglises, oubliant le respect dû aux tsars, ainsi qu'aux tsarines douairieres et aux princesses. Ils y trouverent le second fils de Narischkin, Afanassei Kirilowitsch. Ils le trainerent par les cheveux jusqu'au grand escalier, et le jetterent sur les piques de leur camarades, qui le massacrerent comme les deux premiers, et trainerent son corps sur la place, ou étoient les autres.

Le doumnoi diack Lariwon Iwanow, et son fils Wassili, que les strélitz trouverent aussi dans une eglise, eurent le même sort.

Pendant que les strélitz, qui étoient en bas, crioient sans cesse: „Vivent notre tsar Iwan Alexéewitsch, et notre prince Pierre Alexéewitsch, et périssent tous les traitres!“ ceux qui étoient sur l'escalier continuoient à demander l'extradition d'Iwan Kirilowitsch Narischkin.

Dans ces entrefaites Fedor Petrowitsch Soltikoff, jeune seigneur, dont le pere Pierre Michailowitsch Soltikoff étoit fort aimé des strélitz, perdit la vie innocemment. Les strélitz demandant continuellement Iwan Kirilowitsch, et voyant par derriere un jeune homme, qui se pressoit d'entrer dans une eglise, s'ecrierent d'abord: „Voila Iwan Narischkin!“ Il le saisirent incontinent, et comme il ne pouvoit pas se faire connoître sur le champ à cause de la grande frayeur, dont il étoit agité, ils le jetterent en bas de l'escalier, le tuerent et trainerent son corps auprès des autres. Ayant ensuite remarqué leur méprise, ils porterent le corps dans la maison de son pere, qui étoit pour lors malade, et lui firent leurs excuses. Le pere ne leur repondit autre chose si non, que c'étoit la volonté de Dieu et fit regaler les porteurs d'eau de vie et de biere.

Le général knés Grigorey Grigoriéwitsch Romodanofski fut trouvé bientôt après, et expédié comme les autres. On épargna son fils, peut être parce qu'il n'étoit pas sur la liste, ou comme disoient les strélitz, en considération de ce qu'il avoit été vingt ans en esclavage chez les Tatares de la Crimée.

Avant que la nuit survînt, le vieux boyar knés Juria Alexéewitsch Dolgoroukoi fut encor sacrifié à la rage des strélitz. Ce seigneur voulant retourner à sa maison vit son carosse entouré par les strélitz, qui s'offrirent de le conduire chez lui, l'assurant que leur premiere intention n'avoit pas été de tuer son fils; mais qu'il leur avoit parlé avec trop de dureté, et qu'il s'étoit joint à Artemon Matféew pour les punir, ils s'étoient portés à cette action dans un premier moment de fureur, et qu'ils lui en demandoient pardon. Il n'osa leur dire autre chose si non que c'étoit la volonté de Dieu. Les strélitz le conduisirent très respectueusement jusques chés lui, ou il leur fit donner

de l'eau de vie, et de la biere à discrétion. Quand ils eurent assés bû, ils le remercièrent et prirent congé de lui. La femme de son fils entra en même tems fondant en larmes, et deplorant la perte de son époux. Le viellard lui répondit par un proverbe, quoiqu'on ait mangé le brochet, les dents en restent encor. Un strélitz, qui s'étoit arreté dans le vestibule ayant entendu cela, rappella les camarades et leur dit: „Ecoutés mes freres, il nous menace encor“. Sur cela ils rentrerent comme des furieux, se saisirent du viellard, et l'ayant trainé par les mains et par les pieds devant la porte de sa maison, ils l'y tuerent, lui couperent les mains et les pieds, et laisserent son corps dans la boue au milieu de la rue.

La moitié des strélitz resterent dans le palais pendant la nuit, les autres garderent les portes de la ville, et quelques uns allerent chercher les victimes spécifiées sur la liste. Ils fouillerent leurs maisons de même que celles de leurs voisins.

Ils se donnerent surtout toutes les peines imaginables pour trouver un certain medecin, nommé Daniel von Gade, qui avoit été premier medecin du tsar Feodor Alexéewitsch. Les strélitz l'accusoient d'avoir empoisonné le tsar. Les voisins de ce medecin essayèrent bien des avanies par les recherches, qu'on fit de sa persone. Plusieurs strélitz entrerent l'un après l'autre dans la maison de son collegue nommé Goutmensch. Toutes fois ils ne lui firent pas le moindre mal pour lors. Lors qu'ils revinrent la seconde fois pour le chercher, le pauvre homme effrayé, et croyant qu'on venoit le prendre lui même, voulut se cacher sous le toit. Les strélitz ayant trouvé l'emmenèrent avec eux disant: „Tu as été grand ami de Daniel, il faut que tu l'ais caché quelque part. Nous te garderons aussi long tems, qu'il soit retrouvé“. Ils se saisirent aussi de la femme de Daniel, et donnerent Goutmensch à garder à quelques strélitz, qui étoient sur le grand escalier, d'ou l'on avoit jetté les seigneurs massacrés. Ils eurent néanmoins assés de condescendance pour permettre que la femme du docteur Daniel, qui étoit enceinte, fut gardée dans une petite chambre separée.

On les menaçait tous les deux de les faire mourir si on ne retrouvoit pas le docteur Daniel.

Le 16/27 au matin les strélitz s'assemblerent de nouveau au Kreml et ne laisserent de leurs camarades qu'autant qu'il en falloit pour la garde des portes. Les plus hardis d'entre eux penetrerent dans les appartements intérieurs pour chercher les Narischkins. Ne les trouvant pas, ils massacrerent premierement le boyar Iwan Maximovitsch Jasykof et le doumnoi diak ou secretaire d'Etat Awerkei Kirilof, ainsi qu'un colonel russe Grigorei Gorouschkin, qu'ils avoient tirés de leurs maisons ou ils s'étoient cachés. Ils les conduisirent au chateau, jusqu'à ce que tous les strélitz fussent assemblés. Ces pauvres victimes, dont on ne vouloit point entendre la justification, furent jettées comme les autres du haut de l'escalier sur les piques et les pertuisanes des strélitz, qui se tenoient en bas. Leurs corps nuds furent après trainés hors du Kreml et jettés auprès de ceux que l'on avoit massacrés le jour précédent. Une heure après on aprit qu'on avoit trouvé dans la rue le fils du docteur Daniel travesti. Personne n'avoit pas voulu le recevoir dans la crainte d'un traitement pareil. Les strélitz lui demanderent où étoit son pere. Il leur répondit qu'il ne le savoit pas, sur quoi ils l'expedierent comme les autres, en le jettant du haut de l'escalier. Le docteur Goutmensch fut massacré de la même façon, et l'on ne voulut point écouter les preuves de son innocence. Les strélitz se contenterent de lui dire que puisqu'on n'avoit pas trouvé Daniel, il falloit qu'il payât pour lui, qu'il avoit merité ce sort, puis qu'il avoit préparé les medicaments, qui avoient donné la mort au tsar Feodor Alexéewitsch. On voulut traiter de même la femme du docteur Daniel. La jeune tsarine douairiere pour laquelle ils avoient encor quelques égards interceda pour elle, et lui sauva la vie. Il y auroit eü pourtant plus de difficultés à arracher de leur mains cette pauvre femme sans le bruit qui se répandit qu'on avoit saisi un Narischkin, jeune homme de 20 ans et cousin des autres, que l'on fit mourir sur le champ. Un colonel nommé André

Doctorof du nombre de ceux contre lesquels ils avoient porté leurs plaintes et qu'on avoit trouvé sous l'autel dans une église, eut le même sort. Après midi on traina encor quelques ecrivains sur la grande place, et on leur fit subir le même supplice. C'est ainsi que finit ce jour. Cependant on avoit cherché avec beaucoup de soin pendant toute la journée ainsi que la nuit suivante le medecin Daniel et Iwan Kirilowitsch Narischkin. Quant à Kirila Polieuctowitsch Narischkin, pere de la tsarine, on parvint enfin à disposer les strélitz de lui laisser la vie, mais il fut obligé de se faire d'abord moine et on l'envoya dans un couvent éloigné. On accorda pareillement la vie à ses trois plus jeunes fils qui profitant de cette disposition des strélitz s'éloignerent de Moscou sans perdre un seul instant.

Le matin du 17/28 May on apprit de la Slabodde, fauxbourg, ou demeuroient la plus part des officiers Allemands, que le medecin Daniel y avoit été pris la nuit précédente en habit de mendiant; qu'il s'étoit caché deux jours et deux nuits dans le bois et dans les environs, mais qu'à la fin ne pouvant plus supporter la faim, il étoit entré dans la Slabodde, pour demander à manger a quelqu'une de ses connoissances; qu'il avoit été reconnu et arrêté par quelques strélitz. Cette trouvaille causa beaucoup de joye aux strélitz. Ils envoyerent sur le champ une troupe de leurs camarades qui le conduisirent de la Slabodde au Kreml devant les appartements des tsars, garotté et en habit de mendiant, ayant un sac à coté et des souliers attachés sur le pied avec de l'écorce d'arbre. La princesse Sophie et la jeune tsarine douairiere sortirent d'abord et prièrent qu'on accordât la vie au medecin. Elles le declarerent innocent de la mort du tsar Feodor Alexéewitsch, assurant qu'il avoit premierement goûté lui même tous les remedes préparés pour sa majesté, et que la tsarine ainsi que la princesse avoient fait la même chose. Tout cela ne fut point capable de faire changer de sentiment aux strélitz. Ils s'écrierent qu'il avoit non seulement empoisonné le tsar, mais qu'il étoit sorcier; qu'ils avoient trouvé dans sa maison un certain animal de mer à plusieurs

pieds (polype), ainsi que des peaux de serpents dont il se servoit dans ses sortilèges, et que par cette raison seule, il meritoit la mort. Ils ajouterent même avec brutalité: „Nous savons qu'Iwan Kirilowitsch Narischkin est caché chez vous; si vous le remettez entre nos mains, nous serons satisfaits, et nous cesserons toute poursuite ulterieure, comptant bien que sa majesté fera punir par la main du boureau ceux qui sont encor marqués sur notre liste, et qui se sont évadés. Nous retournerons même chez nous pourvû que l'on nous accorde une amnésie générale et que l'on ne nous traite pas comme rebelles pour ce qui vient de se passer“.

Toutes leurs demandes leur furent accordées, mais lorsqu'on voulut les prier de ne point ôter la vie à Iwan Kirilowitsch Narischkin et au medecin, ils se boucherent d'abord les oreilles, et répéterent sans cesse: „Nous savons qu'Iwan Narischkin est caché chez vous, rendés le de bon gré, ou nous ferons tant de perquisitions que nous le trouverons enfin; alors les choses pourroient aller encor plus mal; il suffit que nous avons accordé la vie au vieux Narischkin, et à ses trois plus jeunes fils; quant à Iwan Kirilowitsch, il faut absolument qu'il meure par nos mains.“ On les pria de prendre patience quelque tems. La jeune tsarine douairiere et la princesse Sophie sortirent encor une fois, et intercederent pour Narischkin. On fit même venir un metropolitain avec l'image de la s. vierge pour tacher de flechir ces barbares, mais ce fut envain.

Enfin l'ainée des tsarines douairieres ayant fait administrer à son frere Iwan le saint sacrement et l'extrême onction, sortit avec lui. Il se tenoit derriere elle et la sainte image, que le metropolitain portoit. Les deux tsarines, que la princesse Sophie imitoit par affectation, se mirent à genoux et supplierent les strélitz de laisser la vie à Iwan Narischkin; mais ces demarches humiliantes n'aboutirent à rien. Un de ces barbares perdant tout respect pour les tsarines monta l'escalier, et après avoir pris Iwan Narischkin par les cheveux l'arracha par force des mains des tsarines, et le traina en bas de l'escalier. On

le conduisit après avec le medecin Daniel à un endroit situé à l'extrémité du Kreml pour les appliquer tous les deux à la question, rigueur qu'ils n'avoient point encor exercée envers aucun de ceux qu'ils avoient massacrés. Ce fut un raffinement de cruauté de leur part pour leur rendre la mort plus douloureuse. Iwan Narischkin fut appliqué le premier à la torture et malgré qu'on le tourmentât d'une façon affreuse, il ne repondit pas un seul mot. Quelques strélitz le trainerent ensuite sur la grande place devant le Kreml, ou l'on le hacha en pieces, et l'on mit sa tête, ses pieds et ses mains sur des pointes de fer. Le medecin Daniel fut appliqué à son tour à la question. Quelques strélitz faisoient les fonctions de boureaux, et d'autres enregistroient tout ce qu'il repondoit. A la fin cet examen leur paroissant trop ennuyeux, ils dechirerent le registre et le trainerent sur la grande place hors du Kreml, ou ils le massacrerent, et hacherent son corps en pieces. Pendant toutes ces scenes tragiques ils observoient entr'eux une discipline fort exacte. Celui qui étoit convaincû du moindre vol ou pillage, étoit d'abord puni. Toutes les fois qu'on produisoit une nouvelle victime, on donnoit au chateau le signal pour battre la caisse, et sonner le tocsin, ce qui continuoit si long temps jusqu'à ce que le malheureux fut trainé hors du Kreml, et mis à mort sur la grande place. Quand quelqu'un étoit condamné à mort, on le conduisoit sur le grand escalier devant le palais et les strélitz qui étoient en haut l'elevoient, afin que leurs camarades, qui étoient en bas pussent le voir; après quoi ils leur demandoient: „Freres le souhaitez-vous?“ Ceux, qui étoient en bas, n'avoient pas plutôt repondu: „Oui, nous le souhaitons“, qu'ils presentoient leurs piques et hallebardes. La malheureuse victime étoit saisie par les mains et par les pieds et jettée d'en haut sur les piques. Après quoi on la trainoit sur la grande place hors du Kreml, ou l'on achevoit de lui donner la mort. Il étoit midi passé lorsque le medecin Daniel fut massacré. Les strélitz se presenterent après devant le palais, et crierent tous: „A present nous sommes satisfaits! Que sa majesté tsarienne en use avec

le reste de traitres selon son bon plaisir. Nous répandrons jusqu'à la dernière goutte de notre sang pour sa sûreté, celle des tsarines, des princesses, et de notre prince". Sur cela le prince aîné Iwan Alexéewitsch les pria de vouloir bien le dispenser d'accepter la couronne parce qu'il se sentoit lui même d'une constitution trop foible, et ne se promettoit pas une longue vie, qu'il la cedoit très volontiers à son frere Pierre Alexéewitsch. Les strélitz s'écrierent alors tous unanimement, que le bon dieu veuille conserver la santé du prince Pierre Alexéewitsch. Le prince Iwan flechit enfin les strélitz par ses prieres, et obtint d'eux que la tsarine douairiere Natalie Kirilowna resteroit auprès de Pierre premier son fils. Leur premier dessein étoit de la faire enfermer dans un couvent.

Pendant les trois jours que dura ce tumulte les strélitz affectoient de dire, qu'ils n'agissoient qu'au nom du tsar Iwan Alexéewitsch, quoiqu'ils se souciassent fort peu de ces ordres, et ne suivissent que les mouvements de leur caprice et de leur rage. Ils pretendoient que s'ils auroient differé plus long temps d'executer leur projet, ils auroient risqués eux mêmes de perdre la vie, parcequ'on avoit resolu d'armer tous les valets de boyars dont le nombre surpassoit au moins quatre fois celui des strélitz, ce qui auroit occasionné un massacre encor plus grand, peut être même qu'alors toute la ville de Moscou eut été ruinée par le fer et par le feu.

Le 17/28 de May sur le soir les strélitz publierent que chacun pût venir prendre ses morts et les enterrer, ce qui fut fait sur le champ. Il ne resta sur la grande place que le corps d'Iwan Kirilowitsch Narischkin, ceux du medecin Daniel, de son fils, et du medecin Goutmensch. On voit par là que l'esprit des strélitz étoit déjà un peu adouci, puisque le matin ils avoient donné à entendre, qu'ils feroient jeter tous les corps morts dans un borbier hors de la ville, pour les faire devorer par les chiens. Pendant ce grand tumulte personne n'osoit dire aux strélitz un môt, qui leur fût desagreable, à moins de risquer

de perdre la vie. Quand ils vouloient entrer dans quelque maison, il falloit d'abord leur ouvrir les portes, les regaler de biere et d'eau de vie, et leur donner de l'argent, s'ils en demandoient. Le 18/29 de May les strélitz proclamerent tsar e prince Iwan Alexéewitsch conjointement avec son frere Pierre Alexéewitsch, en donnant la preseance au premier. Les boyars du parti de Pierre intimidés par les exemples tragiques qu'ils avoient devant les yeux, furent obligés de prêter le serment au tsar Iwan Alexéewitsch. Les strélitz confierent le soin de l'administration à la princesse Sophie. C'est ainsi que finit cette premiere rebellion. La princesse chargea le knés Iwan Hovanskoi et son fils André de la direction du bureau des strélitz, et dans les autres departements et bureaux elle plaça de boyars qui lui étoient dévoués. Elle augmenta aussi la paye des strélitz, jugeant toutes ces demarches nécessaires pour s'affermir dans son poste. Le knés Hovanskoi et son fils André pour faire leur cour aux strélitz leur distribuerent des sommes immenses sous le titre d'arrérages. Les terres des boyars mis à mort furent confisqués, leurs effects vendus, et l'argent distribués aux strélitz. La princesse Sophie leur permit d'élever sur la grande place devant le Kreml un monument sur lequel ils inscrivirent les noms des personnes massacrées, et les crimes qu'on leur attribuoit. Elle fit expedier en outre aux strélits des lettres patentes, qui certifioient, qu'ils avoient exterminés des traitres, et que par leur zele et leur fidelité ils avoient sauvé la vie aux deux tsarewitsch. Ces deux princes furent couronnés par le patriarche Ioakim le 25 de Juin—6 de Juillet 1682.

SECONDE REVOLTE DES STRÉLITZ

Le knés Chovanskoi étoit secretement de la secte de l'archiprete Abbakum, dont les hérésies avoient excité un soulèvement parmi le peuple quelque tems auparavant. Il y avoit parmi les strélitz beaucoup de ces sectaires, entretenus dans leurs

erreurs par un certain Nikita Raspope, surnommé le faux saint. Quelques moines vagabonds et débauchés attirèrent aussi dans ce parti plusieurs marchands et des gens de la lie du peuple. Leur dessein étoit de détruire la vraie religion, et d'étendre leur hérésie dans toute la Russie. C'étant donc assurés d'un bon nombre de partisans et se fondant sur la protection de Chovanskoi, ils firent soulever la populace.

Le 5/16 de Juillet, ils allèrent en cérémonie à l'église cathédrale portant devant eux des saintes images, des cierges allumés et un pupitre. Le patriarche Ioachim étoit pour lors dans la cathédrale avec les archevêques et d'autres ecclésiastiques. Il exhorta les hérétiques à rentrer dans leur devoir, leur promettant de discuter avec eux en toute liberté les points qui les séparaient. Mais ces fanatiques ne voulurent point y consentir. Ils se prirent même à lui jeter des pierres, l'appelant loup, exacteur, et le chassèrent de l'église avec tout son clergé. Le patriarche accourut tout effrayé dans le palais impérial, entra dans la grande salle des audiences et pria les tsars de défendre l'église. Ils firent appeler la princesse Sophie et convoquer tous les boyars. On prit dans cette assemblée la ferme résolution d'employer des moyens vigoureux pour empêcher les progrès de l'hérésie.

Les boyars en sortant du palais firent savoir aux strélitz, que les tsars étoient dans un danger éminent. Les strélitz bien intentionnés députerent secretement chez leurs camarades pour les engager d'accourir au plus vite à la défense de l'église. Ils s'assemblerent sur le champ et déclarerent aux hérétiques assemblés, qu'ils étoient prêts à verser jusqu'à la dernière goutte de leur sang pour la véritable religion. Après quoi ils renforcèrent les postes tout autour du palais. Chovanskoi feignant d'ignorer ce qui se passoit, vint informer les tsars du soulèvement du peuple pour cause de religion. Il conseilla à leurs majestés de convoquer un concile pour calmer la multitude, ajoutant qu'il étoit impossible d'employer la voye des armes pour étouffer cette sédition, parceque le parti étoit trop nom-

breux. Les tsars lui demanderent: si les conciles s'assembloient d'une maniere si tumultueuse, qui indiquoit plutôt le dessein formel d'un attentat, que d'un concile?

Cependant ces fanatiques et les strélitz, suivis par leurs faux docteurs et par une foule de peuple, entrèrent dans la salle d'audience. Ils portoient devant eux des images, des cierges, des pupitres et des livres. Plusieurs d'entr'eux avoient des pierres cachées dans leurs habits, pour en assomer leurs adversaires. Ils présentèrent aux tsars une requête qui fut lue, après quoi le patriarche entama la dispute, et Athanase archevêque de Kolmogory acheva de les confondre. Cet archevêque avoit suivi les mêmes dogmes quelque tems auparavant, mais ayant reconnu son erreur il étoit rentré dans le sein de l'église. L'imposteur ne sachant que lui répondre, le frappa au visage, et les autres jetterent des cris séditieux. Les tsars rompirent la séance en se retirant dans leurs appartements. Pierre premier soulevant la couronne qui étoit sur sa tête dit: „Tout aussi longtems que ma tête sera ceinte de ce diademe, et que mon ame sera dans mon corps, je n'abandonnerai point l'église ni la vraie religion“. Puis se tournant vers les boyars et les autres seigneurs, il ajouta: „Prenés courage contre nos ennemis communs“. Après quoi il commanda de les chasser tous du palais et d'arrêter Nikita Raspope avec les autres chefs de ces sectaires. Les strélitz restés fideles à leur devoir exécuterent sur le champ l'ordre de leur souverain. Le patriarche et tout le clergé se jetta au pieds de Pierre premier pour le remercier de l'appui qu'il donnoit à l'église. Le 6/17 Juillet l'imposteur Nikita eut la tête tranchée sur la place publique devant le Kreml. Ses fauteurs et les vagabonds subirent la peine du knout, et furent envoyés en exil. Ces exécutions intimidèrent Chovanskoï et le reduisirent au silence, de même que ses adhérents; mais ils en conserverent toujours un ressentiment secret.

Cependant les strélitz élurent des députés pour faire des représentations aux tsars; et au lieu du nom de strélitz, ils se nommerent l'infanterie de la cour. Ils se plainquirent à Cho-

vanskoi qu'il leur étoit dû quelque chose par leurs colonels. Malgré la fausseté de cette imputation leur chef ordonna sans autre perquisition qu'on les satisfît. Les colonels furent condamnés en conséquence à leur payer plusieurs milliers de roubles, ce qui ruina la plupart de ces officiers.

La faveur dont Chovanskoi jouissoit auprès de la princesse Sophie lui fit naître le dessein de se venger de Miloslavskoi avec qui il avoit eu quelques démêlés. Il jetta les yeux sur les strélitz pour le massacrer. Ils chercherent bientôt l'occasion de satisfaire Chovanskoi. Mais Miloslavskoi ceda pour un moment à l'orage et se retira secrettement dans ses terres. Il reparut néanmoins quelque tems après à la cour. Il accusa Chovanskoi devant la princesse Sophie d'avoir parlé avec affectation en public de sa haute naissance, de s'être dit descendu des rois, et de s'être même vanté qu'il se remarieroit à une des princesses. Sophie fut indignée de son audace; mais elle dissimula adroitement, bien résolue de faire éclater son indignation quand il en seroit tems.

TROISIEME REVOLTE

Chovanskoi d'intelligence avec les strélitz s'occupa du soin d'affermir l'hérésie, et de mettre la dernière main à son entreprise criminelle. Les tsars informés de ses menées secrettes, se rendirent le 29 Août de Moscou à Kolomenskoe, emmenant avec eux tous les boyars et les autres seigneurs de la cour Chovanskoi ne soupçonnoit point qu'ils dussent aller plus loin.

Le 2 Septembre, on trouva un écrit attaché aux portes du palais de Kolomenskoe, dans lequel on avertissoit que Chovanskoi, son fils et ses partisans tramoient une conspiration contre la vie de leurs souverains, du patriarche et des boyars; qu'ils pensoient même à se rendre maîtres de l'Empire. Cet avis obligea les tsars de partir ce jour même de Kolomenskoe, pour le village de Worobievo, où la tsarine douairiere Natalie Kirilowna, et la princesse Natalie Alexéewna les accompagnèrent.

Le 6, ils allèrent au monastere de Savin. Chovanskoi et les strélitz n'eurent pas plutôt appris l'éloignement des tsars, qu'ils commencerent à se repentir de leur entreprise.

Les tsars envoyerent du monastere de Savin des ordres à toutes les villes de rassembler des troupes et de les faire marcher au monastere de la Trinité pour mettre leurs souverains à l'abri des entreprises des strélitz. On ordonna en même tems à Chovanskoi de s'y rendre, mais il n'en fit rien. Les gentilshommes ayant reçu l'ordre, leverent autant de troupes qu'ils purent, s'empresserent de se rendre au monastere de la Trinité, et s'encourageoient l'un l'autre à faire toute la diligence possible. Ils y arriverent au nombre d'environ cent mille hommes, et supplierent les tsars de se faire voir aux troupes. Leurs majestés se rendirent au camp et leur firent un récit des desseins criminels des strélitz. Les gentilshommes indignés de la lacheté des boyars, des commandants et des habitants de Moscou, menacerent de les hacher en pieces pour n'avoir pas défendu leurs souverains et avoir donné tant de liberté aux strélitz. Pour ce qui est des gentilshommes des villes voisines, ajouterent-ils, il faut les dégrader de noblesse et les mettre au nombre des strélitz rebelles, pour les punir de leur négligence à défendre leurs maîtres, et d'avoir laissé les strélitz tranquilles, au lieu de les punir sévèrement.

Les tsars louerent leur zele, mais leur défendirent de se porter à aucun excès. Cependant ils insisterent sur la punition des mutins, représentant que si l'on ne prenoit ce parti, ils devien droient insolents à l'avenir et se souleveroient à la premiere occasion. Leurs majestés assurées de leur fidelité, n'en retinrent qu'une partie auprès d'elles, et renvoyerent les autres chez eux. Avant leur départ, les tsars accorderent aux principaux officiers une augmentation de leur paye, et distribuerent des terres à d'autres.

Michel Pleschtchéeff, Cyrille Klopoff, Basile Pouschkin, Jean Tiapkin, Jean Soukanin et Jean Gorokoff eurent ordre de rester à Moscou pour avoir l'oeil sur les démarches des strélitz.

Les tsars en arrivant au bourg de Wosdwischenskoïe, se doutèrent bien que Chovanskoi n'obéiroit pas plus à un second ordre qu'au premier. Ils prirent le parti de dissimuler et lui écrivirent une lettre pleine d'affection, dans laquelle ils louoient ses services, lui promettoient des gratifications et l'exhortoient à venir les joindre pour assister à un conseil. Un ton si flatteur et la réception prochaine du Hetman qui étoit en chemin pour Moscou firent donner Chovanskoi et son fils dans le piège. On ne lui donna pas le tems d'arriver à Wosdwischenskoe, il fut arrêté dans le bourg de Pouschkin avec 37 strélitz qui l'accompagnoient.

Les pillages et d'autres excès qu'ils avoient commis, le crime de rebellion dont ils étoient atteints, déterminèrent la cour à leur faire donner la question. Ils avouèrent leurs crimes pour l'expiation des quels ils furent décapités à Wosdwischenskoe. Le knés Iwan Chovanskoi, autre fils de celui qui venoit d'être exécuté, se sauva à Moscou, où il chercha à soulever les strélitz, prétextant que l'exécution de son pere, celle de son frere et des strélitz avoient été faites sans la participation et l'ordre des tsars, et sans avoir été précédées d'aucun examen préalable.

A cette nouvelle, les strélitz sonnerent le tocsin, battirent la caisse, prirent les armes résolus de se transporter au monastere de la Trinité pour y mettre tout à feu et à sang. Apprenant toutes fois que le nombre des troupes qui se rendoient auprès des tsars augmentoit chaque jour, la terreur se mit parmi eux, et ils songerent à se fortifier dans Moscou pour y soutenir un siege en cas de besoin.

Les tsars écrivirent au patriarche pour l'informer de l'exécution de Chovanskoi. Le colonel Pierre Zinovieff fut chargé de la lettre. Ce ne fut qu'avec peine qu'il échapa à la fureur des strélitz, qui le conduisirent chez le patriarche et lui ordonnerent de lire la lettre à haute voix. Leur fureur s'accrut quand ils entendirent la lecture de l'exécution de Chovanskoi; ils jurèrent de la venger dans le sang de tous les gentilshommes.

Zinovieff informa les tsars à son retour du soulèvement des strélitz, ce qui les détermina à partir pour le monastere de la Trinité. Cependant les strélitz comparant leur petit nombre avec toutes les troupes qui se trouvoient auprès des tsars; apprenant d'ailleurs le zele avec lequel elles prétendoient defendre leurs souverains, le repentir prit la place de la mutinerie. Ils allerent trouver le patriarche et le supplierent d'interceder pour eux promettant de se tenir dans la suite dans les bornes du devoir et de l'obéissance. Le patriarche leur reprocha vivement leur sédition et leur promit néanmoins d'aller au monastere de la Trinité pour solliciter leur grace auprès des tsars. Ils le supplierent à ne point s'y rendre lui même, mais de se contenter d'y envoyer de sa part des archevêques, parceque son départ les plongeroit dans l'accablement. Le patriarche n'obtint point aisément le pardon des strélitz; il leur fut accordé néanmoins à condition, que les boutefeux de la rébellion fussent livrés. Trois mille sept cents hommes se séparerent du reste des strélitz, et demanderent le tems nécessaire pour se préparer à la mort. Ils prirent congé de leurs familles, se mirent des cordes au col et porterent des haches et des blocs. Dans cet état ils allerent trouver le patriarche, qu'ils supplierent derechef de parler en leur faveur aux souverains pour leur sauver la vie, et tâcherent de mettre les princesses dans leurs interêts. Les princesses et le patriarche suivi du principal clergé allerent au monastere de la Trinité, où les strélitz se rendirent aussi. A leur arrivée, ils furent entourés par les troupes, et on les fouilla pour savoir s'ils n'avoient point d'armes cachées. Après quoi les strélitz se prosternerent devant le palais et mirent leurs têtes sur des blocs. Leurs femmes et leurs enfants qui les avoient suivis s'adresserent aux tsars, à la tsarine et au patriarche et solliciterent leur pitié en faveur de leurs maris. La tsarine Natalia Kirilowna se rappella dans ce moment la mort cruelle et ignominieuse de ses freres, l'accablement de son pere, l'insulte faite à l'autorité souveraine, les frayeurs des jeunes monarques, celle dont elle avoit été saisie elle-même. Toutes

ces réflexions la tinrent quelque tems indécise sur le pardon des coupables. Mais considérant les ruisseaux de sang qui étoient près de couler, touchée de la posture humiliante du patriarche agenouillé devant elle, et sensible aux larmes des femmes et des enfants des coupables, le ressentiment fit place à la commisération. Elle supplia les tsars avec larmes de leur pardonner. Les tsars firent ouvrir les fenêtres de leurs appartements, firent une vive réprimande aux strélitz, et leur pardonnerent. Ceux-ci se leverent sur le champ et se prosternerent plusieurs fois devant leurs souverains, après quoi ils se retirèrent.

Le 6/17 de Novembre les deux monarques retournerent à Moscou, où ils firent une entrée pompeuse aux acclamations du peuple. Leurs majestés y firent publier le pardon accordé aux strélitz. Les gentilshommes accourus à leur secours furent récompensés et pour plus grande sûreté à l'avenir, on leur ordonna de s'établir à Moscou. C'est ainsi que finit cette revolte.

REGENCE DE LA PRINCESSE SOPHIE

Le tsar Jean Alexéewitsch étoit né infirme. Son frere cadet loin de s'occuper des amusements de l'enfance, s'appliquoit par goût à l'étude de l'art militaire, et d'autres sciences utiles. Il ne fut donc pas fort difficile à la princesse Sophie de se rendre maitresse de toutes les affaires.

Les évolutions militaires nouvellement introduites, ne plaisoient nullement aux strélitz. De tout ce corps, Pierre premier n'aimoit que le régiment de Soukareff dont la fidélité lui étoit connue, et qui dans la dernière rebellion n'avoit eu aucune intelligence avec les revoltés. Aussi Pierre premier le gardoit-il toujours près de sa personne. Les autres régiments tâchoient d'inspirer à la princesse Sophie de la méfiance, à l'occasion du nouvel exercice militaire que Pierre premier avoit introduit. La princesse pour affermir son autorité, confia le bureau des strélitz à Tscheglovitov conseiller privé, qui étoit en grande

faveur auprès d'elle. Le département des affaires étrangères fut conféré au knés Basile Galitzin. Il lui fut ordonné en même tems de prendre le titre de vice-roi de Nowgorod et de garde des sceaux. Elle nomma partie de ses créatures colonels des strélitz, et voulut que son nom se trouvât dans les ordonnances avec ceux des empereurs, et son buste avec celui des tsars sur les monnoyes. Les boyars, la noblesse et le peuple aimoient leurs souverains et desiroient ardemment qu'ils prissent en main les rênes du gouvernement: mais personne n'osoit parler par la crainte de quelque nouvelle entreprise de la part des strélitz.

Il arriva dans ce tems là à Moscou, des ambassadeurs de la part du roi des Romains et du roi de Pologne. La princesse Sophie leur donna audience avec toute la magnificence possible.

La paix perpétuelle qu'elle venoit de conclure avec les Polonois, lui fit naître l'idée d'entreprendre quelque expédition militaire, qui servit également à donner de l'éclat à son autorité et à la cimenter. Pour cet effet elle fit assembler une armée de 200 000 hommes qu'elle envoya en Crimée sous les ordres du knés Wassili Galitzin. Ce seigneur étoit alors premier-ministre, mais s'appercevant que Tscheglowitoi avoit plus d'influence dans les affaires que lui, et que l'établissement des troupes régulières, fait par Pierre premier, reussissoit à vue d'oeil, la nécessité de se mettre à la tête des troupes lui servit de prétexte pour s'absenter de la cour. Ce fut donc lui qui fit à la princesse Sophie la premiere ouverture de cette expédition. Pierre premier fit tous ses efforts pour s'y opposer; mais ce fut envain, et la princesse l'emporta.

L'armée n'entra que fort tard en campagne, ce qui donna aux Tatares de Crimée le tems de bruler toutes les herbes dans les déserts, ce qui incommoda extremement l'armée Russe. Cette disette de fourage l'obligea même de retourner sur ses pas sans avoir rien entrepris. La princesse pour sauver les apparences, loua la conduite des généraux et les récompensa.

Quelques officiers principaux de la petite Russie accuserent Iwan Samoïlowitz, leur Hettman, d'avoir écrit en Crimée pour faire brûler les foins dans les deserts. Cette accusation portée au knés Galitzin, il en parla à la princesse, qui donna la place de Samoïlowitz à Mazeppa.

Pierre premier mécontent des services des généraux employés à l'armée, et supportant impatiemment l'autorité absolue que s'arrogeoit la princesse Sophie, entra dans l'appartement, où elle tenoit conseil avec les boyars. Le tsar fit des reproches à Galitzin d'avoir commis des excès dans les pays, par où il avoit passé, et d'avoir dégarni les frontières en étendant trop ses troupes. Galitzin pour toute excuse promit d'entrer de bonne heure en campagne et avant que les herbes fussent séchées par la chaleur.

Le tsar persistant dans son sentiment d'assurer la frontière, ordonna aux knés Galitzin, au knés Michel Romodanowskoi et à Abraham Chitroff de garder les lignes de Belgorod avec un régiment d'infanterie chacun, ce qui faisoit un corps de 30 000 hommes. Pierre premier auroit fort souhaité de faire la campagne; mais il n'étoit pas majeur.

Cependant la princesse Sophie, sans aucun égard pour les ordres de son frere, ordonna au prince Wassili Galitzin de rentrer en Crimée avec son armée. Il obéit, et bientôt il engagea une affaire avec les Tatares dans la plaine, qu'on nomme Noire. Il n'y eut point d'avantage marqué de part ni d'autre, et la campagne se finit dans le mois de Juin. La princesse ne laissa pas d'approuver la conduite des chefs de l'armée. Elle leur donna des médailles d'or et d'argent, et leur distribua des terres.

Il s'en falloit bien que Pierre premier fut content de cette campagne. Il voyoit avec déplaisir que Galitzin eût ramené l'armée sans aucun succès distingué, et sans en avoir reçu l'ordre. La noblesse qui avoit servi sous lui, présenta de concert une requête aux tsars pour se plaindre de Galitzin. Elle y exposoit que l'armée ayant passé les deserts et les défilés, et

se trouvant dans l'abondance de toutes sortes de provisions, il lui eût été facile de ruiner toute la Crimée; mais que bien loin de profiter de ses avantages, Galitzin l'avoit ramenée sur ses pas; qu'il étoit à présumer que le chef s'étoit laissé gagner par les présents du Kam de Crimée, dont on avoit vu entrer chez lui les émissaires. La noblesse terminoit sa requête par supplier les tsars d'exclure leur soeur du gouvernement, et d'en prendre eux-même les rênes, promettant de verser pour cette fin jusqu'à la dernière goutte de leur sang contre ceux qui voudroient s'y opposer.

QUATRIEME REVOLTE

La princesse Sophie instruite de la requête, et craignant d'être obligée de se désaisir de l'autorité qu'elle avoit en main, elle en fit avertir les strélitz. Cette soldatesque toujours prête à la revolte, forma sur le champ le dessein de déposer le tsar Iwan à cause de ses infirmités, et de massacrer le tsar Pierre avec la tsarine douairiere sa mere, et tous les seigneurs qui leur étoient attachés. La princesse Sophie devoit les remplacer sur le trone.

Le tsar Pierre se maria pour la première fois le 17/28 Janvier 1689. Le 8/19 Juillet de la même année, les deux tsars se rendirent à l'église à l'occasion d'une cérémonie ecclésiastique. Lorsque la procession sortit de l'église, la princesse Sophie voulut marcher de front avec les deux tsars. Pierre premier lui représenta que sa démarche étoit contraire à l'usage, et qu'elle ne devoit point se trouver à cette cérémonie. La princesse sans égard aux représentations de Pierre premier, continua de garder la place qu'elle avoit prise. Le tsar indigné de sa fierté et de sa hauteur, alla à la cathedrale de St. Michel l'Arkange et de là au bourg de Colomenskoi. Cette marque de mépris mortifia extrêmement la princesse et lui fit hâter l'exécution de son dessein. Ce jour là même Tscheglovitoy concerta avec des colonels de strélitz et d'autres mécontents les mesures nécessaires pour massacrer Pierre premier, la tsarine sa mere,

le patriarche, les boyars et les plus riches marchands, et piller ensuite leurs maisons. Après quoi la princesse Sophie devoit être élevée sur le trône.

Environ vers le 10/21 Août, il y eut des assemblées secrètes au Kreml près de la porte de St. Nicolas dans la maison d'un nommé Lykoff, où est aujourd'hui l'arsenal. C'étoit là que Tscheglovitoi assembloit les chefs des strélitz pour délibérer avec eux sur les moyens de consommer leur attentat. Toutes les menées étoient tenues fort secrètes. Le 18/29 Août 4 strélitz fideles accoururent à Preobraschenskoi, où étoit Pierre premier avec les deux tsarines sa mere et son epouse, et l'avertirent que le plus grand nombre des strélitz marchaient au Kreml pour massacrer le tsar et tous les seigneurs de son parti; qu'il falloit donc qu'il se mit quelque part en sûreté. Pierre premier se retira au couvent de la Trinité, où il fut suivi par la noblesse qui lui étoit attachée, et par le régiment de Souchareff.

La princesse Sophie et ses partisans voyant leur dessein échoué par la découverte de leur complot, commencerent à trembler pour eux-mêmes. Pierre premier fit ordonner aux boyars, et à tous ceux qui avoient quelque emploi à Moscou de venir le joindre sans perdre de tems. Tout le monde obéit, à l'exception du knés Galitzin, de Tscheglovitoi et de quelques partisans intimes de la princesse.

Cette fermeté de la part du tsar obligea la princesse de recourir au patriarche, pour le prier d'interposer sa médiation pour la reconcilier avec Pierre premier, et le prier d'oublier le passé. Le patriarche, qui ignoroit le complot, alla trouver le tsar pour s'acquiter de ce dont l'avoit chargé la princesse. Mais quand il eut été instruit de toute cette trame, l'horreur qu'il en conçut l'engagea à rester avec le tsar. Sophie ne voyant point revenir le patriarche, entrevit le danger dont elle étoit menacée, et prit le parti d'aller au monastere de la Trinité avec quelques unes de ses soeurs. Elle tenoit dans ses mains l'image du sauveur, et la prenoit à temoin de son innocence. Elle rencontra à Wosdwigenskoe Iwan Boutourlin gentilhomme

de la chambre, qui venoit lui signifier de la part de Pierre premier de ne point aller au couvent de la Trinité — sous quelque prétexte que ce pût être. Elle n'obéit point à cet ordre, ce qui obligea de lui envoyer une seconde défense d'aller au monastere de la Trinité sur peine d'être traitée à la rigueur et sans égard pour sa personne. Bientot après le boyar Pierre Scherémetoff et Jean Netschaef — lieutenant colonel des strélitz vinrent la trouver et la sommerent de leur remettre sans délai le traître Tscheglovitoy. La princesse fit son possible pour le cacher, assurant toujours qu'il étoit innocent. Cependant elle le fit préparer à la mort et lui administrer l'extrême onction. Le tsar Iwan Alexéewitsch lui députa en même tems son gouverneur pour la sommer de rendre Tscheglovitoy et les rebelles. Cette démarche du tsar fit sentir à la princesse combien son pouvoir étoit déchu. Elle se détermina donc à condescendre aux volontés des tsars. Les rebelles furent conduits aux couvent de la Trinité. La populace qui y étoit accourue insulta Tscheglovitoy en lui reprochant sa trop grande ambition. Il fut interrogé en présence des boyars, appliqué à une question longue et douloureuse. Se voyant convaincu par des témoins, il prit le parti d'avouer ses crimes qu'il mit par écrit. Après quoi lui et les autres rebelles furent décapités devant le couvent.

Le bureau des strélitz fut confié ensuite au knés Iwan Troekoureff, à qui l'on recommanda de les tenir en bride et de les faire vivre dans la plus exacte discipline.

Le prince Wassili Galitzin à son arrivée de Moscou, reçut ordre d'aller à l'auberge avec défense d'entrer dans le monastere. Peu de tems après, il fut appelé et arrêté sur l'escalier du palais, où ses malversations furent lues en présence du peuple. Il fut dégradé de noblesse, son bien confisqué et exilé dans un lieu fort éloigné.

Pierre premier députa ensuite le knés Troekoureff au tsar Iwan Alexéewitsch son frere, pour le prier d'engager la princesse Sophie de renoncer à toutes ses vues ambitieuses, et de

se choisir une retraite honorable dans un monastere. Cette princesse ne voyant plus de moyens de pouvoir se soutenir dans son poste, le ceda quoique malgré elle. Elle se sépara de ses soeurs et se renferma dans un couvent où elle finit ses jours. Le knés Fedor Romodanowski fut chargé de la garder avec un détachement de soldats. Les personnes qu'elle avoit employées et qui avoient eû part à sa faveur, furent éloignées dans des petites villes.

Après toutes ces dispositions faites, Pierre premier revint à Moscou avec toute sa famille, où il fut reçu aux acclamations du peuple. Les strélitz se tinrent à son arrivée dans les postures les plus humiliantes. Le tsar leur fit grace — excepté à quelques-uns de leurs chefs, à qui l'on donna la torture et [qui] furent décapités ensuite. C'est ainsi que s'éteignit le feu de la revolte.

Le tsar Iwan remit à Pierre premier le pouvoir suprême dont il étoit revêtu, et finit ses jours en menant une vie privée. La plus grande partie des strélitz furent envoyés dans différentes villes, ce qui diminua beaucoup leur crédit dans Moscou.

CINQUIEME REVOLTE ^a

Lorsque Pierre premier partit pour les pays étrangers à la suite de sa grande ambassade, le gouvernement de l'Empire fut confié à Tichon Nikititz Streschneff, et au knés Fedor Romodanowski, avec ordre d'assembler les boyars et de prendre leur avis dans les occasions délicates et critiques. Pendant son absence on apprit à Moscou dans le mois de Juin que quatre régiments de strélitz, envoyés sur les frontieres de la Lithuanie pour y observer les démarches des Polonois, venoient de se revolter, — avoient chassé leurs officiers qui ne vouloient point partager leur revolte, et qu'ils leur avoient substitués de leurs camarades; qu'ils prenoient de leur chef le chemin de Moscou, menant avec eux du canon, se proposant de massacrer les boyars,

^a На полях написано А[nn]о 1698.

toutes les personnes de quelque considération, et s'opposer au retour de Pierre premier. On sçut aussi, que leur dessein étoit de se faire joindre par la populace de Moscou et de déférer la régence de l'Empire à la princesse Sophie et à ses soeurs.

A la premiere nouvelle qu'en eurent les ministres, ils dépêcherent un courier au tsar avec un détail circonstancié des découvertes qu'ils avoient faites. Le courier trouva Pierre premier à Vienne, ce qui obligea ce monarque de prendre la route de Moscou.

Cependant les boyars qui étoient à Moscou resolurent de faire marcher contre les rebelles les généraux Schein et Gordon. Les strélitz firent des marches forcées pour se rendre à Moscou; et ils étoient déjà arrivés au couvent de la Résurrection à 50 werstes de Moscou, lorsque les deux armées se trouverent en présence. Le général Schein députa aux strélitz pour les exhorter à rentrer dans leur devoir et à demander pardon de leur crime. Mais ces séditieux, loin de prêter l'oreille aux avis salutaires qu'on leur donnoit, accablèrent d'injures et de reproches l'envoyé du général. Ils réjetterent de même avec insolence l'exhortation du général Gordon, et se préparèrent sérieusement au combat.

Dans le commencement de l'affaire les généraux se contentèrent de faire tirer à poudre seule contre les strélitz, uniquement pour les épouvanter. Mais ceux-ci tirant à boulet contre les troupes du tsar en tuèrent plusieurs. Celles-ci firent jouer à leur tour leur artillerie contre les rebelles, et les attaquèrent en même tems avec tant d'intrépidité, qu'elles les eurent bientôt mis en déroute. Un grand nombre de strélitz resterent sur la place, quatre mille furent pris avec toute leur artillerie et leur bagage.

Les prisonniers furent conduits à Moscou. On fit subir la question à leurs chefs, qui avouerent dans les tourments qu'ils n'avoient rien fait que par l'instigation de la princesse Sophie, au moyen de la correspondance secrete qu'ils avoient eue avec elle.

Lorsque le tsar fut de retour à Moscou, il prit contre les rebelles le parti qui étoit du goût de tous les seigneurs de la cour et de tous les habitants de cette ville. Il fit taire sa clémence pour déployer sa justice contre des sujets qui avoient abusé si souvent de la première de ces vertus. Un grand nombre furent exécutés, et le reste dispersé dans des provinces éloignées ou incorporé dans d'autres régiments; quelques années après leur nom même fut pour ainsi dire éteint.

Перевод под ред. Т. П. Кравца

ЗАПИСКА О ПЕРВОМ СТРЕЛЕЦКОМ БУНТЕ в 1682 г.

Горе царя Федора Алексеевича, причиненное смертью его первой супруги Агафьи Симеоновны и сына, царевича Ильи Федоровича, сильно повлияло на его здоровье. Его любимым правителем был в то время Языков. Царь объявил ему, что, зная о слабости своего здоровья и желая предупредить бедствия, могущие нарушить государственное спокойствие в случае его кончины, он намерен назначить наследником престола своего брата Петра Алексеевича.

Языков представил ему, что прямым наследником является царевич Иван Алексеевич, как единоутробный брат государя, к тому же старший брат Петра. Государь не согласился, сославшись на слабое здоровье царевича Ивана, и добавил, что Петр, напротив, сильного сложения и что к тому же бог наделил его выдающимися дарованиями, почему он и более достоин ему наследовать.

Любимец, имевший какие-то счеты с Нарышкиными, сделал все возможное, чтобы отдалить царевича Петра от престола. Он даже посоветовал царю немедленно вступить во второй брак, чтобы дать государству наследника.

„Я не раз беседовал с лекарями о твоём здоровье, — добавил он, — все мне отвечали, что ты скоро совершенно поправишься и будешь жить еще долго“. Государь, ободренный советами Языкова, женился на Марфе Матвеевне из рода

Апраксиных, но вскоре его болезнь усилилась, и он скончался 27 апреля 1682 г.¹

За два дня до его кончины стрельцы, притесняемые своими полковниками, которые посылали их на различные работы, не давая отдыха даже в праздники, и под разными предложениями не доплачивали им жалованье, подали царю челобитную, в которой просили удовлетворить все их жалобы. Они поручили одному из своих товарищей снести ее в Стрелецкий приказ. Думный дворянин или советник канцелярии, Павел Петрович Языков принял челобитную, обещав доложить о ней князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, начальнику приказа, и на следующий день дать ответ.

Языков тотчас отправился к князю Долгорукому, но изложил ему дело неправильно. Он сказал, что стрелец, приходивший к нему с челобитной, был пьян и даже отзывается о князе непочтительно. Князь Долгорукий ответил, что если стрелец был пьян, то его следует завтра же бить кнутом перед съезжей избой для примера другим стрельцам.

На другой день этот стрелец вернулся в приказ, чтобы узнать ответ на челобитную, поданную им от имени всех его товарищей. Ему ответили, что государь приказал наказать его, как мятежника, и бить кнутом для примера всем другим. Два стражника, в сопровождении палача, отвели стрельца на место казни. Раздеваясь, чтобы принять назначенное наказание, он закричал другим стрельцам: „Ведь я подал челобитную по вашему поручению и с вашего согласия; как же вы позволяете меня так бесчестить!“.

Тотчас прибежали несколько стрельцов и освободили своего товарища, избив стражников и палача. Присутствовавший здесь же дьяк или секретарь, который, на свое счастье, еще не успел спешиться, ускакал во весь опор и поспешил сообщить думному дворянину о том, что произошло.

Стрельцы этого полка, которым командовал полковник Семен Грибоедов, были крайне возмущены этим случаем. В ту же ночь они столкнулись друг с другом,

а на утро предложили стрельцам других полков действовать сообща и разузнали, кто еще из их полковых командиров дает повод для подобных жалоб.

Из двадцати полковников, командовавших в то время 22 000 стрельцов, нашлось девять виновных. Стрельцы приняли решение добиться суда над своими командирами или всех их перебить.

На следующий день, 27 апреля, в 4 часа пополудни скончался царь Федор Алексеевич.

Всех стрельцов немедленно вызвали в Кремль для принесения присяги царю Петру, объявленному наследником престола, в обход его старшего брата Ивана Алексеевича, которого из-за природной слабости, косноязычия и других болезней отстранили от престола. Стрельцы охотно присягнули, после чего разошлись по домам. Похороны царя происходили 28, и весь этот день стрельцы вели себя спокойно; но 29 они толпой двинулись в Кремль просить нового царя, чтобы девять указанных ими командиров были схвачены тут же при них и чтобы их заставили вернуть незаконно удержанные деньги, а также заплатить за исполненные для них работы по представленному стрельцами счету; стрельцы кричали, что если им откажут в их требовании, то они сами о себе позаботятся, перережут этих командиров, разграбят их дома и тогда найдут, чем себя вознаградить. Они грозили, что на этом не остановятся, а выместят свое недовольство и на других изменниках, и добавляли, что это может стоить жизни многим знатным боярам, большинство которых они при этом и называли; словом, что они больше не могут терпеть произвола своих командиров и плохого управления изменников, злоупотребляющих доверием государя.

Такая смелая речь испугала двор. Было приказано задерживать девять полковников, которым стрельцы предъявляли обвинение. Их в ближайшие два дня взяли и содержали в Рейтарском приказе. Стрельцы настаивали, чтобы полковников отдали в их руки, а уж они быстро с ними рассчитаются. В этом

им было отказано, но зато им обещали, что государь велит рассудить их дело так, что они останутся довольны. Однако они не удовлетворились этим обещанием и продолжали настойчиво требовать выдачи своих командиров.

Наконец несколько бояр, любимых стрельцами, и епископов, по отношению к которым, однако, стрельцы не проявили особенного почтения, уладили это дело так, что стрельцы, видимо, остались довольны. Полковников приговорили заплатить все, что стрельцы требовали с них по счету, и отстранили их от командования. Вместо них стрельцам обещали дать новых начальников, коими они будут довольны. Стрельцы требовали, чтобы полковники, которые часто их безжалостно мучили, были биты кнутом; но это наказание было смягчено. 1 и 2 мая на площади перед Стрелецким приказом их били батогами. Полковников раздели до рубашки, положили ничком, и два человека били их тонкими прутьями по спине до тех пор, пока стрельцы не признавали наказание достаточным. Те из полковников, на которых стрельцы были особенно озлоблены, были наказаны до трех раз. Тех же, кого стрельцы ненавидели меньше, пощадили, и они получили меньше ударов. Все делалось по их произволу, и никто не смел им прекословить.

После этой расправы стрельцы благодарили государя за оказанное им правосудие, а полковники доставили деньги, которые они должны были заплатить. Некоторым пришлось отдать до 2000 рублей и более. Тех, кто расплатился раньше, отпустили первыми. Другие, оказавшиеся более медлительными, каждый день стояли на правее по два часа подряд, пока не заплатили. Расплата закончилась в восемь дней. Затем полковников отпустили и сняли с должностей, после чего они уехали в свои поместья.

Попустительство стрельцам не замедлило повлечь за собою много дурных последствий. Стрельцы постоянно намекали в своих речах, что новый царь был избран незаконно, что они не верят, будто бы старший царевич Иван Алексеевич не

способен был царствовать из-за болезней, ему приписываемых, и еще менее верят, что он сам отказался от престола, а это было делом изменников, главными из которых были Нарышкины, отец и брат вдовствующей царицы, матери Петра I, которому в то время было 10 лет. Они даже говорили открыто, что не позволят править собою Нарышкиным и Артаману Сергеевичу Матвееву, который должен был вернуться из ссылки, и что скорее они их всех перебьют.²

Царевна Софья не могла стерпеть, что ее брат Иван отстранен от престола, и с помощью своих сторонников старалась разжечь дух возмущения среди стрельцов. Однако сначала она сочла нужным попытаться достичь своей цели не столь крутыми средствами.

Она пригласила к себе царевен, патриарха, высшее духовенство, бояр, воевод, дворян и крупных купцов. Она объяснила собравшимся, что царевич Иван, как старший, безусловно должен вступить на престол, что только это может предупредить смуты и междоусобицы. Все стрелецкие полки, — добавила она, — желают видеть на престоле царевича Ивана, который много старше царевича Петра, еще отрока и потому неспособного управлять государством.³ При этом царевна Софья добивалась одной цели — встать у власти, которою бы она тогда завладела благодаря своему влиянию на царя Ивана и слабости его здоровья. Душою всего этого заговора был боярин Иван Михайлович Милославский, человек тонкий и хитрый, близкий родственник Софьи со стороны ее матери.

Патриарх объяснил царевне причины, заставившие царя Федора Алексеевича предпочесть царевича Петра, но она ему возразила, что этого недостаточно, что нужно спросить мнение стрельцов и народа и подчиниться их воле. Патриарх и духовенство ответили, что раз царевич Петр уже взошел на престол и признан государем, то у них нет власти лишить его престола.

Потеряв надежду лишить престола Петра, царица просила, чтобы по крайней мере его брат Иван был сделан соправителем. Патриарх возразил, что двоецарствие представляет много неудобств, что должен быть один царь и что так хочет бог. Затем он поклонился и вышел.

Царица немедленно послала Милославского к стрельцам с просьбой, чтобы они помогли возвести на престол царевича Ивана Алексеевича. Она обещала им прибавку жалованья и другие награды.⁴

Милославскому удалось своими происками полностью склонить стрельцов на сторону царицы. Но так как он, видимо, боялся, чтобы дело не обернулось против него самого, то он прикинулся больным и принял все меры, чтобы оказаться вне подозрений. Пока же всем этим заговором руководили трое царедворцев — Александр Милославский и два брата Толстых, а также два стрелецких полковника, Цыклер и Озеров, которые тайно и договорились со стрельцами о том, как им действовать.⁵

Между тем боярин Иван Максимович Языков, любимец покойного царя Федора Алексеевича, и Алексей Тимофеевич Лихачев были сняты с должностей. Первый был оружейником, а второй казначеем. Им запретили показываться на глаза новому государю, но позволили видеть младшую вдовствующую царицу.⁶ Старший сын Нарышкина, молодой человек 23 лет, получил звание боярина и оружейничего. Многие считали, что эта должность совсем не подобаает его возрасту. Другой брат, Афанасий Кириллович, лет двадцати, был назначен комнатным стольником при царице Петре Алексеевиче.

Эти назначения усилили ропот стрельцов, настроенных царицей Софьей против Нарышкиных. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев, вернувшись из ссылки, остановился неподалеку от Москвы. Он не спешил въехать в город, желая предварительно убедиться, что раздражение уже улеглось. Но присутствие этого вельможи, равно почтенного.

как по своему возрасту, так и по огромному опыту в делах политических и военных, было сочтено совершенно необходимым вследствие происходящих событий. Государь послал ему навстречу одну из собственных карет, в которой Матвеев и прибыл в город 11 мая и вступил в свой дом, где все было уже приготовлено для встречи. На другой день он отправился во дворец и здесь был встречен с великим почетом как царем Петром I и царицей, его матерью, так и всеми царедворцами.

Ему сразу вернули звание боярина, так же как и все его вотчины и слуг, во время его ссылки поступивших в услужение к другим господам. 12, 13 и 14-го дом его был наполнен множеством людей, радостно спешивших приветствовать его возвращение. Со всех сторон ему присылали подарки. Даже несколько стрельцов поднесли ему от имени всех своих товарищей хлеб-соль, как это принято, когда кто-нибудь приезжает или вступает в новый дом. Невозможно выразить, как ласково, с каким смирением и слезами он принимал и обнимал тех, кто посетил его. Все, даже те, кто не принадлежал к числу его друзей, радовались его возвращению. Они надеялись, что его присутствие предотвратит волнения, которых опасались со стороны стрельцов.

Этот вельможа, прибыв в Москву, отнюдь не одобрил столь быстрого повышения сыновей Нарышкина, особенно старшего. Он считал, что предоставленная стрельцам власть над их начальниками грозит самыми опасными последствиями, так как слишком хорошо знал их нрав, всегда расположенный к бунту и возмущению, что полностью и оправдалось впоследствии.

После приезда Матвеева стрельцы только о том и говорили, что Боярская дума решила захватить зачинщиков того, что они называли между собою „добрым делом“, казнить их, а большую часть остальных разослать в отдаленные города. Дерзкое поведение Ивана Кирилловича Нарышкина окончательно озлобило умы. Это был молодой повеса,

который не щадил самых старых вельмож и даже дергал их за бороды, что было в те времена крайним оскорблением. И многие из них жаловались на это в своих разговорах со стрельцами.

В воскресенье 14 мая и на следующий день стрельцы всем рассказывали, будто Иван Кириллович в Мастерской палате надел царское платье и, усевшись на трон, заявил, что корона ему очень к лицу; когда же вдовствующая царица и царевна Софья стали упрекать его в дерзости, он пришел в такую ярость, что, внезапно вскочив, бросился на царевича Ивана, чтобы его задушить, и только стража, прибежавшая на крики царевен, удержала его от этого. Все это были, однако, только ложные слухи, которые распускали, чтобы еще сильнее восстановить народ против Нарышкиных.

В понедельник 15/26 мая, когда бояре еще сидели в Думе, вдруг раздался громкий крик: стрелец, стоявший на карауле во дворце перед покоями царя, кричал, что Иван Нарышкин хотел задушить царевича Ивана Алексеевича. Сейчас же подняли тревогу, побежали бить в набат. Большинство стрельцов, бывших в Кремле, устремились во дворец, другие заняли выходы и никого не пропускали. Царедворцы, часть которых только что проснулась, попытались скрыться, как могли, другие попрятались. Много карет вельмож стали жертвами ярости бунтовщиков и были порублены в куски, а лошади искалечены.⁷

Тем временем Петр Толстой, ставленник Милославских, объезжал верхом кварталы города, где жили стрельцы, громко крича, что Нарышкины задушили царевича Ивана и чтоб стрельцы спешили в Кремль. Стрельцы, уже подготовленные, ждали только сигнала. Они бросились, как бешеные, в Кремль с оружием, с развернутыми знаменами, захватив с собою пушки. Прибыв ко дворцу, все они кричали: „Выдайте нам изменников Нарышкиных, которые задушили царевича Ивана Алексеевича, а не то мы всех перебьем“.

Бояре — князь Михаил Юрьевич Долгорукий, начальник Стрелецкого приказа, и Артамон Сергеевич Матвеев — вышли на Красное крыльцо и стали заверять стрельцов, что царевич Иван Алексеевич совершенно здоров и сейчас выйдет им показаться. Это их немного успокоило. Между тем царевна Софья велела выдать бунтовщикам несколько бочек водки под тем предлогом, что это их успокоит. Царица Наталья Кирилловна по настоянию бояр вышла на Красное крыльцо с царевичами и царевной Софьей. Это привело бунтовщиков в замешательство. Многие из них поднялись по лестнице и стали спрашивать у царевича Ивана — подлинно ли это он?⁸ Уверившись в этом, они закричали: „Ты будешь наш государь, да погибнут все изменники!“ Они тут же потребовали, чтобы царь Петр отдал скипетр своему старшему брату, что он и вынужден был сделать. Затем они снова стали кричать: „Выдайте нам изменников, главное — Нарышкиных, мы их всех перебьем; заточите в монастырь царицу Наталью Кирилловну; мы будем до последней капли крови защищать нашего государя Ивана Алексеевича и нашего царевича Петра Алексеевича!“ Князь Долгорукий и боярин Артамон Матвеев вышли вторично; Долгорукий, спустившись с Красного крыльца, ласково говорил со стрельцами и старался наставить их на правый путь, обещая все сделать, чтоб они были вполне удовлетворены.⁹

Царевна Софья, боясь увещаний этого вельможи, тотчас послала предупредить стрельцов, что они должны сегодня же перебить всех, кто внесен в переданный им список, иначе завтра же гибель ожидает их самих.¹⁰

Это привело стрельцов в ярость, и они не хотели более ничего слушать. Они схватили князя Долгорукого, а затем Матвеева и сбросили их обоих с Красного крыльца. Другие стрельцы приняли их на пики и, покончив с ними, притащили их голые трупы на большую площадь перед Кремлем.¹¹

После этого первого трагического события стрельцы вновь начали кричать, чтобы им выдали других изменников,

число которых, по их списку, превосходило сорок. Так как никто к ним не вышел, то они сами кинулись во внутренние покои и церкви, забыв уважение к царям, вдовствующим царицам и царевнам. Там они нашли второго сына Нарышкина, Афанасия Кирилловича. Они за волосы втащили его на Красное крыльцо и сбросили на пики своих товарищей, которые его убили, как и первых двух, и приволокли тело на площадь, где лежали остальные.

Думный дьяк Ларион Иванов и его сын Василий, которых стрельцы также нашли в одной из церквей, подверглись той же участи.

Стрельцы, бывшие внизу, непрерывно кричали: „Да здравствует наш государь Иван Алексеевич и наш царевич Петр Алексеевич, и да погибнут изменники!“. В то же время те, которые стояли на крыльце, продолжали требовать выдачи Ивана Кирилловича Нарышкина.

Во время этих событий невинно пострадал Федор Петрович Салтыков, молодой вельможа, отца которого очень любили стрельцы. Стрельцы, непрерывно требовавшие Ивана Кирилловича, увидев со спины молодого человека, торопливо входившего в церковь, закричали: „Вот Иван Нарышкин!“ — и тут же его схватили; так как он, страшно испуганный, не сумел назвать себя сразу, они его сбросили с крыльца, убили и притащили его труп к остальным. Но, заметив потом свою ошибку, они отнесли тело в дом его отца, который в то время был болен, и просили у него прощения. Отец отвечал им только, что такова воля божия, и велел вынести принесшим тело водки и пива.

Вскоре был найден и убит, как и другие, князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Его сына пощадили, может быть потому, что он не был в списке, а может быть, как говорили стрельцы, из уважения к тому, что он провел двадцать лет в плену у крымских татар.

До наступления ночи погиб от ярости стрельцов и старый боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Когда этот

вельможа возвращался домой, стрельцы окружили его карету и предложили его проводить; они уверяли, что вовсе не хотели убить его сына, и только когда тот заговорил с ними сурово и стал говорить, вместе с Артамоном Матвеевым, что их следует наказать, то они в запальчивости не сдержались; в этом они просили прощения у отца. Он не посмел ничего ответить, кроме того, что такова воля божия. Стрельцы весьма почтительно проводили его домой, где он приказал подать им водки и пива, сколько они захотят. Выпив, стрельцы его поблагодарили и простились с ним. В это время вошла жена сына Долгорукого, обливаясь слезами и оплакивая гибель своего мужа. Старец ответил ей пословицей: щуку съели, да зубы ее целы остались. Услышав это, один из стрельцов, задержавшийся в сенях, кликнул своих товарищей и сказал им: „Слышите, братцы, он нам еще грозится!“. Тогда они, как бешеные, бросились обратно, схватили старца, потащили за руки и за ноги к дверям дома, убили и, отрубив руки и ноги, бросили труп в грязи посреди улицы.

Часть стрельцов осталась на ночь во дворце, другие охраняли городские ворота, а несколько человек отправились на поиски жертв, стоявших в списке. Они обыскивали их дома и дома их соседей.

Особенно усердно искали они одного доктора по имени Даниил ван Гаден, главного доктора царя Федора Алексеевича. Стрельцы обвиняли его в отравлении государя. Во время поисков доктора соседи его испытали много унижений. Несколько стрельцов, один за другим, заходили в дом другого доктора, по имени Гутменш. На первый раз они, однако, не причинили ему зла. Когда же они еще раз пришли искать, несчастный испугался, подумав, что явились за ним, и спрятался на чердаке. Найдя доктора, стрельцы повели его с собой, говоря: „Ты друг Даниила, наверно ты его спрятал. Мы тебя не отпустим, пока его не найдем“. Схватили они и жену Даниила и поручили караулить Гутменша стрельцам,

стоявшим на Красном крыльце, с которого бросали убитых вельмож. У них хватило, однако, жалости позволить отвести беременную жену Даниила в особую маленькую комнату. Обоих грозили убить, если не найдут доктора Даниила.

16/27 с утра стрельцы снова собрались в Кремле, оставив только необходимое число людей в караулах у ворот. Наиболее дерзкие устремились в царские палаты в поисках Нарышкиных. Не найдя их, они убили прежде всего боярина Ивана Максимовича Языкова и думного дьяка или государственного секретаря Аверкия Кириллова, а также схватили русского полковника Григория Горюшкина, вытащив их из домов, где те скрывались. Их привели во дворец, дожидаясь, пока соберутся все стрельцы. Бедные жертвы, оправданий которых никто не слушал, были сброшены с Красного крыльца, как и остальные, на пики и бердыши стоявших внизу стрельцов. Потом их голые тела вытащили из Кремля и бросили рядом с трупами убитых накануне. Через час узнали, что на улице нашли переодетого сына доктора Даниила. Никто не пускал его к себе, боясь такой же участи. Стрельцы спросили, где его отец. Он ответил, что не знает; тогда и с ним покончили, как с другими, сбросив с крыльца. Доктора Гутменша убили таким же образом, и никто не стал слушать доказательств его невиновности. Стрельцы ему только объявили, что раз Даниил не разыскан, то придется ему отвечать, и раз он приготавливал лекарства, погубившие царя Федора Алексеевича, то заслужил такую участь. Хотели покончить также и с женой доктора Даниила. Младшая вдовствующая царица, с которой они еще немного считались, вступилась за нее и спасла ей жизнь. Но эту бедную женщину было бы трудно вырвать из их рук, если бы в это время стрельцы не услышали, что схватили одного из Нарышкиных — молодого человека 20 лет, двоюродного брата тех Нарышкиных; его сейчас же убили. Полковник Андрей Дохтуров, из числа тех, против кого стрельцы подавали челобитную, найденный ими в церкви, под алтарем,

подвергся той же участи. Днем на большую площадь при-тащили еще несколько их писцов и их также убили. Так кончился этот день. Между тем весь день и всю следующую ночь стрельцы усердно искали лекаря Даниила и Ивана Кирилловича Нарышкина. Что до Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца царицы, то в конце концов удалось уговорить стрельцов оставить ему жизнь, но ему пришлось немедленно постричься, и затем его сослали в дальний монастырь. Также сохранили жизнь трем его младшим сыновьям, которые воспользовались таким решением стрельцов и, не теряя времени, скрылись из Москвы.

Утром 17/28 мая из Слободы, предместья, где жило большинство немецких офицеров, дошла весть, что там накануне схватили доктора Даниила, переодетого нищим; два дня и две ночи он скрывался поблизости в лесу и в конце концов, не выдержав голода, пришел в Слободу попросить поесть у кого-нибудь из своих знакомых; несколько стрельцов его узнали и задержали. Эта находка весьма обрадовала стрельцов. Сейчас же был послан отряд, который привел доктора из Слободы в Кремль к царским покоям, связанного, в одежде нищего, с сумой на боку и в лаптях. Царевна Софья и младшая вдовствующая царица сразу вышли и просили пощадить жизнь доктора. Они свидетельствовали, что он не виновен в смерти царя Федора Алексеевича, заверяли, что он сам первым пробовал все лекарства, приготовленные для государя, что и царица и царевна делали то же. Все это не подействовало на стрельцов; они закричали, что доктор не только цареубийца, но еще и колдун; что они нашли в его доме многоногое морское животное (полип)¹² и змеиные кожи, которыми он пользовался для колдовства, и по одной этой причине он заслуживает смерти. Они даже прибавили грубо: „Мы знаем, что Иван Кириллович Нарышкин прячется у вас; если вы выдадите его нам, мы успокоимся и прекратим всякие дальнейшие преследования, надеясь, что государь прикажет палачу

наказать тех, кто еще остался в нашем списке, но скрылся. Мы готовы разойтись по домам, если только нам даруют полное прощение и не поступят с нами, за все происшедшее, как с мятежниками“.

Все их требования были исполнены; но когда их стали просить пощадить Ивана Кирилловича Нарышкина и лекаря, они сразу заткнули себе уши и только повторяли: „Мы знаем, что Иван Кириллович спрятан у вас, выдайте его добром, не то мы будем его разыскивать, пока не найдем, и тогда будет хуже; довольно того, что мы помиловали старого Нарышкина и трех его младших сыновей, а Ивана Кирилловича мы непременно убьем собственными руками“. Их попросили немного подождать. Младшая вдовствующая царица и царевна Софья еще раз вышли и просили за Нарышкина. Вызвали даже митрополита с иконой богородицы, чтобы попытаться умиловить этих злодеев, но все было напрасно.

Наконец старшая вдовствующая царица, приказав причастить и соборовать своего брата Ивана, вышла вместе с ним; он держался позади нее и за иконой, которую нес митрополит. Обе царицы, которым царевна Софья притворно подражала,¹³ стали на колени и молили стрельцов оставить жизнь Ивану Нарышкину; но эти унижительные попытки ни к чему не привели. Один из злодеев, потеряв всякое уважение к царицам, поднялся на крыльцо и, схватив Ивана Нарышкина за волосы, силою вырвал его из рук царицы и стащил вниз. Затем Нарышкина вместе с доктором Даниилом повели в место, расположенное на окраине Кремля,¹⁴ чтобы подвергнуть обоих пытке, — суровая мера, не применявшаяся еще ни к кому из тех, кого прежде убили. Это было утонченной жестокостью с их стороны, чтобы сделать смерть более мучительной. Ивана Нарышкина пытали первого, и хотя его страшно истязали, он не отвечал ни слова. После этого несколько стрельцов стащили его на большую площадь перед Кремлем, где его изрубили на

куски и насадили на железные острия его голову, ноги и руки.

Доктора Даниила также пытали. Одни стрельцы исполняли роль палачей, а другие записывали то, что он отвечал. В конце концов допрос им наскучил, они порвали протокол и вытащили доктора на большую площадь за стенами Кремля, где убили и изрубили тело на куски.

Во время всех этих трагических сцен они соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали. Каждый раз, как приводили новую жертву, давали знать во дворец и стучали в барабаны и били в набат до тех пор, пока несчастного не вытаскивали из Кремля и не убивали на большой площади. Осужденных на смерть вели на Красное крыльцо перед дворцом, и стрельцы, стоящие наверху, поднимали их, чтобы товарищи внизу могли их рассмотреть; затем они спрашивали: „Братцы, любо ли?“. Стоящие внизу отвечали: „Любо, любо!“ — и сейчас же подставляли свои пики и алебарды. Несчастную жертву хватили за руки и за ноги и бросали сверху на пики. Затем ее тащили на большую площадь за стенами Кремля, где и добивали. Было уже за полдень, когда убили доктора Даниила. Потом стрельцы явились ко дворцу и все кричали: „Теперь мы довольны. Пусть государь поступит с остальными изменниками по своей воле. Мы отдадим свою кровь до последней капли за царицу, царевен и нашего царевича“. После этого старший царевич Иван Алексеевич попросил стрельцов не принуждать его принять венец, так как он сам чувствует себя слишком слабым и не надеется долго прожить, а потому вполне добровольно уступает его своему брату Петру Алексеевичу. Тогда стрельцы все единодушно закричали: „Сохрани, господи, здоровье царевича Петра Алексеевича“. В конце концов царевич Иван склонил стрельцов своими просьбами и добился, чтобы вдовствующей царице Наталье Кирилловне разрешили остаться при

сыне своем Петре Первом; раньше они намерены были заточить ее в монастырь.

В течение трех дней, когда длился этот бунт, стрельцы подчеркивали в своих речах, что они действуют только во имя царя Ивана Алексеевича, хотя они обращали весьма мало внимания на его приказания и руководились только своей прихотью и яростью. Они утверждали, что если бы медлили с исполнением своего замысла, то сами рисковали бы жизнью, так как было принято решение вооружить всех слуг боярских, число которых превосходило число стрельцов по крайней мере вчетверо; это вызвало бы еще большую резню, и, может быть, тогда вся Москва была бы уничтожена огнем и мечом.

17/28 мая к вечеру стрельцы объявили, что разрешают всем забрать своих покойников и похоронить их, что и было немедленно сделано. На большой площади остались только тела Ивана Кирилловича Нарышкина, доктора Даниила, его сына и доктора Гутменша. Это показывает, что дух стрельцов уже немного смягчился, так как еще утром они заявляли, что бросят все трупы в топь за городом на съедение собакам.

Во время этого великого смятения никто не смел сказать стрельцам ни одного неприятного слова, не рискуя жизнью. Когда они хотели войти в какой-нибудь дом, приходилось сразу открывать перед ними двери, угощать пивом и водкой и давать столько денег, сколько они требовали.¹⁵

18/29 мая¹⁶ были провозглашены царями Иван Алексеевич вместе с братом Петром Алексеевичем, причем на первом месте стоял Иван. Бояре из партии Петра, испуганные трагическими событиями, происходившими у них на глазах, были принуждены присягать царю Ивану Алексеевичу. Стрельцы доверили правление царевне Софье. Так кончился первый бунт. Царевна поручила князю Хованскому и его сыну Андрею управление Стрелецким приказом и в другие приказы и канцелярии посадила преданных ей бояр.

Она прибавила также жалованье стрельцам, считая все эти меры необходимыми, чтобы укрепить свое положение.

Князь Хованский и его сын Андрей, чтобы подслужиться к стрельцам, роздали им огромные суммы под видом возврата недоплаченных денег. Земли убитых бояр были взяты в казну, вещи проданы и деньги розданы стрельцам. Царевна Софья разрешила им воздвигнуть на большой площади перед Кремлем столб, на котором были обозначены имена убитых людей и преступления, им приписываемые. Кроме того, она приказала раздать стрельцам грамоты, в которых удостоверялось, что они уничтожили изменников и своим усердием и верностью спасли жизнь обоим царевичам. Оба царевича были венчаны на царство патриархом Иоакимом 25 июня—6 июля 1682 г.¹⁷

ВТОРОЙ СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ¹⁸

Князь Хованский втайне держался раскола протопопа Аввакума, ересь которого не так давно вызвала народное волнение. Среди стрельцов многие принадлежали к расколу; заблуждения их поддерживал некий Никита Распоп, прозванный Пустосвятом. Несколько беглых и распутных монахов привлекли также на сторону раскола многих купцов и людей из самых низов. Они намеревались искоренить истинную веру и утвердить свою ересь по всей России. Обеспечив себе большое число сторонников и опираясь на покровительство князя Хованского, они подняли чернь.

5/16 июля они торжественно пришли к соборной церкви, неся перед собою иконы, зажженные свечи и аналой. Патриарх Иоаким был тогда в соборе с архиереями и другими священнослужителями. Он стал увещевать раскольников покориться, обещая невозбранно обсудить с ними все разногласия. Но эти изуверы и слушать его не захотели. Именуя патриарха волком и лихоимцем, они стали

бросать в него камнями и выгнали из церкви вместе со всем духовенством. Патриарх, прибежав в ужасном страхе в царский дворец, бросился в Грановитую палату и молил государей защитить церковь. Государы вызвали царевну Софью и созвали всех бояр. Собрание твердо решило принять крайние меры, чтобы помешать распространению раскола.

Бояре, выйдя из дворца, известили стрельцов, что государям угрожает большая опасность. Преданные стрельцы тайно послали за своими товарищами, призывая их поспешить на защиту церкви. Стрельцы немедленно явились и объявили собравшимся раскольникам, что они будут защищать правую веру до последней капли крови. Затем они усилили все караулы вокруг дворца. Хованский, сделав вид, что не знает о происходящем, явился к государям с сообщением, что народ бунтует из-за веры. Он посоветовал государям созвать собор, чтобы успокоить толпу, добавив, что воинской силой подавить этот мятеж нельзя, так как раскольников слишком много. Государы задали ему вопрос: собирают ли соборы таким бесчинным образом, обличающим прямое намерение не собор собрать, а покунуться на злодейство?

Между тем эти изуверы и стрельцы со своими лжеучителями, сопровождаемые толпой народа, вошли в Грановитую палату, неся перед собою иконы, свечи, аналои и книги. Многие из них спрятали в одежде камни, чтобы побить ими своих противников. Они подали царям челобитную, которая и была прочтена; после этого патриарх начал опровергать их доводы, а Афанасий, архиепископ Холмогорский, окончательно привел их в замешательство. Прежде этот архиепископ сам принадлежал к расколу, но, поняв свои заблуждения, вернулся в лоно церкви. Обманщик, не зная, что ответить, ударил архиепископа по лицу, а остальные подняли буйный крик. Цари прервали спор, удалившись в свои покои. Петр I поднял с головы корону и сказал: „Пока на моей голове эта корона и пока душа в теле моем, я буду защищать церковь и правую веру“; потом, обернувшись к боярам и дру-

гим царедворцам, добавил: „Дерзайте против наших общих врагов“. Затем он приказал прогнать раскольников из дворца и взять под стражу Никиту Распопа вместе с другими вожаками. Стрельцы, оставшиеся верными, сейчас же исполнили приказ государя. Патриарх и все духовенство бросились к ногам Петра I, благодаря за защиту церкви. 6/17 июля на площади перед Кремлем лжеучителю Никите отрубили голову. Его соумышленники и бродяги были биты кнутом и сосланы. Эти казни испугали Хованского и заставили замолчать как его, так и его приспешников; но в сердце они затаили злобу.

Между тем стрельцы избрали выборных для сношения с государями; они стали называть себя не стрельцами, а надворной пехотой. Они пожаловались Хованскому, что начальники должны им деньги. Несмотря на ложность этого обвинения, Хованский без всякого расследования приказал их удовлетворить. В результате начальников приговорили к уплате нескольких тысяч рублей, что разорило многих из них.

Хованский захотел использовать благоволение к нему царевны Софьи, чтобы отомстить Милославскому, с которым он поссорился. Он решил воспользоваться стрельцами, чтобы убить Милославского. Вскоре стрельцы стали искать случая оказать Хованскому эту услугу. Но Милославский на время склонился перед грозой и тайком уехал в свою вотчину. Однако через некоторое время он снова появился при дворе. Он обвинил Хованского перед царевной Софьей, будто он на людях говорил о своем высоком происхождении, выводил свой род от королей и даже похвалялся, что женится на одной из царевен. Софья была возмущена его дерзостью; но она искусно это скрыла, твердо решив дать волю своему негодованию, когда придет время.¹⁹

ТРЕТИЙ БУНТ²⁰

Сговорившись со стрельцами, Хованский поддерживал раскол и завершал подготовку своего преступного умысла. Государя, уведомленные о его тайных происках, 29 августа пере-

ехали из Москвы в Коломенское, увезя с собою всех бояр и прочих царедворцев. Хованский и не подозревал, что они поедут дальше.

2 сентября на воротах Коломенского дворца оказалось прибитое письмо с предупреждением, что Хованский с сыном и сообщниками замышляют на жизнь государей, патриарха и бояр и даже хотят завладеть властью. Это известие заставило царей в тот же день уехать из Коломенского в село Воробьево, куда их сопровождали вдовствующая царица Наталья Кирилловна и царевна Наталья Алексеевна. 6-го они отправились в Саввин монастырь. Не успели Хованский и стрельцы узнать об отъезде государей, как они уже стали раскаиваться в том, что затеяли.

Из Саввина монастыря государи послали указы ко всем городам, чтобы собирать ратных людей и посылать их к Троице для защиты своих государей от посягательства стрельцов. Одновременно было приказано явиться туда и Хованскому, но он не поехал. Как только дворяне получили грамоты, они собрали, сколько могли, людей и поспешили к Троице, побуждая друг друга к возможной быстроте действий. Их собралось около ста тысяч человек, и они умоляли государей показаться войску. Государи вышли к войску и рассказали о преступных замыслах стрельцов. Дворяне, возмущенные трусостью бояр, командиров и московских дворян, грозили изрубить их в куски за то, что они не защитили своих государей и дали столько воли стрельцам. Что до дворян окрестных городов, — прибавляли они, — то их следует лишить дворянства и причислить к мятежным стрельцам в наказание за то, что они плохо защищали своих государей и потакали стрельцам, вместо того чтобы их строго наказывать.

Государи одобрили их усердие, но запретили применять какие-либо крайние меры. Однако дворяне настаивали на наказании мятежников, объясняя, что в противном случае

стрельцы и впредь будут дерзки и взбунтуются при первом же случае. Государи, убедившись в верности дворян, оставили при себе часть из них, а остальных отослали по домам. Перед их отъездом государи пожаловали военачальников прибавкой жалования и наградили землями остальных.

Михаилу Плещееву, Кириллу Хлопову, Василию Пушкину, Ивану Тяпкину, Ивану Суханину и Ивану Горохову было приказано остаться в Москве, чтобы наблюдать за действиями стрельцов.

Прибыв в село Воздвиженское, государи отлично понимали, что Хованский ослушается второго приказа, как ослушался первого. Они решили прибегнуть к хитрости и написали ему весьма благосклонное письмо, в котором хвалили его заслуги, обещали награды и призывали его приехать, чтобы присутствовать на совете. Видя столь лестное обращение, а также и ожидая скорого приезда гетмана, который был уже на пути в Москву, Хованский с сыном попались в ловушку. Им не дали доехать до Воздвиженского и схватили в селе Пушкине, вместе с сопровождавшими их 37 стрельцами.

Беззакония и преступления, совершенные Хованскими, как и участие их в преступном мятеже, заставили двор подвергнуть их пытке. Они признались в своих преступлениях и искупили их смертью; им отрубили головы в Воздвиженском. Князь Иван Хованский, второй сын казненного, бежал в Москву, где пытался поднять стрельцов под предлогом, будто его отец, брат и стрельцы были казнены помимо указа государей и без всякого предварительного следствия.

При этом известии стрельцы ударили в набат, забили в барабаны, взялись за оружие, решив отправиться в Троицкую обитель, чтобы предать там все огню и мечу. Но когда они узнали, что численность войска, собравшегося при государях, с каждым днем растет, ими овладел страх и они решили укрепиться в Москве, чтобы выдержать здесь, если понадобится, осаду.

Государи написали патриарху, чтобы известить его о казни Хованского. Грамоту эту поручили полковнику Петру Зиновьеву. Он с большим трудом спасся от ярости стрельцов, которые отвели его к патриарху и заставили прочитать грамоту вслух. Их бешенство еще возросло, когда они услышали о казни Хованского; они поклялись отомстить за нее кровью и перерезать всех дворян.

Вернувшись, Зиновьев уведомил государей о стрелецком бунте, что заставило их отправиться в Троицкую обитель. Между тем, когда стрельцы сообразили, как их мало по сравнению со всем войском, собравшимся вокруг государей, и узнали к тому же, что это войско готово их защищать, то ярость стрельцов сменилась раскаянием. Они пошли к патриарху и молили его заступиться за них, обещая в будущем не нарушать своего долга и покорности. Патриарх горько укорял стрельцов за бунт, но все же обещал им отправиться в Троицкий монастырь, чтобы просить государей о помиловании их. Стрельцы просили, чтобы он не ехал туда сам, а послал вместо себя архиереев, так как его отъезд повергнет их в уныние. Патриарх с трудом добился помилования стрельцов; все же оно было им даровано под условием выдать зачинщиков мятежа. Три тысячи семьсот стрельцов отделились от остальных и просили дать им время приготовиться к смерти. Они простились со своими семьями, надели веревки на шеи и понесли с собой топоры и плахи. В таком виде они пошли к патриарху и снова стали молить его заступиться за них перед государями и спасти им жизнь; они старались также склонить на свою сторону и царевен. Царевны и патриарх в сопровождении высшего духовенства направились к Троице, куда пошли и стрельцы. Когда стрельцы прибыли, они были окружены войсками, и их обыскали, ища спрятанного оружия. После этого стрельцы пали на колени перед дворцом и положили головы на плахи.

Жены и дети, пришедшие вслед за стрельцами, зывали к государям, царице и патриарху, моля пощадить их мужей.

Царица Наталья Кирилловна в ту минуту вспомнила жестокую и позорную смерть своих братьев, уныние своего отца, унижение власти государственной, ужас, пережитый юными государями, страх, испытанный ею самой. Из-за этих мыслей она некоторое время не могла решиться простить виновных. Но когда она подумала о потоках крови, готовых пролиться, тронутая униженным видом патриарха, стоявшего перед ней на коленях, чувствительная к слезам жен и детей стрельцов, злопамятство в ней сменилось состраданием и она стала слезно умолять государей пощадить стрельцов. Государь приказали открыть окна в своих покоях, сделали стрельцам гневный выговор и помиловали их. Стрельцы тотчас встали, троекратно поклонились в землю своим государям и удалились.

6/17 ноября оба государя возвратились в Москву, совершив торжественный въезд в город под радостные клики народа. Государь приказали обнародовать помилование стрельцам. Дворяне, которые поспешили на помощь государям, были награждены, и, чтобы обеспечить прочное спокойствие в будущем, им было приказано поселиться в Москве. Так кончился этот бунт.

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ²¹

Государь Иван Алексеевич родился немощным. Его младший брат, не предаваясь детским забавам, с охотой изучал военное искусство и другие полезные науки. Поэтому царевне Софье было нетрудно забрать все дела в свои руки.

Вновь введенные воинские упражнения отнюдь не нравились стрельцам. Из всего стрелецкого войска Петр Первый любил только Сухаревский полк, преданность которого была ему известна и который во время прошлого бунта не имел никаких сношений с мятежниками. Поэтому Петр Первый всегда держал его при себе. Другие полки пытались

внушить царевне Софье недоверие по поводу нового воинского обучения, введенного Петром. Чтобы укрепить свою власть, царевна поручила Стрелецкий приказ думному дьяку Шакловитому, своему личному советнику, который пользовался ее большим расположением. Посольский приказ был вверен князю Василию Голицыну, которому вместе с тем было велено именоваться новгородским наместником и хранителем государевой большой печати. Она назначила своих ставленников полковниками стрелецкого войска и требовала, чтобы ее имя писалось в указах рядом с именами государей, а ее изображение давалось вместе с изображениями государей на монетах.²²

Бояре, дворянство и народ любили своих государей и горячо желали, чтобы они взяли в руки бразды правления; но никто не смел высказать этого из страха нового выступления стрельцов.

За это время в Москве побывали послы кесаря римского и короля польского. Царевна Софья приняла их со всею возможной пышностью.

Заклучив вечный мир с поляками, она задумала предпринять военный поход, который прославил бы ее и тем укрепил ее власть. Для этого она приказала собрать войско в 200 000 человек и послала его в Крым под начальством князя Василия Голицына. Этот вельможа был в то время верховным правителем, но, заметив, что Шакловитый пользовался ббльшим влиянием в делах, чем он, и что создание регулярных войск, осуществляемое Петром Первым, проходит с явным успехом, он хотел воспользоваться необходимостью стать во главе войска, чтобы под этим предлогом удалиться от двора. Поэтому он первый поднял речь перед царевной Софьей об этом походе. Петр Первый всеми силами старался этого не допустить, но тщетно; царевна настояла на своем.

Войско выступило в поход очень поздно, что дало крымским татарам время сжечь траву в степях, а это вызвало

большие затруднения для русского войска. Недостаток фуража заставил его возвратиться обратно, ничего не предприняв. Чтобы скрыть неудачу, царевна одобрила действия военачальников и наградила их.

Некоторые военачальники в Малороссии обвиняли своего гетмана Ивана Самойловича в том, что это он написал в Крым, советуя сжечь траву в степях. Когда это обвинение дошло до князя Голицына, он доложил о нем царевне, которая отдала должность Самойловича Мазепе.

Петр Первый, недовольный службой военачальников и нетерпеливо переносивший захват самодержавной власти царевной Софьей, вошел в палату, где она заседала в совете бояр. Государь стал упрекать Голицына, что тот допускал насилия над населением тех мест, через которые проходил, а также, что он обнажил границы, чрезмерно растянув свои войска. Голицын, вместо оправдания, обещал выступить в [следующий] поход рано, прежде чем жара высушит траву.

Государь настоятельно требовал укрепить границу и приказал, чтобы князь Голицын,²³ князь Михаил Ромодановский и Авраам Хитров охраняли Белгородскую линию укреплений, взяв каждый по пехотному полку, что составляло войско в 30 000 человек. Петр Первый очень хотел лично участвовать в походе, но он еще не достиг совершеннолетия.

Между тем царевна Софья, вовсе не считаясь с распоряжениями своего брата, приказала князю Василию Голицыну вступить с войсками в Крым. Он повиновался и вскоре вступил в бой с татарами у так называемой Черной равнины. Поход закончился в июне, не принеся существенного успеха ни одной из сторон. Царевна тем не менее одобрила действия военачальников, пожаловала им золотые и серебряные медали и наградила их землями.

Петр Первый отнюдь не одобрял этого похода. Он с неудовольствием видел, что Голицын привел войско назад, не получив на то приказа и не добившись сколько-нибудь значительного успеха. Дворяне, служившие под начальством

Голицына, сообща подали государям челобитную, в которой жаловались на него. Они писали, что войско, уже прошедшее через степи и теснины и находившееся среди всяческого изобилия, могло легко разорить весь Крым, но Голицын никак не воспользовался своими преимуществами, а пошел назад; поэтому они полагали, что их начальник был подкуплен крымским ханом, посланцев которого у него видели. Дворяне кончали челобитную просьбой, чтобы государи отстранили от власти свою сестру и взяли бразды правления в собственные руки; они обещали до последней капли крови бороться с теми, кто будет этому препятствовать.

ЧЕТВЕРТЫЙ БУНТ²⁴

Царевна Софья, узнав о челобитной и боясь, что ее заставят выпустить власть из рук, известила стрельцов. Эта солдатчина, всегда готовая к бунту, тотчас решила низложить болезненного царя Ивана и убить царя Петра, его мать, вдовствующую царицу, и всех преданных им вельмож. На престол должна была вступить царевна Софья.

Царь Петр женился в первый раз 17/28 января 1689 г. 8/19 июля того же года оба государя отправились в соборную церковь к торжественной службе. Когда крестный ход вышел из церкви, царевна Софья захотела идти рядом с обоими государями. Царь Петр заметил ей, что ее поступок нарушает обычай и что ей совсем не следовало участвовать в этом обряде. Царевна, несмотря на указание Петра Первого, осталась на занятом ею месте. Царь, возмущенный ее гордостью и высокомерием, направился в Архангельский собор, а оттуда удалился в село Коломенское. Этот знак неуважения страшно оскорбил царевну и заставил ее ускорить исполнение своего замысла. В тот же самый день Шакловитый совещался со стрелецкими начальниками и другими недовольными о том, как убить Петра Первого, царицу-мать, патриарха, бояр и самых богатых купцов и

разграбить их дома, после чего возвести на престол царевну Софью.

С 10/21 августа происходили тайные сборища в Кремле, близ Никольских ворот, в доме некоего Лыкова, где теперь находится арсенал. Сюда Шакловитый собрал начальников стрелецких полков, чтобы обсудить с ними, как осуществить покушение. Все переговоры держались в глубокой тайне. 18/29 августа 4 верных стрельца прибежали в Преображенское, где находился Петр Первый с двумя царицами — матерью и супругой, — и предупредили его, что множество стрельцов устремилось в Кремль с целью убить царя и всех преданных ему знатных людей; поэтому он должен укрыться в каком-нибудь безопасном месте. Петр Первый удалился к Троице, куда за ним последовали преданные ему дворяне и Сухаревский полк.

Царевна Софья и ее сторонники, увидев, что их план не удался и заговор открыт, испугались за себя. Петр Первый приказал боярам и всем московским служилым людям немедленно явиться к нему. Все повиновались, кроме князя Голицына, Шакловитого и нескольких близких царевне людей. Непреклонность царя заставила царевну обратиться к патриарху с просьбой быть посредником и примирить ее с Петром, убедив его забыть о прошлом. Патриарх, не знавший о заговоре, пошел к царю, чтобы исполнить поручение царевны. Но, узнав о злых умыслах стрельцов, он был охвачен ужасом и решил остаться с царем. Софья, видя, что патриарх не возвращается, поняла грозящую ей опасность и решила с несколькими своими сестрами отправиться в Троицкий монастырь. Она держала в руках образ Спасителя, как бы беря его в свидетели своей невинности. В Воздвиженском ее встретил Иван Бутурлин, комнатный стольник, который приказал ей от имени Петра Первого ни под каким видом не являться в Троицкий монастырь. Так как она ослушалась приказа, то ей вторично было послано запрещение итти в Троицкий монастырь под угрозой, что

в противном случае с ней будет поступлено строго и без уважения к ее особе. Вскоре прибыли к Софье боярин Шереметьев и стрелецкий подполковник Иван Нечаев и потребовали, чтобы она немедленно выдала им изменника Шакловитого. Царевна всеми силами старалась укрыть его, продолжая уверять, что он невиновен, но однако велела приготовить его к смерти и соборовать. Тем временем царь Иван Алексеевич прислал к ней своего дядьку, требуя выдачи Шакловитого и мятежников. Этот поступок царя показал царевне, насколько ослабела ее власть. Поэтому она решила согласиться на требование государей. Мятежников отвели в Троицкий монастырь. Собравшаяся там чернь осыпала Шакловитого оскорблениями, упрекая его в честолюбивых замыслах. Его допрашивали перед боярами, подвергнув долгой и мучительной пытке. Видя, что он изблещается свидетелями, он решил сознаться в своих преступлениях и сделал это письменно. После этого ему и другим бунтовщикам отрубили головы перед монастырем. Стрелецкий приказ был затем отдан князю Ивану Троекурову, которому было приказано держать стрельцов в повиновении и ввести самую строгую дисциплину.

Князю Василию Голицыну, приехавшему из Москвы, было приказано отправиться на подворье и запрещено являться в монастырь. Через некоторое время его вызвали и схватили на крыльце дворца; здесь его преступления были оглашены перед народом. Он был лишен княжеского достоинства, его имущество взяли в казну, а его сослали в отдаленное место.

Затем Петр Первый послал князя Троекурова к брату своему, царю Ивану Алексеевичу, чтобы просить его предложить царевне Софье отказаться от всех честолюбивых замыслов и избрать себе почетное убежище в монастыре.

Царевна, не видя больше средств удержать свою власть, уступила, хотя и против воли. Она рассталась со своими сестрами и удалилась в монастырь, где и кончила свои дни.

Князю Федору Ромодановскому было поручено охранять ее с отрядом солдат. Тех, кто ей служил и пользовался ее расположением, разослали в незначительные города.

Приняв все эти меры, Петр Первый со всей своей семьей возвратился в Москву, где был встречен радостными криками народа. В это время стрельцы держались самым униженным образом. Царь помиловал их всех, кроме нескольких начальников, которых велел пытаться, а затем казнить. Так было потушено пламя мятежа.

Царь Иван передал Петру Первому верховную власть, которой он был облечен, и до конца своих дней жил как частное лицо. Большую часть стрельцов разослали в разные города, что сильно подорвало их влияние в Москве.

ПЯТЫЙ БУНТ²⁵

Когда Петр Первый с Великим посольством уехал в чужие страны, управление государством было поручено Тихону Никитичу Стрешневу и князю Федору Ромодановскому, которым было приказано собирать бояр и советоваться с ними в затруднительных и опасных случаях. В июне месяце, во время отсутствия Петра в Москве, узнали, что четыре стрелецких полка, посланные на границу Литвы для наблюдения за поляками, взбунтовались, прогнали своих начальников, отказавшихся участвовать в бунте, и поставили на их место своих товарищей; что они самовольно идут к Москве, везя за собою пушки, и собираются истребить бояр и всех значительных людей, а также воспрепятствовать возвращению Петра Первого в Москву. Узнали также, что они собираются присоединить к себе московскую чернь и хотят передать управление государством царевне Софье и ее сестрам.

Тотчас по получении этих сведений правители послали нарочного к царю с обстоятельным донесением обо всем, что было открыто. Гонец нашел Петра Первого в Вене, и его донесение заставило государя направиться в Москву.

Тем временем московские бояре решили послать против мятежников военачальников Шеина и Гордона. Стрельцы усиленными переходами двигались к Москве и уже дошли до Воскресенского монастыря, в 50 верстах от Москвы, когда оба войска встретились. Посланец Шеина убеждал стрельцов вернуться на путь долга и просить прощения в своем преступлении, но мятежники, не слушая спасительных советов, осыпали его оскорблениями и упреками. Они также дерзко отвергли увещание генерала Гордона и готовились к упорному бою.

В начале боя начальники ограничились тем, что дали по стрельцам несколько холостых выстрелов, для острастки. Но стрельцы стреляли в войско государя ядрами и убили многих. Тогда генералы, в свою очередь, пустили в ход против мятежников артиллерию, а затем напали на них с такой отвагой, что вскоре обратили их в бегство. Множество стрельцов осталось на месте, четыре тысячи были захвачены со всей артиллерией и обозом.

Пленных отвели в Москву. Их начальников пытали, и под пыткой они признались, что действовали только по наущениям царевны Софьи, поддерживавшей с ними тайные сношения.

Когда царь возвратился в Москву, он принял по отношению к мятежникам меры, которые были одобрены всей придворной знатью и всеми горожанами. Он заглушил в себе милосердие и обрушил справедливую кару на тех подданных, которые так часто злоупотребляли первою из этих добродетелей. Много стрельцов было казнено, остальных разослали в отдаленные места или перевели в другие полки; через несколько лет самое имя их, так сказать, угасло.²⁶

[ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ
НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО
КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА
ПЕРВОГО ИЛИ ДО 1054 ГОДА СОЧИНЕННАЯ
МИХАЙЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ, СТАТСКИМ
СОВЕТНИКОМ, ПРОФЕССОРОМ ХИМИИ И
ЧЛЕНОМ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРА-
ТОРСКОЙ И КОРОЛЕВСКОЙ ШВЕДСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК]

ДРЕВНЯЯ
РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЯ

ошъ начала
РОССИЙСКАГО НАРОДА
до кончины
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЯРОСЛАВА ПЕРВАГО
или до 1054 года,

сочиненная
МИХАЙЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

статскимъ Совѣтникомъ, Профессоромъ Химіи,
и Членомъ Санктпетербургской Император-
ской и Королевской Шведской Ака-
демій наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1766.

[ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление.

Часть I

О РОССИИ ПРЕЖДЕ РУРИКА

- Гл. 1. О старобытных в России жителях и о происхождении российского народа вообще.
- 2. — величестве и поколениях славенского народа.
 - 3. — дальней древности славенского народа.
 - 4. — нравах, поведеньях и о верах славенских.
 - 5. — преселениях и делах славенских.
 - 6. — чуди.
 - 7. — варягах вообще.
 - 8. — варягах-россах.
 - 9. — происхождении и о древности россов, о преселениях и делах их.
 - 10. — сообществе варягов-россов с новгородцами, также с южными славенскими народами, и о призыве Рурика с братьями на княжение новгородское.

Часть II

ОТ НАЧАЛА КНЯЖЕНИЯ РУРИКОВА ДО КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

- Гл. 1. О княжении Рурикове и о прочих князях, призванных из варяг-россов.
- 2. — княжении Ольгове.

-
- Гл. 3. О княжении Игоре.ве.
— 4. — „ Ольгине.
— 5. — „ Святославове.
— 6. — „ Ярополкове.
— 7. — „ Владимирове прежде крещения.
— 8. — рассмотрении вер и о крещении Владимирове.
— 9.^м — княжении Владимирове после крещения его.
— 10. — „ Святополкове.
— 11. — „ Ярослава Первого.]

ВСТУПЛЕНИЕ

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастье своем перемены, что ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, изнутри домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость при-

обретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.

Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако, противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели.¹ Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унижить тех, которые по долгом времени приняли начало своей славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на воль-

ные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечая несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историю преданных, изыскать можно.

Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает. Наконец, она дает государям примеры правления, подданным — повиновения, воинам — мужества, судиям — правосудия, младым — старых разум, престарелым — сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших?

Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность. Вели-

костию сего дела закрыться должно все, что разум от правды отвратить может. Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства,² где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащая похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрения не произвести в благорассудном и справедливом читателе.

ЧАСТЬ I

О РОССИИ ПРЕЖДЕ РУРИКА

ГЛАВА I

О СТАРОБЫТНЫХ В РОССИИ ЖИТЕЛЯХ И О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА ВООБЩЕ

Старобытные в России обитатели, славяне и чудь, по преданиям достоверных наших летописателей известны.* Древние внешние авторы скифов и сармат, на разные поколения разделенных, под разными именованьями в ней полагают.** Обои народы одержали великое участие в обширном сем земель пространстве. Славенское владение возросло с течением времени. Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от славенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется.

* Нестор на многих местах, степенные книги и летописцы.

** Геродот, Страбон, Плиний и Птоломей.

Соединение двух сих народов подтверждается согласием в избрании на общее владение князей варяжских, которые с робы своими и со множеством подданных к славянам и чуди преселились и, соединив их, утвердили самодержавство. В составлении российского народа преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш, от славенского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей пространству малые различия имеет в наречиях.

Сих народов, положивших по разной мере участие свое в составлении россиян, должно приобрести обстоятельное по возможности знание, дабы уведать оных древность и сколь много их дела до наших предков и до нас касаются. Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения. Большую часть оных видим военными беспокойствами, преселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество.

ГЛАВА 2

О ВЕЛИЧЕСТВЕ И ПОКОЛЕНИЯХ СЛАВЕНСКОГО НАРОДА

Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее оного поколение, довольна к сравнению с каждым иным европейским народом. Но представив с нею Польшу, Богемию, вендов, Моравию, сверх сих Болгарию, Сербию, Далмацию, Македонию и другие, около Дуная славянами обитаемые земли, потом к южным берегам Варяжского моря склоняющиеся области, то есть курландцев, жмудь, литву, остатки старых пруссов и мекленбургских вендов, которые все славенского племени, хотя много отмен в языках имеют, наконец, распростершиеся далече на восток, славенороссийским народом покоренные царства и владе-

тельства рассуждая, не токмо по большей половине Европы, но и по знатной части Азии распространенных славян видим.

Такое множество и могущество славенского народа уже во дни первых князей российских известно из Нестора и из других наших и иностранных писателей.* Ибо в России славяне новгородские, поляне на Днепре, по горам Киевским, древляне в Червонной России, между Днепром и Припятью, полочане на Двине, северяне по Десне, по Семи и по Суле, дулебы и бужане по Бугу; кривичи около Смоленска, волыңцы в Волынии, дреговичи^a меж Припятью и Двиною, радимичи на Соже, вятичи на Оке и другие поколения, по разным местам обитая и соединяясь с варягами-россами, пресильные войны подымали против греков. Вне России ляхи по Висле, чехи по вершинам Албы, болгары, сербы и моравляне около Дуная имели своих королей и владетелей, храбрыми делами знатных. По южным берегам Варяжского моря живших славян частые и кровавые войны с северными, а особливо с датскими королями, весьма славны.** Множество и величество городов хотя тогда не таково было, как ныне, однако же весьма знатно. В российских пределах великий Новгород, Ладога, Смоленск, Киев, Полотск паче прочих процветали силою и купечеством, которое из Днепра по Черному морю, из Южной Двины и из Невы по Варяжскому в дальные государства простиралось и состояло в товарах разного рода и цены великой. Меж другими славенскими селениями оставил по себе с развалинами великую славу пребогатый купеческий город и пристань Виннета при устьях реки Одры; разорен около помянутых времен от датчан.

Сравнив тогдашнее состояние могущества и величества славенского с нынешним, едва чувствительное нахожу в нем приращение. Чрез покорение западных и южных славян

* Нестор в начале и степенные кн.; Порфирогенит в Администр.: - ции.³

** Оные описывает Саксон Грамматик на многих местах.⁴

^a В подлиннике дергвичи.

в подданство чужой власти и приведение в магометанство едва ли не последовал бы знатный урон сего племени перед прежним, если бы приращенное могущество России с другой стороны оногo умаления с избытком не наполнило. Того ради без сомнения заключить можно, что величество славенских народов, вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере.

Но то же еще усматриваю много далее в древности.* В начале шестого столетия по Христе славенское имя весьма прославилось; и могущество сего народа не токмо во Фракии, в Македонии, в Истрии и в Далмации было страшно, но и к разрушению Римской империи способствовало весьма много. Венды и анты, соединяясь со сродными себе славянами, умножали их силу. Единоплеменство сих народов не токмо нынешнее сходство в языках показывает, но и за тысячу двести лет засвидетельствовал Иорнанд,** оставив известие, что „от начала реки Вислы к северу по безмерному пространству обитают многолюдные вендские народы, которых имена хотя для разных поколений и мест суть отменны, однако обще славяне и анты называются“. Присовокупляет еще, что от Вислы простираются до Дуная и до Черного моря. Прежде Иорнанда Птоломей*** во втором столетии по Христе полагает вендов около всего Вендского по ним проименованного залива, то есть около Финского и Курландского. Сей автор притом оставил в память, что Сармацию одержали превеликие вендские народы. И Плиний**** также свидетельствует, что в его время около Вислы обитали венды и сарматы. Итак, хотя Тацит***** сомневался о вендах, к сарматам ли их, или к германцам причислить, к чему подали ему повод жившие тогда между немцами, как

* Прокопий Кесарийский, также Иорнанд на многих местах.⁵

** О делах готических, гл. 5.

*** Географ., кн. 3, гл. 5, табл. 7.⁶

**** Natur. ист., кн. 4, гл. 27.⁷

***** О нравах германцев.⁸

и ныне, венды, затем больше склонял их к последним, однако вышеписанные свидетельства несравненно сильнее уверяют. Итак, народ славенопольский по справедливости называет себя сарматским; и я с Кромером* согласно заключить не обинуюсь, что славяне и венды вообще суть древние сарматы.

Кроме славян, особенно именованных, вендов и антов, сверх Сармации, где в половине шестого веку Лех и Чех державствовали над многочисленным славенским народом, доказывают его тогдашнюю великость болгары, которых единоплеменство по великому сходству языка, могущество и множество их военных дел неспоримо. Ибо уже прежде царства Юстиниана Великого, при царе Анастасии приобретши себе в Иллирике владение и селение, тяжкие войны наносили грекам.

В северных российских пределах славенские жители умолчаны не столько за малолюдством, сколько за незнанием от внешних писателей. Домашних вовсе отвергать есть несправедливая строгость. Новгородский летописец¹⁰ хотя с начала многими наполнен невероятными вымыслами, однако никакой не нахожу причины упрямо спорить, чтобы город Славенск никогда не был построен и разорен много прежде Рурика. Старинные развалины свидетельствуют; Нестор о Новгороде упоминает прежде всех городов российских и что дважды строен.** От северных писателей*** издревле назывался Кунигардия, то есть (на чудском языке) славный город. Сие рассуждая, не почитаю за легкомысленное любопытство, когда, примечая именованья мест у Птолемея, у Плиния и у других, находим от Адриатического моря и Дуная до самых берегов Ледовитого океана многих знаменованья с языка славенского, что не за бессильное дока-

* Книга 1, глава 12.⁹

** В начале и в 862 году.

*** Гелмолд и Арнолд.¹¹

зательство признавать должно, когда на вышеписанных свидетельствах имеет опор и основание. К доказательному умножению славенского могущества немало служат походы от севера готов, вандалов и лонгобардов. Ибо хотя их по справедливости от славенских поколений отделяю, однако имею довольные причины утверждать, что немалую часть воинств их славяне составляли; и не токмо рядовые, но и главные предводители были славенской породы. Итак, ныне довольно явствует, коль велико было славенское племя уже в первые веки по рождестве христове.

ГЛАВА 3

О ДАЛЬНОЙ ДРЕВНОСТИ СЛАВЕНСКОГО НАРОДА

Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имен не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных. Посему имя славенское по вероятности много давнее у самих народов употреблялось, нежели в Грецию или в Рим достигло и вошло в обычай. Но прежде докажем древность, потом поищем в ней имени.

Во-первых, о древности довольно и почти очевидное уверение имеем в величестве и могуществе славенского племени, которое больше полуторых тысяч лет стоит почти на одной мере; и для того помыслить невозможно, чтобы оное в первом после Христа столетии вдруг расплодилось до толь великого многолюдства, что естественному бытию человеческого течения и примерам возвращения великих народов противно. Сему рассуждению согласуются многие свидетель-

ства великих древних писателей, из которых первое предложим о древнем обитании славян-вендов в Азии, единоплеменных с европейскими, от них происшедшими. Плиний пишет,* что „за рекою Виллиею страна Пафлагонская, Пилименскою от некоторых проименованная; сзади окружена Галатиєю. Город милезийский Мастия, потом Кромна. На сем месте Корнелий Непот присовокупляет енетов и единоименных им венетов в Италии от них происшедшими быть утверждает“. Непоту после согласовался Птоломей,** хотя прежде иного был мнения. Согласовался Курций,** Солин.**** Катон то же разумеет, когда венетов, как свидетельствует Плиний,***** от троянской породы производит. Все сие великий и сановитый историк Ливий показывает и обстоятельно изъясняет.***** „Ангенор, — пишет он, — пришел по многих странствованиях во внутренний конец Адриатического залива со множеством енетов, которые в возмущение из Пафлагонии выгнаны были и у Трои лишились короля своего Пилимена: для того места к поселению и предводителя искали. По изгнании евангеев, между морем и Алпийскими горами живших, енеты и трояне одержали оные земли. Отсюда имя селу — Троя; народ весь венетами назван“. Некоторые думают, что венеты происходят из Галлии, где народ сего имени был при Иулии Кесаре. Однако о сем не можно было не ведать Катону, Непоту и Ливию. При свидетельстве толиких авторов спорное мнение весьма неважно; и напротив того, вероятно, что галлские венеты произошли от адриатических. В тысящу лет после разорения Трои легко могли перейти и распространиться чрез толь малое расстояние.

* Натур. ист., книга 6, глава 1.¹²

** Книга 12, стр. 544. Книга 4.

*** Кн. 3, гл. 3.¹³.

**** Глава 44.¹⁴

***** Нат. ист., книга 3, глава 19.

***** Книга 1, глава 1.¹⁵

Уже имеем древность славенского племени в Азии от самых древнейших времен, которых далее не простираются европейских народов благорассудные историки. Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, ни отрещи не чажошу основания.¹⁶ Для того оставляю всякому на волю собственное мнение, опасаясь, дабы священного писания не употребить во лжесвидетельство, к чему и светских писателей приводить не намерен. Довольно того, что могу показать весьма вероятно еще другие сильные в Азии народы, кроме енетов, славенского племени равной древности, и бывшим уже тогда их величеством и могуществом уверить, что оное началось за многие веки до разорения Трои.

Единоплеменство сарматов и венедов или вендов со славянами в прошедшей главе показано. О живших далее к востоку сарматах пишет Плиний,* что они мидской породы, живут при реке Доне, разделяются на разные поколения. Сей же автор и Страбон** некоторых мидян в Европе вместе с фракиянами, то есть в сарматских пределах, полагают, чем вероятность о единоплеменстве сарматов с мидянами умножается. Ибо, преселяясь от востока к западу, мидские народы, и будучи проименованы сарматами, могли в некоторых поколениях удержать прежнее имя, подобно как славяне новгородские перед другими славенскими породами, которые особливые имена имели.

Некоторые речения мидские, со славенскими сходные, не были бы единокровия вероятностью, когда бы таковыми важными свидетельствами древних писателей не утверждались.

Амазоны, по преданию Геродотову,*** от сармат происхождение имели и говорили языком сарматским; скифскому от будинов не чисто научились. Плиний о сарматах гинеко-

* Нат. ист., кн. 6, гл. 7 и кн. 4, гл. 1 и гл. 11.¹⁷

** В Географ., кн. 7, ст. 218.¹⁸

*** В Мелло[мене], стр. 115.¹⁹

кратуменах, то есть женами обладаемых, упоминает, супружество с амазонами имеющих; также и о сарматских амазонах.* Посему они были славенского племени.

Видя пафлагонов, енетов, мидян и амазонов в Азии славенского племени, уже думать можно, что обитавшие с ними в соседстве москхи им были единоплеменны, почему московский народ у многих новых писателей от них производится. О соседстве Москхинии с амазонами и сарматами нахожу древние свидетельства, о единородстве — не имею; итак, утверждать о том опасаясь, затем больше, что в Страбоне** противное сему примечаю: „Мосхиния, — пишет он, — разделена на три части: одну колхи, вторую иверы, третью армяне имеют“ — народы, от славян весьма отменные. В наших летописях до начала Москвы не находим по российским областям подобного имени; и у Нестора при исчислении славенских поколений о москхах глубокое молчание. Великий перерыв времени, в кое о москхах не упоминают внешние и домашние писатели, не позволяет утверждать о единоплеменстве москхов и славян московских без довольного свидетельства.

В южной Европе древность и могущество славян из Геродота явствует, который венедов с иллирианами за один народ почитает и обыкновения их, мидским подобные, описует,** чем показанное выше сего единородство подтверждается. Иллирийцев древность простирается до веков баснословных; сила из военных дел с греками и римлянами известна. Некоторые, стараясь древних иллирийцев разделить от нынешних славян, в Иллирике живущих, приводят во свидетельство Иорнанда и Прокопия, которые описывают пришествие славян за Дунай от севера: новых мест имена славенского знаменования признают, в старых того не находят. Слабые спорных мыслей основания! Правда, что славяне, от полу-

* Ист. нат., кн. 6, гл. 7.

** Географ., кн. 11, стр. 343.²⁰

*** Евтерпия, стр. 36; Терпсих[ора], стр. 128.

нощной страны перешед за Дунай, в Далмации и в Иллирике поселились в начале шестого веку. Но следует ли из того, чтоб они или их единоплеменные там прежде никогда не обитали? Не могло ли быть, чтобы римскую силою утесненные иллирические славяне во время войны уклонились за Дунай к полунощным странам; потом, приметив римлян ослабление, старались возвратиться на прежние свои жилища? Имеем сего явственные у себя следы. Нестор утверждает,* что в Иллирике, когда учил апостол Павел, жительствоваали славяне и что обитавшие около Дуная, убегая насильного владения нашедших и поселившихся меж ними римлян, перешли к северу, на Буг, Вислу, Днепр, Двину и Волхов.** Уже свидетельств довольно; но сверх того Плиний объявляет, что ему названия иллирических народов выговаривать трудно.²² Ясное доказательство, что ни от греческого, ни от латинского языка взяты, в коих он, без сомнения, был искусен. Города многие издревле показывают славенский голос, с делом согласный, и возводят вероятность на высочайший степень.

Признаки древнего имени славенского явствуют, во-первых, у Птоломея под названием ставан.*** Свойство греческого и латинского языка не позволяет, чтобы они выговорить могли славян имя. Ради того прежде ставанами, после склаванами и сфлаванами называли. Амазоны, или алазоны, славенский народ, по-гречески значат самохвалов; видно, что сие имя есть перевод славян, то есть славящихся, со славенского на греческий. Имена славенских государей, в одно время со славенским именем прославленных, не в самое то время могли принять начало, но перед тем задолго. По именам государей и героев своих народ прежде внутри пределов назывался, потом славою дел утвердил себе славное имя, которое хотя поздно по свету распространилось, однако внутри было давно в употреблении.

* Лист 16 на обороте.²¹

**В начале, лист 2 на обороте.

*** Географ., кн. 3, гл. 5, таб. Евр. 7.²³

ГЛАВА 4

О НРАВАХ, ПОВЕДЕНИЯХ И О ВЕРАХ СЛАВЕНСКИХ

Разные славян поколения неспоримо различались обычаями, хотя во многом имели сходство. Кроме разделения по местам, разность времени отменяет поведения. Того ради мидских, венецких, иллирийских, амазонских и сарматских предков славенских, кои многими веками, великими расстояниями и, сверх того, многоразличными преселениями отделяются, не изображаю в тогдашнем виде, который, по свойствам тамошнего климату и по соседству с отменными народами, походить не может на преселившихся их поздних потомков. Итак, довольно будет, когда увидим их, по преселениях несколько описанных.

Когда имя славенское в свете прославилось войнами против римлян и греков, тогда Прокопий Кесарийский,* того же веку писатель, следующее об них на память оставил: „Сии народы, славяне и анты, не подлежат единодержавной власти, но издревле живут под общенародным повелительством. Пользу и вред все обще приемлют. Также и прочие дела у обоих народов содержатся издревле. Единого бога, творца грома и всего мира господа исповедуют. Ему приносят волов и другие жертвы. Судьбины не признают и не приписывают ей никаких действий в роде человеческого. Впадши в болезнь или готовясь на войну и видя близко смерть, дают богу обещание, что ежели от нее свободятся, немедленно принесут жертву. Получив желаемое, исполняют свое обещание вскоре и верят, что жизнь их сохранена оною жертвою. Сверх того, почитают реки и другие воды, также и некоторых иных богов, которым всем служат и в приношении жертвы гадают о будущем. Живут в убогих хижинах, порознь рассеянных, и нередко с одного места преселяются на другое. Когда на бой выходят, многие идут пеши со щитами и с копьями;

* О Готич. войне, кн. 3, гл. 14.²⁴

лат не носят. Иные, не имея на плечах одеяния, в одних штанах бьются с неприятелем. Обоих язык один — странный. Ниже видом тела разнствуют, ибо все ростом высоки и членами безмерно крепки, цветом ниже весьма белы, ниже волосом желты, ни очень черны, но все русоваты. Жизнь содержат, как массагеты, сухою и простою пищею и, подобно как они, весьма нечисто ходят, натурою незлобны, нелукавы и в простоте много нравами сходны с гуннами“. Сие о славеных, живших в шестом столетии по Христе около Дуная.

О славенских народах, живших по российским областям, объявляет Нестор,* что поляне от своих предков обычаем кротки, стыдливы к родителям и к сродникам и брачное сочетание наблюдают. Древляне живут зверским образом: убивают друг друга, едят нечистую зверину. Брачных чинюв не держат: женский незамужний пол хватают у воды и вместо жен держат. Радимичи, кривичи, вятичи и северяне держатся одного обычая. Живут в лесах, как дикие звери, всякую нечистоту в пищу принимают, не стыдятся срамословить пред родителями; вместо браков сходятся на игрища между селами и пляшут, где хватают женский пол себе в жены, с которыми сперва согласились; держат по две и по три. Над мертвыми отправляют тризны, потом на струбе сожигают и пепел с костями в сосудах на столпах ставят при дорогах. Сие употребление у кривичей было еще при Несторе. Новгородских славян нравы и поведения усмотреть можно с начала истории от Рурикова приходу.

При Варяжском море на южном берегу жившие славяне издревле к купечеству прилежали. В доказательство великого торгу служит разоренный великий город славенский Виннета, от венетов созданный и проименованный. Гелмолд о нем пишет:** „Река Одра протекает в север среди вендских народов. При устье, где в Варяжское море вливается, был.

* В начале, лист 6 на обороте.

** Книга 1.²⁵

некогда преславный город Виннета, в котором многонародное пристанище грекам и варварам, около жившим. Все европейские города превосходил величеством. В нем жили славяне, смешанные с другими народами, с варварами и с греками. Приезжим саксонцам равно позволялось жить в сем городе, лишь бы только не сказывались христианами, ибо славяне все даже до разорения сего города служили идолам. Впрочем странноприимством и нравами ни один народ не был честнее и доброхотнее. Купечествовал товарами разного рода с разными народами пребогатый город и все имел, что бывает редко и приятно. Разорен от некоторого короля датского. Видны еще только древних развалин остатки“. После сего привык народ славенский в Померании к морскому разбойничеству.

О нравах и о вере вендских померанских славян, особливо которые жительствоваали в Вагрии, северные писатели уверяют,* что у них многоженство в обычае было: покупали жен, сколько кому прокормить возможно. Хотя ж почитали единого бога на небесах, который имел об оных попечение, однако земные дела поручал другим. Святовид на острове Ругене вырезан был из дерева о четырех лицах, в коротком платье, стоял в капище, в левой руке держал лук, в правой рог с вином; на бедре превеликий меч в серебряных ножнах.** При нем висело седло и узда величины чрезвычайной. Четыре лица, как кажется, значили четыре части года. Именем сего идола давал жрец ответы. Святовиду честию следовал Прове, или Пронно, особливо у вагрских славян; стоял на великом и кудрявом дубе. Около его на земли расставлены до тысячи идолов с двумя, тремя лицами и больше. Перед Пронном стоял алтарь для приношения жертвы. Радегаст держал на груди щит с изображенною воловою головою, в левой руке копьё, на шлеме петух с распростертыми крилами. Сива, или Сиба, нагая женщина, волосы назади висели до подколенков; в правой руке яблоко, в левой виноградный грозд держала.

* Гарткнох. Диссерт. 12, о делах прус., § 2.²⁶

** Арыкил. О цымбском идолопоклонстве, на многих местах.²⁷

Наконец, почитались у них Черн бог и Бел бог: первый добрый, другой злой. Сверх всех сих идолов, обоготворялись огни, которые по разным местам неугасимо горели. Многие воды, ключи и озера толь высоко почитались, что с глубоким и благоговейным молчанием черпали из них воду. Кто противно поступал, казнен был смертию. Такое озеро обоготворялось на острове Ругене, в густом лесу, называемое Студенец, которое хотя весьма изобиловало рыбою, однако оныя не ловили для почтения мнимой святости. При всем сем почитали змей как домашних богов и наказывали тех, которые им вред наносили. В приношении жертвы Святovidу изъявляли превеликое почитание. После жатвы собирался весь народ перед его капище для препровождения великого празднества, где били скота на жертву, и для знатного идольского пирования за день перед праздником должен был сам жрец прежде приношения жертвы и служения чисто выместь капище. Следующего дня, в самый праздник, при собрании народа перед дверью капища, взяв из руки идольской рог с вином, чем за год был наполнен, прорицал о плодородии будущего года. Ибо ежели вина в роге не много убыло, почиталось плодородия признаком. В противном случае изобилия плодов не надеялись. По сем выливал жрец вино из рога перед ногами Святovidовыми и наливал в него новое; пил за его здоровье и просил, чтобы людям своим и отечеству подал изобилие, богатство и победу над неприятельми. Выпив рог вина, наполнял снова и отдавал идолу в руку. Потом приносили в жертву великие круглые хлебы из муки и из меду, которые жрец поставив между собою и народом, молился о изобильной жатве будущего года. Потом благословлял народ именем Святovidовым, увещал к прилежному приношению жертвы и обещал в воздаяние победу на врагов по морю и по суку. По сем препровождался день в ядении и питии, и за стыд почитали, ежели кто не напился допьяна. Каждый человек в год сему идолу третью часть своей хищной добычи долженствовал принести в жертву. Триста конных

нарочных воинов, сколько могли награть, все в капище приносили, что жрец употреблял на украшение оногo. Нередко сему идолу приношены были в жертву христианские пленники, которых садили верхом на лошадях во всей их сбруе. Лошадь четырьмя ногами привязывали к четырем сваям и, под поставленные по обеим сторонам костры дров подложив огонь, сожигали живых коня и всадника. Другим идолам своим, Прову или Прону, Сиве, Радегасту, приносили тогда жившие славяне кровавую жертву людей христианских. По заклятии оных прикушивал жрец крови, от чего уповали силы и действия к предсказанию. Когда жертва совершилась, начинался жертвенный пир с музыкою и плясанием. Злым богам приносили кровавую жертву и печальное моление, также и страшные клятвы, добрым — веселие, игры и радостные пированья. О будущем гадали обыкновенно метанием деревянных дощечек, у которых одна сторона была черная, другая белая. Когда их бросали, белая сторона наверху добро, черная худо, по их мнению, предвозвещала. Летание птиц и крик по разности сторон, встреча зверей, сверх сего, движение пламени, течение воды и разные виды пены и струй также служили к предсказанию. Святовиду посвящен был великий белый конь. Когда войну начать хотели, втыкали перед капищем в землю острыми концами шесть копей, по два вместе крестообразно. По обыкновенной молитве выводил жрец посвященного коня скакать через оные копыя. Когда на скоку заносил наперед правую ногу, почитали за доброе предзнаменование предприемлемого дела; когда же левую простирал наперед далее, признавали за худое предвозвещение. По сему конскому скаканию начиналась война или отлагалась.

ГЛАВА 5

О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ СЛАВЕНСКИХ

Древнейшее всех преселение славян, по известиям старинных писателей, почитать должно из Азии в Европу. Что

оное двумя путями происходило, водою и по суку, из вышеписанного усмотреть не трудно. Ибо венеты от Трои с Антенором плыли Архипелагом, Посредиземным и Адриатическим морем. И весьма вероятно, что после оного по разным временам и случаям многочисленные их однородцы из Пафлагонии помянутым путем или по Черному морю и вверх по Дунаю к ним и в их соседство перешли житьствовать. Подтверждается сие, во-первых, тем, что венеты весьма широко распространились по северному и восточному берегу Адриатического залива и по землям, при Дунае лежащим; второе, что Пафлагония после того от времени до времени умалилась и, наконец, между главными землями в Азии не полагалась, ибо уже у Птоломея* почитается как малая часть Галатии.

Другой путь был из Мидии севером, около Черного моря, к западу и далее на полночь, когда сарматы, от мидян происшедшие, из задонских мест далее к вечерним странам простирались, что из вышеписанного по правде заключить должно. Еще ж Blond пишет,** что славяне, от Восфора Циммерского до Фракии обитавшие, в Иллирик и в Далмацию преселились. Болгар древнее жилище в Азиатической Сармации, около реки Волги, с добрым основанием от некоторых полагается,*** затем что Иорнанд со славянами и антами, славенским же народом, совокупное их нападение на Римскую державу описует и житьство их почитает в северной стране от Черного моря. Согласуется с делом имя болгар, от Волги происшедшее, которыми после того и другие народы, козары и татары, от россиян именовались.****

Все сие доказывает движение славенских поколений от востока на запад пространными нашими землями, по северу около Понтийского моря. Таким образом, простираясь уже

* Геогр., кн. 5, гл. 3.²⁸

** Декада 1, кн. 1.²⁹

*** Кроммер, кн. 1, гл. 8.³⁰

**** Нестор на многих местах.

паки к полудни, соединились с однородцами своими, преселившимися южною дорогою, и во многие веки составили разные славенские поколения, отменив наречия и нравы по сообщению с иноплеменными народами, с которыми в преселениях обращались.

Какова храбрость была древних предков славенского народа, о том можно уведать, читая о войнах персидских, греческих и римских с мидянами, сарматами и иллирийцами, которые принадлежат и до россиян обще с другими славенскими поколениями. О грамоте, данной от Александра Великого славенскому народу,³¹ повествование хотя невероятно кажется и нам к особой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новгородцев, и чехи оною похваляются.*

Между тем, когда славенские племена из Мидии, около Черного моря, в Иллирик и в другие места распространялись, тогда и в северные страны поселялись в великом множестве. Новгородский летописец согласуется в том со внешними писателями. И хотя бы имена Славена и Руса и других братьев были вымышлены, однако есть дела северных славян, в нем описанные, правде не противные. По Варяжскому морю, которое от воровства на чудском языке сие имя получило, обыкновенно в древние веки бывали великие разбои и не токмо от подлых людей, но и от владетельских детей за порок не почитались. Про Славенова сына Волхва, от которого Волхов наименование носит, пишет, что в сей реке превращался в крокодила и пожирал плавающих. Сие разуметь должно, что помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия прозван плотоядным оным зверем. Распространение славян северных до рек Выми и Печоры и даже до Оби хотя позднее должно быть кажется, нежели как положено в оном летописце, однако не так поздно,

* Кромер, книга 1, глава 14.

как некоторые думают, затем что дорогими собольими мехами торг из России на запад уже за семьсот лет известен из внешних авторов, и дыньки в российском купечестве прежде обращались,³² нежели Ёрмак открыл вход в Сибирь военною рукою.

Когда Римская империя усилилась и оружие свое распростерла далече, тогда почувствовали насильство ея и славенские народы, жившие в Иллирике, в Далмации и около Дуная, для чего в север уклонились к своим однородцам, которые издавна в нем жительствоваали. По свидетельству Несторову,* славяне в местах, где Новгород, обитали во время проповеди евангелия святым апостолом Андреем. У Птоломея** положены славяне около Великих Лук, Пскова, Старой Русы и Новагорода.

Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полуножных, которую единоплеменные их пользовались, в местах пространых, по великим полям, рекам и озерам. Нестор подробно описывает,*** что нашли волохи на славян дунайских и, сядши с ними, стали обижать и насиловать; тогда иные, отшед на реку Вислу, назвались ляхами. От ляхов прозвались иные лутичи, иные мазовшане, иные поморяне. Иные сели по Днепру и назывались поляне; другие — древляне, затем что сели в лесах; многие между Припятью и Двиною и назывались дреговичи; некоторые поселились на Двине и назывались полочане по реке Полоте; многие перешли на Оку и проименовались вятичами. Иные славяне сели около озера Ильменя и прослыли своим тем же именем; иные поселились по Десне, Семи и Суле и назывались северяне. Новгородцы одержали не одно токмо имя свое славенское, но и язык сродных себе славян, около Дуная и в Иллирике обитающих,

* Лист 4.

** Кн. 3, гл. 5, таблица 8.

*** Лист 3, на обороте.

который много сходнее с великороссийским, нежели с польским, невзирая на то, что поляки живут с ними ближе, нежели мы, в соседстве.

Потом, как Римская империя стала приходить в упадок, тогда славяне, стараясь отмстить древнюю предков своих обиду, предпринимали от севера на полдень сильные и частые походы, особливо при Иустиниане Великом, царе греческом, чему пример даю из Прокопия: * „Войско славенское, из трех тысяч состоящее, без сопротивления Дунай-реку переправилось и потом, без труда через Гебр переехав, разошлись надвое. Одна часть состояла из тысячи осьмисот человек, другая из прочих. На обоих, хотя друг от друга разделенных, учинили нападение римские военачальники во Фракии и в Иллирике, однако паче чаяния побеждены были и отчасти побиты на месте, отчасти без всякого порядку спаслись бегством. Потом, когда оба полки славенские, числом много меньшие, вождей римских низложили и прогнали, другая часть их с Азбадом учинила сражение. Сей Азбад, Иустинианов стипатор, правил конницею, которая издавна для прикрытия города Цирула во Фракии была сильна множеством и мужеством. Славяне, и сих рассыпав, многих, со срамом бегущих, умертвили и, поймав Азбада, хотя сперва стерегли жива, однако после, вырезав ремни из хребта, его сожгли. Сие учинив, всю Фракию и Иллирик без своего ущерба разоряли и в обоих местах многие крепости взяли осадою. Прежде ж сего ни к стенам приступить, ни в поле выступить не дерзали, никогда не смели чинить набегов на Римскую империю и до того времени, кажется, никогда через Дунай-реку не переходили. Победившие Азбада славяне разорили все места до самого моря. Приморский город Топерс оборонительным войском взяли таким образом. Славян большая часть в ямистых местах и во врагах близ стен городских утаилась. Малое оных число у ворот восточных.

* О Готической войне, кн. 3, гл. 38.³³

раздражали римлян, на городской стене стоящих. Солдаты, бывшие в городе, думая, что только славян было, сколько показалось, внезапно вооруженные учинили вылазку. Славяне стали отступать притворно и, якобы их страшась, назад побежали. И как римляне, гонясь за ними, от стены удалились, славяне засадные из врагов поднялись, от города путь им пресекли, и бегшие славяне, обратясь лицом к неприятелям, гонящих остановили и, побив всех, на том же месте приступили к городу. Уже неприготовившиеся мещане жестоко возмутились, однако по возможности сопротивлялись стремлению: ибо сначала кипящее масло и смолу лили на приступающих. И хотя люди всякого возраста на них бросали камень, однако бедства не отвратили. Великим множеством стрел славяне городских людей от зубцов сбили и, приставив к стенам лестницы, город взяли. Немедленно мужеска полу до пятнадцати тысяч порубив и разграбив богатство, малых детей и женский пол поработили. Ибо до того дня не было пощады ни единому возрасту. Другой полк, после того как ворвался в римские пределы, всех без разбору лишал жизни, так что в Илирике и во Фракии непогребенные трупы по всем местам лежали повержены. Потом оба полки живот пленным оставлять стали и так во свои жилища возвратились со многими тысячами пленных.

В Сардике, илирическом городе, собранное войско строил Герман и поспешал с великим к войне приуготовлением. Когда славенские полки, каковы никогда не бывали, достигши к пределам Римской империи и переправясь через Дунай, пришли к Наизу, некоторые из них отлучились от войска и, по ближним местам разделясь, для добычи бегали порознь, попали в руки некоторым римлянам. Связаны и вопрошены, для чего славенское войско за Дунай переправилось? — с уверением ответствовали, что пришли с тем намерением, дабы взять Солунь и окрестные его города. О сей вести император, весьма обеспокоившись, немедля писал к Герману, чтобы для настоящего времени, оставив поход

в Италию, и вместо того Солуню и другим городам поспешил дать помощь и не умедлил бы удержать стремление славян всеми силами. Между тем как Герман еще собирался, славяне, узнав от пленных о приходе его в Сардику, устрашились, ибо имя его было у них славно, что пред тем победил антов, славянам единоплеменных. Итак, убоясь и рассуждая, что идет с преизбранным воинством, которое от Иустиниана императора против короля Тотилы и против готов послано, предприятый путь к Солуню прекратили и, не смея больше выступить в поле, перешли все иллирические горы и без опасности вступили в Далмацию. В Иллирике Герман объявил войску, чтобы весь снаряд был собран для походу после двух дней в Италию. Однако, внезапно заболев, умер. После того отправил император против славян избранное войско, которого военачальниками были Константиан, Аратий, Назарий, Иустин, другой сын Германов, Иван, проименованием Елуон. Сверх того, над всеми поставил Схоластика, из придворных евнухов. Часть славян нашел он у Адрианополя, которые в пути своем уже не могли скоро простираться, для того что вели с собою бесчисленное множество пленников, скота и всякого богатства. Сим принуждены, остоялись и к сражению втай от неприятеля приготавливались; славяне на горе, римляне на поле стан укрепили. Долго так стояв, преодоленные нетерпеливостью солдаты с неудовольствием стали жаловаться на полководцев, что сами, пищею будучи довольны, презирают солдат, недостатками утомленных, и не хотят вступить в сражение с неприятельми. Таковыми жалобами принуждены были военачальники бой начать. Сражение возгорелось. Побеждены силою римляне; многие храбрые солдаты пали. Предводители, едва не пойманы, вырвавшись, с прочими ушли кому куда ближе. Славяне взяли Константиново знамя и, презрев римское войско, пошли далее. Астическую страну, которая долго не чувствовала разорения, опустошили; для того корысть нашли там преизобильную. Учинив по великому пространству разорение, дошли до долгой

стены, которая на день пути отстоит от Царяграда. Несколько после того римляне, следуя за славянами и залучив часть оных, побили внезапным нападением и, порубив многих, отняли римских пленных великое множество, и взято назад Константиново знамя. Прочие славяне с корыстию в дома возвратились“.

Таковы суть знатнейшие свидетельства походов славенских на Римскую державу. Впрочем, нет сомнения, что в войнах готских, вандальских и лонгобардских великое сообщество и участие геройских дел приписывать должно славянам. Показывает помянутый Прокопий* соединение их с лонгобардами, гепедами и готами ради Ильдизга, королевича лонгобардского. От великого множества славян, бывших с прочими северными народами в походах к Риму и Царюграду, произошло, что некоторые писатели готов, вандалов и лонгобардов за славян почитают, хотя они действительно германского были племени.

Следы знатных славенских походов явствуют из их преселений. Чехи, по описанию того ж Прокопия,** жительствовавали на берегу Евксинского понта, которым в прежние времена ставил королей римский император, а тогда уже ему не были ни в чем послушны. Нынешнее чехов обитание около вершин реки Албы свидетельствует о их походах, также и о преселениях прочих единоплеменных им народов. Болгары, при Анастасии, царе греческом, в первый раз на Римскую империю нападение учинившие, тоже показывают, что они славяне были; с вандалами и лонгобардами воевали в сообществе.

Взаимное северных и южных славян друг другу вспоможение явствует из приходу болгаров дунайских для населения Славенска: первое после великого мору, от которого жители почти все погибли, второе по нашествии гуннов, от коих Славенск разорен и положен в конечное запустение.

* О Готической войне, книга 3, глава 35.³⁴

** Там же, кн. 4, гл. 4.

Всех походов, преселений и смешений славенского народа для великого их множества и сплетения описать невозможно и не так нужно, как в следующих частях показать дела российских наших праотцев. Для того поспешаю к описанию прочих народов, поелику до нас касаются, как участники в составлении нашего общества.

ГЛАВА 6

О ЧУДИ

Чудские поколения коль далече по северу простираются, заключить можно из множества разных народов, отчасти Российской державе недавно покоренных, отчасти в оную в прежние совсем включенных. Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего, сильная земля Венгерская хотя от здешних чудских областей отделена великими славенскими государствами, то есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью,³⁵ рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, где и поныне чудские поколения обитают, их остатки. Представив чудской народ в нынешнем его рассеянном состоянии и по большей части у других держав в подданстве, помыслить можно, что в соединении бывал некогда силен на свете.

По примеру, как писано выше о величестве славенском, оглянемся на времена прошедшие около лет тысячи и поищем чудского могущества. Северные авторы* наполнены описаниями военных дел их и других сообщений, бывших со шведами, датчанами и норвежцами. Пермия, кою они Биармию

* Стурлез[он] на многих местах, также и Саксон Грамматик

называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогими звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами. В Северную Двину-реку с моря входили морскими судами до некоторого купеческого города, где летом бывало многолюдное и славное торговище: без сомнения, где стоит город Холмогоры, ибо город Архангельской едва за двести лет принял свое начало. Народ почитал идола Иомалу, что на ливонском, финском и на других чудских диалектах бога значит. Явствует сие из Стурлезона,* где описывает езду Торета некоего и Карла в Двину-реку, кои, будучи от короля своего Олава, проименованием Святого, посланы в Биармию для торгу, присовокупили к тому татьбу: ограбили золото и серебро из кладбищ, сорвали с деревянного Иомалы дорогое ожерелье и взяли серебряную чашу с деньгами. Сию древность тамошней чуди доказывают и поныне живущие по Двине чудского рода остатки, которые через сообщение с новгородцами природный свой язык позабыли. В показанном состоянии Пермия была около времен великого князя Владимира Первого и еще много прежде при Гаральде Пулхрикоме, во дни самых первых князей варяжских.

Финляндия в те же веки была весьма сильна и своими владетельми управлялась.** Вайланд, Свегдеров сын, король шведский, около времен первого христианского веку женился у короля финского Сния на дочери Дриве, от которой родился ему сын Висбур. Подобно и Агн, Дагонов сын, плененного финского князя именем Фростона дочь Скиалву имел в супружестве,***, которая после, заманив мужа в свое отечество, коварным образом сонного убила, отца своего смерть отмщая. Нападением на их землю финны храбро сопротивлялись. Победили Олава проименованием Святого.

* Том I, часть 7, гл. 143.³⁶

** Стурлез., том I, часть 1, гл. 16.

*** Он же, том I, кн. 1, гл. 22.

Нордские писатели причитали немалую часть храбрости финского народа колдовству, в чем оный носил на себе великое нареkanie.

Естония Финландии не уступала силою: сообщением с разными народами по купечеству превосходила, где не токмо разными товарами, но и людьми торговали. Олав, Тригвонов сын, король шведский, взят был в малолетстве на море от разбойников в полон и продан в Естландию,* о чем в житии великого князя Владимира Святославича пространнее. Ингварь, сын Остонов, король шведский, около пятого столетия по Христе разбоем ходил в Естландию по тогдашнему обычаю.** Естонцы на берегу морском его победили; Ингварь на бою убит и похоронен на том месте.

Но многих военных действий, бывших между нормандцами и чудскими народами, к морям прилежащими, то есть с пермцами, финландцами и естландцами, не исчисляю ради краткости. Довольно явствует по сим трем чудским народам, коль сильны были прочие их единоплеменные, к востоку лежащие, от морей отдаленные поколения, о которых нормандцам за великим отстоянием знать не было можно и кторых Нестор летописец исчисляет:*** весь полагает на Белеозере, мерю в Ростовской и Переяславской земле по Клещину-озеру, также черемису, мордву, печору и другие народы упоминает, из которых многие толь велики были, что со славянами новгородскими послов своих к варягам отряжали для призыву князей на владение, по которому пришел Рурик с братьями.

Рассмотрев чудского народу прежде многих веков могущество, большее нынешнего, признать должно, что они в севере великую часть земель еще и прежде того занимали и неотменно в общем имени скифов заключались от гре-

* Стурлез., том I, часть 6, глава 6.

** Он же, том I, часть 2, глава 36.

*** Нестор 6370 года.

ческих и римских писателей. Ибо татаре обитали тогда далече в Азии к востоку и потому скифского имени у греков не носили. Прочие древние народы, как алане, роксолане, даки, амазоны и другие должны причитаться к славенскому либо чудскому поколению. Итак, еще надлежит рассмотреть, которому из двух сих народов свойственно приписать должно имя скифов, употребленное у древних внешних авторов обще для многих и разноплеменных северных обитателей, которое не токмо иногда далече в Европу, даже до германцев, и на востоке неведомым тогда азиатическим государствам давалось, но и греческие поселенцы, около Днепра и в Херсоне жившие, скифами проименованы были от своих одноземцев.*

Выше сего показано, что славенские поколения сарматами тогда назывались, хотя иногда нередко со скифами от незнания тогдашних писателей смешиваны были, потому что часто с места на место переселялись. К подтверждению сего служит, что амазонки скифского языка не разумели,** следовательно, свойственный скифский язык не был славенский. И мидский царь Киаксар отдавал скифам малых детей учиться говорить их языком,*** откуда явствует, что и корень славенского языка, то есть мидский, со скифским не сходствовал. Итак, остается искать скифского имени и народа в чудском племени, для чего необходимо нужно смотреть довольных о том свидетельств.

Профессор Бейер,**** хотя неправо скифское имя производит от финского слова *скита* — стрелок, затем что сарматы, парфяне и другие многие народы из лука стрелять не меньше скифов искусны были и равное право имели от греков названы быть стрелками, а притом по-гречески, а не по-фински,—

* Геродот в Мелпомене.³⁷

** Геродот в Мелп[омене].

*** Он же в Кле.

**** В Комментариях Академии Наук, том I.³⁸

однако в том он не ошибся, что финцев, естландцев и лифландцев почитает остатками древних скифов. Я доказываю следующими вероятными доводами. Имя скиф по старому греческому произношению со словом чудь весьма согласно;³⁹ не происходит от греческого и, без сомнения, от славян взято, которые по большей части обитали между чудью и Грециею около Дуная. И как обыкновенно бывает, что отдаленных народов называют теми именами, которое им наложили промеж ими живущие соседы, так и греки, наслышавшись от славян имени чудь, переняли и по своему выговору скифами назвали.

Остатки древнего скифского языка находим у Геродота,* которых явное сходство видим с речениями, у нынешних чудских народов употребительными. Всего сего примечательнее, что басня о Колоксае, сыне первого скифского царя Таргитая, единство сего народа с чудским приводит в полную вероятность.

Опущены в то время были, как скифы о себе баснословили,** с неба соха, иго, топор и чаша золотая. Большой брат Липоксай и средний Арпоксай покушались один за другим взять себе в корысть оные золотые вещи, однако оба не могли получить для огня, круг них пылающего. Меньший брат как только к ним приступил, огонь исчез и оставил сокровище ему во владение. Здесь примечать должно, что хотя имена отца и трех сынов на финском языке имеют чудское знаменование, однако меньшего брата имя самому реченному повествованию соответствует. Колоксай значит *огонь бегущий*, якобы от такого приключения произошло сие имя.

Итак, по величеству чудского народа и по доказательствам исключительным славян, имя скифов чудским поколениям следует; и то самое подтверждается происхождением имени

* В разных местах.

** Геродот в Мелл[омене].

Колоксава; равно как сходствующие скифские и чудские речения и обстоятельства соответствующие подают всему неодолимую вероятность и не оставляют сомнения, что чудские поколения суть от рода подлинных древних скифов, ныне по большей части Российской державе покоренные или уже из давних времен в един народ с нами совокупленные. Из сего следует, коль велика древность и слава чудского племени.

Рассмотрев единство свойственно называемых скифов с чудью, безопасно употреблять можем одно именование их вместо другого, из которых свойственнее то, которое сему народу наложили древние наши славенские предки.

Геродот, первый и обстоятельный описатель* чудского происхождения и древних преселений и разделений, зачинает известия с помянутой выше сего басни о Таргитае, о трех его сынах и о меньшем Колоксае, получившем в наследие опущенные с неба золотые орудия купно со владением. Потом утесненные военными нападениями скифы от массагетов принуждены были выгнать циммерской народ из пределов европейских. Гонясь за ним под предводительством царя Мадия, сына Протогиева, вошли в Мидию, где тамошние жители вступили со скифами в сражение и, быв от них побеждены, владения над Азиею лишились, которую скифы одержали. Оттуда прямо в Египет путь предприяли. И как уже вошли в Сирию и в Палестину, Псаммитих, царь египетский, вышел им навстречу, дарами и прошениями утолил стремление, чтобы далее походом не простирались. Скифы поворотясь много насилия чинили на пути обратном и разграбили храм Венерин в Аскалоне. Но пришедших в Мидию Киаксар, царь знатнейших скифов, созвав на великое пирование и напоив, побил всех сонных, а прочих выгнал из Мидии военною силою. Скифы, по двадцатисемилетнем владении в Мидии и по толь же долгом отсутствии от жен,

* В Мелпомене.

когда к своим жилищам в Циммерию приблизились, встретили их вооруженные рабы и рабские взрослые дети, от жен их в небытность мужей прижитые. По нескольких сражениях, не возмогши преодолеть, наконец, пошли на них без военного оружия с одними бичами, что рабы увидев и вообразив свое прежнее холопство, оробели и пустились в бегство. Итак, скифы утвердились на прежних своих жилищах. Сие повествование надлежит больше до скифов, номадов называемых; прочие их поколения, по широким полям обитая, сим походам не были причастны. Знатнейшие из них у Геродота описаны кратко.

Будинцы были весьма сильны и многочисленны; глаза синие, волосом черны.* Город их, называемый Гелон, из дерева построен, которого каждый бок длиною был по тридцати стадий. В нем стояли деревянные храмы, капища и идолы греческие, затем что гелонские жители были греки, смешанные с будинскими скифами, и язык употребили, смешанный с будинским. Упомянутся у Геродота** также скифы, которые от самовладелительных государей управлялись; наз[ы]вались королевскими, обитали около вершин реки Дона.

Многие скифские поколения и преселения довольно можно видеть из описателей разных веков. Здесь по нашему намерению невместны, ибо оное простирается больше, чтобы показать древних родоначальников нынешнего российского народа, в которых скифы не последнюю часть составляют. Рассуждая мидские войны и смешения со скифами, ясно понимаем, что уже и тогда чужь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало, чему прилагаются некоторые здесь примеры. По всем историографам известно, что гунны вышли из Азии от стран, к Каспийскому и к

* Геродот в Мелпомене.

** Там же.

Северному морю прилежащих, то есть из Сибири и из земель, Каспийским и Черным морем включенных. Довольно явствует из Прокопия,* который пишет, что около гор Кавказских живут гунны, нарицаемые сабири, и другие племена гунские. В Сибири издревле жители были чудского поколения: ибо татаре не так давно в ней поселились, по большей части с царем Кучумом, во времена великого государя царя Иоанна Васильевича. Остяки и прочие там старобытные чудские обитатели в стороны уклонились. В Дагистане, близ Дербента, есть, как сказывают, и поныне народы чудского поколения, называемые авари. Из сих мест вышел, гунны именовались разно: гунны, авари, по-русийски угры и обри,** протекли, во-первых, чудские в севере и славенские поселения, достигли через Дунай вовнутрь Греции и по многих войнах и нахождениях в Паннии или в Венгрии поселились. Итак, недивно, что в венгерском языке весьма много слов славенских; и потому древний их чудской язык весьма много изменился между славянами и, наконец, ради великого смешения с греками, а паче с турками, с которыми они издавна в соседстве жили и часто у историков за один народ почитались.*** Нашествие их жестоко чувствовал Славенск,**** что ныне великий Новгород, который от угров белых, обитавших в сибирских пределах, в Югорской земле, разорен и в конечное запустение был положен, ибо весьма вероятно, что новгородцы и сами в их сторону досягали купечеством и войною. Сие видно по великому и древнему торгу, описанному у западных старинных авторов,***** который происходил дорогами мехами. Итак, может быть, сие нашествие угров было отчасти из зависти к новгородцам за вступление их в сибирские край для корысти, отчасти для утеснения угров от восточных та-

* Кн. 4, гл. 3.⁴⁰

** Нестор, лист 5 на обороте и 6406 года.

*** Мураторий, в Смешанной истории, том I, стр. 110.⁴¹

**** Новгородский летописец.

***** Голмоад, кн. 1, гл. 1.

тарских народов, которые тогда начали приходить в силу и на запад простираться. При сем случае, чаятельно, немалое смешение славян учинилось с угорскою чюдью. Потом, паки по обновлении Славенска, после преименования Новым городом и по принятии князей варяжских на владение славяне усилились и чудь утесняли, отгоняя их с мест или в соединение принимая. Сие на востоке; на западе с варягами происходило подобное смешение и соединение.

ГЛАВА 7

О ВАРЯГАХ ВООБЩЕ

Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем. Ибо за тысячу лет не ставили в стыд и владеющие государи обогащаться таковым хищным промыслом, который на Балтийском море едва около двенадцатого столетия из обычая вышел.

Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам. Не токмо шведы, норвежцы, исландцы и славяне, но и греки тоже одно слово употребляют в исторических книгах.* И Перинскиольд, переводя на русский язык Стурлезонову историю о королях северных, называет варягов по большей части так же, как по-исландски, варингами,⁴³ или по-латине северными солдатами; из чего уже следует, что они не были только одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конче собственное их имя, а особливо, описывая их дела под предводительством коро-

* Стурлез. в разных местах, Кедрин 1034 года.⁴²

лей шведских, именовал бы их хотя в одном месте шведами, чего, однако, нигде не видно.

Готические и другие северных народов походы на Рим и на Грецию довольно известны с военными славными делами, что шведские историки приписывают по большей части своему народу, однако весьма несправедливо. Ибо видим, что во многих военных предприятиях от севера главные военачальники были славенского народа, как Одоацер, Радегаст и другие, и сам, как видится, Рима победитель Аларик. Посему, без сомнения, между готами множество славян купно воевали. Подобным образом и по морю громить обыкшие варяги, того же севера жители, разлились родом, военными поведением согласовались. В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских. Воевали по Архипелагу, по Средиземному морю даже до Африки, откуда произошли и служили великим князям российским африканы, знатных некоторых здешних фамилий прародители.

Проходя славенскими и чудскими областями, варяги особое пристанище и жительство избрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго прежде создания монастыря Печерского.*

Разность сих народов ясно показывает и сомнение разрешает Нестор, летописатель российский, поименно называя варягов, готов, англов, шведов, нормандцев, россов.** На сем твердом основании приступим к особливому исследованию варягов-россов, от которых славенские и отчасти чудские старобытные в нашем отечестве обитатели получили себе обще государей с великим потомством.

* Патерик Печ. в житии с. Феодора и Вас.⁴⁴

** 6470 года.^a

^a В подлиннике ошибка: нужно 6370.

ГЛАВА 8

О ВАРЯГАХ-РОССАХ

Приступая к показанию варягов-россов, кто они и какого народу были, прежде должно утвердить, что они с древними пруссами произошли от одного поколения.* Сие разумеется не о крыжаках⁴⁶ или нынешних бранденбургцах, но о старожилах прусских, которые еще и поныне живут рассеяны по некоторым селам в Пруссии и тем же языком говорят, который употребляют литва, жмудь, курландцы, ибо в городах живущие дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия завладели по несправедному папскому благословению.

Западные христианские народы возбуждением римския церкви предпринимали неоднократно походы, чтоб отнять у магометанцев Иерусалим и прочие святые места на востоке, куда собирались многочисленные войска. По многих несчастливых предприятиях, наконец, храбростию Бульонского герцога Готфрида завладели Антиохиею и Иерусалимом; но царство Иерусалимское по осьмидесяти осьми лет ради междоусобных войны потеряв, оставшиися крыжаки отчасти в Кипре поселились, откуда в следовавшие времена в остров Род, а из Рода в Мальту выгнаны, где и поныне жительствоуют святого креста кавалеры. Иные, возвратясь к папе, просили у него за потерянные старые жилища в Европе места для поселения, из которых многим даны с землями и доходами замки в Германии, называемые немецкие дома. Немалую часть благословил папа своею мнимою над всем светом властью итти в полночь к неверным народам и обращать их к католицкому закону. Итак, дошед до Пруссии, которая тогда для жестоких нападений от поляков весьма ослабела, себе оную покорили и, достигнув до ливонской чуди, взяли

* Кромер, кн. 1, гл. 1.⁴⁵

во владение, о которой российские князи не пеклись, будучи тогда в разделении и междоусобице.

Что ж вышепоказанные пруссы были с варягами-россами одноплеменны, из следующих явствует. И, во-первых, снесение домашних наших летописцев подает уже повод думать о единоплеменстве сих двух народов, именем мало между собою разнящихся. Нестор предал на память, что Рурик призван на владение к славянам из варягов-россов. Новгородский летописец производит его от пруссов, в чем многие степенные книги согласуются. И, таким образом, россы и пруссы уже оказываются единым народом.

Из внешних авторов Преторий* довольно знает дает свое мнение, совокупляя руссов и пруссов в одно племя. Положение места тому соответствует.** То ж подтверждает древнее тесное прусское соседство с Россиею, в которой Подляхия и великая часть Литвы заключалась, от чего и поныне Литва древние российские законы содержит. Восточное плечо реки Немени, впадающее в Курской залив, называется Руса, которое имя, конечно, носит на себе по варягам-россам. Сие все еще подкрепляется обычаями древних пруссов, коими сходствуют с варягами, призванными к нам на владение.

Кромер*** о древних пруссах пишет, как они любили в банях париться и в холодной воде после того купаться, что и поныне российский народ охотно употребляет. То ж гласят обряды, которые как у старых пруссов, так и ныне в некоторых пограничных российских провинциях употребляются. Больше всех утверждает единство древних пруссов с варягами-россами почтение одного главного идола по имени, по знаменованию и по обрядам. Перкун прусский был то же, что у россов Перун, которым Ольг клялся грекам при заключении мирного договора**** и которого

* На многих местах.⁴⁷

** Арнолд, кн. 1, гл. 2.

*** Стр. 43.⁴⁸

**** Нестор 6415 года.

почитал еще в неверии Владимир. У обоих народов значил Перун бога грома и молнии; у обоих жрецы приносили ему в жертву огонь неугасимый и казнены были смертью, когда угасал их небрежением.* Но сии доводы еще сильнее будут, когда покажем, что варяги-россы был главный народ и знатнее, нежели пруссы, которые от них имя себе получили.

Знатные некоторые берлинские ученые люди по справедливости рассуждают, когда, исследуя о происхождении имени пруссов, пишут,** что к желаемому своему исканию те ближе всех подходят, которые имя Пруссии из славянского языка производят, то есть из имени *Русь* и предлога *по*. Правда, что они сие думают быть в рассуждении соседства с Россиею, однако по сему равным бы образом и прочие древние российские соседы, как ливонцы, поляки и другие, названы быть могли поруссами или пруссами. Меня многие причины принуждают верить, что сие прозвание дано не по месту, но по времени. И, во-первых, имя россов за полтораста лет прежде известно учинилось, нежели пруссов; для того рассуждаю, что когда Рурик с братьями, со всем родом и с варягами-россами преселился к славянам новгородским, тогда оставшиеся жители после них на прежних своих местах поруссами, или оставшимися по руссах, проименованы. Что ж о пруссах больше упоминают северные историки, то происходит также от времени, а преимуществу россов ничего не отнимает. Ибо все оные авторы около четырехсот лет после Рурика и по отъезде россов о северных делах писали и ради того знали на берегах балтийских одних пруссов; о россах имели мало знания. И, таким образом, в следующие веки остатки их известнее учинились, нежели сами главные варяги-россы. В утверждение сего следующее служит.

Литва, Жмудь и Подлякия исстари звались Русью,** и сие имя не должно производить и начинать от времени.

* Вейсель, лист 18, 23.⁴⁹

** Берлинской Академии календарь 1702.⁵⁰

*** Вейсель, лист 18.

пришествия Рурикова к новгородцам, ибо оно широко по восточно-южным берегам Варяжского моря простиралось от лет давних.* Острова Ругена жители назывались рунами. Курской залив слыл в старину Русна; и еще до рождества христово, во время Фротона, короля датского, весьма знатен был город Ротала, где повелевали владетельные государи.** Положение места по обстоятельствам кажется, что было от устья полуденной Двины недалече. Близ Пернова, на берегу против острова Езеля, деревня, называемая Ротала, подает причину думать о старом месте помянутого города, затем что видны там старинные развалины.

Рассудив сие и купно старое разделение Пруссии на Белую, Верхнюю и Нижнюю, довольно можно себе с вероятностью представить, что древних варягов-россов область простиралась до восточных пределов нынешня Белья России, и может быть, и того далее, до Старой Русы, от которых она создана или проименовалась.

Показав единство с пруссами россов и сих перед оными преимущество, должно исследовать поколение, от какого народа обои происходят, о чем наперед мое мнение объявляю, что оба славенского племени и язык их славенский же, токмо чрез смешение с другими немало отделился от своего корени. Хотя ж сего мнения имею сообщников Претория и Гельмолда,*** из которых первый почитает прусский и литовский язык за отрасль славенского, другой пруссов прямо славянами называет, однако действительные примеры сходства их языка со славенским дают их и моему мнению бóльшую вероятность. Летский язык, от славенского происшедший, один почти с теми диалектами, которыми ныне говорят в Жмуди, в северной Литве и в некоторых деревнях оставшиеся старые пруссы.

* Берлин. Академии календ. 1702 года.

** Саксон Грамматик, лист 11.⁵¹

*** На многих местах.

Явные свидетельства о сходстве древнего прусского языка найдет, кто, кроме идолов, имена жрецов, волхвов и слова, что в обрядах употреблялись, рассмотрит и грамматическое их произведение. Прочие помянутого языка отмены извиняются подобием вендского наречия, которое, столько ж от коренного славенского языка по соседству с немцами, как летский по близости с чудским, испортился, отдалилось.

Итак, когда древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курландским или летским, то, конечно, происшествие и начало свое имел от славенского как его отрасль.

ГЛАВА 9

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И О ДРЕВНОСТИ РОССОВ, О ПРЕСЕЛЕНИЯХ И ДЕЛАХ ИХ

Не тщетно западные нынешних веков писатели* российский народ за роксолан признавают, хотя в том у них и нет доказательства, которое я вывожу в следующих.

Аланов и роксоланов единоплеменство из многих мест древних историков и географов явствует, и разность в том состоит, что алане общее имя целого народа, а роксолане речение, сложенное от места их обитания, которое не без основания производят от реки *Раа*, как у древних писателей слывет *Вола*. Плиний** аланов и роксоланов вместе полагает. Роксолане у Птолемея*** переносным сложением называются *аланорси*. Имена аорси и роксане или россане у Страбона**** точное единство россов и аланов утверждают, к чему достоверность умножается, что они обоеи славенского поколения были, затем что сарматам единоплеменными от древних писателей засвидетельствованы и потому с варягами-россами одного корене.

* Преторий в Готическом свете, кн. 2, гл. 1.⁵²

** Кн. 4, гл. 25.

*** Книга 6, глава 14, таб. Аз. 7.

**** Геогр., кн. 11.⁵³

Сие преселением их к варяжским берегам, как следует, обстоятельнее означится. Вейссель из Богемии наводит, что от востока в Пруссию пришли амаксовии, алане, венды.⁵⁴ Об аланах и вендах из вышепоказанных известно, что они славяне и с россанами единоплеменные. По Гелмолдову свидетельству* алане были смешаны с курландцами, единоплеменными варягам-россам. Ругенские славяне назывались сокращенно ранами, то есть с реки Ры (Волги), ■ россанами.

А как сей народ на помянутом месте весьма размножился, произошли великие споры. Для прекращения оных выбран королем Видевит, или Вейдевут, из алан, для знатности и разума и по предложению от него к народу таковыя речи:** „Когда бы вы пчел самих слепее не были, то бы споры ваши давно окончились. Домостройные в прочем люди, довольно знаете, что пчельному рою один владетель повелевает, прочие внимают послушанию. Он один каждому труды разделяет: ленивых и к делу неспособных выгоняет из улья, как из гражданского общества; прочие пчелы в назначенных трудах обращаются прилежно; не дают себе покоя, пока работы своей в совершенстве не увидят. Сие, что по вся дни перед глазами своими примечаете, благоразумным подражанием употребите в свою пользу. Назначьте себе государя, которого повелительству поручите свою вольность. Пусть он судит ваши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности. И дабы сие производить мог прямо по должности, дайте ему полную власть живота и смерти над всеми“. Сею речью преклонясь, знатнейшие нарекли его своим государем и объявили всенародно. Вейдевут принял на себя притом чин верховного жреца, положил в народе порядок и в будущие времена узаконил, чтобы после смерти его наследник был в летах

* Книга I, гл. 52.⁵⁵

** Преторий, кн. 2, гл. 2.⁵⁶

престарелых, сановит благочестием и знающий дела священныи.

Такое преселение алан волжеских, то есть россан или россов, к Балтийскому морю происходило, как видно по вышепоказанных авторов свидетельствам, не в один раз и не в краткое время, что и по следам, донныне оставшимся, явствует, которыми городов и рек имена почесть должно.

Рось-река, от западо-южной стороны впадающая в Днепр, и другие того ж имени воды в российских пределах, а особливо город Старая Руса, доказывают бывшие в древность жилища россов, преселившихся от Волги к западу, которые по своему имени новые поселения называли, как и восточное плечо реки Немени проименовали, наподобие других пресельников, Русою; как, например, от Волги назвались болгары дунайские, Троя, Антенором созданная на берегу Адриатическом — во имя прежнего отечества, также новая Ишпания, Франция, Англия и другие новые преселения, и в самой славенской Померании новые Римы.

Длугош свидетельствует,* что во время междоусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского** согласный сему довод имеем, что в Пруссию преселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди. Знатнейшие места, где идолов почитали, по своему отечеству Ромовы называли. Итак, весьма недивно, что в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курландии, Жмуди и Литве, весьма много вмешано слов латинских, с коими готские от сообщества с норманцами и ливонские по соседству великую произвели в нынешнем наречии отмену.

* Смотри в Кромере, стр. 42.⁵⁷

** Смотри в Вейселе, лист 18.⁵⁸

В начале о славянех показано, что они от востока, из Азии в Европу, на запад в разные времена разными дорогами преселились; то же явствует из вышесказанного и следующего о россах, славенских варягах. В Азии роксолане не обинулись стать противу военачальников храброго на востоке царя Митридата Евпатора.* Но два столетия едва минуло, оказали свою силу и мужество на западе. Когда Оттон Сильвий возведен был на высочайшую степень в Римском государстве,** воспоследовали великие междоусобные несогласия и кровопролития и уже не было времени смотреть на обстоятельства и движения внешних народов; роксолане, разбив часть римского войска, ворвались в Мизию. Разными римлянам оказанными примерами своего мужества толь сильными почитались, что от Римского государства содержались на деньгах, дабы оное защищали от нападения варварских народов, и как при Адриане кесаре наемные деньги их умалились, против римлян сильно вооружились, что уедавав, Адриан удовольствовал их в требовании и тем успокоил.***

Имя роксолан по сем времени писателям среднего веку известно было купно с гетами или готами. Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с Александром Великим, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни.**** Сониель или Сонильду, знатную роксоланскую женщину, велел разорвать лошадыми за побег мужа. Братья ее Сар и Амхий, отмщая смерть сестрину, Ерманарика в бок прокололи; от раны умер ста десяти лет. Хотя ж россаны по большей части в полуночные страны уклонились и со сродными себе аланами, как по вы-

* Страбон, кн. 7, ст. 212.⁵⁹

** Тацит, кн. 1, гл. 79.⁶⁰

*** Спартиан в житии Адриана кесаря, глава 6.⁶¹

**** Иорнанд, гл. 24.⁶²

шеписанному видно, у берегов Балтийского моря поселились, однако оттуда с готами в Италию ходили и назывались от историков аланами, сциррами и ругиянами.

Радегаст, славянин именем, родом ружанин, нашествием своим с великим войском произвел несказанный страх в Италии и в самом Риме внутренний бунт между христианами и неверными.* Аларик, Рима победитель, почитается от Претория** за ружанина, затем что Прокопий одного острова жителей готами именует и что готы к избранию ружанских князей в свои короли склонны были.⁶⁴ В пример служат, кроме Радегаста и Аларика, готские короли из Ругии — Губа, Гумулх, Иллибалд, Видомир, также Одоацер, который с турцилингами, сциррами и герулами напал на Италию, Августула кесаря со владения свергнул, и его падением Римская империя разрушилась. Всего геройства в Италии южных варягов описывать пространно не позволяет место, и разные их проименования скрывают точно принадлежащую им военную славу, которая в Греции была больше ведома.

Константин Порфирогенит, царь греческий, в Администрации пишет, что россы издревле даже до Египта ездили морем. Итак, недивно, что Нестор называет Черное море Росским для частого россом по нему хождения. За обыкновенность сих варягов ходить на римские области явствует из многократных военных нападений на восточную часть оныя, то есть на Грецию и на самый Царьград, которые походы от начала первых князей российских продолжались даже до первого разделения Российския державы на разные княжения, что в следующей части довольно окажется в обстоятельном описании.

* Иорнанд о наследии, стр. 239.⁶³

** Он же и Прокопий на разных местах.

ГЛАВА 10

О СООБЩЕСТВЕ ВАРЯГОВ-РОССОВ С НОВГОРОДЦАМИ, ТАКЖЕ
С ЮЖНЫМИ СЛАВЕНСКИМИ НАРОДАМИ И О ПРИЗЫВЕ РУРИКА
С БРАТЬЯМИ НА КНЯЖЕНИЕ НОВГОРОДСКОЕ

Поколения славенские в южной части означены выше сего; между ними знатнее прочих были поляне, не столько военными делами, как торгами, которые производились с греками, жившими издревле в великих, ими населенных городах, по Днепру: имена их Олбйя или Бористенополь, Атодона, Зарум, Азагорие.* Славяне жили обыкновенно семьями рассеянно, общих государей и города редко имели, и для того древняя наша история до Рурика порядочным преемничеством владельцев и делами их не украшена, как у соседей наших, самодержавною властью управляющихся, видим. Шведы и датчане, несмотря что у них грамота едва ли не позже нашего стала быть в употреблении, первых своих королей прежде рождения христового начинают, описывая их домашние дела и походы.

Кий, Щек и Хорев, создатели городов славенских в полянех, а особливо Киева, как видно из Нестора, были по случаю особливою знатности или храбрости над оными главные повелители, но и тех власть скончалась без потомственного наследства. И хотя южные славяне козарам, как северные варягам, дань давали, однако без монархии почитали себя вольными, что весьма тому дивно не покажется, кто рассудит закоренелое прежде упрямство славян новгородских противу самодержавной власти московских государей. Кий, может быть, усилился, ходивши по примеру других северных народов военачальником на Грецию, как объявляет Нестор, защищая его, что он не был перевозчик, как некоторые тогда говорили.

Изо всего сего явно, что к приведению наших славян под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым

* Геродот, Страбон, Птоломей на разных местах.

народом, приобывшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами-россами.

Оскольд и Дир в полянех самодержавство начали, которое потом Ольгом укрепилось. Христианская вера завелась там еще прежде сих князей от варягов-россов, ходивших к Царюграду ближайшим путем, Двиною мимо Полоцка, который между самыми древними городами славенского северного обитания считается должен.* Оскольд едва и сам не крестился ли в Греции, затем что в Киеве построена была издревле над ним церковь святого Николая. Притом же Кедрин свидетельствует, что из первых россов, приходивших войною к Царюграду, по своем несчастии многие приняли закон христианский.

На севере новгородцы, по разорении от угров и по великой моровой язве собравшись, предводительством и правлением благоразумного старейшины Гостомысла** приведены были в цветущее состояние. После смерти его давали дань варягам и, как видно из Нестора, были от них некоторым образом управляемы, ибо говорит он, что пришли варяги за данью. Новгородцы им отказали и стали сами собою правительствовать, однако впали в великие распри и междоусобные войны, восстая один род против другого для получения большинства. Наконец, по завещанию Гостомыслову согласясь между собою и купно с чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика с братьями к себе на княжение, сказав: „Земля наша велика и всем изобильна, одного только лишена суда и расправы, который вы утвердите“*** На сие прошение едва они преклонились, ведая их непостоянство и с грубостию соединенное своевольство.

* Саксон Грам., кн. 2.

** Новгородский летописец.⁶⁵

*** 6470 года.³

³ В подлиннике ошибка: нужно 6370.

О породе сих князей согласно с Нестором рассуждает Преторий:* „Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты, затем что языка, обычаев и обрядов различие и места расстояние сему не дозволяет верить, но призваны из соседей: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов, которые соединением составили великое государство“.

Истина сия, кроме многих других доказательств, явствует, что нормандские писатели конечно бы сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан.

Заключая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано.⁶⁷ Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники коего-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу.

Конец первой части.

* Свет Готический, кн. 2, гл. 2.⁶⁶

РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ КНИГИ ПЕРВЫЯ

ЧАСТЬ II

ОТ НАЧАЛА КНЯЖЕНИЯ РУРИКОВА ДО КОНЧИНЫ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО

ГЛАВА I

О КНЯЖЕНИИ РУРИКОВЕ И О ПРОЧИХ КНЯЗЯХ И ВЛАДЕТЕЛЯХ, ПРИЗВАННЫХ ИЗ ВАРЯГ-РОССОВ

Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами.* К пребыванию сперва избрал Ладогу, хотя новгородские славяне были главные его просители и великость города больше приличествовала к столице. Посему кажется, что Рурик на слове их не совсем утверждался, ведая происходившие между ними межусобия. Ладога для всегдашнего проезду славян, варягов и чуди удобность подавала примечать движения недоброхотов его в Новгороде. Средний брат Синеус сел княжить на Беле-озере; меньший, Трувор, в Изборске.

* 862 года. Нестор.

Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утвердись, шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единодушного правления связали. Роптать приобыкшие новгородцы страшались Синеусова вспоможения Рурику, ибо он обладал сильным белозерским чудским народом, называемым весью. Трувор, пребывая в близости прежнего жилища, скоро мог поднять варягов к собственному и братьей своих защищению. Итак, имея отвсюду взаимную подпору, непокойных голов, которые на избрание Руриково не соглашались, принудили к молчанию и к оказанию совершенной покорности, так что, хотя Синеус по двулетном княжении скончался и Трувор после него жил недолго, однако Рурик в великий Новгород преселился и над Волховым обновил город.

Единоначальствуя над многими землями, роздал боярам своим города и области для управления и отпустил их с рóды своими и со многими россами, особливо ж в Полотск, в Ростов и на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением.

Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, повидимому, в том участником или еще и главным, советовал с единомышленниками своими, как бы избыть от росской власти.* И, уповая на свою у новгородцев важность и на сообщников, говорил не закрытно, что Рурик пришел привести их россам в рабство и в рóды родов утвердить самодержавство. Услышав сии возмутительные речи и узнав умышление, Рурик Вадима с главными сообщниками предал смерти. И так иных грозю к боязни, иных властью к послушанию, иных правосудием и милостию к люблению приведши, на владении утвердился непоколебимо.

* Новгородский летописец.

Державе его тогда покорны были от славенского языка: Новгород, Изборск и Полотск; из чюдского народа: меря, весь и мурома, то есть Ростов, Бело-озеро и Муромская земля. Южные славяне, как поляне, кривичи, древляне, северяне и прочие, отчасти своими старейшинами управлялись, отчасти дань платили козарам. Северные славяне от новых своих владетелей прозвались россами.

Пришли из варяг с Руриком двое знатные бояре Осколд и Дир, которые в покое жить не обикли, но любили всегда в военном деле упражняться. Сии просили, чтобы отпустить их с родом и с людьми своими к Царюграду поискать войною большего счастья. По уволении предприяли путь по Днепру вниз судами. В Полянской земле на горе увидели город и там живущих спросили, кому он подвластен? На сие от жителей ответствовано, что три брата — Кий, Щек и Хорев — построили сей город во имя старшего и уже их не стало. Жители платят дань козарам. Осколд и Дир поселились в Киеве, присовокупили к себе множество варягов и начали княжить над полянами, не завися от Рурика.

Утвердясь на владении, собрали войско и пошли на Царьград во время Михайла царя, в четвертоенадесять лето его державы.* Будучи сей государь в походе против агарян у Черной реки, по вести, данной от епарха, в Царьград возвратился. Осколд и Дир, приставши к берегам греческим в двухстах судов и разорив окрестные места многим убийством, обступили город, и сам царь пробрался в него с нуждою. Вшед в Влахернскую^a церковь с патриархом Фотием, слушал молебства во всю ночь. Ризу богоматере с пеннем вынеши на берег, в воду погрузили в тихое время. Внезапно поднялась великая буря и росские суда, пригнав к берегу, разбила. Осколд и Дир, потеряв великое множество войска, с немногими остатками возвратились в Киев.

* Нестор, 866 год.

^a В подлиннике Лахернскую.

ГЛАВА 2

О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГОВЕ

Державствовав семнадцать лет в Новгороде, Рурик спокойно достиг кончины.* Умирая поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княжение сроднику своему Ольгу. Сей по смерти его, желая умножить наследство Игорю и соединить единого племени славенские народы под едино владение, собрал войско из варяг, славян и чуди, взял некоторых кривичей и с ними пришел к Смоленску, город покорил себе с Кривическою землею и посадил своих правителей. Оттуда по Днепру вниз пустившись, взял Любеч и правление поручил своим воеводам. Приблизясь к Киеву, где Осколд и Дир княжили, скрыл в судах часть войска, назади оставил другую. И как подплыл под Угорское близ Киева, послал к Осколду и Диру с вестию, что идут купцы в Грецию от Ольга и от Игоря, для того бы они повидались со своими однородцами. Осколд и Дир, не имея никакого подозрения, пришли к судам с малым числом людей с тем, может быть, намерением, чтобы проезжих сих приласкать и присоединить к жителям киевским. Внезапно закрытые в судах выскочили с ружьем и окружили Осколда и Дира. Тогда Олег, показав Игоря, объявил: „Сей есть сын и наследник Руриков; вы не княжеского рода и княжить вам не должно“. И тут по повелению Ольгову Осколд и Дир убиты. Тела их внесены на гору, что называется Угорское. На Осколдовой могиле поставлена потом церковь святого Николая; Дирова могила — за святою Ириною. По смерти их сел Олег на княжении в Киеве и нарек столицею всех городов, обладаемых россами. И сим именем прозвались поляне и прочие окрестные славяне его владения.

Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани. Во-

* 879 год.

первых, варягам-россам на содержание учредил, чтобы новгородцы платили по триста гривен на год, что действительно производилось до смерти великого князя Ярослава Первого. На кривичах и на мерях также дань была положена. Потом воевал Олег древлян и с диким сим народом поступал жестоко, дань положил на них тяжкую, по черной кунице с дымом. Северяне и радимичи данники еще тогда были козарские, того ради Олег ходил с войском для освобождения северян и положил на них дань легкую. Радимичи чрез посланных от него пришли в подданство и стали платить дань по шелегу, по чему прежде давали козарам. Привед под власть свою кривичей, любчан, полян, древлян, северян и радимичей, воевал на суличан и на тиверцев.

Около сего времени шли угры мимо Киева чрез место, что ныне называется Угорское.* При Днепре стояли вежами. Поход их был подобен половецкому. Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ начал показывать ему послушание. Потом сочетался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова.**

Уже полагая на Игоря надежду в правлении государства, Олег принял намерение итти на греков. Того ради набрал великое войско из варяг, славян новгородских, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев и чуди. Киев поручил Игорю; пошел под Царьград по сухому пути конницею, по воде на двух тысячах мелких судов. Греки, услышав его приближение, узкий проход из Черного моря заперли и в городе затворились. Тогда по выходе с моря на берег устремясь войско Ольгово на грабление, по древнему военному обычаю многие дома и церкви расхитили, пожгли, людей иных порубили, иных вешали, иных в воде топили и мучили разными томлениями. Потом повелел Олег воинству своему сделать колеса и

* 898 год.

** 903 год.

суда на них поставить. Ветр восстал способный и, надув парусы, понес их к стенам цареградским. Греки пришли в великий ужас, сие увидев, и с молением к нему послали, дабы не разорил города, но взял бы дань по своему желанию. Олег велел войску остановиться. Из города вынесли навстречу разные пищи и вина; но не приняты для опасности от яду. Греки в страхе и удивлении говорили: „Не Олег на нас воюет, но святой Димитрий послан от бога для нашего наказания“. Дани потребовано от них по двенадцати гривен на человека. Всех было восемьдесят тысяч, по сороку на судне. На требование согласились, просили мира и прекращения разорительных военных действий.

Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями.* Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека, платить дань в каждую полгода на российские города: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полотск, на Ростов, на Любеч и на иные, в которых великие князи под Ольгом владели; приходящих россиян за данью довольствовать по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якори, верви и парусы; за шестимесячную данью не приходиться россиянам без торгу и товаров; дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды; и с приезде стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению всех поименно не перепишут; в город входить по пятидесяти человек в одни ворота безоружным; за продажу и покупку товаров не платить пошлины.

Сей договор цари крестным целованием утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и богами Перуном и Вóлосом, скотьим богом. И так с обеих сторон мир утвердили. Олег, повесив свой щит на воротах

* 907 год. Нестор.

цареградских в знак победы, с великою корыстию в Россию обратно морем пустился. Россам велел поднять парусы паволочные, славянам кропинные. С таким великолепием, со множеством богатства и узорочных вещей достиг Киева. От простого и суеверного народа прозван чародеем, что дела его почитались невозможными человеку.

По четырех годах являлась комета на западе наподобие куста.⁶⁸ Около того же времени послал Олег вельможей своих в Грецию для подтверждения прежнего мира и установления купеческого договора к царям Льву и Александру,* которые согласились и на том утвердились: дабы между россиянами и греками пребывал мир непоколебимый и любовь бесподозрительная; не подавать друг другу повода к нарушению согласия, но хранить оное непревратно всегда и во все будущие лета; в судах дела между обоими народами решить по доказательствам, но когда оных не будет, присягать челобитчикам; когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убивца смертью на месте, где учинено убийство; когда ж убежит убивец, взять ближнему убиенного сроднику имение и жену убивцу; ежели убивец беден и скрылся, то обождать, пока сыщется, и казни предан будет; за уязвление и побои платить пять литр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не дает помощи; по сем далее не искать; буде россиянин грека или грек россиянина на воровстве застанет и убьет, того на нем не взыскивать и украденное обратно взять позволяется, буде ж вор без обороны в руки отдастся, взять с него украденное втрое; взятое насильством также возвращать втрое; ежели греческое судно принуждено будет к берегу, где россияне, то проводить оное

* 911 и 920 г. Нестор.^а

^а В подлиннике ошибка: нужно 911 и 912.

в место безопасное и подавать помощь; равным образом и греки должны спомоществовать россиянам, притом, ежели убийство или насилие учинится, поступать по установленному выше; буде случится россиянину видеть в чужой земле плененного грека или греку россиянина, выкупить оного и отпустить в свою землю, получив данную за него цену, или цену вменить в дань; подобным образом выкупать и военнопленных и возвращать в свою их землю, получая за них данный выкуп; плененных из вспомогательного войска, коего бы они государства ни были, выкупать по двадцати золотых; россиянам беглых своих или украденных и насильно проданных рабов брать от купцов по челобитью и по признанию рабскому; купцам беглых своих рабов искать по челобитью и брать найденных; кто у себя не даст обыскивать, виноват будет; когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив своих пожитков и не имея ближних сродников, то огдать оное в Россию дальним родственникам, буде ж при смерти назначит наследников, тем отдать его имение. Злодеев, ушедших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею.

Сие все с обеих сторон взаимными письменными договорами утвердили; греки целованием крестным, россияне по своему закону присягнули, дабы не переступить ни единой черты от положенного и утвержденного согласия; что совершено 912 года в сентябре. Царь Леон почтил послов российских многими дарами и повелел вельможам своим показать им красоту церковную и палаты, украшенные золотом, наполненные многим сокровищем и драгоценными камнями, притом страсти Христовы и мощи святых, дабы они, сие видя, к вере христианской склонились и, тою соединясь, с греками в мире и в тишине пребывали. По возвращении в Россию объявили послы Ольгу заключение мира, которым довольствуясь, пребывал прочее время своей жизни в покое.

О смерти его дивное осталось повествование, вероятность по мере древности имеющее. Прежде войны на греков спросил Олег волхвов, от чего ему конец жизни приключится. Ответ дали, что от любимого своего коня умрет. Для того положил он никогда на него не садиться, ниже к себе приводить, но поставить и кормить на особливом месте. Возвратясь из Греции по четырех годах, во время осени об оном вспомнил. Призвал старейшину конюхов и, жив ли оный конь, спросил. Услышав, что умер, волхвам посмеялся. „Аживы, — сказал, — все ваши гадания: конь мертв, а я жив; хочу видеть кости его и вам показать в обличение“. Итак, поехал на место, где лежали голые кости, и, голый лоб увидев, сошел с коня, наступил на него и молвил: „От того ли мне смерть быть может?“. Внезапно змея, изо лба выникнув, в ногу ужалила, от чего разболелся и умер, княжив тридцать три года. Весь народ много об нем плакал. Погребен на горе Щековице, и могила его видна была во время летописателя Нестора.

ГЛАВА 3

О КНЯЖЕНИИ ИГОРЕВЕ

По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял.* Тогда древляне, уповая избавиться от российского подданства в новое княжение, от него отказались и в городах затворились. Однако надежда их была тщетна и предприятие бесполезно. Храбростию Игоревую побеждены и приведены в послушание, по принуждению платили за свое преступление дань больше прежнего.

В сие время печенеги пришли впервые на Российскую землю, учинили мир с Игорем и прошли к Дунаю.** Симеон, король болгарский, вел войну тогда с греками и воевал

* 913 год.

** 915 год.

Фракию. Греки наняли печенегов; но воеводы их, пришед с ними в несогласие, принудили их отступить и возвратиться в свою землю. Симеон, победив греков, взял Адрианополь.

Игорь, собрав войско, пошел к Царюграду.* Болгаре о том весть царю подали, что россы на него идут в судах десять тысяч. Пристав к берегам Малой Азии, российский князь воевал Вифинию, Пафлагонию и Никомидийскую землю до Ираклии. В сие нашествие россиян на греческие области учинены великие грабления и разорения церквей и монастырей; люди многие посечены, расстреляны и вбитыми гвоздями в голову умерщвлены бесчеловечно. Потом с греческим войском пришел от востока Панфир Демественник, имея сорок тысяч, Фока Патрикей с македонянами, Федор Стратилат с фракиянами и купно другие знатные вельможи и россиян отсюда окружили. Но они совещавшись учинили с греками сражение, и по ярю^б и долговременной сечи едва греки преодолели. Оставшие россияне ввечеру к находящемуся у берегов войску возвратились, вошли в ладьи и пустились в море. Феофан, воевода греческий, вышед к ним навстречу, пустил трубами огонь на ладьи российские. От страшного сего чуда и от загоревшихся судов бросались многие в воду и все принуждены были спасаться бегством. Возвратясь в отечество, Игорь тем победу себе отняту быть сказывал, что греки на войско его пускали огонь, молнии подобный.

Однако, желая мщением защитить свою славу, отправил послов к варягам за море, побуждая их воевать против греков. Итак, собрал множество войска: россиян, варягов, полян, славян, кривичей, тиверцев и нанял печенегов, взяв от них аманатов. С оным войском пошел на греков морем и

* 931 год.^а

^а В подлиннике ошибка: нужно 941.

^б В подлиннике яркой.

землю.* Услышав сие, корсунцы послали весть к Роману царю, „что идет на него бесчисленное войско и суда покрыли море“. Также и болгаре уведомили греков, что идет Игорь сухим путем и нанял печенегов. Роман, сие слышав, послал к Игорю с дарами и с прошением, чтобы не ходил воевать земли Греческой, но взял бы дань, которую прежде брал Олег, и еще с прибавлением. Также и к печенегам послал шелковые поставки в дар и много золота. Игорь, достигши Дуная, созвал своих военачальников, сказал цареву посольство и стал с ними советовать. Тогда все согласно предлагали: „Когда царь так просит, чего нам желать больше? Без кровопролития получим серебро и золото и шелковые поставки. Кто знает, кому будет победа? и кто с морем договорился, чтобы не взволновалось? Не по земле, но по глубине морской ходим, где всяк скорой подлежит смерти“. Сего совета послушав, Игорь печенегам велел воевать Болгарскую землю. Сам, взяв от греков шелковые поставки, серебро и золото на все свое войско, в Киев возвратился.

По сем греческие цари — Роман, Константин и Стефан — прислали послов своих к Игорю для заключения и совершения прежнего мира.** Игорь, говорив с ними о союзе, послал бояр своих в Грецию. Роман по совету сановников с российскими послами поставили мир в следующих статьях: „Великому князю российскому Игорю и всем, стоящим под его рукою, быть в мире непоколебимом с цари греческими — Романом, Стефаном и Константином — вечно, доколе солнце сияет и весь мир стоит, и кто тишину нарушить помыслит, христианин да примет месть от бога вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий, некрещеные да не имут помощи от бога и от Перуна, да не возмогут защититься щиты своими, да посечены будут мечами своими,

* 944 год.

** 945 год.

да падут всяк от своего оружия и да пребудут раби вовеки. Великому князю Игорю и боярам его отпускать в Грецию судов сколько угодно с послами и с купцами, и, как узаконено, послам носить печати золотые, а купцам серебряные. В грамотах объявлять число кораблей. Без грамоты приехавших держать за сторожами до уведомления российскому князю; противников убивать, не опасаясь взыскания, а о беглецах отписывать князю, с коими поступать ему по своей воле. Когда россияне придут без купечества, то им не брать помесячных сборов по запрещению княжескому, не бесчинствовать в селах страны Греческой и жить в приходе у Святого Маманта. Приехавших переписывать всех поименно, и тогда пускай берут купцы свое помесячное, а послы дань на Киев, Чернигов и Переяславль и на прочие города. Для торгу в город входить по пятидесяти человек, одними воротами, за царскими приставами, и буде кто россиянин или грек учинит неправду, то они должны давать управу. Россияне, входя в город, не делали б обиды и паволок не покупали б выше пятидесяти золотых. Купленные товары показывать приставу, который запечатав отдать им должен. При отъезде брать россиянам на дорогу съестные товары и что потребно для судов снасти, как прежде сего установлено, и провожать их с прикрытием греческим, а у Святого Маманта зимовать не позволяется. Ежели раб бежит от россиян к грекам и сыщется, взять его обратно, буде же не сыщется, то платить за него по присяге две паволоки, как установлено прежде. Ежели беглец ушел и взял снос, а по возвращении будет цел, должно платить два золотых. Когда россиянин у грека или грек у россиянина покусится что отнять, наказан будет весьма жестоко, а буде действительно отнимет, должен возвратить вдвое, то есть украденное в целости и приложить к тому деньги, чего оно стоит; а когда украденное будет в продаже, отдать двойную цену и татя наказать по законам российским и греческим. Пленников выкупать молодых мужчин и девок взрослых и добрых по

десяти золотых, за середовичев по осьми, по пяти за старых и малолетных. Когда найдется россиянин в рабстве у грека как пленник, давать за него выкупу по десяти золотых, буде же он греком куплен, заплатить ему данную цену. Российским князям не воевать земли Корсунской и не иметь над ней никакой власти, ибо она состоит под Греческою державою. А когда российские князи воюют другие страны, тогда греки должны вспомогать потребным числом войска. Когда найдут россияне судно греческое, выкинутое на берег, то бы оно не обидели. Буде ж кто обидит или что возьмет, либо человека поработит или убьет, тот повинен наказан быть по обеих сторон законам. Корсунцам, ловящим рыбу в днепрских устьях, не делали бы россияне никакой обиды и в устьях бы тех не зимовали, ни в Белобережье, ниже у Святого Елевферия, но возвращались бы на осень в свои дома; и сверх сего, приходящих черней и болгаров⁶⁹ воевать страну Корсунскую не допускать князям российским. Греков-преступников казнить российские князи не имеют власти, но их оставлять на истязание царям греческим. О убийствах судить, как положено было в прежнем договоре с Ольгом. Когда случится нужда Греческому царству в войске против сопостатов, то великий князь российский посылать имеет по грамоте требуемое число, из чего уведают иные страны, какую любовь имеют с Россиею греки“. По сему договору присягали российские ‘послы Перуном и оружием, а христианский закон принявшие дали присягу в церкви святого Ильи; и царя греческого послы российские к присяге приводили. По их возвращении Игорь, доволен будучи заключением сего мира, взшел на холм к Перуну, положил перед ним оружие, щиты и золото и присягал перед греческими послами, и купно его бояре и воеводы.

По заключении сего мира княжил Игорь целое лето в покое, который наставшею осенью пресекался.* Был у него

* 945 год.

знатный воевода именем Свендельд, которому из особой любви и милости отдал во владение Древлянскую землю, приобретенную и отягощенную данями прежде походов своих на Грецию. Свендельд брал по черной куне с дымом и тем весьма обогатился. Военачальники Игоревы, воевавшие с ним Грецию, тому завидуя, говорили князю, что он подарил толь много одному человеку и служащие Свендельду украшены оружием и платьем, а они наги. Итак, советовали идти к древлянам для собрания дани для него и собственной их корысти. Игорь, послушав совета, пошел с нарочитым войском, дабы еще прибавить к первой дани. По многом учиненном насильстве поехал обратно в Киев, однако еще к древлянам для большей корысти с малым числом людей поворотился, несмотря на их отрицательные представления. Древляне рассудили с князем своим, которого Малом звали, „что когда волк привыкнет похищать овец, то выносит все стадо, пока убит не будет“. Итак, вооружась на Игоря, перед Коростенем, главным своим городом, его и бывших при нем убили. Могила его была на том месте видна еще во времена летописателя российского Нестора.

ГЛАВА 4

О КНЯЖЕНИИ ОЛЬГИНЕ

По убиении Игореве приняла владение великая княгиня Ольга* ради несовершенного возраста единого сына своего Святослава. Древлянам показалось вдовство ее и младость Святослава по их силам, чтоб не токмо от подданства свободиться, но и князя своего возвести на владение киевское, сочетав его с Ольгою браком, и тем взять большинство над россами и полянами. Отправленные для того в Киев двадцать человек знатных приехали водою и пристали под Боровичем.

* 945 год. Нестор.

Вода в то время текла близ горы Киевския, и жители не имели еще домов на Подоле, но по горе поселясь жили. Вне города стоял другой двор княжеский, называемый теремной для высокого каменного в нем терема. Ольга, услышав о приезде, возмущилась печалию, видя наглость убивцев своего супруга. Слезам и плачу ея соответствовал весь народ рыданием и воплем. По некотором утолении великой печали предприняла великая княгиня в сердце своем отмстить древлянам смерть супружню всевозможными способами. И для того, во-первых, хитрым приятием посланцев положила начало к произведению своего умысла; ласково отвечала представшим перед нею с дерзостною речью, что они от Древлянской земли посланы ей сказать: „Мужа твоего убили мы за отягчение нас безмерною данию, которою, однако, еще не довольствовался, как волк нас расхищая. Наши князи добронравны, обогатили свое владение земледельством; и тебе прилично посягнуть за князя нашего Мала“. — „Люба мне речь ваша, — сказала премудрая Ольга, — уже не воскресить мне своего супруга. В оказание моего благоизволения к вашему князю и к вам окажу вам честь и преимущество пред людьми своими. Ныне возвратитесь в судно ваше спокойно, а завтра умеете им показать свое преимущество“.

В следующий день пришли посланные от Ольги на берег к древлянскому судну, прося их по княгинину повелению в город на изготовленную для них почесть. Древляне величаясь ответствовали: „Не хотим ни пеши, ни на конях ити с вами; вы в ладье нашей на головах своих нас понесите“. Повинуясь раболепно, посланные с таким странным позорищем вошли на двор теремной. Ольга, смотря с высоты его и смеясь глупой гордости, величание их в горесть превратила. В уготовленную на дворе нарочную яму повелела с ладьею древлян вдруг повергнуть. И приближась спросила, довольно ль приятна им оказанная на сватовстве почесть. Древляне с раскаянием и страхом в яме кричали, что Игорева смерть не принесла им пользы и что за их

злодеяние преданы достойной казни. Она совершена вскоре засыпанием их живых в земли по Ольгину повелению.

Немедленно отправляются нарочные в Древлянскую землю, чтоб для совершения сватовства присланы были от древлян знатные люди, кои бы приняли и привели Ольгу к своему князю с должною честью, и чтобы ее киевляне удобнее отпустили. Древляне, не видев от своих прежде посланных для уверения ни единого человека, — о сельская простота! — поверили. Пятьдесят правителей земли Древлянския без укушения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ничего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятно больше кажется древлянская оплошность. Ольга повелела их просить после труда дорожного в баню по обычаю российскому, в которой обложенным хворостом зажжены и обращены в пепел.

Страшного сего и сурового мщения нареkanie умягается полезным Ольгиным промыслом, которым знатную часть главных древлянских начальников истребила и приуготовила путь к будущей победе. Для предупреждения о сих делах ея вѣсти в землю Древлянскую послала скорого гонца, объявляя, что уже она в пути и чтобы при могиле Игореве приготовлены были разные меды и всяких пищей изобильно, дабы она первому своему супругу на память совершить могла тризну прежде вступления во второе супружество. Древляне обрадовались ея приходу и повеленное исполнили перед главным своим городом Искорестом. Великая княгиня Ольга по обещанию своему с избранными людьми не к брачному веселию, но к бою приходит на уреченное время. Древляне, в праздничном платье цветно надевшись, выезжают из города навстречу и принимают ее с великою честью. На вопрос о первых и вторых посланных ответствовано, что следуют с тяжкими возами великого богатства княгинина, которое она уже больше древлянам вверяет. Сверх сего, присутствие Ольгино с малым числом людей довольно было к отнятию сомнения о потаенном коварстве.

По договору своему с древлянами прежде мнимого ими брака возвышает великий бугор над супружнюю могилую, орошает оный слезами, обгаряемый потóm кровью его убийцев. Древляне, увидев, что Ольга после горького плача надевается в светлое и брачному торжеству приличное платье, стали веселиться, пировать и поставленными медами упиваться. Киевляне тщились, как слуги, угощать их с великою ласкою и уклонностию; сами по повелению премудрыя княгини пили весьма умеренно, не для пьянства, но только для лучшего ободрения к частуящему совершению сокровенного предприятия. Веселящимся и даже до отягощения упившимся древлянам казалось, что уже в Киеве повелевают всем странам российским, и в буйстве поносили Игоря перед супругою его всякими хульными словами. Внезапно избранные проводники Ольгины, по данному знаку, с обнаженным оружием ударили на пьяных; надежду и наглость их пресекли смертию. Пять тысяч порубленных, меж коими множество знатных было, покрыли трупами Коростенское поле, и чаемый брак превратился в ужасную тризну в честь Игорю. Ольга, исполнив свое намерение, в Киев поспешно возвратилась и немедленно собрала знатную силу, чтобы на смятенного в слабости неприятеля, не дав отдохновения, напасть с большим успехом.

Для вящего ободрения своих войск приемлет в участие военачальства сына своего Святослава, младостию и бодростию процветающего. Пришедших на Искорест встретили древляне вооруженною рукою, и как обеих сторон полки сошлись к сражению, Святослав кинул копьё в неприятеля и пробил тем коня сквозь уши.⁷⁰ Свенелд воевода вскричал: „Князь наш бой начал; други, станем за него крепко“. Великого стремления войск Ольгиных и Святославлих не стерпев, древляне устремились в бегство; оставшиеся от посечения меча российского в городах своих затворились. Ольга и Святослав Искорест обступили, который главною виною был Игорева убийения. Осада через целое лето не могла прину-

дить древлян к сдаче для сильной их обороны. Грозная и неизбежная казнь укрепляла в них последние силы к храброму отпору.

Ольга, видя тщету долговременной осады, к хитрости острый ум обращает и, послав перед стены, объявляет древлянам: „Города ваши все мне покорились и дань обещали; уже безопасно пашут свои нивы. Вы ж хотите помереть голодом, отрицаясь быть данниками моими“. Древляне ответствовали: „Мы бы дань платить ради, однако опасаемся, что еще будешь мстить смерть своего супруга“. Ольга, уверяя их, сказать велела, „что за Игоря трожды мстила и больше гнева на них не покажет, но, взяв дань, в Киев возвратится со всею силою“. Мед и зверских кож мехи (тогдашние деньги) на произволение великой княгине древляне обещали. „Ныне сами вы медом и мехами скудны, — с притворною жалостью говорит Ольга, — малою данью довольна буду: дайте на войско мое по три воробья и по три голубя с дымом. Не хочу отяготить вас чрестьянными налогами и супругу своему в том не последую“. С охотою древляне требуемое исполнили и от Ольги с удовольствием услышали: „Мне и сыну моему вы покорились; завтра отступаю от города. Скажите жителям сию радость“.

Принесенная в город посланными весть произвела в древлянах с отрадою оплошность, в которой только лишь на сон безопасно склонились, повсюду пылающим пожаром пробуждены и внезапным ужасом пришли в крайнее возмущение. Ибо принятым в дань и разделенным по всему войску птицам повелела Ольга привязать по фитилю каждой и к вечеру отпустить на волю. Великое голубей и воробьев множество, прилетев во свои гнезда с огнем под кровли, в голубятни и на башни, зажгли на всех местах город. Жители не имели времени о гашении домов своих стараться, но в крайней торопливости, желая от огня избыть, бежали вон из города, где встречали и посекали их полки Ольгины. И так, между мечом и пламенем древляне волнуясь, принуждены были из

них одному отдаться в жертву. Поиманные старейшины городские иные казнены смертью, иные Ольгиным военачальникам отданы в рабство. На оставшихся тяжкая дань вложена: две части на Киев, третья на Вышгород, который особенно принадлежал и был любим Ольге.

По сем хитрая победительница с храбрым сыном, обшед землю Древлянскую, учредила перевозы, пристани и ловли, положила новые о всем законы и уставы и в Киев принесла корысть и радость. Где успокоясь от трудов один год, новгородскую страну посетить путь предприняла.* По Мсте и по Луге, где беспорядочные чудские жители худым домостроительством бедную жизнь препровождали, поселила славенских переведенцев, построив погосты; предписала ловли и другие прибыточные учреждения и наложила оброки по всей области; перевозы по Днепру и по Суле, возвращаясь в Киев, установила. Приближающийся к совершенному мужеству возраст Святославов, любовь взаимная и в цветущем состоянии отечество вящие обещали удовольствия.

ГЛАВА 5

О КНЯЖЕНИИ СВЯТОСЛАВОВЕ

Ольга, видя довольные опыты способности своего сына ко владению Российским государством, склонилась желанием к покою, в котором пребывая, рассмотрела разность нравов между идолопоклонниками и христианами, которых уже было в Киеве немало после крещения россиян во время несчастливого Оскольдова и Дирова похода к Царюграду. Итак, поручив великое княжение Святославу, единственно обратила мысли к христианскому закону, в котором больше человечества и просвещения усмотрела, нежели в варварском прежнем невежестве. Сим подвигнута, достигает Константинова града,** открывает свое желание царю и патриарху

* 947 год.

** 955 год.

и святым крещением сочетается христовой церкви, преименовавшись Еленою.

Маловероятное обстоятельство при крещении сея государыни повествует Нестор, то есть о пленении любовью греческого царя к Ольге, и что он перехищен ею был приятием от купели, дабы после не мог требовать как восприемник с нею супружества. Ежели сие было подлинно, то много верить мы должны: первое, что Ольга, после сочетания с Игорем прожив пятьдесят два года, могла еще прельстить царя красотою; второе, что царь греческий и его бояре такие невежды и толь недогадливы и, словом, простаки были больше, нежели древляне, затем что о ближнем кумовстве, супружеству препятствующем, не могли вспомнить. Обстоятельства по возвращении Ольгине в Киев, Нестором показанные и другими писателями яснее изображенные,* о том рассуждать принуждают, что то учинено было Ольге в насмешку. Ибо царь греческий от просвещенной крещением и в Киев возвратившейся Ольги посольством требовал обещанных даров: воску, белых мехов, рабов и войска за его дары в благодарность. Ольга ответствовала, что царь ее обидел, коварствовав ея старости. За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как она стояла у него в купели. С таким ответом послы тщетно возвратились.

Святослав, не внимая закону, в едино военное дело всем желанием вникнул. Однако не запрещал своим подданным креститься; крещеных держал в презрении и посмеянии. Матери своей не отнял власти, проезжая российские пределы, особливо ж Псковскую область, ея родину, обращать народ в закон христианский, ставить кресты и молитвенные дома. Совокупление храбрых воинов и сильных полков почитал самым лучшим своим веселием. Перелетал неприятельские земли наподобие орла и ударял на них леопардовым стре-

* Сборный Временник.⁷¹

млением. Ни многие обозы с запасами или с орудиями, к приготовлению пищи нужными, ни шатры, ни постели к упокою тягостию не препятствовали быстрым походам. Изрезанное тонко всякого рода мясо и на углях испеченное довольно было к его насыщению. Вместо постели из-под седла войлок, седло вместо подушки, епанча за ша-тер служила, в чем все воинство подражало своему государю.

Первые после древлянских были походы его на Оку, Волгу и Вятку.* Многие платили из них дань козарам, турецкого поколения народу; оных учинил своими данниками. И чтобы утвердить свое завоевание, на самих козар подвигся.** Главное селение их было в Херсоне, что ныне Крым зовется, однако и к полунощи далече простирались по широким полям до предел российских. Каган, князь их, встретясь с великою силою, вступил в сражение против Святослава. Но принужден по многом кровопролитии уступить ему победу; взят город Белая Вежа; плененные козары и с ними побежденные ясы и косоги приведены в Киев пленными.

Между тем греческий царь Никифор Фока царствования своего в четвертое лето увещевал Петра, болгарского государя, письмами, чтобы не допустил турков через Дунай переправиться и опустошать римского владения пределы. Для небрежения сих увещаний и отказов с разными отговорками посылает к Святославу царь патрикия своего Калоккира, обещанием даров и услуг возбуждая на болгар. Россияне по мирному с ними договору вошли со Святославом в Болгарию, города и крепости сравнили с землею. По Несторову свидетельству, пришли тогда осьмдесят городов под российскую руку. Переяславец нарек Святослав себе столицею в земли Болгарской, с греков брал дань по прежним договорам.

* 964 год.

** 965 год.

В отсутствие великого князя Святослава на Дунае пришли на Россию печенеги.* Ольга затворилась в Киеве со внучаты своими Ярополком, Ольгом и Владимиром. Сии ради малолетства, она для старости не могли стать против тяжкой силы печенежской с малым числом людей, оставленных от Святослава. Во время таковой тесной осады Киева невозможно было иметь сообщения с собравшимися людьми для освобождения города и в ладьях на другой стороне Днепра стоящими. Голод и жажда принуждала жителей к сдаче; для того сыскали некоего молодого человека, который взялся дать весть через реку о настоящей крайней нужде в городе. Держа в руке узду, побежал по печенежскому стану и спрашивал их языком о своей лошади. Таким образом достиг Днепра и, скинув платье, за реку поплыл. Стреляли по нем печенеги, но без успеху; весть своим подал, что буде завтра не учинят в судах на неприятеля нападения, город сдастся; мать и дети великого князя в гнусный полон отведены будут. Тогда Притич воевода побуждал собравшихся в судах россиян, представляя в городе бедственную нужду, необходимый гнев Святославов и казнь за оплошность и боязливость. Велел всеми ладьями приступить к киевскому берегу, чтобы хотя избавить из рук печенежских Ольгу со внуками, увезши на другую сторону. При наступлении дня затрубили на ладьях россияне и дерзостно устремились к приступу; люди в городе подняли крик великий. В ужас пришли печенеги, представляя себе пришествие самого великого князя. Отступают от города в разные стороны; и Ольге со младыми князьями свободный проход к ладьям отворился. Видя сие, князь печенежский спросил о шуме и, услышав ответ от Притича, что он военачальник передового войска Святослава, который со всею военною силою за ним в близости следует, пришед в страх, печенег заключил мир с Притичем, дав ему в знак коня, саблю и стрелы, а от него взаимно принял латы, щит

* 968 год.

и саблю. И так совершенным отступлением печенежским Киев избавился от тесного облежания.

Вскоре отправлены послы к Святославу, которые, достигши на Дунай, бывшее бедство ему возвестили, сказав: „Чужой ты земли, государь, ищешь, свою пренебрегая. Мать и дети твои много страха и нужды претерпели и едва в злодейские руки не впади печенегам. Буде не ускоришь приходом в Киев, то, конечно, новым нападением неприятели кровь твою похитят. Сжался над отчиною своею, над престарелою матерью и над детьми малолетними“. Побужден чрез сие, Святослав без укоснения на конях со многим войском направил путь свой к Киеву, где с жалостию и радостию целовал мать и детей своих и печенегов отогнал в отдаленные места от киевских пределов.

Потом, устроив все мирно и положив город в безопасности, говорил с матерью о своих намерениях и притом объявил ей и боярам: „В Киеве жизнь мне не нравна; затем пойду на Дунай в Переяславец, где середина моего владения и всякое изобилие ко мне собирается: из Греции серебро, золото и паволоки, вино и овощи различные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из России мягкая рухлядь, воск, меды и люди“. Ольга, проливая слезы, представляла: „Что оставляешь нас, любезный мой сын, сирых? Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь? Дети твои малолетны, я дряхлой старости достигла и, конечно, к смерти изнемогаю. При конце моей жизни вспомни прежде к тебе матернее прошение, веруй со мною единому богу вседержителю. Он подаст тебе к земному небесное царство. Но ты сего учения ненавидишь и на гнев преклоняешься. Итак, единого прошу, пребудь здесь краткое время, до скончания моего течения. Погреби тело мое по христианскому закону, не сыпь высокой надо мной могилы и не совершай тризны по обычаю неверных“. По сем завещании в третий день преселилась блаженная Ольга к вечному покою. Святослав, исполнив ее повеление, с плачем проводил святое тело ко гробу. Внуки.

бояре и весь народ жалостным воплем отдали последнее целование великой героине, премудрой правительнице и истинной богоугоднице, жившей в супружестве сорок два года, после Игоря до крещения десять, в христианстве пятнадцать, всего близ лет осьмидесяти. Оставшие христиане неутешно рыдали, лишась себе прибежища.

Перед вторым походом храброго Святослава на Дунай присланные от великого Новгорода нарочные били челом, соединив прошение с республичною грубостию, чтобы великий князь посадил, кого изволит, на княжение новгородское;* буде ж никто из детей Святославлих не пойдет, то сами найдут себе иного князя. Святослав сказал: „Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство“. Ярополк и Ольг тотчас отказались. Новгородцы по совету Добрыниного стали просить Владимира. На что Святослав охотно склонился и молвил: „Будьте вы его“. Владимир рожден был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери некоего Малка, родом любчанина, сестры Добрыниной. С сим своим дядею в великий Новгород отпущен на княжение. Старшему сыну Ярополку поручил Святослав вместо себя Киев, среднему Ольгу Древлянскую землю; сам предприял поход на Дунай к Переяславцу с великим воинством.**

Перед тем Иоанн Цимисхий, коварно царя Никифора Фоку по наущению жены его убив, воцарился.*** Болгаре в Переяславце от Святослава затворились; вышли потом против россиян на вылазку и начали их осиловать. Отступающих своих, развезжая по полкам, князь укреплял к бою, дабы лучше все головою пали, нежели бегством затмили прежнюю свою храбрость. К вечеру одержана над болгарями победа; два сына Петровы, болгарского государя, Борис и Роман в полон взяты. По сем россияне, по жела-

* 970 год.

** 971 год.

*** Кедрин, стран. 415.⁷² Зонар, кн. 17, гл. 2, 3 и 4.⁷³

нию своего князя, для великой удобности мест владение и пребывание свое на Дунае утвердить в намерении положили. Сие их предприятие основалось еще больше Калокиром, который обещал, что ежели его россияне возведут на престол Греческого царства, то союз с ними поставит, уступит вечно Болгарию и обещанную им дань умножит. Сим россияне обнадежены, Болгарию причли в свое владение и послов Цимисховых без успеху о мире отпустили, ибо Святослав велел послам сказать, чтобы греки платили дань по-прежнему: за неисполнение, как болгары, постраждут. Греки, притворясь быть к тому готовыми, спросили, много ли у Святослава войска, дабы по числу их дань расположили. Вопрос их коварно простирался для изведывания числа войск российских (сие повествуя, Нестор „льстивы, — говорит, — греки и до сего дня“). Святослав, имея только десять тысяч, сказал грекам число сугубое для устрашения и для получения большей дани.

Цимисхий собрал войска до ста тысяч, привел восточные полки к западу, и Варде Склеру, своему шурина, поручил военачальство. Россияне с великим князем Святославом, услышав переезд греческого войска, соединили подданных себе болгар и, присовокупив в сообщество печенегов и живших в западной Венгрии турков, в трехстах осьмидесяти тысячах вошли во Фракию, опустошая все грабежом и пламенем, и, ополчась станом при андрианопольских стенах, ожидали к сражению случая. Варда сидел в Андрианополе с двенадцатью тысячами греческого войска и, не дерзая против осадивших город выйти вылазкою, пришел у болгар в презрение, которое причиною было их нерадения: ибо стали беспорядочно стоять в станах, не прилежать о караулах и, сверх того, по ночам роскошничать, препровождая оные в веселии и в пьянстве. Варда выслал малое число людей на болгар выманить к бою. И как бегущих греков беспорядочно гнали, Вардиным войском, со сторон из засады вышедшим, разбиты и отогнаны, в коем числе воспоследо-

вало и печенегов немалое падение. Прочее войско, из россов состоящее, продолжало бой с греками до ночи. На кровопролитном сем сражении многий ущерб почувствовали обе стороны, и хотя греков только, по свидетельству Кедрина, мало легло на поле, однако все были ранены.

Потом царь Иоанн Цимисхий, во второе лето своего царства предпринимая поход на Святослава, старался присовокупить к пешему войску флот на Дунае, к чему новые суда построить и старые велел исправить. Способствовало к тому весеннее время. Приближающемуся к Редесту, двое россиян пришли навстречу под видом посланничества, а делом для осмотра греческого войска. Нарочно показанному себе по царскому повелению греческому войску в украшенном строю дивились. Отпущены с тем, чтобы князю своему о исправности противных полков возвестили. Вслед оных с пятью тысячами пехоты и с четырьмя конницы спешно перешел гору Гем, к российским полкам внезапно приблизился перед столичный болгарский город Переяславец. Калокир, начателем сея войны, сидевший тогда в городе, услышав звук труб от греческого войска и присутствие самого Цимисхия, ужаснулся и немедля тайно из города ушел в стан российский, где известие, от него полученное, произвело в войске робость. Святослав, сильным увещанием ободлив унылых, поставил свой строй при Переяславце против греческого стана. Вскоре греки нападение учинили. Сразились обои войска жестоко. Сидевшие россияне из города выпали своим полком в помощь, от чего для тесноты замешательство учинилось и ущерб Святославим силам. Свигелл, первый его военачальник и в Переяславце градодержатель, отвращая опасность от города, ворота запер и, огорожаясь жердями и копьями, отбил стрелами и камнями от стены греков. Наступившая ночь приступ к городу и бой пресекла. На другой день воевода греческий Василий с прочим царевым войском приспел при восхождении солнца, царя обрадовав и ободлив всех греков, которые соединенным стремлением к городу

приступили. По жестокой и упрямой обороне россияне принуждены были оставить стены во власть неприятелям и оградою царского дому защищаться. Греки, не возмогши взять силою, огонь вместо оружия употребили, истребили россиян из города. Многие сгорели; иные в полон взяты; некоторое число спасшись печальную весть принесли Святославу. И так Переяславец взят, обновлен и во имя Цимисхиево Иоаннополем проименован.

Святослав хотя весьма уроном возмущился, однако мужественным видом и словом ободрял свое войско дерзостно итти против греков. Триста человек подозрительных болгаров предал смерти и двенадцать миль перед Доростелем ополчился, ожидая Цимисхиева прихода. При схождении на сражение обоих войск государи ободряли своих солдат, и потрубному голосу снялись равным дерзновением. Двенадцать раз греки в бегство обращались. Однако ж Цимисхий своим присутствием под царскими знаменами открыто наступал на россиян, поощряя коня и копье свое в них бросая. И таким образом принудил Святослава отступить в Доростоль, к коему приближась, стал станом, ожидая своего флота по Дунаю для способнейшего приступа к городу. Между тем Святослав военнопленных болгар велел держать связанных, числом около двадцати тысяч, опасаясь от них возмущения, и таким образом приготовился выдержать осаду.

По приезде судов Цимисхий зачал добывать город. Тогда в кровопролитных вылазках и сражениях Святослав потерял храброго военачальника и ближнего своего боярина Свигелла; однако город кругом укрепил рвом глубоким и положил твердо стоять против греческих приступов. Великая нужда, от долговременного греческого облежания в съестных припасах происшедшая, заставила россиян употреблять тайные поиски в свою пользу.

В темную и дождливую ночь две тысячи человек сели в мелкие суда и по Дунаю поехали искать себе припасов для пропитания войска. Собрав довольно множество вся-

кого хлеба и возвращаясь к Доростолю, заметили на берегу много обозных людей греческих, которые для поения лошадей, для собрания дров и сена по берегу рассеяны, ходили безопасно. Внезапным нападением великое поражение и ущерб Цимисхию причинив, в Доростоль с довольною добычею возвратились. Осмь недель претерпевая россияне осаду, особый вред от стенобитной махины, поставленной полководцем Куркуём, чувствовали в городе. Для того высланные от Святослава избранные воины, чтоб пагубное сие истребить орудие, Куркуя убили, невзирая на его храбрость. Из россиян мужественный военачальник Икмор, не родом, но удалством достигший своего чина, второй по Свигелле, живота лишился от меча Анемала, стипатора царского. После оной кровопролитной вылазки находили греки между российскими трупами убиенных женщин, которые в мужеском одеянии мужскою храбростию сражались с неприятелем, доказывая истинное сродничество с древними амазонками.

В таковых утеснениях многие советовали бегство предпринять во-свояси, иные — мир с греками поставить. Святославу одно бесчестно, другое бесприбыльно, обое опасно казалось. Для того, еще хотя отвеждать своего счастья и тем показать постоянство российской храбрости, говорил к своим: „Деваться нам больше некуда: своя земля далече; неверные печенеги живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем храбро и не посрамям своего отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам. И если счастье мужеству нашему будет противно, положим свои головы: мертвые не стыдятся. Первый сам перед вами на сражение выйду. Когда голова моя ляжет, вы как хотите о себе промышляйте“. Все единогласно воскликнули: „Где твоя, государь, тут и наши головы будут“.⁷⁴

Уже с восхождением зари город отворяется; выходят с отменной бодростию и скоростию за благонадежным своим предводителем и государем полки российские без остатку полыми везде к неприятелю воротами, которые по Свято-

славлю повелению за ними затворены для пресечения всея надежды на бегство. Почувствовали греки свое изнеможение и россиянам уступают поле. Великий зной и тягость их оружия и чрезвычайное россиян дерзновение отнимает неприятелям силу и надежду. Цимисхий, на место сражения прискакав, ободряет своих к бою; изнемогших и с побоища уклоняющихся повелевает укреплять вином и водою. И хотя полки греческие присутствием царским и утолением жажды большее показали сопротивление, однако от города отступили на пространное поле. Кедрин пишет, что греки сим отступом нарочно хотели выманить россиян на пространство, чтобы их окружить своею силою, однако от того вымысла не имели успеха. Цимисхий, видя своих падение, послал в буйности ко Святославу вызывать его с собою на поединок с советом, что лучше умереть одному за отечество, нежели толикому народа множеству. Святослав отвечивал: „Много есть разных путей к смерти, из коих царь греческий может себе любой выбрать, буде ему жизнь наскучила. А что мне полезно, то сам лучше знаю, нежели мой неприятель“. Между тем на кровопролитном сражении Анема Храбрый, надеясь убиением российского князя вскоре одержать совершенную победу, устремился на своем коне прямо против Святослава и ударил его по голове саблею, но он невреден под своим шлемом остался; Анема убит по крепкой обороне. На сем сражении по Кедринову свидетельству греки, по Несторову — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась.

Между тем Святослав, рассудив малое число своего войска и во всем недостаток, к миру преклонился. Итак, вечный союз утвердив с греками, в Россию путь предпринимает.* Военачальникам объявляет, что ежели греки отрекутся платить дань, которую, как Нестор пишет, давать обещались, бесчисленное собрав войско, паки на Дунай и к Царюграду

* 971 год.

для взыскания оныя пойдет. Цимисхий, возвратясь в Царьград, плененного болгарского царя Бориса с триумфом вводит и при всенародном множестве снимает с него венец и прочие царского достоинства признаки для уничтожения Болгарского царства.

В приближении к Днепру Свенельд советовал Святославу итти к Киеву на конях, представляя опасность водяного ходу и что в порогах стояли печенеги. Непринятию доброго совета последовала гибель, ибо переяславцы с Дуная подали весть печенегам, что Святослав идет из Греции малолюден, везет с собою великое множество плененного богатства.

Обрадованные тем печенеги пороги заступили и, Святославу пресекши путь, отсюду россиян окружили. Принуждены будучи зимовать в Белобережии и претерпевать великий недостаток в съестных припасах, ужасный голод принудил тогда покупать лошадиную голову по полугривне. В начале весны в походе к Киеву порогами напал на россиян Куря, князь печенежский, нечаянным набегом, где Святослав имения и живота лишился. Череп головы его, золотом оправленный, служил вместо чаши печенегам при пирных веселиях с надписанием: „Кто чужого ищет, свое потеряет“. С малыми остатками Свенельд достиг в Киев к Ярополку.

Беспрестанными войнами славное и беспокойное владение великого князя Святослава Игоревича продолжалось лет двадцать осмь; всего жил около пятидесяти трех лет.

ГЛАВА 6

О КНЯЖЕНИИ ЯРОПОЛКОВЕ

Старший сын Святославль Ярополк по несчастливом отца своего скончании принял киевское великое княжение и правление,* с которым ради несовершенного возраста сам со-

* 973 год. Нестор.

стоял под правлением Свенельдовым, бывшего первым военачальником при отце его и деде. Сею властью напыщен, сын Свенельдов, именем Лют, оскорбляя многих своим злым самовольством, как то имя (конечно, прозвище) и обстоятельства изъявляют, ибо он был главною виною плачевного братоубийства.

Выехал некогда на звериную охоту в пределы древлянские владения Ольгова, где сам князь древлянский Олег в том же упражнении прилучился. Спросил о приезже охотнике и, уздав, что то сын Свенельдов, на гнев подвигся; уже несомненно до того времени о буйстве его предупрежден был слухом. И так изъехав Люта убил на той охоте. Свенельд, болезнуя сердцем и злобясь на Ольга, с того времени часто советовал Ярополку, чтобы присокупил к своему владению Древлянскую землю и, как отец и дед, был бы един самодержавец. Через сие потаенно и коварно искал смерти Ольговой для отмщения смерти сыновней.

Наконец, стужанием и прошением своего любимого и мною властью сановитого боярина побужден, восстал Ярополк войною на древлян против брата своего Ольга, который хотя встретился противным ополчением, но по жестоком сражении принужден был в бегство обратиться к городу древлянскому, называемому Вручаю, где плотина вместо мосту для въезду в ворота городские служила. Множество бегущих и гонящих, стеснясь, друг друга с мосту пхали. Олег, упав в ров глубокий, под множеством людей и коней, сверху поверженных, задавлен, живота лишился. По взятии города послал Ярополк искать его между трупами мертвых, и по объявлению некоего древлянина искали его во рву целый день, разбирая убиенных. На другой день едва найден; толика пагуба от тесноты места или, праведнее сказать, от братского междуособия причинилась!

На ковре положенное тело увидев, Ярополк возрыдал горестно и в раскаянии говорил: „Лучше бы мне, любезный

мой брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель, — Свенельду сказал со гневом, — видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?“. По Ольгове погребении и по совершении тризны перед Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский.

Слышав сие, Владимир отъехал из Новагорода к варягам, дабы не пострадать того же, что среднему брату приключилось. От Ярополка посажены были немедленно в Новгороде наместники.

Счастье, нередко злодеяниям поспешествующее, присокупило Ярополку к победе над братом другую над печенегами, которые отдались ему в данники. И князь их Алдея вступил в российскую службу, получив великую честь с властью и городами.

Новгородские летописатели присовокупляют, что во владение Ярополково приходили послы от папы в Киев. По обстоятельствам поверить можно, что, уздав римского исповедания христиане о войнах российских с греками и притом о множестве христиан в Киеве, покушались ввести в Россию веру и власть папешскую, равно как и после, при Владимире, о законе было посольство от папы.

Последний год владения Ярополкова устрашал народ помрачением луны и солнца и последовавшими ужасными громами и вихрями, из чего предвозвещали многие от великих перемен несчастье. Вооружение Владимирово было яснейшим и достовернейшим того предвозвещением, ибо, наняв множество варягов и привлеки великими обещаниями, внезапно вооруженный меньший брат на мщение за среднего в Великий Новгород со многою силою возвратился; наместников Ярополковых выслал и велел ему сказать, чтобы против его на брань готовился, в которой почувствует достойную казнь за наглое братоубийство. Ибо Владимир в себе рассуждал: „Не я зло начал, мне должно за кровь невинную мстить и себе снискать безопасность“.

Утвердясь на новгородском владении и уже в готовности идти войною на Ярополка, посылает Владимир к полотскому князю Рогвольду, чтоб ему отдал дочь свою Рогнеду в супружество. Сей союз праведно казался Владимиру быть полезен в обстоятельствах важного предприятия.

Испытав склонность дочери своей, Рогвольд услышал, что лучше желает быть за Ярополком, а о Владимире сказала, что не хочет разуть от рабы рожденного (признак древнего обязательства жен мужьям к повиновению, который обычай у россиян содержан был и на княжеских браках; ныне только в некоторых областях по деревням еще употребителен). Гордым сим ответом раздраженный Владимир подвинул всю свою силу на Полотскую землю и скоро взял столичный город силою. Рогвольд с двумя сынами лишен жизни; высокомысленная Рогнеда неволею с Владимиром сочеталась и пошла к Киеву, но не за Ярополка, как с присланными от него боярами уже было изготовилась, но противу ему приблизилась с Владимиром и с полотским войском.

Ярополк за неимением довольного числа войска не дерзнул выйти против Владимира, но рассудил защищаться киевскими стенами. Владимир поставил стан меж Дорожичем и Капичем, где был ров и во время Нестерова. У Ярополка тогда ближнею поверенностию пользовался некто Блуд именем и делом, который с Владимиром тайно пересылался о предании своего государя. По обещаниям от него богатства, чести и любви искал случая сам и другим поущал на тайное убиение Ярополково, но в том не успев, употребил коварно вымышленные советы. Притворив себя устрашенным и прискорбным, объявил князю своему наедине: „Киевляне усердствуют к Владимиру и, отворив город, хотят тебя отдать ему руками. Уже и весть к нему послали, чтоб приступал к городу; ищи себе безопасного убежища.“ Легковерность, с худою совестью соединенная, дала место в сердце злокозненным словам Блудовых. Итак, Ярополк выбег из Киева на устье реки Рси в Родну и в крепости затворился.

Киевляне, уведав о его побеге, Владимиру ворота городские отворили, где приняв власть, осадил кругом Родну, пресек привоз съестных припасов и в такую тесноту и нужду привел Ярополка с осадными, что пословица от того произошла: беда как в Родне. В сей нужде советовал Блуд князю, чтобы с братом помирился и отдался на его произволение, уверяя, что не будет никакой опасности. И как Ярополк послушал его слова, Блуд послал весть ко Владимиру, что желание его исполнилось и Ярополк предается в его руки. Между тем некто из слуг, называемый Варяжко, советовал, чтобы князь бежал к печенегам и от них искал помощи и защищения, однако слова его не приняты.

При входе Ярополк между страхом и надеждою ко Владимиру в дверях принят под пазухи шпагами от двух варягов и мертв повержен. Блуд запер дверь и пресек вход слугам Ярополковым, с которыми Варяжко побегал к печенегам и, побудив князя их с великою силою, на Владимира воевал долгое время. И так братоубийством скончалось братоубийственное государство Ярополково, продолжавшееся около девяти лет без знатных дел.

Варяги вспомоществовавшие, приступив ко Владимиру гордо, требовали платы за одержанные победы: „Киев наш, — говорили, — мы его взяли; дай нам окуп по две гривны с человека“. Владимир истребовал сроку на месяц. И как увидели варяги, что ждут напрасно и против их насильства устроен Владимиром отпор, просили, чтобы им был показан путь в Грецию для обогащения своего военным нападением. Выбрав из них добрых, смысленных и храбрых людей, роздал князь им города и волости; беспокойных отпустил по их прошению и уведомил наперед царей греческих, чтобы для безопасности, приняв их ласково, по разным местам расточили.

ГЛАВА 7

О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПРЕЖДЕ КРЕЩЕНИЯ

Самодержавного своего в России государствования Владимир полагает начало,* мнимым благочестием по древнему предков многобожию, однако и заблуждением показывает в себе способность к приятию веры в единого истинного бога. Его повелением поставлен в Киеве перед двором теремным, на высоком холме главный идол Перун, деревянный с серебряною головою и золстым усом. Жертва приносилась — огонь неугасимый. За угашение, небрежением случившееся, жрецы смертной казни предавались. Сей богом грома и молнии почитавшийся Перун был Зевес древних наших предков.

Меньших богов Нестор именует: Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокошь, не показав знаменования и приписыванной им от идолопоклонников силы и власти. По Перуну имел Волос первое место, коему покровительство скота приписывалось (рачение о скотопасстве большее, нежели у римлян, нижним божкам оное препоручившим); Погвизд, Похвист или Вихрь — бог ветра, дождя и вёдра, Еол российский; Лада (Венера), Дида и Лель (купидоны), любви и браков покровители, толь усердно от древних предков наших почитались, что оттуда и поныне в любовных простых песнях, особливо на брачных празднествах, упоминаются со многим повторительным восклицанием.

Купалу, богу плодов земных, соответствующему Цересе и Помоне, праздновали перед началом сенокоса и жатвы в двадцать четвертый день июня. Остатки сего идолопоклонства толь твердо вкоренились, что и поныне почти во всей России ночные игры, особливо скакание около огня, в великом употреблении; и святая Агриппина, которой тогда

* 981 год. Нестор.^а

^а В подлиннике ошибка: нужно 980.

память празднуется, по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею.

Отстоянием полугодичного времени почиталася Коляда, праздничный бог, декабря в 24 число. Не иначе сие разуметь можно, как что, зимние дни в праздности без военного дела, без пашенной и скотопасной работы люди препровождая, оставили Коляде сей праздник. Употребительные ныне между христианами около сего времени на празднество рождества христова игрища, в личинах и в отменном платье, едва ли не оттуду происходят, ибо по деревням и поныне Коляду в плясках и песнях возглашают. И хотя сие приводят в сомнение иностранные народы тем же с нами обычаем, не зная Коляды ниже по имени; однако Янусом нашим древним сей идол не без вероятности назван быть может ради разных лиц, харями развращенных.

Приносилась, сверх сего, жертва рекам и озерам по общему многобожному употреблению народов. Древние наши предки как текущие воды боготворили, явствует, что и поныне простонародные песни от многократного именованя Дунай начало свое принимают; в иных и на всяком повороте имя обоженной реки повторяется. От реки ж Бога (Буга) и всевышнему творцу имя даем даже донныне. Жертвы приносились весною по разлианию вод купаньем, может быть, и нарочным утоплением людей, как в жертву. Остаток сего обычая видим у простонародия в облиании водою на велик день, когда под именем наказания тех, которые утреннее пение проспали, в холодную воду бросают или обливают, что веро предосудительно, телу вредно, жизни опасно и между пьяными подает повод к смертоубийственным раздорам.

Всеми сими идолами наполнены были улицы и поля около Киева и во всей России распространились Владимировым суеверным повелением прежде просвещения. В Великий Новгород поставил наместником дядю своего Добрыню и послал с ним идолов. Перун, возвышенный над Волховом, при-

нужденным сперва жителям вскоре после того великим боже-
ством показался, о чем ниже.

Древнее многобожие в России, сходствующее с греческим и римским, подтверждается еще, сверх письменных известий, другими примечаниями. Что значат известные в сказках полканы, из человека и коня сложенные, как греческих центавров? Не гиганты ли вóлоты? Не нимфы ли в ку-
стах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли царь морской Нептуну, чуды его три-
тонам? Чур — поставленному на меже между пашнями Тер-
мину?

Коль великое и усердное служение идолам приносилось, засвидетельствует повествование о следующей человекоубий-
ственной жертве.* Проезжающие варяги по Днепру для купечества в Грецию многие жительство основали в Киеве и принятый в Цареграде христианский закон содержали. По первых победах приносил мнимым своим богам благодарение Владимир даже до пролития перед ними человеческой крови. Для избрания на то молодого человека жрецы метали же-
ребей, который нарочно направили, чтобы пал на сына не-
которого в Киеве жившего знатного варяга, христианство содержавшего. Дом его стоял, где после Владимир воздвиг каменную церковь пресвятыя богородицы Десятинную. По-
сланные объявили варягу сие как истинное богов изволение, чтобы отдал им на заколение сына. Обличая злочестие, христианин отвечивал, „что един есть истинный бог, ко-
торого исповедуют греки, творца всего мира. А боги ваши сделаны сами от рук человеческих, немые, глухие и слепые. И буде что-нибудь могут, то пусть хотя один из них сам придет и сына моего возьмет“. В великой ярости многобожный на-
род устремясь, разметал ограду; подсечением столпов дом опровержен, и варяг с сыном мученический конец и венец принял.

* Нестор.

Сие в поганстве; но сколько могла умягчить Владимирово сердце христианская кротость, о том свидетельствуют его последние лета, когда и для достойной казни не хотел единого человека лишить жизни. Подобясь Августу, строгостию начал владение, совершил кротостию; как в начале весны сильная наводнением река с оторванными берегами вниз стремится, потом до окончания лета между плодоносными полями кротко протекает.

Юношескою бодростию расцветая, Владимир искал покорить отступившие от подданства отца его народы, пользовавшиеся его несчастливым скончанием и братоубийственным в России междоусобием. В предприятии опасался препятствия от ляхов, когда присвоили себе перед Россиею преимущество под владением Мечислава Первого, который у папы просил королевского достоинства без успеху. Судьба определила оное наследнику его, Болеславу Храброму. Владимир вступил военною силою в польские пределы. Мечислав разным счастьем защищался, однако принужден был уступить России Перемышль, Червень и другие города.*

В безопасности от запада и от полунощи (ибо со шведами пребывал всегда в мире) воевал сей храбрый князь на юге вятичей, ятвягов и другие страны;** покорил себе иных мечом, иных собственным их произволением. Радимичи, побежденные на реке Песчане Владимировым военачальником, именуемым Волчьим Хвостом, данников число умножили.*** Восточные соседы не чувствовали еще его храбрости. Того ради призывает дядю своего Добрыню с новгородскими войски и, с ним совоюпясь, Волгою на насадах вниз к болгарам пускается. Торки конною силою по берегам вслед на вспоможение поспешают. Низовские и камские болгаре помалом сопротивлению покорились и платить дань обещали.

* 981 год. Нестор. Кромер, стр. 34.⁷⁵

** 982 год, 983 год.

*** 984 год.

с таким утверждением вечного мира, „что он тогда перестанет, когда будет камень по воде плавать, а хмель на дно грязнуть“.

И так Владимир распространил и утвердил свое владение на юг до реки Буга, в другую сторону от предел азийских до Балтийского моря. Ливония и Эстония, хотя иногда бывали под норманскими владетельми, однако в государственование Владимирово ему дань платили, что из многих обстоятельств, а особливо из странствования норвежского короля Олава, Тригвонова сына, в России, неспоримо явствует;* ибо по убиении Тригвоновом супруга его Астрида с сыном Олавом, еще младенцем, уклоняясь от злодеев по разным местам, предприняла бегством спастись в России, у брата своего Сигурда, бывшего тогда в службе и знатности у великого князя Владимира.

Переезжая Варяжское море, впали в руки морских разбойников, обихших в тогдашние веки на судах и по берегам грабить, убивать людей, не годных в рабство, а других делить по жеребью. Олав, доставшись Клеркону, естландскому жителю, разлучен был с матерью. Торольф, слуга его, ради старости и негодности в услужение, убит перед глазами. Сперва продан был Олав или променен на великого козла; потом другому господину, именем Реасу, отдан за хороший кафтан и пояс, где шесть лет сей королевский наследник препроводил в добром содержании, но в рабстве. Некогда Сигурд, по повелению Владимирову, для собрания дани проезжая Эстонию, увидел сего молодого человека и по благородному виду заключил, что не естланец, но иностранный. По вопросе о его отечестве услышал, что он сын Тригвонов и Астридин. Узнал Сигурд своего племянника, выспросил о причине его странства и, выкупив из рабства, в Россию с ним возвратился. Имя и род его скрывал до времени.

* Стурлезон, часть 6, гл. 7.76.

Некогда Олав, ходя по городу, увидел грабителя и злодея своего Клеркона и от внезапного по запальчивости возгорания тотчас ударил его топором в голову, прорубил до мозга и в бегство устремился к Сигурдову дому. Дядя, укрывая его в такой опасности, поспешно уклонился с ним в дом государев и просил великую княгиню Ольгу (супругу Владимирову, чехиню или болгарыню, неизвестно), чтоб его приняла в свое покровительство. Желаемое получил, и по предстательству ея у Владимира оружием отвращено народное смятение. В России человекоубивцы на месте убийства без суда смерти предавались народною властью. Итак, вина прощена Олаву за денежный откуп. Законом утверждено было в России, чтобы никто от рода чужестранных государей не приезжал без воли великого князя. Однако Сигурд объявил о породе Олавовой, извиняя сокрытием от родительских и его злодеев. Причина не токмо Владимиру довольна к оправданию показала, но сверх того несчастное состояние возбудило жалость. Ольга, приняв Олава под свою опеку, воспитала, как пристойт королевскому сыну. Немалое время в знатных чинах и в некоторых походах служил Владимиру и с честью и награждением отпущен для получения отеческого наследства.

Препровождал Владимир во время неверия дни свои в пирах и веселиях, в любовной страсти и в роскошах даже до великого излишества,* ибо, сверх своих законных жен, держал наложниц в Новгороде, в Вышгороде, на Берестове и в Белегороде больше тысячи. Но и тем не довольствуясь, насильствовал жен и девиц, отнимая у мужей и родителей. Первою женою Владимировою полагают российские писатели Рогнеду, княжну полотскую, о которой пред сим упомянуто; однако Вышеслав, рожденный от чешския княжны, при разделении сынам княжеств российских везде старшим братом почитается. Итак, двойкою думать должно: первое, что Вла-

* Нестор и летописцы.

димир прежде походу на Полотск и на брата Ярополка имел в супружестве чехиню, и наши летописатели, не зная об ней никакого достопамятного приключения, минули в молчании; второе, или Рогнеда долгое время была бездетна, и между тем Вышеслав рожден от чехини после взятия Рогнеды в супружество; но как известно, что Рогнеда родила Изяслава и других детей в первые лета своего супружества, а после Владимиром оставлена и жила на Лыбеде, где при Несторе было село, нарицаемое Предславино по имени дочери Владимировой, от Рогнеды рожденной, потому статься не может, чтобы Вышеслав родился от чехини после взятия Полотска, прежде Изяслава. Явствует сие неспоримо из приятного Рогнедина мщения над Владимиром.*

Когда он имел уже других жен, то некогда, пришедши к Рогнеде, уснул. Она, помня свое прежнее насильство и настоящее оскорбление, хотела сонного ножом зарезать. На тот час случилось Владимиру пробудиться. Схватил в смущении за руку и удар отвел. Рогнеда, предупреждая обращение ножа в свое сердце, в отчаянии и в слезах говорила: „Отец, мать и братья мои от тебя лишились жизни; разорено отечество; я пред всеми поругана; и ныне в супружестве меня ненавидишь с бедным сим младенцем“ (указала на Изяслава). Удержав рвение свое, Владимир велел ей убраться в светлое брачное княжеское одеяние и сесть на месте княжеском в светлой палате, чтобы по достоинству своя чести приняла смерть от руки своего супруга. Пришел к наряженной богатыми утварями и внезапно увидел по повелению Рогнедину со обнаженным мечом стоящего общего с нею своего сына Изяслава, который жалостным плакал голосом, подавая из рук своих меч Владимиру: „Когда ты один жить, государь, хочешь, то умертви прежде меня, дабы я не видел горького мучения и крови своей матери“. Не мог слез удержать Владимир, кинул из рук меч и безответ-

* Нестор 1128 года.⁷⁷

ным вопросом: „Кто тебя здесь поставил?“ — скончал гнев свой. Потом, с боярами советовав, велел возобновить отчину Рогнедину Полотск и ее на удел отпустил со старшим ея сыном Изяславом.

Итак, первая супруга Владимирова была из земли Чешской, мать Вышеслава; вторая, Рогнеда, в супружестве проименована Гориславою, от которой родился Изяслав, Мстислав, Ярослав, Всеволод и две дочери; третья, грекиня, приведенная пленница из Греции, где прежде была в некотором девичьем монастыре монахиною и ради великой красоты подарена от отца Ярополку. Владимир после приобщил ее к своему ложу. Рожденный от ней братоубивец Святополк, хотя числится между детьми Владимировыми, однако справедливым сомнением больше Ярополку приписан быть должен, что грекиня осталась от него уже беременна. И Святополкова свирепства причиною почестъ можно требование первенства во владении, потому что он рожден от старшего Владимирова брата, или, сверх того, побуждало к сему мщение за прямого отца над подлинными детьми Владимировыми. Четвертая жена, также чехиня, мать Святослава и другого Мстислава (по Стриковскому, Станислава). Пятая, болгарыня, от ней дети Борис и Глеб. Позвизд и Судислав рождены от наложниц. Шестая супруга, царевна греческая Анна, о которой ниже сего пространнее. Дочь ея, от Владимира рожденная, Мария в супружестве с Казимиром, королем польским, родила Болеслава Второго проименованием Смелого.*

ГЛАВА 8

О РАССМОТРЕНИИ ВЕР И О КРЕЩЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ

Приметили во Владимире окрестные народы богопочитательный дух древнего законодавца римского Нумы. Для того друг перед другом старались преклонить сего великого

* Нестор, летописцы и степенные книги.

государя каждый в свою веру, кроме ея размножения, еще для приобретения с великою Российскою державою выгодного союза и крепкой дружбы. Первые сие начали болгаре низовские нарочным ко Владимиру посольством, советуя ему принять закон Магометов.* По выслушании учения их о многоженстве (главной своей страсти), уже и по смерти обещанном, чувствовал услаждение сердца, однако от обрезания возбуждилось отвращение. Вина запрещение и свиных мяс для введения у россиян в обычай невозможным показалось. И храбрый самодержец не рассудил за благо, чтобы в многотрудных походах лишить своих воинов сердечного увеселения и запрещением свинины умалить число человеческой пищи.

И так отпущенным болгарам без успеха вскоре следовали посланные от папы проповедать христианство западных церкви, которое тогда хотя соборным деянием не разделилось от греческого, однако великие несогласия и распри между держателями сих исповеданий многократно причиняли возмущения. Выслушав их учение, великий князь с таковым к папе отослал ответом: „Никто из наших предков не следовал вашему учению, и нам то не прилично“. Разумеются здесь прежние варяжские повелители, крестившиеся в Константинополе, а особливо блаженная Ольга, принявшая не папешскую, но греческую веру.

Жидаы, в козарских областях жившие, около Черного моря, покушались равномерно привести Владимира к своей вере, предлагая: „Иисуса, в коего христиане веруют, отцы наши распяли; мы исповедуем и чтим единого бога, творца всего мира; обрезаемся и в субботы постимся по данному нам от бога закону чрез угодника его Моисея“. Гнусное пред Владимиром обрезание довольно было к бесполезному жидаов отпуску. Но сверх того спросил: „Где отечество ваше?“ Ответствовали: „В Иерусалиме“. „Там ли ваше житель-

* 986 год.

ство?“ — ответа требовал, на что сказали прискорбным видом: „Бог, грехами праотцев наших раздраженный, рассеял и расточил нас по лицу вселенныя, а землю нашу предал чужим народам“. Владимир с негодованием отказал: „Когда вы отвержены от бога и по чужим землям рассыпаны, то, конечно, закон ваш ему противен. Для того ли вы нас к тому привлещи желаете, чтобы и мы подобным вашему злостью от него были наказаны?“ И так со стыдом жида отосланы без всякого успеха.

Наконец от греческих царей избранный философ Константин предстал великому сему самодержцу, лжеучения и заблуждения прежде посланных от разных вер опроверг сильными доводами и по изволению и желанию Владимирову, исполнен красноречия и догматов святыя веры, а паче дара божественныя благодати, таковым или сему подобным образом предложил православный закон кратко:

„Верую несомненною, по откровениям прозорливых святых мужей, многочисленными чудесами утвержденным, признаем и исповедуем единого господя бога вседержителя, коего всеильным словом создано, украшено и утверждено великое строение всего мира. Им сияет солнце, луна и звезды, разливаются моря и реки, плодоносит земля, дышат ветры; ему дождь и вёдро, облаки, роса, снега и мразы служат повеленным чиноположением, молния и гром возвещает гнев его земнородным. Всякое дыхание на земли, в воздухе и в пучине, от величайших китов даже до слабого пресмыкающихся рода, проповедуют создателю неисповедимую премудрость и силу. В таком великолепном здании поселил бог жителя, образ неизреченныя своея славы, человека. Но он преступлением заповеди устроенного себе наследия рая лишился. К исправлению падения ни посланный всемирный потоп на землю, ни огнем истребление Содома и Гомора, ни же чудное изведение своего Израиля сквозь Чермное море, ни благодеяния, ни казни не могли способствовать, ибо не токмо языки, не ведущие истинного бога, но ни же избранный

тогда народ еврейский, знаменами и чудесами уверенный, ходил по его повелениям. Для соделания спасения от погибели человеческого рода нужно было божеское на землю нисхождение, о чем предвозвещали пророки, изгнание и убиение пострадав от жестоковыйного народа. Наконец воплощенный сын божий, отцу и духу единосущный, от чистыя девы произошел в земли Еврейской. Многочисленными чудесами, гласом с небес отеческим и духа святаго сошествием, воскрешением мертвых, наконец, по вольном страдании и смерти от гроба тридневным восстанием и на небеса вознесением не уверил в своем божестве непокоривого и неблагоприятного народа и ради того просветил языки, не знающие истины, и себе присвоил, в коих благословенное^а сообщество ныне и тебя, о благоразумный государь, призывает со врученными от него тебе народами, милосердуя о твоём искании истинного богослужения, воспященном окружающею тебя идольския прелести тьмою“.

Владимир просил, дабы о восстании Христове от мертвых удовольствовал философ его любопытственное желание яснейшими и сильнейшими уверениями, и притом упоминал, что вольное Христово страдание странно и невероятно бездоказательства о воскресении.

Со гласом святыя церкви Константин отвечал: „Хотя связан был Христос, но он наш бог, и мы не стыдимся; бит и поруган, не отрицаемся; на кресте пригвожден, и того не таим. Воскресением его хвалимся, которое апостоли в мире проповедали, мученики засвидетельствовали кровию, пустынножители, мира уклоняясь, в откровениях видели, учителя церковные на вселенских соборах печатью догматов утвердили. Все совокупно, постом и бдением в молитвах, презрением имения, терпением всякого изнурения плоти, беспрестанным рачением к добродетели и парящим желанием к богу отняли самое малейшее сомнение о праведном нашем

^а В подлиннике благословение.

исповедании. Довольно, великий государь, ведаешь, коль широко распространяется христианство и коль многие веки по вселенной от востока до запада господствует. Но кто распространил царство Иисусово? Сильные ли полки, не терпящие никакого противостояния? Избранные ли военачальники смыслом, важностию, богатством, долговременным искусством и храбростию страшные по вселенной? Никак! Двенадцать человек, убогие, незнатные, простые, из деревень, из рыбацких хижин, ни гражданских, ни военных дел отнюдь не знающие люди, предпринимают торжествовать над царствами, разделяют между собою вселенную и, перешед пески, горы, стремнины и снега, воюют против бесчисленных народов, наги и безоружны увещевают нечестивых к благочестию, сребролюбивых к убожеству, сластолюбивых к воздержанию и, что еще больше, опровергают издревле почитаемых идолов пред лицом жрецов, дышащих ядом ненависти, водружают кресты и, пред ними умирая, торжествуют. Сию первую церкви нашу победу возвышает пролитая потом мученическая кровь, вопиющая бесчисленными свидетельствами на небо. Устраиваются по всему свету человекоубийственные громады, приводятся с концов земных епископы, пресвитеры, почтенные сединою мужи, жены, девицы и непорочные младенцы, повергаются на всенародных позорищах многообразным терзаниям и челюстям зверей диких. Поощряют и напрягают взорами и голосом свирепые мучители бьющих к вящему варварству, едино сие имея в бесчеловечных мыслях, как бы истребить новонасажденный виноград церкви Христовы. Но зубы их и ногти, железные гребни, терзающие колеса, кипящие котлы со смолою и другие тиранские орудия ободряют больше воинство Христово к веселому и велегласному исповеданию и свидетельству его воскресения. Наконец победоносное христианство от рабства на свободу, от гонения достигает в безопасность. Приходят из пустынь отшельники, нося вместо украшения всяких драгих камней страдальческие кости. Соединяются

присутствием и мнениями с собравшимися от вселенных великими учителями. Постыжены развратники, и общим согласием запечатлевается на соборах непорочная вера. Всему сему свидетели, председатели и споспешники были премудрые и правосудные государи: Константин и Ирина, Константин Погонат, Юстиниан Великий, Маркиан, Феодосий Юный, Феодосий Великий и святой равноапостольный Великий Константин, которому, государь, в российском роде тебя уподобить божие благоволение поспешает, ожидая твоего к себе обращения. В том найдешь истинное себе очищение и просвещение. Тем избежешь вечного на муки осуждения, которое неверующих постигнет. Придет нечаянно нелицемерный судья Иисус судить живых и мертвых, восставив их от гроба. Неверных и злодеев пожрет огненная река шумящий пламень, верным и добродетельным со Христом царство на небесах будет вечное жилище“.

Показал, оканчивая речь, изображение страшного суда божия на завесе. Плачевный вид мучимых и пресветлое представление небесною красотою одеянных присовокупили учению философову вящую силу, и Владимир вздохнув сказал: „Блажени стоящие одесную; горе отлученным ошую“. Отпустив с честью Константина, положил в прилежном испытании вер обождать удобного времени к принятию христианства.

Итак, созвал к себе ближних и благоразумных советников и старых городских начальников, которым объявил о бывших послах и свое мнение о их верах, предпочитая прочим исповедание греческое.* Бояре и советники сказали, что всяк свою веру обыкновенно другим предпочитает, хвалит свое заблуждение, поносит других истину. Заочно судить есть от правды бегать. Безопаснее всего испытать каждую на своем месте. Понравился совет Владимиру, по которому выбраны десять мужей благоразумных и посланы к болгарам волжским, потом в Рим, наконец в Царьград к грекам.

* Нестор. 987 год.

Жи́ды не почтены были сего достойными, по всевышнего суду лишенные царства и свободного богослужения.

Проходя многие земли и города и с великим тщанием и исполняя Владимирово повеление, посланные рассматривали разные веры. Наконец, когда в Киев как богатые купцы, с великим прибытком от довольной купли познания возвратились, при собрании знатнейших бояр, летами и благоразумием почтенных, спросил у них Владимир верного изъясления о каждой испытанной вере не слухом, но зрением. Согласно ответствовали, что „у болгар видели служение весьма скучное и печальное: в пустой и ничем не украшенной мечети стоят без пояса; поклонясь садятся изумленным лицом и, как обуявшие, оглядываются на стороны. Не приводит сердца в радостное умиление неистовая их вера и усердия к богу не возбуждает. В Риме хотя устав службы уставнее, однако нет такого благочиния, благогласного пения и украшения церковного, как у греков. Когда мы достигли Царяграда и введены были во храм Софийский, созданный великим царем Юстинианом в славу божией премудрости, великолепным украшением, златыми утварями, драгоценным одеянием, благоуханием и сиянием возженных светильников, благочинным и усердым молением, громким и согласным пением восхищенные, чаяли, что нас некоторая божественная сила поставила в пресветлых селениях небесных. Мы, великий государь, насладясь такового сияния, не можем больше в здешней тьме остаться, но желаем и просим дать нам свободу принять в Греции гражданство и веру“.

К окончанию их речи бояре присовокупили: „Если бы вера греческая не была толь преславна, не приняла бы оныя бабка твоя премудрая Ольга“. Владимир спросил: „Где же примем крещение?“— „Где тебе, государь, угодно“, — все ответствовали единогласно.

Некоторые пишут,* что послан был от Владимира в разные земли некто половчанин Иван Смирáм, который, про-

* Андрей Вышоваты.⁷⁸

ехав разными землями в Палестину и даже до Египта, и по долгом пребывании в Александрии крестился. Оттуда писал ко Владимиру, послав Новый завет и увещевая, чтобы он к грекам и к римлянам не преклонялся ради излишеств в их вере и что он в Александрии нашел чистые апостольские учения и предания. Чаятельно, хвалил он коптическую ересь, которая содержит обрезывание; чего ради не удостоены Владимирова внимания.

Уже его обращенное сердце жаждет, как елень на водные источники, святого крещения, однако, помня свое и предков в военном мужестве преимущество перед греками, желание свое намерился прикрыть важным предприятием, дабы греческие цари и греки не стали величаться ради российской уклонности в прошении крещения. Того ради, собрав великое войско, пошел в Херсонь, к главному городу Феодосии, и стал перед ним немного далее одного выстрела. Трудясь много времени в obleжании осадных, требовал сдачи, однако без успеху.* Итак, чтобы взять город приступом, повелел засыпать ров землю. Греки извнутри, сделав под стеною подкоп, уносили землю в город и россиян привели в удивление, что толь долго рва наполнить не могут. Между тем некто из духовного чина, именем Анастасий, неведомо какую побужден причиною (может быть, чая Владимирова крещения), пустил со стены городской стрелу в российское войско, на которой было написано, что позади оног бьют подземные ключи, из коих потаенными трубами приведена вода в город: пресечением оных принуждены будут жители сдаться или умереть от жажды. По сему показанию трубы найдены, насыпаны и вода отведена от города. Итак, принуждены были отдаться во власть российского самодержца. Великая радость услаждала его сердце при входе в Феодосию без многого кровопролития. Покоренная хри-

* 988 год.

стианская крепость казалась предзнаменованием божия благоволения к приятию Владимирову в правую веру.

По сем к царям греческим Василию и Константину посылает победитель, прося сестры их в супружество, которое залогом вечного мира быть обещает. В противном случае угрожает нашествием на Константинополь. Возвратившиеся из Греции от царей объявили, что супружество сестры их со Владимиром невозможно для крайнего различия веры, но может воспоследовать удобно, когда он ко Христу обратится и примет крещение. Великий Владимир, давно уже к принятию греческого закона приуготовленный, отвечает: „Учение вашего философа и моих послов испытание согласно свидетельствуют о преимуществе вашей веры перед всеми прочими. Того ради со всяким усердием и искренностию оную люблю, при сестре вашей принять желаю и жду ее и крещения“. Цари призывают Анну, увещевают ко вступлению в брак со Владимиром. Она опасаясь отрицается. Братья к представлению наступающей в России великой чести сие присовокупляют: „Может быть, обратит бог через тебя Российскую землю, и пребудешь от рода того благословенна вовеки. Отечество наше избавится от плачевных разорений. Знаешь, сколько Греция от россиян претерпела. И ныне подобная пагуба приближается, ежели не отвратишь послушанием“. Рыдая в слезном токе, царица едва промолвила: „Что ж, когда не примет или приняв отвержет веру и меня к идолопоклонству понудит?“ „Пострадай, — цари сказали, — и багрянородною кровию перед варварами засвидетельствуй истину христианства во дни наши“.

Уже склоняется женское сердце к непоколебимой твердости братними увещаниями. Отплывают с нею в кораблях определенные от царей и патриарха сановники и священники со всеми ко крещению и к браку приготовленными утварями. Достигают Херсонския пристани и города Феодосии.

В то время чудною некоторою судьбою впал Владимир в болезнь и лишился зрения. Потому размышляя, что боги

предков его гневны и за отступление казнь наводят. В таком сомнении послал к невесте спросить причины сего злополучия и от ней получил уверение, что сие есть искушение божие о твердости его в вере и, ежели вскоре, не сомневаясь, окрестится, очистится во святой купели не токмо от слепоты очей телесных, но и умным зрением просвещен будет. Отложив двоемысленные колебания, Владимир вступает в купель очищения, крещается во имя отца и сына и святого духа Иаковом, епископом херсонским. Наричается именем царским Василей, освобождается от слепоты и поганства и, ясно прозрев, воздает горячее благодарение создателю. Потом принял поучение и укрепление в вере от святителя и от всех радостное поздравление.

ГЛАВА 9

О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРОВЕ ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ ЕГО

По торжественном сочетании с царевною Анною и по празднественном пиrowании посылает Владимир в Царьград к шурьям своим радостного вестника с дарами и объявлением о своем крещении и браке, прося притом от них и от патриарха Киеву митрополита. Радость в Цареграде была неописанна о новом приобретении толь великого государя в общество Христово. На митрополию киевскую избран и послан в Корсунь Михаил, родом сирянин. По его приезде и по благословению воздвигнута церковь в Феодосии, на бугре, наношенном землею изо рва, который россияне приступая засыпать старались. Во время пребывания Владимирова в Херсоне приходили послы от царей Василя и Константина из Царяграда с великим почтением и дарами. Папа, не упуская времени, равным посольством почтил новопросвещенного государя не без искания, чтобы всеять в нем римского исповедания догматы. Печенежский князь Метиган, подражая Владимирову примеру, принял в Херсоне крещение.

По прошению новосочетанная супруга уступает Владимир Херсонь Греции обратно. Сам, взяв мощи святого Климента с другими многими святостями и церковными утварями, митрополита Михаила, протопopa Анастасия и других служителей церковных, в столичный Киев возвращается, Херсоня и кумирслужения победитель, сопряжен с царскою кровию и с верою Христовою. Тогда по всеобщему государскому повелению опровергнуты идолы от своих мест, прежде к их почтению определенных, обнажены от драгоценных украшений, раздроблены железом и преданы воде и пламени. Перуну, главной невегласов пагубе, большее всех, вместо бóльшого прежде почтения, оказано поругание. Привязанного к хвосту конскому волокли на днепрский берег под жестоким битьем палками от двенадцати человек, бесчестными словами провождающих. Свергнутого в Днепр от берегов отбивали и до Запорожья пристать не дали. По извергнутому ниже порогов идолу ближнюю гору Перуном называют. Маловременная почать новых идолов была образ и пример возвышенных без достоинства, едино разнствие в том имеющих, что идолы ни ударов, ни поклонов не чувствуют. На холме, где Перун стоял, построена церковь святого Василия в честь государского ангела.

По сем назначил Владимир день всему народу киевскому для приятия святого крещения, объявив, что ежели кто в установленное время не явится на реке Почайной, тот господу богу Иисусу Христу и ему будет противник. Собралось неисчислимое множество народа на указанный день и место. И сам великий самодержец со всем синклитом и освященным собором украсил присутствием великое сие действие и чудное позорище. При берегу на плотях стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею — моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром.

По сем первопрестольный митрополит киевский Михаил крестил всех сынов Владимировых саморучно. Имена, по крещении данные, трем только известны: Ярослав Георгием, Борис Романом, Глеб Давидом названы. Источник от крещения их Крещатиком проименован.

Хотя ж от Владимира объявлено было во всей России повеление, чтобы все его подданные крестились, противникам сказан гнев, однако немало целых областей осталось, которые крещения убегали, особливо подвластные Российской державе чюдские народы, жившие около Мурома, Суздаля и Ростова. Михаил митрополит предприял путь в Великому Новграду, но, не надеясь учением преодолеть упорства жителей, просил о вспоможении Добрыню, с которым низверг в Новгороде идолов и Перуна, подобно как в Киеве, велел с биением и поруганием грязью отволочь на берег и кинуть в Волхов.

Баснословят, что плывущий идол, выкинув на мост палку, вскричал: „Возьмите, новгородцы, и употребляйте для моего воспоминания“. Откуда через долгое время обычай был, что и в христианские праздники вместо игры и увеселения бились новгородские молодые люди не без вреда своего палками. Кажется, сия их легковёрность предзнаменовала, что за упрямство против самодержавной власти претерпят некогда палочные смертные удары. Пловущего вниз Перуна сельские люди, знавшие, что он недавно наречен был богом, от берегов пхая, говорили: „Уже ты не бог больше; довольно и так мы тебя кормили; поезжай назад в темную адскую пропасть“.

Некоторое неудовольствие в народе, особливо ж у женского полу произошло, когда Владимир повелел учредить школы для научения малых детей грамоте, но матерние слезы и негодование благоразумными увещаниями, учительские излишние строгости добрыми установлениями прекратил рачительный первосвященник.*

* Летописцы.

В добронамеренных трудах и желанных успехах сему государю нередко препятствовали набегами непостоянные печенеги. Итак, для безопасности от толь хищного народа указал строить города по Десне, Выстри, Трубешу, Суле и Стугне и населить их славянами новгородскими, кривичами, вятичами и чудью, чем немало оградилась Россия от нашествия иноплеменников.*

Для приведения в христианство земли Суздальския подвигся сам Владимир с митрополитом, обновил множество народа крещением, поставил на Клязме город** и, наложив ему свое имя, украсил паче всех городов российских и создал церковь Успения богоматере. Любление княжеское сего места и повеление привело многочисленных жителей.

По преставлении Михаила митрополита присланный на его место от цареградского патриарха Леонтий поставил по городам российским епископов: Великому Новуграду и Пскову — Иоакима херсонянина, который идолов разрушил до основания, в Чернигов хиротонисовал Неофита, в Ростов — Феодора. Для проповеди христианства в болгарях посылан был некто Марк Философ, но без желанного успеху: крестились только четыре князя, пришед в Киев. От особенного благоговения и усердия повелел Владимир воздвигнуть в Киеве каменную церковь во имя пресвятыя богородицы. Призванные из Греции мастера с великим тщанием дело совершили, на что многое княжеское иждивение положено и определена со всего государства десятина, по чему церковь Десятинною именована.

Итак, широко распространилось и твердо вкоренилось в России христианское православие, что прежде сего троекратно начиналось. Первое, благовестием святого апостола Андрея Первозванного,*** когда, проходя Днепром и Волхо-

* Нестор, степенные, летописцы.

** 1092 год. 79

*** Нестор.

вом сквозь славенские пределы, проповедывал евангелие Христово и, поставив крест на горах киевских, предсказывал на них благодати божия воссияние, великого града и веры основание и сооружение церквей множества. Второе, когда по неблагополучном походе Оскольдове и Дирове на Царьград требовали россы крещения и, уверясь несгоревшим евангелием, приняли закон христианский.* Крещение князей Святополка, Ростислава и Коцела не надлежит до россиян, но до славян дунайских, кроме того что переведенные в Моравии церковные книги употребляются в российской церкви обще со славенскими народами, содержащими греческое исповедание. Третье, крещение было Ольгино, коим многие россияне просветились, взирая на ее обращение.

Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал, что, хотя пользоваться его отсутствием и не боясь утомленного войска, приблизились с великими силами печенеги и за Трубешем против него ополчились.** Немедленно храбрый государь вышел навстречу и на противном берегу стан поставил. Печенеги требовали на поединок борца от Владимирова войска, представляя своего исполина, дабы тем единоборством прекратить наступающее кровопролитие с обеих сторон и одолевший богатырь представил бы победоносную сторону, одоленный до исторжения духа — побежденную. Владимир, не ведая в полках своих чрезвычайного усилка, велел спрашивать чрез кличеев.

Некто ремесленный человек, ременщик, явившись сказал, что есть у него сын, коего никто не одаливал с ребячества, и что он осердясь дерет сырые воловые кожи. Призван перед государя, требовал для показания опыта, чтобы при-

* Зонар, кн. 6,^a гл. 10.⁸⁰

** 1099 год.⁶

^a В подлиннике ошибка: нужно кн. 16.

⁶ В подлиннике ошибка: нужно 992.

вели великого, сильного быка и раскаленным железом раздражили. Учинено; бык в ярости стал бегать и землю рыть копытами и рогами. Ременщиков сын толь мочную скотину в самом стремлении ухватил за бок и кожу с мясом вырвал. „Можешь с печенежским богатырем бороться“, — сказал Владимир и повелел к утру приготовиться ему и всему войску.

Приспешу времени, выходят поединщики на сражение. Печенег, видя соперника ростом перед собою мала (он был посредствен), презирал и насмеялся; и, вдруг напустившись на него, закричал страшным голосом. Молодой ременщик, схватив печенега, поднял, ударил о землю и дух из него вышиб; исчезла вдруг гроза и ярость. Печенежское войско, объатое робостию, обратилось в бегство. Россияне, по княжескому повелению вслед достигая, множество неприятелей на поле постлали. Ременщик с сыном почтены знатыми чинами и другим жалованьем. На броду Трубеша-реки, где отнята у печенегов слава, заложен тогда Переяславль, вскоре построен и украшен церквами. Белагорода строение в те же времена зачалось и совершилось.*

Бывшу некогда Владимиру в Василеве немногочисленному, печенеги внезапно учинили на него нападение. В такой скорости принужден был обороняться малочисленными людьми, почему и не мог устоять против неприятеля. Бегством спасаясь, укрылся под городским мостом. Сие случилось на праздник преображения господня, коему в честь обещал в сей опасности церковь воздвигнуть и спасшись обещание исполнил,** дню ж сему воздал великое почтение молебствами и угощениями.

Не дая отдохновения Владимиру, неугомонные печенеги излучили время и употребили к своим поискам, когда сей

* 1098 год.^а

** 1099 год.^б

^а В подлиннике ошибка: нужно 991.

^б В подлиннике ошибка: нужно 996.

трудолюбивый государь отлучился в Новгород. Приступили и окружили новосозданный Белгород, не дозволяя жителям из него выступу в намерении принудить к сдаче голодом. Жители для великой нужды ворота отворить хотели неприятелям, однако некто смысленный гражданин удержал их и беду отвратил смешным вымыслом. Уговорив отчаянных до трех дней не сдаваться, собрал сколько мог овсяной муки, отрубей, пшеницы и меду; в уготовленных кадах, врытых в землю как колодезях, развел в одной кисельную цежу, в другой сыту, в кои тайно подведенными трубами мог дополнять, что черпали и варили жители. Призванным якобы для договору в город печенегам притворные подземные ключи показаны с их употреблением, кисель на пищу с сытою поставлен и в стан их для уверения князей и военачальников отпущен. Кочевой народ, хлебных пищей мало знающий, подумав, что город снабден натуральною пищею и весьма неборим голодною нуждою, отступил и удалился.

Владимир, оградив свою державу мужеством и просветив православием, начал размышлять, как бы утвердить мир в потомственное время между детьми своими, ведая, что несогласие в братиях много бед причинить может. Собственный пример, погибель Ярополкова и Ольгова предписывали осторожность от будущих несчастий. Того ради разделили или, справедливее сказать, отдал в уделы детям разные княжения на содержание по приличеству их породы, оставив себе и старшему потом наследнику киевское великое княжение и верховное повелительство над всеми уделами.

Старший сын Вышеслав получил в участие Великий Новгород, прежнее Владимирово владение, которое еще при жизни его, по смерти Вышеслава досталось Ярославу. Изяслав отпущен, как выше показано, с матерью на дедовское княжение, в Полотск. Святополку дан Туров, Ярославу — Ростов, потом Новгород, а Ростов — Борису, Глебу — Муром, Святославу — Древлянская земля, Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Тмутаракань, Станиславу — Смоленск, Судиславу —

Псков, Погвизду — Волынь и Луцко. Всем притом заповедал и повелел, чтобы жили в братской любви и тишине полагали в распространении веры Христовы.

Преклоняясь к старости, Владимир прилежал к церквам и к молитве неусыпно, воздая за заслуги с избытком награждение, помогая расточением своего имения бедным и страждущим, строя и обогащая церкви и предложенными пред народом угощениями довольствуя подданных. Приобыкши к кротости, нередко прощал великие вины законопреступникам и свобождал от казни злодеев. Ослаба произвела беспокойство и разорение неповинным. Все пути заняты стали и пресечены разбойниками. Того ради собравшись, архиереи российские представили государю опасность, от такого послабления наступающую, увещевая, „что меч ему дан от бога не токмо против неприятелей, но и на казнь законопреступных и что к злодеям милосердие есть к неповинным тиранство“. Притом напомянули о прежнем содержании войска для безопасности подданных и церкви. Побудили сим мягкосердого при старости государя. Разбойники почувствовали справедливую казнь, и войско возобновил Владимир против прежнего по примеру и расположению отца своего и деда.

Узаконено было издревле, чтобы новгородцы платили в Киев дань повсягоднюю по две тысячи гривен.* Ярослав, презревая отца своего старость, не исправлял повеленного, удерживая у себя ему должное. Подвигнутый за то на гнев Владимир велел исправлять к Новуграду дороги и мосты, хотя итти войною на Ярослава, взять уреченное и мстить сыновнее к родителю презорство. К Ярославу собрались призванные из-за моря для сопротивления варяги. Межусобная война восходила подобна грозной туче, однако по божиему промыслу нашествием печенегов и преставлением Владимировым отвратилась.

* 1014 год.

Борис, любезнейший из всех сынов, приключился в Киеве. Святополк проницая всегда около Владимира обращался, дабы похитить престола киевского наследство. Владимир поручает готовое уже к походу войско Борису и против печенегов посылает.

В Борисово отсутствие христианскою кончиною к богу преселился июля в 15 день,* жив лет 73, государствовал в идолслужении 8, в христианстве 27. В союзе и в любви пребывал с соседними держателями, с Болеславом польским, Стефаном венгерским и с Генриком чешским. По супружеству с греческою царевною именовался царем. Пример оставил по себе потомкам отменныя храбрости, кроткого правосудия, щедролюбия к требующим и теплого усердия к истинному богу. Поползновения буйной младости загладил человеколюбивыми делами умеренныя и кроткия старости.^a По всем делам геройства от защищенного, расширенного и прославленного своего народа справедливо приобрел проименование Великого, имя Святого от основанной, снабженной и украшенной российской церкви.

ГЛАВА 10

О КНЯЖЕНИИ СВЯТОПОЛКОВЕ**

Для предускорения в получении наследства, скрывая Святополк смерть Владимирову от братьей, а паче от Бориса, повелевающего великим воинством, с Берестова, где Владимир скончался, отвез тело в Киев и тайно положил в мраморном гробе, в церкви Десятиной. Между тем послал в полки к Борису, скрыв кончину и ложно возвещая, „что отец разболелся и хочет его видеть, для того шел бы по-

* 1015 год.

** Нестор, летописцы и степенные, 1015 год.

^a В подлиннике страсти.

спешно в Киев“. Сим умыслил Бориса отлучить от войска. Между тем, уведав народ преставление великого самодержца, стекся несказанным множеством в церковь и горьким рыданием и слезами оказал свою скорбь для его отлучения от жизни.

Борису весть Святополка ложная, но купно и праведная из города встретила на Алте и в печаль великую преклонила. Военачальники, ободряя его, представляли, чтоб, имея в руках все отеческое войско, пошел против Святополка, похитившего неправедно престол киевского великого княжения. Но он ответствен, что совесть его не допускает поднять руку против старшего брата, которого он вместо отца почитать должен и от него отеческой любви чае.

Видя Борисово мягкосердие и зная коварство и свирепство Святополково, военачальники со всем воинством отступили, поспешая прилепиться к Святополку. Борис остался токмо со своими верными слугами. Зверонравный Святополк, пришед ночью тайно к Вышгороду, просил тамошних бояр, чтобы за него стояли и Бориса бы живота лишили, которого он больше всех опасен. „Положим свои головы за тебя“, — ответствовали Святополку подобные ему злодеи.

Приспели неукоснительно убийцы на Алту и, приблизясь к шатру Борисову, услышали, что поют утреню. Приметив себе приближающуюся пагубу, кроткий Борис по усердой молитве богу лег на постелю. Наскочили злодеи, как свирепые звери, ударили в него копьями и слугу его Георгия, родом угрина, пронзили. Для снятия золотой гривны, положенной на него за верность от Бориса, отрубили голову и всех оставшихся [с] князем своим живота лишили. Обвитого шатром неповинного страдальца повезли к Вышгороду, но вскоре услышали стенание полумертвого. Для прикончания по Святополкову велению некто варяг мечом проколол самое сердце.

И так непорочный отрок скончал свое течение с похвальным и Христову подобным терпением, хотя по человеческому

мнению, коему божеские судьбы неведомы, кажется лучше бы ему было данным от отца и от бога воинством истребить богоотступного Святополка для сохранения жизни братьев своих Глеба и Святослава и предварить в отечестве извне и извне последовавшее кровопролитие, ибо Святополк, видя кровь Борисову, на большее подвигся зверство: послал подобным образом в Муром ко Глебу, возвещая ложно о родительском повелении в болезни, как Борису. С малым числом слуг на конях Глеб к Киеву поспешает и как приблизился к Волге, во рву коню его спотыкнувшись, от падения повредил ногу. Итак, поплыл на судне к Смоленску. Минув оный, на Смядыне услышал весть от Ярослава, что отец на другую жизнь преселился, Святополк похитил престол великого киевского княжения и оное начал братоубийством единоутробного ему Бориса.

Горьким рыданием со слезами восстал Глеб о лишении отца и брата, жалуясь, что не прежде или не с ними купно жизнь его пресеклась. Внезапно посланные от Святополка убийцы насад Глебов удержали и слезы его смешали с неповинною кровию, пролитую от его ж повара, который, забыв бога и милость своего государя, ударил прежде всех ножом в горло. Убиенного тело повергнуто было на берегу меж двумя колодами, потом отвезено в Вышгород и погребено подле Бориса.

Святослав на княжении в земли Древлянской, слышав о убийении Бориса и Глеба и не надеясь на свои силы, чтобы стать против насилия Святополкова, побегал в Венгрию, однако на пути от Святополковых кровожаждущих приспешников достиген и живота лишен, не доезжая гор венгерских.

Еще до вести о таком Святополковом тиранстве в Новгороде восстало великое смятение, ибо жители и посадники, опасаясь своего утеснения и приведения в совершенное подданство Ярославу чрез вспоможение варяжского войска, призванного для походу против Владимира, которое много насильства в городе учинило, нечаянно воружились

и, нападши на варягов, живших на дворе Парамонове, наголову порубили. Озлобленный тем Ярослав созвал лучших людей, варяжскому убийству предводителей, якобы для совета на двор свой, где ласканием привлеченные по данному от Ярослава знаку в вечеру побиты. В ту же ночь прибег вестник из Киева от Предславы, сестры Ярославли, сказывая, что отец отшел от сего света, Святополк, овладев Киевом, избивает братьей, и чтобы Ярослав от подобного злочючения остерегался.

В толь трудных обстоятельствах нужно ему было смиренным образом просить новгородцев. Коих призвав, „любезные мои други, — сказал, — забудьте вчерашнюю мою крутость; общая наша нужда требует согласного отпору против беззаконного насильства. Отец мой умер (утирая слезы, речь перерывал стенанием), Святополк похитил владение и обогрил кровию братьей наших Бориса, Глеба и Святослава и прочим готовит подобную пагубу“. Без отрицания склонились новгородцы, предпочитая общую безопасность собственному счастью, и к тридцати тысячам варягов сорок своих присовокупили. С сими войсками поспешно пошел Ярослав на Святополка и воздохнув сказал: „Не я зачал избивать братьей. Суди, господи, праведно и отмсти кровь неповинную“. Святополк, уздав приближение Ярославле, собрал многочисленное войско российское и к ним призвал печенегов. Сошедшись в приближение, оба войска стали по обеим сторонам Днепра при Любече. Три месяца ожидая один от другого нападения, пришли в немалую скуку и унылость. Наконец, раздражил новгородцев воевода Святополков, который разъезжая к ним кричал: „Что вы, плотники, пришли сюда с хромым своим князем (Ярослав был слаб ногами), никак ищите плотничьей работы и хотите строить нам дома?“ Раздраженные сим ругательством новгородцы приступили ко князю и приказу требовали на завтрее перевозиться чрез реку против неприятеля с тем, что ежели кто с ними не пойдет, убит от своих будет.

Рано поутру подвигнул Ярослав войско и, перевоза за реку, велел суда от берегу отпихивать для отнятия всякия надежды к бегству. Между сразившимися войсками от великой сечи оружный треск слуху, течение крови зрению страх наводили. По обеим сторонам побоища великие озера воспятели печенегам вредить Ярославу набегами. Случилось время замороза, и тонкий лед нигде к переходу не был способен. Притесненные войска Святополковы принуждены отступить на лед, который не имел довольной крепости для удержания многочисленного народа, оружием отягощенного. Итак, видя своих изнеможение, Святополк в бегство обратился. Победитель Ярослав, преследуя бегущих, потопил в кровавой воде великое множество сопостатов и въехал без отпора в Киев. Братоубивцу осталось едино спасение бегством в Польшу.

ГЛАВА 11

О КНЯЖЕНИИ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО *

Святополк, странствуя по Польше, побудил Болеслава Храброго против Ярослава. Случаем сего межусобия желая пользоваться, король польский наступил с южной стороны на российские пределы и области. Однако и Ярослав, не теряя времени, совокупил новгородское войско с варягами и встретил неприятелей на Волине. Обои противные полки стали друг против друга на реке Буге. Меж обыкновенными в те времена в неприятелях взаимными перебранками Будый, дядька и воевода Ярославов, кричал через реку к Болеславу: „Скоро прободем твое толстое брюхо“. Король был тяжел дебелистю и върастом тела и потому к езде верхом мало способен, однако духом бодр и смыслен. Не стерпев закричал к своим: „Буде вам моя укоризна не досадна, один против неприятеля поеду и погибну; вы со стыдом останьтесь“.

* 1016 год. Нестор и другие.

С сими словами сел на коня и бродом за реку против Ярослава поехал. Устремились за ним польские полки и на россиян, не успевших вооружиться, с яростию напали. Ярослав, побежденный, побег к Новуграду, а Болеслав, вступив в Киев со Святополком, расположил войско по другим городам для их содержания.

Из Новагорода хотел Ярослав уклониться к варягам, боясь неприятельского преследования. Однако новгородцы и посадник Снятин, сын Добрынин, чтоб его не отпустить, рассекли суда морские, объявляя, что они еще могут стоять против Болеслава и Святополка. Итак, собрав великое число казны с города, наняли снова сильное войско варяжское и поручили Ярославу.

Между тем Святополк, видя, что Киев и другие города заняты поляками и победа над Ярославом ему бесполезна, приказал тайно (вместо благодарности), чтобы киевляне поляков, нападши нечаянно, всех вдруг побили, что скоро исполнилось делом. Болеслав побежал из Киева с остальными людьми своими в отечество, похитив множество имения бояр и сестр Ярославлих, и, отходя в Польшу, Червень за себя занял.

После сего Ярослав взял Киев, а Святополк убог к печенегам и привел их в ужасном множестве на Ярослава; но он встретил сих варваров с полками своими на реке Алте, на месте, где убит Борис. Воздев на небо руки и со слезами, возопил к богу: „Здесь видишь, правосудный господи, землю, обогренную кровию непорочного отрока твоего Бориса. Беззаконный убивец, насытый братния крови, не престаает искать истребления всего нашего роду; защити нас, отмсти кровь неповинных“.

С восхождением солнца снялись обеих сторон войска в кровопролитное сражение. Чрез целый день сомнительная победа колебалась по напоенному кровавыми ручьями полю. И уже солнце, к заходу преклоняясь, оставило одоление Ярославу. Побежденный Святополк от расслабления и тря-

сения членов не мог бежать на коне: для того с крайним поспешением несли его бегущие на носилках. Достигнув Берестова, говорил несущим: „Ускоряйте бегство, погоня за нами близко“, чего однако не было. Итак, беспрестанно мечтая гонцов за собою, грозящих за злодеяние лютым мщением, пробег всю Польшу и на пределах чешских извергнул скверную свою душу. Ярослав сел спокойно в Киеве на отеческом престоле, утерши пот лица своего по труде великом.

Но мало пользовался покоем, ибо Брячислав, князь полотский, сын Изяславов, Ярославов племянник, в отсутствие его в Киеве внезапно набежал на Великий Новгород, пограбил множество имения, в полон взял бояр и с тем пошел обратно. Однако Ярославом достиген из Киева в семь дней, на реке Судомире разбит, и новгородцы с имением возвращены во-своия. Брячиславу бегство было спасением от пленения, а Ярослав возвратился на отдохновение к Берестову.

Около сих времен Мстислав, господствуя в Тмутаракане, ходил на косогов.* Редедя, князь их, стал противу со своею силою и выслал ко Мстиславу вызывать его на единоборство с условием, что победителю взять, без бóльшого кровопролития, имение, жену, детей и землю побежденного и чтоб поединку быть без военного оружия, борьбою. Согласились в том оба соперники, сошлись между обоими войсками и к борьбе сцепились.

Долгое время сомнительно казалось одоление. Наконец Мстислав, чувствуя сил своих ослабление против Редеди, превосходящего возрастом и крепостию, в поте и в одышке возопил от сердца: „Поддай мне одоление, бо́жия мати, храм в честь тебе воздвигну“. С тем словом ударил о землю противоборца и нож вонзил в горло. Потом вскоре, с победою вступив в его землю, наложил дань и плененную жену

* 1024 год.*

* В подлиннике ошибка: нужно 1022.

побежденного с детьми привел в Тмутаракань с собою. Обещанная за одоление церковь заложена и вскоре построена.

Приобретенным богатством и косожеским народом в подданстве надменный, Мстислав распростер свои желанья ко владениям Ярославим, видя, что едва не вся Российская держава после гибели прочих братьей под его повелительством. Для того, не бывшу в Киеве Ярославу, но в Новгороде, внезапно приступил к первопрестольному городу,* однако ради сильного отпору отступил и, заняв Чернигов, сел в нем на княжении. Обыкновенное из Новгорода к варягам прибежище снова служило Ярославу к замене новгородцев, которые хотя много сами собою, однако больше наемными людьми воевали и, вместо пролития своей крови, деньгами отсыпались. Якун, славный варяжский полководец, с великим войском пришел к Ярославу на помощь из-за моря.

Итак, совокупясь достигли в поле на Мстислава. Сей поставил наперед против варягов северян, а за ними стал сам с отборным войском. К ночи наступила грозная туча с сильным дождем, молниею и громом. В таком ужасном движении воздуха повел передние полки Мстислав против войск Ярославих. Варяги, бившись наперед с северянами, весьма утрудилась, что приметив, Мстислав ударил на усталых с отборными. Сверкающим молниям отсвечивал блеск оружия, треск и крик, между громом и шумом сильного дождя мешаясь, умножал грозу той ночи. Смутное время, хитрость и храбрость Мстиславова понудила Ярослава и Якуна к бегству.

По восхождении солнца объезжая место побоища, победитель веселился, что его северяне лежат, каждый имея подле себя убитого варяга, а отборные полки все в целости. По сей победе, довольствуясь преимуществом в храбрости, послал

* 1026 год.^а

^а В подлиннике ошибка: нужно 1024.

сказать Ярославу: „Ты мне брат старший. Сядь в Киеве на отеческом великом княжении; мне одна сторона Днепра довольна будет“. Невзирая на то, не доверялся Ярослав до совершенного замирения и пребывал в Новгороде; в Киеве сидели его наместники.

По конечном устроении с братом мира и по завоевании чуди и других несильных народов, при внутреннем прежде нестроении отделившихся, пользуясь домашним покоем, построил в Ливонии город, назвал Юрьевым в свое при крещении данное имя, что служило к легкому упражнению войска, дабы не впало в уныние. Любовь между обоими братьями умножилась согласным походом в Польшу* и победоносными знаками достигла совершенного союза, ибо по смерти Болеслава Храброго совокупно воевали Польшу и к России возвратили Червень с волостями, что отнял Болеслав, возвращаясь из Киева от Святополка. Наконец, нечаянно на охоте Мстиславлею смертью осталось одному Ярославу все-российское самодержавство.

Для облегчения тягости обширных стран поручил он старшему сыну своему Владимиру в удел великое княжение Новгородское. В отсутствие его для сыновнего в Новгороде постановления, пришли под Киев печенеги в несказанном множестве, но скорым возвращением самого Ярослава и стройным распоряжением сильного воинства набег их Киеву безвреден, самим бесполезен учинился. На месте, где ныне собор святыя Софии, поставил Ярослав в правом крыле киевлян, в левом новгородцев, варягов в середине. Печенеги чрез целый день нападали тщетно, к вечеру совершенно разбиты и, бегая от россиян по трудным местам, так уничтожены и рассеяны, что с того времени имя их с шумом погибло.

По сем Ярослав, имея попечение, чтобы воздать благодарение богу за толь многие победы и за сохранение жизни

* 1021 год.^a

^a В подлиннике ошибка: нужно 1031.

от различных опасных случаев, заложил и построил великую церковь святых Софии * в ограде с позлащенными воротами и многие другие к службе божией дома в знак христианского благоговения.

Объявляют российские писатели о выкопанных при Ярославе костях прежних князей Ярополка и Ольга и о их крещении. Великое, буде правда, о душах дядей своих показал сей государь попечение, даже до суеверия! По смерти нет и покаянию, не токмо крещению места.

Между тем Владимир, сын Ярославль, воевав, одержал победы над чудскими народами и просил позволения от отца идти на греков по следующей причине: в долговременную тишину и мир между Россиею и Грециею жили многие россияне в Цареграде для купечества; по случаю учинился на площади меж ними великий раздор, так что дошло до кровопролития, в котором убит знатный россиянин, посланный в Грецию от Владимира. Для мщения сего убийства пошел он с великим войском на греков.** И как уже от устьев дунайских пустился в мелких судах к Царюграду, восстала великая буря, немалое число однодеревков Владимировых разбила, иные выбросала на берег. Услышав сие несчастье, Константин Мономах, царь греческий, к оставшимся шести тысячам россиян послал войско под предводительством Василия Теодорикана в четырнадцать судах, на которых огнедышащие трубы великий вред нанесли судам Владимировым, и для того по несчастливом сражении назад возвратился.

На берегу полонили греки Вышату и в выброшенных однодеревках много россиян, из коих немалое число (политический народ!) глаз лишили. По трилетном в полону терпении и по заключении мира освобожден Вышата с прочими и в Россию отпущен. Сверх того, Всеволоду, сыну Ярославлю

* 1037 год.

** 1043 год. Нестор, Зонара, кн. 17, гл. 24.⁸¹

присовокуплена в супружество греческая царица, дочь Мономаха, от которой родился Мономах российский, еще при жизни деда своего Ярослава.*

Сие успокоение в южных пределах усугублено новым союзом с Польшею через брачное сочетание короля Казимира с сестрою Ярославлею Марию, рожденною от Владимира и от последней его супруги, царицы греческой Анны. Прибыв в Польшу, принуждена была принять закон католический и назваться Доброгневою. По мнению некоторых писателей,** первое имя отложено из почтения к пресвятой богородице, дабы никто с нею подобно не назывался.

Знатные союзы, Ярославом утвержденные, купно с военными делами, соседям страшными, возвели Россию к великой знатности и славе. Генрик Первый, король французский, от супружества с Анною, княжною Ярославлею, родил три сына: Филиппа, Гугона и Роберта. Старший наследовал по отцу королевство и произвел многое потомство. Со шведами от начала княжения Владимира Великого непрерывный мир и во все владение Ярославле сохранился, к чему брачные союзы много спомоществовали. Супружеством Ярослав сопряжен был с королевною шведскою Ингигердою, дочерью Олавою. Елисавета, княжна Ярославля, была за братом короля Олава Святого, за Гаралдом, который ходил в Царьград прежде своего владения в службу царей греческих и приобретенное там богатство сохранял в Новгороде у Ярослава.

По тридцатисемилетнем владении и по многих войнах лишился сей государь старшего и любезного сына Владимира новгородского, а по двух годах сам ему последовал,*** получив сынов своих пред кончиною братолюбному миру и по-

* Нестор.

** Кромер, стр. 51.⁸²

*** 1054 год.

ручив первенство и Киев Изяславу, дабы его прочие, как отца, слушали, Святославу—Чернигов, Всеволоду—Переяслав, Вячеславу—Смоленск. Жил 76 лет, велик миром и войною, но был бы еще больше, когда б новгородцам не оставил необузданной вольности.

Конец второй части.

9

КРАТКИЙ РОССИЙСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ
С РОДОСЛОВИЕМ.
СОЧИНЕНИЕ МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КРАТКОЙ
РОССИЙСКОЙ
ЛѢТОПИСЕЦЪ
СЪ
РОДОСЛОВІЕМЪ.

Сочиненіе
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1760 года

Титульный лист „Краткого Российского летописца“.

Е. и. в., пресветлейшему государю, великому князю
Павлу Петровичу, герцогу голштейншлезвиг-
скому, стормарнскому и дитмарсенскому, графу
олденбургскому и делменгорстскому и прочая,
милостивейшему государю

Россию предприяв ущедрить, небеса
Являют твоя породы чудеса:
Младый великий князь, ты восходя сияешь
И веку своего свет полный обещаешь.
Чудимся, радуясь природной остроте,
Пристойной праотцев пресветлых высоте.
Предвидим, рассудив мы детски разговоры,
Отрадою ко всем сияющие взоры,
Что будешь подданных веселие, покров,
В правлении пример, во брани страх врагов.
Изобразив твоих российских предков славных
Геройски подвиги и вкратце вид дел главных,
Я обращаю взор к вечерним сторонам,
В науках и в войнах героев вижу там.
Для малости сих строк я их не исчисляю
И вместо всех Петра со Карлом представляю.
Сей шел, как Александр, вселенной потрясти,

Но он победами пресек его пути,
Один нас просветить учениями тщился,
Другой в сражениях взять первенство стремился.
Хотя соперники, но прадеды твои¹
Вели в сей жизни брань, но в вечности свои.
В тебе их обоих предвидим дух военный,
Как знаем, твоему родителю врожденный.
С восторгом радостным Нева внимает звук,
Что на противников Петров готовит внук,
Елисаветины победы представляет
И сердцем и умом врагов ея терзает.
Раченье, ревность, жар являет внешний вид.
Коль тяжкая вам казнь, завистники, грозит!
Сии дары ему в добротну грудь даны.
Примеры, государь, смотри с другой страны.
Екатериныны и щедрых дочерей свойства —
Источники ко всем отрады и спокойства
Представь и вместо всех почти Елисавет,
Которую воздвиг всевышнего совет,
Воздвиг и укрепил, возвысил и прославил,
И с нею дом Петров залог нам вновь поставил.
Родившая тебя — о светлый лик доброт! —
В младенчестве твоём достойный видим плод.
Расти и восходи, крепишь к трудам преславному,
Со прадедовыми великостию равным,
Достигни поздних лет, как может человек.
Дополни бог тебе неполный предков век.
Гряди по их стопам, вослед Елисавете, —
Ты будешь, как они, велик, возлюблен в свете,
Доброты вкоренишь, исторгнув смертных зло,
Умножишь истинных российских хвал число,
Достигнешь чрез моря богатого Офира,²
Откроешь россам путь кругом земного мира,
Поставишь всем странам недвижимый закон;
Науки лишь пройди и будь наш Соломон.

ПОКАЗАНИЕ РОССИЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ, СОКРАЩЕННОЕ ИЗ СОЧИНЯЮЩЕЙСЯ ПРОСТРАННОЙ ИСТОРИИ

§ 1

Славяне и чудь по нашим, сарматы и скифы по внешним писателям были древние обитатели в России. Единородство славян с сарматами, чуди со скифами для многих ясных доказательств неспоримо. Народ славенский усилился притеснил чудь к сторонам восточным и северным и часть оныя присовокупил в свое соединение. Потом варяги, жившие по берегам Балтийского моря, которые именовались россы, готы, норманы, свия, ингряне, имея со славянами частые войны, купечества и путешествуя в Грецию чрез здешние земли, на многих местах поселились. Наконец, пришед с избранным на княжение Руриком, варяги-россы в знатном множестве не токмо пребывание, но и самодержавную власть утвердили, и посему с варягами сими соединенные славяне обще проименовались россами.

§ 2

Величество славенского народа явствует из множества владений: Россия, Польша, Богемия, Болгария, Сербия, Хорваты, Македония, Далмация, Иллирик, Венды и другие славенский язык употребляющие области показывают ясно. Все сии были уже почти толь велики, как ныне, во времена первых князей российских и храбростию знатны, о коей не меньше тогдашнего слава происходила уже в шестом столетии по рождестве хрестове, в царство Юстиниана Великого. И хотя имя славенское тогда впервые на свете ведомо учинилось, однако древность самого народа даже до баснослов-

ных еллинских времен простирается и от троянской войны известна. Енеты, венеты или венды, народ славенского поколения, с королем своим Пилименом бывши в Трое для ее от греков защищения, лишились сего государя и для того, соединясь с Антенором, отъехали во внутренний конец Адриатического моря и, поселясь по берегам, где ныне Венецейское владение, далече распространились.

§ 3

Пафлагоны и мидяне были единокровцы. Сарматов и амазонов от мидян производят древние писатели, и путь оных из Азии в Европу был по северным странам около Меотического и Черного моря. Итак, двумя дорогами из Азии прародители славенские с востока преселились в Европу: морем в юге, сухим путем в севере. Чтобы первое то преселение и только одно было, трудно поверить. Древность славян новгородских и по южному берегу Варяжского моря и в Иллирике обитавших, также и размножение их от времени до времени, принуждают думать, что и прежде троянской войны и после оной предки славенских народов на вечерние и полунощные страны преселялись и размножались.

§ 4

Чудского и скифского народа древнее величество явствует из великих его остатков, кои видим в Ливонии, Естландии, Финландии, Ингрии, Карелии, Лаппонии, Пермии, в черемисе, мордве, в вотяках и зырянях. Все говорят языками, много между собою сходными и от одного начала — от древнего скифского происшедшими. Храбрость и древность их у всех старинных писателей известна. И хотя часто с сарматами

смешанно упоминаются, однако самым делом были отличны. Но и то правда, что от преселений и дел военных немалое число чудского поколения соединилось со племенем славенским и участие имеет в составлении российского народа.

§ 5

Варяги-россы в древние времена именовались роксоланами или россоланами, для того что россы соединены были с аланами. Преселились из Азии северною стороною с сарматами и от старинных писателей с ними однородцами почитаются. Роксолан военные дела прежде рождества христового по сражениям с Митридатом, царем понтийским, а после оного по войнам и по мирным договорам с римскими цесарями знамениты. Потом, поселясь с другими славенскими народами около южных берегов Балтийского моря и круг реки Русы, где ныне старая Пруссия, Курландия и Белая Россия, от прочих варягов особливым именем, россами называясь, отличались. Много воевали по Балтийскому морю, соединясь с готами; ходили в Грецию то для защищения, то для воевания оная, и тем к цареградским походам так привыкли, что первые великие князи российские с начала даже и до правнуков Владимировых на греческих царей войною ходили. Оная их военная храбрость была причиною, что славяне новгородские и чудь выбрали себе государем Рурика, который пришел с родом своим и с варягами-россами на владение и на поселение. Оставшиеся на старом жилище россы назывались пороссы, якобы остатки от россов (поруссы, пруссы), которыми после завладели поляки, потом иерусалимские кавалеры, наконец, бранденбургцы. Сия древняя отчина первоначальных российских государей ныне подвержена Российской державе благословенным оружием великия Елисаветы.³

§ 6

Прежде избрания и приходу Рурикова обитали в пределах российских славенские народы. Во-первых, новгородцы славянами по отменности именовались и город исстари слыл Славенск. Потом поляне около Киева, северяне, кривичи — где Смоленск, древляне между реками Днепром и Припятью, полочане на Южной Двине, у реки Полоты, дреговичи, бужане; чудские поколения, ливь, сумь, ямь, весь, мурома, меря: то есть ливонцы, финны, ижоры, белозерская, муромская и ростовская чудь. Владетели и здатели городов в пределах российских известны по Нестору: в полянех — Кий, Щек и Хорев; у славян новгородских по летописцу⁴ — Славен и Рус. И хотя в оном летописце сначала много есть известий невероятных, однако всего откинуть невозможно. Баснь о претворении Славенова сына в крокодила сходствует весьма с тогдашними обыкновениями, ибо по морю Варяжскому и по втекающим в него судоходным рекам чинились великие разбои, на которые выходили часто княжеские и королевские дети. Итак, недивно, что Волхв, разбойничая по реке Мутной, почитался за крокодила и дал ей свое имя от волшебства. Нашествие угров и разорение Славенска согласуется со внешними историями. Хотя о Гостомысле, последнем республиканском владетеле, по коего совету избран на княжение Рурик, Нестор не упоминает, однако о толь близком известии довольно утвердиться можно на летописце новгородском.

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
1	1	Рурик с братьями Синеусом и Трувором призван из варяг-россов славянами и чудью на великое княжение новгородское. По смерти братьев своих привел новгородцев под самодержавство и всю северную часть России, получившия имя от сих варягов.	862	17	—
	2	Олег , сродник его, княжил в малолетство сына Рурикова Игоря. Завладел полуденными российскими областями; перенес столицу в Киев, убив Оскольда и Дира. Ходил воевать под Царьград и заключил мирный и купеческий договор с греками.	879	34	—
2	3	Игорь Рурикович по смерти Ольговой принял великое княжение, ходил воевать в Грецию, возобновил договор, заключенный при Ольге. Потом ради несносной и тяжкой дани, наложенной на древлян, убит	913	32	68

Степени от Рюрика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
	4	от них на возвратном пути в Киев. Ольга Святая, супруга Игоревы, в малолетство сына своего Святослава владея Русиею, отмстила смерть своего супруга древлянам хитростию и храбростию и землю их все завладела. Обезжая по разным местам в государстве, учредила перевозки и оброки. Потом в Цареграде приняла христианскую греческую веру.	945	19	близ 80
3	5	Святослав Игоревич , государь храбрый, жил почти всегда в поле; кровавые войны вел на Дунае с греческим царем Иоанном Цимисхием. Имел в своем войске не токмо подданных славян и чудь, но и наемных варягов, печенегов и турков и союзных болгар. Убит от печенегов зимою в Днепрских порогах.	964	—	свыше 40
4	6	Ярополк Святославич , старший сын, княжил в Киеве	973	9	—

Степени от Рурика	Число госу-дарей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
4	7	<p>после отеческой смерти, но в отмщение невинного убийства брата своего, князя Ольга древлянского, убит от меньшего своего брата Владимира, князя новгородского.</p> <p>Владимир Святославич Святый по смерти братьей своих самодержавствовал в России. Храбростию побеждал все окрестные народы: печенегов, ляхов, болгаров волжских и дунайских и греков. Наконец, испытав разные веры, избрал и принял христианскую греческую и понял за себя в супружество греческую царевну Анну. Крестил великую часть подданных и утвердил в своей державе христианство.</p>	981	35	—
5	8	<p>Святополк, сомнительный сын Владимиров или Ярополков, рожденный от жены убийственного Ярополка, коснувшейся Владимирова ложа; по смерти его убил братьей своих Бориса,</p>	1015	1	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
5	9	<p>Глеба и Святослава; завладел великим княжением киевским. Но после, Ярославом побежден и согнан, злою смертью погиб в бегстве, в пределах чешских.</p> <p>Ярослав Владимирович новгородский, собрав варягов, славян и чудь, воевал против Святополка и помощника его польского короля Болеслава. Побил их, прежде быв сам побежден. После того, по жестоком сражении с братом своим Мстиславом Храбрым, князем тмутороканским, и по примирении сел на великом княжении киевском. Во время войны с греками поставил Илариона митрополитом Киеву российскими архиереями, не посылая в Царьград к патриарху. Новгородцам пожаловал вольные грамоты и тем к разделению России подал немалый повод.</p>	1016	38	76

Степени от Рурика	Число госу- дарей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
6	10	Изяслав Ярославич дважды согнан был с киевского престола братьями своими и племянниками, однако княжение ему возвращено чрез примирение. Победил половцев. Потом, одолев своих враждебных племянников, на месте сражения после победы проколот копьём сзади меж плечи, скончался.	1054	29	53
6	11	Святослав Ярославич , согнав старшего брата своего Изяслава с киевского престола, владел оным славно. При нем были послы немецкие, которым он с великим тщеславием казал свое богатство. От вырезания железы умер тяжкою болезнию. По нем паки владел Изяслав, выгнав меньшого брата Всеволода вскоре после его вступления.	1073	3	49
6	12	Всеволод Ярославич после смерти брата своего Изяслава сел на престоле вели-	1078	15	64

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
7	13	<p>кого княжения киевского. Много претерпел беспокойства от хотевших державствовать в Киеве. В великий мор, бывший тогда в России, преставился, поручив владение сыну своему Владимиру.</p> <p>Святополк-Михаил Изяславич призван по доброй воле из Новагорода Владимиром Всеволодовичем на великое княжение киевское и, получив оное по старшинству, пребывал в согласии со Владимиром, владевшим в Чернигове. После для ослепления князя Василька со Святополком имел вражду; однако, примирился, оба частые одерживали победы над половцами. Преставился мирно.</p>	1093	20	—
7	14	<p>Владимир Всеволодович Мономах по общему всех прошению сел на великое княжение киевское; усмирил вражды внутренние в России. Полов-</p>	1114	11	72

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
8	15	<p>цев и других сопостатов побеждал отменною храбростию. Город Кафу, бывший тогда во владении генуезском, взял и во вторую войну, победив на поединке генуезского кафинского князя, снял с него все признаки его чина. Ополчившись на Грецию, получил от царя греческого Алексея Комнина все украшения царского сана и венчан царем и самодержцем всероссийским.</p> <p>Мстислав Владимирович по старшинству сел на великое княжение и владел мирно. Только имел сражение с Ольгом Святославичем, дядею своим, хотевшим княжить в Киеве, и одержал над ним победу.</p>	1125	7	—
8	16	<p>Ярополк Владимирович по смерти брата своего Мстислава сел на престоле киевском. Был некогда поиман хитростию польского сенатора Влосто-</p>	1132	8	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
8	17	<p>вича и отвезен к польскому королю Болеславу Кривоустому, выкупился великими деньгами. За сие после разорил всю Польшу и самого короля победил под Галичем.</p> <p>Вячеслав Владимирович по смерти брата своего Ярополка сидел на великом княжении киевском 20 дней; выгнан от Всеволода Ольговича. Потом принят в сообщество на великое княжение киевское от племянника своего Изяслава Мстиславича и с ним купно и по смерти его княжил с Ростиславом. Умер внезапною смертью.</p>	1138	в разные времена	—
8	18	<p>Всеволод Ольгович, внук Святослава (II) Ярославича, по изгнании Вячеслава Владимировича Мономаха на великом княжении утвердился, старался всячески детей и внучат Мономаховых отлучить от Киева и других знатных кня-</p>	того ж	8	—

Степени от Рюрика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
8	19	<p>жений. Собирая войско на князя галицкого, преставился. Изяслав Мстиславич, выгнав Игоря Ольговича, сидевшего две недели и от киевлян потом в схиме убитого, утвердился на престоле великого княжения киевского. Поставил Климента митрополита Киеву российскими архиереями, не посылая в Царьград. Вел кровопролитные войны с князем Юрьем Володимировичем Долгоруким, с Ольговичами и с князем Владимиром Галицким о великом княжении. Потом принял в сообщество великого княжения дядю своего, князя Вячеслава Владимировича (17) и, дав ему старшинство, сам имел полную власть до смерти. По нем владел Вячеслав с племянником Ростиславом Мстиславичем, который по смерти его выгнан вскоре Юрьем Владимировичем.</p>	1146	9	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ киевское, новгородское и владимирское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
8	20	Юрий Владимирович Долгорукой по многих смятениях и междоусобных нестроениях князей российских сел на княжение киевское и Москву основал, управляя мирно.	1155	3	—
9	21	Андрей Юрьич Боголюбский ради многих смятений князей киевских, видя сию столицу немощну, основал престол великого княжения во Владимире. Был храбр, победил болгар волжских. Убит злодейским образом от московских дворян Кучковичев.	1158	17 во Владимире	—
9	22	Димитрий-Всеволод Юрьевич призван на великое княжение владимирское, казнил убийцев брата своего Андрея. Вел войну с Глебом, князем рязанским, с обеих сторон разорительную. Половцев победил неоднократно и был от прочих князей почитаем. В его время киевское княжение весьма обессилело и другой	1177	35	58

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
10	23	<p>престол основан был в Галиче. Владетели писались самодержцами всея России, чем она, разделясь на северную и на южную, пришла в слабость.</p> <p>Константин Всеволодович сперва был вытеснен от великого княжения владимирского другим братом своим Юрьем, который княжил по смерти отца своего три года. Однако помощью новгородцев возведен на оное после кровопролитного сражения при Юрьевце-Польском, на котором Юрье и Ярбслав Всеволодовичи побеждены.</p>	1216	2	32
10	24	<p>Юрье Всеволодович по недолгом владении старшего брата Константина сел на великое княжение владимирское. При нем было несчастливое сражение на реке Кальке с татарами, свирепое нашествие Батыево, разорение и порабощение России, в коем</p>	1218	20	49

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
10	25	<p>сей великий князь убит на последнем бою с татарами.</p> <p>Ярослав Всеволодович во время Батыева нашествия был на княжении в Новгороде Великом безвреден от татар. По утишении войны пришел во Владимир и, оттуда ходив в Орду, принял от Батыея великое княжение владимирское, в Новгороде посадил сына своего Александра. Вторично быв в Орде, много претерпел томления за защищение отечества. На возвратном пути скончался. Храбро воевал на Литву и на немец по новгородцах. После него великое княжение не утверждено было пять лет для татарского насилия.</p>	1238	9	57
11	26	<p>Александр Ярославич Невской, будучи на княжении новгородском, храбро побеждал шведов и ливонских немцев, нападавших на Великий</p>	1252	12	44

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
11	27	<p>Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честью отпустил на великое княжение владимирское, о котором меньшие его братья Святослав и Михайло Ярославичи между собою спорили. По четвертом хождении в Орду, на возвратном пути постригшись преставился.</p>	1264	7	—
11	28	<p>Ярослав Ярославич тверской по брате своем Александре Невском получил великое княжение; ходил в Ливонию на немцев, оных усмирив и со славою возвратился. После из Новгорода изгнан и по просьбе митрополичьей снова принят; но, идучи из Орды, преставился на дороге. Был князем владимирским, тверским и новгородским.</p> <p>Василей Ярославич, брат Ярославов, воевал, соединясь</p>	1271	5	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
12	29	с татарами, новгородские области. По краткой войне, пришел в Новгород, примирился. Дмитрей Александрович , приняв по дяде своем великое княжение владимирское, призван княжить и в Новгород и с новгородцами воевал Карелу. Выгнан был с великого княжения братом своим меньшим Андреем Александровичем , но после оное в Орде у царя выпросил. Был всегда от брата обеспокоен.	1276	5	—
12	30	Андрей Александрович , выпросив великое княжение владимирское у царя в Орде, воевал против старшего брата своего Димитрия , нашед на него с татарами. По смерти его на великом княжении утвердился. Ходил с владимирцами и новгородцами на немцев и город их Венец Земли (Шканцы) разорил. Потом,	1281	—	—

Степени от Рюрика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
12	31	<p>возвратясь из Орды, постригся и преставился.</p> <p>Данило Александрович московским великим князем именовался первый. И будучи меньший брат, в нестроение и распри князей российских жил по большей части мирно. Москву увеличил строением и усилил присовокуплением во власть свою Переяславля-Залесского по духовной князя Ивана Дмитриевича. Наконец постригшись преставился. При нем Москва начала приготавливаться быть столицею все-русской.</p>	1296	—	42
12	32	<p>Михайло Ярославич Ярославича имел прение о великом княжении с князем Юрьем Даниловичем московским. Ходил в Орду с ним тягаться и получил от царя желаемое. Потом призван был на великое княжение новгородское. Ходил воевать Москву. Воз-</p>	1304	13	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
13	33	<p>вратясь второй раз из Орды, ходил на Новгород с великою потерею. Наконец в Орде убит.</p> <p>Юрье Данилович московский, женись в Орде на сестре царевой, пришел на великое княжение; вел войну с великим князем Михайлом Ярославичем, который, одержав победу, полонил супругу его Кончаку и в полону уморил. Царь, по жалобам князя Юрья Даниловича призвав князя Михайла Ярославича, велел убить мучительною смертью. Великий князь Юрье Данилович ходил на шведов к Выборгу. На устье Невы-реки построил Орешек и усмирил двинян. Убит в Орде от князя Дмитрея Михайловича тверского без повеления царева, за что и сам князь Дмитрей убит по царскому слову.</p>	1317	9	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ владимирское и новгородское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
13	34	<p>Александр Михайлович Ярославича тверской принял от царя великое княжение. В то время сродник царев Щелкан пришел с войском на Тверь, но от князя Александра Михайловича побит и сожжен со многими татарами. Потом от гнева царева уклонился сей великий князь во Пскове, в Немцах и в Литве. Наконец, в надежде прощения пришел в Орду самопроизвольно и там убит.</p>	1326	2	—
13	35	<p>Иван Данилович, проименованием Калита, во время бегства князя Александра Михайловича поставлен великим князем владимирским и московским и других княжений от царя в Орде, где он многократно был с великою честью. В его княжение присокуплен Ростов к Москве и пришел к нему святой Петр митрополит, основал митро-</p>	1328	12	—

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ московское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
14	36	<p>полюю российскую в Москве; и туда ж перенесено великое княжение владимирское, хотя после того много времени Владимир столицю в имени токмо почитался.</p> <p>Семен Иванович, проименованием Гордый, поставлен в Орде на великое княжение владимирское и московское. После избран и посажен на княжении новгородском. Ходил к Смоленску и, с князем Олгердом литовским помирясь, возвратился. Потом был ужасный мор по всей России, в который сей великий князь и с детьми преставился.</p>	1340	13	—
14	37	<p>Иван Иванович, брат Семенов, поставлен в Орде от царя на великое княжение. Княжил во всякой тишине. Посольствами святого Алексея митрополита в Орду отвратил нашествие татарского царя на разорение России. Постриг-</p>	1353	6	33

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ московское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
14	38	<p>шись и посхимясь, преставился.</p> <p>Дмитрей Константинович суздальской, в малолетство князя Дмитрея Ивановича московского ускорив в Орду, выпросил себе у царя великое княжение владимирское; посадил своих наместников в Новгороде. При нем разбойники, выходившие из предел российских грабить купцов татарских, переиманы и к царю в Орду на казнь отданы.</p>	1360	2	—
15	39	<p>Дмитрей Иванович, проименованием Донской, ходил в Орду к царю и получил великое княжение владимирское по наследству. Князя Дмитрия Константиновича согнал и к миру принудил. Кремль в Москве каменный построил. Вел войну с князем Михайлом Александровичем тверским и с князем Олгердом литовским, его зятем и помощником,</p>	1362	27	40

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ московское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
16	40	<p>с обеих сторон разорительную. И хотя Мамаем, князем ордынским (который тогда в Орде имел бóльшую, нежели сами цари, власть и силу), князь Михайло Александрович тверской назначен был великим князем, однако князем Дмитрием не допущен. После, хотя Дмитрий от Мамаея утвержден был на великом княжении, однако его дважды в Россию с великим воинством не допустил и в другой раз победил совершенно. Потом был нечаянный набег Тахтамышев на Москву и ужасное в ней кровопролитие. Старанием сего государя присовокуплены к Москве знатные княжения, чем она усилилась.</p> <p>Василей Дмитревич без споров принял наследное великое княжение и, во-первых, смилив новгородцев, принудил платить себе черную дань.</p>	1389	36	54

Степени от Рюрика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ московское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
17	41	<p>Вел кровавые войны с тестем своим Витовтом Кестутьевичем, великим князем литовским, который взял лестию Смоленск. Едигей, князь татарский, имевший, как Мамай, власть в Орде большую царскй, обманом внезапно приходил к Москве и много около ея учинил разорения.</p> <p>Василей Васильевич Темной имел первого враждебника дядю своего, князя Юрья Дмитриевича Шемяку; однако царь ордынский в показание великого княжения Васильева велел дяде его, князю Юрью, весть коня, на котором ехал князь Василей. Несмотря на то, Юрье дважды выгонял племянника своего Василья из Москвы и сам вскоре по втором его изгнании умер. Князя Василья Юрьевича Шемяку прочие его братья выгнали и князя Василья Васильевича на</p>	1425	37	47

Степени от Рурика	Число госу- дарей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ московское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
18	42	<p>великом княжении посадили. Однако по многих враждах и боях князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, поймав великого князя Василья у Троицы в Сергиеве монастыре и ослепив, сослал в Углич. После того желанием московского народа и радением всех князей и духовенства возведен на великое княжение Василей Васильевич Темной. Шемяка в бегствах умер. А великий князь Василей, усмирив новгородцев, принудил платить дань.</p> <p>Иван Васильевич когда сел на великое княжение, цари в Орде вели междоусобную войну; то посылал он воевать Казань и гордость казанцев усмирил. На возмущенный Новгород самовольным отступлением Марфы, вдовы посадника Исака Борецкого, и детей ея ходил с великим вой-</p>	1462	43	66 и 9 меся- цев

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ МОСКОВСКОЕ	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>ском и привел к послушанию. После того вторично ходил на беспокойных новгородцев. Марфу-посадницу поймав, отвез в Москву с ея внуком; и вечевой или сборный колокол сняв, поставил в Москве и, республику новгородскую уничтожив, привел под свое самодержавство. То ж учинил и со Псковом. Царь ордынский Ахмет прислал в Москву брать дани и оброки за прошедшие лета послов с басмою* и самого великого князя требовал в Орду на поставление. Но он басму с изображением царевым попрап и послов велел побить, одного отпустив в Орду с презрительным отказом. Ахмет в ярости со всеми силами подвигся на Россию. Но, не дерзая один на усилившегося великого князя и ожидая</p>			

* Повелительная грамота с изображением царевым на печати.

Степени от Рурика	Число государей	ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ московское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
19	43	<p>помощи от Польши, на Угре-реке от россиян побежден; и слыша, что они, спустясь вниз по Волге, вовсе Орду его разоряют, поспешно для ея избавления возвратился. Тогда ж и нагаи Орду оную конечно опустошили, и Ахмет, на встрече ими побежден, жизни лишился; и тем великая власть ордынская до конца истребилась, а Казань усилилась. По сем великий князь завоевал Казань и ставил царей по своей воле. По супружеству с царевною греческою Софиею присвоил герб Римской империи — орла двуглавого.</p> <p>Василей Иванович, восшед на престол великого княжения всероссийского, послал сильное войско под отступившую Казань, которое, хотя великий успех возымело, однако после того обманом царя казанского и оплошностию россиян почти</p>	1505	28	55 и 8 месяцев

Степени от Рюрика	Число государей	ЦАРСТВО всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>все побито. Потом была война с поляками, коим помогали крымцы. Смоленск взят был под власть российскую и бунтующий Псков усмирен. Изменник государев, царь казанский Махмет Аминь, раскаившись пред смрадною смертию, послал к нему многоценные дары и повинную. На место его поставлен от великого князя в Казане царь Шигалей, но с казанского царства согнан, затем что не хотел с беспокойными казанцами отступить от России, пришел в Москву. На его место приняли казанцы крымского даревича Сафакирея. Великий князь послал Волгою и сухим путем под Казань великое войско. Сухопутные [у] Свяги татар на голову побили; а по Волге со всем тяжелым снарядам и припасами суда и войска российские в узких местах по-</p>			

Степени от Рурика	Число государей	ЦАРСТВО всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
20	44	<p>гружены бревнами от казанской черемисы. В третий раз посланное российское войско благополучно Казань достигло, татары побеждены; царь Сафакирей ушел в Крым. Но несогласием воевод российских и лакомством главного военачальника князя Ивана Бельского отворенный город не взят. Казанцы, выпросив на царство Шигалева брата, опять государю изменили, выгнав сего царя и призвав на царство Сафакирея. Сей великий князь в последние лета своего государствования первый начал писаться царем и самодержцем всероссийским.</p> <p>Иван Васильевич, царь и самодержец всероссийский, в младенчестве под предводительством родительницы своей великой княгини Елены Васильевны царствуя, оборонялся храбро от Литвы, от крымцев</p>	1533	50	54

Степени от Рюрика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>и казанцев, которые совокупно воевали на Россию. По смерти оных, вышел из младенческого возраста, бояр, кои во время его сугубого сиротства отечество чрез несколько лет несогласием и прихотьюми изнуряли, казнил и тем заставил прочих почитать себя и слушать. Казанцы, видя от Сафакирея крымцев выше себя почитаемых, его не возлюбили и выгнали. Просили себе Шигадея царя, который по повелению государеву пришел в Казань. Но был больше пленником, нежели царем, и для того ушел тайно в Россию. Казанцами призван снова Сафакирей и умер нечаянною смертию. Царь Иван Васильевич сам ходил с великим войском под Казань, но жестокая зима и крутая весна принудили его, не взяв города, возвратиться. Вторично послал</p>			

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>войско под Казань с царем Шигалеем, поставил Свияжск, привел к присяге нагорную черемису. В Казане царица Сумбек с сыном, вдова Сафакиреева, благосклонна была к царевичу Кащаку, которого казанцы не любили и хотели отдать российскому войску. Кащак из Казани побежал, но пойман и приведен в Москву, где и казнен. Царица Сумбек также взята в Москву с сыном и с великим богатством. Царь Шигалей казнил своих злодеев; для того оклеветан от татар и от московских воевод, бывших в Свияжске, сведен с царства. Однако, оправдавшись у государя, посажен на царство в Касимове. Сам государь, собравшись с великим войском, пошел под Казань и взял сильным приступом. Царя Едигеря половил и в Казане утвердил свою</p>			

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>державу и христианство. Скоро потом и Астраханское царство присовокуплено к России: царь Емгурчей^a выгнан, царицы и царевны в полон взяты. Крымцы вели часто с Россией войну, надеясь на турецкое соседство. Шведы потом нападали на Орешек, однако российским войском за Выборг прогнаны. На Ливонию за лукавство и непокорность послал государь российское, татарское и черкасское войско с касимовским царем Шигалеем воевать. Тогда взяты Нарва, Юрьев и другие многие города. С Польшею воюя, взял Полоцк и иные места. Тогда ж приходили под Астрахань турки и крымцы с многочисленную силою, но, потеряв почти все множество людей и снаряду, в малом числе тщетно возвратились. Сей бодрый, остроумный и храбрый</p>			

^a В подлиннике Емтурчей.

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>государь был чрезвычайно крутого нрава, который первая его супруга, великая государыня царица Настасья Романовна умела своим разумом и приятностями удерживать. После ее преставления обычай его совсем переменялся, а особливо что многие бояре, желая дочерей своих или сродниц видеть за государем в супружестве, разными смутами так дух его обеспокоили, что наподобие внезапной бури восстала в нем безмерная запальчивость. Неспokoйных новгородцев казнил сей государь свирепым наказанием и царевича своего Ивана зашиб в крутом гневе, что после краткой болезни было смерти его причиною. По таким строгостям назван царь Иван Васильевич Грозным. Его повелением началось в Москве печатание книжное.</p>			

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
21	45	<p>При конце жизни его взято Ермаком царство Сибирское. Федор Иванович только лишь восшел на престол, народ московский взволновался и приступал ко Кремлю, требуя Богдана Бельского, якобы он хотел извести государя. Бунт усмирен ссылкой Бельского. Тогда взяты Ермаком в Сибири царевичи в полон и в Москву присланы. Казанцы, от бунтовства отстав, волею государю покорились. Для обуздания их построены многие на Низу города и населены россиянами. Шурин государев Борис Годунов ради великой своей власти, злобы и гордости ненавидим стал большим боярам и народу. И для того подали государю митрополит и многие знатные особы общее прошение, чтобы, с сестрою Борисовою разведшись, взял другую супругу для плодород-</p>	1584	14	41

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>дия. Годунов, все то выведав, отвратил от себя падение и главных своих недругов казнил, а иных сослал в заточение. Царевича Дмитрия Ивановича велел убить злодейским образом на Угличе и тем пресек мужеское царское поколение. В сие ж владение поставлен первый патриарх Иов на Москву. Сам государь ходил в Ливонию с великим войском и возвратил себе Ивангород, Ямбург и Копорье. Крымский царь приходил набегом на Москву и причинил многое утеснение и разорение. Норвежцы нападали на северные поморские места, однако от Соловков и от Сумбы отбиты. Грузинские цари, горские и другие князья отдали себя в покровительство государю. При смерти отказал он царство брату своему двою-</p>			

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
—	46	<p>родному Федору Никитичу Романову.</p> <p>Борис Федорович Годунов дарами, ласкательством, обещаниями и угрозами привел к тому бояр и народ, что его на царство выбрали и посадили мимо Федора Никитича. Вначале уловлял всех милостью и жалованьем, привлекал правосудием, искоренением мздоимства и разбоя. Царя крымского отвратил от набегов на Россию. В нагаях, весьма усилившихся и чрез то Астрахани опасных, произвел междоусобную войну, от чего они весьма обессилели. По сем царь Борис стал нарочно принимать клеветников и доносителей на бояр, а особливо на Романовых. Федора Никитича в ссылке постриг, братьей его и сродников в разных заточениях велел уморить. Для укрепления своего и сынов-</p>	1598	7 ¹ / ₂	—

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
—	47	<p>него царства искал брачных союзов на востоке и на западе. Однако посланные к татарам за сына свататься на царевне в пути убиты от степных народов; призванный датский королевич жениться на царевне Ксении ядом уморен из подозрения его ж повелением. Между тем великий голод и многие разбои, а паче напоминание злодейства привели царя Бориса в ненависть у народа. Наконец самозванец Гришка Расстрига, назвавшись царевичем Димитрием убиенным, помощью поляков, козаков и отступивших от царя Бориса россиян приблизился к Москве; от страху Борис уморил себя отравою.</p> <p>Федор Борисович Годунов по смерти отца своего наречен на царство от всех чинов московского народа, который ему и учинил присягу. Однако</p>	1604	6 недель	—

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
22	48	<p>в войске большая часть бояр взволновались и предались Расстриге почти со всеми полками. Расстрига приказал в Москве искоренить Годуновых, и посланные царя Федора умертвили и с матерью, а сестру отдали Расстриге, которую он обругав постриг, и, в Москву пришед, женился на польке; ввел с собою поляков и попов католицких, дав им великую волю. Но старанием князя Василья Ивановича Шуйского убит позорною смертью, мертвый сожжен, и пепел его развеян.</p> <p>Василей Иванович Шуйской избран царем и самодержцем всероссийским после погибели Расстригиной. Послал в Польшу послов сказать о ложном бывшем Дмитрие, что он смутил двумя государствами. Однако там послов не приняли и ничему верить не хо-</p>	1606	5	—

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>тели. Между тем царь Васи- лей Иванович, опасаясь бояр и забыв свое обещание, стал на них посягать. В то ж время явился новый самозванец под именем царевича Дмитрия и другие под вымышленными именами его братьев и племян- ников, от чего бояре и весь народ российский разделился на разные части. Междоусоб- ные войны, разбойничества и нашествие поляков и шведов под видом спомогательства так утомили Россию и власть цар- скую умалили, что некоторые бояре, выбрав на царство польского королевича Влади- слава, постригли царя Васи- лия Ивановича и польскому королю отдали. Послы рос- сийские, в которых был ро- стовский митрополит Филарет Никитич Романов, от поляков удержаны в жестокой неволе. Наконец, поляки Москвой</p>			

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
23	49	<p>овладели, Смоленск и другие украинские города взяли и Россию разоряли. Шведы, призванные на помощь, то ж учинив, Новгород, Ладогу, Орешек и все города ижорские за себя взяли. Наконец, по плачевном России расхищении, какого и от татар не бывало, старанием нижегородского купца Козмы Минина, под предводительством князя Дмитрия Михайловича Пожарского, а с другой стороны князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого Москва взята и от поляков и воров очищена.</p> <p>Михайло Феодорович Романов, ближний сродник государей московских и племянник царю Феодору Иоанновичу, сын постриженного боярина Федора Никитича Романова, коему царь Феодор Иванович при смерти поручил царство, общим боярским и земским</p>	1613	33	49

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>собранием всего Российского государства единогласно избран на престол царский. Пришед с Костромы, увидел Москву, положенную почти в конечное запустение. Стараясь оную исправить, великие сносил препятствия от нападавших шведов и поляков. По замирении с ними отдан к России со шведской стороны Новгород и Ладога; от поляков возвращен родитель государев Филарет Никитич и поставлен московским патриархом. Потом были замирения и посольства с турками, также и с Персиею; тогда ж учинены с нею и купеческие договоры. Шведы призывали государя в союз против поляков, однако им отказано. После того была война с поляками; Смоленск осажен от наших, но изменою или оплошностию бояр не взят, которые каз-</p>			

Степени от Рурика	Число государей	ЦАРСТВО всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
24	50	<p>нены, особливо ж за то, что королю польскому весь снаряд и знамена без бою отдали. Вскоре заключен с Польшею мир. От Крымской степи сделан по местам вал и городки. Донские казаки взяли Азов; и было первое посольство в Китай.</p> <p>Алексей Михайлович, восшед на царство, во-первых, отбил посланными войсками турков и татар, нападших на украины, утишил начинавшийся бунт новгородский; отложившихся псковичь принудил военною силою к сдаче и послушанию, казнив заводчиков. Как в Москве потом чернь взволновалась на бояр и судей ради неправды и взятков, присутствием и словами государевыми укротилась. После сочинено Уложение. Сам государь ходил с войсками под Смоленск и, взяв его, вое-</p>	1645	31	47

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>вал во всей Польше, к чему заведенные им новые регулярные полки много вспомогали. Также ходил в Лифландию даже до Риги; но город не взят за изменою иностранных служивых людей. Между тем Никон сошел с патриаршества и ради учиненного государю многого беспокойства призванными вселенскими патриархами лишен своего чина. Крымский хан приходил на Россию дважды; в первый раз россияне побеждены; князь Пожарский, храбрый полководец, полонен и убит. На другое лето одержана совершенная над крымцами победа. В те же времена донской козак Стенька Разин разбойничал по Волге и по Каспийскому морю, взял Астрахань и другие низовские города, учинил много убийства и разорения; наконец поиман на Дону и в Москве четверто-</p>			

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
25	51	<p>ван. Сей злодей много препятствовал государю в строении флота на Каспийском море, сожег первопостроенный в Астрахани корабль, называемый „Орел“.</p> <p>Федор Алексеевич, седши на родительском престоле по его кончине, утвердил приведение Киева и Малыя России под великороссийскую державу, которое происходило при царе Алексее Михайловиче. Оборонил Украину от нашествия турецкого; истребил местничество между боярами и дворянством. Любил учение и для того учредил в Москве Заиконоспасское училище. Хотя слаб был здоровьем, однако любил верховую езду и конские заводы. Преставился бездетен. При смерти наследником объявил меньшего брата своего, царевича Петра Але-</p>	1676	6	25

Степени от Рурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
25	52	<p>ксеевича, усмотрев в нем отменное остроумие и бодрость. Иван Алексеевич после первого стрелецкого бунта поставлен и венчан на царство купно с братом, государем Петром Алексеевичем, старшим сестры своей, царевны Софьи Алексеевны. И хотя был старший, однако в правление ради слабости не вступался. А государь Петр Алексеевич во младых летах упражнялся в учении и в потешных военных ополчениях. И так, государство правила несколько лет царевна Софья Алексеевна с некоторыми приближенными боярами. В то время были еще три стрелецкие бунты, неосторожные и несчастливые походы крымские. Государь царь Иван Алексеевич преставился, не оставив по себе мужеского наследства.</p>	1682	13	29

Степень от Рурика	Число государей	ЦАРСТВО всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
25	53	<p>Петр Великий во время стрелецких бунтов, кои все по наущению царевны Софьи Алексеевны на его здравие устремлялись, обучаясь военному делу, двенадцати лет стал рядовым солдатом и с товарищи своими не токмо в одном был внесен списке, но и спал с ними в одной палатке, ту же принимал пищу, стоял по очереди на карауле, исправляя все солдатские работы, возя землю к своему потешному крепостному строению на тележке, построенной своими руками, дабы изведать, что солдат может, и показать, что должен делать; отчего внезапно очутились за пределами российские полки, страшные неприятелям, в Лифландии, Финландии, в Польше, в Померании, в Швеции, в Турции, в Персии. Найденный старый ботик возбудил в бод-</p>	1682	43	52 8 месяцев

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>ром его духе такую ревность к устройению флота, что по учинении опытов на озерах и на Белом море, из донских, невских, двинских и волжских устьев сильные военные и купеческие флоты вышли в море. Взятие Азова было первое действие новых его военных учреждений. Уже славою Европу побудив к своему вниманию, предпринимает путешествие на запад тайно. Именем громкий, присутствием неизвестный, простирает ум и руки к совершению знания корабельного дела между простыми людьми мастеровыми. Отправляясь далее в полезный путь, принужден был возвратиться в отечество для усмирения злодеев пятого стрелецкого бунта. Потом неудачное сражение российского войска с Карлом Вторымнадесять, королем шведским, под Нар-</p>			

Степени от Рюрика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>вою не могло его утратить в самом начале и отвести от продолжения военных предприятий. Вскоре потом воследовавшие победы под Черною и под Красною мызою и на Чудском озере, взятие городов Мариенбурга, Шлиссельбурга, Канцов, Дерпта, Нарвы, Митавы и перед глазами неприятельскими основание и строение царствующего Санктпетербурга и Кронштата показали трудолюбие, силу и просвещение Петрово. Паче всего весь свет уверился о верховности его над неприятелями, когда по разбитии шведского генерала Левенгаупта Петр Великий, сам предводительствуя своим новым воинством, победил страшного во всей Европе государя Карла Второгонадесять, короля шведского, под Полтавою, принудил его искать убе-</p>			

Степени от Гурика	Число госу- дарей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>жища в Турках и осьмнадцать тысяч шведского войска привел в Москву пленных. Потом, приехав в Польшу, возвратил отнятую Карлом Двенадцатым корону королю польскому Августу Второму; и в сем путешествии был при осадах многих городов. Тогда взяты Ельбинг, Рига, Дюнаминд, Выборг, Пернов, Кексгольм, Аренсбург, Ревель. По сих победах ополчаясь против турков, учредил Правительствующий Сенат и, преодолев трудный путь, прошел сквозь неприятелей в турецкую область за Прут-реку, где окружен многократно большею силою турецкою, при крайнем недостатке съестных припасов три дни храбро отвращал нападение. И как наконец вознамерился пробиться сквозь турецкое войско, по совету и прошению премудрыя</p>			

Степени от Рурика	Число государей	Ц А Р С Т В О всероссийское	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>государыни императрицы Екатерины Алексеевны, оказанию геройской храбрости предпочел безопасность и целостность своей особы, толь нужные для обновляющегося им отечества, и заключил мир с Портою, отдав Азов обратно. Сие действие хотя России самой за неприбыточное признается, однако соседям нашим спасительно было. Ибо турки не допущены тем в Польшу, кои под видом провожания Карла Второгонадесять хотели ввести в нее сильное войско и, может быть, завладеть, как Грецию, сим королевством. После сего действия землю и морем занял государь Финландию, имел сражения и победы сухопутным войском и флотом; в Померании взял Штетин, победил своим предводительством шведское войско под генералом Штейнбоком; в самой Швеции, около Стокгольма показал</p>			

Степени от Рурика	Число госу- дарей	И М П Е Р И Я всеероссийская	Начало владе- ния от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>свое могущество и тем прину- дил оную корону заключить с Россиею вечный мир, удержав за собою Естландию, Лифландию, остров Езель и значную часть Финландии. Но едва опочив мало от труда военного, предпринял поход в Персию, где по дальном и трудном путешествии между легкими степными народами, в беспрестанном беспокойстве, взял Дербент и другие города, свободив от бунтовщиков персидского шаха. Потом с приобретением западного каспийского берега под свою державу и с торжеством в Россию возвратился. Наконец, простирая свой от природы острый, учением и многотрудным искусством богатый и просвещенный разум к упражнениям цветущего покоя, а особливо к расширению наук, венчал супругу свою, великую государыню императрицу Ека-</p>			

Степени от Рурика	Число государей	И М П Е Р И Я всероссийская	Начало владения от Христа	Лета владения	Лета жизни
		<p>терину Алексеевну в сообщество царства и трудов мирных. Но божием изволением, против общего чаяния и желания скончался каменною болезнию. Много претерпел в великих своих трудах препятств, огорчений и опасностей не токмо от стрельцов, от раскольников и других недоброхотов, но и от сестры, от первой супруги и от сына, и для того принужден был употребить правосудие государь, — от природы нравами непамятозловивый, слабостям человеческим терпеливый и больше подданных приятель, нежели повелитель, в предприятиях и трудах твердый и непоколебимый, бережливый домостроитель и наградитель щедрый, в сражениях неустрашимый воин и предосторожный военачальник, в союзах надежный друг и остроумный политик, во всем Петр Великий, отец отечества.</p>			

РОДОСЛОВИЕ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ МУЖЕ-
СКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛУ И БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ
С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРЯМИ

1. **Рурик.**

Примечание. О супружестве его нет достоверного известия, только то вероятно, что, будучи в идолопоклонстве, имел много жен, как правнук его Владимир.

Сын: **Игорь.**

2. **Олег.** . . .

3. **Игорь Рурикович.**

4. *Супруга:* **Ольга** Святая, из Псковской области, по мнению некоторых, правнука Гостомыслова.

Сын: **Святослав.**

5. **Святослав Игоревич.**

Примечание. Из жен или наложниц его две известны: одна — гречанка, полоненная монахиня, после подарена была старшему его сыну Ярополку, а после него досталась меньшему Владимиру. От ней родился братоубийец Святополк. Другая — ключница Ольгина Малуша, дочь Мальца Любчанина, сестра Добрынина, мать Владимирова.

Сыновья: **Ярополк, Олег, Владимир.**

6. **Ярополк.**

Супруга: вышепомянутая гречанка.

7. **Владимир Святославич.** Кроме многочисленных наложниц имел шесть жен: 1) чехиня первая, 2) Рогнеда, княжна полоцкая, дочь Рогволода, после проименованная Гориславою, 3) гречанка монахиня, что прежде была за Ярополком, 4) чехиня вторая, 5) болгарыня, 6) Анна Романовна, царевна греческая.

Сыновья: 1) Вышеслав от первой чехини, 2) Изяслав, 3) **Ярослав**, 4) Всеволод от Рогнеды, 5) **Святополк** от гречанки, 6) Святослав, 7) Мстислав от другой чехини, 8) Бо-

рис и 9) Глеб от болгарыни, 10) Станислав, 11) Позвизд и 12) Судислав от наложниц.

Дочери: 1) Предслава от Рогнеды, за Болеславом Храбрым,⁵ королем польским, 2) от Рогнеды ж, 3) Марья от царевны греческой Анны, за Кажимиром Первым, королем польским, переименована в Польше Доброгневою.

Примечание 1. Какое сродство пошло от Предславы, о том неизвестно, затем что за Болеславом другие жены были.

Примечание 2. Марья Владимировна, праматерь многих государей, от польского короля Кажимира родила Болеслава Смелого и Владислава Первого. От сего произошли: 1) короли: Болеслав Третий, проименованием Кривоустой, Примислав, Владислав Локтик, Кажимир Великий, Людовик Великий, король венгерский и польский; 2) королевы: Святава, чешская королева Вратислава Второго, Гедвига или Елена, королева польская Владислава Локтика, Рикса, королева чешская Венцеслава Четвертого, который для ней стал купно и польским королем, Елисавета, королева венгерская Карла Роберта, Марья, королева венгерская и польская Людовика Великого, Марья, наследница королевства Венгерского, римская императрица и королева венгерская и богемская Сигизмундова. От всех сих потомков великия княжны Марьи Владимировны произошли многочисленные герцоги и князи.

Примечание 3. Бышеслава, дочь Мечиславова, что был внук Болеслава Третьего, правнук Марьи Владимировны, была за Богуславом Вторым, герцогом померанским. От них произошел Богуслав Великий, герцог померанский, тесть Фридрика Первого, короля датского, праотца герцогов голстинских. См. числ. 34.

8. Святополк.

Супруга: дочь Болеслава Храброго, короля польского.

9. Ярослав Владимирович.

Супруга: Ингегерда, королева шведская Олава Первого, прежде была невеста Олава Святого, короля норвежского.

Сыновья: Владимир, **Изяслав, Святослав, Всеволод,** Игорь, Вячеслав.

Дочери: 1) Елисавет за Гаралдом, королем норвежским и шведским, 2) Анна за Генрихом Первым, королем французским, 3) Настасья за Андреем Первым, королем венгерским.

Сноха, за князем Владимиром Ярославичем, королева аглинская Гаралдова.

Внука, Вячеслава Вячеславовна за Болеславом Смелым, королем польским.

Правнука, Елена Ростиславовна Владимировича за Болеславом Четвертым, герцогом польским, вторая супруга.

Примечание 1. Великая княжна Анна Ярославовна, королева французская, праматерь многочисленных государей, во Франции названа Агнесою. От Генриха Первого родила три сына: Филиппа, Гугона, Роберта. Филипп наследовал корону, и от него пошли: 1) во Франции капетского, валоиского и бурбонского поколения 28 королей, даже до ныне владеющего государя Людовика Пятогонадесять; 2) Карл, граф, и Людовик, герцог Анжуйский, были королями неаполитанскими, и от них произошли многие короли и королевы; 3) правнук ее Петр Куртенийский был царем греческим по взятии Царяграда от латин, во время иерусалимских походов от западного христианства, и некоторые его потомки; 4) нынешняя фамилия королей испанских, от Людовика Четвертогонадесять происшедшая; 5) аглинские королевы: Маргарита Едуарда Первого, Изабелла Едуарда Второго, Изабелла ж Рихарда Второго, Екатерина Генрика Пятого, Марья Карла Первого, Магдалина, коро-

лева шкотская Якова Пятого, испанская королева Изабелла Филиппа Четвертого, Беатрикс, королева богемская Иванова, Шарлотта, королева кипрская Ивана Второго. От сих государынь произошли многие короли, герцоги и князи. По смерти первого супруга Анна^a Ярославовна была во Франции за Рудольфом, самовладетельным графом Креспийским и Валоиским.

Примечание 2. От Гаралда, короля норвежского, были многие потомки, а имела ли Елисавета Ярославовна в них участие, сказать не надежно, затем что у него была вторая супруга Тора.

Примечание 3. Настасья Ярославовна, в Венгрии проименованная Агмунда, от Андрея короля родила короля Соломона и дочь Адельгейду, супругу Братислава Второго, короля богемского.

Примечание 4. Володаря Ростиславича дочь за греческим Алексеевым царевичем Комниным, праправнука Ярославля.

Примечание 5. От Елены Ростиславовны, правнучки Ярославли (или от Настасьи Всеволодовны, чис. 12), родилась Мехтилда, была за Прибыславом, последним королем славян вендских.

10. Изяслав Ярославич.

Супруга: польская королевна Мечислава Второго, сестра Кажимилова.

Сыновья: Мстислав, Святополк, Ярополк.

11. Святослав Ярославич.

Супруга: Ода, графиня штадеская, сестра Бурхарда, епископа трирского.

Сыновья: Олег, Ярослав, Борис, Глеб, Роман, Давид.

12. Всеволод Ярославич.

Супруги: 1) царевна греческая Константина Мономаха, мать Владимира Мономаха; 2) Анна.

Сыновья: 1) Владимир Мономах, 1) Ростислав.

^a В подлиннике Марья.

Дочери: 1) Евпраксия Всеволодовна за Оттоном Первым, маркграфом бранденбургским; а за вторым супругом за Генриком Четвертым, цесарем римским, потом постриглась в России, 2) Екатерина, 3) Настасья за Болеславом Четвертым, герцогом польским, вторая супруга.

13. Михайло-Святополк Изяславич.

Супруга: Елена, дочь Тугоркана, князя половецкого.

Сыновья: Мстислав, Ярославец, Брячислав.

Дочь: Збыслава Святополковна за Болеславом Третьим Кривоустым, королем польским, первая супруга.

14. Владимир Всеволодович Мономах.

Супруги: 1) Христина,⁶ королевна шведская, дочь Ингора Четвертого, 2) Евфимия.⁷

Сыновья: Мстислав, Изяслав, Святослав, **Ярополк, Вячеслав, Роман, Юрей, Андрей.**

Дочь: Марина, в монашестве.

Сноха, за Андреем, внука Тугоркана, князя половецкого.

15. Мстислав Владимирович.

Супруги: 1) . . . 2) дочь новгородского посадника Дмитрия Завидовича.

Сыновья: Всеволод, **Изяслав, Ростислав, Святополк, Владимир, Роман.**

Дочери: 1) Софья за Валдемаром Первым, королем датским, 2) за Ярославцем Святополковичем, князем владимирским.

Примечание 1. От Софьи произошли: Канут Шестой и Валдемар Второй, короли датские; Рикса, королева шведская за Ерихом Десятым, Ингебурга, королева французская Филиппа Второго, что был правнук великия княжны Анны Ярославовны.

Примечание 2. Вторая княжна супругом отслана прочь, за что Мономах ходил войною на Владимир.

16. Ярополк Владимирович.

Супруга: Елена, княжна ясская.

17. Вячеслав Владимирович.**18. Всеволод Олгович.**

Сын: Святослав.

Сноха, супруга Святославова, дочь князя Василья Святославича Мономаховича.

19. Изяслав Мстиславович.

Супруги: 1) ... 2) обезская княжна.

Сын: Святослав от первой.

Дочь: за князем Ригвальдом Борисовичем полоцким.

20. Юрей Владимирович Долгорукой.

Супруги: 1) дочь Аепы, князя половецкого, внука Асенева, 2) Ольга, в пострижении Евфросиния.

Сыновья: Ростислав, **Андрей**, Иван, Борис, Глеб, Мстислав, Василей, Ярослав, Михайло, Святослав, **Всеволод**.

Снохи: 1) Глеб женат на дочери Изяслава Давидовича, князя черниговского, 2) Мстислав — на дочери новгородского посадника Петра Михайловича.

21. Андрей Юрьевич Боголюбской.**22. Дмитрий-Всеволод Юрьевич.**

Супруги: 1) Марья, княжна чешская, в монахинях Марфа, 2) Анна, дочь вытепского князя Василья.

Сыновья: **Константин**, Борис, **Юрей**, **Ярослав**, Владимир, Святослав, Иван.

Дочери: 1) Всеслава за князем Ростиславом Ярославичем черниговским, 2) Верхослава за князем Ростиславом Руриковичем белгородским.

23. Константин Всеволодович.

Супруги: 1) Агафья Мстиславовна, княжна смоленская, 2) отошла в Муром к братьям, там и постриглась.

Сыновья: Василей, Всеволод, Владимир.

Снохи: 1) за Васильем дочь князя Михайла Всеволодовича черниговского, 2) за Всеволодом дочь Ольга Святославича.

24. Юрей Всеволодович.

Супруга: дочь великого князя киевского Всеволода, сожжена в соборной церкви во взятие владимирское Батыем; перед тем постриглась.

Сыновья: Владимир, Всеволод, Мстислав, все побиты от татар.

Дочь: Федора.

25. Ярослав Всеволодович.

Супруга: Федосья Мстиславовна, в монахинях Евфросиния, дочь храброго князя Мстислава Мстиславича новгородского.

Сыновья: Федор, **Александр**, Андрей, Константин, Афанасей, Данило, Михайло, **Ярослав**, **Василей**.

Дочь: Гремислава Ярославовна за Ляшком Белым, герцогом польским; от ней родилась Соломония, что была за Коломаном, венгерским королевичем, бывшим на время королем южных России.

26. Александр Ярославич Невской.

Супруга: княжна полоцкая Брячиславова.

Сыновья: Василей, **Дмитрей**, **Андрей**, **Данило**.

27. Ярослав Ярославич.

Супруга: Ксения.

Сын: **Михайло**.

Дочь: в монахинях.

28. Василей Ярославич.**29. Дмитрей Александрович.**

Сын: Иван.

30. Андрей Александрович.**31. Данило Александрович.**

Супруга: Марья. . .

Сыновья: Юрей, Александр, Борис, **Иван**, Афанасей, Федор.

32. Михайло Ярославич.

Супруга: княжна Анна Дмитриевна Борисовича.

Сыновья: **Дмитрей**, **Александр**, Константин, Василей.

Снохи: 1) Дмитрий Михайлович женат на княжне литовской, дочери Гедиминовой, 2) Константинова супруга Настасья.

33. Юрей Данилович.

Супруга: Кончака, царевна татарская, в крещении Агафья.

34. Александр Михайлович.

Сыновья: Федор, Всеволод, Михайло.

Дочери: 1) Марья, супруга великого князя Семена Ивановича, 2) Ульяна за Олгердом Гедиминовичем, князем литовским.

Примечание 1. От сего супружества пошли короли польские: Ягайло, в крещении Владислав Пятый, Иван Первый, Александр, женат на великой княжне московской Елене Ивановне, Сигизмунд Первый, Сигизмунд Второй, Сигизмунд Третий, Владислав, который выбран был от бунтовщиков после Расстриги царем российским, Иван Второй; Катерина, королева шведская Иванова, Анна, королева польская Стефана Батория.

Примечание 2. Сия великая княжна Ульяна Александровна, родная сестра Марье Александровне, великой княгине московской, супруге Семена Ивановича (число 36); от Олгерда родила Ягайла, короля польского; от него родился Кажимир Четвертый, король польский. Кажиминова королева Анна была за Богуславом Великим, герцогом померанским. Их принцесса Софья за Фридериком Первым, королем датским. Королевич их Адолф был родоначальник герцогам голстинским, и от него пошли: Иван-Адолф, Фридерик Третий, Христиан-Алберт, Фридерик Четвертый, Карл-Фридерик, государь великий князь **Петр Федорович**, от Рурика двадцать пятый.⁸

35. Иван Данилович.

Супруга: Елена, в схиме.

Сыновья: Семен, Иван, Андрей.

Дочь за Константином Васильевичем, князем ростовским.

Внук: храбрый князь Владимир Андреевич Донской.

36. Семен Иванович.

Супруги: 1) Августа, в крещении Анастасия, княжна литовская, 2) Парасковья Федоровна Святославича, княжна смоленская, 3) Марья Александровна, княжна тферская.

Сыновья: Иван, Семен.

Дочь за князем Михайлом Васильевичем тферским.

37. Иван Иванович.

Супруги: 1) Федосья Дмитриевна, княжна брянская, 2) Александра, в монахинях Марья, мать Дмитрея Ивановича Донского.

Сыновья: Дмитрий, Иван.

38. Дмитрий Константинович.

Сыновья: Василей, Семен, Иван.

Дочь: Евдокея за князем Дмитрием Ивановичем Донским.

39. Дмитрий Иванович Донской.

Супруга: Евдокея Дмитриевна, княжна суздальская в монахинях Евфросиния.

Сыновья: Данило, Василей, Юрей, Андрей, Петр, Иван, Константин.

Дочь: Софья Дмитриевна за князем Федором Ольговичем рязанским.

40. Василей Дмитриевич.

Супруга: Софья Витовтовна, великая княжна литовская.

Сыновья: Иван, Василей.

Дочери: 1) Анна Васильевна за греческим царем Иваном Мануйловичем Палеологом, за дядею родным великия княгини Софьи Фоминишны (число 42), 2) за Юрьем Патрикеевичем, князем литовским, 3) Василиса Васильевна была за первым супругом, за князем Александром Ивановичем суздальским, а за другим, за князем Александром Даниловичем суздальским.

41. Василей Васильевич.

Супруга: княжна Марья Ярославовна, внука князя Владимира Андреевича Донского, в монахинях Мавра.

Сыновья: Юрей, **Иван**, Юрей, Андрей, Борис, Андрей.

Дочь: Марфа за князем Иваном Васильевичем Бельским.

42. Иван Васильевич.

Супруги: 1) Марья Борисовна, княжна тферская, 2) Софья Фоминишна, царевна греческая, племянница родная царям греческим Ивану и последнему Константину Мануйловичам Палеологам.

Сыновья: Иван, **Василей**, Юрей, Дмитрий, Семен, Андрей.

Дочери: 1) Елена за Александром, королем польским, 2) Евдокея за царевичем казанским Кудайгулем Ибраимовичем, в крещении Петром, 3) за князем Данилом Дмитриевичем тферским, 4) Софья за князем Васильем Даниловичем Холмским.

Внуки: у царевича Петра были две дочери, одна Настасья за князем Федором Михайловичем Мстиславским, другая за князем Васильем Васильевичем Шуйским.

Внук: Дмитрий Иванович назначен и венчан по отце наследником, но после отрешен.

Снохи: 1) супруга Ивана Ивановича, дочь Стефана Храброго, князя молдавского, скончалась в заточении с сыном Дмитрием Ивановичем, 2) Евфросинья Андреевна, княжна Хованская, за князем Андреем Ивановичем.

43. Василей Иванович.

Супруги: 1) Соломония Юрьевна Сабурова, отпущена в Девичь монастырь для двадцатилетнего²² бесплодия, 2) княжна Елена Васильевна Глинская, в монахинях Варлаама.

Сыновья: **Иван**, Юрей, оба от последней.

Сноха: Ульяна Дмитриевна, княжна Палецкая, Юрьева супруга.

44. **Царь Иван Васильевич.**

Царицы: 1) Настасья Романовна Юрьевича Захарьиных, 2) Марья Темрюковна, княжна черкасская горских, 3) Марфа Васильевна Собакина, в монахинях Иона, 4) Дарья Ивановна Колтовская, пострижена на Тихвине во время строгого наказания новгородцев, 5) Марья Федоровна Нагих.

Царевичи: Дмитрий, Иван, **Федор** от первой, Дмитрией Углицкой от последней.

Царевны: 1) Анна, 2) Марья, младенцы.

Снохи, супруги царевича Ивана Ивановича: 1) Евдокея Богдановна Сабурова, пострижена при супруге в Суздале, в монахинях Александра; 2) Парасковья Михайловна Солового, пострижена также при супруге на Беле-озере.

Снохи ж, супруги брата двоюродного, князя Владимира Андреевича: 1) Евдокея Александровна Нагово, 2) Евдокея Романовна, княжна Одоевская.

45. **Царь Федор Иванович.**

Царица: Ирина Федоровна Годунова, в монахинях Александра.

Царевна: Федосья Федоровна, младенец.

46. **Царь Борис Федорович Годунов.**

Царица: Марья Григорьевна, дочь военачальника опричных Малюты Скуратова.

Царевич: **Федор.**

Царевна: Ксения.

47. **Царь Федор Борисович Годунов.**48. **Царь Василей Иванович Шуйской.**

Царица: Елена Петровна, княжна Буйносова-Ростовская.

49. **Царь Михайло Федорович Романов.**

Царицы: 1) Марья Владимировна, княжна Долгорукова, 2) Евдокея Лукьяновна Стрешнева.

Царевичи: **Алексей**, Василей, Иван.

Царевны: Ирина, Пелагея, Марфа, Софья, Евдокея, Анна, Татьяна, все от второй.

Примечание. Родитель сего государя был великий боярин Федор Никитич Романов, брат двоюродный царю Федору Ивановичу, потом святейший патриарх московский Филарет, от великородных древних дворян российских и знатнейших бояр московских, в ближнем сродстве со многими князьями, а особливо с государем царем Иваном Васильевичем, по родной своей тетке, государыне Настасье Романовне, царице помянутого государя. Родительница его была Ксения Ивановна, княжна Сицкая, в монахинях Марфа. Происходила от великого князя киевского и смоленского Мстислава Владимировича Мономахова (степень 8, число 15).

Дед: великий боярин и царю Ивану Васильевичу родной шурин Никита Романович Юрьевича Захарьина.

Бабка: супруга Никиты Романовича, великая боярыня Евдокея Александровна, княжна суздальская, происходила от великого князя Андрея Ярославича (степень 11, число 25), брата родного великому князю Александру Невскому.

50. **Царь Алексей Михайлович.**

Царицы: 1) Марья Ильинишна Милославская, 2) Наталья Кирилловна Нарышкина.

Царевичи: Дмитрий, Алексей, **Федор**, Семен, **Иван** от первья, **Петр** от вторья.

Царевны: Евдокея, Марфа, Софья, в монахинях Сусанна, в схиме Софья ж, Екатерина, Марья, Анна, Федосья, Федора от первья, Наталья от вторья.

51. **Царь Федор Алексеевич.**

Царицы: 1) Агафья Семеновна Грушецкая, 2) Марфа Матвеевна Апраксина.

Царевич: Илья от первья, младенец.

52. **Царь Иван Алексеевич.**

Царица: Парасковья Федоровна Салтыкова.

Царевны: Екатерина Ивановна за герцогом мекленбургским Леополдом,⁹ **Анна Ивановна** за герцогом

курландским Фридриком-Вильгельмом, потом государыня императрица и самодержица всероссийская; Парасковья Ивановна, незамужняя; Марья, Федосья, младенцы.

53. **Петр Великий**, первый император.

Супруги: 1) Евдокея Федоровна Лопухина, 2) **Екатерина Алексеевна** Скавронская, государыня императрица и самодержица всероссийская по животе его и по смерти.

Царевичи: Алексей, Александр от первыя; Павел, Петр, Петр, объявленный наследником, и Павел от вторыя, младенцы.

Цесаревны: от вторыя **Анна Петровна** за герцогом голстинским Карлом-Фридриком; **Елисавет Петровна**, ныне благополучно владеющая великая государыня императрица и самодержица всероссийская, всемиловейшая государыня наша; Наталья, Маргарита, Наталья, младенцы.

Внуки: 1) **Петр Алексеевич**, второй император и самодержец всероссийский, 2) государь великий князь **Петр Феодорович**, наследник всероссийский, владетельный герцог голстинский.

Его супруга: государыня великая княгиня **Екатерина Алексеевна**, герцогиня голстинская, природная принцесса цербстская.

Внука: государыня великая княжна Наталья Алексеевна.

Правнук: государь великий князь **Павел Петрович**, герцог голстинский.

Правнука: государыня великая княжна Анна Петровна младенец.

Примечание. 1) При сем уведомляю благосклонного читателя, что многих государей супруги, также и дети, особливо женского пола, по летописцам и родословным книгам, также по иностранным писателям, неизвестны. При втором издании сей книжицы все, что еще в летописцах и известиях сыскаться может, присокуплено будет; и если что по другим надежнейшим известиям инако найдется, без поправления не останется.

10

[ЗАМЕЧАНИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ
„ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ“ ВОЛЬТЕРА]

1. Saique вместо Jaique.¹

2. Станислава приводит во свидетельство весьма насильно о Карле 12,² затем что: 1) письмо очень молодо и в то время сочинено, когда Волтер начал писать о Петре Великом; 2) что Станислав не был всех дел Карловых очевидный свидетель; 3) хотя бы и был, однако, свидетельство его ни малейшей важности не имеет, затем что Карл ему дал, а Петр отнял корону. Из сего довольно явствует, что сочинитель не намерен того отменить, что он писал не в пользу чести нашей в Жизни Карла 12, и явно выхваляет Станислава, которого по справедливости превозносить не может в рассуждении дел Петровых.

3. Петра Великого скифом называет,³ что отнюд неправда, затем что славяне скифами никогда не назывались, не токмо что не бывали.

4. Патриарх Константин писал Историю.⁴ Неправда: писал ее Нестор и другие.

5. Описание Санктпетербурга весьма дурно.⁵ Строение нового дворца и Девичья монастыря присовокупить должно. Также и по Петергофской дороге приморские дома упоминания достойны.

6. Лопари отнюд не черны и с финцами одного поколения,⁶ равно как и с корелами и со многими сибирскими народами. Язык имеют одного происхождения и разнятся друг от друга, как немецкий от датского и шведского или итальянский от французского, а отличаются лопари только

одною скудостью возраста и слабостью сил, затем что мясо и хлеб едят редко, питаюсь одною почти рыбою. Я, будучи лет 14-ти, побарывал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей. Лопарки хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают, однако мне их видать нагих случалось и белизне их дивиться, которую они самую свежую треску превосходят, свою главную и повседневную пищу.

7. Имя славенское *esclavons* хотя у французов уже твердо вкоренилось и сочинитель не переменит, однако может припечатать следующее примечание.⁷ В греческом и латинском языке нет ни единого слова, ниже из имен собственных, которые бы двумя согласными *SL* начинались. И посему рассуждать должно, что слуху тех народов и языку сей выговор *славяне* был странен и труден. И видно из греческих и латинских писателей, что со временем, привыкши к прямому выговору, славянами наших предков писать стали, ибо Птоломей называет их ставанами, Порфиригенит склаванами, у Бандурия в Цареградских древностях сфлавы, у Кедрина славы.⁸ Действительно, происходят от славы, как явствует из окончаний имен государских: Святослав, Выше-слав и прочих многих.

8. Царь Иван Васильевич взял Новгород. То неправда. Но дед его, великий князь Иван Васильевич привел новгородцев под самодержавство московское, уничтожив республику.

9. Киев будто построен царем греческим, стр. 26. Греческие цари отнюд ничего не страивали в России. А построен Киев от князей Кия, Щека и Хорева.

10. Украинцы будто католики, 28. Великий Владимир принял веру греческую, которая прежде всех в Малой России распространилась и укрепилась. И хотя несколько сот лет владели ею литва и поляки, однако всегда греческому исповеданию была вольность оставлена. А наконец, как католики утеснять стали, то отдались малороссияне под покровительство Российской державе.

11. Россию от татарского владения освободил не царь Иван Васильевич, но дед его, великий князь того же имени, а царь Иван Васильевич взял самих татар под иго. В сем случае должно упомянуть сочинителю, что иное есть самому от порабощения свободиться, а иное прежних своих владельцев привести в порабощение. Стр. 32.

12. В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей. И для того послать к сочинителю карту оных мореплаваний.⁹ 48.

13. Происхождение имени *царь* совсем ложно¹⁰ (64), для того что: 1) татарские обладатели *царями* не назывались, но ханами, а имя *царское* дано им от россиян, потому что мы издревле и поныне всех самодержавных владетелей на востоке называем *царями*, а на западе — *королями*; 2) имя *царь* весьма употребительно было в России за много сот лет прежде, нежели и о самих татарах слух появился, что засвидетельствуют самые старинные переводы церковных книг за 800 лет; 3) греческого царя Иоанна Цимисхия россияне *царем* называли (см. Кедрина, стр. 712);¹¹ 4) великое издревле сообщение и частые войны славян с греками и торги удобнее ввести могли и прежде имя *царь* от *цесарь* через грамматическую фигуру сокращения (*per synsopem*), нежели после искать от татар, у коих того не бывало.

14. Фотий, патриарх, будто крестил всю Россию, чего отнюд не бывало.¹² Оскольд и Дир ходили воевать на Грецию во дни Фотиевы, и некоторые^a из россиян крестились. После того спустя лет около двухсот, Владимир, приняв греческое христианство, окрестил бóльшую часть России при греческом патриархе Николе Хризовуле⁶ первым российским митрополитом Михаилом и протопопом Анастасием Корсунянином.

^a Зачеркнуто будучи из россиян полонены.

⁶ Зачеркнуто чрез.

15. Происхождение государево от патриарха и от монахини весьма изображено неприлично. И прямая Волтерская букашка. Ему надобно сообщить государево родословие.¹³

16. Епархий в России мало поставлено.¹⁴

Вдовство чисто в паганах хранилось,¹⁵ смот. 413 лист сент[ября] четвер[того].¹⁶

11

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХ КАРТИН
ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1. *Взятие Искореста.* Во время вечера перед городом в лагере по повелению великия княгини Ольги привязывают к голубям и к воробьям зажженные фитили; иных пускают с фитилями^а на воздух, иные уже летят к городу, и город местами от того загорелся. Между тем войско пешее и конное спешит на приступ. Сия картина будет весьма новая, и от двоякого свету, то есть от зари и от огней, особенное смешение тени составит, в чем могут показать живописцы искусство.

2. *Основание христианства в России.* Великий князь Владимир (при нем супруга Анна, греческая царица, сыновья от прежних жен, некоторые греки, с царевною приехавшие) повелевает сокрушать идолов, почему иных рассекают, иных жгут, иных с гор киевских бросают в воду и плавающих с шестью погружают или от берегу отпихивают, камнями бросают, камни к ним привязывают (фигуры идольские есть у меня в лицах и описанные,¹ кои могу сообщить). На Почайной речке, на берегу стоит первый митрополит киевский Михаил со всем собором, иных сам погружая, иных ниже духовенство. Иные, забредши в воду, сами погружаются обоюго пола и всякого возраста люди, матери со младенцами и пр. Иные, выходя из воды, принимают от священников кресты на шею и благословение, помазуются миром, одеваются. На горе начинают строить церковь Десятинную, ставят кресты на места сверженных идолов.

^а Далее в подлиннике из.

3. *Совет Владимиру от духовенства.* Великий князь Владимир Святославич, приняв крещение, стал весьма кроток, отпускал всякие вины и освобождал разбойников от казни, из чего воспоследовали многие грабительства и заперлись дороги от разбоев. Митрополит, с архиереями собравшись, увещал государя, чтобы чинил достойное наказание злодеям, в противном случае грозили ему самому небесным гневом. На картине можно представить, что Владимир, хотя к тому и склонился, однако отвращает лицо от привезенных к казни и сильному разбойнику Моугу вины прощает, приняв его в число своих богатырей.

4. *Единоборство князя Мстислава.* Редедя, князь косожский, вызвал на поединок князя Мстислава Владимировича с тем, чтобы победителю достались войска с женою и с детьми. Мстислав был, как описывают, тучен, бел и красноволос. Редедя, натурально рассудить, должен быть смугл как азиатец. Мстислав поборол. Войско стояло по обеим сторонам близ Дону. Кроме усилования борцов, разные страсти обеих сторон зрителей изобразить требует искусства.

5. *Горислава.* Владимир, взяв за себя насильно Рогнеду, или Гориславу, княжну полоцкую, после на других женился и ее оставил. По нескольких годах, захав в данное ей место увеселительное, и лег ночевать с нею. Горислава, хотя отмстить обиду и смерть своего отца и братьей, умыслила князя сонного зарезать, но он, по случаю проснувшись, схватил ее руку с ножом и велел готовиться на смерть, чтобы она, убравшись во всю княгине приличную, богатую утварь, ожидала его к себе с саблею и была готова к смерти. Как Владимир пошел к ней в спальню, чтобы умертвить, малолетний сын его Изяслав, от Гориславы рожденный, по научению материну внезапно выскочил из потаенного места с обнаженною саблею и в слезах сказал: „Мать моя не одна. Я ее должен защищать, пока жив. Убей меня прежде, чтобы я смерти ее не видел“. Владимир умильсь опустил руки и

после уволил Гориславу с сыном на удел в Полоцк, в ее отчину.

6. *Мономахово единоборство*. Владимир Мономах одолев на поединке генуэзского кафинского князя (дожа), снимает с него золотую цепь и прочие признаки его чина (признаки можно в пример написать с уборов венецианских дождей или генуэзских). Действие представить в виду моря, где корабли и галеры много могут картину украсить.

7. *Мономахово венчание на царство*. Неофит, митрополит ефесский, налагает корону императоров греческих; прочие царские утвари несут архиереи и другое духовенство. При сем должно наблюдать, чтобы все было со здешним и с греческим сходно. Бояре греческие стоят с подарками от царя Алексея Комнина, состоящими^a в золотой и серебряной посуде и в других постовах.

8. *Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере*. Сражение случилось на Чудском озере апреля 5 дня. При сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду, где пристойно изобразить бегущих, как они, стеснясь и проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льду тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит.

9. *Обручение князя Феодора Ростиславича*. Сей князь, будучи в Орде, так понравился царице татарской, что всячески старалась выдать за него свою любезную дочь замуж, но он не хотел на ней жениться, пока не приняла христианской веры. На сей картине можно изобразить, как невеста от жениха крест и перстень принимает. Мать, царица татарская, соединяя их руки, с радостью на то смотрит, и склонный отец мановением изъявляет дозволение. Мурзы татарские удивляются, бояре российские оказывают радость, причем можно написать татарскую и старинную нашу музыку.

^a В подлиннике состоящие.

10. *Начало сражения с Мамаем.* С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские. В фогрунде великий князь Димитрий Иванович, все готовятся к бою. Посередке татарин Челу-бей, ростом как Голиаф, сражается с Пересветом, чернцом-схимником. Оба друг друга пронзили копьями. Сражение начинается в войске.

11. *Низвержение татарского ша.* Великий князь Иван Васильевич, на великокняжеском стуле сидя, гневным лицом повергает на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повеление. Татар, связанных бесчестно, вон выводят. Российские бояре поклонением и разными движениями изъявляют свою радость и благодарность государю.

12. *Приведение новгородцев под самодержавство.* На площади Новгородской, пред церковью святых Софии великий князь Иван Васильевич, верхом сидя, повелевает принять от новгородцев грамоты Ярославли своему наместнику при архиерее. Вечевой колокол, или набат, новгородцам служивший к самовольным скопищам, летит сброшен с колокольни. Марфе-посаднице руки назад вяжут. Новгородцы, коих к Москве отвозят, прощаются с своими ближними. Народу множество; иные, подняв руки к колокольне, кричат; иные разными движениями подают печальные, иные радостные знаки. На конях бояре московские усмешками и помаваниями оказывают свое удовольствие. При великом князе для безопасности копейщики.

13. *Царица Сумбек,* по смерти царя казанского Сафакирея, взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царском престоле еще в младых летах (здесь требуется живописцово искусство, чтобы со старого и угрюмого портрета² сделать молодой и веселый, не потеряв подобия, затем что царицу принимает милостиво). Царица казанская, упав на колена и прося прощения и милосердия, умиленным лицом и слезами чрезвычайную красоту свою возвышает. На сына своего младенца,

лежащего ниц, указывает. За нею ближние ее татары и служительницы открывают и приносят многочисленные сокровища азиатические. При государе его приближенные.

14. *Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский.* Царь Федор Иванович, приближаясь к кончине, при патриархе Иове и при боярех подает скипетр брату своему двоюродному, боярину Федору Никитичу Романову, но он от того извиняется. Годунов взглядывает завистливыми глазами. Царицу Ирину Федоровну, обмирающую в печали, поддерживают.

15. *Погибель Расстригина.* Перед Грановитую палатую поверженного Расстригу и многими ранами уязвленного и окровавленного за ногу веревкою тянут. Иные поляков рубят. Боярин князь Иван Васильевич Шуйской уверяет народ с Красного крыльца, что оный Дмитрий был ложный. Бояре некоторые, указывая в Грановитую палату, где сквозь окно видно престол, предлагают ему царство.

16. *Козма Минич.* На Нижегородской пристани представить купца-старика на возвышенном месте, указывающего на великую близ себя кучу мешков с деньгами, а другою рукою народ помавающего. Многие, кругом стоя, ему внимают прилежно, иные деньги в чаны всыпают, иные мешки приносят, сыплют серебряные копейки из чересов, приносят в одно место разные товары, кладут пред него письменные обязательства. Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению отечества от разорения.

17. *Олег князь приступает к Царюграду сухим путем на парусах.* Вид весьма будет хороший и подобный маскарадам Петра Великого: наперед, в судне особливом сидя, повелевает; множество парусов между кустарниками; колеса под судами; инде припряженные лошади, печенегами правимые, кои тогда сухим путем пришли под Царьград. На горизонте проспект Царяграда. Греки выходят навстречу с дарами.

18. *Олег, урызвен от змея, умирает.* Представить головную лошадиную кость, кою Олег пхнул ногою. Бояре и

слуги поддерживают со страхом. Волхвы предсказавшие делают разные виды своего верного предвещения.

19. *Сражение Святославе с печенегами в порогах.* Представить тесные места между каменными горами, сквозь кои Днепр протекает порогами. Святослав борется против стремления воды с российским войском на веслах, на шестах, греблею, бечевою и сражается с неприятелем, жестоко с берегов нападающим. В главной группе бьется сам князь, уже раненый. Около его много печенежских трупов. Опровергающиеся суда разными видами, иные и зажженные, плавающие и утопающие раненые люди, выходящие из быстрины против неприятеля, самым делом и места обстоятельством представят чрезвычайную фигуру.

20. *Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр.* В переднем месте представить на одной половине печенежские палатки со стреляющими за пловцом печенегами, но он безвредно переплывает за Днепр к российскому стану, чтобы подать весть о бедности и тесноте в городе и тем побудить войско к нападению на неприятеля судами.

21. *Князь киевский Святослав Ярославович кажет свое великое богатство послам немецким.* Посол был из духовенства. Можно поставить какого католицкого прелата и при нем посольских людей в старинном немецком платье, Святослава, богато одетого, и с боярами в дорогих шубах и шапках из мягкой рухляди. Богатство, состоящее в дорогих мехах, парчах персидских и греческих, в золотых и серебряных финифтяных сосудах, камнями цветными украшенных, в конских уборах и в ружье старинном, в жемчугах. Приличные притом движения казателей и зрителей оживят картину.

22. Князь Дмитрий Михайлович Пожарской в опасности от злодея, коего прислал Заруцкой из-под Москвы, чтобы его заколоть и не допустить его из Ярославля к Москве для ее освобождения. Злодей прошибся мимо Пожарского,

спотыкнувшись и ударив слугу его в ногу. Князь запрещает около стоящим злодея изрубить и велит его послать под Москву и отдать жива на обличение завистникам.

23. Тот же князь Пожарской бьется с поляками, разоряющими Москву, и уже раненого жестоко велел себя кверху поднять и своих ободряет против неприятеля.

24. Царь Василий Иванович ^а Шуйской при венчании своем на царство клянется боярам, что он прежних враждеб помнить не будет и без их совета ничего делать не станет.

25. Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьме и, уже умирая голодом и жаждою, не согласуется с принуждающими поляками, чтобы возвести на царство польского королевича Владислава, но проклятием оное отрицает и от Михайла Солтыкова, который нож на него занес, крестом обороняется.

^а В подлиннике Иван Васильевич.

ТРУДЫ
ПО ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ВОПРОСАМ

1761 — 1763 гг.

12

[ТЕМЫ СТАТЕЙ]

1. О сохранении и размножении народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о просвещении.
4. О умножении внутреннего изобилия.
5. О купечестве, особливо со внешними народами.
6. О ремесленных делах и художествах.
7. О государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства и храбрости во время
долговременного мира.

Ориентальная академия.

О лесах.

Экономическая география.

Олимпийские игры.

Истребление раскола.

Экономическая ландкарта.

Праздность показать по местам и по персонам и по
временам. Муж мельницы не сделает, а жена весь день
мелет.

13

[О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ
РОССИЙСКОГО НАРОДА]

Милостивый государь
Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим пронидательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.¹
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяс-

нению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м. г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и повидимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердыя и человеколюбивыя наша монархини кроткого сердца достойное дело — избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достойны были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли и повеления. Но много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляющего, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вкоренившихся, истребить невозможно.

1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему, с натурою спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество — не супружество и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена

скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатеть непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужишком, спознавается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими непорядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволенную любовь недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжб в наследстве и больших злоключений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15-ю летами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старше от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщиков или половинщиков, или продай излишнее другому.²

2

Нзравному супружеству много подобно насильное, ибо где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною

безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священникам накрепко подтвердить, что[б] они, услышав где о невольном сочетании, оно не допускали и не венчали под опасением лишения чина, жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не заказана, кроме того, что некто Арменопул, судья солунский, заказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: ³ „Первый брак закон, второй прощение, третий пребеззаконие“. Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуня, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает народному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30-ти лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50-ти лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовев, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым

супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззасорны, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается. Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодее или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монастыре без всякой печали, довольствуясь пищаами и напитками и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются. Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чинами. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монастыре в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубивствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеписанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина несомненно воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным случаям и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обременная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастья, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богаделенные дома для невозбранного зазорных детей приему,⁴ где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок; но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, и тем только разнится их томление, что мать оное помнит, не помнит младенец. Коль же оно велико, изъявляет Давид пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: „Тамо болезни яко рождающая“ (сиречь женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а особ-

ливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва начатая жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает, либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, котрым нередко из рожденных живых на весь век здравие повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностию беременных. Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевести на российский, к чему необходимо должно присокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжку. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении младенческих болезней,⁵ по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих сокупленных сих искусств[ах] в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части не трудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно было иметь попечение; но о сем особливо

представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользоваться. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллион, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети рождаются, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 гр.,⁶ да и тут можно почесть ее горячею, затем что замерзающая ртуть⁷ несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты рав-

ною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, она смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здравие человеческое в прочем оных течении. И, во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Розговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговоренные дни питием и пищею, стараются многие на весь в[еликий] пост удовольствоваться плотским смешением законно

и незаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые постные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того вскоре следует начало весны, когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цынготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рожают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресение, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, придут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чает случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскрес! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломают, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество! Не на таких ли бог негодует у пророка: „Праздников ваших ненавидит душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!“ Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам

малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным запискам: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколобцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишно и говеет больше духом, нежели брюхом, на св. неделе радуется о препровождении в[еликого] поста в истинных добродетелях, в трудах обществу полезных и богу любезных, а не о^а том, что дожил до разрешения на вся, тот конечно меньше почувствует припадков от нездорового времени, а особливо когда трудами кровь приводит в движение и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищаами, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезду из города в город с товарами; нет кораблям плавания и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для морозов, то для слякоти не могут быть удобно экзерции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговеньи и розговеньи дает причину к необузданной роскоши..

^а В подлиннике в.

а в пост, с худыми прошлогодними пищаами и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: „Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!“. Правда, живут и лопари, питаюсь почти одною только рыбою,⁸ да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоедами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом мелки, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ наймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самоеды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьками не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области многолюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы, кроме новых плодов земных и свежих рыб и благорастворенного воздуха, 1-е) поспешествовало бы сохранению здравия движение тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным — экзерцициею и походами; 2-е) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учителя и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св. великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпению и праводушию милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков⁹ делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресенье у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: „Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недра отвергается, произраждает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славословия божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листья и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброго виноградного вина по красоуле,¹⁰ чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решить. Для толь важного дела можно в России вселенский собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит. А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищаами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец,

вор и другими образы ближнего повредитель прощения не съест, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее. Сохрани[те] данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: „Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (т. е. совестью, а не языком)“. Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, общаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольное число докторов, лекарей и аптек,

удовольствованных лекарствами, хотя б только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотой доли, но и войско российское весьма не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выпросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризрения многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольно число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достойных в доктора; 2-е. Медицинской канцелярии¹¹ подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольно число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при иготе,¹² при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

10

Смертям от болезни следуют насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, т. е. моровые язвы, пожары, потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные

против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить Медицинскому факультету¹³ книжку и напечатав распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров собрать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот, а после и на людей поветрие. В наши просвещенные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после, и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается солнце луною, таким же телом, как и земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служит предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии.¹⁴ Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отвратить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, вешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода и сено и всякая от воды удобность была близко, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот и люди и целые дома неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отвратить нельзя, не умалив много гощения:

и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности¹⁵ предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимою.

11

Немалый ущерб причиняется народу убивствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками, которых ничем, как межеванием, утушить не можно.¹⁶ На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристанища в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бывают для продажи пограбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не занадобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебраться по одиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтора ста лет, в кое время после разорения от поляков¹⁷ не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь печения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных полисадников или тынов не имеют.

что не без сожаления вижу из ответов, присылаемых на географические вопросы в Академию Наук из всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению.¹⁸ Кроме того, что проезжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворами и добрым людям. Когда ж бы всемилостивейше повелеть благоизволено было все российские города, у коих ограждение рушилось или его и не было, укрепить хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внутри ограждения, то бы ворами провозить в город грабленные вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотра предосторожности употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав грабленных вещей, корысти не получит. Сверх сего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и проезжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявлял в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели, под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поймают разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 руб. из мещанского казенного сбора,

и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 руб. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальном расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатым селам гражданские права учредить ратуши и воеводства и оградив надежными укреплениями и острожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особой славе всемилостивейшей нашей самодержицы яко возобновительницы старых и состроительницы многих новых городов российских.

12

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убивствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона. Подлинно, что расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побегу бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов.¹⁹ Итак, мне кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему

государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае?²⁰ А впредь могут служить способы, кои представляются о исправлении нравов и о большем просвещении народа.²¹

13

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насильства удаленных. Пространное владение великой нашей монархии в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствоваться всякими потребностями, кои единого только посильного труда от чело­веков ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуется к тому для известия многие обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю несколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полу­миллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет — до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных

к обществу мнений, и прошу о вашем непрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствуя, с достойным высокопочитанием пребываю.

Ноября 1
1761

14

ПРИМЕЧАНИЯ
[ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ДУХОВЕНСТВА]

1. Святейшего Синода и всего духовенства не одна только должность, чтобы богу молиться за кого они должны, но и обучать страху божию и честным нравам словом и примером, а особливо молодых людей.

2. К слову принадлежит знание истинного красноречия, состоящего в основательном учении, а не в пустых раздобрах.

3. К примерам надлежит честное житие всех служителей алтаря и слова господня.

4. Ежели надлежащим образом духовенство должность свою исполнять будет, то благосостояние общества несравненно и ^а паче чаяния возвысится, затем что, когда добрые нравы в народе чрез учение и вкоренение страха усилятся, меньше будет преступлений, меньше челобитья, меньше ябедников, меньше затруднения в судах и меньше законов. Хорошо давать законы, ежели их исполнять есть кому. Посмотрите в Россию, посмотрите ^б в благоустроенные государства. Пусть примером будет Германия.

5. Тамошние пасторы не ходят никуда на обеды, ^в по крестинам, родинам, свадьбам и похоронам, не токмо в городах, но и по деревням за стыд то почитают, а ежели хотя мало кого ^г увидят, что он пьет, тотчас лишат места. А у нас

^а Зачеркнуто выше.

^б В подлиннике посмотрите повторено дважды.

^в Зачеркнуто по имени[ам].

^г Исправлено из кого.

при всякой пирушке по городам и по деревням попы — первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда и до крови дерутся.

6. Пасторы в своих духовных детских школах обучавшихся детей грамоте наставляют закону божию со всею строгостию и прилежанием. И при конфирмации перед первым причащением спрашивают о христианском учении первое в школе, потом в кирке перед всем народом, и ежели кто неисправен, не допускают до причастия, чего дети так страшатся, что все возможности употребляют, чтобы знать и по возможности исполнять закон божий. Все сие непрерывно содержится не токмо по городам, но и по селам, где есть села. А у нас по многим местам и попы сами чуть столько грамоте знают, сколько там мужичий батрак или короеница умеет. У всякого есть катехизм, молитвенник, библия.

7. Много есть еще упомянуть. Однако главное дело в том состоит, что ^а везде, где только есть церковь, должны попы и причетники учить грамоте за общую плату всего прихода и не давать бегать по улицам малым ребятам, кои еще ни в какую работу не годятся. Мне кажется, от пяти до десяти, а иные ж и до двенадцати лет могут сколько-нибудь грамоте научиться и закону.

Не погневайтесь, милостивый государь, что я, не хотя терять времени, черную идею прислать осмелился.

^а Зачеркнуто бы

75

МНЕНИЕ О УЧРЕЖДЕНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ЗЕМСКОГО ^а ДОМОСТРОЙСТВА

^а *Исправлено из сельского.*

Коллегия.

Президент	}	^a весьма знающие в натуральных науках		
Вицепрезидент				
Физик	}	Советники {	{	Физик
Химик				Химик
Ботаник ^б				Натуральной истории и медик
Форшмейстер ¹	}	Ассесор		
Садовник				
Арендатор				
Дворяне				} корреспонденты

Секретарь.^в
2 канцеляриста.
Комиссар.
Подьячие.
Сторожи.
Переводчики. Типография.
Два секретаря } для текущих дел
 } для изданий.
Прокурор.

^a Зачеркнуто ученые в.

^б Ниже зачеркнуто химик (вновь вставлено выше) механик зоолог.

^в Зачеркнуто корреспонденция с учеными.

1. Вместо многих членов, сношения с учеными и другими корпусами.
2. Хотя много издают в Немецкой земли и в других местах, да употребляют мало, хотя и грамотных много, а здесь только одни сочинения. Где мало грамотных, весьма мало пользы будет.
3. Надзиратели. Не состоять им под воеводами, а им дать печатные инструкции.
4. Соединить с Академиею ничего не будет добра.²
5. Твердить, чтоб ученые все были.
- 7.^a Члены по всему государству.
8. Должность членов читать иностранные книги и вести корреспонденцию.
9. Читать сочинения и рассуждать.
10. Сообщать^б новые в коллегию в натуре приключения.
11. Как издавать книги к новому году.
12. Библиотека.
13. Задачи с награждениями.
14. Сношения с Академиею и с Медицинским факультетом и общие собрания.
15. Собрания по вся дни. И чтобы сие производилось не так, как бы побочное дело, собраньице.
16. Известия и ведомости о погодах и^в о урожаях и недородах, о пересухах. Смотри о экономических ведомостях.³
17. Здесь в близости деревня и крестьян, где б разные ж места были, гористые и сухие, болотистые и глинистые и луговые.
18. Позволение, чтобы подавали всякие люди о экономии.
19. Смотреть о внутренних^г избытках в государстве.
Смотри.

^a № 6 пропущен в подлиннике.

^б Зачеркнуто чрезвы[чайные].

^в Зачеркнуто недороде.

^г Исправлено из внутреннем изобилии.

20. О лесах.
21. Отсутствующие члены или почетные^а должны быть по всем провинциям, по два и по три, из дворян, из управителей государственных и дворцовых деревень;^б по состоянию дела и призывать их.
22. О дорогах и каналах.
23. Деревенские ремесленные дела.
24. О продуктах.⁴
25. В деревне над крестьянами управитель.
26. Коллегии члены, хотя и могут сочинять пиесы, однако их главная должность разуметь и рассуждать присылаемые сочинения, и затем не надобны все профессии.
27. Чтобы знали российский язык.
28. Основательные пункты.⁵
29. Сравнение с другими коллегиями и что коллегия сельского домостроительства всех нужнее.
30. Конторы по губерниям.
31. Доходы в казну.

^а Зачеркнуто могут.

^б Зачеркнуто заседать.

ТРУДЫ
ПО ГЕОГРАФИИ

1763 — 1765 гг.

16

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ
РАЗНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО СЕВЕРНЫМ МОРЯМ
И ПОКАЗАНИЕ ВОЗМОЖНОГО ПРОХОДУ
СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ В ВОСТОЧНУЮ ИНДИЮ

Е. и. в., пресветлейшему государю цесаревичу, великому князю Павлу Петровичу, герцогу шлезвиг-голстинскому, стормарнскому, дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгоретскому, наследнику норвежскому, флотов российских генералу-адмиралу, милостивейшему государю

Пресветлейший государь цесаревич,
великий князь,
милостивейший государь!

Великий прадед вашего императорского высочества между прочими своими преимущественными делами и подвигами первым почтал упражнением сооружение флотов российских. Его неутомимою рукою выведены корабли военные на Белое, Азовское, Варяжское и Каспийское море и показана морская российская сила всем окрестным державам в краткое время громкими победами.

Его благословенное предначинание ожидает от вашего императорского высочества благополучного продолжения и приращения, о коем весьма не сомневаемся, когда с радостию видим, что премудрая родительница вашего императорского высочества, всемилостивейшая самодержица наша, отменным вниманием обращает прозорливое око на состояние морского своего могущества и ради вашего основательства в сем важном государственном учреждении с самых нежных лет главное оно правительство препоручить благоизволила, дабы под ея попечительным предводительством флот-

ских дел знание и к ним охота купно с вашими летами возростала и укреплялась.

Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют такого рачения и знания. Между прочими Северный океан есть пространное поле, где под вашего императорского высочества правлением усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку. Представляющиеся в том трудности и опасности сколько добропорядочным предприятием умалются, но вдвое того оскудеют или вовсе исчезнут счастьем вашего императорского высочества и божеским поспешествованием во всех благонамеренных делах премудрыя Екатерины.

Сей мой посильный труд, от усердия к пользе отечества происшедший и вашему императорскому высочеству посвященный, ежели некоторого уважения вашего удостоен будет, крайним моим почту в жизни удовольствием.

Вашего императорского высочества
подданнейший и всеусерднейший раб
Михайло Ломоносов.

Сентября 20 дня
1763 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит. Первое — от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных, второе — от победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира, третье — от взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами чрез купечество. Российская империя внутренним изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими статами равняется, многие превосходит. Внешнее купечество на востоке и на западе хотя в нынешнем веку приросло чувствительно, однако, рассудив некоторых европейских держав пространное и сильное сообщение разными торгами со всеми частями света и малость оных против российского владения, не можем отрещись, что мы весьма далече от них остались. Но в сем Россию до нынешних времен извинить должно, ибо западные европейские державы по положению своих пределов везде имеют открытый путь по морям великим и для того издревле мореплаванью навыкли и строению судов, к дальнему морскому пути удобных, долговременным искусством научились. Россия, простираясь по великой обширности матерой земли и только почти одну пристань у города Архангельского, и ту из недавних времен имея, больше внутренним плаванием по великим рекам домашние свои достатки обращала между собственными своими чле-

нами, но ныне, по открытии Петровою рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, бывшие неудобности исчезли, и ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает, который современем не токмо другим морским державам сравниться, но и превзойти может, ежели все то употребится в пользу, что всевышний промысел дал в участие нашему пространному отечеству. Не упоминаю во всем том довольствия, что к строению кораблей потребно, ибо избыток оных, расширяясь во внешние государства и снабдевая другие державы, ясно разглашает по всему свету российское богатство, которым как в европейских купеческих пристанях утвердился, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть в состоянии, чем наше купечество не токмо приобрести новые преимущества, великое богатство и громкую славу, но и на всех завистников своего благополучия страх навести может. Внешние сего примеры, токмо представляясь пред очами всего света, в восхищение всех приводят. Малые владательства, которых с российским могуществом и внутренними достатками в сравнение положить невозможно, распростерли свои силы от берегов европейских и оными окружили все прочие части света. Россия не меньше счастием, как силою и общим рачением, простерла свою власть до берегов Восточного океана и в пространстве оногo открыла неведомые земли, но как за безмерною дальностию для долговременных и трудных путей сила ея на востоке весьма укоснительно и едва чувствительно умножается, так и в изыскании и овладении оных земель и в предприятии купеческого сообщения с восточными народами нет почти больше никаких успехов. Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом, о которого возможности найдутся в сем моем рассуждении довольные доказательства. Правда, что представление многих трудностей, которым сие предприятие может быть подвержено, в состоянии возбудить сомнения, но оные,

уповаю, исчезнут, когда положим к ним в сравнение в подобных случаях труды, препятствия и успехи западных народов, а особливо португальцев и испанцев. Португальцы от своих берегов имели ходу в Ост-Индию до Малабарских семнадцать тысяч верст; у нас от Кильдина-острова (ежели оттуда главное предприятие воспоследует) до Чукотского носу, до которого из Камчатки доходил открытым морем Беринг, не больше пяти тысяч верст. Правда, что здесь затруднением грозят льды и стужи, однако, положив оные в сравнение с путешествием в Восточную Индию около Африки, много легче усмотрим и против одной стужи многие и большие неудобства найдем: 1) на толь долгом пути под разными климатами на разных морях каких не представляли себе опасностей португальцы! Один сей страх от неведомых приключений мог бы, кажется, уничтожить их надежду; 2) преходя экватор в первые походы, коль страшные ощутили неудобности! Долговременная тишина с нестерпимым зноем не токмо члены человеческие приводила в слабость и к понесению трудов чинила неудобными, но согнитием воды и съестных припасов и рождением в них червей голод и жажду, сверх того, моровые язвы и бешенство в людях производила; 3) внезапно на ослабленных устремлялись неслыханные в наших морях свирепые вихри и туч густых удары, от которых корабли нечаянно в великой пучине погружались; 4) перешед на южную половину за экватор, не имели больше северной Полярной звезды для предводительства, и в прочем на южном полукружии редкие и не определенные астрономическим прилежанием звезды мало в плавании служили; 5) на берегах, к которым приставали для отдохновения и для сыскания свежей воды и пищи, обеспокоены и обижены были от непостоянных варварских народов; 6) в толь великом отдалении пресекали им путь на море и к поселению предприятия воспящали сильные турецкие и аравитские флоты из Чермного моря, которые, боясь себе помешательства в купечестве, противились в успехах европейцам; 7) простер-

шись от берегов в ужасное отдаление по неизмеримой глубине и видя плавающую траву и червей, корабли прогрызающих, сверх того необыкновенные и ужасные на воздухе огненные явления, суеверные и незнающие люди всегда к отчаянию приближались и кровопролитие междусобное предпринять и руки на своих начальников поднять готовились. Великим воспятием было негодование при отправлении 8) и опасное роптание всего народа, что-де на явную гибель головы христианские, однородцы и свойственники, слепым желанием богатства или принуждением отдаются, дабы сыскать песчаную, зноем солнечным иссушенную и бесплодную землю или, дошед до края света, погрузиться в преисподние адские пропасти. Все сии обстоятельства и приключения в трудных и опасных мореплаваниях, славными морскими героями предпринятых, примером и поощрением служить нам должны. Все опасности и страхи ни сих отважных сердец гибелью, ни самих государей истощением великого иждивения не отвратили; не жалели флотов, многочисленного народа, казны несчетной и знатных фамилий для снискания пользы и славы отечеству в неведомых и половиною света удаленных государствах. Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужою не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения и свой флот найдет. Не на великом пространстве в разных климатах, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпринять долговременный морской путь россиянам нужно, но между 80-м и 65-м северной широты обращаться. Нет страху ни от крутых, море похищающих вихрей, ни от ударов туч, корабли от воды отрывающих, которые в северных морях нигде не примечены. Не опасна долговременная тишина с великими жарамы, от чего бы члены человеческие пришли в неудобную к понесению трудов слабость, ни согнание воды и съе-

Полярная карта, приложенная к рукописи „Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию“.

стных припасов и рождение в них червей, ниже моровая язва и бешенство в людях. Все сие стужею, которой так опасаемся, отвращено будет. Самое сие больше страшное, нежели вредное препятствие, которое нашим северным россиянам не так пагубно, превратится в помощь.

Сии преимущества довольны быть кажутся, чтобы побудить к новым предприятиям в сыскании северного ходу Сибирским океаном, особливо же, видя пример Великия Британии, которая главное свое внимание простирает к западно-северному ходу Гудзонским заливом, не можно, кажется, не иметь благородного и похвального ревнования в том, чтобы не дать предупредить себя от других успехами толь великого и преславного дела.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О РАЗНЫХ МОРЕПЛАВАНИЯХ, ПРЕДПРИЯТЫХ ДЛЯ СЫСКАНИЯ ПРОХОДУ В ОСТ-ИНДИЮ ЗАПАДНО-СЕВЕРНЫМИ МОРЯМИ

§ 1

По изобретении южного ходу около мыса Добрыя Надежды в Ост-Индию предводительством португальского адмирала Гамы, старались разные морские державы сыскать проезд севером в те же стороны для избежания толь далекого по разным морям плавания и для избытия многообразных в нем случающихся противностей и опасностей. Надежда и сомнение представляли два прохода: один около Северной Америки на запад, другой около северных берегов азийских на восток Сибирским океаном. В обе стороны многие предприятия учинены с разными успехами, что кратко в сей главе предлагается.¹

§ 2

Первые в сем покушения учинила Англия при короле Генрике Седьмом. Иван Кабот пошел из Бристоля на королевском корабле с некоторыми купецкими в запад 1497 года весною и 24 числа июня усмотрел береги ^а острова при Се-

^а В подлиннике берег и.

верной Америке, называемого ныне Новая Земля, назвав оную Прима Виста. Поворотясь на полдень до Флоридинского мыса, с тем приехал обратно домой, не выходя ж нигде на берег. Сын его Севастиан Кабот неудачными предприятиями сие агличан намерение почти вовсе уничтожил, и оно было оставлено до 1576 года.

§ 3

Мартын Фробишер, предприяв по нем поиск северо-западного проходу на двух кораблях и на третьей пинке, пустился в море, чтобы получить желаемое или не возвратиться в отечество, однако ходил затем трикратно, ибо в сей первый раз достиг он только до восточного гренландского берегу, приметил некоторый узкий пролив к западу, который назвал в свое имя. Видел берега и острова, по местам льдами покрытые, и льды, плавающие по морю. На берегах усмотрены хижины тамошних жителей, лодочную езду оных.^a Старавшись ласкать их к обходительству угощением и подарками, ничего не успел, но потерял пятерых агличан, кои сверх приказанія осмелились вытти на берег, взяты от диких людей в полон; потом прошел близ западных берегов исландских в Англию, куда достиг в начале октября месяца. По возвращении ничего больше не мог показать, как одного увезенного гренландца и некакого черного камня, взятого матрозом с берегу; сей на огне покраснел и подал чрез некоторые пробы надежду о содержании в себе золота. Многие тем привлечены были к вторичной посылке. Собралась компания с выключительными привилегиями, и сама королева Елисавета имела в ней участие. Фробишер отправлен мая 31 числа 1577 году; тщетно искал он пяти человек, потерянных в прежнюю поездку, и тем только был доволен, что нагрузил на корабли мнимой золотой руды 1500 пуд и взял пойманных двоих тамошних жителей. Несмотря на то, отправ-

^a Так в подлиннике

лен был Фробишер третий раз с целым флотом, пожалован золотую цепью, и на одном корабле положен был целый разборный дом с другими потребностями к заведению зимовья. Но и тут не было удачи: сей корабль пропал от сильной бури, и другие весьма повредились. Итак, не сыскав прежних мест ради великих противностей и затруднений, ни с чем назад возвратились. Фробишер в 1588 году оказал свою храбрость на славном морском сражении с испанцами, командуя кораблем, называемым Триумф, и награжден кавалериею. Спустя шесть лет, при взятии Бреста ранен, умер.

§ 4

В 1585 году Давис, человек весьма разумный и в мореплавании искусный, отправлен от некоторого сообщества богатых купцов аглинских на двух кораблях ради поиску морского пути западо-северными морями в Индию. Вступя в дорогу июня 7 дня, 20-того числа того ж месяца увидел землю близ входу в пролив, проименованный его именем, и прозвал оную Десолацион; 29 числа открылись другие земли на 65° ширины, где нашел людей весьма обходительных. В 16 число августа достиг до 67° градуса, вступил в открытое море и южному мысу земли дал имя Божие Милосердие; потом вошел в изрядный залив, которым он приплыл к северу до 60 морских миль, откуда в Англию поворотился и пришел благополучно 30 числа сентября. Сим плаванием открыл Давис западный гренландский берег до 64° градусов 15 минут, а восточный край Северной Америки до 66° градусов 40 минут ширины.

§ 5

Сей удачный поход подал причину к отправлению другого, в который открыл Давис больше и обстоятельнее левую сторону своего проливу и многие заливы и проходы до 66°

градуса 33 минут, откуда домой возвратился. Мая 19 дня 1587 отправился в третий раз от того ж сообщества на трех кораблях и достиг только до 63 градуса ширины, однако далее к западу. Сими тремя походами хотя подал много надежды к изобретению желаемого прохода и подал компании проект, что впредь таковые посылки могут отправляться на доходах от рыбных и звериных промыслов на местах, им найденных, однако и по таковых открытиях не учинено предприятія около 16 лет.

§ 6

По ободрению и совету Ланкастра, славного мореплавателя ост-индского южными морями, предприяли агличане снова поиски северо-западом, по следам прежних походов; итак 1602 года мая 2 дня отправили капитана Георга Веймута на трех кораблях. Июня 28 числа открыл и признал он мыс Варвик на 63 градусе 30 минуте ширины и рассудил по твердым основаниям, что сие место есть остров и что залив, Лумли называемый, и другой, что того южнее, проходят на запад в море; и понеже течение моря простирается ими на запад, то заподлинно заключил, что должно быть ими проходу, причем рассудил, что сия часть Америки вся пересечена проходами морскими. Итак, несмотря на роптанье и негодование своих людей, дошел до 69 градуса и оттуда поворотился в Англию ради позднего времени, причем он приметил от льдов мало препятствия и рассудил, что сими местами удобнее сыскать проход, нежели Дависовым проливом.

§ 7

Сим походом укрепясь в надежде, Англия ожидала человека, к тому больше других способного, каков и нашелся в славном Гудсоне, о котором по нем другие бывшие мореплаватели свидетельстеуют, что в морских путешествиях не

бывало никого искуснее: при всяких случаях непоколебим был мужеством, неутомим трудами. Соединившись некоторая знатных купцов компания для поиску желаемого проездею востоком, западом или прямо севером, выбрали сего достойного человека. Гудсон пустился в море первого числа мая 1607 года и в 13-тое число июня увидел восточный берег Гренландии; 21 усмотрел на 73-м градусе другое место той же земли, где была хорошая и мягкая погода, хотя прежде на 63-м градусе чувствовал немалую стужу. Море было тихо и безлёдно, и по нем плавало знатное количество леду. При сем он приметил, что синеватое море было ледовито, зеленоватое от льдов свободно. На северном берегу шпицбергском или на южном гренландском нашел ручьи свежей теплой воды, звериные следы и множество птиц; оттуда к северу дошел на 82 градуса, далее идти льды не позволили; откуда поворотился в норд-вест, чтобы пройти в пролив Дависов, но за неудобностию плаванья возвратился в Англию.

§ 8

На другое лето отправлен Гудсон для исследования проездею востоком 21 числа апреля и путь свой направил промеж Новою Землею и Шпицбергом. Однако, нашедши на великие льды, назад поворотился, чтобы попытаться пройти западом сквозь пролив, называемый Лумлей, но рассудив, что лето поздно становится, в Англию возвратился. После чего, неизвестно ради каких причин оставя отечество, вступил в голландскую службу и 1609 года апреля 6 числа вышел в море из Тексея. Миновав северный Норвежский мыс, пустился прямо на Новую Землю, но великие льдины, коими море покрыто было, отняли всю надежду; а особливо с ним бывшие голландские и аглинские матросы привыкли ходить в Ост-Индию и ради того стали весьма скучать великою и несносною себе стужею; сверх сего, произошли меж ними как между разноземцами ссоры. Итак, принужден переменить свое предприятие, по коему с общего совета

поворотился на запад к Америке и, ходив по разным местам около берегов между 37 и 44 градусов, с немалым неудовольствием и роптанием подчиненных в Англию бесполезно возвратился.

§ 9

В четвертый раз, 17 апреля 1610 года, предпринял путь свой Гудсон из Темзы к северу и достиг западных берегов исландских, где люди против его учинили бунтовщичий заговор, который разрушить много ему труда стоило. Оттуда пустившись к западу, прошел найденные берега Дависом и вступил в пролив своего имени; потом въехал в великий залив, по нему ж проименованный, на 62 градусов ширины. А как доплыл до западного берега, высматривал оный прилежно даже до сентября и искал способного места, где б прожить зиму. Подштурман его Роберт Ейвет непрестанно старался побуждать беспокойные головы на своего начальника; для того Гудсон отставил его от должности, чем больше раздражил оных. Весьма удивительно, чем думал Гудсон с людьми зиму прокормиться, когда уже запас, данный на шесть месяцев, вышел и купно назначенное время; однако зиму пропитались птицами. На весну, не сыскав никаких жителей, от коих бы получить споможение запасом, разделил немногие сухари последние всем и себе по равной части, со слезами и увещанием пошел обратно в Англию. Помянутый подштурман и некто Генрих Грин, коего Гудсон в Англии от казни избавил, с другими бунтовщиками поймали его и с сыном, еще в самых молодых летах, также математика Жемеса Вадгуза, корабельного плотника и еще пять человек посадили без пищи и ружья в шлюпку и опустили на море. В сих суровых местах бог отмстил злодейство: Грин с двумя товарищами убит от диких людей, Ейвет умер на корабле мучительною болезнию; прочие, претерпев горькие нужды, домой возвратились и все бы достойную казнь понесли, если бы их сильная рука не заступила для чаемой в них впредь надобности.

§ 10

Аввикум Принет, бывший при Гудсоне писарь и участник против его в заговоре и несчастьи, рассказав директорам компании обстоятельства Гудсонова путешествия, а особливо, что прибылая вода идет прямо от запада, якобы из самого Тихого моря простираясь, побудил их к отправлению новой посылки для того же изыскания. На сие избран был Томас Буттон, офицер знатной породы и особенного искусства. На двух кораблях пошел из Темзы в море в первых числах мая 1612 года, вошел в Гудсонский пролив и при островах, называемых Резолюцион, затерт был льдом, но скоро освободившись, пришел к острову Дигсу, где льду ничего не было; после правил ход свой к западной стороне и, нашед землю, назвал Лебяжьим Гнездилищем; потом пошел в зюд-вест и усмотрел на 60 градусе 40 минуте землю, которую проименовал Неудачною Надеждою. 14 августа зашел в хороший залив, Нелзонсгафен, и в нем зимовал с великою осторожностью от нужды, стужи и глада и от недовольствия своих товарищей и подчиненных. В бытность свою изловил на пищу до 1800 дюжин куропаток, однако много претерпел от холоду и потерял немало матрозов. По весне осмотрел тамошние берега и с удовольствием возвратился. Гиббон, сродник и любимец Буттонов, ходил туда ж 1614 году, однако не уметил в Гудзонов пролив и, в глухом заливе претерпев много от льду опасностей, без успеху возвратился.

§ 11

В 1615-м году воспоследовало мореплавание много славнее и полезнее. Роберт Билет и с ним искусный штурман Баффин, который знатнее стал самого капитана, на содержании той же компании пошли в море 18 апреля и 6 числа мая увидели западный берег Гренландии, прошедши мыс

Форевель; оттуду простираясь к западу, открыли на 64 градусе остров, который назвали Мельничным, затем что лед был около него как молотый. 10 числа июля усмотрели землю в западе и по приливу, приходящему от севера, весьма обнадежились о подлинности искомого проходу; и для того тутошный мыс назвали Ободрительным; но далее того приметив противное, надежду оставили и в Англию возвратились.

§ 12

На другой год, выпросив у компании вторичную поездку, на том же корабле отправились 26 марта 1616 года в Дависов пролив, в который вошли 14 числа мая; а как достигли до 72 градуса, начали о проезде сомневаться, видя, что прилив низок и течением неполадочен, чего на открытых морях не бывает, несмотря на то что тут море весьма широко и от льдов свободно; однакож путь свой простирали далее и на 72-х градусах 45-ти минутах нашли остров, который Женским назвали, затем что видели три бабы, шалаша и лодки. От множества льду вошли в некоторую пристань, где им жители принесли много рогов от морских единорогов, и пристань проименована Роговым проливом; после, вышед изо льду под 75-м градусом, нашли море от него свободное; на 77-м градусе усмотрели другой пролив и по множеству китов назвали Китовым. После того были у иных заливов и проливов, кои все лежат на западном берегу Гренландии. В Шмидове заливе, что на 78 градусе, нашли ужасное множество китов, чрезвычайно крупных. Магнитная стрелка склонялась к западу на 56 градусов, какового отдаления нигде не примечено. Наконец, следуя к западному берегу Дависова пролива и усмотрев Кумберландов остров, отчаялся своего поиску и так в Англию возвратился. Из Билетова письма, писанного к директору Волфстенгольму, явствует его мнение, что хотя Дависовым проливом немощно надеяться

ходу в Тихое море, однако для сегожного, моржового и китового промысла нет места удобнее оною, что само искусство показало: голландцы учредили там ловли, кои ежегодно приносят несказанное богатство. Баффин сам почти признавался, что проход не Дависовым проливом, но далее к западу быть должен. Сие мнение содержал до смерти, которая приключилась ему в Ост-Индии при осаде города Диу.

§ 13

Хотя около пятнадцати лет не предпринимали после того англичане никаких поисков желаемого прохода, однако Дависовы, Гудсоновы и Баффиновы удачи и рассуждения еще твердо держались у них в мыслях. Некто Лука Фукс, человек рожденный к мореплаванию, часто разговаривал с бывшими в прежних поездках, собрал все морские к сему предприятию надлежащие карты, спознался с лучшими математиками, которых споможением королю Карлу Первому представлен и отпущен на королевской пинке 8-го мая 1631 года. В Гудсонский залив вошел 28 числа, потом приехал к земле на 64 градуса и назвал Томас Вилькоме. Погода была хороша, море безо льду и земля без снегу. Прилив подымался до 4-х сажень, однако далее к полудни меньше и наконец нечувствителен. Из сего заключил и по своем возвращении в Англию других уверил, что далее к северу по западному Гудсонскому заливу должен быть широкий проход в Западный океан, ибо море там чище, воздух умереннее и киты ходят по тому румбу. Капитан Жемс, который с Фуксом вместе пошел для того ж поиску на другом корабле, хотя и виделся с ним в Гудсонском заливе и ходил далее, однако зимовал там, претерпел великие невзгоды ото льдов, а больше от стужи, не имея от ней убежища, как только под корабельными парусами. По возвращении своем в Англию издал в свет плачевное описание своего состояния и при том дока-

зательство, что или нет отнюдь желаемого прохода, или, ежели есть, то весьма тесен и многотруден. По сему воображению оставили агличане таковые предприятия около тридцати лет.

§ 14

Бывшие после того путешествия Гильямсовы и Барлов-совы мало служат к известиям о сем проходе. Достойнее примечания поездка Скрагсова. В июне месяце 22 числа 1722 года пошел он в Гудсонский залив и на 62-м градусе торговал с тамошними жителями, получая китовые усы и моржовые зубы; после на 65-м градусе видел много белых и черных китов. Прилив был до пяти сажень. Двое тамошние жители показывали куски меди, объявляя о местах, где такие минералы находят. После того пошел он в зюйд-ост и, проходя Велькоме, видел множество китов, а льду не было. Люди, высланные от него на берег, осмотрев сказали, что ничего не приметили, что бы их ходу далее могло препятствовать.

§ 15

После сего Дабс, а по нем Мидлетон 1737 года ходили в Гудсонов залив, подле западных и северных берегов оного открыли многие реки и заливы, о коих сомнительно осталось, сквозь ли они проходят в западно-северный Тихий океан или нет. Великие приливы и множество китов сие представляют вероятно, но множество в них льду и непостоянство непорядочных приливов в величине и в сторонах течения надежду отнимают. От таких обстоятельств произошло обоюдное в Англии рассуждение: проход северо-западный в Индию есть или его нет. Ежели он есть, то всяк должен согласиться, что от того произойдут великие выгоды и прибыли, и для того не надлежит терять надежды. Ежели нет,

то надобно о том заподлинно увериться, чтобы впредь не томить себя тщетною надеждою. Сие побудило их к новому предприятию, ибо рассудили, что потеря весьма мала будет против безмерного приобретения, ежели чаемый путь откроется; и для того определено награждения двадцать тысяч фунт штерлингов тому, кто оный сыщет; для ободрения прочих чинов поставлены по рангам награждения в счастливом успехе и обещано дать им все в подарок, какие бы в сем путешествии добычи ни случились.

§ 16

Для сего путешествия назначены на двух больших кораблях два мореплавателя, Вильгельм Мор и Франц Шмид, с обстоятельною и предосторожною инструкциею для всяких случаев, которые только лишь хотели в море пуститься, некто любопытный мореплаватель, англичанин Генрих Еллис, из пути возвратился и оказал ревнительную охоту быть участником сего славного предприятия, но притом и отговаривался, что он правителем оных кораблей быть не может, не обыкши ходить по морям северным; несмотря на то склонился быть на оных агентом и записывать все натуральные примечания всего, что принадлежит к северному мореплаванню; и потом, в 18 часов совсем собравшись, вступил на борт, и в море пошли 1746 года 31 мая. На 58-м градусе ширины, к востоку от Фаревельского мыса прошли льдом и после сквозь великое множество плавнику, по величине в строение годного. 5-го числа июля дошли до падуну или плавающих ледяных гор, кои обыкновенно бывают около Гудсонского пролива, где весьма высокие, снегом покрытые горы купно со льдами производят среди лета несносную стужу; при сем примечено, что северная сторона Гудсонского пролива свободнее от льдов, как южная. Достигнув западных берегов самого залива, положили с общего совету перезимовать в Нейсольской гавани, где управитель тамошней

компании аглинских купцов старался всячески рушить их предприятие злодейскими поступками, помня больше частную, нежели общую пользу отечества; несмотря на то прозимовали без скудости и без всяких неспособностей. Следующей весны пошли в море для изыскания чаемого проходу. На 61-м градусе, идучи к полуночи, ото льду свободились и на небольшом судне капитан Мор и агент Еллис исследовали западный берег, подле коего идучи к северу, были между падуном, в мелях и льдах с немалою опасностью; пытались входить в разные заливы, надеясь проходу, однако везде оные льдами или впадающими в них реками, либо мелями и камнями кончились. Примечания достойным признать должно Вагерский залив, который поманкою к изысканию, опасностью и особливою натурою чуден. Первое от великих и быстрых приливов и отливов, второе от страшных висящих камней и шуму, третье от обоестороннего порога происходит. Сей глухой залив имеет в конце великую обширность на несколько миль, которая сообщается узким проходом с прочим заливом. Когда прилив превзойдет высоту воды, что за узким проходом в конце залива, тогда вливается в него море с великою быстринною и течет порогами. Когда ж в море вода упадет ниже, тогда выливается назад и роет с ужасным шумом, как с плотины. Достигнув 66-го градуса ширины, поворотились в Англию. Еллис хотя сим поиском мог больше бы увериться, что нет искомого проходу, однако уверял по своим физическим догадкам о подлинном бытии оногo.

§ 17

Хотя в сем изыскании положили агличане главное старание, однако должно кратко показать о участии в том и других держав. В 1619-м году приняли и датчане попытать своего счастья в обретении северо-западного прохода в Индию. Во владение Христиана Четвертого датский капитан Иоган

Мунк отправлен в море и 20-го числа июня дошел до Форевельского мыса, откуда пустился в норд-вест в Гудсонский пролив; льды и бури принудили его между двумя островами скрыться, где едва все не погибли. Вшедши в залив до 64-го градуса, принужден был в оном зимовать и претерпеть все бедности, каковы могут в оных местах случаться. От голоду и холоду остался только сам Мунк с двумя человеками, с которыми, дождавшись лета, пришел в отечество с великим страхом и опасностью на некрытом малом судне, затем что кораблем владеть троим было невозможно. На другой год, рассудив сей мореплаватель, что он собственными своими прошибками больше научился и в другой раз избежать их может, осмелился к вторичной поездке. Некоторые купцы сложась корабль ему снарядили. Уже совсем в готовности, пришел ко двору проститься. Король приказал осторожнее поступать и приписывал единственно его оплошности, что столько людей пропало. Мунку стало сие чувствительно, и королю отвечал не с надлежащим раболепством, отчего он, потеряв умеренность, Мунка ткнул палкою. Сие бесчестие стало Мунку толь досадно, что в отчаянии пришед домой, слег в постелю, не принимал ни утешения, ни пищи и так вскоре умер. Сим кончились датские предприятия, начатые для сыскания северо-западного проходу в Индию.

§ 18

Испанцы, побуждены будучи аглинскими предприятиями и успехами, покушались искать помянутого проходу с западной стороны, и некто Юан де Фуен 1592 года и Мартын Дагвилар 1603 ходили с Новой Мексики далее Калифорнии к северу, за мыс Мендозин, из коих первый между 47-ю и 48-ю градусами, другой на 43-м ширины нашли, что западный американский берег простирается к северу и потом к востоку и, наконец, к полудни; так что де Фуен, быв

в великом заливе, думал, что пришел в Атлантическое море, и с тем поворотился назад в Аквапулк. Многие думают, что ишпанцы держат свои известия скрытно для политических причин, чтобы оными не пользовались другие державы.

§ 19

Известное мореплавание ишпанского адмирала де Фонта по западным берегам Северных Америки для поиска водяного сообщения между Атлантическим и Тихим морем от многих принимается за подлинное, от большей части за вымышленное почитается, а самым делом сомнительно. Мне кажется, что оно достойно показания на карте² и изъяснения в Кратком описании. Помянутое описание найдено издавна, напечатанное по-аглински, потом переведено и издано на французском языке бывшим здесь профессором астрономии Делилем и, наконец, парижским астрономом Бюашем утверждается³ чрез многие доказательства, которые однако от многих сомнений не свободны.

§ 20

Адмирал де Фонт пустился из Южной Америки к берегам Полуночной 1640 года апреля 7 числа, на четырех кораблях, из коих на первом сам, на другом вице-адмирал Пенелосса, на третьем Бернардо, на четвертом Ранквилло. Пенелосса принял на себя испытать, что Калифорния — остров или земля матерая, и нашел, что она касается Америке малым перешейком, который приливом уничтожается. Сам с прочими судами, достигнув ширины около 50 градусов, вошел во многие острова, кои он именовал Архипелагом святого Лазаря; потом послал капитана Бернарда на его корабле ехать вверх по глубокой и тихой реке. 21-го числа июня пошел он в север, потом в норд-ост и на восток, после опять в север и, наконец, к норд-весту. Тут вошел в озеро,

наполненное многими островами, и полуостров, населенный доброобычным народом. Озеро названо от него Веласковым. Оттуда ездил он по разным водам, кои на оной карте показаны до 77-го градуса ширины, везде нашел довольство всякой рыбы, птиц и другой дичи и воздух сносный, кроме того, что в самом конце названного в его имя Бернардовым озере или море^а видел около берегов высокие, снегами покрытые горы. Адмирал, уведомясь о его состоянии через письмо, пошел далее, нашел американский город, называемый Конассет, и, словом, найдены многие озера и реки с порогами и без порогов; и, наконец, видели агличан от восточного берегу Америки, где они около южных берегов Гудсонского залива имеют свои селения, с ними разговаривали. Все сие и многие медкие обстоятельства не оставили б сомнения о северо-западном морском ходу, если бы оное мореплавание все не было подозрительно; причин невероятности и сомнительств и на оные опровержений для краткости здесь уместить невозможно. Мне паче всего невероятно быть кажется: 1) что пресная вода в Бернардовом озере на толь дальней ширине была от льдов свободна, 2) что испанцы, а особливо из южных американских владений, привыкшие к жаркому климату, могли обращаться в толь суровых местах, в близости у полюса.

§ 21

При окончании сея главы остается мне объявить свое мнение о северо-западном вышепомянутаго проходе, которое в том состоит, что оный невозможен или хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен. Рассуждая причины физические, которые еще по сие время питают агличан надеждою, не могу довольно надивиться, что народ, где довольно искусных мореплавателей в теории и практике:

^а Так в подлиннике.

и остроумных физиков, не может усмотреть явного оных неосновательства. Первым и главным доводом почитаются великие приливы и отливы на западных берегах Гудсонского залива, а особливо в Велькоме и при заливе Репульсе, ибо из того заключают, что должно тут быть в близости океану, из которого подымается вода так высоко. На сие предлагаю следующее: 1) в открытом океане вода много меньше подымается, нежели в узких местах, где прохода ищут; напротив того, в тесных местах и во встречных водах, куда движение океана свободнее достигает, подымаются воды несравненно выше, как в океане. Примером служить может Мезенская губа, где прилив подымается иногда до семи сажен. Праведно ли кто заключить может и скажет ли кто, что из Беломорского пролива есть проход в океан Мезенскою губою, для того что воды весьма высоко ходят? Но кто встречное течение вод и поздание приливов по разным расстояниям знает, заподлинно скажет, что, когда из Белого моря производится отлив и палая вода вытекает между Терским и Зимним берегом, в то ж самое время подоспевает новый прилив из океана, встречные воды сражаются около мелей, что между Тремя Островами и между Моржовцем, и общими силами устремляются диагонально линеєю, согласно с механическими правилами, к Мезенскому устью. И посему там прилив выше восходит, нежели на противном берегу, в Трех Островах, где самая большая достигает не далее четырех сажен. Всего чуднее, что, ведая великие проливы от востока, Гудсонский и Дависов, и многократными поездками и описанием берегов, особливо западных, что не можно чаять ни в сотую долю величиною отверстия против Дависова и Гудсонова, утверждают, что помянутые в Велькоме приливы приходят западными проливами. Сверх сего, обще океан движется от востока к западу, следовательно, много натуральнее приливам в реченных заливах быть пространными и известными проливами, нежели нигде подлинно не отысканными в берегах, кои почти на всякой миле осмотрены. Всего

нерассудительнее, что Еллис Гудсонский залив уподобляет Посредиземному морю, не взяв в рассуждение свойств главных: 1) что Посредиземное море несравненно больше Гудсонского залива и, напротив того, 2) Гибралтарский проход не может малостию отнюдь сравниться с великими проливами Дависовым и Гудсоновым, 3) что узкий оный путь океанской воде в Посредиземное море отворен от запада в противность течению открытого моря. Итак, нет ни малейшего сомнения, что Баффинского и Гудсонского залива и самого Велькома воды движутся от приливов и отливов Атлантического океана, и если бы глубины на разных местах, береги и острова сих морей были известны, то бы теорию доказать легко было можно, от чего происходит их чрезвычайная вышина, как выше о Мезенской губе показано. Что ж до знатной солоности и прозрачности сих вод, а особливо к северу, надлежит, то происходит она от малости свежей воды из рек, которыми ближайшия к северу земли неотменно должны быть скудны. Множество китов большей солоности воды приписывать должно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ПОИСКАХ МОРСКОГО ПРОХОДУ В ОСТ-ИНДИЮ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЕ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

§ 22

Нет сомнения, что из давних весьма лет купечество далече простиралось близ берегов Ледовитого моря в северных сибирских пределах от западных северных народов, как о том свидетельствуют Стурлезоном описанные мореплавания из Норвегии в Двину-реку, также найденные лет за двадцать древние готические серебряные деньги при реке Пинеге в Кеврольском уезде, примеченные в знатном отда-

лении от моря на берегах сибирских старинные кочи и, наконец, повествование новгородского летописателя,⁴ что древние славяне ходили по рекам Выме и Печоре, даже до Великой Оби промыслять дыньков, то есть соболей; однако морских предприятий, обстоятельно описанных, не находим до шестнадцатого столетия.

§ 23

Голландцы первые, сколько известно, учинили для того поездку 1594 года. Вильгельм Баренс, искусный лоцман, послан был от некоторой компании голландских купцов с тремя кораблями. Из Текселя вышел июня 5-го дня и 23-го того ж, побыв в Килдине, пустился к Новой Земле и между 4 и 5-м июля, взяв высоту солнца в самую полночь, нашел себя на 73-х градусах 25-ти минутах, от берегу Новая Земля около шести миль; оттуда простираясь далее к востоку и северу, достиг до 77 градусов 45-ти минут, увидел множество льду, а особливо поля ледяные (по-нашему называются стамухи), коих конца не видно; притом, почувствовав, что матрозы уже ропчут, почел сие путешествие невозможным и пошел к южному концу Новая Земля, куда отправлены были прочие два судна. Близ Вайгача нашел он поставленные кресты и муку, в камнях зарытую, признаки промышленников российских. Паче чаяния в ту же пристань вбежали оные два судна, кои, увидев Баренса, чаяли, что он обошел около Новой Земли и вышел из Вайгача им навстречу, но радость их была суетна. По общему совету в Голландию возвратились.

§ 24

Разговоры и описание Вайгача, который пролив голландцы Нассавским называют, слыша в Голландии, многие знатные ревностно предприяли отправить другую большую посылку, чтобы оным пройти в Китай и в Индию. Генераль-

ные Статы и принц Оранский сами вступили в сие дело, чтобы не токмо проход сыскать, но и купечество учредить, где только жителей найдут. Предводительство сего вторичного предприятия препоручено было славному географу Петру Планкцию, который тому сочинил план и карту. Флот соорудили из семи кораблей: два из Амстердама, два из Зееланда, два из Екгузена, седьмая яхта из Роттердама для подания вести в Голландию, когда флот пройдет льды и до Табинского мыса (так Чукотский нос называли) достигнут. Баренс назначен предводителем на самом большом из двух кораблей, что отправлены из Амстердама, и в помощники ему дан Яков Гемскерк.

§ 25

Сей флот выступил из Тексея 2-го числа июня и миновал Норвежский берег, достигли в близость Вайгаческого пролива на 70-м градусе ширины, где встретил их мелкий лед безопасный, но в самом проливе был толь густ, что не позволял отнюдь проходу. Для того зашли в губу, по их называемую Квербухт. Из оной по сухому пути ходили некоторые на восток несколько миль и, усмотрев чистое место на море, чаяли, что Сибирский океан открыт, и для того всячески стали сквозь Вайгач пробиваться, а особливо что видели российских промышленников с моржовым салом, зубами и с солеными гусями, вышедших из Карского моря, у коих выпросили нужные обстоятельства. Сверх сего случившиися на берегу самоеды обнадежили их, что ежели кто обойдет мыс, лежащий к норд-осту на пять дней ходу, то найдет широкое открытое море, склоняющееся к полудни. Несмотря на сии благонадежные ободрения, рачение их было бесполезно, ибо множество льдов, подводных камней в Карском море, также и худая погода осенняя, затем что уже сентябрь застиг, не допустили их за Вайгач к востоку больше ста верст, откуда, не получа желаемого успеха, в Голландию возвратились.

§ 26

Сия неудача не могла умалить охоты у голландцев к тому же предприятию. Амстердамское правительство с позволения Генеральных Статов 1596 г. отправило в норд-ост два корабля, на которых прежние, Баренс, Гемскерк и с ним Корнилей Рип, отпущены главными. В море вышли 18-го мая. 9-го числа июня в 74-х градусах широты увидели остров и множество льду, который для многих белых медведей назвали Медвежьим. Минув южный конец сего острова и простираясь далее, того ж месяца 19 дня на 80-ти градусах 11 минутах землю открыли, которая далече протянулась, имеет изрядные заливы для пристанища и, хотя ни лесом, ни травой не покрыта, кроме мху и некоторых голубых цветков не показывает, однако преизобилует великим множеством диких гусей, также довольством белых медведей, оленей, лисиц белых и серых. От сего берегу возвратясь оба корабли к полудни до Медвежья острова, учинили общий совет о дальнейшем своем мореплавании и изыскании, где положили, что всяк по своему благоизобретению путь предпринять может. Итак, Корнелис Рип, не переменяя своего намерения, пошел искать проходу севером на старое место, где были около 80 градусов ширины; Баренс положил итти несколько к полудню.

§ 27

Июля 17-го дня на ширине 74-х градусов 40 минут увидел в полудни Новую Землю, подле коей в виду пошел на левую руку к ост-норд-осту, между льдом-падуном мелким и крупным с немалою опасностью, где, до сентября мучившись, увидели себя льдом затертых, так что потеряли надежду прежде будущей весны домой возвратиться; для того положили на сем суровом месте зимовать. На берег стали выходить сентября первого числа; на берегу сыскали речку

пресной воды и довольно плавнику для постройки хоромины и для топления, что им немало служило к ободрению, как бы от лютых морозов и медведей оборониться. Для следующих наших предприятий должно зимовье сих голландцев на Новой Земле описать несколько обстоятельнее.

§ 28

Из плавнику, который лежал по заплескам, построена была одна большая изба и, сколько возможно, обшита досками из разбитого корабля, покрыта досками же и сверх того парусами, так что снег в сию хижину проходить не мог; от морозу глубокий снег, коим их с осени занесло, защищал довольно. Не имея ни печи, ни трубы, порядочно сделанных, не могли сей хижины нагреть по-надлежащему и от первого опыту употребления каменного угля для лучшей теплоты все так угорели, что чуть живы остались, и в сухих, кои разделены были от командиров, завиваясь, от стужи весьма недостаточно закрывались; и если бы по закрытии вовсе солнца не нашло к ним множества лисиц, коих мясо в пищу, а кожи на шапки, на чулки и на другую нужду не послужили, то бы совершенно пропасть им было с голоду и холоду, который был иногда так крепок, что при мытье рубашки, вынятые из кипятка, замерзали прежде, нежели могли быть выжаты, и к рукам приставали. Весьма умеренное количество виноградного вина и водки нарочито их в том подкрепляло; также и сухари, хотя не без скудости, до весны не исходили. Много боролись с наглыми белыми медведями, пока день был с осени и как опять настал весною; в отсутствие дневного света вместо медведей было лисиц множество. Примечания достойно, что среди зимы видали вдали море открытое и в самом конце декабря месяца, когда было несколько от полуденной зари светло. В море слышали ужасные трески, или лучше несказанные, громовым подобные звуки, когда лед ломался. Апреля 15-го числа.

море везде открылось, а по стоячим у берегов торосам на краях стояли наподобие высоких домов и башен великие взломанные льдины. Корабль нашли в таком же состоянии, как осенью был взломанный оставлен.

§ 29

Во второе число апреля сильным полуденным ветром море все очистилось, что ни единой большой плавающей льдины не осталось. С того времени починили шлюпку и шкуту, с великим трудом по льду притянули к морю и 14-го числа июня пустились в море с немалой опасностью. В хижине, где зимовали, оставил Баренс описание несчастного их приключения, для того что, ежели их судьбина в волнах постигнет, кому-нибудь впредь достанется оно в руки, дабы то хотя когда-нибудь на свете уведали, сколько они претерпели бедствия. Обходя полуночный мыс Новья Земли и пробираясь к западу, от многих очевидных погибелей избавились. Между тем Баренс от понесенных великих трудов умер, к великой печали всех для его разума и честности. После того еще многократно льдами окружены и утеснены были, и шлюпка от шкуты отлучилась. Видели на дороге промышленников российских и осведомлялись у них о дороге неоднократно, покупая от них притом съестные припасы. Наконец, недалече от Колы соединясь, пришли в самый оный острог и к немалому удивлению нашли там Корнелиса Рипа, который другим путем около 80 градусов ходил искать проходу. Из Колы в октябре месяце 1597 года домой возвратились. О приключениях и изысканиях Корнелиса Рипа нет описания.

§ 30

Из сих трудных к норд-осту морских походов и поисков явствует, что россияне далече в оный край на промыслы ходили уже действительно близ двухсот лет, и тем подтвер-

ждается, что упомянуто в § 22-м. Хотя ж голландцы от таковых несчастливых предприятий весьма лишились надежды и больше к восточно-северной стороне намерений своих не простирали, однако из того не следует, чтобы их походами всему рачению и мужеству человеческого был предел положен. Явствует противное из неутомимых трудов нашего народа, которые хотя уже инде описаны,⁵ однако здесь только для того присовокупляются: 1) чтобы некоторые обстоятельства были видны, из коих следуют доказательства, нужные в главе третьей, 2) дабы вся обширность северных морских путешествий была подвержена единому обозрению любопытного разума, склонного к изысканию полезной правды.

§ 31

По взятии Ермаком Сибирского царства и по многих приращениях на восток Российской державы, произведенных больше частными поисками, нежели государственными силами, где казаки, оставшиеся и размножившиеся после победителя в Сибире, также и поморские жители с Двины и из других мест, что около Белого моря, главное имеют участие, построены уже были по великим рекам сея северная части Азии некоторые города, остроги и зимовья, в том числе и Якутск, к нижним странам уже склоняющиеся великия Лены. Из которых устьев ведомы стали далее к востоку еще другие, ея меньшие, но собою великие реки: Яня, Индигерка, Ковыма. Около устьев их и по берегам, между ними лежащим, старались российские промышленники большие поиски чинить к востоку, а особливо для моржовой кости.

§ 32

Холмогорец Федот Алексеев с позволения государева приказчика, что был тогда на Колыме, с казаком Иваном Дежневым⁶ предприяли путешествие из реки Ковыми на

восток в июле месяце 1647 года, в том мнении, чтобы дойти до реки Анадира, о которой думали, что впала в то же Ледовитое море; однако за льдами поход их был без успеху. Первая сия неудача не отняла у них ни надежды, ни смелости, и потому следующего 1648 года июня 20-го дня те же Алексеев и Дежнев и еще некто Герасим Акундинов пошли на семи кочах с немалым числом народа, на каждом судне около тридцати человек. О четырех судах нет известия, где девались. Служивого Акундинова кочь разбило у Чукотского носу, где он на прочие два к товарищам перебрался. Сентября 20 дня Алексеев и Дежнев, будучи на берегу, дали с чукчами бой, на коем Дежнев ранен; потом носило их долго по морю, и наконец Дежнев выкинут за устья реки Анадира, далее к полудню к северным камчатским пределам. Около реки Олюторки Федот Алексеев и Герасим Акундинов в Коряцких жилищах пристали к берегу, на коем, несколько пожив, померли цынгою. Многие из товарищей их побиты, достальные в малом числе убежали в лодках на Камчатку и первые из россиян в сей земле поселились, задолго до приходу пятисотника ⁷ Володимера Атласова. И хотя они там от камчадалов убиты, кои уведали, что русские люди, а не боги, затем что кровь их увидели, когда они подрались между собою, однако имя их и остатки жилища были свидетелями. О смерти Алексеева и Акундинова сказывала после Дежневу якутская баба, коя жила у Алексеева. Дежнев, возвращаясь с двадцатью пятью человеками, нашел Анадир-реку и, по ней ходя, основал Анадирский острог, наконец, с великим трудом от вершин перешед горы, достиг на устье реки Колымы, откуда пошел сперва на судах по сибирскому берегу к востоку.

§ 33

Сею поездкою несомненно доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихий, к чему наше главное намерение здесь простирается. При сем Дежнев слышал, что море

около Чукотского носу не повсягодно бывает ото льду чисто. О картах и о прочем, что до промыслов надлежит, не упоминаю. Остается объявить о прочих берегах Сибирского океана, от Вайгача до Ленского устья, кои хотя по большей части промышленниками обойдены издавна, однако полное доказательство представить должно из нарочных отправлений морских офицеров,⁸ кои по высочайшим монаршеским повелениям посылаемы для описания северных берегов сибирских.

§ 34

Об оных посылках обстоятельные известия хранятся в Государственной Адмиралтейской коллегии.⁹ Сколько же мне сведомо, то от города Архангельского сквозь Вайгач исследован хотя трудный ход для многих льдов морскими офицерами Малыгиным, Скуратовым, Мининым далее Обской губы, даже до устьев реки Пясиги. От устья Пясиги до устья Тамуры реки хотя для множества льдов судовой ход почитается невозможным, и штурман Минин, идучи с запада от устьев Енисейских, остановился на ширине $73\frac{1}{2}$ градуса, а с востока от устья реки Лены поручик Харитон Лаптев мог дойти до 77 градусов, а всего мысу водяным ходом не окружили, однако по краям стоячего льду прошел при оном мысу мичман Челюсткин и везде видел стоячий лед, окружен торосом, то есть ходячим льдом, который тогда зимним временем примерз к стоячему. Что ж оный^a в летнюю пору ходил, то показывали взломанные трением бугры ледяные. От реки Тамуры до устьев Ковымских судовой ход изведен флота поручиком Дмитрием Лаптевым; достальной берег от Ковымы до устья реки Анадира около Чукотского носу исследован известиями от тамошних жителей через капитана Павлуцкого, чему известие о морском пути Федота Алексеева с товарищи весьма соответствует, и сомнения о море, всю Сибирь окружающем, не остается.

^a В подлиннике оным.

§ 35

От Чукотского носу на Камчатку морской свободный ход отнюдь не сомнителен и доказан путешествием Беринговым, который 1728 года июля 20-го дня вышел из устья реки Камчатки и пустился в север к востоку при камчатских берегах, делая оным по возможной точности описание. На $64\frac{1}{2}$ и 67 градусах 18 минут приезжали к нему на байдарках чукчи, у коих он спрашивал через толмача-корячанина о положении земли далее к северу, на что ответствовали, что она после того простирается к западу. Губу ли они, после носу следующую, или главный поворот разумели, сомнительно, только в самом деле правда, и Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил. Одного жаль, что, идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно бы, мог приметить берега северо-западной Америки.

§ 36

Уже довольно показано, что Северный Сибирский океан с Атлантическим и с Тихим непрерывное соединение имеет и что Азия от Северной Америки отделена водами, кои коль широки, то есть, коль далече отстоят самые северные берега Северной Америки от сибирских, о том еще мало или почти ничего не известно за невозможностию поныне свободного мореплавания, однако, сколько есть известий, здесь пропустить не должно. Что против Чукотского носу есть земля, острова или матерая, о том уверяют известия геодезиста Гвоздева¹⁰ и объявления тамошних жителей, и неспоримо, что все оное принадлежит к Америке, ибо по сказкам чукчей и людей, на оной земле поиманных, известно, что земля оная велика, в которой множество народу, лесов и зверей, и втекают в море великие реки, и многие при том обстоятельства. С западного конца Ледовитого

океана простирается Гренландия, которая, по крайней вероятности из нижепоказанных в § 64-м, соединена сухим путем с землями, от Калифорнии к северу лежащими, где полагаются моря и реки, открытые де Фукою и де Фонтон, и куда ходили из Камчатки Чириков и Беринг, ибо восточные, южные и западные береги Северной Америки суть довольно известны, следовательно, надлежит быть четвертому на севере, который хотя для великих заливов и островов идет чайтельно излучинами, как везде почти бывает, однако одним краем беспрерывным. Итак, остается только знать его положение, которое, сколько по физическим рассуждениям определить можно, показано будет в следующей главе; по мореплаванию ничего не известно, кроме некоторого чаемого острова против Ленских и других устьев, в действии недовольно доказанного.

§ 37

О сем острове сибирские известия свидетельствуют положительно и отрицательно. Положительные суть следующие: 1) кочевщик Родион Михайлов, будучи отнесен от берега льдами в пути от Святого носу на Колыму-реку, показывал Никифору Малыгину и другим, с ним бывшим, остров на море, который всяк из них видел; 2) оному ж Малыгину сказывал торговый человек Яков Вятка, что, проезжая из Лены в Колыму, отнесен был на кочах к показанному острову, где видели они зверские следы; 3) из Якутской воеводской канцелярии 1710 года, с устья реки Яны объявлено сказкою казака Якова Пермякова, что видел он по ту сторону Святого носу остров и другой против устья Ковыми-реки (может быть, были сие мысы одного большого острова, кои к сибирскому берегу протянулись); 4) казак Меркурей Вагин в 1712-м году, вышед из устья реки Яны в море, с Яковым Пермяковым как со своим вожем ходил в море по льду на нартах в мае месяце, приехал к пустому острову, на коем

нет лесу; с того острова виден был другой или земля матерая; 5) по объявлению якутского сына боярского Федота Амосова, оный остров простирается от устья Яны до устья Индигерки-реки и далее; 6) промышленный человек Иван Велигин ездил в море по льду и нашел землю, только не мог знать за сильным ветром и туманом, остров ли то или земля матерая и есть ли на ней лес и жители или нет, однако приметил там старые юрты и их остатки, каменные горы нарочитой вышины и зверские следы. Сие же он слышал и прежде от чукотского жителя Копая; 7) казачий голова Афанасей Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров,¹¹ назвав его Копаяевым, и за ним назначил матерую землю.

§ 38

Отрицательных известий большую часть должно почестъ рассуждениями или догадками, по коим вышеписанные объявления представляются сомнительными: 1) что бывшие с Меркурьем Вагиным казаки, не хотя больше терпеть впредь будущей нужды, его и других некоторых убили, и после при следствии некто объявлял, что то был пар, а не остров; и в прочем о помянутом изыскании казаки объявляли несогласно; 2) Василий Стадухин нарочно ходил для изыскания оного острова, но только видел далее Ковымского устья большой мыс, протянувшийся от сибирского берега в море, а не видал никакого острова; 3) в 1714-м году посланы были проведывать оного острова два отправления: под командою Алексея Маркова да Григорья Кузякова. Марков ездил на собаках по льду в море прямо к северу в марте месяце, по его отписке около семисот верст из Янского устья и объявил, что по Святому морю судам ходить нельзя, кое летом и зимою стоит замерзло; а виделде он стоячие льдины, как высокие холмы, с коих, смотря вдаль, никакой земли не приметил. О поездке Кузякова

подобно известное; 4) Афанасья Шестакова карта должна казаться сомнительна, затем что он не умел грамоте, а сочиняли по его сказкам люди, кои только писать умели.

§ 39

Сии прекословные известия сличив одно против другого, ясно видеть можно, что положительные много сильнее отрицательных,¹² ибо, несмотря на то 1) что вообще не следует из незнания небытие вещей и нельзя заключить, чтобы того не было на свете, чего кто не видал или не нашел, сами обстоятельства показывают слабость или лучше ничтожность отрицательных, ибо 2) что убивцы Меркурия Вагина виденный им остров за пар почитали, то учинить они могли для его обвинения, якобы он, за пустыми мечтаниями гоняясь, хотел их уморить холодом и голодом, и для того они, имея причину, его убили. Прочие несогласные их сказки самим тем лишают их всякой вероятности, и кто может в сем деле положиться на злодеев, кои, избывая смерти, ложь с правдою сплетали для своей выгородки; что же до бытия первого острова надлежит, все сказали согласно, и для того вероятность не потеряна; 3) Стадухин, Марков и Кузяков объявили, что они, будучи нарочно посланы и ходив по морю далече, помянутого острова не видали, что противно известиям вышеписанных Родиона Михайлова, Якова Вятки, Якова Пермякова и прочих; но кто рассудит, что неволя принудит больше терпеть, нежели охота, что противные бури далее отнести могут, нежели добрая воля, и что на парусах скорее можно ездить было сим, нежели оным на собаках, с довольным провиантом на судах, нежели со скудным на нартах, и зимнею порою, нежели летнею, тот не усумнится заключить, что Стадухин и прочие могли предпочесть свою безопасность такому изысканию, кое и впредь соединено будет с великими тягостями, и для того или, не отважась в даль, ничего не видали, или, быв и видеv, ничего

не объявили для своего будущего покоя; 4) что ж Шестаков был человек безграмотный и что сочинившие по его словам карту только писать умели, то все не мешает самой истине: довольно, что они на оной положили Копаев остров и за ним матерую землю, что довольно служит к подтверждению одного изыскания, ибо здесь требуется только о бытии оных известие, а не точная их фигура и положение; следовательно, и геодезисты для сочинения такой карты не нужны. Она сделана так, как поступают самые лучшие географы, когда ставят на картах подлинно найденные, но не описанные земли.

§ 40

Для таковых причин и при толь многих свидетелях, которыми прекословные известия отнюдь не отнимают вероятности, не сомневаюсь помянутый Копаев остров и за ним матерую землю положить на своей полярной карте¹³ и господ славных географов Делиля и Бюаша отнюдь в том не порицаю, что они сие внесли в свои издания; сверх сего, следующие в 3-ей главе физические рассуждения могут больше уверить о сей правде, хотя она несколько противна показаться может нашему главному намерению, то есть, якобы некоторым оплотом и препоною корабельному ходу по Сибирскому океану.

§ 41

Путешествие морское с российской стороны из Камчатки на восток хотя и не надлежит до мореплаваний для поиску проходу в Индию норд-остом, однако в рассуждении островов, между Америкой и Камчаткою и чукотскими берегами лежащих, также и самых дальних мест, к полюсу склоняющихся, Северной Америки, служит к нашему главному делу. Оным ходом под Беринговою и Чирикова команду изве-

дано: 1) что западные берега Северной Америки лежат далее к полюсу, нежели как прежде думали, а из того следует по взятым наблюдениям, что оные от земли, против Чукотского носу лежащей, отстоят не весьма далече: например, Далматов остров от ней около осьмисот верст; 2) что Америка, против Камчатки лежащая, начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные, и потому не без основания утверждать можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова и составляют архипелаг, ибо они иногда шли действительно между островами, хотя их и не видали, из коих один пресечением волн знать себя дал ночью во время сильного ветра от полудни, что он не был из числа малых, какие там многие примечены; 3) а посему явствует, что против северной части Камчатки и против Анадирских устьев может быть довольно пространное море, а особливо потому, что от норд-оста приносит зимою лед даже до Курильского мыса; 4) что в оных местах есть множество жителей, и потому весьма вероятно, что они по не весьма дальнему расстоянию от обитателей земли, коя лежит против Чукочьего носу, с ними сродны и одного языка или немного отменного; либо, конечно, по соседству есть у них такие люди, кои между ними служат вместо переводчиков, так что, если бы достать жителя земли, что лежит против Чукотского носу, то бы весьма уповательно было получить известие о тех россиянах, кои на западном американском берегу Чириковым потеряны.

§ 42

В заключении сего не могу преминуть, чтобы не присокупить здесь известия, которое о возможности корабельного ходу Сибирским океаном совершенно бы уверило, если бы о достоверности оногo не оставалось никакого сомнения. Господин Бюаш, королевский парижский географ,

на изданной от себя полярной карте показывает, что некто португальский мореплаватель, именем Мельгер, с клятвою объявил, что он, 1660 года марта 14 дня вступив в путь из Японии, прошел в Португалию Сибирским океаном. Дорога его назначена точками¹⁴ мимо Чукотского носу, позади полюса между Шпицбергом и Гренландиею и, наконец, между Исландиею и Англиею; окончен в пристане при городе, Порто называемом, что на устье реки Дуро.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

О ВОЗМОЖНОСТИ МОРЕПЛАВАНИЯ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ В ОСТ-ИНДИЮ, ПРИЗНАВАЕМЫЯ ПО НАТУРАЛЬНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

§ 43

Главным препятствием в сем предприятии почитается стужа, а паче оныя лед, от ней же происходящий. Того ради должно об них обоих представить обстоятельно, поелику надлежат до Северного океана и до нашего предприятия, ибо главная теория теплоты и стужи и происхождение льда вообще требуют пространного изъяснения¹⁵ и здесь не нужны. Итак, посмотрим сперва стужи, которая обладает Северным океаном.

§ 44

Теплота сообщается земной поверхности двумя путями: первый — извне, от лучей солнечных, второй — изнутри, от подземного жару. О первом нет ни малого сомнения, для того что сие всем ясно видно повсядни. Второе утверждается на незыблемых физических основаниях: среди жестокой зимы в здешних местах не промерзает земля никогда больше полусажени, затем что подземная теплота стужи

далее не пропускает. Не токмо ж теплоту, но и действительный огонь в недрах показывают многие огнедышащие горы, которые как в теплых краях, так и в северных странах между самими льдами пламень испускают. Довольным доводом быть может Гекла в Исландии на 64-х градусах и весь остров Иоганс Мейенс на 72-м градусе между Исландиею и Шпицбергенем, который за не что, как за огнедышащую гору, почеть должно.

§ 45

Лучи солнечные сквозь прозрачную океанскую воду до самого дна простираются и всю глубину освещают, что доказывают одарованные зрением животные, обитающие в глубочайшей пучине. Проходя оное сияние сквозь толикое множество вод, неотменно всю свою теплоту, до поверхности океана дошедшую, ему сообщает. Рассудив о Северном океане, на который солнце хотя косвенными лучами целую полгода сияет почти беспрестанно, подумать невозможно, чтобы от них не согревался чувствительно; подлинно, что зимою для долговременного отсутствия теплоты солнечной должен он много прохлаждаться, но прохлаждение зимнее летнего нагревания превысить не может, для того что 1) летом сверху лучи солнечные и подземная теплота согласно действуют, зимою только один холодный воздух силу свою имеет; 2) лучи солнечные летом непонятною скоростью в глубину досягают, прохладившаяся вода зимою на поверхности от воздуха не толь скоро дна достигает. Всего больше сие доказывается животными, в море обитающими. Тюлени питаются рыбою; рыба хотя часто для своего корму другую рыбу пожирает, однако по большей части мелкая питается илом и растущими на дне морскими травами. Что ж весь Северный океан не токмо на чистых местах, но и под великими льдами наполнен рыбами и другими животными, о том свидетельствуют: 1) киты около Гренландии и близ Чукот-

ского носа и несказанное множество сельдей, от полярной стороны приходящих к берегам европейским; 2) около Новой Земли моржи и птицы, питающиеся мелкою рыбою; 3) в Оби, Енисее и Лене осетры и стерляди, которые в морях рождаются и в реки входят; 4) по всему берегу Ледовитого моря находящиеся в знатном множестве крупные моржовые зубы.

§ 46

Таким образом, нагретое подземною теплотою дно морское нагревает и лежащую на нем воду. И когда студёный зимний воздух поверхность океана знобит морозами, тогда верхняя вода становится студёнее исподней, следовательно, пропорционально тяжелее, от чего по гидростатическим законам по разной тягости верхняя ко дну опускается, нижняя встает кверху, принятую теплоту от талого дна с собою возводит и оную лежащему на морской поверхности воздуху сообщает. И посему недивно, что зимним временем морские ветры оттепель, а с матерой земли веющие с собою приносят морозы, ибо в Санктпетербурге западный с Балтийского моря, у города Архангельского норд-вест с Белого и Норманского, в Охотске восточный ветер с Камчатского моря с оттепелью дышут. Напротив того, в Санктпетербурге восточный и южно-восточный, также и у города Архангельского, а в Охотске западный с морозами веют, затем что матерая земля, запертая мерзлым черепом и покрытая снегом на многие тысячи верст, не может из недр своих внутренней теплоты сообщать студеному воздуху; и посему недивно,^a что около Нерчинска, Иркутска и в других, далече от Северного океана лежащих местах нередко случаются в одно время сильнее морозы, нежели в северных краях, в Тобольске и в Мангазеи, как то из учиненных по Сибири метеорологических наблюдений явствует, где еще примечено, что часто

^a В подлиннике не видно.

во время великих морозов ветры веют от полудни. Сему причины показаны в Слове моем о электрических явлениях на воздухе и во Втором прибавлении к Первым основаниям металлургии.¹⁸

§ 47

Внимание и искание причины таковых воздушных позорищ, а особливо северного сияния весьма много служит к доказательству открытого океана и среди зимы в местах, ближних к полюсу, в отдалении от берегов сибирских, и для того должен я неотменно здесь представить, что о том изведено искусством и что следует по теории, которую обстоятельно понять можно в вышепомянутом Слове.

§ 48

По силе оныя положим здесь за несумненное основание, что северное сияние рождается, когда теплый воздух поднимается кверху, а холодный опускается книзу; то следует, что поверхность тех мест, над которыми являются северные сияния, много теплее, нежели верхняя атмосфера. Сие нигде в севере удобнее случиться не может, как над открытым морем, которое действием подземной внутренней теплоты производит в растворении нижнего и верхнего воздуха великую разность и располагает оные к встречным движениям кверху и книзу, а потому и к трению [в]заимному и произведению реченного электрического воздушного явления. Сему точно соответствуют примечания и повседневное искусство по Сибири, что в местах, ближе к морю лежащих, чаще бывают северные сияния, а на самых берегах видно оное по всякую ночь беспрестанно. Напротив того, в знатных отдалениях от онога, как в Иркутске, редко оные примечаются.

§ 49

Соответствуют сему северные сияния, примеченные на Шпицбергене. Амос Корнилов, архангелогородский мореходец,¹⁷ который на оном острове был для промыслов пятнадцать раз, неоднократно там зимовал и в бытность его здесь в Санктпетербурге мною о тамошних свойствах обстоятельно спрашиван, с утверждением сказывал о помянутом электрическом явлении: 1) что там северные сияния бывают без дуги: видны одни только всполохи, 2) в западные ветры оные сполохи идут от запада над головою и по всему небу, 3) во время северных ветров показываются они на полудни, а в южные ветры являются в севере, 4) что во время восточного, восточно-южного и восточно-северного дыхания оно сияние не бывает. По оною же Корнилова сказкам, западное море от реченного острова по большей части безлѣдно бывает, восточное льдинами наполнено. Сие с другими известиями и с самою натурою сходно, ибо множество льдов из Сибирского океана мимо полуночного мысу Новья Земли пронесит к восточному шпицбергенскому берегу и к Медвежьему острову, около коего, как и на коргах, простирающихся между сими островами, становится на мель, взломывается в высокие бугры с великим треском и громом.

§ 50

Не вступая в дальнюю теорию и исследование коренных причин, изъяснить можно: 1) западные северные сияния — по вышеписанному основанию натурально быть должно, что верхняя там атмосфера лежит над открытым морем, теплоту отрыгающим, 2) что на восточном от Шпицбергена море сперлись наносные льды с Сибирского океана и запирают сообщение подземной теплоты с нижнею атмосферою, 3) понеже южное оттуду море, лежащее к Норвегии, всегда открыто, и ради того недивно, что электрическое сияние

производит, 4) а посему неспоримо следует, что северные сполохи показывают также отворенное море, хотя не во все время, затем что 5) когда полуденный ветер тянет, относит льды от северных берегов Шпицбергских далее к полюсу, открывает нагретую дном морским воду и в воздухе электрические движения производит; равно как тогда, как северными ветрами южный край одного острова очищает с произвождением подобного действия.

§ 51

По всему сему рассудить должно, что далее к северу открытому морю быть должно не токмо летом, но иногда и зимою. Сверх одного утверждается сие следующими: 1) на Новой Земле и на Шпицбергене из-под ледяных гор ущелинами текут ручьи и речки, следовательно, извнутри земли теплота действует; 2) за Никольским шаром в Карское море впадает река, называемая Великая, в коея устья удобно становятся тамошние промышленные суда. Посему на Новой Земле не такой холод, чтобы все было сжато морозами. На равных местах многие озера, обильные травою, подают прибежище и корм всяким птицам; 3) с северной стороны Шпицбергена перелетают гуси через высокие, льдом покрытые горы; из сего явствует, что далее к полюсу довольно есть пресной воды для плавания и травы для корму; 4) на Шпицбергене водится множество диких оленей; посему стужа зимою не так жестока, чтобы не могли пробыть животные.

§ 52

Но всего доказательнее, что российские люди там зимуют из доброй воли, и, как выше показано, голландцы в бедной хижине без шуб, без порядочного топления и безо всякого надобного телу движения, не приобывнув к такому свирепому климату, могли пробыть целую зиму после великого изнурения и при недостатке съестных припасов; то в сравнении

оных коль способно северные наши россияне в построенных нарочно домах, с надлежащею печью, с довольством дров и съестных припасов, имея притом движение в звериной ловле, прозимовать могут без всякого отягощения.

§ 53

Итак, о сносности стужи довольно; ныне следует о трудности от льдов рассудить,¹⁸ и для того сперва должно о них иметь обстоятельное и подробное понятие и об их происхождении. Порождения суть двоякого рода: ледяные горы на суше и льды, плавающие по морю. Горы, что на суше, также разделяются на два рода: одни, подобно Альпийским покрытые вечным льдом и снегом выше облаков, восходят по большей части от берегов в некотором отдалении; другие суть самые береги, состоящие в крутых утесах, со льдами соединенных. О происхождении первых рассудить можно, что они после самого начала гор от паров намерзли и снегом нанесены из древних лет и, простираясь в верхнюю холодную атмосферу, никогда не стаивают; вторых рождение обстоятельно примечено. Стекающие ручьи и речки из озер и от снегов, лежащих по горам высоким, кои летом несколько тают, сливаются в море ущелинами между крутыми утесами; а как осень и зима придет, речки от сильных морозов до дна промерзают. Вода нажимается сверх первого льду, не имея под ним течения и налившись на нем, в лед же обращается, и таким образом слой на слой садится и в одну зиму подымается на несколько сажен толщиною, а в десять и двадцать зим равняется лед с высокими каменными берегами, затем что летом несравненно в ущелинах меньше тает, нежели как зимою нарасти может.

§ 54

Ходячие по морю льды тройкий вид показывают: 1) мелкое сало, которое, подобно как снег, плавает в воде, иногда игловат, или хотя и связь имеет, однако гибок и судам

не вреден; 2) горы нерегулярной фигуры, которые глубиною в воде ходят от 30-ти до 50-ти сажень, выше воды стоят на десять и больше, беспрестанно трещат, как еловые дрова в печи, по чему узнать можно таких плавающих гор приближение в туман и ночью и взять предосторожность, ибо они во время волнения опасны, а особливо когда на мель становятся и оборачиваясь разламываются с великим шумом и треском; 3) стамухи или ледяные поля, кои нередко на несколько верст простираются, смешанные с мелким льдом. Таковые льды плавают в большом количестве и суда удобнее затирают. Здесь различить должно плавающие ледяные горы (№ 2) от тех, кои состоят из взломанных стамух взаимным сражением.

§ 55

Сало родится на самом море от великих морозов и примечается весною и осенью, а летом редко. Крепости разность бывает по разной солоности воды и по силе морозов: где вода преснее и мороз сильнее, тут и море так замерзает, что по нему ходить и на нартах ездить можно. В Поморье называется оное ночемержа, затем что в марте месяце ночными морозами в тихую погоду Белое море на несколько верст гибким льдом покрывается, так что по нему за тюленями ходят и лодки торосовые за собою волочат, и хотя он под людьми гнется, однако не скоро прорывается; около полудни от солнца пропадает и от ветру в чепуху разбивается.

§ 56

Происхождение падуна уже и по имени явствует, ибо когда летнею порою поверхность Новой Земли от снегу свободится и потекут ручьи и речки в море, тогда под намерзлые в ущелинах крутых берегов ледяные горы (§ 53)

пресная вода с земли в море путь находит и оные подмывает, также и волны морские подплескивают, от краев ущелин дожди и ручейки отполаскивают, а больше всего когда тягость толь великия громады, преодолев связь с каменною горою, обрушивается в море и производит ужасный гром и шум, как бы из целой артиллерии и многого мелкого ружья вдруг выпалить. Беспрестанная трескотня сих ледяных гор происходит оттого, что он, будучи много студенее морской воды, отогреваясь в ней, беспрестанно лопається и отрывает от себя мелкий щебенъ, пока весь со временем исчезнет.

§ 57

Пресная вода замерзает сверху книзу, и чем мороз сильнее и долее действует, тем лед становится толще.^a В Сибири малые реки нередко до дна промерзают, а в больших лед бывает толщиною до трех сажен. Представим же себе великие губы при устьях великих рек сибирских, наполненные пресною водою, которая до толь знатной толщины замерзает, что в лето растаять не может; полуденные ветры весною относят оные великие льдины в море, по которому они, плавая свое время, исчезают то от волн морских, то ломаясь о берега или друг о друга, то, будучи движением моря отнесены в моря, лежащие южнее, исчезают; а на их место каждая зима производит новый лед в оных заливах, и сии суть так называемые стамухи или поля ледяные. Что оные действительно из заливов при устьях рек великих, то явствует: 1) что состоят из воды пресной, 2) что обыкновенная трехсаженная толщина сходствует с толщиною льдов на реках сибирских, 3) что от падуна разнится не токмо плоскою фигурою, но и твердостью и прозрачностью, затем что падуна непрозрачен, пузыреват и трещиноват, как наслуду быть должно.

^a В подлиннике тальше.

§ 58

Рассмотрев различие и качества льдов, должно обозреть их движение по Сибирскому океану. Но сего видеть ясно невозможно без познания в нем течения вод и приливов и отливов, которым по большей части великие льды последуют; ветрам мелкие только и тонкие удобнее повинуются, а падун и стамухи больше нижняя часть воды движет, так что нередко противные движения мелкого и крупного льду примечаются на одном месте. Того ради неотменно должно по возможности вникнуть в изыскание оных Ледовитого океана движений, сколько показывают наблюдения и сколько позволяет по оным заключить теория; а как движения морей много зависят от положения берегов, потому неотменно должно здесь рассуждать и о положении оных около Ледовитого моря. Сибирские довольно для сего дела известны; американских должно достигать основательными догадками, когда практическое испытание оных поныне не было дозволено.

§ 59

Главное течение океана повсюду, где человеческое рачение достигло, примечено от востока на запад, следовательно, и в Сибирском океане тому же быть должно. И самое искусство подтверждает сие неспоримыми доводами: правда, что на самом оном Ледовитом море, в дальних расстояниях от берегов сибирских того приметить поныне возможности не было, но однако движение вод в соединенном с ним Нормандском и Атлантическом океане есть неложный свидетель, которое уверяет, что нельзя бы тамошним водам было простираться течением на запад, если бы на их место другие воды от востока, то есть из Ледовитого моря, не наступали; и сами льды согласным оттуда движением сему соответствуют, приливы и отливы указывают явно.

§ 60

Ибо 1) на северо-восточном мысу Новья Земли прибылые воды ходят от норд-оста к зюйд-весту, 2) в Вайгаче прибылая вода течет от запада к востоку, палая — от востока к западу, однако палая сильнее, нежели прибылая. Сие может показаться вышеписанной правде противно, однако самым делом оно согласуется, затем что к Вайгачу должно быть общего течения около Новой Земли водоворот. Прощед сей остров, вода океанская упирается в лапландский берег, простирающийся от Святого носу к Северному, и оныя часть, оборотясь налево, производит приливы к Белому морю, к Канину носу, к Печоре, к Вайгачу; другая идет мимо Северного носу в Норвегию, отчего недивно, 3) что из Вайгача отлив сильнее прилива, затем что сей, хотя скорее успеваеет втечь в Карское море, но назад должен выходить сильнее, затем что с сим отливом соединяется прилив, который действует медлительно, проходя через мели и сквозь стоячие льды, коими море между Сибирью и Новою Землею наполнено; 4) на лапландском берегу приливы больше, нежели в Норвегии и на западных берегах Новья Земли, затем что оный стоит в упор океанскому течению, а сии вдоль протянулись; 5) на восточном канинском берегу воды ниже, нежели на западном, ибо на сей воды доходят от лапландского берегу по первом отвороте, а на оный по вторичном, от Новой Земли; 6) прилив у западных берегов и в проливах шпицбергенских простирается к северу и течет скоро, отлив значитя только убылою водою, а течения назад не бывает, но только движется весьма тихо или несколько останавливается. Из чего следует, что мимо Шпицбергена, а особливо по западной стороне, течет океан в северную между Гренландиею и оным, а следовательно, за сим проливом есть великое море в странах подполярных. Сие согласуется с тем, что показано в § 48-м и 49-м о северной теплоте и о северном сиянии.

§ 61

Воды океанские текут от востока к западу (как выше объявлено), а вода, истекающая из Сибирского океана, течет 1) между Норвежским северным носом и Шпицбергенем по § 59-му, что показывают и приливы при Исландии, кои идут от востока, и наносный лед к Медвежьему острову и к Шпицбергену от Новой Земли. Сие течение простирается, наконец, Атлантическим океаном между Африкою и Америкою и обходит около Южной Америки Магеллановым, Делямеровым и другими проливами и южными морями в Тихий океан. Уверяют в том великие льдины падуна в Ишпанском море, около мыса Финистерского примеченные; 2) вода, между Гренландом и Шпицбергенем в север протекающая, также иметь должна ход оборотный, да куда ж? Не иная, как около полюса в Сибирский океан обратно, ибо довольно ей на оборот параллельных линий от полюса на 20° и на 10° градусов, подобно как на другой половине света, между мысами Горном и Добрыя Надежды, Новой Голландии и между неведомыми землями южного полукружия. Когда великих морей Индейского, Атлантического и Тихого многие воды не имеют вольного течения под жарким поясом для препятствования великих частей света и для того принуждены искать прохода в приближении к полярным странам, то самым ли северным водам искать должно какого дальнего для себя окружного прохода?

§ 62

Итак, по всему видно и на самом высочайшем степени вероятности поставлено, что, считая отсюда, за полюсом есть великое море, которым вода Северного океана обращается по силе общего закона около полюса от востока к западу; далее ей итти некуда, как в Баффинский залив, в который, однако, толь широкого прохода или еще и ника-

кого быть нечаятельно, к тому ж было бы то не по течению от востока к западу, но в противную сторону, что несогласно общим законам.

§ 63

Итак, когда около полюса кругом море, то остается еще вопрос, есть ли оно в самом полюсе, или занимает оный суша. Сего решение здесь хотя не нужно, однако внимания достойно. Мне кажется, хотя, может быть, и не в самой полярной точке, однако близ оной должно быть немалому острову или еще и многим: 1) для того что окружному течению океана натуральнее обходить около острова, как и на других морях бывают водовороты; 2) открытые Баренсом и Корнелисом Риппом (§ 26) берега, далече простирающиеся, суть южные, следовательно, показывают великий остров, который лежит к северу далее 80 градусов и 11 минут, склоняясь от Шпицбергена к востоку; 3) а как Шпицберген один состоит из трех главных островов и из мелких весьма многих и помянутый Корнелисов остров лежит в близости оных, то весьма вероятно, что самая полярная часть света наполнена многими островами и занята архипелагом, за которым лежат полуночные берега Северной Америки.

§ 64

Знание оных положения много надлежит к нашему изысканию. Того ради, лишаясь всякого о том практикою сведения, должны прибегнуть к одним рассуждениям, кои основание свое имеют на подобии действий постоянная природы и на примерах географических, на коих опираясь, посмотрим мыслями 1) на положение противного сибирскому матерого берега, заключающего в севере Америку, простирающегося от Гренландии до матерой земли, против Чукотского носу лежащей, и по тому 2) на обширность всего Сибирского океана, 3) на оного же берега натуральное состояние и качества.

§ 65

Рассматривая весь шар земной, не без удивления видим в море и в суше некоторое аналогическое, взаимно соответствующее положение, якобы нарочным смотрением и порядком учрежденное;^a и, во-первых, две великие суши земной поверхности, Старый и Новый свет составляющие, много фигурую сходятся: 1) обеих южные части, то есть Африка и Полуденная Америка, суть треугольники, 2) береги их не столь много изрезаны глубокими излучинами, как северные половины, 3) не окружены многими островами, как оные, 4) присоединены обе к северным частям узкими перешейками: один в Египте, другой в королевстве Мексиканском. Сверх сего Зеленый мыс соответствует мысу Бразильскому, Мексиканское море — Посредиземному, острова Кипр, Крит, Сицилия и другие — островам Кубе, Испаниоле и прочим, Мадагаскар — острову Огненному. Северные сих сушей половины соответствуют через Западный океан Балтийским морем — Гудсонскому, Ботническому заливам — Баффинскому, Англию — Новой Земле острову (Terre neuve), Гренландию — Швеции и Норвегии, Новою Землею — Шпицбергену. На другой стороне через Тихое море Индейские острова и полуостровы стоят против Калифорнии и против недовольно изведанных великих заливов и перерезов де Фуковых и де Фонтвых. Великие озера в Новой Франции изображают моря: Каспийское, Аральское, Байкал, Ладогу, Онегу и другие соленые и свежие воды, землями окруженные. Против Камчатки простирается мыс северо-западный Северной Америки, который не без основания некоторые новые географы полуостровом на картах изображают.

^a В подлиннике далее зачеркнуты записи, попавшие из черновых заметок: Посредиземное море, нагорная, луговая, низкая Бразилия, высокое Перу.

§ 66

По такой великой аналогии заключаю, что лежащий против сибирского берега на другой стороне северный американский берег Ледовитого моря протянулся вогнутою излучиною так, что северную полярную точку кругом обходит и в ширине имеет пространство около полутретьих тысяч верст.¹⁹ И понеже долгота онога, считая от Шпицбергена до Чукотского носу, на 3000 верст простирается через полюс, то имеет оно вид несколько овальный. Сие согласуется с положением сего моря, по вероятности представленным в § 62-м, ибо когда за Шпицбергенем есть пространное море, в которое проливом на 700 верст шириною происходит течение от полудни, то неотменно должно быть таковой излучине, какова следует из помянутой географической аналогии.

§ 67

Вообразив себе величину и фигуру Сибирского океана, представим мысленным зрением главные качества северного американского берега, лежащего насупротив сибирского, к чему за основание положим подобную вышеписанную аналогию. Когда течение знатных рек рассмотрим, везде почти найдем, что одна сторона у них нагорная, другая луговая, то есть одна состоит из берегов крутых и высоких, другая из низких песчаных и луговых мест, а следовательно, оные реки с одной стороны приглубы, с другой отмелы. Сие же натура по большей части наблюдает и в рассуждении берегов морских и других знатных вод. Так, например, южные береги Балтийского моря по большей части отмелы и наполнены коргами; северные, напротив того лежащие, суть каменные, крутые, приглубые. Сие ж видим и в Ладожском озере, кое с южной стороны от Шлиссельбурга до Сяси при низких берегах весьма отмело, а северная корельская сторона глубока и заключается каменными горами. Не иначе

состоит и Белое море, которого Летний берег к югу и Зимний к зюд-осту песчан и не так приглуб, как Терский, против его в севере и в северо-западе лежащий. Из сего натурального закона, который хотя не без всякого изъятия, однако же весьма общ, по великой вероятности заключить можно, что против весьма отмелого сибирского берега, низкими тундристыми мысами простирающагося, лежит крутой и приглубый берег Северной Америки.

§ 68

Другая подобная аналогия показывает нам следующее. Крутые морские береги редко вливают в море великие реки, но оные обыкновенно протекают в моря с краев отлогих: так, из Африки низменный Египет дает путь Нилу в Средиземное море; на южной стороне сея части, к крутому мысу Добрыя Надежды лежащей, таких рек не произвела натура. Южная Америка по великим равным и низким плоскостям Бразильским и Парагуйским вливает в Атлантический океан Великий Мараньон и Делаплату; но высокие и крутоберегие Перу и Хили малые весьма воды сообщают Тихому морю. Из Азии хотя великие быстрины в полдень стремятся между высокими местами, Евфрат, Гангес, Инд, но они только нашим северным посредственным рекам, Ковыме, Индигерке, Яне, Печоре, довольно величиною соответствуют, а с Леною, Енисеем и Обью отнюдь в сравнение не могут быть поставлены. Европа на восток изливает Дунай и Волгу по местам пологим. На запад протекающие реки в гористых местах весьма пред оными малы. Итак, рассудив: 1) что из Северной Америки протекают на полдень и на восток реки Мизисипи и Святого Лаврентия, 2) что северный берег Америки, лежащий насупротив сибирского, крут и приглуб (§ 67), то следует, что с него в Сибирский океан не протекают толь великие реки, каковы суть Мизисипи и Святого Лаврентия, и потому в сравнении с сибирскими должны быть весьма малы.

§ 69

Сию вероятность подтверждают еще следующие обстоятельства и рассуждения: 1) Баффинский залив, считая от устьев рек Лены и Тамуры, лежит прямо в севере за полюсом, от которого должен отстоять около 10 градусов, как по вышепоказанному следует (§ 12), что Сибирский океан немало за полюс простираться должен; потому перешеек, соединяющий Гренландию с прочею Северною Америкою, широк быть не может и едва ли пятьсот верст превышает, а течение великих рек требует великого земель пространства, откуда бы водам довольно собраться можно было. Следовательно, на противной стороне Оби, Енисея и Лены невозможно быть рекам, хотя малое с ними сравнение имеющим. Присовокупим же еще к тому, что оный перешеек лежит между полюсом и 80-м градусом от экватора, то весьма натурально, что там не может быть знатное рек течение ради редкости дождей и снегу, как то на Шпицбергене примечено.

§ 70

Прочий северный американский берег, к Ледовитому морю прилежащий, не инаков шириною быть должен, если де-Фонтово мореплавание (§ 20) и Бернардово озеро наглым образом вовсе не опровергнем, ибо оное озеро простирается около 70-го градуса ширины северной и мало оставляет места течению рекам в Сибирский океан, изливаясь само около той же ширины в море. Сие великое устье, кроме Бернардова описания, подтверждается тремя весьма важными доводами: 1) чукотские жители объявляли Берингу и другим, как в сибирских известиях явствует, что в лежащей земле напротив оною носу есть великие реки, многие жители, леса и звери; 2) что на Камчатские северные берега приносит много плавнику елового и соснового, какого лесу на ней не

растет; но как лес выносит на море быстриною великих рек, а с берегов морских толкого множества волны смывать не могут, то согласно есть сие с известиями, полученными от чукчей; 3) к камчатским берегам даже и до Курильских островов наносит восточными и северо-восточными ветрами великие льды зимою, на коих камчатские промышленники ловят великое бобров множество. А как льды, на которых тюлени и бобры водятся, суть стамухи или поля ледяные, которые замерзают из пресной воды в устьях и в губах рек великих, следовательно, в северо-западном углу Америки изливается великое множество пресной воды и без сомнения из великой реки, какова должна быть описанная Бернадом.

§ 71

По таковым обстоятельствам и по толь многим вероятным и согласно показующим догадкам едва остается сомнение, что берег Северного океана, насупротив сибирскому лежащий, должен быть крут, приглуб и много меньше пресной воды изливать, нежели сибирский. А потому на оной глубине океанская вода много солонее, нежели при отмельх краях сибирских, куда величайшие на свете реки собранную с половины Азии воду пресную приводят, с рассолом мешают и оного крепость весьма ослабляют. Морозы солоного рассолу не могут в лед претворить удобно, как одолевают пресную. Сие показывает опыт, что океанская вода, взятая от северного Норвежского мысу, здесь не замерзла, но только сгустилась в стужу 180 градусов,⁵⁰ будучи в малом сосуде и со всех сторон окружена студеным воздухом. Итак, может ли такой рассол в целом море, подверженный морозу только сверху, всегда находящийся в движении, замерзнуть крепко? То совершенно явствует, что сибирский берег несравненно больше льдов плоских, то есть стамух, производит, нежели американский.

§ 72

Выше сего показано, что падун родится на крутых берегах, в каменных ущелинах; то весьма вероятно, что северный американский берег, крутой и приглубый, производит больше падуну, нежели пологий сибирский. Но как ущелины по берегам несравненно малы против устьев великих рек и заливов и что падун в ущелинах чрез несколько лет нарастает, а стамухи в губах и в реках рождаются по всякую зиму, то несумненно плоского льду в море много больше плавать должно, нежели падуну гористого, и следовательно, американский северный берег по природе должен быть ото льду много чище, ежели наносный не одолевает. Всему сему согласуется малость льдов, глубина и ясность вод при северных берегах Баффинского залива, нежели при южных. Смотри § 11.

§ 73

Определив по вероятности положение берегов Студеного Подполярного океана, их свойства, течение вод, приступим ныне к изысканию, как льды больше движутся, где во множестве собираются, где рассыпаются и исчезают. Но прежде должно исчислить примерным образом его общее количество, причем положить должно, что ночемержи и зимою из морской солоной воды происшедших льдов в счет класть не должно, затем что они весною и в начале лета вовсе пропадают и летнему кораблеплаванию не препятствуют. Итак, остается падун и плоский лед в рассуждение, кое утверждено быть должно на искусстве и выведено примерною выкладкою.

§ 74

Сего рассуждения и изыскания пусть будут примером и основанием Белое и Нормандское море, из коих первое, будучи около 64 и 65 градуса, зимою великий лед произво-

дит, так что около половины оным покрывается; напротив того, Нормандское около 70-ти градусов во всю зиму чисто, так что около Кильдина никогда льдов не видають. Причина тому видна ясно, ибо мелкое перед океаном Белое море принимает в себя пресную воду из Двины, Онеги, Мезени и других меньших вод, ради слабости рассола меньшим морозам повинуюсь, в лед обращается. Напротив того, глубокий океан Норвежский, не имея в себя впадающих знатных рек, не теряет своей солоности и морозам не уступает, сохраняя свою жидкость. Весною выносит на океан только тот лед, который намерзает в губах при устьях реки Двины, Онеги и Мезени и в губе Кандалаксе от втечения рек Кандалакши и Ковды, и оный выносной лед проносит к Канину, а к Калгуеву острову редко. На нормандский берег не достигаает, и тамшние рыболовы начинают свои промыслы с Николина дни, а у Кильдина острова ловят и зимою. С сего приступим к счету примерному количества льдов в Сибирском океане.

§ 75

Сии льды, от пресной воды в губах намерзлые, отрываються немало ветрами зимнею порою и плавають по Белому морю, куда их ветры и воды гонят; считая с ночемержами, занимают около половины морской поверхности, а от пресной воды рожденного нельзя положить больше четверти. А как Белого моря плоскость содержит в себе около 60 000 верст квадратных, то производит оное льду твердого около 15 000 верст квадратных, который может быть вынесен на океан в целости. Возьмем же квадратную меру плоскости земной, с которой собирается пресная вода в помянутое море. Оное ограничено пределами, кои включают в себе с вершинами и посторонними реками Двину, Мезень, Онегу, Выг, Кемь, Ковду, Кандалакшу, Варзугу и другие меньшие реки. Сие пространство содержит в себе около

200 000 верст квадратных, следовательно, к квадратной мере льдов, на Белом море происшедших, будет как 40 к 3. По сей пропорции посмотрим на площадь, с которой стекает пресная вода в океан сибирскими реками, то найдем оную квадратных верст 2 600 000, следовательно, льду родиться должно из оных пресных вод 200 000 верст квадратных. Сибирские морозы бывают против здешнего больше вдвое, то есть здешние, считая от 150 до 212°, равны 62-м градусам, а тамошние — от 150 до 281°, то есть равны 131-му градусу. (Сие на земли матерой, а сильнее над открытым морем, подземную теплоту отдыхающим, положить нельзя). Посему надобно считать, что и количество произведенного ими льду вдвое, то есть 400 000 верст квадратных. Ледовитого океана примерная величина показана § [66] и потому выходит 6 000 000 верст квадратных, которую разделив на 400 000, найдем, что оный лед не может больше покрыть помянутого моря, как на $\frac{1}{15}$ долю.

§ 76

По примерному измерению, предложенному выше сего, северный американский берег на равной длине шириною не может быть больше как на пятую долю против сибирского, следовательно, и льду не произведет больше 80 000 квадратных, то есть $\frac{1}{75}$ доли против морской поверхности. Итак, обоих берегов льды взяв вместе, будут ко всему Северному океану, сибирскими и американскими берегами включенному, как 1 к $12\frac{1}{2}$ после самой жестокой зимы; а вычитши по вероятной примерной величине чаятельное количество сухой земли, состоящей в островах под полюсом и против Лены, еще останется чистого моря против льдов около десяти раз больше, — довольно пространство к корабельному ходу севером в Японию и в Ост-Индию.

§ 77

Уже ныне можем рассуждать о льдах, когда стоят они у мест природных, куда обращаются, где им быть должно собрание и стеснение и как скоро исчезают. К движению своему имеют две причины: первую, течение моря; вторую, ветры, где примечать должно, 1) что хотя течение моря сильнее действует, нежели веяние ветров, особливо на ста-мухи или ледяные горы, глубоко в воде погруженные, однако стремительные и долговременные ветры иногда не меньше и чуть ли не больше льды гонят, нежели воды, и тем только уступают, что течение океана от востока на запад происходит беспрестанно, ветры дуют временно. Но понеже периодического их обращения назначить не можем, то принуждены довольствоваться следующим: 1) ветры в поморских двинских местах тянут с весны до половины мая по большей части от полудни и выгоняют льды на океан из Белого моря; после того господствуют там ветры больше от севера, что мне искусством пять раз изведать случилось.²¹ Ибо от города Архангельского до становища Кекурского, всего пути едва на семьсот верст, скорее около одного времени не поспевал как в четыре недели, а один раз и шесть недель на оную езду положено за противными ветрами от норд-оста. Около Иванова дни и Петрова дни по большей части случаются ветры от полудни и им побочные и простираются до половины июля, а иногда и до Ильина дни; а после того две, три, а иногда и четыре недели дуют полуночные ветры от восточной стороны, на конец лета западные и северо-западные. Сие приметил я и по всему берегу Нормандского моря, от Святого носу до Кильдина острова. 2) По сибирским берегам как течение ветров бывает, не имею никаких записок, но сколько по состоянию погод в северных сибирских городах примечено, в Якутске и Мангазее, явствует, что подобным образом за месяц перед должайшим днем и несколько позже одного дуют ветры больше к полярным сто-

ронам, а после до августа господствуют дыхания, оным противные. Сие все с самым течением природы согласно, ибо ближайши к полудни земли ранее чувствуют теплоту солнечную. Воздух от того и пары расширяются и требуют больше места и так уклоняются в те места, где больше сжимаются от холоду, сиречь к полуночи. Но как в должайши дни солнце, не заходя больше за горизонт в местах подполярных, стисненный^a великим холодом воздух разогреет, расширит и новыми парами растворит в великое пространство, тогда распускается он и течет на полдень,нося с собою холод, дожди и туманы. Сие должно разуметь не токмо о сибирском, но и о американском северном берегу.

§ 78

А потому рассуждать должно: 1) что в конце весны относит ветрами льды от берегов к северу, чему способствует течение на сибирском берегу вод из великих рек, которое широкие устья и великие губы очищает; 2) противный берег столько для отнесу льдов силы не имеет, лишаясь стремления рек великих; к тому же ледяные горы, повинувась больше воде, столько ветров весенних силы не чувствуют и потому последуя течению моря, плывут к западу, то есть по заполярному положению от Гренландии к землям, лежащим против Чукотского носу. Как, напротив того, по здешней стороне быть должно и есть действительно течение моря от Чукотского носа к Новой Земле и далее, что подтверждают оттуду приходящие приливы и наносные льды около полуночного Новоземельского мысу и из Вайгача к берегам пещерским, что лежат к востоку.

§ 79

Сим рассуждениям соответствует самое льдов хождение около Новой Земли: 1) по весне и в начале лета, когда на море зимою рожденный лед рушится, очищается мыс от

^a В подлиннике в стисненном.

льдов по переменам, как видно из Баренсова известия (§ 29). Потом случается почти на всякое лето, что в июле месяце тянет ветер северо-восточный и выводит с водами великое множество льдов из Сибирского океана, что, однако, не далее трех или четырех дней продолжается; в прочее время море чисто, хотя иногда тот же ветер до трех недель господствует. 2) Из сего заключить должно, что за северным мысом Новой Земли толь далече берег, сколько верст может в четверы сутки лед перегнан быть ветром и водою, думаю, от трех до четырехсот верст; или льду нет больше на всем пространстве моря. Сие вероятнее, нежели первое, ибо великий прилив упор в нормандский берег и сильное течение океана тому прекословит; последнее соответствует вышешисанному исчислению (§ 75). Помянутый лед родится, конечно, между Новою Землею и устьями рек Оби и Енисея, в великих губах и в Карском море, ибо сие место, кроме Обской и Тазовской губы, должно быть наполнено по большей части пресною водою. Новая Земля простерлась против устьев великих рек Оби и Енисея, одним концом подходя к Пясигскому большому мысу, другим при Вайгаче простираясь к печерским берегам весьма близко, включает в себе почти запертое море, которое, будучи мелко, должно иметь мало рассолу и для того зимою почти все замерзает; а оный лед, прежде южными ветрами и течением рек по весне на океан вынесенный, после восточно-северными ветрами мимо Новой Земли на запад выносит.

§ 80

Выше сего показано (§ 49), что около Шпицбергена море с западной стороны по большей части чисто, от востока почти всегда занято льдами. Оные льды приходят от востока, из Сибирского океана восточными водами и ветрами прогнанные; а как далече на восток такой торос отстоит летом, искусством не изведано и только заключить можно

по количеству льдов, кои мимо Новой Земли проносит. А как известно, то оногo немалая часть приходит к Медвежьему острову и на корги, что от него к Шпицбергену простираются, в которых местах бывает ему разрушение больше, нежели когда в береги ударяет, ибо падун, касаясь нижнею частью дна морского, а верхнею будучи от воды к движению понуждаем, вкруг обращается и ломается с великим ревом, где также находя плоские стамухи в стоящие на мели падуны упираются, трескаются и взламываются кверху с ужасным громом, который верст на тридцать слышен. В сих местах знатнейшая часть оногo льду разрушается и от летних солнечных дней изнывает. По сему рассудить можно, что на восточной стороне шпицбергенской не может лед от берегов далее трех- или четырехсот верст простирается; следовательно, в половине и в конце июля месяца должно Северному океану между Новою Землею и Шпицбергеном быть чисту и безлѣдну, и оному чистому океану простирается далече на восток безо льду по малой мере на тысячу верст, считая по времени и скорости, как несет лед и сколько оный перейти может в три недели и больше. Сие чистое место должно быть на ширине около 80 градусов,²² от сибирских берегов около 600 верст.

§ 81

Из трудных путешествий господ морских офицеров Прончищева, Лаптева и Челюсткина, также и по сказкам сибирских промышленников известно, что от Пясигского мыса даже до устья реки Ковыми беспрестанно обращаются летом великие льды, кои зимою стоят сплошь соединены замерзлым морем, со многою пресною водою из рек сибирских смешанным. Льды хотя, по вероятности, могут быть по большей части сибирских берегов произведения, однако 1) не на тех местах рожденные, но перешедшие от устьев восточных рек к западным; 2) статья может, что приносит их из тех

же мест, откуда приходят зимою к берегам камчатским, то есть от устьев рек, кои хотя не изведаны, однако слухом достигли, что втекают из северо-западного мыса Северной Америки, лежащего против чукчей, где оный лед Чукотским носом может быть разделен на два парома, направо и налево. Но как Беринг уже в конце лета видел Чукотское море от льдов свободно, то думать можно, что оные льды носит и около устьев реки Ковымы больше зимнею порою. Статься может, что и оборотные воды и ветры, около полюса подле берегов, сибирским противных, простираясь от Гренландии мимо Баффинского перешейка к Чукотскому морю, наносят в него несколько и тамошних льдов, которые по большей части из падуна состоять должны.

§ 82

Остановка льдам нигде не может быть, как в малых морях, кои из сего океана вошли в около лежащие сибирские и северные американские земли, либо около островов или мысов, какова Новая Земля или мыс Пясигский. А на пространном океане тому быть нельзя, ибо хотя бы все льды Сибирского моря ходили по его пучине, то бы всегда проходов было против льдов как 12 к 1 (смотри § 76). Льды стесняются, где найдут упор, а такого великого чаять нельзя на таком море, которое движением от востока к западу течет чувствительно, производит приливы и отливы, равные бывающим на Атлантическом и Тихом море, посылает от северо-восточной стороны долговременные сильные ветры к нормандскому берегу и крупные волны, которые после того продолжают по целой неделе, невзирая на сильные поперечные и противные ветры.

§ 83

Изо всего вышеписанного по натуральным законам и по согласным с ними известиям не обвиняясь заключаю: 1) что в отдалении от берегов сибирских на пять- и на семьсот верст

Сибирский океан в летние месяцы от таких льдов свободен, кои бы препятствовали корабельному ходу и грозили бы опасностью быть мореплавателям затертым; 2) что самый лучший проход упователен мимо восточно-северного конца Новой Земли к Чукотскому носу, сперва пустясь в норд-ост, потом склоняясь к осту и зюду-осту, как следует держась дуги величайшего на сфере земной круга; 3) что возможен проход между Гренландиею и Шпицбергенем, в некотором отдалении от берегов Северной Америки для меньшего множества льдов, как выше означено, который путь хотя и отдаленнее, однако тем кажется быть способнее, ежели, как чаятельно, тамошний океан, обращаясь около полюса, способен будет течением в пути к Чукотскому носу; 4) когда бог благоволит споспешествовать открытию сего неведомого и почти нечаемого доньше мореплавания, то, уповательно, обратный ход будет способнее около Новой Земли, в надлежащем отдалении от берегов сибирских по воде и по ветрам, как, напротив того, по-за Шпицбергенем и по-за полюсом мореплавание к Чукотскому носу и далее в Индию и Америку.²³

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ПРИУГОТОВЛЕНИИ К МОРЕПЛАВАНИЮ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

§ 84

Приуговорясь к сему важному предприятию, должно рассуждать четыре главные вещи особливо: 1) суда, 2) людей, 3) запас, 4) инструменты.

§ 85

В судах требуется, чтобы они были невелики, легки, крепки, поворотливы, притом не совсем новы, для того чтобы оных в ходу удобность и свойства несколько искус-

ством изведаны были, что в одно лето освидетельствовано быть может; и для того можно к сему выбрать и купить из готовых купецких и промышленных судов у Архангельского порта.²⁴ Такие суда кажутся потому быть довольны, что артиллерийский снаряд в сем предприятии не нужен, кроме сигнальных небольших пушек.

§ 86

Главных судов число больше трех не нужно: одно больше двух прочих для главной команды, да два легче и меньше для рассылки с главного пути в стороны для наблюдения земель, льдов и других обстоятельств. Суда обшить должно досками против льдов, как обороняются в Индии от червей.

§ 87

Кроме ботов и шлюпок, на каждом судне должно быть по два или по три торосовых карбасков, какие на Белом море при ловле тюленей промышленники употребляют и на них далече от берегов по льду и по воде ходят, затем что для легкости волочить их весьма удобно. Для запаса и для укромности можно заготовленные к тому доски положить в интрюме и в случае нужды, ежели другие потеряются, новые вскоре сшить и употреблять способно будет.

§ 88

Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота искусному,²⁵ бывалому, особливо в Северном море, у которого есть осторожная смелость и благородное честолюбие. Ему подчинить по пропорции всей команды офицеров и унтер-офицеров, а особливо штурманов, также и гардемаринов, из которых было бы на всяком судне по два или по три человека, знающих брать астрономические наблюдения для длины и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии Наук.²⁶

§ 89

Сверх надлежащего числа матрозов и солдат, взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков²⁷ из города Архангельского, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят, употребляя помянутые торосовые карбаски или лодки по воде греблю, а по льду тягою, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду. Притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей. Наконец, взять два или три человека знающих языки тех народов, которые живут по восточно-северным берегам сибирским, а особливо умеющих язык чукотский. Присем всем смотреть сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имели назад оглядываться и попечение иметь об оставшихся домашних.

§ 90

Хотя всего путешествия успехов ожидать должно от людей бывалых, знающих мореплавание, мужественных, терпеливых и в своем предприятии непоколебимых, однако и бессловесные животные в том помочь дать могут, что примерами доказать можно. Между прочими следующий примечания достоин. Некто морской разбойник, родом норвежанин, именем Флокко, желая сыскать Исландию,^{*} пустился от Аркадских островов в море. При отъезде взял три ворона, и когда он в знатном расстоянии отшел от берегу, то пустил одного на волю, который тотчас полетел к Аркадским островам обратно и тем показал, что они еще от оных не так далеке, как казалось. Продолжив несколько времени свое плавание, пустил на волю другого, который, полетав кругом

* В подлиннике Норвегию.

немало времени, к судну возвратился, затем что кроме одного не нашел к успокоению места; по несколько времени выпуском третьего ворона был счастливее, затем что он увидел Исландию, полетел прямо к одной и дал повод себе последовать и открыть землю, для которой Флокко в море пустился.

§ 91

По сему примеру не почитаю излишним делом, чтобы взять на всякое главное судно по несколько птиц хищных, которые к плаванью на воде неспособны, а к подобному опыту служить могут и близость льдов показывать.

§ 92

Что до запаса надлежит, о том пространно не представляю, затем что морские люди довольно ведают, что им на такой путь надобно; три только вещи упоминаю: 1) чтобы иметь с собою сети, уды, ярусы, рогатины для ловления рыб и зверей, которые сами в пищу, а жир в нужном случае место свеч и дров служить могут; 2) чтобы запастись противоцинготными лекарствами: сосною водкою, сосновыми шишками, шагрюю, морошкою и прочими сверх того из аптеки; 3) чтобы запасу было по малой мере на три года и чем больше, тем лучше.

§ 93

Инструменты требуются: 1) для наблюдений астрономических, к познанию долготы и широты служащих, 2) для исследования долготы и широты в море без помощи астрономических наблюдений, 3) для других действий, в плаваньи по неизвестным морям нужных.

§ 94

Для определения долготы и широты на море в ясную и в мрачную погоду показаны способы в изданном мною Рассуждении о точнейшем пути на море;²⁸ однако еще лучше имею, после того изобретенные,²⁹ особливо для северного мореплавания, которые могу объявить, когда оное действительно предпрять за благо рассуждено будет.

§ 95

Для показания времени всего способнее и вернее иметь на каждом судне по нескольку часов карманных с секундами, чрез довольное время в исправности испытанных, которые содержать должно в равном градусе теплоты, сколько можно; удобнее всех место им в интрюме, о середине корабля, где от морской воды градус теплоты постояннее и движение корабля всех меньше. Для удобного содержания и вынимания к наблюдениям должно сделать особый, пристойный к тому ящик.

§ 96

Для общего показания пути должно дать на каждое судно по карте, вновь сочиненной по самым лучшим известиям, которая должна иметь в центре полюс.³⁰

§ 97

Вода морская тем солонее, чем далее от берегов, чем ближе, тем свежее, а особливо где втекают в море немалые реки. Для исследования разной солоности воды морской надлежит иметь ареометр, каковые употребляются при солосварнях для проб рассольных.³¹

§ 98

Плавающим по Ледовитому морю приключается, что запирают их окружившие льды: как сперва малая льдина ход затворит и пока оную отводить стараются, между тем другие больше и больше поспевают и выход совсем пресекают. Для скорейшего и сильнейшего разбивания льда, уповаю я, что весьма служить будет порох таким образом, как рассекаются в рудокопных ямах каменные горы. Того ради должно на всяком судне иметь буравы, подобные горным, чем бы лед просверливать. Сия работа весьма будет происходить скоро, ежели буравы употребятся к тому горячие или и раскаленные (для всегдашней готовности должны они всегда лежать на очаге острыми концами к огню), а в проверченные на льду дыры всунуты будут готовые к тому патроны с фитилями, охраненные от мокроты смолою.

§ 99

Выше сего первый возможный ход представлен около северо-восточного мысу Новья Земли; для того должно употребить следующую предосторожность ради безопасности и прибежища северных мореплавателей. Около одного мысу, близ восточного повороту, в удобной пристани, где пресною водою нескучно, построить должно зимовье из несколько изб с надлежащими хлебными печами, окончинами и ставнями, с сеньми и с двором и оные обшить досками; при том амбар для содержания провианта и других потребностей, также и баню, коя для наших людей весьма здорова, которое отвезти туда сзаранья на передовых судах. Также удовольствоваться всяким провиантом на два года, кроме того, который пошлется на судах в предприемлемую дорогу. Таковое предуготовление несравненно лучше будет, нежели бедное зимованье голландцев (смотри § 28). И как они могли вытерпеть всякие неудобности и недостатки, то наши северные люди в лучших несравненно обстоятельствах легко зимовать могут.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О САМОМ ПРЕДПРИЯТИИ СЕВЕРНОГО МОРЕПЛАВАНИЯ И О УТВЕРЖДЕНИИ И УМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО МОГУЩЕСТВА НА ВОСТОКЕ

§ 100

Важного сего мореплавания предприятие учинено быть может двояким образом: для изыскания всего пути вдруг или по частям в разные походы. Первое славнее, второе безопаснее, однако и в первом может вдруг споспешествовать счастье и во втором для разных обстоятельств разделенного времени подвергнуть противностям. Итак, уповаю, что лучше в первый поход простирается в пути к концу по самой возможности, со всею осторожностью.

§ 101

Для сего дать главному командиру обстоятельную инструкцию,³² которая чтобы была сочинена основательно, надлежит для того прежде учредить комиссию из членов, знающих мореплавание по теории и практике, а особливо из тех, которые в описании северных берегов сами употреблены были.

§ 102

В оной инструкции, по моему мнению, предписать должно: 1) способы к открытию пути, 2) предосторожности, 3) посторонние пользы, 4) ободрение и содержание людей в повиновении.

§ 103

Способы, в искании полезные, нахожу следующие: 1) приливы и отливы или течение моря показывают в тех румбах ход, по которым оно движется; 2) когда воды, то есть при-

ливы и отливы течение вод переменяют, показывают в той стороне берег, от которой отвращаются; 3) чем воды несходнее с течением луны, тем земля и острова ближе; напротив того, чем больше с нею сходятся, тем больше пространство моря показывается; 4) разная солоность воды показывает прибавляясь отдаление от берегов и льдов, убывая — к ним приближение; внезапно чувствительная воды пресность значит в близости великой реки устья; 5) приращение стужи — близкие льды, приращение теплоты — близкие береги, постоянная вода пространство моря покажет. Но все сие должно рассуждать осторожно по ветру, с которой стороны веет; на восточный и западный в сем случае больше положиться можно. Откуда валы идут велики и пологи, там великое и глубокое и от льдов чистое море; здесь должно рассудить и о старых великих валах, кои новым противным или поперечным долго не уступают. Когда ж с которой стороны сильный ветер сутки тянет, а не подымет большого вала, в той должно быть близкому берегу или льду стоячему; б) чем море глубже, тем берег далее, выключая банки и корги песчаные; 7) разные животные и птицы могут служить вестниками или в пути показателями; например, когда покажется рыба или птица, при камчатских берегах или около Чукотского носу обыкновенная, а в Северном океане редкая или неизвестная, знаком служить будет близости к Чукотскому носу; для сего полезно будет профессора Крашенинникова Описание Камчатки.³³

§ 104

Для союзного вышепомянутых судов собрания должно назначить места, к чему служить может: 1) западный мыс Новья Земли, где на карте показан Черный остров;³⁴ 2) восточный конец Новья Земли, названный мыс Надежды, на котором в пристойном месте завести магазин со всякими припасами, с которыми за вышеписанными судами отправить одно или два судна ластовых.

§ 105

В продолжение плавания вдаль главному судну итти среднюю дороною по предписанным румбам или как натура и обстоятельства покажут; прочие два судна должны ходить по сторонам для осмотра льдов и берегов, только ж больше четырех миль от него не отлучаться.

§ 106

Когда прямо перед собою или в сторонах льды или землю усмотрят, то, учинив совет, ходить подле оных, разделяясь на уреченное время, для усмотрения проходу, причем на льды высылать торосовщиков в мелких судах для осмотра ширины льдов и не приткнулись ли они где к берегу.

§ 107

Когда найдется остров, матерая земля или хотя стоячий лед, то, вышед с астрономическими инструментами, чинить на твердом месте астрономические наблюдения для изыскания точной широты и долготы места, дабы поправить весь путь своего бывшего плавания.

§ 108

Предосторожности следующие за нужные почитаю: 1) когда легкие суда на обеих сторонах ходячий лед приметят, то небезопасно будет, чтобы оные не сошлись вместе и всех судов в себе не заключали; для того должно уступить назад или по крайней мере на время остаться главному судну; прочие легкие могут осмотреть их концы, одно задние, а другое передние, которые ежели недалеко простерлись или отстоят один от другого тем далее, чем восточнее, то в плавании простираться далее и тем смелее, когда с одной стороны земля близко, а особливо среди лета.

§ 109

На берегах и на стоячих льдах ставить маяки с подписью времени, долготы и широты и куда от них кто пошел и которым румбом.

§ 110

На местах, где море неглубоко, в нужных случаях ставить на якорях буи с вехами и с такими ж надписями, написанными смолою или на доске вырезанными.

§ 111

На неизвестные береги, на которых жителей чаять можно, выходить немалоллюдно, всем вооруженным, с крайнею осторожностью, ибо весьма жалостные примеры не токмо в чужих путешествиях в незнаемые земли, но и в собственных имеем.

§ 112

Ежели которому судну приключится крайнее несчастье от штурма или от другой какой причины (от чего, боже сохрани), тогда, видя неизбежную гибель, бросать в море журналы, закупорив в бочках, дабы хотя, может быть, некогда по случаю оные сыскать кому приключилось. Бочки на иметь готовые с железными обручами, законопаченные и засмоленные.

§ 113

Посторонние пользы суть следующие: 1) ежели бог велит благополучно пройти нос Чукотский и войти в Камчатское море, тогда отпускать в левую руку на восток до 100 и 200 верст легкие суда для осмотру берегов или островов.

северо-западной Америки; 2) везде примечать разных промыслов рыбных и звериных и мест, где б ставить можно магазины и зимовья для пользы будущего мореплавания; 3) чинить физические опыты, мною впредь показаны быть имеющие, которые не токмо для истолкования природы ученому свету надобны и нам чрез искание их славны будут, но и в самом сем мореплавании служить впредь могут. Плиний пишет:³⁵ Бесчисленное множество по всем открытым морям и к страннолюбивым берегам плавает, но токмо для прибытков, не ради науки, и мысль ослепленная и только лакомству внимающая не рассуждает, что само мореплавание чрез оную безопаснее быть может.

§ 114

Для ободрения и содержания людей в повиновении следующее в инструкции изобразить за нужное признаваю: 1) главному командиру дать над подчиненными, а особливо над нижними чинами власть живота и смерти по Морскому уставу, без всякого изъятия и умедления, учиня кригсрехт, и во всем наблюдать Морской устав точно; 2) в опасные места посылать преступников, которые заслужили наказание, вместо смерти; 3) напротив того, когда сие путешествие благополучно и по желанию окончится, обещать всем обер-и унтер-офицерам произвождение через два ранга, главному командиру флагманство и, по рассмотрению его ревности, кавалерию³⁶ или деревни; 4) матрозам и другим всем нижним чинам тройное жалованье как в сем пути, так и по желаемом совершении оногo, до смерти; 5) кто покажет чрезвычайную услугу, того наградить сверх того особливо; 6) кто в сем путешествии от тяжких трудов, от несчастья или от болезни, в морском пути бывающей, умрет, того жене и детям давать умершего прежнее рядовое жалованье, ей до замужья или до смерти, а им до возраста; 7) понеже в таковых предприятиях берет и счастье свою долю, того ради и для оногo

что-нибудь определить должно, и хотя оно не всем случиться может, однако все его чаят. Итак, по примеру искателей Америки обещать тому особое награждение, деревни или какие другие доходы, кто первый увидит Чукотский нос или берег близ проходу в Камчатское море.

§ 115

Когда по щедрому божескому промыслу и по счастью всемиловитейшия самодержицы наша желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана.

§ 116

Кроме Камчатки, по восточному берегу Охотского залива можно будет изыскать удобные места к заведению нового поселения, где, кроме многих небольших рек, может способствовать река Уда, которая, будучи не меньше реки Рейна (как то по карте явствует) и имея устья около 58 градуса ширины, удовольствует переведенцев хлебом, скотом и рыбою, корабельным строением, лесом, пенькою и смолою и, чаятельно, железом, ибо оного руд редкие места не имеют.

§ 117

Для населения тамошних мест (которые по обстоятельствам кажутся быть плодоносны и здоровы) и для строения города на устьях реки Уды бесспорно пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегии и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами. Кроме сих, по примеру Франции, ежегодно отправлять туда людей обоего пола, которые здесь в России напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны.

Новое место и новые обстоятельства обычай их переменят, и нужда хлеба искать научит беспорочными трудами. Пример тому — большая часть сибирских жителей.

§ 118

Но о всем сем добрые успехи предложенного предприятия пространнее рассуждать и пристойным образом располагать научат. Ныне краткое мое и по возможности сил сочиненное мнение и больше усердием к отечеству, нежели знанием наполненное, ожидает снисходительного принятия.

§ 119

При сем еще присовокупить должно, что когда поход рассуждено будет предпринять рано в вешних месяцах, то должно оным судам зимовать в Килдине или в Катерингаване,³⁷ затем что там выход много ранее свободен бывает, нежели от города Архангельского, и путь ближе и прямее, который должно держать к востоку.

§ 120

На льды высылать торосовщиков в мелких судах с малыми компасами искать полых мест, где пройти можно. В туман пускать ракеты со шлагами и с черным дымом как для отпущенных торосовщиков, так и для легких отдаленных судов. Выход на берег оказывать зажжением огня.

§ 121

Примеченные земли описывать сколько возможно в краткое время, а особливо срисовывать их проспекты издали, а где случится быть близко, примечать удобных мест для постройки зимовий, подобных как на Новой Земле.

§ 122

Прежде отъезду в предпринятый путь при новоземельском зимовье, на высоком месте поставить каменный маяк и в нем

на долгом шесте или маштовом дереве поставить великий флаг темного цвету, чтобы далече, смотря в подзорную трубку, усмотреть можно было.

§ 123

Для ободрения и утешения северных мореплавателей можно по крайней вероятности объявить, что ежели дойдут до северных американских берегов, против Лены и Ковымы за океаном лежащих, к Чукотскому носу склоняющихся, то найдут там довольно жителей. Пример сему обитаемые места под теми же повышениями полюса: в Сибири самоеды, чукчи, юкагары; в Америке гренландцы, баффинцы и народы, живущие против Чукотского носу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще остается мне отвратить мнения, противные сему славному и полезному предприятию: 1) нерадостные примеры неудачных прежде бывших походов, 2) великие убытки, 3) трата людям, 4) тщетная работа, коею впредь могут больше пользоваться другие народы, хотя бы и удача воспоследовала.

На первое^a ответствую, что неудачные предприятия произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и агличане и голландцы довольно знания натуры, ниже ясного воображения предлагающей дороги; 2) что приуготовления были беспорядочны, следовательно, и сами предприятия неудачны и бедственны; 3) особливо же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинакие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы. Суда употреблялись шитые ремнями, снасти ременные, парусы кожаные. Каковы сии орудия против мокроты

^a В подлиннике первую.

и стужи? Сверх сего был ли кто хотя человек грамотный, не токмо знающий мореплавание?

Отправленные потом флота офицеры тем, во-первых, совершенного не принесли удовольствия, что Чукотского носу не достигли; да и статья тому трудно, что не тою отправлены были дорогою, как показано § [34]. Сверх же того, повидимому, не все как надлежит усердствовали, затем что жен своих в толь трудный поход брали. Между тем принесли много пользы, изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно, и сверх того подали пример, что впредь с лучшим основанием и порядком может воспоследовать желаемого исполнение.

Но положим, что того никогда не учинится, однако несомненно найдутся чрез то места, к разным рыбным и звериным промыслам удобные, каковы найдены западными мореплавателями в Гудсонском и Дависовом заливе. Скажет кто, что ход для промыслов далек будет, — ответствую примером агличан, что их рыбные и звериные промыслы в Гудсонском заливе не ближе от Лондона, как Чукотский нос от Архангельского города, и путь их лежит ледистыми и опасными морями.

Что ж надлежит до убытков, то они не токмо казне, но и купцам достаточным сносны будут, особливо когда соединятся компаниею к сему прибыточному поиску. По моему мнению, за двадцать тысяч рублей можно отправить достаточный поход³⁸ на первый случай.

Жаление о людях много чувствительнее, нежели о иждивении, однако поставим в сравнение пользу и славу отечества. Для приобретения малого лоскута земли или для одного только честолюбия посылают на смерть многие тысячи народа, целые армии, то здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государско́й славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду. Если же толика

слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно наре-
кание от всей Европы, что, имея Сибирского океана оба
концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого
препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже
знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне,
не пользуемся божеским благословением, которое лежит
в глазах и в руках наших тщетно; и содержа флоты на вели-
ком иждивении, всему государству чувствительном, не упо-
требляем в пользу, ниже во время мира оставляем корабли
и снаряд в жертву тлению и людей, к трудам определенных,
предаем унынию, ослаблению и забвению их искусства и долж-
ности.³⁹

Последнее из противных мнений, чтобы сие открытие
не досталось в чужие руки, обращается в ничто следующими:
1) помянутое мореплавание к нам ближе, нежели к прочим
европейским державам, 2) россиянам тамошний климат сноснее,
3) что на нужных и тесных местах построятся зимовья
с предосторожностями для наших людей, коими чужестран-
ные пользоваться не могут, 4) на Камчатке, или около устьев
реки Уды, или на островах Курильских, где климат как во
Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым
количеством военных людей, россиян и сибирских подданных
языческих народов, против коей силы не могут прочие евро-
пейские державы поставить войска ни севером, ни югом,
но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких,
с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей
свежими домашними, безнадежные ближнего от своих спомо-
жения на места, где вспоможение нам неистоцимо. Таким
образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могу-
щество прирастать будет Сибирью и Северным океаном
и достигнет до главных поселений европейских в Азии
и в Америке.

17

ПРИБАВЛЕНИЕ
О СЕВЕРНОМ МОРЕПЛАВАНИИ НА ВОСТОК
ПО СИБИРСКОМУ ОКЕАНУ

§ 1

По новым известиям от грумантских и новоземельских промышленников¹ явствует, что поиск морского пути по северу на восток удобнее начать можно от западного грумантского берегу, нежели с Новой Земли, для того что: 1-е. Тамошний климат оказывается теплее, оттепели зимой бывают чаще, нежели как на Новой Земли, и западное Грумантское море теплее, гавани от льдов свободаются много ранее, иноземцы приходят туда на промыслы к Николину дни,² а российские промышленники хотя и много позже приходят, однако остаются иногда до Воздвиженьева дни.³ 2-е. Море много свободнее от льдов, ибо западный берег почти всегда чист, и китоловные корабли ходят во все лето. И ежели когда льды наносит, то не от запада, куда сперва путь предпринять должно, но больше от полудни, иногда ж от севера заворачивает, и оный лед по всем обстоятельствам видно, что от сибирских берегов, затем что он весь пресный и, в солнечные дни растаяв, составляет на себе пресные лужи, коими промышленники довольствуются. Также и по заплескам на Груманте лежит много листвяга изнылого и льдом обломанного и обтертого, которого лесу весьма много в Сибири, и, конечно, со льдами от сибирских берегов его наносит. А посему явствует великая вероятность моей теории, что противолежащий сибирскому северный берег Северной Америки к мореплаванию удобнее сибирского берегу.

3-е. Сие плавание будет по воде и по ветру, затем что течение моря при западном берегу грумантском простирается от NW и течение океана по большей части с ветрами соглашается; сверх того, около Новой Земли и к нормандскому берегу господствуют ветры от ост и норд-оста. Новоземельские промышленники много долее идут к Новой Земли против льдов и ветров, нежели домой обратно; а посему у противного берега американского, на другой стороне полюса должно быть в другую сторону окружному обращению вод и воздуха для сохранения равновесия в атмосфере и в океане.

4-е. Туманов чаятельно меньше, потому что они часто бывают льдам спутники, и, по объявлению Корнилова, по восхождении солнца впервые весною небо бывает долго чисто.

5-е. На Груманте гавани надежнее и лучше, какова есть на западном берегу, называемая Клокбай, и все рано весною, в первых числах мая открываются.

§ 2

Рассуждая вышепоказанное, заключить должно, что мимо Новой Земли, в знатном отдалении от берегов удобнее будет держать обратный путь от востока по воде и по ветру. Сие окажется самыми опытами и практикою со временем, которое есть всех дел человеческих учитель; оно, споспешествуя нашему терпеливому рачению и похвальной упряжке, может открыть еще больше, нежели чаем и желаем. Итак, когда мои добронамеренные представления за благо признаны и доказательства в уважение приняты будут, то принимаю смелость еще представить мое мнение о поисках помянутого проходу, следуя прежним и нынешним известиям и рассуждениям.

§ 3

Всякие предприятия и изыскания нередко лучше, когда они соединены с очевидною пользою. Итак, следовало б, чтобы поиски северного на восток мореплавания соединить

с китоловными и с другими тамошними промыслами, однако кажется, что сие соединение будет больше препятственно, нежели прибыточно.⁴ Склонные к скорому прибытку сердца человеческие будут больше внимать промыслам, нежели производству и совершению самого главного дела, не видя ясно, что по окончании оного несравненно бóльшая государственная и партикулярная выгода воспоследует. Таковые промыслы кажется чтоб для того начать надлежало, дабы оное предприятие без траты казны исполнилось и произвелось доходами от промыслов, но когда рассудим малость иждивения на то против других, не важнее сего расходов или еще представим, что люди, суда и снаряды и без того на знатном коште содержатся, что их и без того время с собою возьмет и погрузит (без славных и обществу полезных дел) в вечности, то не найдем никакой причины жалеть того употребить на доброе дело, что скоро исчезает бесполезно. Итак, по моему мнению, хотя и можно присовокупить к помянутому предприятию тамошние промыслы, но как побочное дело, и больше для прикрытия от иностранных сего походу,⁵ якобы оный происходил для тамошней китовой ловли, самое же предприятие не отлагая начать, по моему мнению, следующим порядком приближающегося лета.

§ 4

Заготовления для житья и содержания занимают первое в сем деле место. Для того в Клокбайской пристани построить зимовье и магазин,⁶ а чтобы оного строением не потерять много времени, то купить в Коле готовый дом, который бы был недавно построен, к житью и к перевозу способен, и, разобрав его, скласть на судно, перевезть на Грумант, в помянутую пристань и там построить в приличном месте, от берегу несколько подалее, чтобы высокие зимние воды до оного не досягали. Такой дом пристойнее других, затем что в Коле по холодному климату построен и обит досками, сверх того,

уже просох и жить от угару безопасно и, наконец, уже готов. Мох также с собою взять должно. 2-е. Того же лета от города Архангельского на двух или на трех судах отпустить провиант и всякие снасти и инструменты по рассмотрению, каковы означены в моей книге. Провианту отпустить на три года на 60 или и на 100 человек. Суда отправить с сими припасами, каковы показаны в моем сочинении, или как лучше рассудится, только чтобы способны были к желаемым поискам. Также и людей нарядить, как наилучше признано будет.

§ 5

Первый путь предпрять из Клокбайской гавани в запад, несколько к северу, и следовать, пока достигнут северного американского берегу, на который должно, буде есть возможность, выехать небезоружным на ботах с астрономическими и геодезическими инструментами для географического определения по наблюдениям места, для поправления склонения компаса, что на сухом пути исправнее произвести можно. Когда ж в близости оной земли торосы или льды окажутся, то высылать торосовщиков на лодках, чтобы изведать состояние оных льдов и берега. А наблюдения учинить на свободной ближней большой льдине или и на судне. Все сие производить, когда погода дозволяет.

§ 6

Потом следовать в правую руку в виду оногo берега, с мыса на мыс перенимаясь и от льдов предписанным в книге образом предостерегаясь. Между тем, когда берег из глаз потеряется, смотреть с мачты в хорошую подзорную трубку, что и во всех случаях весьма полезно. Меньшие суда могут отдаляться вправо для осмотру льдов и островов; мелкие и торосовые отпускать на береговую руку для осмотра зали-

вов и устьев рек. Ежели где земля станет заворачиваться вправо, приближаясь к полюсу, тогда больше всех должно смотреть перемен в компасе и льдов остерегаться. В туманы стоять на дрефе или на якоре, наблюдая между тем течение и быстрину моря.

Когда же противным образом берег станет заворачиваться влево, удаляясь от полюса, то хотя и безопаснее кажется быть от льдов и от стужи, однако себя далече к полудни не отваживать, чтобы не зайти далече в какой-нибудь глухой залив, в полдень с надлежащего пути за Баффинский залив, и для того отправить легкое судно прямо по главному пути, для осмотра другого берега одного залива, которого когда в знатном отдалении, около ста верст или больше не найдут, следовать берегу, ибо он наконец не инуда куда доведет, как к восточно-северному сибирскому мысу или в Тихое море, ежели западно-северный мыс Северныя Америки, лежащий против наших чукчей, раздроблен на острова и ими кончится. По мореплаванию Чирикова и Берингову явствует, что американские береги, ими найденные, от Чукотского носу лежат не далее осьмисот верст и могут быть острова, а не матерая земля.

§ 7

Когда ж приметят, что вышепомянутый кряж Северной Америки близко к полюсу простирается, например, около 85 или 86 градусов, и притом льды умножатся, то далее не осмеливаться, а особливо когда уже июль кончится, но повернуться назад и итти с мыса на мыс, записывая все, что надобно к будущему мореплаванию, которое следующего лета предпринять должно, чем ранее, тем лучше, и зимовать на Груманте, ежели в Колу достигнуть не успеют. Но напротив того, когда божеское изволение и благословение воспоследует и экспедиция до желаемых камчатских берегов достигнет, то должно послать немедленно куриера для уве-

домления в Санкт-Петербург, после чего могут быть приняты надлежащие меры для безопасного расположения зимовьев, острогов и ходу и для утверждения могущества российского на востоке.

Михайло Ломоносов

Марта дня
1764 года

ПРИБАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ,
СОЧИНЕННОЕ ПО НОВЫМ ИЗВЕСТИЯМ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ ИЗ ОСТРОВОВ
АМЕРИКАНСКИХ И ПО ВЫСПРОСУ
КОМПАНЕЙЩИКОВ, ТОБОЛЬСКОГО
КУПЦА ИЛЬИ СНИГИРЕВА И ВОЛОГОДСКОГО
КУПЦА ИВАНА БУРЕНИНА

§ 1

В начале сего должно наперед объявить: 1) что по мореплаванью передовщика Степана Глотова с товарищи¹ и по другим всем обстоятельствам остров Умнак, где они имели пристанище и привели жителей в подданство ея императорского величества, лежит около 65 градусов северной широты, долготы от острова Ферро 240 градусов, а от Камчатского устья 3000 верст, в восточно-северной стороне к востоку; 2) что лесной остров, называемый Алахшак, находится у северных берегов Северной Америки, около половины расстояния от Камчатского устья до Шпицбергена, и прочее расстояние для проходу морем свободно; 3) что сие немало соответствует известиям испанских мореплавателей; 4) что предприятие далее к великой славе и к пользе Российския империи служить будет и от других держав безопасно.

Все сие доказываю следующими.

§ 2

По объявлению помянутых мореходцев, достигли они до острова Умнака от Командорского острова в 31 день благополучным ветром. Итак, считая ходу их по малой мере по 100 верст на сутки, перешли 3100 верст. На карте, сочинен-

ной в Тобольске,² положено сие расстояние только около 700 верст, что весьма неисправно, ибо ход бы их был только едва по 23 версты на сутки. В ходу своем держались они норд-оста, однако означенное на Беринговой карте³ тамошнее склонение компаса на $1\frac{3}{4}$ и на $2\frac{1}{2}$ румба к востоку, коего помянутые мореходцы не знали, показывает, что ход их простирался в ост-норд-ост. Для того недивно, что климат тамошний теплее, нежели бы ему быть должно, когда бы они шли подлинно к норд-осту. Сие также утверждается, что компанейщики не слышали от промышленников о летнем незахождении солнца, чему бы надлежало быть под таким повышением полюса. По сим основаниям проведенная локсодромическая линия⁴ показывает положение острова Умнака в А;⁵ прочие острова расположены по оригинальной карте, которая сделана отчасти собственным промышленников объездом, а отчасти по сказкам тамошних жителей,⁶ что они простым, однако весьма понятным образом представляли, начертив на ровном песку острова или назначив их камнями по расстоянию и положению: большие острова крупными, малые мелкими, круглые круглыми, неровные угловатыми. Для сей причины надежнее при внесении сего обретения в полярную карту⁷ держался я оригинального чертежа, нежели сделанной в Тобольске карты, особливо что расстояние положено неисправно, как выше явствует, и многие учинены отмены без очевидных причин. Сверх сего примечания достойно: 1) что найдены там красные неизвестные деревья, как аглинские, с кореньями и сучьями, кои, по самой вероятности, донесли ветры туда с Тихого моря, от полудни; 2) что от севера иногда мелкие льды, называемые мятик, наносит, без сомнения, от берегов сибирских. А из сего следует, что показанные острова с обеих сих сторон имеют открытое море, и потому недивно, что от сильных зимних холодов свободны, пользуясь сверх солнечной подземною теплотою, кою околележащие моря воздуху сообщают.

§ 3

По такому положению новообретенных островов очевидно явствует: 1) что лесной остров (или, может быть, мыс) по берегу Северной Америки лежит по географической мере на половине дороги, предприемлемой от Шпицбергена на Камчатку; 2) что противолежащий берег сибирскому за полюсом отдалился от него в полдень больше, нежели как прежде чаять можно было,⁸ что климат тамошний весьма сносен, к отдохновению мореплавателей удобен. Умняк отстоит от Шпицбергена около трех тысяч верст. 3) Когда оба края северных берегов Северная Америка от поморских и от камчатских промышленников довольно теплы к пребыванию и обращению человеческому показаны, с обеих сторон огнедышащие горы подземный жар засвидетельствуют и о противном уверяют, нежели как сибирские берега, до толь знатной глубины промерзлые; и, наконец, на северо-восточных баффинских берегах жители близ 80 градусов и свободное от льдов море довольно уверяют, что и прочая, средняя, неизведанная часть вышепомянутого берега известным соответствует и море тамошнее мореплавателям удобопроезжимо.

§ 4

Новые известия камчатских мореходцев немало соответствуют описанию испанских мореплавателей в рассуждении теплоты и пространства сего моря, как в сочинении О возможности северного морского пути на восток показано, 1) ибо объявляют, что моря там пространны: Иоанн де Фука, в 1603 году ходя по оным, чаял, что уже он прошел в Атлантическое море; 2) что по де Фонтову описанию довольно там красной рыбы и трески, 3) изобильно всякой дичью; 4) что на одном из больших островов, который плодороден и весьма многолюден, растет хороший лес к строению; сосны там

весьма высоки и толсты (сей остров сходствует с обстоятельствами нового острова лесного Алахшака); 5) зеркала и железные орудия показывают в небольшом отдалении селения людей, у коих сии ремесла знаемы. Калифорния и селения испанские в Мексике суть в немалом отдалении: то думать должно, что оное получают из аглинских селений в Гудсонском заливе, где Новый Йорк построен. Все сие рассудив и сличив на карте путешествия Беринговы и Чириковы, нынешние обретения островов Алеутских и новых,⁹ не иначе можно заключить, как что сия западно-северная часть Америки, простирающаяся к Камчатке, по большей части состоит из островов и, следовательно, посредством моря много пользуется подземною теплотою, не давая усилиться зимней стуже.

§ 5

Сии новые известия, согласуясь с прежними рассуждениями о возможном мореплавании Сибирским океаном на восток и соответствуя объявлениям [архангело]городских мореходцев на Шпицберген (что изъяснено в Первом прибавлении), не оставляют сомнения о добрых успехах полезного одного предприятия, которое коль выгодно России будет, довольно видеть можно в моей книге о сем мореплавании, где представляется и о безопасности от соседей. Однако в рассуждении оных еще нечто упомянуть надобно. С нашей стороны осторожности приуготовлять должно купно с самым предприятием, сколько же сами соседи с их стороны опасны, из следующего рассудить можно: 1) ближайшие наши соседи, датчане, в изыскании северного морского ходу сначала мало старания прилагали и ныне на соседнем с Гренландиею острове Шпицбергене промыслов не имеют, а ходят туда гамбургцы и брабантцы, кои нам не опасны; а датчане все свои силы истощают на гренландские и исландские промыслы и с Россиею для новых поисков в недружие вступить не по-

смеют, бывши из древних лет в дружестве; 2) то ж рассудить должно и о голландцах, кои на содержание южных великих своих селений и владений принуждены дорогою ценою наймовать иноземцев; 3) агличане и французы, будучи часто в беспокойстве между собою о владениях в Северной Америке, к сохранению оных друг от друга великие силы употребляют принуждены бывают, что всегда помешательством служить будет в предприятиях на земли и на пути, открытые Россиею, которая может пользоваться таковыми их обстоятельствами; 4) ишпанские и португальские селения состояются больше из переведенных народов, почти все из жарких африканских краев, кои люди к северным мореплаваньям неспособны, и силы их, по разным частям света разделенные, не довольны вступить в новые трудные обстоятельства; 5) наконец, бывшие помянутых народов предприятия к поискам Сибирским океаном происходили тогда, когда еще Россия нигде не токмо флота, но ниже доброго морского судна не имела и почиталась морским державам в таковых походах совсем безопасною. Когда же божеским благоволением, чрез труды бессмертныя памяти государя императора Петра Великого руку свою Россия на морях положила и ныне прозорливостию всемиловитейшия самодержицы нашея, новых щедрот и любления к морскому делу жизненное дыхание вливающия, далее оную простирает, то весьма невероятно, чтобы в отверзающуюся счастьем ея императорского величества далее на восток дверь зависть предускорять и высочайшим ея повелениям препятствовать дерзнула.

§ 6

Ежели всемиловитейше благоизволено будет предпринять действительное произвождение сего поиска, то небесных светил нынешнее состояние ускорение сего дела советует, чтобы пользоваться их присутствием на северном полукружии света.

Юпитер обращается ныне в самых дальних северных знаках эклиптики и потому за полярным циркулом зимою и летом не заходит, что ко всегдашнему наблюдению долготы весьма служит, когда только небо чисто. Трубки, к таковым наблюдениям способные, здесь сделать удобно можно. В конце июня месяца сего года обратится Юпитер к южной половине и в 1767 году уклонится за экватор, а потому за Полярным кругом невидим будет. Весьма бы не худо было приказать здешним астрономам обще делать на предбудущие годы таблицы закрытия и открытия Юпитеровых спутников по Санкт-Петербургскому меридиану и отстояний луны от солнца на всякий Санкт-Петербургский полдень.¹⁰

Апреля 24 дня
1764 года

Михайло Ломоносов

19

[ЗАМЕТКИ О СНАРЯЖЕНИИ ЭКСПЕДИЦИИ]

[I]

Следующие инструменты на каждый корабль выдать за весьма полезно рассуждаю:

1. Пружинные часы, кои заводятся однажды в неделю.
2. Карманные часы с секундами.¹
3. Гадлеев квадрант или и два.²
4. По две подзорных добрых трубок.³
5. На главное судно Григорианскую трубку.
6. По наклонительной магнитной стрелке.⁴
7. По два морских барометра.
8. По особливому термометру.
9. По карте полярной.
10. По карте меркаторской.
11. По мортирке со шлагами.⁵
12. По термометру для опускания на дно.
13. Астрономические часы и квадрант.⁶
14. Таблицы лунные и спутников Юпитеровых.
15. По вентилятору.⁷

-
1. Термометры и барометры.
 2. Карманные часы.
 3. Пружинные часы.
 4. Простые пендулы.
 5. Наклонительные стрелки.
 6. Ходомеры.

1. Рангами от нее пожаловать.
2. Лед перестанет нести.

[II]

1. Карманные часы с минутами.
2. Барометры морские. Игн.⁸
3. Термометры разные. Игн.
4. Часы песчаные секундные.
5. Наклонительные стрелки.
6. Карты полярные^a с магнитными пол[юсами].
7. Карты меркаторские от Полярного круга до полюса.
8. Шаги.
9. Отправить на Онежское устье.
10. Искать склонение компаса.⁹
11. Течение моря.
12. Ходомер.
13. Солоность моря.
14. Столяров для укладки инструментов.
15. Спросить трех компасов или сделать.
16. Употребление инструм[ентов].
17. Как журнал ведут, просить формы.¹⁰
18. Компасы показать.

[III]

Ящ и ки

1. Карманные часы.
2. Баром[етры] и терм[ометры].
3. Наклон[ительная] стрелка.
4. Для квадранта.
NB. На письме дать:
 1. О полюсе магнитном.
 2. О ме[те]орологическом журнале.
 3. Поверить компасы и лаг-линь.
 4. Течение моря пружиною. Торосовая лодка.
 5. Как терм[ометр] в воду опускать.
 - 6.⁶ Как солоность мерить.
 7. Сев[ерное] сияние и электр[ичество].

^a Зачеркнуто с наклонительными.

⁶ В подлиннике 7 и ниже 8.

20

ПРИМЕРНАЯ ИНСТРУКЦИЯ
МОРСКИМ КОМАНДУЮЩИМ ОФИЦЕРАМ,
ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ К ПОИСКАНИЮ ПУТИ
НА ВОСТОК СЕВЕРНЫМ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

Когда благополучно приспеют на Шпицберген, на западный берег, в Кломбайскую пристань, где заведено зимовье, что буде не за нужно признаётся, то послать во оную пристань бот с известием о своем приезде, дабы оттуда весть можно было прислать в Колу, а оттуда в Санкт-Петербург, хотя с промышленниками, в которое число мореплавание вдаль предпрято, с показанием нужнейших обстоятельств, что дано быть должно на письме за печатью;^а то заготовясь совсем к главному мореплаванью и призвав господа бога в помощь, пуститься в открытое море к западу, румб или два склоняясь к северу, и так простираться плаванием, пока достигнут до Гренландского берегу,^б как он будет в виду.

При сем наблюдать надлежит:

1) ежели прежде Гренландии покажутся острова, то посылать на них для разведывания бота или шлюпки;

2) ежели ж прежде земли льды окажутся, особливо ж великие обширностию и густые, то итти от них в отдалении, держась назначенного пути по возможности.¹

В сем пути, как и в прочем мореплавании далее, наблюдать чтобы итти друг от друга в виду, и всячески стараться, дабы не разойтись далече порознь.

^а Черновик Б что буде не за нужно... за печатью вставлено рукою Ломоносова; хотя с промышленниками добавлено рукою И. Г. Чернышева.

^б Черновик А — далее до конца этого пункта вставлено Ломоносовым.

2

Между тем, когда погода позволяет, двум меньшим судам можно от главного отходить в стороны по рассуждению обстоятельств для осмотра по сторонам земель, островов и льдов, и стараться, чтобы всегда к вечеру быть вместе.^а

Во время бури, ночи, тумана или оказавшихся немалых льдов не разлучаться и притом, съезжаясь на один главный корабль, часто между собою советовать.

3^б

На всякий случай, когда корабли в соединении, должно вместе главным командирам и штурманам сносить журналы, хотя бы и на каждый день было, и по тому смотреть разность в исчислении ходу.

Когда назначением места все три сходятся, то можно увериться, что оно определено верно. Бude ж два согласны, а третий разнится, на двух надежнее утвердиться. Когда ж все три разнятся, тогда должно смотреть, нет ли у кого каких неисправностей, и по тому, положив общий пункт места, начать новое исчисление.

При сем строго наблюдать, чтобы лаг-линии были равного и сходного между собою размеру на всех судах.

4

При скором ходу по малой мере каждые два часа (а чем чаще, тем лучше) всходить на верх мачты с доброю подзорною трубкою и осматривать кругом другие корабли и наблюдать земель, островов и льдов, а во время ночи и в туман давать друг другу сигналы пушечными выстрелами или, еще лучше, громкими шлагами, что при фейерверках с звездками упо-

^а Черновик А — рукою И. Г. Чернышева добавлено для избежания разлучения. В последующие тексты не вошло.

^б Черновик Б — пункт 3 вставлен дополнительно по записке Ломоносова (см. Примечания).

требляются, кои, поднявшись высоко, громом и сиянием покажут каждого корабля сторону. Для сего на каждый корабль дать по одной^а кугорновой мортире.^б Сие ж еще служить может в случае нужды к безвредному устрашению диких неприятелей.

Для признания в близости земель взять со Шпицбергена на каждое судно по несколько воронов или других птиц, кои на воде плавать не могут, и в знатном отдалении от берегу пускать на волю, ибо когда такое животное увидит землю, в ту сторону полетит, а не видя земли и уставши, опять на, корабль возвратится. Подобная сему есть и другая примета, что чайки с рыбою во рту летают всегда на землю для корму своих птенцов и тем оную плавающим показывают, чему должно следовать в плавании, когда землю видеть или на ней побы- вать занадобится.

6

Из многих примет морского ходу суть следующие внима- ния достойны: 1) Приливы и отливы или течения моря пока- зывают в те стороны ход, по которым простираются. 2) Чрез- вычайная их быстрина дает знать узкое место. 3) Когда румб морского течения переменится, значит в той стороне берег, от коего отвращается. 4) Течения приливов, несходные с те- чением луны, значат великие заливы или моря,^б между большими островами лежащие. Напротив того, чем больше приливы с луною сходятся, тем паче уверяют о простран- стве моря. 5) Разная солоность морской воды прибавляясь показывает отдаление от берегов и льдов, убывая значит к ним приближение. Внезапно чувствительная воды пресность уверяет о близости устья великой реки. 6) Приращение стужи

^а Черновики А и Б дано по две.

^б Черновик А места.

близкие льды, приращение теплоты близкие бесснежные берега производят, а растворение воздуха постоянное есть знак пространного моря. 7) Чем море глубже, тем берег далее.^а 8)^б Когда два или три дни с одной стороны ветренный вее, а не производит великих волн, то значит, что в той стороне земля или стоячий лед близко. Когда же, напротив того, ветр переменится в поперечный или противный, а старые волны ходят после того долго, то значит, что в той стороне, откуда идут, лежит великое море. 9) Плавающие по воде леса и по заплескам плавник много подают вероятных догадок к рассуждению: весьма обитые деревья — далекость, мало поврежденные и зеленые — близость места их рашения. Все сие употреблять в пользу с рассуждением, а особливо когда из вышеписанных примет две или три уверяют согласно и ни едина не противоречит.

7

Достигнув первого северного берега Северной Америки или Гренландии, должно на него в малых судах выехать для осмотра гаваней и состояния самой земли; буде же льды не допускают, то отправить туда торосовщиков на их лодках для сведения сколько можно. Притом взять верно высоту полюса и долготу по исчислению курса или по другим данным вновь способам и оное место означить на морской карте. Потом следовать в правую руку,^в в виду оногo берега,^г

^а Черновик А — к этому месту первоначально относилась вставка Примечено, что во время туманов... подзорные трубки, затем перенесенная Ломоносовым в конец пункта 9. В *акад. изд.* (т. VII, стр. 397) эта вставка поставлена в конце раздела б настоящего пункта.

^б Черновик А — далее разделы 8 и 9 вставлены Ломоносовым.

^в Черновик А — рукою Ломоносова вставлено и зачеркнуто что будет <около> между норда и веста.

^г Черновик А — рукою Ломоносова вставлено и зачеркнуто только жезде остерегаюсь, чтобы льдами не затерло.

с мыса на мыс перенимаясь и ото льдов предписанным выше сего образом предостерегаясь. Между тем, когда земля из глаз потеряется, смотреть оных с мачт в подзорные трубки, что и во всех местах весьма полезно. Меньшие суда могут отдаляться в сторону для осмотра льдов и островов; також и торосовщиков употреблять, отпуская на высокие острова и берега чрез лед с трубками для осмотра кругом других земель, островов или льдов.

8

На всех берегах, где для нужды какой или для изведания пристать случится, оставлять знаки своей бытности, ставя столбы с надписанием имени и времени; а выходить, где жителей чаять можно, немалолюдно и небезоружно, с осторожностью, ибо весьма жалостные примеры не токмо в чужих путешествиях, но и собственных имеем.

9^a

Ежели случатся великие льды промеж гренландских берегов и между северным концом шпицбергенским, поперек намеренного пути лежащие, то не оставлять надежды и без наивозможнейшего покушения в продолжении пути не возвращаться, но употреблять в пользу время и место. Временем пользоваться, ожидая случая, когда льды разойдутся, ибо известно, что их с места на место переносят воды и ветры, летняя теплота и трение о землю и друг о дружку истребляет. Место употреблять для выгоды своего путешествия должно, переходя от гренландских берегов к западно-северному концу шпицбергенскому и осматривая сквозь льды в надлежащий путь проходу.

^a Черновик А — весь пункт вставлен Ломоносовым.

Сии переезды могут быть учинены добрым ветром около троих суток каждый, ибо и все расстояние от Шпицбергена до Баффинского моря простирается на 1000 верст, в котором еще и землю Гренландскую числить должно.

Примечено, что во время туманов льды оказываются большею светлостью воздуха в той стороне, где находятся. Сие примечать в таком случае и употреблять суморочные подзорные трубки.³

10^a

Когда случится стоять за противным ветром, который гонит лед навстречу, и море очистится, несмотря на продолжение того ж ветра, тогда должно верить, что больше в той стороне, откуда оный ветер веял, льдов больше^б нет, но чистое море или земля следует, что по величине волн рассудить можно. Для того в ту сторону безопасно можно ходом простираяться, ежели по пути следует.

11

Где земля заворачиваться станет направо к полюсу, тогда больше всех должно поверять компасы, смотреть их перемены и льдов остерегаться; во время густых туманов стоять на якоре или лежать на дрейфе, наблюдая между тем течение и быстрину моря. Когда же приметят, что вышепомянутый краж Северной Америки близко к полюсу простирается и притом опасные льды покажутся, то далее 85 градусов не отваживаться, а особливо когда уже август начнется, и для того поворотиться назад и итти попрежнему с мыса на мыс, записывая все, что надобно к будущему мореплаванию, кото-

^a Черновик Б— пункт 10 вставлен дополнительно по запискам Ломоносова (см. Примечания).

^б Так в подлиннике.

рое следующей весны предпринять должно, чем ранее, тем лучше.

12

Когда же, противным образом, берег станет заворачиваться влево, удаляясь от полюса, то хотя и безопаснее должно быть от льдов и от стужи, однако не отваживаться много к полудни, далее 78 градусов, то есть 12° от полюса, пока по вероятному исчислению не пройдут Баффинского моря, которое простирается по долготе к западу около 285 градусов, счисляя от острова Ферро, дабы не зайти в какой глухой залив, в полдень излишно от желаемого проходу или бы каким проливом не попасть в самое оное Баффинское море.

Минув означенную долготу 285 градусов, можно уже смело отдаляться от полюса, однако с главного пути, на карте назначенного, не отклоняться чрезвычайно, если не велит нужда, а особливо если не принудит лежащий поперек пути (может быть) долгий берег. Тогда безопаснее искать проходу в полудни, нежели в севере далее 85 градусов.

13

Совершенно увериться могут мореплаватели, что они опасность от льдов и от стужи совсем миновали, когда, прошед далече за Баффинское море,^а достигнут на широту Арктического круга около 66 градусов, а долготы от острова Ферро около 240 градусов.

Особливо ж всего известнее будет, когда встретятся с отправленными из Камчатки или увидят поставленные от них признаки, с которого отправления так, как и с данной инструкции и карты капитану второго ранга Креницыну,⁴

^а Черновик А прошед... Баффинское море вставлено Ломоносовым.

при сем прилагается копия.^а На сем месте, вышед на ближнюю землю или на остров, где пристать удобно, с надлежащею осторожностью, во-первых, воздать всеусерднейшее благодарение всевышнему всех создателю за божественный его покров и предводительство и принести ему жертву теплого моления с молебством и с водоосвящением^б о дражайшем здравии всемилостивейшей государыни, дабы благословил совершенными успехами благонамеренные ея предприятия для отечества, и при пальбе из снаряду и при радостных восклицаниях объявить всем высочайшую милость ея величества, обещанную им во всемилостивейшее награждение.^в

14

На пристойном месте, которое у моря близко и на высоте издалека видно, скласть из камней высокий маяк и на нем утвердить великий деревянный крест^г и сверх того учинить самые наиприлежнейшие обсервации для назначения долготы и широты места и, сняв, как водится, оногo берега с разных сторон виды и планы,^д положить на карте; и прежде отъезду вырезать при оном кресте резными литерами на доске или лучше начертить и смолою вычернить на камне,^е имена судов и командиров, год, месяц и число, когда сие место россий-

^а Черновик А с которого... прилагается копия — вставлено рукою И. Г. Чернышева по предложению Ломоносова, который написал на полях Не объявить ли здесь обстоятельнее «о Камчатке» о встречной посылке из Камчатки.

^б Черновик А с молебством и водоосвящением вставлено И. Г. Чернышевым.

^в Черновик А — далее рукою Ломоносова и наименовать оный остров по рассуждению и приличности. В черновике Б эти слова зачеркнуты.

^г Черновик А скласть... крест вставлено рукою Ломоносова.

^д Черновик А сверх того... планы вставлено рукою И. Г. Чернышева.

^е Черновик Б и прежде отъезду... на камне вставлено рукою Ломоносова.

скими мореплавателями сыскано и посвящено под Российскую державу, под высокую руку ея императорского величества; и при том то место ея величество позволяет наименовать по фамилии того командира, который из командиров первый его увидит или на оный выйдет.^а

15

В случае, когда положение берегов в долготе 240 градусов не допустит так далеко в полдень, то есть до 66 градусов, но будут севернее, то простираться еще далее к западу до 230 градусов, что учинит около четырехсот верст ходу, на коем месте надеяться можно острова Умнака и стараться итти всячески к зюйду, к Полярному кругу и далее и искать отправленных с Креницыным навстречу или^б промышленников камчатских.

Буде же их встретить нигде не случится, а найдут во оных местах берега или острова со стоячим лесом и жителей, то несомненно могут быть уверены, что они в тех местах обращаются, где найдены новые острова камчатскими промышленниками, и что северный проход возможен и действительно найден, и для того учинить такое ж благодарственное и радостное отправление, как в 13 и 14 пунктах предписано.^в

Откуда, смотря по времени, могут мореплаватели предпочесть путь обратный на Шпицберген или и в Колу, либо тамо зимовать, смотря по удобствам места и по времени.^г

^а Черновик Б и притом... выйдет написано вместо зачеркнутого текста, который был внесен в черновик А руками И. Г. Чернышева и Ломоносова и притом означить данное тому месту имя.

^б Черновик А отправленных Креницыным навстречу или вставлено Ломоносовым.

^в Черновик А действительно возможен и найден... предписано вставлено рукой Ломоносова.

^г Черновик А — на полях рукою Ломоносова Когда разнесет порознь, что делать. Рандеву. Далее, как ответ на этот вопрос, Ломоносовым вставлен пункт 16.

16

Когда случится, что погодою разнесет суда порознь, то поступать, как требуют следующие обстоятельства, то есть, 1) когда разлучение случится,^а не доходя гренландского берега или островов, его отпрядышей, 2) не миновав Баффинского моря по исчислению долготы, 3) не доходя новых островов, найденных из Камчатки.

В первом случае сжидаться друг друга у Кломбайской гавани; во втором при гренландском берегу на месте, уже известном по его виду и по определенной долготе и широте наблюдениями или ходом; в третьем случае быть сжиданию на определенном месте около долготы 285 градусов.

Во всем же плавании наблюдать надлежит, что всякое определенное и запримеченное место служить может для сжидания, которые в пути оставляя, всегда сперва соглашаться всем судам, что в случае разлучения на оных друг друга сжидаться.

17^б

В случае, когда на положенный срок суда на сжидание не съедутся, то поступать по обстоятельствам места, время и числа судов.

1) Ежели будут в пути уже далече, миновав чаемые опасности от льдов, как № 12 и 13 показано, то простираться мореплавателям далее до конца определенного по намерению места (№ 14), оставив на том сожидании известие, вырезанное на доске, куда и когда пошли.

2) Когда же еще опасных мест не миновали и время уже приближается к августу, тогда итти обратно в Шпицберген и в сем случае обождать далее назначенного срока по рассмотрению.

^а Черновик А — зачеркнуто еще недалече от Шпицбергена около ста миль, 2) в отдалении.

^б Черновик А — пункт 17 вставлен Ломоносовым.

3) Два судна, ожидающие третьего, более имеют надежды^а итти вдаль путем назначенным и оного излишне ожидать не столько обязаны, а особливо когда в их числе главный командир, который и одним кораблем во время разлучения преимущественно ход свой располагать может.

4) При всем сем поступать, рассуждая число здоровых людей, количество взятых припасов и состояние мест по изобилию тамошнего натурального пропитания, а паче следовать доброму рассуждению по обстоятельствам.^б

18

Зимовать приключится иногда и по нужде: 1) когда возвратный путь далек и лето уже поздно, 2) когда льды не пропустят или, 3) от чего, боже, сохрани, судно повредится, тогда всячески стараться в первом случае выбрать удобное место заблаговременно и построить из стоячего лесу или плавнику избы и печи, буде есть глина, а буде нет, то из дикого валуну каменки или очаги; во втором случае служить должны вместо домов самые суда и очаги на них обыкновенные; в третьем не отдаляться без крайней нужды от судна, стараться всячески быть в движении тела, промысля птиц и зверей, обороняясь от цынги употреблением сосновых шишек, шагры и питьем теплой звериной и птичьей крови, ограждаясь великодушием, терпением и взаимным друг друга утешением и ободрением, помогая единодушием и трудами, как брат брату, и всегда представляя, что для пользы отечества все понести должно и что сему их подвигу впоследствии монаршеская щедрота, от всея России благодарность и вечная в свете слава.

19

Ободрение людей и содержание в порядке есть важное дело в таковых трудных предприятиях. Для того прилежных

^а Черновик А большую имеют надежду.

^б Черновик Б а паче. . . по обстоятельствам вставлено Ломоносовым.

и бодрых за особливые их выслуги поощрять командирам оказанием удовольствия и обещанием награждения или прибавкою порции. Напротив того, с ленивыми, неисправными или ослушными поступать строго по Морскому уставу. За междоусобные брани^а и драки наказывать на теле жестоко, а еще жесточае за роптание на начальников. За угрозы держать в железях крепко и потамест не освобождают, пока пройдут затруднения, или посылать их в самые опасные места.

Когда ж кто изоблится в заговоре против командиров и в начатии^б бунта, того по учинении над ним военного суда казнить смертию без всякого изъятия, не ожидая повеления от высочайшия власти, в силу Морского уставу.

20

Когда случится сойтись с отправленными навстречу с Камчатки судами, тогда, смотря по обстоятельствам, должны: 1) снабдить друг друга избытками, в чем у других недостаток, 2) показать и сообщить друг другу своих путешествий журналы, 3) взять друг у друга по два или по три человека на смену так, чтоб с Камчатки отъехавшие пришли в Колу обратным на кораблях путем и в Санкт-Петербург, а со здешней стороны пошедшие достигли бы в Камчатку и оттуда Сибирю в Россию.

При возвращении взять на каждый корабль из тамошних жителей по^в два человека разного возраста, чтобы не очень стары или малолетны были, например, от 40 до 12 лет. Молодые скоряе могут по-российски научиться, а пожилые больше знать и рассказать о тамошних обстоятельствах.

^а Черновик А ссоры.

^б Черновик А начинании.

^в Черновик А — далее до конца пункта вставлено Ломоносовым вместо первоначального по человеку середовичей.

21

В передовом и обратном пути или где стоять либо зимовать случится, сверх обыкновенного морского журнала, записывать: 1) состояние воздуха по метеорологическим инструментам; 2) время помрачения луны и солнца; 3) глубину и течение моря; 4) склонение и наклонение компаса; 5) вид берегов и островов; 6) с знатных мест брать морскую воду в бутылки и оную сохранить до Санкт-Петербурга с надписью, где взята; 7) записывать, какие где примечены будут птицы, звери, рыбы, раковины, и что можно собрать и в дороге не будет помешательно, то привезти с собою; 8) камни и минералы отличные также брать для показания здесь; 9) все, что примечания достойно сверх сего случится или примечено будет, прилежно записывать; 10) паче же всего описывать, где найдутся, жителей вид, нравы, поступки, платье, жилище и пищу.^а Однако все сие производить, не теряя времени удобного к произвождению главного предприятия.

22

Если, от чего боже сохрани, больных людей умножится столько, что здоровыми всеми тремя судами управлять будет невозможно, то из тех судов одно, сняв с него из припасов что возможно, затопить или сжечь; буде же дойдет до такой крайности, что людей останется только для одного судна, то и с другим судном по вышеписанному ж поступить.^б Все сие делать тогда, когда нет места, куда бы оные суда и излишние снаряды и припасы поставить безопасно, а когда, напротив того, найдется удобный залив, от волнения безопасный, то для всякого случая можно оное судно в высокую воду поставить с разбегу на мель и к берегу прикре-

^а Черновик А — раздел 10 вставлен рукой Ломоносова.

^б Черновик А — далее текст написан рукою Ломоносова; весь пункт 22 написан на отдельном листке под цифрой 17.

пить по возможности, ибо неравно случится, что придет какая надобность в следующие отправления.

23

Сии предписанные для показанного морского путешествия пункты наблюдать господам командирам со всякою исправностию; однако, смотря по обстоятельствам, имеют позволение делать отмены, служащие к лучшему успеху, что полагается на их благорассуждение и общее согласие, которое им паче всего рекомендуется, чтоб единодушным рачением и якобы единым сердцем и душою внимали, прилежали и усердствовали, имея всегда в мыслях, что, будучи единого отечества дети, единыя всемилостивейшия государыни верные рабы и простираясь к единому славному и полезному делу, не должны давать ниже малейшего места раздружью, но паче взаимно спомоществовать и защищать друг друга каждый, равно как сам себя, утешать и ободрять в ослаблении, воображая себе примеры славных морских героев, и помнить, что всеми прежде бывшими безуспешными и благоспешествованными трудами мужеству и бодрости человеческого духа и пронизательству смысла последний предел еще не поставлен и что много может еще преодолеть и открыть осторожная их смелость и благородная непоколебимость сердца.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестой том Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова содержит его труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии.

Из печатаемых в настоящем томе работ М. В. Ломоносова при его жизни был издан лишь „Краткий Российский летописец“ и начато издание „Древней Российской истории“. Большая часть работ, включенных в этот том, была издана только в XIX в. Две работы печатаются в настоящем издании впервые — „Наброски плана русской истории“ и „Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи“. Впервые же печатается перевод „Замечаний“ Ломоносова по поводу ответов Миллера на его возражения на диссертацию Миллера „Происхождение имени и народа российского“.

В своих работах по русской истории Ломоносов выступает перед нами не только как ученый, но и как великий русский патриот, создатель новой исторической концепции, которая разбивала незадолго до того возникшую лженаучную норманскую теорию и утверждала древность и величие славянского народа, его крупную роль в мировой истории и независимый характер древнерусского государства.

Чрезвычайно большое внимание Ломоносова вызывала Петровская эпоха; в настоящем томе это отражено особой работой („Описание стрелецких бунтов...“), которая была использована Вольтером в его „Истории Российской империи при Петре Великом“. Ряд исторических экскурсов по этой

эпохе вошел и во многие другие как художественные, так и естественно-научные труды Ломоносова.

Небольшое количество работ Ломоносова по общественно-экономическим вопросам является фрагментами задуманного им в начале шестидесятых годов труда, который должен был охватить ряд вопросов экономической политики. Здесь раскрываются прогрессивные просветительские взгляды Ломоносова, направленные на подъем производительных сил России, улучшение материального положения народных масс, на „создание благополучия, славы и цветущего состояния“ родины.

Особый интерес вызывает замысел Ломоносова о создании научно-исследовательского учреждения, связанного с вопросами развития земледелия, — „Государственной коллегии земского домостроительства“.

Последний раздел объединяет работы Ломоносова по географии Севера, написанные им в процессе подготовки полярной экспедиции для поиска пути Ледовитым океаном на Восток. В этих работах Ломоносов предстает перед нами как инициатор и энергичный организатор одной из первых научных экспедиций по изысканию Северно-морского пути — экспедиции В. Я. Чичагова.

Как и в других томах, все редакторские вставки и конъектуры, вводимые в тексты Ломоносова, заключены в обычные прямые скобки []. В таких же скобках даются редакторские заглавия работ Ломоносова, не имеющих авторского заглавия. В текстах Ломоносова сохраняется его транскрипция имен собственных и географических названий.

Работы Ломоносова, вошедшие в шестой том, подготовлены для издания В. Р. Свирской.

Примечания к работам 3, 5—15, 19 составила В. Р. Свирская, к работам 1, 2, 4, 16—18, 20 — А. И. Андреев и В. Р. Свирская.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

РАССМОТРЕНИЕ СПОРНЫХ ПУНКТОВ МЕЖДУ ГОСПОДИНОМ ПРОФЕССОРОМ МИЛЛЕРОМ И ГОСПОДИНОМ КОМИССАРОМ КРЕКШИНЫМ, ПО ПРИКАЗАНИЮ ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА И ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК КИРИЛЫ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКОГО УЧИНЕННОЕ ОТ ПРОФЕССОРОВ ШТРУБЕ ДЕ ПИРМОН, ВАСИЛЬЯ ТРЕДЬЯКОВСКОГО И МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

(Стр. 7—12)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XVII, № 11 bis, лл. 164—166. Документ имеет подписи по пунктам: Штрубе де Пирмонт, Василей Тредиаковский, Михайла Ломоносов.

Впервые напечатано по черновику, писанному Ломоносовым (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 109, лл. 167—170): Билярский, стр. 89—93. Время написания, вероятно, июль 1747 г., не позднее 19.

Документ представляет собой протокол Академической комиссии, разбиравшей спор между Г.-Ф. Миллером и П. Н. Крекшиным. Историк-любитель, не владевший научным методом, Крекшин занимался жизнеописанием Петра I, пользуясь известным поощрением со стороны правительств Елизаветы. 27 августа 1746 г. он представил в Сенат составленное им „Родословие великих князей, царей и императоров“, в котором доказывал прямое происхождение династии Романовых от Рюриковичей. Попытка Крекшина укрепить таким способом права Елизаветы, получившей престол путем дворцового переворота, носила явно карьеристский характер. 12 сентября 1746 г. Сенат передал „Родословие“ Крекшина на рассмотрение Академии Наук. 6 октября 1746 г. Миллер, которому

Академическое собрание поручило это дело, представил свои „Замечания“ на генеалогические таблицы Крекшина. В январе 1747 г. эти „Замечания“ были, по требованию Крекшина, ему выданы, с тем чтобы он „заготовил на них письменный ответ“. „Ответствие“ Крекшина было получено в Академии только 11 марта 1747 г. Но еще до того в доношении в Канцелярию Академии Наук 23 февраля 1747 г. Крекшин выступил с обвинением Миллера „в собирании хулы на русских князей“, ссылаясь на книгу выписок из сочинений иностранных авторов о России, составленную Миллером, который дал Крекшину эту книгу выписок для пользования. 18 марта 1747 г. Миллер обратился в Канцелярию Академии Наук с просьбой поручить рассмотреть „ответствие“ Крекшина двум или трем из профессоров, „которые бы как от него, Миллера, так и от комиссара Крекшина все доказательства приняли и о них имели бы рассуждение и свое бы мнение подали“ президенту Академии Наук. Тогда же Канцелярия Академии определила: рассмотрение „ответствия“ Крекшина „для пресечения дальних между ними [им и Миллером] споров“ поручить профессорам Ф.-Г. Штрубе де Пирмон, В. К. Третьяковскому и М. В. Ломоносову в присутствии профессора Миллера и комиссара Крекшина. Комиссия довольно долго не собиралась. Тогда Крекшин обратился вновь в Сенат с доносом на Миллера, который, по словам Крекшина, „о фамилии Романовых подал в Канцелярию Академии Наук письменно, будто эта фамилия Захарьиных и Юрьевых, что ложно и противно закону“, и что Комиссией, назначенной в марте 1747 г. для рассмотрения его „ответствия“ Миллеру, „еще ничего не учинено“ (ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, № 578, Дело о сочиненной Крекшиным родословной). 23 июля 1747 г. Комиссия подала Канцелярии Академии Наук свое „Рассмотрение“ вместе с репортом президенту Академии Наук К. Г. Разумовскому, датированным 19 июля 1747 г. и подписанным членами Комиссии, следующего содержания:

„По определению вашего сиятельства, данного нам из Канцелярии Академии Наук, чтоб рассмотреть происшедший спор между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным, надлежащий до истории и родословия государей и самодержцев всероссийских, собирались мы в Академии при бытности помянутого господина профессора и господина комиссара и, уведомившись обстоятельно об исторических и генеалогических спорных между ними пунктах, не токмо прочли мы все то, что дано нам было на письме из Академической канцелярии, но слушали и их изустные доказательства и отражения у одного против другого, чего всю силу предлагаем в присовокупленном при сем на письме ясном рассмотрении и при том отдаем обратно все письма господина Крекшина, которые нам даны были из Канцелярии Академии Наук“ (ф. Госархив, разр. XVII, № 11 bis, л. 163).

Участие Ломоносова в работе этой Комиссии свидетельствует о его независимой позиции в этом вопросе, о защите им исторической правды и принципа научности от чуждых науке влияний и о знакомстве его уже в это время с рядом источников по русской истории.

„Подлинное представление“ Комиссии было отправлено затем в Сенат; вместе с тем на основании указа Сената 24 июля 1747 г. были направлены в Сенат доношение Крекшина, поданное в Канцелярию Академии в феврале 1747 г., „книга, писанная рукою профессора Миллера“ (та, в которой были собраны выписки из иностранных сочинений о России) и „все по делу комиссара Крекшина и профессора Миллера в Канцелярии Академии Наук и в Конференции имеющиеся черные и белые письма и книги, из которых доказательства какие были взяты“ (Протоколы Конференции, II, стр. 157—158; Материалы, VII, стр. 237—239, 360—361, 368, 399—400, 408, 513—514).

Получив указанные материалы, Сенат 4 августа 1747 г. рассматривал дело, но не вынес ни тогда, ни позже какого-либо решения по нему. При рассмотрении 4 августа в Сенат был вызван Ломоносов, которому было поручено найти среди выписок Миллера и перевести с латинского инкриминируемый Миллеру Крекшину текст. Сделанный Ломоносовым перевод отрывка из польского историка Яна Длугоша, где говорится об унижениях, которым подвергался великий князь московский при приеме послов татарского царя [Johann Dlugoss. *Historiae polonicae*. Lipsiae, 1711—1712 (Польская история. Лейпциг, 1711—1712), т. II, кн. XIII, под 1479 г., стр. 588], хранится в ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XVII, № 11 bis, л. 160; напечатан: Пекарский, *Дополнительные известия*, стр. 22—23.

В новом прошении в Сенат 4 декабря 1747 г. Крекшин напоминал о своем „Родословии“ и о своих возражениях Миллеру, который на основании лживых иностранных источников, „не зная истины, заблудил и высочайшую фамилию неправо простою дворянскою дерзнул писать, и профессору Ломоносов, Тредиаковский и Штрубе в неведении же сию лжу за истину признавали“. Крекшин хотел привлечь к делу Ломоносова и его двух товарищей по Комиссии. Сенат снова постановил доложить дело в общем собрании Сената, а Крекшина обязать подпискою, впредь до окончания дела, о нем ничего не разглашать (Пекарский, *Дополнительные известия*, стр. 22—24). Дальнейших сведений о ходе дела не имеется, и самое дело в 1764 г. было сдано в архив (см. справку в деле Секретной экспедиции Сената, ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, № 578).

¹ Стр. 9. Мнение господина Крекшина — Петр Никифорович Крекшин (1684—1763) был одним из первых собирателей источников по русской истории, особенно по Петровской эпохе, автор „Краткого описания дел... императора Петра Великого“, имевшего довольно широкое рас-

пространение в XVIII в. в рукописных списках, и других работ. Крекшин заслужил в русской историографии весьма отрицательную оценку как невежда и суевер, наполнявший свои сочинения фантастическими вымыслами.

² Стр. 9. в предложенных от него, Крекшина, книгах — в репорте президенту от 17 января 1747 г. (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 1, № 117, лл. 12—13) Миллер указывает, что, работая над проверкой „Родословия“ Крекшина, он перечитывал разные родословные, разрядные и степенные книги и хронографы, в том числе некоторые, данные ему Крекшиным, „весьма нужные и в имп. Библиотеке при Академии Наук не имеющиеся“, из которых называет „Золотую родословную книгу“. С этими рукописями, очевидно, познакомился и Ломоносов при разборе дела.

³ Стр. 9. Синописом Киевским — имеется в виду изданный Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем „Синопис или Краткое описание о начале славенского народа, о первых киевских князях и о житии святого благоверного и великого князя Владимира, всея России первейшего самодержца, и о его наследниках, даже до благочестивейшего государя царя и великого князя Феодора Алексеевича самодержца всероссийского“; источником Синописа служили в основном польские историки, главным образом Стрийковский. Первое издание Синописа вышло в Киеве в 1674 г., переиздано с дополнениями в 1680 г. Синопис переиздавался в Москве и при Академии Наук, выдержав до 1810 г. 9 изданий. В распоряжении Ломоносова могли быть академические издания — 1735 и 1746 гг.

⁴ Стр. 10. князя Романа Васильевича — в другом труде, как указывает В. Н. Татищев, Крекшин производил род Романовых от Романа Ростиславича Смоленского, причем „дела оного Романа с делами Романа Мстиславича Галицкого смешал, меж которыми в летах разность не малая“ (История Российская, т. I, 1768, стр. 553).

⁵ Стр. 11. в летописце Брюсовом — имеется в виду находящаяся в Библиотеке Академии Наук „Книга Степенная“ (32. 8. 4) из библиотеки Я. В. Брюса, рукопись второй половины XVII в.

⁶ Стр. 11. в настоальной утвердительной грамоте — имеется в виду „Утвержденная грамота“ 1613 г., излагавшая решение Земского собора об избрании на царство Михаила Романова.

⁷ Стр. 12. иностранным родословным книгам — одним из справочников по генеалогии русских великих князей и царей служила книга И. Гюбнера Genealogische Tabellen (Генеалогические таблицы) в 4 частях. Первая часть ее, постепенно дополнявшаяся новыми данными (4-е издание вышло в Лейпциге, 1725 г.), содержала 2 таблицы, относившиеся к России, — „русских князей“ от Рюрика до Ивана III и „московских князей и царей“ за 200 лет, от Ивана III до Екатерины I (таблицы 112

и 113). Этим изданием пользовался Ломоносов; оно указано в реестре книг, взятых Ломоносовым из Библиотеки Академии Наук (В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. 1865, стр. 176).

⁸ Стр. 12. Лаврентьем Хурелихцом, герольдмейстером цесарским — имеется в виду „Родословие великих российских князей, собранное из разных печатных и рукописных творцов, веры достойных, Лаврентием Хуреричем, короля Леопольда I священником и Священного Римского государства герольдом, 1673“. Рукопись перевода находится в Библиотеке Академии Наук (31. 7. 19); она переплетена вместе со стихотворным русским переводом латинского сочинения монаха Александро-Невского монастыря Никодима Селлия „Зерцало историческое. Государей российских родословие, преемство, время вступления на престол“ и т. д. Перевод сделан в Александро-Невской семинарии в 1747 г., что может датировать и перевод Хурерича.

⁹ Стр. 12. Степенная книга Никона патриарха — имеется в виду „Книга Степенная царского родословия“, рукопись Библиотеки Академии Наук (32. 8. 1), позже изданная Г.-Ф. Миллером в Москве 1775 г.

2

[ПОСВЯЩЕНИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ „ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ“
В. Н. ТАТИЩЕВА]

(Стр. 13—16)

Печатается по копии XVIII в., находящейся в Архиве АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 38, лл. 14—15. Подлинник из архива В. Н. Татищева не сохранился. Впервые напечатано: Пекарский, Дополнительные известия, стр. 37—38.

Время написания — январь 1749 г.

Посвящение первого тома „Истории Российской“ В. Н. Татищева великому князю Петру Федоровичу было написано Ломоносовым по просьбе Татищева, изложенной им в письме Ломоносову от начала января 1749 г. (письмо Татищева не сохранилось). Причиной обращения Татищева к Ломоносову была, повидимому, весьма высокая оценка им Ломоносова как писателя, вызванная выходом в свет „Риторика“ в 1748 г. Татищев отметил в своем труде „особливо изрядную, хвалы достойную Риторику профессора Ломоносова“ (История Российская, кн. I, 1768, гл. XIV, стр. 493). Ломоносов быстро выполнил просьбу Татищева и отослал через И. Д. Шумахера посвящение при письме от 27 января 1749 г. (акад. изд., т. VIII, стр. 95—96). Шумахер отправил письмо Ломоносова и посвящение 30 января 1749 г. (Пекарский, II, стр. 415). Татищев был очень доволен составленным Ломоносо-

вым посвящением и благодарил его через И. Д. Шумахера (акад. изд., т. VIII, стр. 28 втор. пагин.).

Форма посвящения дала возможность Ломоносову высказать свой взгляд на патриотические задачи русской историографии. Труд Татищева, к которому Ломоносов написал „посвящение“, при жизни Татищева (он умер 15 июля 1750 г.) не был напечатан; он вышел только в 1768 г.

3

[ЗАМЕЧАНИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ Г.-Ф. МИЛЛЕРА
„ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ И НАРОДА РОССИЙСКОГО“]

(Стр. 17—80)

Замечания Ломоносова на диссертацию Г.-Ф. Миллера составляют четыре документа, объединенные общим содержанием.

I. [Репорт в Канцелярию Академии Наук 16 сентября 1749 г.].

Подлинник не сохранился. Печатается по копии (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 178—180).

Впервые напечатано: Билярский, стр. 758—762.

Время написания — 16 сентября 1749 г.

II. [Возражения на диссертацию Миллера].

Печатается по подлиннику, с собственноручной подписью и вставками Ломоносова (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 817, лл. 289—306).

Впервые напечатано: Пекарский, II, стр. 897—907.

Время написания — между 25 октября и 3 ноября 1749 г.

III. [Замечания на ответы Миллера].

Написаны на полях протокола Чрезвычайного собрания Академии Наук 6 марта 1750 г.

Печатается по рукописи Ломоносова на латинском языке (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 500—564).

Впервые опубликовано: замечания Ломоносова и часть текста Миллера на латинском языке — Пекарский, II, стр. 435—440.

Русский перевод замечаний Ломоносова и текста Миллера, к которому они относятся, публикуется впервые.

Время написания — после 8 марта 1750 г.

IV. В Канцелярию Академии Наук репорт [21 июня 1750 г.].

Печатается по рукописи Ломоносова (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 365—365 об.).

Впервые напечатано: Билярский, стр. 770—771.

Время написания — 21 июня 1750 г.

Обстоятельства составления замечаний Ломоносова на сочинение Миллера были следующими. Диссертация Миллера „Происхождение имени и народа российскийского“ готовилась им в качестве речи для прочте-

ния на публичном собрании Академии 6 сентября 1749 г. По приказу президента сочинение Миллера было предварительно прочитано в соединенном Академическом и Историческом собрании 23 августа; как указано в протоколе этого собрания, после исправления некоторых мест по приказанию президента, а также мест, отмеченных профессорами (в собрании присутствовали все профессора Академии и академического Университета, в том числе и Ломоносов), было вынесено решение, что диссертацию можно напечатать (Протоколы Конференции, II, стр. 206).

2 сентября 1749 г. было разослано печатное приглашение Академии Наук на публичное собрание 6 сентября, в котором Миллер „читать будет диссертацию о начале российского народа и от чего оный так называется“, Ломоносов — Похвальное слово императрице Елизавете, Винсгейм — предложит астрономическую задачу. Однако, по приказу президента, собрание было перенесено на 25 ноября (дата вступления Елизаветы на престол).

В письме к Г. Н. Теплову 6 сентября 1749 г. И. Д. Шумахер приписывает отсрочку собрания вмешательству П. Н. Крекшина (акад. изд., т. V, стр. 104—105 втор. пагин.); Миллер же в письме к президенту 8 октября 1750 г. указывает, что Шумахер сам давал читать его речь Крекшину и о суждениях Крекшина писал в Москву (ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 203—207). Шумахер, который как представитель академической администрации боялся возможности какого-либо политического промаха, использовал отсрочку публичного собрания для организации пересмотра диссертации академиками „по отдельности“ (акад. изд., т. V, стр. 110 втор. пагин.).

6 и 7 сентября экземпляры уже напечатанной к этому времени речи Миллера на латинском и русском языках были посланы Канцелярией Академии Наук И.-Э. Фишеру, М. В. Ломоносову, Ф.-Г. Штрубе де Пирмон, В. К. Тредиаковскому, Н. И. Попову и С. П. Крапенинникову, с тем чтобы „как наискорее освидетельствовать, не сыщется ль во оной чего для России предосудительного“. 13—16 сентября их репорты, в том числе репорт Ломоносова (документ I), были поданы в Канцелярию (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 174—190 об.) и затем посланы президенту в Москву.

27 сентября Главная канцелярия Академии Наук послала в Петербург указ за подписью Теплова о том, чтобы изъять из обращения диссертацию Миллера и хранить ее „до указа“; в указе приводилось мнение профессоров (со ссылкой на репорты Ломоносова и Попова) о недопустимости произнесения этой речи в Академии (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 218—219 об.).

Ломоносов возвратил 30 сентября 1749 г. в Канцелярию оба экземпляра диссертации Миллера вместе с исправленными листами своей

речи (репорт его 30 сентября 1749 г., Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 232).

2 октября Миллер в письме президенту жаловался, что Канцелярия требовала отзывов только у тех членов Исторического собрания, которые ему „недоброхотствуют“; так как „ему никакой критики никто не показал, то он и оправдаться не мог“. Президент приказал в недельный срок исследовать диссертацию Миллера в Чрезвычайном собрании, выразив надежду на возможность ее „заблаговременно поправить“ (письмо Теплова Шумахеру 9 октября, Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 257—257 об.).

Чрезвычайное собрание академиков приступило к обсуждению диссертации Миллера 23 октября, с тем чтобы по окончании каждый подал свое мнение. Составление протокола было поручено С. П. Крашенинникову (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 258—259 об., постановление Канцелярии 18 октября 1749 г.). Обсуждение продолжалось по 8 марта 1750 г., заняв 29 заседаний.

24 октября Ломоносов выступил с первыми возражениями, на которые Миллер отвечал устно; спор их продолжался 25 октября, а затем, по поданным ими материалам, их выступления были внесены Крашенинниковым в протокол 24 октября (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 407—411). Так как эти первые возражения были потом повторены Ломоносовым в развернутом виде (документ II), то они здесь не воспроизводятся. Следует лишь отметить, что в протоколе 24 октября сохранился момент спора, не отраженный в дальнейших материалах. Ломоносов доказывал, что название роксоланы изменилось в название руссы путем изменения роксаны в россаны и т. д. Он заявил, что роксаны и роксоланы „употребляются у древних авторов вперемешку“. Миллер отвечал: „Критик дал ввести себя в обман Шеттгену, говоря, что роксоланы обозначались также названием роксаны. Сведущие люди уже давно обратили внимание на то, что чтение роксаны у Страбона — искаженное и что Шеттген поступил недобросовестно, решив исправить других древних авторов на основании неверного предположения“. Миллер имел в виду книжку Христиана Шеттгена *De originibus russicis dissertationes septem. Dresdae et Lipsiae, 1731* (Семь диссертаций о происхождении русских. Дрезден и Лейпциг, 1731), дававшую сводку античных и средневековых известий, касающихся русской территории.

Ломоносов учел это замечание, и в последующих его возражениях название роксаны больше не употребляется.

Кроме Ломоносова возражения представили Попов, Крашенинников, Фишер и Штрубе де Пирмон.

Так как Миллер не мог быстро ответить на возражения, то в Чрезвычайном собрании никакого обсуждения фактически не велось. „После

первого совещания перестали уже что-либо решать, — писал Миллер Теплову 26 октября 1749 г. — Мне сообщают возражения, я на них отвечаю, вот и все“ (ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 160—162; письмо на французском языке). С 31 октября Миллер и вообще перестал посещать Чрезвычайное собрание и лишь присылал некоторые ответы Крашенинникову.

Ломоносов позже, в „Краткой истории о поведении Академической канцелярии“ 1764 г., писал: „Миллер требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И наконец у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего асессора Теплова в глаза бесчестил. После сего вскоре следственные профессорские собрания кончились, и Миллер штрафован понижением чина в адъюнкты“ (Биларский, стр. 069).

Подробные возражения Ломоносова (документ II) были поданы, судя по протоколу, 3 ноября. Эти „объекции“ были переписаны и посланы Миллеру 6—7 ноября (письмо Крашенинникова Миллеру 6 ноября 1749 г., отпуск, Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 593). Миллер потребовал переводчика, чтобы перевести на латинский язык возражения Ломоносова для помещения их в своих ответах, ссылаясь на возможность новых споров — „трафил ли я мнение г. Ломоносова и самую ли я силу выписал или нет“ (ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 182—183); однако ему было в этом отказано, причем Шумахер сказал, что „в сие дело мешаться не хочет“, и предложил употребить на это находившегося при Миллере студента А. П. Горланова (письмо Крашенинникова Миллеру от 16 ноября 1749 г., отпуск, Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 594 об.).

Так как Миллер задерживал ответы на возражения оппонентов, а по репорту Крашенинникова мнение о неприемлемости диссертации уже выяснилось, то Канцелярия 29 ноября постановила: Чрезвычайное собрание оставить и заниматься текущими делами как Профессорскому, так и Историческому собранию, поскольку мнение о диссертации „надобно ныне не в скорости“ (там же, лл. 298—299).

8 января 1750 г. Теплов объявил в Профессорском собрании указ президента как можно скорее довести обсуждение до конца и возражения вместе с ответами послать в Канцелярию, а затем В. Н. Татищеву.

С 20 января обсуждение возобновилось. Миллер приносил свои ответы на возражения противников, разделенные им на детальные пункты, на латинском языке. В первую очередь он прочел начало своего

ответа Ломоносову, который в протоколе не приведен, затем перешел к ответам другим лицам и, наконец, на заседаниях 1, 2, 5 и 6 марта огласил обширный ответ Ломоносову в 70 пунктах, который и был вписан целиком в протокол 6 марта 1750 г.

На одном из первых январских заседаний Чрезвычайного собрания Теплов предложил только слушать представляемые „объекции“ и ответы, „а ч.й правда, о том бы не рассуждали“, так как „мнени-де после будут взяты на всю диссертацию“ (из письма Миллера президенту 8 октября 1750 г., ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, № 248, тетр. 3, лл. 203—207).

После 8 марта, когда заседания закончились, протоколы „посланы были кругом“ по всем профессорам; в это время и были сделаны на полях протокола 6 марта замечания Ломоносова по поводу ответов Миллера (документ III). Крашенинников специально оговорил эти заметки в репорте от 21 июня 1750 г. при посылке всех документов в Канцелярию: „В протоколе марта 6 дня в некоторых местах приписано рукою г. профессора Ломоносова после того, как уже оный протокол был подписан, чего ради оная приписка свойственно не принадлежит к тому протоколу; но за краткостью времени протокол не переписан“ (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 398 об.).

Здесь воспроизводятся: в левом столбце — перевод написанного Миллером текста („возражения Ломоносова“ и „ответы Миллера“), а в правом столбце — замечания Ломоносова на латинском языке с переводом.

21 июня 1750 г. Крашенинников вновь собрал Чрезвычайное собрание для подачи письменных мнений, которые и были представлены 13 академиками и адъюнктами, в том числе и Ломоносовым (документ IV). Все обширное дело — „экзамен диссертации“ Миллера — было представлено в Канцелярию Академии Наук. На основании этих мнений 24 сентября 1750 г. Канцелярией был послан Профессорскому собранию указ об уничтожении диссертации Миллера, „так как она предосудительная России“ и „от троих российских не опробована, да и от иностранных ни от кого и от профессора Тредиаковского за прямо основательную не признана“ (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 598—598 об.).

В дискуссии с Миллером 1749—1750 гг. Ломоносов выступил впервые как главный борец против антинаучной и клеветнической норманской теории, искажавшей подлинную историю русского народа. Миллер являлся проповедником этой теории не только в своей диссертации, но и в ответах на возражения противников. Разбирая вопрос о происхождении имени русь и народа русь, Миллер лишь бегло трактовал высказывания древних и средневековых авторов о славянах и россах

а в основном стремился опереться на скандинавские саги (изложенные Саксоном Грамматиком и Снорре Стурлезоном), которые использовал некритически, придавая им значение достоверных исторических источников. Миллер изображал древнюю территорию восточных славян как театр действия скандинавских завоевателей, а древнерусское население как пассивный объект воздействия этих завоевателей. Миллер доказывал, что „россияне“ в России „за пришельцев почитаемы быть должны“ (Происхождение имени и народа российского, стр. 12), что варяги „уже за много веков до Рюрика подчинили Россию своей власти“ (Протокол Чрезвычайного собрания 6 марта 1750 г., ответ на 15-е возражение Ломоносова); он выдвигал то, „чем показать можно, что скандинавы всегда старались наипаче о приобретении себе славы российскими походами“ (Происхождение. . ., стр. 24). Варяги скандинавы были, по его мнению, тем народом, „от которого Россия не токмо жителями населена, но и имя свое получила“: новгородцы будто бы восприняли из финского языка название, которым финны именовали шведов, и сами стали именовать так северных пришельцев, „почему и варяги от славян россиянами названы“.

Опровергая все эти измышления, извращавшие русскую историю, Ломоносов доказывал древность происхождения русского народа, требовал большего внимания к русским летописям, отвергая самую трактовку русского народа норманистами как народа второстепенного значения, не имевшего самостоятельной роли в истории. В споре с Миллером Ломоносов развернул богатый запас исторических знаний, обнаружив большую начитанность уже к этому времени в античных и средневековых исторических источниках и наметив впервые свою историческую концепцию автохтонности восточных славян и славянского происхождения русской государственности, позже развитую в его „Древней Российской истории“.

Дискуссия Ломоносова с Миллером, имевшая глубоко принципиальный характер, определила и дальнейшее отношение Ломоносова к работам Миллера.

Ломоносов очень настороженно следил за тем, как Миллер освещал исторические вопросы, имевшие политическое значение для современности. Его критическое отношение к „Описанию Сибирского царства“ освещено в печатаемом в этом томе отзыве (см. работу 4).

В записке, приготовленной для президента, на которой стоит помета Ломоносова о посылке ее „в генваре месяце сего 1761 года“, но которая фактически относится к более позднему времени, Ломоносов писал, что Миллер, „хотя за негодную диссертацию о происхождении российского народа был штрафован лишением чина, однако не отстает прежних своих поступков“ (Биярский, стр. 488, 490). Действительно,

Миллер использовал свою диссертацию, написанную в 1749 г., в работе „Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших одного города случаях“, напечатанной по-немецки: *Sammlung Russischer Geschichte*, Bd. V, Stücke 5—6 (Собрание русской истории, т. V, части 5—6). СПб., 1761, стр. 381—572; по-русски: „Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие“, 1761, июль—октябрь, где вступительная часть (июль, стр. 3—13) повторяет целыми кусками мысли диссертации. Ломоносов писал: „Всего доказательнее его злоба, что он в разных своих сочинениях вмещает свою скаредную диссертацию о российском народе по частям и, забыв свое наказание, хвастает, что он ту диссертацию, за кою штрафован, напечатает золотыми литерами. Причем хвалит пребеликого педанта Бейера превеликие в «Комментариях» и нам прикрые [т. е. досадные] ошибки, для того, что Миллер в помянутую заклятую диссертацию все выкрал из Бейера и ту ложь, что за много лет напечатана в «Комментариях», хотел возобновить в ученом свете“ (Билярский, стр. 492).

I. [Репорт в Канцелярию Академии Наук
16 сентября 1749 г.]

¹ Стр. 20. он весьма немного читал российских летописей — Ломоносов к этому времени мог с уверенностью говорить о существовании большого количества русских летописей. Уже Татищев использовал 11 летописей, в том числе 8 списков Несторовой летописи с продолжением; в Академии Наук хранилась копия Кенигсбергской летописи и несколько списков Степенной книги; количество древних книг пополнялось новыми приобретениями и копиями, заказываемыми Академией Наук.

² Стр. 20. о Саксоне Грамматике — имеется в виду издание: *Saxonis Grammatici Danorum historiae libri XVI*. Basileae, 1534 (История датчан в 16 книгах. Базель, 1534).

³ Стр. 20. мнение о происхождении от Мосоха Москвы и россиян от реки Росса — это мнение в русской литературе принадлежит автору Синсписа (см.: И. Забелин. История города Москвы, ч. I. Изд. 2-е, М., 1905, стр. 23—24). Свое отрицательное отношение к этому толкованию, связанному с текстом Библии, Ломоносов выразил в „Древней Российской истории“ (см. стр. 180).

⁴ Стр. 21. О скифах... что от покойного профессора Бейера... писано — имеется в виду статья Э.-Т. Байера *De origine et prisicis sedibus Scytharum* (О происхождении и древних поселениях скифов) в т. I *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*, 1728, стр. 385—399.

⁵ Стр. 22. Что славенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде рожества Христова — здесь выражена правильная историческая догадка Ломоносова, подробно развитая в его „Древней Российской истории“, об автохтонном происхождении восточных славян, подтверждаемая археологическими свидетельствами в отношении Приднепровья.

⁶ Стр. 22. Рурик с братьями был сродственник князям славенским — тезис о славянском происхождении пришедших в Новгород варягов-руси являлся одним из основных тезисов прежней антинорманской теории, основоположником которой был Ломоносов, утверждавший национальные истоки самостоятельного Русского государства. Источником для защиты этого тезиса служил Синописис, где сказано: „Варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицаются Варяжское, селения своя имуще, языка славенска бяху и зело мужественны и храбры“ (Синописис, Киев, 1680, стр. 23—24), а также некоторые указания Повести временных лет. Советская историческая наука окончательно разгромила концепцию норманистов, показав происхождение древнерусского государства как этап внутреннего развития восточно-славянского общества, задолго до появления варяжской династии, которая смогла удержаться лишь потому, что служила задачам объединения и защиты Киевской Руси, покорившись русской культуре и потеряв свой норманский облик (см.: Б. Д. Греков. Образование Русского государства. Большевик, 1947, № 11—12).

⁷ Стр. 23. Ольги... которая в Прологе псковитянынею, а у Стриковского правнукою Гостомысловою называется — имеется в виду „Пролог (Синаксарь)“ — собрание житий святых, вышедший в нескольких изданиях. Под 11 июля в житии св. Ольги указывается, что она „родом псковитянка“; М. О. Стрийковский, автор „Kronika Polska, Litewska, Zmòdzka i wszystkiej Rusi“, w Królewscu, 1582 (Хроника Польши, Литвы, Жмуди и всей Руси. Кролевец, 1582), служил, одним из основных источников для Синописиса.

⁸ Стр. 24. перевод... по своему переправляя — перевод диссертации Миллера на русский язык был сделан К. Ф. Модерахом, причем Миллер сам вмешивался в перевод, вследствие чего Модерах отказался от ответственности за него. Стилистическую правку русского перевода по печатному тексту делал по поручению Шумахера С. П. Крашенинников (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 235). Правленный им экземпляр хранится в этом же деле.

⁹ Стр. 24. Сибирской истории — обсуждение Сибирской истории Миллера в Историческом собрании началось в 1748 г. (см. примечания к работе 4 настоящего тома).

¹⁰ Стр. 24. дигрессий — отступлений, уклонений.

II. [В о з р а ж е н и я н а д и с с е р т а ц и ю М и л л е р а]

¹¹ Стр. 26. Общее описание всего света... § 394 — имеется в виду издание *An universal history from the earliest account of time to the present* (Всеобщая история с древнейших времен до настоящего времени), выходявшее в Лондоне с 1736 г., в 17 томах. Ломоносов пользовался немецким переводом, издававшимся Э. Я. Баумгартеном в Галле в 1744—1758 гг. под названием *Übersetzung der Allgemeinen Welthistorie, die in England durch eine Gesellschaft von Gelehrten ausgefertigt worden* (Перевод Всеобщей истории, выполненный в Англии обществом ученых); том 8-й вышел в 1749 г. На стр. 314 указываются в числе народов, покоренных Митридатом, „die Rhoxanos, anjetzo Russen oder Moskoviter angefüret“ (Роксоланы, от которых ныне выводят русских или московитов). Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 150 втор. пагин.

¹² Стр. 26, у Плиния, ** Книга 4, глава 12 — имеется в виду, вероятно, ближайшее по времени издание *Plinius Secundus. Historiae naturalis libri XXXVII, Parisiis, 1723* (Естественная история, в 37 книгах. Париж, 1723). Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 151 втор. пагин.

¹³ Стр. 26. Христофор Целларий примечает, *** В Древней Географии, том I, кн. 2, гл. 6 — здесь и далее имеется в виду *Christophori Cellarii Noticia orbis antiqui, sive Geographia plenior. Lipsiae, 1731—1732* (Представление о древних странах или полная география. Лейпциг, 1731—1732) в 2 томах; это издание давало сводку географических сведений из античных авторов „от начала Рима до времен Константина“. Указанная глава называлась „De Sarmatia Euoraea“ (О европейской Сарматии). Соответствующие цитаты приведены в акад. изд., т. V, стр. 151, 152—153, 154—155 втор. пагин.

¹⁴ Стр. 27. Бейер не спорит; * В Комментариях, том 8, стр. 407 — имеется в виду статья Байера *Origines Russicae* (Русские происхождения) в *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*, т. VIII, 1741, стр. 382—436. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 152, 154, 156—157 втор. пагин.

¹⁵ Стр. 27. Страбон, ** Книга 2, стр. 78 — здесь и далее имеется в виду, вероятно, „Альмеловенское“ издание, упоминаемое в диссертации Миллера: *Strabonis Rerum geographicarum libri XVII. Amstelædami, 1707* (География в 17 книгах. Амстердам, 1707). Соответствующие цитаты приведены в акад. изд., т. V, стр. 152 и 153 втор. пагин.

¹⁶ Стр. 27. согласуется с Новгородским летописцем — под Новгородским летописцем Ломоносов имел в виду не собственно Новгородскую летопись, а апокрифическое сказание, впервые введенное в на-

учный оборот П. Н. Крекшиным. В 1735 г. Крекшин писал в Академию Наук, излагая это предание, о котором не показано „в печатных исторических книгах прошлых лет“, со ссылкой, что жители Новгорода „исстари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя“ (Материалы, II, стр. 806—808).

Это сказание, содержащее, между прочим, легенду о городе Славенске, предшественнике Новгорода, казалось Ломоносову отзвуком исторической действительности. Карамзин, опубликовавший отрывки этого сказания, считает автором его дьякона Холопьева на Мологе монастыря Т. Каменевич-Рвовского, писавшего в конце XVII в. (История Государства Российского, т. I, примеч. 70 и 91). Татищев считал это сказание позднейшим искажением так называемой „Иоакимовской летописи“, которую он признавал не апокрифической (см. его высказывания о ней в „Истории Российской“, кн. I, ч. 1, примеч. к гл. IV, стр. 42; ч. 2, стр. 426—427; кн. II, стр. 351). Новейшие исследователи считают эту баснословную повесть началом одного из новгородских сводов, составленного в последней четверти XVII в.

Сказание о начале Новгорода было довольно известно в XVIII в.; оно входило в различные поздние сборники летописей, в том числе в „Летописец Новгородский“ — сборник, хранящийся в Библиотеке Академии Наук, списанный с экземпляра, принадлежавшего М. Ил. Воронцову, имеющий на корешке титул „Летописец Российский“ (16. 4. 1). Сказание, предшествующее летописным известиям, имеет заголовок „Зачало Русския земли, како прозвася словенская“. Миллер в ответах на 9 и 10 пункты возражений Ломоносова (в протоколе 6 марта 1750 г.) подробно излагает содержание „Новгородского летописца“ и указывает, что он сделал подробные извлечения из этой рукописи для академического Архива. Сказание напечатано по списку 1679 г. с вариантами из 22 списков Ф. Гиляровым в кн. „Предания русской начальной летописи (по 969 год). Приложения“. М., 1878, стр. 15—22. Цитаты из сказания приведены в акад. изд., т. V, стр. 224—225 и 229 втор. пагин.

¹⁷ Стр. 28. Тацит* Книга 1, гл. 79 — имеется в виду *De situ, moribus et populis Germaniae libellus* (Книга о положении, обычаях и народах Германии), сочинение, входившее во все издания. Одним из новейших изданий Тацита в Библиотеке Академии Наук было франк-фуртское издание 1725 г. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 154 втор. пагин.

¹⁸ Стр. 28. Спартиан объявляет,** В житии Адриана кесаря, гл. 6 — имеется в виду *Aelii Spartiani. Adrianus Caesar*. Эта биография входит в т. I двухтомного сборника *Historiae augustae scriptores VI* (Шесть авторов историй об августях), снабженного обширными комментариями

филологов XVII в. Издание Гаак (ex officina Nasciana) (Лейден, 1671)¹⁹ содержит комментарии Ис. Казабона, Кл. Салмазия и Яна Грутера; издание Argentorati (Страсбург, 1677) комментировано Кл. Обрехтом. На этих комментаторов делает ссылки Миллер. Цитата из Спартиана приведена в акад. изд., т. V, стр. 154 втор. пагин.

¹⁹ Стр. 28. Нестор, лист 10 — Ломоносов мог пользоваться в это время копией Кенигсбергского списка „Повести временных лет черноризца Феодосиева Печерского монастыря“, сделанной по приказу Петра I в 1716 г., — одной из первых летописей рукописного собрания Академии Наук. Указываемые им листы совпадают с этой копией. Также мог он пользоваться текстом Повести временных лет по Никоновской летописи.

Первые исследования о Несторе как авторе летописи принадлежали Татищеву (в рукописи), а затем Г.-Ф. Миллеру (О первом летописателе. Ежемесячные сочинения, 1755, апрель).

²⁰ Стр. 30. Бейерову диссертацию о варягах — имеется в виду статья De Varagis в Commentarii Academiae imperialis scientiarum Petropolitanae, t. IV, 1735, стр. 275—311.

²¹ Стр. 32. предлагается здесь следующая таблица — таблица названий порогов представляет результат самостоятельной работы Ломоносова. Сделанное Константином Багрянородным сопоставление славянских и „русских“ названий днепровских порогов было использовано первоначально Байером, а вслед за ним другими норманистами для доказательства различия языков славянского и „русского“ и, следовательно, для доказательства варяжско-скандинавского происхождения руси. Ломоносов впервые высказал оригинальную мысль о том, что различие названий может быть связано не с „разностью языка“, а с изменением исторических условий — „разностью времени“, в доказательство чего привел и современные новые названия порогов. Он попытался приурочить также некоторые из „русских старых“ имен к славянской семантике (олеборзый, ливарь, лентяй, срывун). Эта попытка, хотя и не имевшая достаточной лингвистической опоры, стоит в ряду разысканий по этому трудному вопросу, которые и до сих пор не могут считаться законченными. Ломоносову был, конечно, знаком разбор мнений по вопросу о порогах, сделанный Татищевым, начиная от Ансельма Бандури [в примечаниях в его сборнике Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae (Восточная империя или Константинопольские древности), Париж, 1711, к сочинению Константина De administrando imperio (Об управлении государством)], Шеттгена [Christiani Schoettgenii. De originibus russicis dissertationes septem (Семь диссертаций о происхождении русских). Дрезден и Лейпциг, 1731] и кончая Байером (Татищев. История Российская, т. I, ч. 2).

Сведения о новых современных названиях порогов могли быть взяты Ломоносовым из карт, указываемых Татищевым (см.: История Российская, т. I, 1768, ч. 2, стр. 219), в том числе из карты „Войны Турецкой“ 1737 г., которая „исправнее других“. Ненасытец приурочен Ломоносовым к четвертому порогу Неясыть, хотя на картах число порогов и нумерация их варьируется и не совпадает.

В таблице Ломоносова была допущена ошибка: „русское старое“ имя *Aeifur*, которым у Константина назван четвертый порог и которому соответствует славянское название Неясыть, передано *Leufur* (и соответственно Ливарь) и поставлено на третьем месте, тогда как Константин не дает русского названия третьего порога; также ошибочно на третьем месте стояло „новое имя“ Ненасытец, которое Ломоносов, конечно, приурочивал к „Неясыть“; последнее в нашем издании перенесено на четвертое место.

Попытки объяснения названий днепровских порогов, проводившиеся в борьбе против норманистов, подробно разобраны в советской литературе (см.: С. В. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства. Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР, вып. II, 1940; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий „Русь“ и „Русская земля“. Советская этнография, VI—VII, 1947).

²² Стр. 33. венгерцы называют нас руссами, а славян разами — Ломоносов мог получить сведения о венгерском языке от акад. И.-Э. Фишера, который занимался угроведением и 13 августа 1759 г. представил Академическому собранию речь *De origine ungrorum* (О происхождении венгров), подготовленную им для чтения в публичном собрании Академии. Речь была издана в сборнике статей Фишера *Questiones Petropolitanae. Gottingae et Gothae, 1770* (Петербургские вопросы. Геттинген и Гота, 1770).

²³ Стр. 34. Гарткнох в Новой и старой Пруссии — имеется в виду *Chr. Hartknoch Alt-und Neues Preussen ode. Preussischer Historien zwei Theile. Franckfurt und Leipzig, 1684* (Старая и [новая Пруссия или Прусские истории в двух частях. Франкфурт и Лейпциг, 1684). Издание есть в Академической библиотеке. В числе иллюстраций помещены изображения языческих идолов, описываемые Ломоносовым. Большая цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 158—160 втор. пагин.

²⁴ Стр. 38. Прокопий Кесарийский в кн. 3 — сочинение о войне Римской империи с готами *De bello Gothico* составляет книги 5—7 *Procopius Caesariensis Historiarum sui temporis libri VIII* (Истории его времени в 8 книгах); другие книги посвящены войне с персами и войне с вандалами. Имеется несколько изданий. Ломоносов, вероятно, пользовался текстом Прокопия в издании Л. А. Муратори *Regum italicarum*

scriptores, I, Mediolani, 1723 (Писатели истории Италии, т. I, Милан, 1723), на которое ссылался в своих отчетах и которое брал из Академической библиотеки. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 160 втор. пагин.

²⁵ Стр. 38. Иорнанд, о гетах пишучи — сочинение Иорнанда (Jornandes) или Иордана (Jordanes) о гетах под разными названиями (De rebus geticis seu Historia de Gothorum, sive De origine actibusque Getarum — История о происхождении и деяниях гетов или гетов) было издано несколько раз в XVI и XVII вв.; вошло в собрание Л. А. Муратори (т. I, 1723), текстом которого Ломоносов, вероятно, и пользовался. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 161 втор. пагин.

²⁶ Стр. 38. Григорий Великий... к епископам в Истрию пишет — единичная ссылка на Григория Великого, возможно, цитируется и переводится Ломоносовым не по первоисточнику. Данное письмо находится среди „Тридцати шести писем к архиепископу Салоникскому“ в т. II Opera omnia (сочинений) папы Григория I, многократно издававшихся с XV в. В Библиотеке Академии Наук имеется издание Бенедиктинского ордена, Париж, 1705. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 161 втор. пагин.

²⁷ Стр. 39. нелепые сказки о богатырях и о колдунах — здесь имеются в виду не критически использованные Миллером норвежские саги Снорре Стурлзона, изданные параллельно с латинским переводом И. Перингскиольдом: Heims-Kringla aller Snorre Sturlusone Nordlândske Konunga Sagor, sive Historiae regum septentrionalium a Snorrone Sturlonide, Stockholmiae, 1697 (Истории о северных королях. Стокгольм, 1697), в 2 томах, а также „История датчан“ Саксона Грамматика (см. примеч. ²). Оба эти издания Ломоносов впоследствии брал из Академической библиотеки.

III. [Замечания на ответы Миллера]

²⁸ Стр. 44. Иордан, Происхождение славян — имеется в виду J. Chr. de Jordan. De originibus slavicis. Vindobonae, 1745 (О происхождении славян. Вена, 1745), в 2 томах; издание имеется в Библиотеке Академии Наук.

²⁹ Стр. 49. у императора Романа допрашивали послов из племени ρως — здесь у Ломоносова смешаны сведения из двух различных источников: о присутствии россов на приеме послов в 946 г. у византийских императоров Константина и Романа (Константин. О церемониях византийского дворца) и о приходе в 839 г. к Людовику Благочестивому вместе с византийскими послами людей из народа Rhos

(из Бертинской летописи). Цитата из Бертинской летописи имелась в статье Байера „О варягах“ (см. примечание 20).

³⁰ Стр. 55. что раньше отрицали Крашенинников и Попов — возражения С. П. Крашенинникова и ответы Миллера вписаны в протоколы Чрезвычайного собрания 24 октября (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 413—414 об.) и 18 ноября 1749 г. (там же, лл. 458 об.—476); возражения Н. И. Попова с ответами Миллера вписаны в протоколы 23 октября (лл. 420—424 об.), 27 октября (лл. 427—434 об.) и 30 октября 1749 г. (лл. 435 об.—443 об.).

³¹ Стр. 62. в Патриаршем списке летописи — идет речь о Никоновской летописи, хранящейся в Библиотеке Академии Наук (32. 14. 8). Она была издана Академией Наук в 8 томах, СПб., 1767—1792.

³² Стр. 62. в искаженной летописи Нестора — речь идет, вероятно, о Повести временных лет в составе Никоновской летописи, где текст сокращен и язык ее модернизирован.

³³ Стр. 68. Цицероном... изд. Вербурга 8° — имеется в виду М. Tulli Ciceronis Opera quae supersunt omnia (Собрание сочинений), Амстердам, 1724, в 12 томах.

³⁴ Стр. 73. слова Ол. Верелиуса о Саксоне Грамматике — имеется в виду текст комментариев Ол. Верелия к „Саге о Герфоре“ (Hervarar Saga), Упсала, 1672.

³⁵ Стр. 74. мой ответ на одно возражение Фишера, продиктованный 26 числа для протокола — возражения И.-Э. Фишера и ответы Миллера помещены в протоколах Чрезвычайного собрания 24 октября 1749 г. (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 415—416 об.), 26 октября 1749 г. (л. 425—425 об.) и 28 февраля 1750 г. (лл. 487—496).

4

[ЗАМЕЧАНИЯ НА 6 И 7 ГЛАВЫ „СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ“
Г.-Ф. МИЛЛЕРА]

(Стр. 81—84)

Печатается по собственноручному репорту Ломоносова в Канцелярию Академии Наук (Архив АН СССР, ф. 3, [оп. 1, № 120, л. 159—159 об.).

Впервые напечатано: Билярский, стр. 159—160.

Время написания — 29 октября 1751 г.

Канцелярия Академии Наук 7 июля 1747 г. передала Ломоносову русский перевод с немецкого первой книги „Сибирской истории“, с тем

чтобы ее, „рассмотря и исправя, при репорте внести в Канцелярию“ (Биярский, стр. 88).

Ломоносов, повидимому, сделал в переводе какие-то исправления, так как перевод снова был передан Миллеру, который 9 ноября 1747 г. вернул в Канцелярию „Сибирскую историю вновь поправленную“. Но этот перевод позже был признан неудовлетворительным, и в июне 1748 г. переводчик В. Лебедев приступил к новому переводу пяти глав „Сибирской истории“. Окончив перевод первой главы, Лебедев представил его в августе 1748 г. в Канцелярию, которая постановила перевод Лебедева послать „для освидетельствования“ к профессору Ломоносову: „достоин ли тот перевод отдать для напечатания“, с просьбой выполнить поручение „как наискорее“. 12 августа 1748 г. был получен ответ Ломоносова; он писал, что присланную ему первую главу „Сибирской истории“, переведенную с немецкого языка В. Лебедевым, он „рассматривал, и помянутая книга явилась напечатания достойна“; он нашел в книге малые погрешности, „которые больше в чистоте штиля состоят“ и могут быть легко исправлены самим переводчиком. На основании этого отзыва Ломоносова Канцелярия подтвердила свое постановление 10 августа 1747 г. о печатании „Сибирской истории“ на русском языке. В. Лебедев перевел также большую часть главы 2 „Сибирской истории“, а все остальное (часть гл. 2, главы 3, 4 и 5) было переведено И. Голубцовым (перевод его главы 5 был исправлен К. Ф. Модерахом). Переводы глав 2—5 на „освидетельствование“ Ломоносову не посылались (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 94—102; Биярский, стр. 112).

В 1748 г. первые пять глав „Сибирской истории“ обсуждались в Историческом собрании Академии Наук; при чтении замечаний профессора И.-Э. Фишера на главу 2 в Собрании был поднят вопрос о трактовке Миллером поведения Ермака в Сибири. Слова Миллера, что Ермак „грабежу или разбою, чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за прегрешение“, вызвали возражения со стороны Я. Я. Штелина, Ф.-Г. Штрубе де Пирмон, М. В. Ломоносова и И.-А. Брауна, которые заметили, что „о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать“ (Протокол Исторического собрания 3 июня 1748 г. Библиографические записки, 1861, т. III, № 17, стр. 515). В следующем заседании, 6 июня 1748 г., по требованию Миллера были собраны голоса членов о том, выключить ли ему все, что он написал о Ермаке, „ибо умягчить свои изображения ему никак невозможно“.

Ломоносов подал мнение, записанное секретарем собрания В. К. Тредиаковским, что „подинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибирь, или для всероссийского самодержца, однако сия правда, что он потом поклонился ею“ русскому царю, „того ради, буде

онные рассуждения, которые об его делах с несколько похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить" (там же, стр. 516—517). Согласно общему мнению, Миллер и „вычернил“ эти описания.

Общее мнение Ломоносова о первой части „Сибирской истории“ было отрицательным. В отзыве о работе Миллера „Происхождение имени и народа российского“ 16 сентября 1749 г. Ломоносов указывал, что „Сибирская история“ „едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссертация“ (см. настоящий том, стр. 24). Написанное Миллером предисловие к первому тому „Сибирской истории“, по мнению Ломоносова, „кисливое“ (там же) и „российскому народу предосудительное“ (письмо Г. Н. Теплову 30 января 1761 г., акад. изд., т. VIII, стр. 233), не было напечатано при первом издании „Сибирской истории“. В 1764 г. Ломоносов писал, что Миллер „в первом томе Сибирской истории положил много мелочных излишеств и, читая оное, спорил и упрямылся, не хотя ничего отменить“ (Краткая история о поведении Академической канцелярии. Билярский, стр. 068).

В 1751 г. Историческое собрание приступило к обсуждению второй части „Сибирской истории“. 22 мая Миллер начал чтение 6-й главы; чтению и обсуждению этой главы было посвящено несколько заседаний, на которых Ломоносов не присутствовал.

17 сентября 1751 г. он подал просьбу в Канцелярию уволить его от „присутствования“ в Историческом собрании, ссылаясь на враждебное отношение к нему Миллера в связи с запрещением диссертации последнего в 1749 г. „А в нынешних исторических собраниях читается его ж Миллерова Сибирская история, и для того опасаясь, чтобы обыкновенных его досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокоясь принято от того досадою, в других моих делах не иметь остановки“. Ломоносов просил позволения читать сочинение Миллера на дому и с примечаниями отсылать в Историческое собрание на рассуждение (Билярский, стр. 155—156).

Канцелярия Академии Наук согласилась на это, и 23 сентября 1751 г. Ломоносову были посланы 6 и 7 главы „Сибирской истории“; печатаемые замечания на эти главы были получены Канцеляриею 31 октября и направлены в Историческое собрание 20 ноября (Архив АН СССР, ф. 3., оп. 1, № 120, л. 161).

В заседании Исторического собрания 27 ноября 1751 г. было заявлено, что Миллер сделал исправления согласно замечаниям Ломоносова (Пекарский, I, стр. 406), после чего главы 6 и 7, как и читанные в Собрании без Ломоносова главы 8—11, были одобрены Историческим собранием, и 20 декабря Канцелярия распорядилась их печатать.

В дальнейшем Ломоносов несколько раз выступал против работ Миллера. В записке президенту, написанной в 1761 г., он протестовал по поводу его работы *Versuch einer neueren Geschichte von Russlands* (Опыт новейшей истории о России) [Sammlung Russischer Geschichte, Bd. V, Stücke 1—4 (Собрание русской истории, т. V, части 1—4), СПб., 1760—1761. Первая часть этой работы (стр. 1—180) появилась в переводе (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1761, январь — март); остальные не были изданы в переводе]. Ломоносов считал, что Миллер выбирает темы, которые дают повод для тенденциозного истолкования событий не в пользу русского народа. „Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годунова и Расстригины, самую мрачную часть Российской истории; из чего иностранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе. Или нет других известий и дел российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?“ (Билярский, стр. 492).

¹ Стр. 83. весьма много в ней вещей, печати недостойных — на рукописной копии главы 6 Сибирской истории, бывшей в руках Ломоносова, имеется карандашная помета его рукой: „Много Миллеров надобно и тысячи лет, чтобы все мелочи описать“ (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 12, л. 18; ср.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова. М.—Л., 1937, стр. 116, № 298).

² Стр. 84. первый том Сибирской истории — был напечатан в 1750 г. под названием „Описание Сибирского царства и всех происходивших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе, по сии времена. Книга первая“. Упомянутая Ломоносовым критика, отражена в указе Миллеру Канцелярии Академии Наук 19 июня 1750 г., где говорится: „Также усмотрено, что в первом томе Истории Сибирской, который уже напечатан, большая часть книги не что иное есть, как только копия с дел канцелярских, а инако бы книга надлежащей величины не имела — то чрез сие накрепко запрещается, чтобы никаких копий в следующие томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что она действительно в академической архиве хранится“ (Пекарский, I, стр. 361).

5

[НАБРОСКИ ПЛАНА РУССКОЙ ИСТОРИИ]

(Стр. 85—87)

Печатается впервые по рукописи Ломоносова, хранящейся в Архиве АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 104 об.

Время написания, вероятно, 1751 г

Наброски находятся в тетради материалов к „Российской грамматике“, датируемой концом 40-х—серединой 50-х годов.

10 сентября 1751 г. Ломоносов в письме И. И. Шувалову упоминал: „Делаю план российской истории“ (акад. изд., т. VIII, стр. 111).

Два сохранившихся наброска плана интересны как первая попытка Ломоносова обобщить процесс русской истории и ее деление на периоды, непосредственно связанные друг с другом. Первая заметка отводит истории до Рюрика значение вступления (Прежде сомнительные времена), после которого начинается деление на периоды, причем последний период доходит до современности (от Петра Великого до Елизаветы). Вторая заметка усиливает значение „века древнего до Рурика“, ставя его в качестве первого периода, что и было осуществлено в первой части „Древней Российской истории“. С другой стороны, из плана выключается близкая история и остается лишь период до смерти Федора Алексеевича.

В процессе работы над Российской историей Ломоносов переработал свою периодизацию. Вторая часть „Древней Российской истории“, по его замыслу охватывавшая период государственного единства Руси, раздвинулась не до смерти Владимира Святославича, а до смерти Ярослава. Концом первого этапа явилось, таким образом, „первое главное разделение самодержавства российского“ (Биярский, стр. 588).

Периодизация третьей и четвертой частей, о работе над которыми он писал в Канцелярию Академии Наук при сдаче рукописи первых частей 28 февраля 1763 г., соответственно изменилась: третья охватывала удельный период „до Батыева нашествия“; четвертая — период татарского владычества. Очень характерно изменение границ четвертого периода: вместо „начала царства“ Ивана Грозного теперь он заканчивался Иваном III, „когда Россия вовсе свободилась от татарского насилия“ (Биярский, стр. 588).

Периодизация русской истории, выработанная Ломоносовым на основе обобщения исторического процесса, имела для своего времени высокое научное значение.

6

ПРИМЕЧАНИЯ [НА РУКОПИСЬ „ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ“ ВОЛЬТЕРА 1757 г.]

(Стр. 89—96)

Печатается по рукописи Ломоносова (Архив АН СССР, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 35—40).

Впервые напечатано в журнале „Московский телеграф“, ч. 20, 1828, № 6, март, стр. 151—159.

Время написания — сентябрь—начало октября 1757 г.

Во время составления Вольтером, по заданию русского правительства, истории Петра Великого Ломоносов писал критические замечания на текст Вольтера и подготовлял часть материалов, посылавшихся Вольтеру.

Работа Вольтера началась в 1757 г., когда он, проявлявший еще с 1745 г. большой интерес к Петру Великому и желавший написать историю его царствования, получил это поручение от Елизаветы, при активном содействии И. И. Шувалова. Через Шувалова же велась и вся переписка с Вольтером, которому из России доставлялись исторические материалы по эпохе Петра. Уже в августе 1757 г. Вольтер писал Шувалову, что посылает восемь глав истории о Петре I (название труда он уже в следующем письме уточнил как *Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*) — „легкий набросок“, для которого он использовал „рукописные записки генерала Лефорта, донесения из Китая и записки Страленберга и де Пери“ (письмо 7 августа 1757 г.); эти главы охватывали время от Михаила Романова до сражения при Нарве [письмо 11 августа 1757 г.: *Oeuvres complètes de Voltaire, édition de Ch. Lahure et Cie, t. 28. Paris, 1861* (Полное собрание сочинений Вольтера, изд. Ш. Лагюр и Ко, т. 28. Париж, 1861), стр. 49—51. См. также: Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773. Переведено с франц. Н. Левицким. М., 1808, стр. 4—5, 9].

„Примечания“ на первоначальный текст восьми глав Вольтера были составлены Ломоносовым в период между 2 сентября и 10 октября 1757 г. 2 сентября в письме к Шувалову он одобрил выбор Вольтера как автора для прославления дел Петра „на иностранных языках“, предложил послать Вольтеру ряд имевшихся у него „записок“ и обещал собрать дополнительный материал. В письме 10 октября он уже посылает „Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов“ („экстракт о стрелецких бунтах“), о котором упоминается в „Примечаниях“ (акад. изд., т. VIII, стр. 196—197 и 199).

Замечания Ломоносова дошли до Вольтера в июле 1758 г. (письмо Вольтера Шувалову 17 июля 1758 г.: *Oeuvres complètes, t. 28, стр. 183; Письма г. Вольтера... , стр. 14*), вместе с другими посланными из России материалами, в числе которых было, как видно из дальнейшего, и „Описание стрелецких бунтов“. 1 августа 1758 г. Вольтер отправил Шувалову 14 вопросов, на которые просил разъяснений (*Oeuvres complètes, t. 28, стр. 186—188*). Некоторые из этих вопросов стояли в непосредственной связи с „Примечаниями“ Ломоносова.

В своих критических замечаниях на рукопись Вольтера Ломоносов исправлял многочисленные ошибки и неточности текста. Все эти поправки были приняты Вольтером. Но Ломоносов стремился также

исправить и историческую концепцию Вольтера, правильно указав на недооценку им различных сторон исторического развития России. Он поправлял недостаточное и неверное представление Вольтера о естественных богатствах России и о древности и высоком уровне ее культуры.

По настоянию Ломоносова Вольтер переработал и расширил отдел „Описание России“. Ломоносов добился полной переделки главы о стрелецких бунтах, которая должна была показать политические трудности и опасности первых лет царствования Петра. Он указывал на преувеличение Вольтером роли иностранцев при Петре; он протестовал против недооценки сил русской армии под Нарвой, добиваясь восстановления правды об отступлении под Нарвой.

По переработанному тексту, вошедшему в первый том труда Вольтера, можно проследить, как он использовал указания Ломоносова. Эти места отмечаются ниже.

¹ 1. Карл 12 показал... задолго до 1718 года — текст Вольтера, показывающий, что он использовал замечания Ломоносова, отмечается здесь и далее по жевевскому изданию первого тома *Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*, 1759 (страницы в скобках).

Вольтер заменил слова „в первые 18 лет“ словами „в первые годы“ (1).

² 3. первого рангу во всей Европе — Вольтер назвал Москву столицей империи (6).

³ 4. Должно сделать хорошее описание и перевести — описание Петербурга и его окрестностей и описание Москвы были посланы Вольтеру; находятся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел редкой книги, Библиотека Вольтера, № 242, II, лл. 377—381 и 382—383. Описание Москвы было использовано им (19—24).

⁴ 5. Стурлезон — о Стурлезоне см. примеч. ²⁷ к работе 3 настоящего тома.

⁵ 6. 7 месяцев Двина бывает неприступна — Вольтер исправил девять месяцев на семь месяцев (14).

⁶ 7. рыбью кормятся — замечание о лопарях вызвало объяснение Вольтера: в посланных 1 августа 1758 г. Шувалову вопросах он указывает, что описал лопарей „чистой крови“, виденных им у польского короля Станислава, которому их подарил Карл XII; он делает предположение, что наружность лопарей изменилась от смешения с финнами. Шувалов ответил, что посылает ему экстракт о лопарях и самоедах, автор которого „провел несколько лет среди этих народов и потратил немало труда, чтобы изучить все, что касается их происхождения, языка и нравов“ (Библиотека Вольтера, № 242, I, л. 353; цит. в статье

А. И. Андреева: Неизвестные труды Ломоносова. Ломоносов, I, 1940, стр. 299). Французский перевод этой рукописи находится в Библиотеке Вольтера (№ 242, II, лл. 373—377).

Автором экстракта был Тимофей Мерцан фон Клингштедт, служивший в свое время в Архангельском воеводском правлении. Труд его позже был издан полностью, в другом французском переводе, анонимно; в 1762 г. (без места издания) и в 1766 г. в Копенгагене, под заглавием *Mémoires sur les samojèdes et les lappons* (Записки о самоедах и лопарях), а также был переведен на немецкий и шведский языки (А. И. Андреев. Труды Ломоносова по географии России. Ломоносов, II, 1946, стр. 135).

Вольтер в рубрике „Laponie Russe“ (Русская Лапландия) использовал этот экстракт, но в полемическом тоне продолжал настаивать на не финском происхождении лопарей (15—19).

⁷ 8. столицу... в Москву перенес около 1320 году — Вольтер в описании Москвы опустил дату — 15 век (19—24).

⁸ 9. губернии разделены... города — Вольтер изъяс этот текст.

⁹ 10. Вятка... плодороднее — в связи с этим замечанием Вольтер поставил дополнительный вопрос (в 14 вопросах 1 августа 1758 г.): „Ливония [Лифляндия] не есть ли плодороднейшая северная область? Простираясь по прямой черте, какая область производит столько пшеницы, как она?“. В ответе ему указано, что многие: Карелия вдвое больше производят, Великокороссия снабжает армию, а в Ливонию и Эстонию приходится еще ввозить хлеб, из-за войск, там расположенных. Вольтер исправил: „это одна из самых плодородных северных провинций“ (9).

¹⁰ 12. и других рек великих? — Описание России, составляющее первую главу „Истории“ Вольтера, было им переработано по присланному „Краткому описанию России“, составленному „под смотрением“ Ломоносова. Французский перевод (*Déscription abrégée de la Russie*) хранится в Библиотеке Вольтера (№ 242, II, лл. 367—372 об.). Вольтер использовал данные о Белгородской губернии (полностью), Воронеже, Нижнем Новгороде, Оренбурге. Позже, в 1759—1760 гг., Ломоносов принимал участие в составлении экстракта из „Описания земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова (см. его письма Шувалову 8 июля 1759 г. и 20 апреля 1760 г., акад. изд., т. VIII, стр. 207 и 222). Французский перевод „Описания Камчатки“ хранится в Библиотеке Вольтера (№ 242, II, лл. 287—307 об.).

¹¹ 13. Ола вместо Олга — Вольтер исправил: „Olha ou Olga“ (66).

¹² 14. не для того... , что прадед был патриарх — Вольтер исправил редакцию: „C'est d'un homme devenu Patriarche de toutes les Russies“

que descendait Pierre le Grand en droite ligne“ (Петр Великий происходил по прямой линии от человека, который стал патриархом всея Руси) (68).

¹³ 15. Сомневаюсь — Вольтер исправил редакцию: „La Livonie seule vaut mieux que n'a valu longtems toute la Siberie“ (Одна Ливония ценнее, чем долгое время была вся Сибирь) (75)

¹⁴ 18. наконец патриархом — Вольтер добавил о насильственном пострижении Ф. Н. Романова Борисом (80).

¹⁵ 22. родился 30 мая — Вольтер исправил дату рождения Петра (90).

¹⁶ 23. Наталья — Вольтер исправил о Софье: третья из дочерей от первого брака (92).

¹⁷ 24. тетка — упоминание о Татьяне Вольтером опущено.

¹⁸ 25. жила в дворце — Вольтер исправил: „ne prit point le parti du couvent“ (не была еще в монастыре) (92).

¹⁹ 26. экстракт о стрелецких бунтах — напечатан в настоящем томе, см. работу 7. Эта работа Ломоносова была положена Вольтером в основу IV и V глав окончательного текста, посвященных стрелецкому бунту и правлению царевны Софьи.

²⁰ 28. débauches de table — Вольтер оставил: Les liens sérieux du mariage ne le retinent pas assez (законные узы брака недостаточно сдерживали его); но заменил débauches de table (разгульные пиры) словами plaisirs de la table (веселье пиров) (116).

²¹ 29. ложное известие — сведения о ботике у Вольтера здесь опущены, перенесены дальше (119).

²² 31. отдано Лефорту — в письме Шувалову 7 августа 1757 г. при посылке наброска восьми глав Вольтер указывал, что одним из его первых источников были рукописные записки о генерале Лефорте, переданные ему семьей Лефорта (письмо Шувалову 17 июля 1758 г.: Oeuvres complètes, т. 28, стр. 184; Письма г. Волтера..., стр. 14). Глава VI Règne de Pierre Premier (Царствование Петра I) имеет ссылки на рукописи генерала Лефорта. Вольтер имел в виду записки, составленные, вероятно, в 20-х годах XVIII в. племянником Франца Лефорта, синдиком Людвигом.

См.: M. Posselt. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen (М. Поссельт. Генерал и адмирал Франц Лефорт. Его жизнь и его время. Материалы к истории Петра Великого), ч. I. Франкфурт-на Майне, 1866, стр. XIII.

²³ 32. почитает иностранными — замечание относится к содержанию главы VIII печатного текста Expedition vers les Palus Meotides. Conquête d'Asoph (Экспедиция к Азовскому морю. Взятие Азова).

²⁴ 33. Ромодановскому — замечание относится к главе IX Voyages

de Pierre le Grand (Путешествия Петра Великого). Вольтер (145, 146) исправил имена согласно указанию Ломоносова, взятому из записок А. А. Матвеева; но Ломоносов сам здесь ошибся, так как этим боярам было поручено управление Москвой, а не управление государством (см.: Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, стр. 75).

²⁵ 35. Разве грузинский — Вольтер исправил на: принц грузинский (151).

²⁶ 40. неправедно и коротко очень — замечание относится к главе, в печатном тексте получившей номер XI (Война со шведами. Сражение при Нарве). Эта глава, вероятно, дополнена Вольтером; он ссылается на присланный ему журнал Петра, т. е. „Журнал или поденная записка Петра Великого, с 1698 г.“ (издан М. Щербатовым, СПб., 1770—1772, в 2 томах).

²⁷ NB. Многие российские имена написаны неисправно — замечание о несоответствии французской транскрипции с русским произношением было позже повторено Г.-Ф. Миллером и И. И. Таубертом, которые писали замечания на первый том „Истории“ Вольтера, вышедший из печати. Однако уже в письме Шувалову 1 августа 1758 г. Вольтер настаивал на своем праве пользоваться французской транскрипцией в тексте своего труда, обещая дать в подстрочных выносках русское произношение. Эти выноски сделаны в главе „Описание России“ для ряда географических названий.

7

[ОПИСАНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ БУНТОВ И ПРАВЛЕНИЯ
ЦАРЕВНЫ СОФЬИ]

(Стр. 97—161)

Печатается впервые по рукописи французского перевода с несохранившегося оригинала, составленного Ломоносовым. Рукопись хранится в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Отдел редкой книги, Библиотека Вольтера, № 242, т. II, лл. 384—400).

Русский перевод с французского перевода также печатается впервые. Время написания — сентябрь — не позднее 10 октября 1757 г.

„Экстракт о стрелецких бунтах“ упоминается в „Примечаниях“ на рукопись „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера (см. работу 6 в настоящем томе, стр. 94), в числе материалов, которые Ломоносов обещал приготовить для Вольтера.

Переданная Шувалову 10 октября во вновь обработанном виде („еще переписав“) рукопись включала также „Сокращенное описание“

самозванцев" (акад. изд., т. VIII, стр. 199), которое не было переведено на французский язык и не сохранилось.

„Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи“ принадлежит к числу „сокращенных экстрактов“, составлявшихся Ломоносовым по историческим источникам. Из подобных экстрактов он упоминает в письмах к И. И. Шувалову: „Сокращенное описание дел государевых Петра Великого, которое я имею“ (письмо 2 сентября 1757 г.), „Сокращение о житии“ царей Михаила, Алексея и Федора, которое он старается „привести к окончанию“ (письмо 10 октября 1757 г.). Они не сохранились.

Источниками для составления „Описания стрелецких бунтов и правления царевны Софьи“ Ломоносову служили: рукописные, довольно широко распространенные в копиях и имевшиеся также в Библиотеке Академии Наук записки графа А. А. Матвеева и рукописное же „Описание дел... Петра Великого“ П. Н. Крекшина. Эти сочинения были опубликованы впервые Ф. О. Туманским в „Собрании разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях... Петра Великого“ (1787, ч.ч. I и VI). Критику этих источников, особенно ошибок Крекшина, см. в кн. Н. Я. Аристова „Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны“ (Варшава, 1871).

Кроме того, для рассказа о первом стрелецком бунте Ломоносов использовал *Relation der traurigen Tragedie in der Stadt Moscau* (Донесение о печальной трагедии в Москве), — донесение датского резидента Бутенанта фон Розенбуша о событиях 15—17 мая 1682 г., напечатанное в „*Theatrum Europaeum*“, т. XII, Франкфурт-на Майне, 1691, стр. 441—448.

В конце французского перевода имеется примечание: „Записки, касающиеся этих пяти стрелецких бунтов, содержат только достоверные факты. Но зато слог их весьма не исправлен. Краткость времени не позволила сделать лучше“.

В числе 14 вопросов Вольтера, посланных Шувалову 1 августа 1758 г., был вопрос, дающий основание думать, что к этому времени Вольтер получил „Описание стрелецких бунтов“. Он спрашивал: „не нужно ли будет только слегка коснуться происшествий, кои предшествуют царствованию Петра Великого, дабы не истощить внимание читателя, нетерпеливо желающего видеть все, что сей великий муж учинил“ (Письма г. Волтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам. 1757—1773. Переведено с французского Н. Левицким. М., 1808, стр. 27).

Среди ответов на вопросы Вольтера, отправленных Шуваловым 23 октября 1758 г. и полученных Вольтером 21 декабря (Письма г. Волтера..., стр. 28), находится ответ на это сомнение Вольтера, имеющий непо-

средственное отношение к сочинению Ломоносова. „Г. Вольтер вправе поступить, как он найдет нужным. Но разные заметки и статьи, которые ему посланы, весьма помогут выправить ошибки иностранных писателей, слишком мало осведомленных и только списывающих друг у друга.

Все, что предшествовало началу самостоятельного правления Петра, должно быть интересно и ново для читателей, особенно история различных стрелецких бунтов, — перевод с рукописи, составленной в свое время сыном несчастного боярина Матвеева, умерщвленного в связи с первым бунтом. Так как в этих статьях есть много подробностей, которые не подойдут под план сочинения г. Вольтера, то вероятно он использует их, лишь взяв квинт-эссенцию и наиболее интересное, каковы, например, различные ведомости об армии, о флоте, о доходах казны и пр.“ (текст на французском языке, Библиотека Вольтера, № 242, I, л. 355—355 об.). Вольтер принял это указание и дал в своей „Истории“ подробное изложение стрелецких бунтов, используя экстракт Ломоносова в главах IV и V „Истории“. Глава IV Ivan et Pierre. Horrible sédition de la milice des strélitz (Иван и Петр. Ужасный мятеж стрелецкого войска) снабжена примечанием: „Извлечено полностью из записок, присланных из Москвы и Петербурга“, а глава V Gouvernement de la princesse Sophie. Querelle singulière de religion. Conspiration (Правление царевны Софьи. Необычайная распря о вере. Заговор) — примечанием: „Извлечено полностью из записок, присланных из Петербурга“. Во многих случаях текст Вольтера почти дословно воспроизводит сочинение Ломоносова.

Описание событий, связанных со стрелецкими бунтами 1692—1698 гг., тщательно составленное Ломоносовым, имеет большой интерес: оно впервые давало обобщенную и вместе подробную историю этих событий. Включенная в „Историю“ Вольтера работа Ломоносова стала достоянием широких читательских кругов Западной Европы.

¹ Стр. 133. 1682 г. — начало повествования о первом стрелецком бунте является пересказом „Сказания о рождении, воспитании и наречении на всероссийский престол царский государя Петра Великого...“ П. Н. Крекшина, в то время известного лишь в рукописных списках; кроме „Собрания“ Ф. О. Туманского, оно было два раза издано отдельно, но под именем автора появилось впервые в „Записках русских людей“ И. П. Сахарова (ч. I, 1841). Ссылки делаются по этому изданию; настоящее место находится на стр. 21.

² Стр. 136. всех перебьют — начиная со слов За два дня до его кончины (стр. 133) текст взят из немецкого „Донесения“ датского резидента Бутенанта фон Розенбуша о бунте стрельцов в мае 1682 г. (The-

atrum Euroraem, XII, 1691). Ссылки делаются по книге Н. Г. Устрялова „История царствования Петра Великого“ (т. I, 1858), где этот источник напечатан по подлинной рукописи на немецком языке; настоящее место находится на стр. 330—333.

³ Стр. 136. управлять государством — от начала абзаца составлено по Крекшину; см.: Сахаров, стр. 30—32.

⁴ Стр. 137. другие награды — от слов Патриарх объяснил составлено по Крекшину; см.: Сахаров, стр. 32.

⁵ Стр. 137. действовать — этот абзац составлен по запискам А. А. Матвеева, в то время распространенным в рукописных копиях. Ссылки делаются по сборнику И. П. Сахарова „Записки русских людей“ (ч. I, 1841). Настоящее место является пересказом стр. 12—13.

⁶ Стр. 137. младшую вдовствующую царицу — идет речь о вдове Федора Алексеевича Марфе Матвеевне; старшей была Наталья Кирилловна, вдова царя Алексея Михайловича.

⁷ Стр. 139. лошади искалечены — со слов Между тем боярин... Языков (стр. 137) взято из донесения Розенбуша; см.: Устрялов, стр. 333—334.

⁸ Стр. 140. подлинно ли это он? — от слов Тем временем Петр Толстой составлено по Матвееву и Крекшину; см.: Сахаров, стр. 19—20 и 33.

⁹ Стр. 140. они закричали... удовлетворены — взято из донесения Розенбуша; см.: Устрялов, стр. 335.

¹⁰ Стр. 140. их самих — абзац взят по Крекшину; см.: Сахаров, стр. 34.

¹¹ Стр. 140. большую площадь перед Кремлем — имеется в виду, по другим источникам, Красная площадь перед Спасскими воротами.

¹² Стр. 144. полип — у Розенбуша Seekräbs — краб, омар.

¹³ Стр. 145. Софья притворно подражала — вставка принадлежит Ломоносову, по смыслу согласуясь с текстом Матвеева.

¹⁴ Стр. 145. место... на окраине Кремля — имеется в виду Пытошное место, застенок в Константиновской башне (у Розенбуша Reipbank).

¹⁵ Стр. 147. сколько они требовали — от слов Они схватили князя Долгорукова (стр. 140) взято в сокращенном виде из донесения Розенбуша; см.: Устрялов, стр. 335—342.

¹⁶ Стр. 147. 18/29 мая — дата ошибочна; следует 29 мая — 9 июня.

¹⁷ Стр. 148. 25 июня—6 июля 1682 г. — со слов 18/29 мая составлено по Матвееву (см.: Сахаров, стр. 34, 35, 38) и по Крекшину (см.: Сахаров, стр. 39, 40).

¹⁸ Стр. 148. Второй стрелецкий бунт — рассказ изложен по Крекшину; см.: Сахаров, стр. 41—45.

¹⁹ Стр. 150. твердо решив... когда придет время — эта фраза взята из записок Матвеева; см.: Сахаров, стр. 42.

²⁰ Стр. 150. Третий бунт — события изложены в сокращенном виде по Крекшину; см.: Сахаров, стр. 45, 47—51, 51—52, 52—53, 56—60.

²¹ Стр. 154. Правление царевны Софьи — события изложены в сокращенном виде по Крекшину (см.: Сахаров, стр. 61—63, 76—79) и по Матвееву (см.: Сахаров, стр. 49—51).

²² Стр. 155. ее изображение... на монетах — вместе с ответом Вольтеру по поводу стрелецких бунтов ему было сообщено подробное описание изображения выпущенного в правление Софьи золотого жетона с бюстами царей Ивана и Петра на одной стороне и ее собственным в короне со скипетром на другой стороне (см. репродукцию у М. М. Богословского, Петр I, т. I, стр. 80).

²³ Стр. 156. чтобы князь Голицын — имеется в виду Михаил Андреевич Голицын.

²⁴ Стр. 157. Четвертый бунт — текст первых двух абзацев изложен сокращенно по Крекшину (см.: Сахаров, стр. 79—80), остальное по Матвееву (см.: Сахаров, стр. 52—58).

²⁵ Стр. 160. Пяты́й бунт — события изложены сокращенно по Матвееву; см.: Сахаров, стр. 60—63.

²⁶ Стр. 161. имя их... угасло — в завершающем абзаце Ломоносов опустил имеющиеся в записках Матвеева известные подробности стрелецкой казни 1698 г.

8

[ДРЕВНЯЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ОТ НАЧАЛА РОССИЙСКОГО НАРОДА ДО КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ПЕРВОГО ИЛИ ДО 1054 ГОДА, СОЧИНЕННАЯ МИХАЙЛОМ ЛОМОНОСОВЫМ, СТАТСКИМ СОВЕТНИКОМ, ПРОФЕССОРОМ ХИМИИ И ЧЛЕНОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ И КОРОЛЕВСКОЙ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

(Стр. 163—286)

Печатается по посмертному изданию 1766 г.

Рукопись не сохранилась.

Время написания — 1754—1758 гг.

Систематическая подготовительная работа к этому труду началась около 1751 г. В „Краткой истории о поведении Академической канцелярии“ (август 1764 г.) Ломоносов писал, что он упражнялся „в собрании и в сочинении Российской истории около двенадцати лет“.

Как видно из отчетов Ломоносова о его академической работе, писанных в 1751—1756 гг., он два года посвятил изучению источников.

В отчете за 1751 г. Ломоносов указывал: „В истории: читал книги для собрания материй к сочинению Российской истории: Нестора, законы Ярославля, большой Летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 659 статьи, на 15 листах“ (Архив АН СССР, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 18—21; Билярский, стр. 163). Здесь, наряду с летописями и первым томом „Истории Российской“ Татищева, содержащим в основном греко-римские и славянские источники о скифах, сарматах и славянах и о их соседях, видим славянские и прибалтийские источники.

В отчете за 1752 г. указано: „В истории: для собрания материалов в Российской истории читал Крапца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных. Эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье“ (Билярский, стр. 187). Здесь видим преимущественно византийские источники, а также источники по истории готов, вендов, аланов.

Ломоносов изучил греческие источники. В отзыве о А. Л. Шлецере в октябре 1764 г. он указывал: „Что же надлежит до исторических изысканий из византийского корпуса, то на сей конец уже несколько лет изыскано мною не токмо все, что до славенских и с ними сплетенных народов надлежит в константинопольских писателях, но и в древнейших греческих, как в Геродоте, Страбоне, Птолемею и в других, мною приискано для примечаний на древнюю часть Российския истории“ (Билярский, стр. 729).

К началу же 50-х годов относятся наброски плана будущего труда (см. работу 5 в настоящем томе).

С 1753 г. работа Ломоносова над русской историей вступила в новую фазу. Он перешел к составлению текста.

Отвечая И. И. Шувалову, который „ободрял“ его „к сочинению Российской истории“, Ломоносов писал 4 января 1753 г.: „Коль великим счастием я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую“ (акад. изд., т. VIII, стр. 119). Он писал Шувалову, что надеется окончить первый том в том же году. В марте 1753 г. Елизавета, зная о его замысле от Шувалова, выразила поощрение его историческому труду. Ломоносов неоднократно сам заявлял, что его работа предпринята по поручению правительства. Так, в письме к Л. Эйлеру 12/23 февраля 1754 г. он писал: „Я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти

уйти в историю. Прошедшей весной я провел некоторое время в Москве, ожидая подписи дарственной, и августейшая императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю. И так, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь, я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях российских" (акад. изд., т. VIII, стр. 158, перевод).

В представлении в Канцелярию Академии Наук 12 марта 1757 г. он также подчеркивал, что в марте 1753 г. слышал „всемилоостивейшее повеление“, „через“ Шувалова, т. е. при содействии Шувалова, „чтоб я приложил старание свое к сочинению Российской истории“ (Биярский, стр. 323). В „Краткой истории о поведении Академической Канцелярии“ (1764) Ломоносов уже утверждал, будто он вообще стал готовить свой труд по поручению Елизаветы, которая „на куртаге Ломоносову через камергера Шувалова изволила объявить, в бытность его в Москве, что ея величество охотно желала бы видеть Российскую историю, написанную его штилем. Сие приняв он с благодарением и возвратясь в Санкт-петербург, стал с рачением собирать к тому нужные материалы“ (Биярский, стр. 066—067). Мы видим, насколько эта версия, на которой Ломоносов настаивал в своих практических интересах, противоречит действительности. Ломоносов занимался подготовкой „Российской истории“ задолго до поручения двора и независимо от него.

Несмотря на старание Ломоносова, чтобы первый том „к новому году письменный изготовился“ (письмо И. И. Шувалову 31 мая 1753 г., акад. изд., т. VIII, стр. 128), в отчете за этот год он мог только указать: „В истории: 1) записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал российские академические летописцы, без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских“ (Биярский, стр. 249).

В 1754 г. Ломоносов составил уже часть текста. В отчете за 1754 г. он писал: „В истории: сочинен опыт истории словенского народа до Рурика. Дедикация. Вступление. Глава 1, о старобытных жителях в России; глава 2, о величестве и поколениях словенского народа; глава 3, о древности словенского народа, всего 8 листов“ (Биярский, стр. 280).

Этот текст, судя по его объему (лист = 4 страницам), совпадает с первыми главами „Истории“ и, возможно, является его основой.

В 1755 г. Ломоносов сделал „в истории“ „опыт описанием владения первых великих князей российских — Рурика, Олга, Игоря“ (Биярский, стр. 302), что совпадает с первыми главами части II „Истории“. Одновременно он работал над изучением Петровской эпохи. Материалы Петровской эпохи были использованы им и для составления „Описания

стрелецких бунтов“, посланного Вольтеру в 1757 г., и для разработки проекта исторических картин в составе задуманного им монумента Петру (1758 г.).

В отчете за 1756 г. Ломоносов указал: „В истории: собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях русских“ (Биларский, стр. 314).

В заседании Академического собрания 10 января 1757 г. Ломоносов заявил, что он „в печать издавать намерен Историю Российскую“ (Биларский, стр. 315), а 12 марта 1757 г. просил Канцелярию дать ему помощника для окончания „Истории“. Он писал, что „управлялся“ по нынешний год „в собирании и чтении надлежащих к тому документов, оные разобрав по главам, и первого тому семь глав привел в порядок, притом сочинил вступление и дедикацию. Но как сие дело требует чтения весьма многих разных книг с выписками, то весьма одному мне сего исправить и к концу привести невозможно: для того должен иметь вспоможение; итак, Канцелярии Академии Наук представляю, дабы ко мне для вспоможения назначить изволила способного и охоту к тому имеющего студента“ (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 383; Биларский, стр. 323). Канцелярия дала в помощь Ломоносову студента С. Введенского.

В 1758 г. первый том „Истории“ был готов. Дальнейшее его продвижение видно из переписки Канцелярии. 22 июля отпускается бумага для переписки „Истории“; 9 сентября президент Академии К. Г. Разумовский подписывает указ Канцелярии о печатании первого тома в академической типографии „для пользы публики без всякого укоснения, к чему присовокуплять его же примечания и изъяснения под текстом особливими литерами по его выбору, а для украшения в Академии Художеств изобрести грядорованный лист и пристойные где надобно виньеты“. Сохранилась запись Я. Я. Штелина с изложением придуманной Ломоносовым темы рисунка „для фронтисписа „переднего грядорованного листа“ для „Российской истории“ (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 43, л. 132—132 об.; Пекарский, стр. 80). 15 сентября, получив указ президента, Канцелярия определяет печатать два завода (2400 экз.) (Биларский, стр. 375). Специально делаются новые „заставные литеры“ для „Российской истории“, которые 23 октября доставляются в типографию (Биларский, стр. 375). 30 октября Канцелярия дает ордер типографии на печатание (Биларский, стр. 744). Из рапорта в Канцелярию, составленного после смерти Ломоносова фактором типографии Артемием Лыковым, видно, что по 8 марта 1759 г. было напечатано три печатных листа „Истории“ (Биларский, стр. 744—745). Затем печатание было приостановлено самим Ломоносовым и рукопись была взята им из типографии.

Причиной этого, как указывал сам Ломоносов, было то, что его не удовлетворяла избранная им форма примечаний: как видно из указа президента 9 сентября 1758 г. и из записки Ломоносова 28 февраля 1763 г., эти примечания были слишком сложны; они состояли из ссылок на источники („цитации авторов“) на полях и из подстрочных „примечаний и изъяснений под текстом“. Это вызывало затруднения при наборе и при чтении. Автор хотел заменить эту систему более простой, поместив примечания после основного текста.

Однако Ломоносов смог вновь представить рукопись к набору лишь 28 февраля 1763 г. В сопроводительной записке он писал: „В Канцелярию Академии Наук сообщается при сем для напечатания первый том Российской истории, состоящий из двух частей, содержащий в себе российские деяния от самой древности даже до кончины великого князя Ярослава Первого, то есть до первого главного разделения самодержавства российского; следуют еще две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения российского татарами, вторая до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе свободилась от татарского насилья. Сию книгу не намерен я печатать, как она начата, с примечаниями и с сокращениями на поле, но только с одними цитациями авторов; а примечания присовокуплю назаде. Сие для того, что приметил я при печатании от того замешательства, и думаю, что и читателям не лучше будет. Итак, из напечатанных уже трех листов набрать только один текст с цитациями авторов на полях. Таким способом не сомневаюсь сию желаемую в обществе книгу в кратком времени привести печатанием к окончанию“ (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 274, л. 3; Билярский, стр. 588—589). В „Росписи сочинениям и другим трудам“, посланной М. И. Воронцову 19 января 1764 г., Ломоносов указывает, что первый том „Российской истории“ печатается с „филологическими изъяснениями“ (акад. изд., т. VIII, стр. 276). По ордеру Канцелярии 11 марта 1763 г. был начат новый набор, который составил 17½ листов; прежде отпечатанные три листа были уничтожены. Однако Ломоносов не успел представить ни дальнейшего текста, ни обещанных примечаний к напечатанному тексту.

После смерти Ломоносова его труд оставался в незаконченном виде в академической типографии.

25 августа 1766 г. фактор типографии А. Лыков вновь доносил Канцелярии: „Ныне же она история, за неимением в типографии к продолжению оригинала, печатанием не производится“. Канцелярия послала Конференции экземпляр печатного текста, требуя „яко о ученом деле, у г.г. академиков мнения“ (Пекарский, II, стр. 791).

11 сентября 1766 г. Конференции были представлены две первые части „Древней Российской истории“, напечатанные в ¼ долю листа;

академики решили выпустить в свет этот труд, „достойный своего автора“, с добавлением предисловия, составить которое было поручено А. Шлецеру.

15 сентября Шлецер представил краткое предисловие на немецком языке, которое было, по его словам, „переделано“ (А. Шлецер. Нестор. СПб., 1809, ч. I, стр. рма); оно было переведено С. Башиловым.

Уже в конце октября 1766 г. „по насланному из Канцелярии Академии Наук оригиналу к помянутой Истории титула, предисловия и оглавления напечатано 2425 экз.“ (Пекарский, II, стр. 793, донесение Лыкова 4 ноября 1766 г.; Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 511, лл. 227 об., 237). Часть экземпляров завода 1766 г. оканчивается словом „Конец“; другие экземпляры оканчиваются словами „Конец второй части“ и в них в нижнем правом углу последней страницы напечатано слово „часть“, являющееся переносом к третьей части, которая не сохранилась.

Приводим текст предисловия, озаглавленного „К читателю“.

„Сочинитель сея книги, покойный статский советник Михайло Васильевич Ломоносов, издал уже в 1760 году Краткий Российский летописец, который принят был здесь с немалым удовольствием.

„Потом, положив намерение сочинить пространную историю российского народа, собрал с великим прилежанием из иностранных писателей все, что ему полезно казалось к познанию состояния России прежде Рурика, и при том описал жития восьми первых великих князей, сидевших на российском престоле от 862 до 1054 года.

„Полезный сей труд содержит в себе древние, темные и самые ко изъяснению трудные российской истории части. Сочинитель, конечно, не преминул бы оный далее продолжать, ежели бы преждевременная его смерть, приключившаяся ему 4 апреля 1765 году, доброго сего предприятия не пресекла; а между оставшимися после его письмами продолжения не найдено“.

Важно отметить, что Шлецер в этом предисловии, очень кратком и формальном, создал неверное представление, будто бы „Древняя Российская история“ была „сочинена“ после „Краткого Российского летописца“, вышедшего в 1760 г., таким образом снижая значение большой подготовительной научной работы Ломоносова.

Книга, незаконченная и лишенная научного аппарата, не могла отразить самостоятельную работу над источниками, проведенную Ломоносовым.

„Древняя Российская история“ была крупным событием в русской историографии. Это была первая печатная работа, вводившая читателя в круг исторических проблем, связанных с ролью далеких предков русского народа в мировой истории. Немалым преимуществом был также прекрасный, образный и точный язык этой книги.

Книга Ломоносова была сразу переведена на немецкий язык (*Alte russische Geschichte*. Перевод Хр. Бакмейстера, Рига—Лейпциг, 1768) и на французский (*Histoire de Russie*. Перевод с немецкого М. Эйду, Париж и Дижон, 1769; переиздания: Париж, 1773, 1776).

„Древняя Российская история“ делится, по методу исследования, на две части. Освещая древнейший период русской истории, Ломоносов выступал как наблюдательный исследователь, вооруженный знанием всех доступных тогдашнему историку источников, мастерски доказывающий определенные положения, имевшие весьма большое значение и для современности, и для дальнейшего развития исторической науки.

Положения Ломоносова о глубокой древности славянских народов, о крупной роли славянства в общеевропейской истории, о скифах и сарматах-роксоланах как древних предках финских и славянских племен, о смешанной славяно-чудской этнической основе населения России и др. были направлены против норманской теории, представителем которой в то время являлся Г.-Ф. Миллер. Ряд частных исторических ошибок Ломоносова не мешал общей верности его взглядов на самостоятельный характер истории и культуры русского народа. Исторические взгляды Ломоносова давали опору патриотическим стремлениям передовых людей того времени. Вопросы, поднятые Ломоносовым, о происхождении русского народа, о выступлении его на историческую арену и создании им своего независимого государства продолжали сохранять актуальность в течение почти 200 лет. В советской историографии об этих вопросах см.: Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1945.

Высокую оценку этой теоретической части труда Ломоносова дал С. М. Соловьев (Писатели русской истории XVIII века. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Книги 2-й половина 1-я. М., 1855, стр. 40—41), а в наше время Б. Д. Греков (Ломоносов историк. Вопросы истории, 1940, 11).

Во второй части „Древней Российской истории“, имеющей повествовательный характер, отмечается отсутствие научных проблем, которые и не могли возникнуть при тогдашнем состоянии общественных наук. Однако это вовсе не „сухой, безжизненный, реторический перифраз летописи“, как это представлялось С. М. Соловьеву.

Здесь искусно скомбинированы и переплетены разные источники; кроме Повести временных лет, апокрифического сказания о начале Новгорода, Никоновской летописи, Степенной книги, в ткань повествования вошли сведения из Кромера, связанные с Польшей, из Кедрина и Зонары, касающиеся отношений с Византией, из Стурлезона — о жарягах, и пр. Нередко Ломоносов использовал также изложение событий

и документов, сделанное Татищевым; так, он передает по Татищеву договоры с греками.

Ломоносов создает концепцию чисто светской истории в духе защиты единства России, которому, по его мнению, вредила „необузданная вольность“ новгородцев: он дает живую рационалистическую критику событий, с блесками свойственной ему сатиры.

В т. V акад. издания сочинений Ломоносова М. И. Сухомлинов сделал попытку заменить недостающие примечания Ломоносова, приводя соответствующие тексту цитаты из указанных Ломоносовым источников, на языке источника. В наших примечаниях даются ссылки на эти цитаты. Указания источников и дат, сделанные Ломоносовым на полях, перенесены под строку. Ошибочные даты исправлены в редакционных подстрочных примечаниях, согласно Повести временных лет.

¹ Стр. 170. в России толь великой тьмы невежества не было, каковую представляют многие внешние писатели — имеются в виду описание России, тенденциозно преувеличивавшие отсталость России. — вроде книги П. Петрея де Эрлезунда *Historien und Berichte von dem Grossfürstenthumb Muschkow. Lipsiae, 1620* (Истории и известия о великом княжестве Московском. Лейпциг, 1620). Эту книгу Ломоносов читал еще за границей в 1741 г. (см. письмо его Д. И. Виноградову 7/18 апреля 1741 г. из Марбурга с просьбой прислать ее; акад. изд., т. VIII, стр. 66).

² Стр 172. ожидать похлебства — угождения, поблажки.

³ Стр. 175. Порфирогенит в Администрации — имеется в виду сочинение Константина Багрянородного *De administrando imperio. Lugdini Batavorum, 1611* (Об управлении государством. Лейден, 1611); эту книгу Ломоносов брал из Академической библиотеки (см. список оставшихся за ним библиотечных книг: В. Ламанский. *Ломоносов и Петербургская Академия Наук, 1865, стр. 140*). Он пользовался также текстом этого сочинения по изданию А. Бандури *Imperium orientale, sive antiquitates Constantinopolitanae, t. I. Parisiis, 1711* (Восточная империя, или Константинопольские древности. Париж, 1711).

⁴ Стр. 175. Саксон Грамматик на многих местах — см. примеч. ² к работе 3 настоящего тома. „История Саксона Грамматика, в лист“ значится в списке оставшихся за Ломоносовым книг из Библиотеки.

⁵ Стр. 176. Прокопий Кесарийский, также Иорнанд на многих местах — см. примеч. ²⁴ и ²⁵ к работе 3 настоящего тома. Цитата из Иорнанда приведена в акад. изд., т. V, стр. 179 втор. пагин.

⁶ Стр. 176. Птоломей*** Географ., кн. 3, гл. 5, табл. 7 — Ломоносов пользовался изданием *Geographia universalis vetus et nova, libros VIII. Basileae, 1545, fol.* (Всеобщая география древняя и новая

в 8 книгах. Базель, 1545), что видно по шифру журнала Библиотеки Академии Наук (Архив АН СССР, ф. 158, оп. 1, № 409, л. 12).

⁷ Стр. 176. Плиний**** Натур. ист., кн. 4, гл. 27 — Плиния Секунда *Naturalis historiae libri XXXVII* (Естественная история в 37 книгах) издавалась неоднократно в XV—XVIII вв.

⁸ Стр. 176. Тацит**** О нравах германцев — имелось несколько изданий XV—XVIII вв.: см. примеч. ¹⁷ к работе 3. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 179—180 втор. пагин.

⁹ Стр. 177. с Кромером* Книга 1, глава 12 — имеется в виду *Martini Cromeri. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX* (О происхождении и деяниях поляков в 30 книгах); было несколько изданий XVI—XVII вв. Сочинение Кромера входило также в *Polonicae Historiae corpus* (Корпус Польской истории) И. Пистория Нидана (Базель, 1582, т. II, стр. 402—833). Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 180 втор. пагин.

¹⁰ Стр. 177. Новгородский летописец — см. примеч. ¹⁶ к работе 3. Свое отношение к этому источнику Ломоносов подтверждает и в „Кратком Российском летописце“, см. стр. 296.

¹¹ Стр. 177. Гелмолд и Арнолд — Ломоносов пользовался изданием *Chronica slavorum Helmoldi... et Arnoldi. Lubecae, 1659* (Славянская хроника. Любек, 1659), имеющимся в Библиотеке Академии Наук, носящим следы чтения Ломоносова на полях в кн. 1, гл. 1 и 52.

¹² Стр. 179. Натур. ист., книга 6, глава 1 — эта цитата из Плиния приведена в акад. изд., т. V, стр. 180 втор. пагин.; цитата из упоминаемой ниже книги 3, главы 19, на стр. 181 втор. пагин.

¹³ Стр. 179. Курций,** Кн. 3, гл. 3 — имеется в виду *Quinti Curtii Rufi. De rebus gestis Alexandri Magni* (О деяниях Александра Великого); существует много изданий. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 181 втор. пагин.

¹⁴ Стр. 179. Солин**** Глава 44 — имеется в виду *C. Julii Solini Polyhistor* (Полигистор); вышло несколько изданий. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 181 втор. пагин.

¹⁵ Стр. 179. Ливий...***** Книга 1, глава 1 — *Titus Livius. Historiarum ab urbe condita libri* (Книги историй от основания города Рима); имелось много изданий. Ломоносов мог пользоваться современным ему изданием *Amstelodami—Lugduni Batavorum* (Амстердам—Лейден), 1738—1746, в 7 томах. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 181 втор. пагин.

¹⁶ Стр. 180. Мосоха, внука Ноева, прародителем славянского народа ни положить, ни отрещи не нахожу основания — возведение славян к Мосоху принадлежало Синопису; это же утверждалось в рукописном „Ядре Российской истории“ А. И. Манкиева (приписывавшемся

А. Я. Хялкуву; издано Г.-Ф. Миллером, М., 1784); соответствующее место из Синописа приведено в акад. изд., т. V, стр. 182—183. В такой осторожной форме Ломоносов решительно отвергал применение библейских мифов к истории.

¹⁷ Стр. 180. Плиний, * Нат. ист., кн. 6, гл. 7 и кн. 4, гл. 1 и гл. 11 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 182 втор. пагин.

¹⁸ Стр. 180. Страбон ** В Географ., кн. 7, ст. 218 — см. примеч.¹⁵ к работе 3. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 182 втор. почин.

¹⁹ Стр. 180. по преданию Геродотову, *** В Мелпо[мене], стр. 115 — Historiarum libri IX, musarum nominibus inscripti (Девять книг историй, названные именами муз) Геродота имелись во многих изданиях. Цитата из книги IV (Мельпомена) приведена в акад. изд., т. V, стр. 183—184 втор. пагин.; цитаты к дальнейшему тексту из книги II (Евтерпа) и V (Терпсихора) — на стр. 184 втор. пагин.

²⁰ Стр. 181. в Страбоне, ** Географ., кн. 11, стр. 343 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 184 втор. пагин.

²¹ Стр. 182. Нестор. . . * Лист 16 на обороте — под Нестором Ломоносов имеет в виду текст Повести временных лет в копии с так называемого Радзивиловского или Кенигсбергского списка летописи, хранящейся в Библиотеке Академии Наук (31. 7. 22) (см. примеч.¹⁹ к работе 3).

Определение Нестора как составителя основной части Повести временных лет было научно обосновано Татищевым (История Российская, ч. 1, кн. 1, гл. 5). Ссылки Ломоносова на Нестора почти всегда совпадают с текстом указанной копии, за исключением нижеследующей ошибочной ссылки на лист 2 об., в действительности относящейся к листу 3 об.

²² Стр. 182. Плиний объявляет. . . выговаривать трудно — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 185 втор. пагин.

²³ Стр. 182. у Птоломея. . . *** Географ., кн. 3, гл. 5, таб. Евр. 7 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 185—186. Соображения о различном произношении имени славян у древних авторов высказаны Ломоносовым и в замечаниях на первый том „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера (см. работу 10, стр. 362). Ломоносов мог использовать соответствующие указания в книге И. С. Ассемана *Kalendaria ecclesiae universae, t. I. Romae, 1750* (Календарь вселенской церкви, т. I, Рим, 1750), которая была им взята из Академической библиотеки. Во 2-й части первого тома (*Origines ecclesiasticae Slavorum, Russorum, Moscovitarum, Bulgarorum* — Происхождение славянской, русской, московской, болгарской церквей) имеются сведения о различном наименовании славян разными источниками.

²⁴ Стр. 183. Прокопий Кесарийский*, О Готич. войне, кн. 3, гл. 14 — см. примеч.²⁴ к работе 3. Переводы из Прокопия Кесарийского, сделанные Ломоносовым, о быте славянских племен и, ниже, о войнах их с Византией были первыми на русском языке. Переводы его отличаются точностью и живостью языка (ср.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод с греч. С. П. Кондратьева. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 297, 356, 364—366, соответствующие этой и дальнейшим цитатам Ломоносова). Текст Прокопия приведен в акад. изд., т. V, стр. 186—187 втор. пагин.

²⁵ Стр. 184. Гельмолд...* Книга 1 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 187—188 втор. пагин.

²⁶ Стр. 185. Гарткнох. Диссерт. 12, о делах прус., § 2 — имеется в виду Chr. Hartknoch. Selectae dissertationes historicae de variis rebus prussicis. Jenae, 1679 (Избранные исторические диссертации о различных прусских делах. Иена, 1679). Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 188—189 втор. пагин.

²⁷ Стр. 185. Арикил. О цымбрском идолопоклонстве, на многих местах — имеется в виду M. Trogillo Arnkiel. Cimbrische Heyden-Religion. Hamburg, 1703 (Языческая религия кимбров. Гамбург, 1703). Цитаты из трех мест приведены в акад. изд., т. V, стр. 189—191 втор. пагин.

²⁸ Стр. 188. у Птолемея* Геогр., кн. 5, гл. 3 — в примечаниях к т. V акад. изд. ссылака уточнена: кн. 5, гл. 4 и кн. 8, гл. 17, § 1.

²⁹ Стр. 188. Блонд...* Декада 1, кн. 1 — имеется в виду Blondi Flavii Forliviensis Historiarum ab inclinatione Romanorum libri XXXI (Истории от падения Рима в 31 книге) в сборнике его работ De Roma triumphante. Basileae, 1559 (О торжествующем Риме. Базель, 1559). Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 192 втор. пагин.

³⁰ Стр. 188. Кромер, кн. 1, гл. 8 — цитаты из гл. 9 (а не 8) и, ниже, гл. 14 приведены в акад. изд., т. V, стр. 192—193 втор. пагин.

³¹ Стр. 189. О грамоте... Александра Великого славенскому народу — эта апокрифическая грамота была включена в то сказание конца XVII в., которое Ломоносов и другие называли Новгородским летописцем (см. примеч. ¹⁶ к работе 3). Она впервые напечатана Карамзиным в „Истории Государства Российского“, т. I, примеч. 70.

³² Стр. 190. дыньки в российском купечестве прежде обращались — в тексте сказания, называемого Ломоносовым Новгородским летописцем, читаем: „там бо берут дорогою скорою звери рекомого дыньки сыречь соболь“ (Летописец Российский в Библиотеке Академии Наук, 16. 4. 1, л. 3 об.); в других списках читается „годыньки“ (Гранограф. Копии разных рукописей. Там же, 34. 4. 1, л. 48). У Миллера (Происхождение народа и имени российского. 1749, стр. 31) они названы „ходыньки“.

³³ Стр. 191. из Прокопия:* О Готической войне, кн. 3, гл. 38 — Ломоносов делает перевод отрывков из главы 38, до слов „со многими тысячами пленных“, и далее из главы 40. Цитаты приведены в акад. изд., т. V, стр. 194—198 втор. пагин.

³⁴ Стр. 194. О Готической войне, книга 3, глава 35 — цитаты из Прокопия к этому месту и нижеследующему из кн. 4, гл. 4 приведены в акад. изд., т. V, стр. 198 втор. пагин.

³⁵ Стр. 195. земля Венгерская... не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью — проводимая здесь мысль Ломоносова о родстве венгерского языка с финской группой языков свидетельствует о его интересе к финно-угорскому вопросу; это подтверждается его знакомством со сборником *Scriptores rerum Hungaricarum veteres. Vindobonae, 1746* (Древние писатели венгерской истории. Вена, 1746) в 2 томах, который он брал из Академической библиотеки в январе 1754 г. (Архив АН СССР, ф. 158, оп. 1, № 409, л. 39). Происхождение венгров „от реки Угры из русского государства и княжества Югоры“ отмечается еще автором „Ядра Российской истории“ [см.: Ядро Российской истории, сочиненное... А. Я. Хялковым, изд. Г.-Ф. Миллером, М., 1784, стр. 8; автором „Ядра“ в действительности был, как уже отмечено выше (примеч.¹⁶), А. И. Манкиев].

Эта тема развита в трудах И.-Э. Фишера, который в августе 1759 г. представил в Конференцию Академии Наук речь о происхождении венгров.

Его работа *De origine Ungrorum* была напечатана в сборнике его трудов *Questiones Petropolitanae. Gottingae et Gothae, 1770* (Петербургские вопросы. Геттинген и Гота, 1770), стр. 3—40. В ней доказывалась этническая общность гуннов—унгров—югры—мадьяр, происхождение их от скифов и дается сравнительный словарь слов из языков народов Поволжья и Урала финно-угорской группы.

³⁶ Стр. 196. из Стурлезона,* Том I, часть 7, гл. 143 — см. примеч. 27 к работе 3. Цитата о путешествии в Биармию и другие, относящиеся к дальнейшим ссылкам на Стурлезона, приведены в акад. изд., т. V, стр. 198—201 и 201—203 втор. пагин.

³⁷ Стр. 198. Геродот в Мелпомене — цитаты к этой и следующим ссылкам на Геродота приведены в акад. изд., т. V, стр. 203—207 втор. пагин.

³⁸ Стр. 198. Бейер,**** В Комментариях Академии Наук, том I — имеется в виду статья З.-Т. Байера *De origine et prisicis sedibus Scytharum* (О происхождении и древних поселениях скифов), 1728.

³⁹ Стр. 199. Имя скиф по старому греческому произношению со словом чудь весьма согласно — мысль об общем корне слов скиф и

чудь была позже развита многими русскими исследователями, изучавшими происхождение приволжских и приуральских народов.

⁴⁰ Стр. 202. из Прокопия,* Кн. 4, гл. 3 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 207 втор. пагин.

⁴¹ Стр. 202. Мураторий, в Смешанной истории, том I, стр. 110 — имеется в виду *Historia miscella*, помещенная в т. I издания Л. А. Муратори *Regum italicarum scriptores. Mediolanae, 1723* (Писатели итальянской истории. Милан, 1723), в состав которой входит Римская история Евтропия с продолжателями — Павлом Дьяконом и др.

Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 208 втор. пагин.

⁴² Стр. 203. Кедрин 1034 года — имеется в виду *Georgii Cedreni Annales, sive historiae ab exordio mundi ad Isacium Comnenum usque compendium* (Сокращенная история от начала мира до Исаака Комнена), вероятно, парижское издание 1647 г., имеющееся в Библиотеке Академии Наук. „*Cedreni Historia t. I, in folio*“ числилась среди взятых Ломоносовым из Библиотеки книг.

Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 210 втор. пагин.

⁴³ Стр. 203. Перинскильд... называет варягов... варингами — соответствующие цитаты из Стурлезона приведены в акад. изд., т. V, стр. 209 втор. пагин.

⁴⁴ Стр. 204. Патерик Печ. в житии с. Феодора и Вас. — имеется в виду Патерик или Отечник Печерский. Житие Федора и Василия, под 11 августа. Цитата о варяжской пещере приведена в акад. изд., т. V, стр. 210 втор. пагин.

⁴⁵ Стр. 205. Кромер, кн. 1, гл. 1 — соответствующая цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 210—211 втор. пагин.

⁴⁶ Стр. 205. о крыжаках — т. е. крестоносцах; имеется в виду Тевтонский орден.

⁴⁷ Стр. 206. Преторий* На многих местах — имеется в виду *M. Praetorius. Orbis Gothicus* (Свет готический). *Monasterii Olivensis, 1688—1689*. В марте 1754 г. Ломоносов брал эту книгу из Библиотеки Академии Наук; в книге сохранились следы его чтения.

⁴⁸ Стр. 206. Кромер*** Стр. 43 — соответствующая цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 212 втор. пагин.

⁴⁹ Стр. 207. Вейсель, лист 18, 23 — имеется в виду *Matth. Weisselius. Chronika alter preussischer, eiflendischer und curlendischer Historien etc. Königsberg in Preussen, 1599* (Хроника старопрусской лифляндской и курляндской истории. Кенигсберг, 1599). В 1754 г. Ломоносов брал ее из Библиотеки Академии Наук; в книге сохранились следы его чтения.

Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 212 втор. пагин.

⁵⁰ Стр. 207. Берлинской Академии календарь 1702 — имеется в виду *Neuer und Alter Haus- und Geschichts-Calender auf das Jahr 1702. . . , herausgegeben von der Societät der Wissenschaften. Allgemeine Beschreibung der Lande Preussen, erstes Hauptstück* (Новый и старый домашний и исторический календарь на 1702 г. . . . изданный ученым обществом. Общее описание Пруссии, I раздел). Обширные цитаты приведены в акад. изд., т. V, стр. 213—217 втор. пагин.

⁵¹ Стр. 208. Саксон Грамматик, лист 11 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 217—218 втор. пагин.

⁵² Стр. 209. Преторий в Готическом свете, кн. 2, гл. 1 — соответствующие цитаты приведены в акад. изд., т. V, стр. 218—219 втор. пагин.

⁵³ Стр. 209. Плиний** . . . у Птоломея*** . . . у Страбона**** Геогр., кн. 11 — соответствующие места приведены в акад. изд., т. V, стр. 219—220 втор. пагин.

⁵⁴ Стр. 210. Вейссель из Богемии наводит. . . венды — цитата из Хроники Вейселя приведена в акад. изд., т. V, стр. 220 втор. пагин.

⁵⁵ Стр. 210. По Гелмолдову свидетельству* Книга I, глава 52 — ссылка относится в действительности к книге II, гл. 1.

⁵⁶ Стр. 210. Преторий, кн. 2, гл. 2 — цитата, которую переводит Ломоносов, приведена в акад. изд., т. V, стр. 222 втор. пагин.

⁵⁷ Стр. 211. Длугош свидетельствует,* Смотри в Кромере, стр. 42 — изложение соответствующего места из Польской истории (*Historiae polonicae libri XII*) Яна Длугоша у Кромера приведено в акад. изд., т. V, стр. 222 втор. пагин.

⁵⁸ Стр. 211. Матвея Меховского,** Смотри в Вейселе, лист 18 — изложение соответствующего места из Хроники Польши (*Chronica polonum, Cracoviae, 1521*) Меховского в Хронике Вейселя приведено в акад. изд., т. V, стр. 222 втор. пагин.

⁵⁹ Стр. 212. Страбон, кн. 7, ст. 212 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 153 втор. пагин.

⁶⁰ Стр. 212. Тацит, кн. 1, гл. 79 — см. примеч.¹⁷ к работе 3. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 154 втор. пагин.

⁶¹ Стр. 212. Спартиан в житии Адриана кесаря, гл. 6 — см. примеч.¹⁸ к работе 3. Цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 154 втор. пагин.

⁶² Стр. 212. Иорнанд, гл. 24 — об Иорнанде см. примеч.²⁵ к работе 3. Цитата, фактически из гл. 23, приведена в акад. изд., т. V, стр. 233 втор. пагин.

⁶³ Стр. 213. Иорнанд о наследии, стр. 239 — идет речь о работе Jor-

danis, seu Jornandes. De regnorum et temporum successione (О наследии царств и времен), которой Ломоносов также пользовался по Муратори. Цитата из гл. XXIV приведена в акад. изд., т. V, стр. 223 и 224 втор. пагин.

⁶⁴ Стр. 213. Аларик... почитается от Претория** за ружанина... склонны были — цитата из *Orbis Gothicus* Претория, кн. 3, гл. 6, § 1, приведена в акад. изд., т. V, стр. 224 втор. пагин.

⁶⁵ Стр. 215. Новгородский летописец — цитата из рукописного „Летописца российского“ (см. примеч.¹⁶ к работе 3) о совете Гостомысла пригласить варяжских князей приведена в акад. изд., т. V, стр. 225 втор. пагин.

⁶⁶ Стр. 216. Преторий* Свет Готический, кн. 2, гл. 2 — подробная цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 226 втор. пагин.

⁶⁷ Стр. 216. в наших некоторых писателях показано — имеется в виду Степенная книга XVI в. Первое издание „Книги Степенной царского родословия“ сделано Г.-Ф. Миллером в 1775 г.

⁶⁸ Стр. 223. комета на западе наподобие куста — текст дан по Татищеву; в Повести временных лет под 911 г.: „Явися звезда велика на западе копейным образом“. Это была комета Галлея, прошедшая через перигелий 19 июля 912 г.; в летописи ошибочно отнесена к 911 г. (см.: Повесть временных лет, под ред. Д. С. Лихачева, т. II, М.—Л., 1950, стр. 271). Внесение этого факта в рассказ объясняется особым интересом Ломоносова к вопросу о кометах; взгляды его по этому вопросу изложены в „Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“, 1753 г. (ПСС, III).

⁶⁹ Стр. 229. приходящих черней и болгаров — ошибка Ломоносова, который неправильно прочел текст летописи „А о сих, оже то приходять чернии болгаре“ как „черни и болгаре“.

⁷⁰ Стр. 233. пробил тем коня сквозь уши — в летописи: „и копье лете сквозь уши коневи“, т. е. между ушами.

⁷¹ Стр. 236. Сборный Временник — источник этот не уточнен. Возможно, что Ломоносов имел в виду какой-либо список Степенной книги, где Ольга говорит посланцу Цимисхия, что он „коварствовал“ ее старости.

⁷² Стр. 240. Кедрин, стран. 415 — обширные цитаты (по-гречески) из Кедрина о походе Святослава в Болгарию приведены в акад. изд., т. V, стр. 236—237, 238—245, 246—248 втор. пагин.

⁷³ Стр. 240. Зонар, кн. 17, гл. 2, 3 и 4 — имеется в виду *Johannes Zonaras Annales seu chronicon... seu Compendium historiarum ab O. C. usque ad obitum Alexii Comneni 1118, libri 18. Paris, 1686—1687* (Анналы или хроника, или Сокращенная история от основания мира до кончины

Алексея Комнена в 1118 г., в 18 книгах. Париж, 1686—1687), с греческим и латинским текстом (т. I — книги 1—12; т. II — книги 13—18).

⁷⁴ Стр. 244. и наши головы будут — речь Святослава составлена по Повести временных лет и по Кедрину. Источники указаны в акад. изд., т. V, стр. 246 втор. пагин.

⁷⁵ Стр. 254. Кромер, стр. 34 — цитата о войне Мечислава с Владимиром приведена в акад. изд., т. V, стр. 253 втор. пагин.

⁷⁶ Стр. 255. Стурлезон, часть 6, гл. 7 — большая цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 255 втор. пагин.

⁷⁷ Стр. 257. Нестор 1128 года — ссылка на Нестора ошибочна; дата взята из Никоновской летописи, где повесть о мщении Рогнеды изложена в форме рассказа о прежних временах.

⁷⁸ Стр. 264. Андрей Вышоваты — здесь Ломоносов использует комментарий к *Nucleus historiae ecclesiasticae Christophori Sandi* (Ядро церковной истории Христофора Занда), где подробно изложена легендарная история о некоем Иване Смере, половчанине, медике, посланном князем Владимиром для испытания веры и написавшем письмо Владимиру из Александрии Египетской. Легенда о письме Смеры, вырезанном особыми старорусскими буквами на медных досках и будто бы сохранившемся в одном из польских монастырей, поддерживалась польскими средневековыми богословами.

Это письмо появилось в комментариях к книге Занда на латинском языке; переводчиком с польского, сообщившим его автору „Ядра“, назван Бенедикт *Wissowatius*, сын Андрея Вышоватого. В комментариях названо также имя переводчика второй половины XVI в., который перевел письмо с древних письмен на русский и польский языки, — Андрей Колодинский из Витебска. См.: *Appendix addendorum confirmendorum et emendandorum ad Nucleum historiae ecclesiasticae Colonia, 1678* (Приложение с добавлениями, подтверждениями и исправлениями к Ядру церковной истории. Кельн, 1678), стр. 61—64; имеется в Библиотеке Академии Наук. Письмо И. Смеры приведено в акад. изд., т. V, стр. 256—257 втор. пагин.

⁷⁹ Стр. 270. 1092 год — известия об основании Владимиром города Владимира-на Клязьме в Повести временных лет нет; оно появилось лишь в общерусских летописях XV в., а Ломоносовым было взято из Никоновской летописи, где оно стоит под 992 г. (см.: *Повесть временных лет*, под ред. Д. С. Лихачева, ч. 2, 1950, стр. 344).

В действительности Владимир-на Клязьме был основан в конце XI в. (см.: А. Е. Пресняков. *Образование Великорусского государства*, П., 1918, стр. 30).

⁸⁰ Стр. 271. Зонар, кн. 16, гл. 10 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 258 втор. пагин.

⁸¹ Стр. 284. Зонара, кн. 17, гл. 24 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 259—260 втор. пагин.

⁸² Стр. 285. Кроммер, стр. 51 — цитата приведена в акад. изд., т. V, стр. 260—261 втор. пагин.

9

КРАТКИЙ РОССИЙСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ С РОДОСЛОВИЕМ.
СОЧИНЕНИЕ МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

(Стр. 287—358)

Печатается по изданию 1760 г.

Рукопись не сохранилась.

Время написания — 1759 г.

В „Росписи упражнений сего 1759 года“ Ломоносов писал: „1. Сделал самый краткий перечень Российской истории. 2. Сочинил таблицу Российской императорской фамилии“ (акад. изд., т. VIII, стр. 217).

Книга печаталась по определению Канцелярии Академии Наук 2 июня 1760 г., в 1200 экз. (Билярский, стр. 456); в ноябре 1760 г., по донесению фактора типографии А. Лыкова, было набрано 6 л. и напечатано 14742 л., т. е. 2457 экз. (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 505, л. 248 об.); в апреле 1761 г. был вновь напечатан двойной тираж — 2406 экз. (Билярский, стр. 511). Таким образом, за короткий срок было выпущено три издания, имеющие одну дату — 1760 г. Два издания отличаются от третьего подбором заставок и украшений и мелкими типографскими деталями. В одном из однотипных изданий имеются следующие различия: на стр. 30 в дате „начало владения“ Ивана IV допущена опечатка — 1433 вместо 1533; на стр. 47 в дате „лета жизни“ Петра Великого указано „52⁸ месяцев“, вместо „52“ в остальных изданиях.

В „Кратком Российском летописце“ в популярной форме давалась история России в виде перечня княжений и царствований до Петра I, с указанием важнейших событий и с приложением родословной Рюриковичей и Романовых до Елизаветы. До того, кроме совершенно устаревшей рукописной „Истории о царях и великих князьях земли русской“ Ф. И. Грибоедова, написанной в 60-х годах XVII в. (издана Обществом любителей древней письменности в 1896 г.), имелась лишь Синопис; из научных работ была напечатана доходившая лишь до 1238 г. „Краткая роспись великим князьям всероссийским, от Рюрика до нашествия татар, с показанием родословия“, составленная В. Н. Татищевым (Ежемесячные сочинения, 1755, январь, стр. 1—16).

Потребность в такой книге была очень велика; она даже переписывалась от руки (такие списки сохранились, напр., в Рукописном отделении Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

В апреле—мае 1761 г. для Ломоносова было переплетено 44 экземпляра (В. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. СПб., 1865, стр. 148), вероятно, для раздачи интересующимся.

Еще при жизни Ломоносова книга была переведена на немецкий язык П. Я. Штелиным (Kurzgefasstes Jahrbuch der Russischen Regenten. Copenhagen u. Leipzig, 1765). Немецкий перевод был переиздан в Риге в 1767 и 1771 гг. Появился также английский перевод (A chronological abridgement of the Russian history. London, 1767).

Существует мнение, что книга была написана наспех в качестве учебника для малолетнего цесаревича Павла, о чем будто бы свидетельствует приложенное к ней стихотворное посвящение (см., напр.: Л. Б. Модзалевский. Об участии А. И. Богданова в составлении „Краткого Российского летописца“ М. В. Ломоносова. Ломоносов, II, стр. 265). Однако посвящения литературных произведений малолетнему наследнику престола были весьма обычным приемом. Ломоносов посвятил Павлу и свой проект полярной экспедиции (см. работу 16 в настоящем томе).

„Краткий Российский летописец“ по содержанию делится на 3 части. В „Показании российской древности, сокращенном из сочиняющейся пространной истории“ сжато и четко суммированы взгляды Ломоносова о древности и „величестве“ славян и чуди и о славянском происхождении варягов-руси, развивавшиеся им с 1749 г. Вторая часть, не имеющая особого заглавия, представляет собой хронологию „государей“, с указанием их „степеней от Рюрика“, с [кратким перечнем важнейших событий каждого правления. Эта часть написана А. И. Богдановым, библиотекарем Академии Наук. Богданов — первый русский библиограф (составил каталог русских печатных и рукописных книг Академической библиотеки), лексикограф (составил большой словарь русского языка, в 80-х годах XVIII в. напечатанный в сокращенном виде Российской Академией в качестве словника к ее Словарю), первый историк Петербурга (составил Описание Петербурга) и автор ряда других работ [см. о нем: Н. Н. Аблов. Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов. Советская библиография, сб. 1 (19), 1941, стр. 134—151]. Авторство Богданова для этой части „Краткого Российского летописца“ засвидетельствовано его собственным указанием. В прошении, поданном им 3 сентября 1766 г. о награждении его чином за 36-летнюю работу по Библиотеке, в списке его трудов имеется запись: „Краткий экстракт о державных российских князьях и с славными их делами написал, которая и напечатана господином штатским советником Ломоносовым“.

Хотя эта запись была известна еще П. П. Пекарскому (Пекарский, I, стр. 199), но и он, и все последующие исследователи относили ее не ко второй, а к третьей части „Краткого Российского летописца“. Ошиб-

ка эта была раскрыта Л. Б. Модзалевским в вышеупомянутой статье (Ломоносов, II, 1946, стр. 267).

Однако если авторство А. И. Богданова для этой части книги не подлежит сомнению, то это не снимает вопроса о редакторской обработке Ломоносовым текста Богданова.

В „Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова“, написанной им в начале 1764 г., в разделе „История“ он на первом месте поставил: „Сочинен Краткий летописец Российский с родословием и напечатан“ (акад. изд., т. VIII, стр. 276).

Стиль Ломоносова обнаруживается в тексте хронологического списка о Петре Великом, напр.: „Дабы изведать, что солдат может, и показать, что должен делать“; „Именем громкий, присутствием неизвестный простирает ум и руки“ и т. д.; „Сие действие [возвращение Азова] хотя России самой за неприбыточное признается, однако соседям нашим спасительно было“ и т. д.; наконец, заключительная часть текста о Петре, написанная с большим чувством, от слов „Много претерпел“, вероятно, принадлежит самому Ломоносову.

Последняя часть — „Родословие российских государей мужского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями“ — является самостоятельным исследованием Ломоносова по доступным ему источникам. В числе взятых им из Библиотеки книг находился первый том „Родословных таблиц“ Иоганна Гюбнера (Genealogische Tabellen. Leipzig, 4 vol.), включавший родословие русских царей, переиздававшийся несколько раз с добавлениями и исправлениями. Ломоносов пользовался также русскими рукописными родословными государей.

Одновременно с выпуском „Краткого Российского летописца“ Ломоносов думал о втором издании „сея книжицы“, дополненном и исправленном (см. его „Примечание“ в конце текста). В связи с этим стояло предложение, дважды сделанное Ломоносовым Канцелярии Академии, о посылке в древние великокняжеские города художника, чтобы скопировать древние портреты князей, надгробные надписи и собрать прочие сведения, без которых „невозможно сочинить полного родословия российских государей, о которого издании в свет Академия Наук старается“ (Представление 16 октября 1760 г. Билярский, стр. 464). Ломоносов указывал, что сохранение этих произведений старого искусства нужно, „чтобы показать и в других государствах российские древности и тщание предков наших“, и что „выданные прежде сего в печать родословные грядорованные листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют“ (Билярский, стр. 464). Ломоносов имел в виду изданную Академией Наук в начале 40-х годов серию портретов царей и великих князей, выполненную И. Штенглиным (см.:

Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв., т. II, СПб., 1895, стлб. 1211—1216).

В „Родословии“ прослеживаются связи рюриковской династии с дворами других европейских стран; эта генеалогия имела целью показать крупное значение Руси в общеевропейской истории.

Следы работы Ломоносова над родословной таблицей сохранились в виде черновой записи, находящейся среди материалов к „Российской грамматике“ и содержащей сведения о супругах царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Василия Ивановича (Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 58 об.)

¹ Стр. 292. прадеды твои — великий [князь Павел Петрович был сыном тогдашнего наследника престола, будущего Петра III, в то время герцога шлезвиг-гольштейн-готторпского; родителями Петра III были дочь Петра I Анна Петровна и герцог голштинский Карл-Фридрих, племянник шведского короля Карла XII.

² Стр. 292. богатого Офира — здесь выражена мысль Ломоносова о необходимости для русского государства проложить морской путь к странам Дальнего Востока. Страна Офир — библейский образ страны, богатой драгоценностями.

³ Стр. 295. оружием . . . Елисаветы — имеется в виду занятие Восточной Пруссии русскими войсками, продолжавшееся с 1757 по 1762 г.

⁴ Стр. 296. по летописцу — имеется в виду апокрифическое сказание, которое Ломоносов называл Новгородским летописцем. См. примеч.¹⁶ к работе 3 настоящего тома.

⁵ Стр. 347. Предслава . . . за Болеславом Храбрым — Болеславу было отказано в руке Предславы, и она стала его военной добычей (см.: Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, примеч. 17).

⁶ Стр. 350. Супруги: 1) Христина — ошибка: Христина не была первой женой Мономаха (см.: Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. II, гл. I, примеч. 241).

⁷ Стр. 350. Евфимия — Евфимией звалась не жена, а дочь Мономаха.

⁸ Стр. 353. Петр Федорович, от Рурика двадцать пятый — ошибка: двадцать пятою „степеню от Рюрика“ являлись дети Алексея Михайловича.

⁹ Стр. 357. Екатерина Ивановна за . . . Леополдом — несомненно, из политических соображений в „Родословии“ опущено ее потомство: дочь Анна Леопольдовна и внук Иван Антонович, провозглашенный императором после смерти Анны Ивановны, свергнутый с престола Елизаветой 25 ноября 1741 г.

10

[ЗАМЕЧАНИЯ НА ПЕРВЫЙ ТОМ „ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ“ ВОЛЬТЕРА]

(Стр. 359—364)

Печатается по рукописи Ломоносова (Архив АН СССР, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 33—34).

Впервые напечатано в журнале „Московский вестник“, 1829, ч. V, стр. 158—163. Время написания — 1760 г.

Первый том *Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*, par l'auteur de l'*Histoire de Charles XII* был издан в Женеве в 1759 г. 6 октября 1759 г. Вольтер сообщал И. И. Шувалову, что том им закончен, а в ноябре печатный экземпляр был отправлен в Петербург на просмотр [Oeuvres complètes de Voltaire, édition de Ch. Lahure et Cie, t. 28. Paris, 1861 (Полное собрание сочинений Вольтера, изд. Ш. Лагю и К°. Париж, 1861), стр. 322—351; также: Письма г. Волтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам, 1757—1773. Переведено с франц. Н. Левицким. М., 1808, стр. 49]. Однако эта посылка не дошла до Петербурга. Печатный экземпляр был перехвачен и перепечатан в Гааге, о чем Вольтеру стало известно в начале августа 1760 г. (Oeuvres complètes, т. 28, стр. 410). Вольтер послал в Россию другой экземпляр (письмо Шувалову 1 апреля 1760 г.: Oeuvres complètes, т. 28, стр. 400—401). Таким образом, первый том попал в руки русских читателей лишь в первой половине 1760 г. Он подвергся сильной критике, в том числе со стороны Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта, которые написали ряд замечаний. Замечания Ломоносова относятся лишь к небольшой части книги.

Вольтер просил русское правительство, в лице Шувалова, одобрить его работу, обещая, в случае необходимости, перепечатать некоторые страницы (письмо 14 мая 1760 г.: Oeuvres complètes, т. 28, стр. 431 и 487; Русская беседа, 1857, I, стр. 44). Однако после гаагской контрафакции женевские издатели выпустили том в продажу. Книга быстро разошлась. В 1761 г. первый том был перепечатан в Лионе, Амстердаме и Лейпциге. Никаких поправок Вольтер в него не внес, несмотря на обещания Шувалову, в письмах 19 сентября и 18 ноября 1761 г. и 14 января 1762 г., исправить первый том, как и второй том, который в это время им заканчивался, согласно указаниям из России (Oeuvres complètes de Voltaire, т. 29. Париж, 1861, стр. 285, 326, 357). Об истории издания см. еще Voltaire. *Bibliographie de ses oeuvres par Georges Bengesco*, tome premier. Paris, 1882—1885 (Ж. Бенжеско. Библиография произведений Вольтера, т. 1. Париж, 1882—1885), стр. 397—405.

Замечания Ломоносова, отчасти повторяя прежде сделанные им поправки (см. работу 6 в настоящем томе), вносят и новые исправления

и уточнения. Часть их имеет целью поднять научный уровень изложения Вольтера; большое значение имеют замечания 10, 11, 12 (о переходе украинцев под покровительство России, о покорении татар Иваном IV, о роли А. И. Чирикова во Второй Камчатской экспедиции), в которых Ломоносов выдвигает исторические факты, свидетельствовавшие о росте силы и независимости национального русского государства.

¹ 1. Saique вместо Jaique [Яик] — опечатка в женевском издании 1759 г. (стр. I, предисловие). В дальнейшем страницы указаны по этому изданию.

² 2. о Карле 12 — идет речь о приводимом Вольтером (в предисловии, стр. XI—XIII) письме графа де Трессан, от 11 июля 1759 г., написанном по поручению польского короля Станислава в удостоверение того, что король одобрил „Историю Карла XII“ (Histoire de Charles XII roi de Suede. Par Mr. V***. Dixieme édition. . . plus ample et plus correcte que toutes les precedants. . . A Basle, 1740) и засвидетельствовал правильность всего сказанного Вольтером о Польше.

³ 3. скифом называет — замечание относится к стр. XXVIII.

⁴ 4. Патриарх Константин писал Историю — замечание относится к стр. 7. Вольтер основывался на книге Страленберга Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730 (Северная и восточная часть Европы и Азии. Стокгольм, 1730), где автором Синописа назван какой-то патриарх Константин (см. Словарь исторический о писателях духовного чина, ч. I. СПб., 1818, стр. 211).

⁵ 5. Описание Санктпетербурга весьма дурно — замечание относится к стр. 11—13; см. примеч. ³ к работе 6 настоящего тома.

⁶ 6. Лопари. . . с финцами одного поколения — разъяснение о лопарях вызвано повторением Вольтером его прежних утверждений в рубрике Laponie Russe (Русская Лапландия): лопари цветом красно-буры, хотя другие северные народы белы (стр. 15).

⁷ 7. Имя славенское esclavons. . . примечание — у Вольтера (стр. 25) les anciens slaves ou slavons. Соображения Ломоносова о постепенном упрочении правильной транскрипции „славяне“ у византийских авторов ср. с рассуждением о древности славян в „Древней Российской истории“, гл. 3, стр. 182, со ссылкой на выговор Плиния.

⁸ 7. У Бандурия. . . сфлавы, у Кедрина славы — в действительности у Бандури славы [имеется в виду A. Banduri. Imperium orientale, sive antiquitates Constantinopolitanae. Parisiis, 1711 (Восточная империя, или Константинопольские древности. Париж, 1711), т. I, предисловие, стр. IV], а у Кедрина σδλαβος [G. Cedrenus. Compendium historiarum. Parisiis, 1647 (Сокращенная история. Париж, 1647)].

⁹ 12. карту оных мореплавателей — имеется в виду изданная в 1758 г. Г.-Ф. Миллером „Карта, представляющая изобретения, российскими

мореплавателями на северной части Америки с около лежащими местами в разные путешествия учиненные“. Ломоносов правильно указал на ведущую роль русского капитана А. И. Чирикова во Второй Камчатской экспедиции, полностью подтвержденную советскими исследователями.

¹⁰ 13. совсем ложно — объяснение Ломоносова о происхождении „царь“ от „цесарь“ было вызвано тем, что Вольтер, еще в вопросах 1 августа 1758 г., следуя Страленбергу, считал, что название tsars стало известно со времени завоевания Сибири, и сомневался, может ли этот титул сибирских владетелей происходить от cesar.

¹¹ 13. (см. Кедрина, стр. 712) — о Кедрине см. примеч. 8.

¹² 14. Фотий... чего отнюд не бывало — замечание относится к стр. 67.

¹³ 15. государево родословие — замечание относится к стр. 80. Здесь говорится о царе Михаиле: „сын архиепископа Ростовского, по имени Филарет, и монахиня“. Вольтеру были посланы родословные таблицы Романовых, сохранившиеся в его фонде.

¹⁴ 16. Епархий... мало поставлено — замечание относится к стр. 72.

¹⁵ Стр. 364. Вдовство чисто в паганах хранилось — относится к стр. 66, где говорится об Ольге по поводу сватовства Цимиския: Arrangement qu'elle était veuve (вероятно она оставалась вдовой). В паганах — у язычников.

¹⁶ Стр. 364. 413 лист сент[ября] четвер[того] — ссылка на имеющуюся у Ломоносова рукопись Пролога или Четых-Миней нами не раскрыта.

11

ИДЕИ ДЛЯ ЖИВОПИСНЫХ КАРТИН ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

(Стр. 365—373)

Печатается по рукописи, написанной студентом Ильей Аврамовым, хранящейся в ЦГАДА, ф. Госархив, разд. XVII, № 19, лл. 2—5.

Впервые напечатано: Записки Академии Наук, т. XIII, кв. 1, 1868, стр. 180—186.

Время написания — не позднее 24 января 1764 г.

Описание сюжетов для исторических картин находится при письме Ломоносова вице-канцлеру А. М. Голицыну 24 января 1764 г.; Ломоносов просил его содействия, желая использовать материалы Архива Коллегии иностранных дел для уточнения аксессуаров в исторических картинах. По поручению Екатерины II, переданному И. И. Бецким, Ломоносов „выбрал из российской истории знатные приключения для

написания картин“, которые должны были „украсить при дворе некоторые комнаты“. „Немалый здесь нахожу недостаток, — писал он, — в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведения о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в Архиве Коллегии иностранных дел. Особливо ж есть в оной описание коронации и других церемоний государя царя Михаила Федоровича, с личными изображениями на пергаменте“ (акад. изд., т. VIII, стр. 288—289).

Ломоносов имеет в виду материалы „Книги об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича“ (издана Архивом Министерства иностранных дел, М., 1856) и „Описания в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5 при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государыней царицей Евдокией Лукьяновной из рода Стрешневых“ (издано П. Бекетовым, М., 1810).

На письме Голицыну имеется помета: „По сему послан приказ в Московский архив 29 генваря 1764 г.“.

Выбранные Ломоносовым исторические сюжеты относятся к допетровскому времени; темы событий, связанных с Петром I, были уже использованы им в проекте монумента Петру, составленном в 1758 г., который включал серию крупных мозаических картин исторического содержания (Ломоносов, III, стр. 475—479). Описание некоторых сюжетов, предложенных Ломоносовым, близко совпадает с изложением этих событий в „Древней Российской истории“: Олег князь приступает к Царюграду сухим путем на парусах; Олег угрызен от змея умирает; Взятие Искореста; Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр; Сражение Святослава с печенегами в порогах; Основание христианства в России; Горислава; Совет Владимиру от духовенства; Единоборство князя Мстислава.

Ломоносов видел в создании исторических картин дело, „служащее к чести российских предков“ (акад. изд., т. VIII, стр. 288), средство популяризации героического прошлого русского народа.

¹ 2. фигуры идольские есть у меня в лицах и описанные — Ломоносов, повидимому, имеет в виду изображения и описания языческих божеств в использованных им для „Древней Российской истории“ книгах Гарткноха „История старой и новой Пруссии“, Франкфурт и Лейпциг, 1684, и Аркила „Языческая религия кимвров“, Гамбург, 1691 (см. примеч. ²³ к работе 3 и ²⁷ к работе 8 настоящего тома).

² 13. со старого и угрюмого портрета — Ломоносов, вероятно, имеет в виду портрет Ивана Грозного, оригинал которого находился, по свидетельству Я. Я. Штелина, в старом Зимнем дворце (Д. Ровинский. Русские граверы. М., 1870, стр. 194), гравированный Ив. Штенглином для серии царских портретов, изданной в 40-х годах XVIII в.

12

[ТЕМЫ СТАТЕЙ]

(Стр. 377—379)

Подлинник не сохранился.

Печатается по литографированному факсимиле собственноручной записки Ломоносова, хранящемуся в Архиве АН СССР, ф. 20, оп. 4, № 10, л. 3—3 об.

Впервые напечатано: Пекарский, II, стр. 753.

Время написания — не позднее октября 1761 г.

В письме Шувалову 1 ноября 1761 г. (работа 13 настоящего тома) Ломоносов пишет, что он нашел „старые записки“ своих мыслей, „простирающихся к приращению общей пользы“, и обобщил их в несколько „глав“, список которых он и предлагает.

Набросок тем статей перечисляет те же восемь глав, представляя, видимо, первоначальный вариант, так как в письме Шувалову эти темы более уточнены и конкретизированы. На оборотной стороне листа записаны дополнительные темы, которые по содержанию относятся к той или иной из намеченных глав, например: „Ориентальная академия“ — к главе 5-й (О купечестве, особливо со внешними народами), „Олимпийские игры“ — к главе 8-й (О сохранении военного искусства и храбрости во время долговременного мира), „Истребление раскола“ — к главе 3-й (О исправлении нравов и о просвещении, ср. с работой 14 настоящего тома); темы „Экономическая география“, „Экономическая ландкарта“, „О лесах“ относятся к главе 7-й (О государственной экономике). Последняя заметка вместе с пословицей о болтливой жене относится к главе 2-й (О истреблении праздности).

13

[О СОХРАНЕНИИ И РАЗМНОЖЕНИИ РОССИЙСКОГО НАРОДА]

(Стр. 381—403)

Подлинная рукопись не сохранилась.

Печатается по копии XIX в., хранящейся в Архиве АН СССР, ф. 20, оп. 4, № 10, лл. 4—39.

Впервые напечатано с очень большими цензурными пропусками: Журнал древней и новой словесности, 1819, ч. 5, март, № 6, стр. 52—78.

История цензурных преследований, которым подверглось это сочинение вследствие выраженного в нем критического отношения к церковным обрядам, изложена П. П. Пекарским (II, стр. 756—758) и М. И. Сухомлиновым (Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 459—460 и 524—526).

Полностью впервые напечатано: Беседы в обществе любителей российской словесности при Московском университете, М., 1871, стр. 72—86, по копии, принадлежавшей Н. С. Тихонравову (в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина), с вариантами по копиям, напечатанным в 1819 г. (см. выше) и в „Москвитяине“, 1842, № 1. Местонахождение двух последних копий не известно. По копии, тождественной с копией Архива АН СССР, принадлежавшей П. П. Пекарскому (в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), напечатано в „Русской Старине“, 1873, т. 8, стр. 565—580.

Время написания — 1 ноября 1761 г.

Сочинение написано в форме письма И. И. Шувалову в день его рождения.

В 90-х годах XVIII в. одна из копий письма Ломоносова была приобретена Д. И. Языковым. Российская Академия, в заседании которой 2 мая 1836 г. Языков представил эту копию, сняла с нее еще два списка, один из которых и сохранился в Архиве Академии Наук.

Поднятый на заседании Российской Академии вопрос о достоверности авторства Ломоносова был разрешен 16 мая 1836 г., когда член этой Академии, писатель Б. М. Федоров, представил литографированное факсимиле собственноручной записки Ломоносова (см. настоящий том, работа 12), содержание которой, совпадающее со списком глав в письме Шувалову, „выводит из всякого сомнения достоверность сочинения Ломоносова“ (Биллярский, стр. 545—547).

В письме Шувалову Ломоносов заявляет о своем намерении написать большую работу, охватывающую многие вопросы экономической политики, связанные с подъемом производительных сил страны; тема „о сохранении и размножении российского народа“ была началом этого труда. Ломоносов подробно исследует вопрос о движении народонаселения в России, выясняя социальные причины, мешающие нормальному росту населения, и требуя их устранения. Ломоносов выступает здесь как просветитель, стремящийся поднять благосостояние народных масс путем распространения культуры, научных и медицинских знаний и путем проведения ряда законодательных мер в этой области. Несмотря на то, что вопрос о прямой связи тяжелой жизни народных масс с эксплуатацией их в условиях феодально-крепостнического строя еще не стоял в центре внимания прогрессивных деятелей той эпохи, Ломоносов, глубоко знавший русскую действительность, правильно указал, что побеги крестьян были следствием „помещичьих отягощений“ и „солдатских наборов“.

¹ Стр. 383. О лучшей государственной экономике — интерес Ломоносова к вопросам экономической политики подтверждается также его

знакомством с рукописным трудом И. Т. Посошкова. „Книга о скудости и богатстве, си есть изъявление, — отчесого приключается напрасная скудость и отчесо бо гобзовитое богатство умножается, изданная чрез Ивана Посошкова 1724 года“ была передана им в 1752 г. для списания в Академическую библиотеку, где этот список и хранится (16. 3. 15).

Сочинение Посошкова было впервые издано М. П. Погодиным в 1842 г.

² Стр. 385. продай излишнее другому — эти экономические соображения Ломоносова показывают, что он имеет в виду не помещичьих, а „вольных“ государственных крестьян.

³ Стр. 386. слова Назианзиновы — Григорий Назианзин, церковный писатель IV в., канонизированный православной церковью.

⁴ Стр. 388. учредить нарочные богаделенные дома для... зазорных детей приему — по мысли Ломоносова воспитание незаконнорожденных детей должно было соединяться с обучением их разным специальностям. Первый воспитательный дом в России, основанный в Москве в 1764 г. по проекту И. И. Бецкого, имел мало общего с идеей Ломоносова.

⁵ Стр. 389. Гофмана... наставление о излечении младенческих болезней — имеется в виду Fr. Hoffmann. Opera omnia physico-medica (Собрание медицинских сочинений), вышедшее в Женеве в 1740 г., в 6 томах.

⁶ Стр. 390. принимает вода в себя стужу до 130 гр. — идет речь о выделении водой скрытой теплоты; сущность метода измерения этой теплоты, применявшегося Ломоносовым, до сего времени остается не изученной.

⁷ Стр. 390. замерзающая ртуть — замерзание ртути, раньше считавшейся незамерзающей жидкостью, было впервые экспериментально доказано в декабре 1759 г. опытами И.-А. Брауна, Ломоносова и других петербургских академиков. См. об этом „Рассуждение о твердости и жидкости тел“ в т. III настоящего издания.

⁸ Стр. 394. живут и лопари, питаюсь почти одною только рыбою — соображения о зависимости слабосильности лопарей от их питания см. еще в замечаниях на „Историю Российской империи при Петре Великом“ Вольтера (работы 6 и 9 настоящего тома).

⁹ Стр. 395. андреевский протопоп Яков — т. е. Андреевской церкви на Васильевском острове в Петербурге.

¹⁰ Стр. 395. по красоуле — крассуля — чаша, употреблявшаяся при монастырской трапезе.

¹¹ Стр. 397. Медицинской канцелярии — она заведывала врачебным делом в России (учреждена в 1721 г.) до ноября 1763 г., когда настоятельная нужда государства в докторях, так ярко описанная Ломоно-

совым, привела к созданию Медицинской коллегии; задачей Коллегии являлось не только ведение больницами и аптеками, но и расширение медицинских кадров, к чему также призывал Ломоносов.

¹² Стр. 397. при иготе — иготь — ступка.

¹³ Стр. 398. Медицинскому факультету — Московского университета, открытого в 1755 г.

¹⁴ Стр. 398. в письме о лучшей государственной экономии — ссылка на одну из указанных в начале глав задуманного Ломоносовым труда.

¹⁵ Стр. 399. В главе о истреблении праздности — ссылка на одну из перечисленных Ломоносовым глав, к которой относятся также заметки в работе 12 настоящего тома.

¹⁶ Стр. 399. Драки... которых ничем, как межеванием, утушить не можно — здесь отражено столкновение самого Ломоносова с его соседями по земле, вследствие которого Ломоносов 31 августа 1761 г. просил Главную Межевую канцелярию об отмежевании земель деревни Голубовицы, заселенных приписными к его Усть-Рудицкой фабрике крестьянами, от земель ген. Е. Скворцова (см.: Обзорение рукописей Ломоносова в Центр. Гос. архиве древних актов, составленное Е. В. Александровой, № 66. Ломоносов, III, М.—Л., 1951, стр. 388).

¹⁷ Стр. 399. после разорения от поляков — имеются в виду события периода шведско-польской интервенции 1611—1612 гг.

¹⁸ Стр. 400. ответов, присылаемых на географические вопросы... по моему представлению — в анкете, разосланной по инициативе Ломоносова Академией Наук в 1759 г. через Сенат с целью собирания сведений, нужных для географического атласа России, имелся вопрос: „1. Город чем огражден, каменною стеною или деревянною, или земляным валом и рвами“ (см.: В. Ф. Гнучева. Ломоносов и Географический департамент Академии Наук. Ломоносов, [I], стр. 257).

¹⁹ Стр. 401. Побеги бывають более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов — здесь отражено обострение борьбы крепостного крестьянства против помещиков, усилившейся в 50-х годах XVIII в.

²⁰ Стр. 402. при нынешнем военном случае — Ломоносов говорит здесь о возможности, при прохождении русских войск после прусской кампании через Белоруссию, принудительного возвращения раскольников из их поселений на р. Ветке. Эта мера, вероятно, и имелась им в виду в теме „Истребление раскола“ (см. работу 12 в настоящем томе).

²¹ Стр. 402. способы, кои представляются о исправлении нравов и о большем просвещении народа — ссылка на одну из перечисленных Ломоносовым глав. Отнесение к этой главе борьбы с расколом дает

основание думать, что и заметки об обязанностях духовенства (см. работу 14 в настоящем томе) также предназначались для этой главы.

14

ПРИМЕЧАНИЯ [ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ДУХОВЕНСТВА]

(Стр. 405—408)

Печатается по черновой рукописи Ломоносова, хранящейся в Архиве АН СССР, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 31—32.

Впервые напечатано в „Летописях русской литературы и древности“, издаваемых Н. С. Тихонравовым, кн. II, 1859 г., отд. III, стр. 197—198.

Время написания, вероятно, конец 1761 г.

Заметки адресованы И. И. Шувалову (сохранились вместе с другими письмами Ломоносова к нему в так называемом Мухановском сборнике). По содержанию они являются разработкой одной из глав, намеченных в письме к Шувалову 1 ноября 1761 г. (см. работу 13 в настоящем томе): „О исправлении нравов и о большем народа просвещении“.

Документ дополняет выраженное в письме к Шувалову отрицательное отношение Ломоносова к паразитизму духовенства. Ломоносов стремится поставить церковников на службу просвещению народа. Эти высказывания связаны с другими выступлениями Ломоносова против реакционного духовенства („Гимн бороде“ и другие стихотворения, см. в т. VIII настоящего издания), вызвавшими преследования автора со стороны Синода в 1757 г.

15

МНЕНИЕ О УЧРЕЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ЗЕМСКОГО ДОМОСТРОЙСТВА

(Стр. 409—413)

Печатается по черновой рукописи Ломоносова, хранящейся в Архиве АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 70—71.

Впервые напечатано: А. С. Будилович. Ломоносов как писатель. Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871, стр. 313—314.

Время написания, вероятно, конец 1763 г.

Основанием для датировки являются следующие обстоятельства.

2 сентября 1763 г. И. И. Тауберту было объявлено в Сенате об указе Екатерины II „учредить при Академии класс агрикультуры, т. е. земледельства, и на каком оному основании быть, для поднесения ей имп. величеству сочинить при Академии прожекты“. На следующий день Канцелярия Академии Наук указом за подписью Тауберта и Ломоносова постановила: „Для надлежащего о том рассуждения учредить особливую

Комиссию“, в которой вместе с членами Канцелярии присутствовать Миллеру, Эпинусу, Цейгеру, Леману и Котельникову, а журнал еженедельных заседаний Комиссии вести архивариусу Стаффенгагену (Биллярский, стр. 616).

Некоторые члены Комиссии высказали мнение, что подобное учреждение должно быть создано вне Академии Наук.

„Мнение“ Ломоносова, являющееся проектом организации государственной коллегии для научной помощи развитию земледелия, очевидно, написано в связи с указанными фактами.

Ряд намеченных в „Мнении“ тем (пункты: 20—„О лесах“, 22—„О дорогах и каналах“, 23 — „Деревенские ремесленные дела“, 17 — об опытных сельскохозяйственных участках) соприкасается с некоторыми главами, перечисленными в письме Ломоносова И. И. Шувалову 1 ноября 1761 г. (см. работу 14 настоящего тома): „О исправлении земледелия“, „О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств“, „О лучшей государственной экономии“.

Существующая датировка „Мнения“ 1759 годом (см.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Архиве Академии Наук, 1937, стр. 60, № 132) является неправильной, так как ведет к нелепому выводу, будто бы Ломоносов в письме Шувалову 1 ноября 1761 г., подробно рассказывая о своем плане работы по общественно-экономическим вопросам, скрыл от него один из своих важнейших замыслов, касающийся развития земледелия.

Проект Ломоносова проникнут мыслью о необходимости широкой общественной инициативы для поддержки предлагаемого им государственного учреждения. Деятельность новой „коллегии“ Ломоносов связывал с вопросом о подъеме земледельческого хозяйства. Жизненность планов Ломоносова была подтверждена созданием в 1765 г. Вольного экономического общества, которое ставило себе хотя и ограниченные феодально-крепостническим общественным строем, но прогрессивные задачи научного изучения и улучшения методов земледелия в России.

¹ Стр. 411. Форшмейстер — т. е. лесничий.

² 4. не будет добра — здесь выражено недовольство организационной стороной деятельности Академии, которое отразилось и в других документах этого периода, напр., в „Краткой истории о поведении Академической Канцелярии“, написанной в январе 1764 г.

³ 16. Смотри о экономических ведомостях — Ломоносов, очевидно, имел в виду свой проект „внутренних российских ведомостей“, представленный им в Канцелярию Академии Наук 15 июля 1759 г., „которые бы в государственной экономии и частных людей, а особливо в купечестве, приносили пользу отечеству сообщением знания о внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток;

например, плодородия хлеба или недороду, о вывозе или привозах товаров или припасов“ (Билярский, стр. 392—393). Проект был одобрен президентом Академии, но не получил дальнейшего движения. Позже, 28 января 1765 г., Ломоносов предложил Конференции Академии Наук, в связи с вопросом о продолжении „Ежемесячных сочинений“, редактор которых, Г.-Ф. Миллер, уезжал в Москву, „вместо этих Сочинений... выпускать другие — экономические и физические на русском языке раз в три месяца“ (Протоколы Конференции, II, стр. 532).

⁴ 24. О продуктах — Ломоносов, вероятно, имел здесь в виду составленный им в августе 1763 г. проект под названием „Краткое расположение сочиняемого Экономического лексикона российских продуктов и показание внутреннего и внешнего оных сообщений, с принадлежащими к тому ландкартами“; лексикон всех российских товаров, с указанием мест их производства и других экономических сведений, должен был дополняться двумя картами — Российской и Сибирской, с условными значками на них (Билярский, стр. 611—613).

⁵ 28. Основательные пункты — т. е. устав.

16

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РАЗНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО СЕВЕРНЫМ
МОРЯМ И ПОКАЗАНИЕ ВОЗМОЖНОГО ПРОХОДУ СИБИРСКИМ
ОКЕАНОМ В ВОСТОЧНУЮ ИНДИЮ

(Стр. 417—498)

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Q IV. № 415). Под „Посвящением“ наследнику Павлу имеется собственноручная подпись Ломоносова.

Впервые напечатано по копии отдельным изданием А. П. Соколовым (Сочинение Ломоносова, издано Гидрографическим департаментом Морского министерства, СПб., 1847). По подлиннику впервые напечатано в акад. изд., т. VII, стр. 279—338. Время написания — 1762—1763 г. (дата посвящения Павлу — 20 сентября 1763 г.).

К подлиннику приложена воспроизводимая здесь полярная карта. Карта впервые напечатана Ю. М. Шокальским при его статье о „Кратком описании“ в сборнике „Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук“, изд. Академии Наук, СПб., 1911, после стр. 126.

Время составления карты — 1763 г.

С первых лет работы в Академии Ломоносов проявлял большой интерес к вопросу о возможности северо-восточного прохода из Европы в Тихий океан.

Образ „Колумба российского“ меж льдами, который спешит на восток, впервые появился в его оде 1747 г. и повторен в одах 1752 и 1760 гг. Этот поэтический образ создавался, несомненно, под влиянием изучения Ломоносовым соответствующих сочинений о полярных областях и материалов русских плаваний вдоль северных берегов Азии, особенно экспедиций Малыгина, Овцына, Минина, Прончищева, Челюскина, Харитона и Дмитрия Лаптевых.

Интерес Ломоносова к проблеме Северно-морского пути усилился в первой половине 50-х годов в связи с полемикой по вопросу о приоритете русских открытий в Тихом океане. В 1752—1753 гг. вышли работы французских географов Делиля и Бюаша (о них см. примеч. 3), в искаженном виде излагавшие историю этих открытий. Против них выступил Г.-Ф. Миллер, напечатавший „Письмо офицера русского флота к некоему знатному придворному по поводу карты новых открытий на севере Южного моря...“ (на французском языке; Берлин, 1753) и составивший в 1754 г. специальную карту русских открытий у берегов Северной Америки (*Nouvelle carte des découvertes, faites par les vaisseaux russiens aux cotes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec des païs adjacents*).

В отчете за 1755 г. Ломоносов указал на составленное им „Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном“ (Билярский, стр. 302). В этом письме, надо думать, были использованы результаты собственных исследований Ломоносова по физике в 1754 г., когда Ломоносовым были „изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе“ и когда им были „деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может, при том были разные химические растворы морожены для сравнения“ (Билярский, стр. 279—280). „Письмо“ не сохранилось и было, вероятно, использовано Ломоносовым для главы 3 „Краткого описания...“, названной весьма сходно с трудом 1755 г. („О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию“).

Та же проблема продолжала интересовать Ломоносова в последующие годы: так, среди его замечаний на текст первого тома „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера имеется замечание о Второй Камчатской экспедиции, показывающее, что Ломоносов считал важным отметить ведущую роль в ней А. И. Чирикова (см. в настоящем томе работу 10, стр. 363). В 1757 г. Ломоносов работал над „циркумполярной картой“, которая в январе 1758 г. была „отделана“ в Географическом департаменте адъютантом И. Ф. Трусокотом (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 228, л. 19). Она до нас не дошла, но, несомненно, была использована Ломоносовым для карты 1763 г. Вышедший в том

же 1758 г. труд Миллера о плавании русских по Северному Ледовитому океану давал известия, которые, по мнению Ломоносова, „вполне подтверждали, что, не взирая на неудачи голландцев, пытавшихся пройти к северо-востоку, явствует противное из неутомимых трудов нашего народа: россияне далече в оный край на промыслы ходили уже действительно близ 200 лет“.

Работая в последующие годы над подбором доказательств в пользу возможности северо-восточного прохода, Ломоносов не только использует факты, собранные Миллером, но и обосновывает их целым рядом соображений, которые найдут место в главе 3 его „Краткого описания...“. Так, в 1759 г. Ломоносов написал „Рассуждение о большей точности морского пути“, в котором остановился на вопросах, связанных „с войной с океаном“; по его мнению, эта война будет „благодетельнее международных войн“. В относящемся к началу 60-х годов „Прибавлении втором“ к „Первым основаниям металлургии“, названном „О слоях земных“, Ломоносов очень подробно останавливается на вопросе о теплоте земной поверхности, дополняя здесь свои суждения, высказанные еще в „Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“ (1753 г.). Написанное Ломоносовым в 1761 г. „Рассуждение о происхождении ледяных гор в северных морях“ (см. т. III настоящего издания), напечатанное в 1763 г. шведской Академией наук, дало западноевропейским сторонникам мнения о возможности северо-восточного прохода сильную поддержку. Один из них, швейцарский географ Самуил Энгель, использовал этот труд Ломоносова в своем сочинении: S. Engel. Nachrichten u. Anmerkungen über die Lage der nordlichen Gegenden von Asia u. America u. dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien. 2-ter Theil. Basel, 1777 (Известия и замечания о местоположении северных частей Азии и Америки и о поиске пути через Северный океан в Индию, ч. 2. Базель, 1777), стр. 164—168, 174, 175 и др.

Все упомянутые труды Ломоносова были, однако, только подготовительными для его основной работы по географии северных полярных морей. В „Химических и оптических записках“ 1762 г. Ломоносов, между прочим, отметил: „§ 84. На нашем языке припечатать и о плавании Сибирским океаном и о славных мореплавателях“; в плане работ того же 1762 г. по разделу „География и мореплавание“ поставлено: „Нордская карта“ (затем зачеркнуто) и „Нордское путешествие“ (акад. изд., т. VII, стр. 430, 445).

Ломоносов внимательно следил за всеми сообщениями о новых трудах „славных мореплавателей“ русских; в не дошедшем до нас письме Ф. И. Соймонову, отправленном в конце 1761 г., Ломоносов, видимо, просил его о присылке известий о русских плаваниях в Тихом океане,

что Соймонов и обещал делать (Билярский, стр. 557—558). Оживление интереса к „нордским путешествиям“, наблюдавшееся в начале 60-х годов XVIII в., послужило внешним поводом для составления Ломоносовым „Краткого описания разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию“. В посвящении к этому труду Ломоносов высказывал свои давнишние идеи о роли Петра Великого „в сооружении флотов российских“ и о необходимости „продолжения и приращения“ дела Петра: „Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют... рачения и знания. Между прочим Северный океан есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерно пользою чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку“. Отдавая свой „посильный труд, от усердия к пользе отечества происшедший“, на рассмотрение, Ломоносов в предисловии к нему кратко излагает свои соображения в пользу необходимости предпринять, наконец, плавание „морским северным ходом“, о возможности которого приводит в дальнейшем изложении „довольные доказательства“. Дав в первых двух главах обзор прежних поисков морского прохода „западно-северными морями“ (т. е. вдоль североамериканского архипелага) и „Сибирским океаном“, он признает последний путь вполне осуществимым и в третьей, основной главе доказывает это „натуральными обстоятельствами“, опираясь на свои собственные труды, блестяще развертывая свои научные гипотезы в области географии и океанографии и предлагая свои проекты высокоширотных маршрутов.

К рукописи „Краткого описания“ была, как указано, приложена полярная карта.

В одной из записок в Канцелярию Академии Наук 16 октября 1763 г. Ломоносов указал: „Геодезический студент Илья Абрамов... сочинил под моим смотрением две полярные карты к книге о северных путешествиях“ (Пекарский, II, стр. 790—791). Однако мы имеем теперь при „Кратком описании“ только одну карту. О том, что при „Кратком описании“ была одна карта, свидетельствует сам Ломоносов в „Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова“, приложенной им к письму М. И. Воронцову 19 января 1764 г.; здесь в разделе физических наук указано: „О возможности мореплавания Северным океаном в Ост-Индию и в Америку с полярною картою, на коей показаны все северные путешествия“ (акад. изд., т. VIII, стр. 274). Сохранившаяся карта отражает уровень тогдашних знаний об Американском архипелаге; на ней показаны, кроме известных крупных открытий Гудзона, Баффина и др., еще и фантастический район путешествия де Фонта, а также выведен „чаятельный берег Северной Америки“, начинающийся от Гренландии на востоке и кончающийся „мысом Северной

Америки“ на западе. Непосредственная связь этой карты с „Кратким описанием“ вполне подтверждается нанесенными на нее пунктиром маршрутами. Два полярных маршрута, расходящиеся от Колы к Новой Земле и к Шпицбергену, соединяющиеся в Беринговом проливе и кончающиеся у Камчатки, соответствуют двум высокоширотным маршрутам, предложенным Ломоносовым в § 83 „Краткого описания“; третий изображает путь португальца Мельгиера, описанный в § 42 „Краткого описания“.

Указание Ломоносова о двух картах к „Краткому описанию“ может быть уточнено на основании репорта самого Ильи Аврамова, который 18 апреля 1765 г., донося Канцелярии Академии о своей работе при покойном Ломоносове, писал: „Сочинил две полярные карты к книге о северных путешествиях, кои поднесены его имп. высочеству (кроме оных еще особливо три сделаны)“ (Билирский, стр. 744). Слова Аврамова об „особливо сделанных“ картах могут относиться к не дошедшей до нас карте, составленной Ломоносовым в апреле 1764 г. Эту вторую полярную карту, вероятно, Екатерина II послала Ф. И. Соймонову 8 мая 1764 г. (дата письма по фонду Г.-Ф. Миллера в ЦГАДА, портф. 539, II, тетр. 2, л. 5; ср. факсимиле копии записки Екатерины с датой 28 мая в книге В. А. Первалова „Ломоносов и Арктика“, стр. 313). Таким образом, слова И. Аврамова объясняются в том смысле, что он сделал 2 экземпляра первой полярной карты Ломоносова и 3 экземпляра второй.

Можно думать, что непосредственным толчком для представления проекта Северно-морской экспедиции послужило создание Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления, которая была официально открыта 17 ноября 1763 г., но готовилась, конечно, задолго до этого. Комиссия имела задачей оживление деятельности флота и приведение его „к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок“.

Практическая цель „Краткого описания“ обусловила и посвящение его малолетнему наследнику Павлу Петровичу, который в это время числился президентом Адмиралтейской коллегии. При поддержке руководящего члена Адмиралтейской коллегии И. Г. Чернышева 22 декабря 1763 г. проект Ломоносова поступил в Комиссию российских флотов вместе с письмом, подписанным Павлом, в котором Комиссии предписывалось обсудить, при участии Ломоносова, возможность организации предлагаемой им экспедиции.

В письме к М. И. Воронцову 19 января 1764 г. Ломоносов сообщал, что поднес цесаревичу „письменную книгу о возможности мореплавания Ледовитым нашим Сибирским океаном в Японию, Америку и Ост-Индию; почему и велено в Адмиралтейской комиссии учинить расположение с рассмотрением, и не сомневаюсь, что экспедиция туда воспоследует“ (акад. изд., т. VIII, стр. 270).

Таким образом, Ломоносов выступил в 1763 г. во всеоружии исторических и естественно-научных знаний как инициатор русской экспедиции для поиска Северо-морского пути.

В течение почти полутора лет, до самой своей смерти, он отдавал чрезвычайно много времени и сил подготовке полярной экспедиции. В связи с этим появились и остальные печатаемые здесь работы (17—20).

¹ § 1, стр. 426. что кратко в сей главе предлагается — описание путешествий для поиска северо-западного и северо-восточного прохода Ледовитым океаном в Тихий океан занимает первую и вторую главы „Краткого описания“. Ломоносову была известна литература, имевшаяся по этому вопросу на доступных ему немецком и французском языках. Известно, что он приобретал, по мере выхода в свет, выпуски лейпцигского издания *Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und Lande oder Sammlung aller Reisebeschreibungen* (Всеобщая история морских и сухопутных путешествий или собрание всех описаний путешествий), являвшегося переводом труда Английского общества ученых (вышел 21 том, 1748—1774). XVII том этого издания (Лейпциг, 1759) включал главу *Reisen gegen Nordwest und Nordost zur Entdeckung einer Fahrt nach Ostindien* (Путешествия на северо-запад и северо-восток для открытия прохода в Восточную Индию), стр. 94—219, к которой были приложены карты различных частей суши, омываемой Ледовитым океаном, в том числе Новой Земли, Шпицбергена, а также сводная меркаторская карта северных частей земного шара между Азией и Америкой (вкладка за стр. 156).

² § 19, стр. 439. оно достойно показания на карте — на карте, приложенной к „Краткому описанию“, показаны „открытия“ адмирала де Фонта.

³ § 19, стр. 439. Помянутое описание... астрономом Бюшем утверждается — книга И. Делиля — *Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer de Sud*. Paris, 1752 (Объяснение карты новых открытий в северной части Тихого океана. Париж, 1752), с приложением карты *Carte generale des découvertes de l'Amiral de Fonte, d'autres navigateurs Espagnoles, Anglois et Russes pour la recherche du passage à la mer de Sud* (Общая карта открытий адмирала де Фонта и других испанских, английских и русских мореплавателей, искавших прохода в Тихий океан). Труд „парижского астронома“ Ф. Бюша — *Considerations géographiques et physiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la Grande mer, appelée vulgairement la mer de Sud*. Paris, 1753 (Географические и физические замечания о новых открытиях в северной части Великого океана, в просторечии называемого Южным [Тихим]. Париж, 1753).

⁴ § 22, стр. 443. новгородского летописателя — под „новгородским летописателем“ Ломоносов подразумевает апокрифическое сказание о начале Новгорода; см. примеч. ¹⁶ к работе 3 настоящего тома.

⁵ § 30, стр. 448. которые хотя уже инде описаны — Ломоносов имеет здесь в виду „Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных“ — труд Г.-Ф. Миллера, напечатанный в „Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих“ (1758, январь—май, июнь—ноябрь) и по-немецки в *Sammlung Russischer Geschichte*, Bd. III, 1758. Миллер впервые использовал первоисточники — журналы некоторых описанных им экспедиций.

⁶ § 32, стр. 448. с казаком Иваном Дежневым — описка в имени Дежнева (надо: Семеном Ивановым).

⁷ § 32, стр. 449. пятисотника — надо: пятидесятника.

⁸ § 33, стр. 450. из нарочных отправлений морских офицеров — участников Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.), которые описывали северные берега Сибири: С. В. Муравьева, М. В. Павлова, С. Г. Мальгина, А. Скуратова, Д. Л. Овцына, Ф. Минина, В. М. Прончищева, С. И. Челюскина, Х. П. Лаптева, П. Лассиниуса и Д. Я. Лаптева.

⁹ § 34, стр. 450. Об оных посылках обстоятельные известия хранятся в Государственной Адмиралтейской коллегии — ныне эти материалы хранятся в Центральном Гос. архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде.

Упоминаемый ниже Д. И. Павлуцкий был участником экспедиции А. Ф. Шестакова и его преемником; в 1731 г. прошел из Анадырска к Чукотскому носу.

¹⁰ § 36, стр. 451. известия геодезиста Гвоздева — геодезист М. С. Гвоздев участвовал в плавании судна „Гавриил“ в 1732 г. с Камчатки к берегам северо-западной Америки, которое впервые достигло берегов Аляски (Большой Земли); карта этой экспедиции, составленная М. П. Шпанбергом, была доставлена в Адмиралтейскую коллегию в начале 40-х годов.

¹¹ § 38, Стр. 453. Афанасей Шестаков на ландкарте своей поставил оный остров — якуский казачий голова А. Ф. Шестаков, приезжавший в Петербург в 1726 г., был неграмотным и никакой карты он не сочинил, но его известия об острове Копаеве, Большой Земле и др. были использованы секретарем Сената И. К. Кириловым для дополнений его собственной карты северо-восточной Сибири 1724 г. Эта дополненная и исправленная на основании известий А. Ф. Шестакова карта Кирилова известна в трех копиях; копия на русском языке издана в „*Imago Mundi*“, III, Лондон, 1939, при стр. 90; копия на французском языке,

с замечаниями И.-Н. Делиля, напечатана в книге Л. С. Берга „Открытие Камчатки и экспедиции Беринга“, М.—Л., 1946, при стр. 96 (ошибочное название этой карты, приведенное у Л. С. Берга, исправлено им же в „опечатках“ к его книге при стр. 380).

¹² § 39, стр. 454. ясно видеть можно, что положительные много сильнее отрицательных — в §§ 37—39 Ломоносов полемизирует с Миллером, который по вопросу о существовании острова Копаева держался иного взгляда (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758, февраль, стр. 99—120). Пересмотрев вновь известия о Копаевом острове, академик Л. С. Берг сделал следующее заключение: „Неясные рассказы о Большом или Копаевом острове, сплетаясь с темными сведениями чукок о земле против мыса Яхан, т. е. о Земле Врангеля, и с более определенными данными о Большой Земле, т. е. Аляске, давали повод... сибирским картографам [имеется в виду так называемая карта Афанасия Шестакова] обозначать на картах названные острова и земли“ (Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946, стр. 97—98).

¹³ § 40, стр. 455. положить на своей полярной карте — полярная карта по указаниям и материалам Ломоносова была сочинена студентом Географического департамента Академии Наук Ильей Аврамовым в двух экземплярах, из которых сохранился к настоящему времени только один, приложенный к рукописи „Краткого описания“. На карте были указаны два возможных маршрута намечавшейся Ломоносовым экспедиции (об этом в § 83 „Краткого описания“) и маршрут плавания португальца Д. Мельгиера, описанный Ф. Бюашем (об этом в § 42 „Краткого описания“). Повидимому, в апреле 1764 г. Ломоносовым была сочинена еще одна полярная карта (о ней имеем известие в письме Екатерины II Ф. И. Соимонову от 8 мая 1764 г.), но она не сохранилась.

¹⁴ § 42, стр. 457. Дорога его назначена точками — на карте Бюаша и на полярной карте Ломоносова.

¹⁵ § 43, стр. 457. ибо главная теория теплоты и стужи и происхождение льда вообще требуют пространного изъяснения — см. труд Ломоносова „Размышления о причине теплоты и холода“ (ПСС, II, 1951, стр. 7—55).

¹⁶ § 46, стр. 460. Сему причины показаны в Слове моем о электрических явлениях на воздухе и во Втором прибавлении к Первым основаниям металлургии — „Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“ (1753) (ПСС, III); „Прибавление второе“ к „Первым основаниям металлургии“ (1763) (ПСС, V).

¹⁷ § 49, стр. 461. Амос Корнилов, архангелогородский мореходец — этот помор, хорошо известный Ломоносову, был, в числе четырех про-

мышленников из бывавших на Шпицбергене и на Новой Земле, вызван в Петербург при обсуждении проекта полярной экспедиции Комиссией российских флотов и адмиралтейского правления.

¹⁸ § 53, стр. 463. о трудности от льдов рассудить — §§ 53—58, в которых Ломоносов говорит о происхождении льдов, являются повторением „Рассуждения о происхождении ледяных гор в северных морях“ (1761) (ПСС, IV).

¹⁹ § 66, стр. 471. полутретьих тысяч верст — т. е. 2500 верст.

²⁰ § 71, стр. 474. в стужу 180 градусов — здесь и далее, в § 75, температура приведена по термометру Делиля, 180° которого равняются —20° С.

²¹ § 77, стр. 478. что мне искусством пять раз изведать случилось — это указание свидетельствует об участии Ломоносова в промышленных поездках своего отца в течение пяти лет до его ухода из дому, т. е. с 13—14-летнего возраста; приводимые далее сведения говорят о большой наблюдательности молодого Ломоносова в области явлений природы.

²² § 80, стр. 481. Сие чистое место должно быть на ширине около 80 градусов — мысль Ломоносова о безледном море в высоких широтах была основана на преуменьшенном подсчете количества льдов в Ледовитом океане (см. §§ 75 и 76). Эта мысль тогда же была подвергнута критике Ф. И. Соймоновым, который, получив от Екатерины II „Краткое описание“, писал ей, что „достигнуть до полюса совершенно невозможно за твердостоящими льдами, ибо промышленники наши, плавая по Ледовитому океану, встречали оные во всех местах; а в широте 72° находили на льдины, вышиною и толщиной более 40 сажен. Промышленники, отправлявшиеся с устья Индыгирки и Шалацкого носа, достигли до широты 80°, но и там находили льды еще крупнейшие, а посему и полагаю, что до полюса достигнуть невозможно, ибо льды должны быть там еще крупнее“ (В. Берх. Дополнение к жизнеописанию Ломоносова. Московский телеграф, 1828, ч. 21, № 11, стр. 290).

Критику представлений Ломоносова о ледовом покрове Ледовитого океана см. в книге Л. С. Берга „Очерки по истории русских географических открытий“, изд. 2-е, 1949, стр. 30—35.

²³ § 83, стр. 483. и далее в Индию и Америку — в § 83 Ломоносов делает свой основной вывод о возможности прохода Ледовитым океаном по двум высокоширотным маршрутам, проходящим по обе стороны полюса, с выходом к Чукотскому носу, т. е. в Тихий океан.

²⁴ § 85, стр. 484. купить из готовых... судов у Архангельского порта — Адмиралтейская коллегия в процессе подготовки экспедиции отказалась от первоначального решения использовать готовые суда — два

пинка и бот, имевшиеся в Архангельске (см. Протокол заседания 17 мая 1764 г.: Перевалов, стр. 470), и в спешном порядке заказала Архангелогородской конторе над портом построить три новых судна; эти суда были спущены на воду уже 1 августа 1764 г., отправлены на зимовку в Колу, начальный пункт экспедиции, и вышли в плавание 9 мая 1765 г. Суда были названы именами командующих офицеров — „Чичагов“ „Панов“ и „Бабаев“.

²⁵ § 88, стр. 484. офицеру от флота искусному — 17 мая 1764 г. Адмиралтейская коллегия в присутствии Ломоносова назначила начальником экспедиции капитана второго ранга М. И. Рябинина. Однако 25 июня 1764 г. Адмиралтейская коллегия, опять-таки в присутствии Ломоносова, назначила в экспедицию трех офицеров: капитана первого ранга В. Я. Чичагова (главным командиром), капитана второго ранга Н. Панова и капитан-лейтенанта В. Бабаева; к ним были назначены лейтенанты — П. Борноволоков, Ф. Озеров и П. Поялков; все офицеры были тогда же по указу Екатерины II произведены в следующий чин (см. Протоколы заседаний: Перевалов, стр. 474—476).

²⁶ § 88, стр. 484. знающих брать астрономические наблюдения... и в Академии Наук — 25 июня 1764 г. Адмиралтейская коллегия решила назначить на каждое из трех судов экспедиции по штурману и подштурману и распорядилась вызвать штурманов А. Мухина, А. Ломова, О. Шелехова, трех подштурманов и четырех штурманских учеников и послать их в Академию Наук для подготовки к „лучшей в астрономии обсервации“ „под смотрением“ Ломоносова. Часть из них прибыла в Академию из Кронштадта в начале сентября, приехавшие из Ревеля Мухин и Ломов — в начале октября, а 21 октября Адмиралтейская коллегия прислала еще двух штурманов из Кронштадта — В. Ващугина и И. Оконнишников.

9 сентября Канцелярия Академии Наук предписала Н. И. Попову, С. Я. Румовскому и А. Д. Красильникову учинить экзамен первым восьми прибывшим, „как они далеки в математике и имеют ли способности обучаться астрономии“ (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 285, л. 162).

24 сентября Попов и Красильников подали репорты, что всех присланных можно обучать астрономии, Румовский же репортовал, что Шелехова „уже и ныне астрономии обучать можно“, а остальных прежде надлежит обучать „как плоской, так и сферической тригонометрии“ (там же, лл. 164—166).

Канцелярия указом 28 сентября за подписью Ломоносова определила обучать их: „1-е, употреблению Гаделеева квадранта для взятия высот и расстояния звезд от луны и луны от солнца и 2-е, по сим находить долготу на море“ и предписала Академическому собранию решить,

„на кого оное обучение положить“ (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2, 1764, № 9). 16 октября были проэкзаменованы Мухи и Ломов, а 21 октября Канцелярия указом за подписью Ломоносова сообщила Академическому собранию, чтобы штурманов А. Мухина, Л. Ломова, В. Ващугина и И. Оконнишникова „обучать как прежних“ (ф. 20, оп. 3, № 94, лл. 1—2).

Обучение штурманов, однако, задержалось — отчасти из-за отсутствия Гадлеевых квадрантов (об этом Ломоносов писал И. Г. Чернышеву 22 октября 1764 г.; акад. изд., т. VIII, стр. 305—306), а кроме того и вследствие нежелания акад. Румовского, заведывавшего Астрономической обсерваторией, „терять даром время“ с плохо подготовленными учениками. 19 ноября он подал особое заявление в Канцелярию, в котором отказывался обучать штурманов, ссылаясь даже на академический регламент (Протоколы Конференции, II, стр. 529).

Академическое собрание, по требованию Ломоносова, 1 декабря 1764 г. приняло окончательное решение по вопросу об обучении моряков астрономическим наблюдениям: это дело принял на себя Попов, прося себе в помощь Красильникова (Протоколы Конференции, II, стр. 530). 3 декабря Ломоносов потребовал, чтоб Румовский и Эпинус допускали обучающихся штурманов в обсерваторию и выдавали инструменты: „несмотря ни на какие Румовского отговорки определить надобно, чтобы наставления практические в астрономии подавали господа Попов и Красильников оным штурманам на обсерватории академической и отведены им были надлежащие добрые к тому инструменты, дабы при первой хорошей погоде вступить в дело и оное окончить к февралю месяцу, ибо тогда штурманам должно в указаной путь отправиться“ (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 285, л. 177; Билярский, стр. 694).

В начале марта обученные в Академии двенадцать моряков (5 штурманов, названные выше, три подштурмана — Е. Ушаков, Ф. Екатов, В. Зиновьев — и 4 штурманские ученика: А. Соколов, В. Журавлев, В. Цымулятин и И. Михеев) были отправлены из Петербурга в Колу через Архангельск, причем с ними были отправлены три экземпляра „Примерной инструкции“ и три карты маршрута экспедиции для командующих офицеров.

²⁷ § 89, стр. 485. взять на каждое судно... лучших торосовщиков — в заседании 17 мая 1764 г. Адмиралтейская коллегия при участии Ломоносова составила список команды на каждое судно экспедиции, причем имелось в виду взять на два пинка по двадцати одному „промышленнику“ и на бот — восемь. Набрать нужных людей предполагалось по указанию „кормщиков, кои на Новую Землю и на Шпицберген ходят“ (Протокол заседания: Перевалов, стр. 472); „реестр“

кормщиков был предложен Коллегии на этом заседании Ломоносовым, который с самого начала интересовался подбором подходящих людей и еще раньше представил подобный список Комиссии российских флотов (напечатан с неверной датой 8 марта 1764 г. в кн. В. А. Первалова, стр. 244—251).

Список имен десяти кормщиков, указанных Ломоносову поморскими промышленниками как „способнейших к северному мореплаванию“, был подан им в Комиссию не 8 марта, т. е. после опроса поморов, а 2 марта 1764 г.; сами поморы, формально опрошенные в Комиссии 5 марта, дали список из семи имен (см.: Обзорные документы о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде, составленное В. Р. Свирской, № 27. Ломоносов, III, стр. 463. Показания архангелогородских крестьян. . . с реестром кормщиков, которые ходят на промысел на Шпицберген и Новую Землю).

Реестр промышленников, из коих „надлежит выбрать семь кормщиков“ для экспедиции, предложенный Ломоносовым 17 мая 1764 г. и посланный вместе с указом Адмиралтейской коллегии Архангелогородской конторе над портом 18 мая 1764 г. (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13515, л. 17—17 об.), включал семь человек, указанных поморами в их показании 5 марта, и сверх того имена самих этих поморов, кроме слишком пожилого А. К. Корнилова.

В Архангельске было набрано всего двадцать промышленников, принявших участие в экспедиции Чичагова.

²⁸ § 94, стр. 487. в изданном мною Рассуждении о точнейшем пути на море — это „Рассуждение о большей точности морского пути“, напечатанное впервые в 1759 г. (ПСС, IV).

²⁹ § 94, стр. 487. еще лучше имею, после того изобретенные — В. Н. Берх, публикуя найденные им впервые некоторые документы, касающиеся экспедиции Чичагова, упоминает, что Ломоносов прислал в Адмиралтейскую коллегию „сочинение свое: О сыскании широты места“ (Московский телеграф, 1828, № 11, стр. 298). Сочинение это, если не считать его за печатное „Рассуждение о большей точности морского пути“, не сохранилось.

О разработке этой темы и намерении написать особое руководство говорят отрывочные заметки Ломоносова в „Химических и оптических записках“ 1762—1763 гг.: „Серебряные плоские зеркала к Гадлееву квадранту и к моему Морскому жезлу тиснить на полированной стальной плоской доске“; „Жезл Морской назвать книгу о долготе“ (акад. изд., т. VII, §§ 15 и 17, стр. 409); „Книжка будет весьма невелика в 8, положив 30 пар на страницу и на другую, а считая от экватора до 80 градусов, будет 100 листов“ (§ 64, стр. 427); „В книге неотменно

надобны две небесных гемисферии со звездами. Показанные в каталоге означить серебром или золотом (§ 92, стр. 431); „Дедиковать морским державам“ (§ 111, стр. 437); „Градус долготы вымеривать жезлом будет весьма способно“ (§ 120, стр. 438); „Книгу писать по латыне, а употребление инструмента и таблиц на российском, латинском, французском, аглинском, шпанском, голландском“ (§ 121, стр. 438), и ряд других заметок (§§ 89, 93, 95—106, 109).

В „Росписи сочинениям и другим трудам“, приложенной Ломоносовым к письму М. И. Воронцову 19 января 1764 г., в отделе физических наук, в рубрике „в деле“ указано: „Жезл морской, инструмент, служащий к точному определению времени на море“ (акад. изд., т. VIII, стр. 275).

³⁰ § 96, стр. 487. дать на каждое судно по карте, . . . по самым лучшим известиям, которая должна иметь в центре полюс — очевидно, что Ломоносов предусматривал составление новой полярной карты, для которой будут собраны более подробные сведения во время подготовки экспедиции.

³¹ § 97, стр. 487. ареометр, каковые употребляются при соловарнях для проб рассольных — указание на личное знакомство Ломоносова с солеварным делом в Поморье. В 1760-х годах Ломоносов вспоминал: „На поморских соловарнях у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыбным промыслам и имел уже довольно понятие о варке, которую после с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел“ (Билярский, стр. 5).

³² § 101, стр. 489. дать . . . обстоятельную инструкцию — позже Ломоносов составил „Примерную инструкцию морским командующим офицерам“ (см. в настоящем томе работу 20).

³³ § 103, стр. 490. Крашенинникова Описание Камчатки — имеются в виду главы 8—10 части второй „Описания земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова (СПб., 1755).

³⁴ § 104, стр. 490. где на карте показан Черный остров — на карте Ломоносова, приложенной к „Краткому описанию“; „Черный остров“ ныне называется Междушарским; . . . мыс Надежды — на карте Ломоносова „мыс Желания“.

³⁵ § 113, стр. 493. Плиний пишет — далее цитата из *Historiae Naturalis* Плиния, кн. II, § 118; эта же цитата приведена Ломоносовым в „Рассуждении о большей точности морского пути“ (акад. изд., т. V, стр. 38).

³⁶ § 114, стр. 493. главному командиру . . . кавалерию — т. е. награждение орденом.

³⁷ § 119, стр. 495. в Катерин-гаване — Екатерининская гавань в Кольском заливе.

³⁸ Стр. 497. за двадцать тысяч рублей можно отправить достаточный поход — эта сумма и была ассигнована на полярную экспедицию указом Екатерины II Адмиралтейской коллегии 14 мая 1764 г., где говорилось: „Повелеваем возобновить на Шпицбергене прежде бывший китовой промысел, а на сие определяем сумму денег до двадцати тысяч рублей... реченную сумму денег употребить из адмиралтейской суммы за счет оной Коллегии и наряжать людей и суда и все к тому надобное“.

³⁹ Стр. 498. забвению их искусства и должности — высказанная здесь мысль о необходимости постоянного упражнения способностей людей, нужных государству, соответствует одной из занимавших Ломоносова тем, указанных в письме „О сохранении и размножении российского народа“, — „О сохранении военного искусства во время долговременного мира“ (см. в настоящем томе, работа 13, стр. 383).

17

ПРИБАВЛЕНИЕ. О СЕВЕРНОМ МОРЕПЛАВАНИИ НА ВОСТОК ПО СИБИРСКОМУ ОКЕАНУ

(Стр. 499—506)

Печатается по подлиннику, имеющему собственноручную дату и подпись Ломоносова, хранящемуся в ЦГАВМФ (ф. Гидрографии, № 13515, 1764 г., лл. 311—315).

Впервые напечатано: В. Берх. Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова. Московский телеграф, 1828, ч. 21, № 11, стр. 298—305.

Время написания — март 1764 г.

5 марта 1764 г. Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления в присутствии Ломоносова допрашивала четырех поморов, бывавших на Шпицбергене и на Новой Земле, которые были присланы по ее требованию Адмиралтейской коллегией из Архангелогородской губернии. По их указаниям выяснилось преимущество второго из двух маршрутов полярной экспедиции, указанных Ломоносовым в § 83 „Краткого описания“, т. е. через Шпицберген.

В связи с этим Ломоносов написал „Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану“, в котором обосновал этот маршрут новыми данными и указал на необходимость предварительной организации зимовки в „Клокбайской пристани“ на Шпицбергене.

Число в дате осталось не заполненным; вероятно, „Прибавление“ было составлено перед заседанием, которое должно было последовать после 5 марта и на котором Комиссия предполагала обсуждать получен-

ные от поморов и матросов письменные показания: „и что покажут, о том иметь рассуждение впредь, к которому и господина Ломоносова призвать“ (ЦГАВМФ, ф. Дела Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления, № 10, лл. 171—182 об.).

Члены Комиссии собрались вновь 12 марта, когда ими и был подписан протокол 5 марта. Однако протокола с обсуждением „Прибавления“ в делах Комиссии нет. Вероятно, „Прибавление“ было непосредственно передано уже в Адмиралтейскую коллегию, в делах которой оно и сохранилось.

¹ § 1, стр. 501. По новым известиям от грумантских и новоземельских промышленников — имеются в виду показания в Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления архангелогородских крестьян-поморов — Амоса Корнилова, Федора Рогачева, Павла Мясникова, Василия Серкова, опрошенных 5 марта 1764 г. Изложение их показаний см.: Перевалов, стр. 243—247.

² § 1, стр. 501. к Николину дни — 9 мая по старому стилю.

³ § 1, стр. 501. до Воздвиженьева дни — 14 сентября по старому стилю.

⁴ § 3, стр. 503. сие соединение будет больше препятственно, нежели прибыточно — Ломоносов имеет в виду проявленное Комиссией российских флотов желание связать проектируемую экспедицию с интересами зверобойных промышленных компаний. Комиссия 19 января 1764 г. решила запросить от Коммерц-коллегии „для некоторого рассуждения“ справку о состоянии китового промысла у Архангельска и из Колы — на каком основании был учрежден при Петре I, кем и как производился и когда и чего ради уничтожен (ЦГАВМФ, ф. Дела Комиссии российских флотов, № 10, л. 91—91 об.).

Коммерц-коллегия 5 февраля 1764 г. дала справку о существовании с 1748 г. монополии П. И. Шувалова на салотопенный промысел у Архангельска и Колы, причем указала, что такой порядок „не малый казенный убыток причинил“ (там же, ф. Дела Комиссии российских флотов, № 21, лл. 12—14). Ломоносов в своем „Прибавлении“ выступил против поручения экспедиции дополнительных практических задач по обслуживанию зверобойных промыслов, допуская, как он пишет далее в этом же параграфе, что „хотя и можно присовокупить к помянутому предприятию тамошние промыслы, но как побочное дело, и больше для прикрытия от иностранных сего походу“.

Мысль Ломоносова о замаскировании цели экспедиции задачей возобновления на Шпидбергене прежде бывшего китового промысла была осуществлена в форме двух указов Екатерины II 14 мая 1764 г., один из которых оставался секретным.

⁵ § 3, стр. 503. для прикрытия от иностранных сего походу — следует отметить, что скрыть подготовку секретной экспедиции от иностранных правительств не удалось. В донесениях из России, получавшихся французским Министерством иностранных дел, имеется сообщение из Петербурга от 4 сентября 1764 г., в котором подробно говорится о проекте Ломоносова, о двух судах, которые после зимовки в Коле отправятся в путь весною следующего года, о географических соображениях Ломоносова относительно температуры в полярных районах и выражается сомнение в успехе предложенного им плавания. Французский текст донесения напечатан в книге „Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»“, т. VII, 1915, стр. 199, со ссылкой на архив Министерства.

⁶ § 4, стр. 503. в Клокбайской пристани построить зимовье и магазин — по указу Адмиралтейской коллегии Архангелогородская контора над портом в июле 1764 г. отправила адмиралтейский пинк „Слон“ под командой капитан-лейтенанта М. Немтинова и пять наемных поморских судов с провиантом и строительными материалами (одно из них из-за повреждения в пути вернулось, не дойдя до Шпицбергена). Суда прибыли в начале августа на Шпицберген, нашли подходящее место на южном берегу Клокбайской губы и построили зимовье из пяти изб, бани и амбара. На зимовье было оставлено 16 человек.

18

ПРИБАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ, СОЧИНЕННОЕ ПО НОВЫМ ИЗВЕСТИЯМ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ ИЗ ОСТРОВОВ АМЕРИКАНСКИХ И ПО ВЫ-
СПРОСУ КОМПАНИЙЩИКОВ, ТОБОЛЬСКОГО КУПЦА ИЛЬИ СНИ-
ГИРЕВА И ВОЛОГОДСКОГО КУПЦА ИВАНА БУРЕНИНА

(Стр. 507—514)

Печатается по подлиннику с собственноручной датой и подписью Ломоносова, хранящемуся в ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13515, 1764 г., лл. 316а—316д.

Впервые напечатано: В. Берх. Дополнение к жизнеописанию М. В. Ломоносова. Московский телеграф, 1828, ч. 21, № 11, стр. 305—313.

Время написания — 24 апреля 1764 г.

„Прибавление второе“ было написано в связи со следующими обстоятельствами.

В начале апреля 1764 г. в Петербурге была получена „реляция“ сибирского губернатора Д. И. Чичерина о найденных купеческой компанией островах Алеутской гряды Уналашка и Умнак. К реляции были приложены карта островов и копия репорта в Большерецкую канцелярию открывших эти острова в 1759 г. казака С. Пономарева и передов-

щика С. Глотова. Документы эти возбудили большой интерес в правительственных и научных кругах. Вместе с тем в Петербург прибыли купцы „компанейщики“, посланные Чичериним. Ознакомясь с репортом и картой и „по выспросу компанейщиков“ И. Снигирева и И. Буренина, Ломоносов использовал новые сведения, касающиеся северных берегов Северной Америки, для доказательства „доброты успеха полезного одного предприятия“ — своей экспедиции, причем вновь особо подчеркнул ее „безопасность от соседов“. К этому „Прибавлению“ Ломоносов составил новую, более подробную карту (см. выше, стр. 606), где были нанесены вновь открытые острова, мимо которых проходил маршрут экспедиции. Карта эта не сохранилась.

В мае 1764 г. правительство решило осуществить проект Ломоносова. Секретным указом Екатерины II 14 мая 1764 г. Адмиралтейской коллегии предписывалось организовать поиск прохода Северным океаном в Камчатку, „по северо-западному проходу“, т. е. по маршруту, разработанному в первом „Прибавлении“; этот секретный указ сопровождался, согласно совету Ломоносова в том же „Прибавлении“, „для прикрытия от иностранных сего походу“, одновременным указом Адмиралтейской коллегии 14 мая 1764 г. о возобновлении на Шпицбергене прежде бывшего китового промысла, с ассигнованием на это 20 000 рублей из сумм Адмиралтейской коллегии. Начальником экспедиции 25 июня 1764 г. был назначен капитан первого ранга В. Я. Чичагов.

¹ § 1, стр. 509. по мореплаванию передовщика Степана Глотова с товарищи — имеется в виду присланный сибирским губернатором Д. И. Чичериним, вместе с его реляцией от 11 февраля 1764 г., репорт казака С. Пономарева и передовщика С. Глотова, доносивших 12 сентября 1762 г. в Большерецкую канцелярию на Камчатке о вновь открытых ими островах Алеутской гряды Ломоносов ознакомился с этим репортом и картами, а также с представителями промышленной компании, у которой служили Глотов и Пономарев, купцами И. Снигиревым и И. Бурениным, в апреле 1764 г.

² § 2, стр. 510. На карте, сочиненной в Тобольске — карта северо-восточной Сибири и Тихого океана, сочиненная в Тобольске в 1763 г. на основании репорта С. Пономарева и С. Глотова, карты П. Шишкина и других данных и присланная в Петербург, видимо, в марте—апреле 1764 г.

³ § 2, стр. 510. на Беринговой карте — карта первой Камчатской экспедиции 1729 г., сочиненная мичманом П. Чаплиным (она воспроизводилась несколько раз: Л. Багров. Карты Азиатской России. Пгр., 1914, и др.).

⁴ § 2, стр. 510. локсодромическая линия — кривая, пересекающая меридианы под одинаковым углом.

⁵ § 2, стр. 510. положение острова Умнака в А — буквой А, повидимому, обозначалось местоположение Умнака на одной из карт, бывших в руках Ломоносова.

⁶ § 2, стр. 510. прочие острова расположены по оригинальной карте, которая сделана отчасти собственным промышленников обьездом, а отчасти по сказкам тамошних жителей — повидимому, имеется в виду карта Петра Шишкина; напечатана в сборнике „Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке“, М., 1948.

⁷ § 2, стр. 510. при внесении сего обретения в полярную карту — речь идет о второй полярной карте, которую сочинил Ломоносов в апреле 1764 г. и на которой были, повидимому, отмечены все новооткрытые в Тихом океане острова.

⁸ § 3, стр. 511. нежели как прежде чаять можно было — имеется в виду указанный на первой полярной карте Ломоносова „чаятельный берег Северной Америки“.

⁹ § 4, стр. 512. сличив на карте путешествия Беринговы и Чириковы, нынешние обретения островов Алеутских и новых — речь идет о второй полярной карте Ломоносова, на которой были, повидимому, отмечены „путешествия Беринговы и Чириковы“ и новые „обретения“ островов Алеутских.

¹⁰ § 6, стр. 514. приказать здешним астрономам обще делать... таблицы... Юпитеровых спутников... и отстояний луны от солнца на всякий санкт-петербургский полдень — 12 июля 1764 г. Адмиралтейская коллегия просила Академию Наук о составлении таблиц расстояния луны от солнца (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13315, л. 145), которые и были составлены С. Я. Румовским и посланы в Адмиралтейскую коллегию 12 августа 1764 г. (Перевалов, стр. 327—328).

[ЗАМЕТКИ О СНАРЯЖЕНИИ ЭКСПЕДИЦИИ]

(Стр. 515—518)

Печатается по собственноручным заметкам Ломоносова, хранящимся в Архиве АН СССР (ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 173—173 об., 165).

Впервые напечатано: Пекарский, II, стр. 808.

Последняя часть текста документа I (под чертой) печатается впервые.

Время написания — не позже 25 июня 1764 г.

В заседании Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г. Ломоносов предложил „инструментам реестр: какие иметь надлежит на судах, для

такой экспедиции приготавлиющихся“ (Протокол заседания: Перевалов, стр. 476).

Заметка I имеет помету другой рукой, относящуюся к списку инструментов из 15 номеров: „Коллегия сия инструменты заготовляет“. Заметки II и III являются предварительными черновыми набросками; в углу заметки II находится рисунок прибора и цифры (см. факсимиле: Перевалов, стр. 325).

Адмиралтейская коллегия постановила относительно „показанных по реестру“ Ломоносова инструментов: часть заказать в Академии Наук, „о которых господин Ломоносов объявил, что сделаны будут... под его смотрением и указанием“ („на каждое судно по две подзорных добрых трубок, по одной наклонительной магнитной стрелке, по два барометра морских, по одному особливому термометру да по термометру ж для опускания в воду“); часть выписать из Англии („по два Гадлеевых квадрантов, деревянных, с медным разделением и с нониусом; часов серебряных, карманных, с секундами — трои; часов больших пружинных, больше карманных, только с таким маятником и с секундами, дабы однажды в неделю заводились, — трои, становые; Григорианских труб хороших, в два фута или несколько поменьше, без микрометра — трои; астрономических отвесных часов — трои; астрономических квадрантов в полтрети или два фута — трои“). Для вентиляторов должны были быть сделаны модели по указанию Ломоносова в мастерских Адмиралтейства (Перевалов, стр. 476—477).

Снаряжение экспедиции не было осуществлено в задуманных широких размерах, и Ломоносову пришлось потратить много усилий, чтобы снабдить экспедицию хотя бы самыми необходимыми приборами.

¹ 2. Карманные часы с секундами — на заседании Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г. Ломоносов обещал „трои часы серебряные, карманные, с секундами к покупке отыскать“ (Протокол заседания: Перевалов, стр. 487). 23 февраля он прислал „одни часы секундные“, сообщая в записке, что „больше получить нельзя“ (Перевалов, стр. 334; факсимиле записки, стр. 333).

² 3. Гадлеев квадрант или и два — Гадлеевы квадранты были заказаны в Англии, но не были получены до отправки экспедиции. Между тем они были нужны для обучения штурманов экспедиции, и Ломоносов писал И. Г. Чернышеву 22 октября 1764 г., что ожидает их „от вашей команды“, т. е. от Адмиралтейской коллегии (акад. изд., т. VIII, стр. 305). Когда выяснилось, что таких квадрантов нет и необходимо изготовить их собственными силами, Ломоносов писал Чернышеву 26 октября 1764 г.: „Хотя и потеряется несколько времени на делание здесь Гадлеевых квадрантов, однако уповаю, что мои прибавления или исправления много к лучшему служить будут“ (там же, стр. 307), —

и просил прислать к нему „отысканный“ Чернышевым квадрант. Позже он получил и другой квадрант для переделки; один из этих квадрантов был дан штурманам экспедиции при их отправке в Колу в марте 1765 г., а второй был взят Адмиралтейской коллегией из квартиры Ломоносова в сентябре 1765 г. (см. репорт вахмистра, посланного Коллегией 2 августа 1765 г. „в дом бывшего профессора Ломоносова для осведомления о двух квадрантах, взятых из Академии Наук“; Перевалов, стр. 335; Обзорение документов о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота, составленное В. Р. Свирской, №№ 75 и 76. Ломоносов, III, стр. 470).

³ 4. По две подзорных добрых трубок — Ломоносов сделал для экспедиции три „зрительные трубы“ и кроме того три нечезрительные трубы, представленные им в Адмиралтейскую коллегию 18 февраля 1765 г., которые коллегия назвала „суморочными“ (Протокол заседания: Перевалов, стр. 487).

⁴ 6. По наклонительной магнитной стрелке — академические мастера изготовили „три магнитные машинки с стальными магнитными стрелками“ (В. А. Ченакал. Зрительные трубы Ломоносова. Ломоносов, III, стр. 331).

⁵ 11. По мортирке со шлагами — орудия для пуска ракет, заряженных кусками порохового состава, которые при воспламенении пороха дают громкий звук (шлаг) и рассыпаются цветными звездами.

⁶ 13. Астрономические часы и квадрант — были заказаны в Англии, но не получены во-время. В заседании Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г., по представлению Ломоносова, решено было требовать одни астрономические часы и один квадрант от Академии Наук (см.: Перевалов, стр. 487); по требованию Адмиралтейской коллегии Академия Наук 23 февраля 1765 г. послала ей астрономический квадрант, употреблявшийся Н. И. Поповым в астрономической экспедиции 1761 г., а также астрономические часы работы мастеров Лероа и Томаса. Квадрант оказался неисправным и был отослан обратно. Квадрант из „выписанных для географической экспедиции“, о котором просила Адмиралтейская коллегия, был послан ей лишь в июле 1765 г., т. е. после ухода экспедиции (см.: Обзорение документов о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота, №№ 61, 63, 65, 67—70, 74. Ломоносов, III, стр. 468—470).

⁷ 15. По вентилятору — 13 июля 1764 г. Адмиралтейская коллегия приказала своей Интендантской экспедиции изготовить модель „вентилятора“, т. е. прибора для определения направления и измерения силы ветра, „по приложенным рисункам“ Ломоносова (Обзорение документов о Ломоносове. . . , № 46). 7 сентября готовая модель была пред-

ставлена Адмиралтейской коллегии (там же, № 53). Ломоносов должен был сделать описание модели, для изготовления по ней самого прибора на месте, в Коле. 3 марта 1765 г., получив напоминание об этом описании, Ломоносов предложил „сие оставить до будущего года“, учитывая невозможность постройки прибора в короткий срок (записка Ломоносова напечатана: Перевалов, стр. 332; факсимиле, стр. 329).

⁸ 2. Игн. — Эта отметка, очевидно, обозначает имя мастера Игната Петрова, делавшего для Ломоносова инструменты. В заседании Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г. Ломоносов объявил о барометрах и термометрах, „что делается вскоре“, но, „дабы в случае в тех барометрах и термометрах надобности, можно делать их, будучи и в походе, то может он показать штурманам“ (Протокол заседания: Перевалов, стр. 487).

⁹ 10. Искать склонение компаса — в записке в Адмиралтейскую коллегию 23 февраля 1765 г. Ломоносов писал о необходимости „неукоснительно знать здешнее склонение магнитной стрелки с возможною точностию. Для того приказать учинить наблюдения по имеющемуся на Академической обсерватории исправному меридиану, добрыми магнитными стрелками, с возможною точностию“. По просьбе Адмиралтейской коллегии 25 февраля Академия Наук ответила, что „по новейшим наблюдениям“ склонение магнитной стрелки найдено $4\frac{1}{2}$ градуса к западу. Это было сообщено Ломоносову и Чичагову в Колу (см. Обзорные документы о Ломоносове в Центр. Гос. архиве Военно-Морского Флота, №№ 64, 66, 71. Ломоносов, III, стр. 468—469).

¹⁰ 17. Как журнал ведут, просить форму — имеется в виду метеорологический журнал.

ПРИМЕРНАЯ ИНСТРУКЦИЯ МОРСКИМ КОМАНДУЮЩИМ ОФИЦЕРАМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ К ПОИСКАНИЮ ПУТИ НА ВОСТОК СЕВЕРНЫМ СИБИРСКИМ ОКЕАНОМ

(Стр. 519—535)

Печатается по тексту протокола Адмиралтейской коллегии от 26 февраля 1765 г., подписанного Ломоносовым, в числе других, 4 марта 1765 г. (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13514, лл. 61—72).

Впервые напечатано (в другой редакции) А. П. Соколовым в „Записках Гидрографического департамента“, т. VI, 1848, стр. 113—132.

Время составления — июнь 1764 г.—4 марта 1765 г.

„Примерная инструкция“ офицерам была написана Ломоносовым согласно одному из пунктов в секретном указе Екатерины II 14 мая

1764 г. об организации экспедиции Северным океаном в Камчатку: „сочинить и дать главно-команду имеющему офицеру обстоятельную инструкцию для порядочного управления и для всяких чаятельных случаев“.

Инструкция офицерам подробно развивала практические указания, сделанные в „Кратком описании“ (§§ 101—103, 105—112, 114, 120, 122) и в первом „Прибавлении“ (§§ 5, 6, 7), а также включала ряд указаний на случай встречи с экспедицией капитан-лейтенанта П. К. Креницына.

Секретная экспедиция Креницына, имевшая целью описание вновь открытых Алеутских островов, в том числе Алахшака (Аляски), считавшегося тогда островом, была организована по указу Екатерины II 4 мая 1764 г. (ЦГАВМФ, ф. Высоч. повеления, № 21, 1764 г., лл. 1—2).

При тогдашних еще весьма неточных представлениях о берегах Северной Америки, когда Алахшак предполагался Ломоносовым где-то на половине расстояния между Камчатским устьем и Шпицбергенем, встреча обеих экспедиций считалась возможной. Соответствующие указания были даны Креницыну, в виде секретного прибавления к инструкции, принятого Адмиралтейской коллегией 9 июня (подписанного 16 июня) 1764 г.

Инструкция офицерам экспедиции В. Я. Чичагова, составленная Ломоносовым, отличается от военно-морских инструкций обычного типа: она стремится поднять моральное состояние участников экспедиции, укрепить их единодушие и стойкость в борьбе с предстоящими трудностями во имя возвеличения родины.

Инструкция была предложена Ломоносовым в заседании Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г., вместе с реестром инструментов, „какие иметь надлежит на судах, для такой экспедиции приуготовляющихся“.

В протоколе Адмиралтейской коллегии 25 июня 1764 г. указано, что „Коллегия обще с ним господином Ломоносовым, выслушав упомянутую «Примерную инструкцию», положили иметь еще рассуждение“ (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13514, 1764 г., л. 27; Перевалов, стр. 476).

К этому первоначальному тексту Инструкции, датируемому 25 июня 1764 г., восходят ее дальнейшие исправления и дополнения.

В связи с тем, что выход экспедиции Чичагова в море был перенесен на 1765 г., вопрос об утверждении инструкции долго не поднимался. Лишь 18 февраля 1765 г. в Адмиралтейской коллегии была читана Примерная инструкция Чичагову, „которую еще господин Ломоносов взял для некоторых поправок“ (ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, № 13514, лл. 55, 56; Перевалов, стр. 487).

Подлинный экземпляр инструкции, представленный Ломоносовым 18 февраля 1765 г., хранится в Архиве АН СССР (ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 166—174). Это переписанный писарской рукой беловик, вероятно

тот же самый, который был представлен Ломоносовым 25 июня 1764 г. Текст беловика покрыт многочисленными вставками и исправлениями, отражающими процесс его переработки после 18 февраля; правка сделана рукой Ломоносова, а несколько дополнений — рукою И. Г. Чернышева.

Получившийся черновик называем в подстрочных примечаниях черновиком *А*.

Переработка текста его представляется в следующем виде.

Первоначальный текст содержал 17 пунктов. В процессе исправления переставлены пункты 6 и 7 и внесены новые пункты 13 и 14, в связи с чем переправлена нумерация. Затем был внесен новый пункт 8 и вновь переделана нумерация, так что всего стало 20 пунктов. Наконец на отдельном листе (л. 174) был написан добавочно новый пункт под цифрой 17 „Если, от чего боже сохрани. . .“ (этот черновик, содержащий 21 пункт, напечатан в VII т. акад. изд., стр. 389—401, причем пункт 17 вставлен на свое место).

26 февраля 1765 г. в заседании Адмиралтейской коллегии обсуждался переработанный текст „Примерной инструкции“. Подлинный экземпляр, представленный Ломоносовым 26 февраля, хранится в ЦГАВМФ (ф. Гидрографии, № 13515, лл. 284—295). Получившийся второй черновик называем черновиком *Б*.

Это переписанный писарской рукой беловик текста *А*; добавочный пункт 17 поставлен здесь на последнем месте под цифрой 21. Этот беловик вновь подвергся переработке в период между 26 февраля и 4 марта. Рукою Ломоносова в него внесены добавления к трем пунктам — 1, 14 (бывш. 12) и 17 (бывш. 15) — и переставлены пункты 20 и 21. Затем Ломоносов прислал еще два добавочных пункта („1. К предметам. . .“ и „2. Для поверения ходу. . .“) с надписью: „В журнал присовокупить еще следующее за благо рассуждаю“. Его записка со следами сургучной печати на бумаге (факсимиле см.: Первалов, стр. 371) имеет помету о включении этих добавочных пунктов под номерами 9 и 3. Добавочные пункты вписаны в текст на полях писарской рукой и исправлена нумерация, так что пункт девятый сделался десятым. Всего таким образом текст содержит 23 пункта. К тексту позже приписана дата: „марта 4 дня 1765. Санктпетербург“, соответствующая дате подписания протокола Адмиралтейской коллегии от 26 февраля.

Процесс редакционной переработки текстов *А* и *Б* Ломоносовым прослеживается в подстрочных примечаниях к печатаемому нами окончательному тексту инструкции.

Окончательным текстом „Примерной инструкции“ является ее текст в протоколе от 26 февраля 1765 г., подписанный Ломоносовым 4 марта 1765 г., что и является формальной датой инструкции. При воспро-

изведении текста в него внесены мелкие поправки, сделанные на полях оригинала (эти поправки учтены в копии протокола, ф. Гидрографии, № 13515, лл. 275—281 об.): напр., в пункте 17 „рассуждению“ вместо „понуждению“.

В марте 1765 г. инструкция была отправлена в Колю Чичагову с указом Адмиралтейской коллегии о порядке ознакомления с нею офицеров экспедиции (текст указа см.: Перевалов, стр. 490—491). Чичагов вышел в плавание, когда Ломоносова уже не было в живых.

¹ 1, стр. 521. держась назначенного пути по возможности — этот путь обозначен на меркаторской карте Арктики 1765 г. В. Д. Красильникова, напечатанной впервые В. А. Переваловым в книге: Ломоносов и Арктика. М.—Л., 1949 (после стр. 378). Согласно надписи на этой карте, „положение“ ее „перенесено с круглой географической карты“, под которой следует разумеать новую полярную карту, сочиненную по получении Адмиралтейской коллегией сведений и карты Ф. Х. Плениснера от Ломоносова в феврале 1765 г. (см. Протокол заседания Адмиралтейской коллегии 18 февраля 1765 г.: Перевалов, стр. 487).

² 4, стр. 524. кугорновой мортире — кегорновыми мортирами назывались, по имени предложившего их в 1674 г. голландского инженера М. Кегорна, легкие мортирки для стрельбы на близкие дистанции гранатами в 16 фунтов весом.

³ 9, стр. 527. суморочные подзорные трубки — они были сделаны „по указанию и под смотрением“ Ломоносова академическими инструментальными мастерами И. И. Беляевым и Н. Г. Чижовым (В. Л. Ченакал. Зрительные трубы Ломоносова для экспедиции Чичагова. Ломоносов, III, стр. 326—332).

⁴ 13, стр. 529. с которого отправления так, как и с данной инструкции и карты капитану второго ранга Креницыну — идет речь о возможной встрече с экспедицией П. К. Креницына, который в это время уже отправился 5 марта 1765 г. из Тобольска в Охотск. Целью экспедиции Креницына было описание вновь открытых островов, особенно Алахшака (Аляски); экспедиция должна была отправиться из Охотска через Камчатку, что удалось ей лишь 10 октября 1766 г. Инструкция Креницыну была принята Адмиралтейской коллегией еще 9 июня 1764 г. (подписана 16 июня) и включала секретное прибавление, дававшее указание о поведении эскадры Креницына в случае встречи с экспедицией Чичагова. Инструкции Креницыну изложены у Перевалова (стр. 294—301).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия Наук.
акад. изд.	— Сочинения М. В. Ломоносова, т.т. I—VIII. Изд. Академии Наук, СПб.—Л., 1891—1948.
Биярский	— П. С. Биярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
Ломоносов	— Ломоносов. Сборник статей и материалов [I], М.—Л., 1940; II, М.—Л., 1946; III, М.—Л., 1951.
Материалы	— Материалы для истории имп. Академии Наук, т.т. I—X. СПб., 1885—1900.
Пекарский	— П. П. Пекарский. История имп. Академии Наук в Петербурге, т.т. I—II. СПб., 1870—1873.
Пекарский. Дополнительные известия	— П. П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
Перевалов	— В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. М.—Л., 1949.
Протоколы Конференции	— Протоколы заседаний Конференции Академии Наук с 1725 по 1803 год, т.т. I—IV. СПб., 1897—1911.
ПСС	— М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, изд. Академии Наук, т. I, М.—Л., 1950, и след.
ЦГАВМФ	— Центральный Гос. архив Военно-Морского флота.
ЦГАДА	— Центральный Гос. архив древних актов.
ЦГИАЛ	— Центральный Гос. исторический архив в Ленинграде.
Ф.	— фонд.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН¹

Аблов Николай Николаевич, библиограф — 589.

Аввакум Петрович (1616—1684), протопоп — 116, 148.

Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), первый римский император — 29, 216, 254.

Августул Ромул (475—476), последний император Западно-римской империи — 213.

Август II Сильный, курфюрст саксонский (1694—1753) и король польский (1697—1733) — 342.

Август, лжецаревич — 93.

Аврамов Илья (ум. 1770), студент АН, ученик Ломоносова — 594, 605, 606, 609.

Агафия (Кончака) (ум. 1318), дочь татарского хана, жена вел. кн. московского Юрия Даниловича — 312, 353.

Агафия Мстиславна, княжна смоленская, первая жена вел. кн. владимирского Константина Всеволодовича — 351.

Агафия Семеновна, рожд. Грушецкая, первая жена царя Федора Алексеевича — 29, 132, 357.

д'Агвилар (d'Aguillar), Мартын (1708—1763), испанский мореплаватель — 438.

Агни, сын Дагона — 196.

Агриппина, святая (купальница) — 251, 252.

Адельгейда, дочь Анастасии Ярославны и венгерского короля Андрея I, жена богемского короля Братислава II — 349.

Адольф (ум. 1586), герцог голштинский, родоначальник герцогов голштино-готторпских — 353.

Адриан Публий Элий (76—138 г. н. э.), римский император — 28, 212, 555, 585.

Аепа Осенев, половецкий хан — 351.

Аепы Осенова дочь, жена вел. кн. киевского Юрия Владимировича — 351.

Азбад, римский военачальник — 191.

¹ Страницы, относящиеся к «Приложениям», выделены курсивом.

Аларих I (ок. 376—410 г н. э.), король вестготов — 204, 213, 586.

Алдей, кн. печенегский («Алдея») — 248.

Александр, царевич, сын Петра I (ум. млад.) — 358.

Александр (883—912), византийский император — 222, 223.

Александр Великий (356—323 до н. э.), македонский царь — 21, 189, 212, 291, 580, 582.

Александр Данилович, кн., сын вел. кн. московского Даниила Александровича — 352, 354.

Александр Иванович, кн. суздальский — 354.

Александр Михайлович (1301—1339), вел. кн. владимирский — 313, 352, 353.

Александр Ягеллон, вел. кн. литовский (1492—1506) и король польский (1501—1506), зять Ивана III — 353, 355.

Александр Ярославич Невский (1220—1263), вел. кн. киевский и новгородский — 308, 309, 352, 357, 369.

Александра Брючиславна, княжна полоцкая, жена Александра Невского — 352.

Александра (Марья в монахинях) Дмитриевна, мать Дмитрия Донского — 354.

Александрова Екатерина Васильевна, научн. сотр. Центр. Гос. арх. древн. актов — 599.

Алексеев Федот — см. Попов Федот Алексеев.

Алексей (ок. 1293—1378), митрополит киевский и всея Руси — 314.

Алексей (1654—1670), царевич, сын царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Алексей I Комнин (1048—1118), византийский император — 303, 349, 369, 586, 587.

Алексей Михайлович (1629—1676), царь — 51, 94, 335, 337, 356, 357, 569, 571, 591.

Алексей Петрович (1690—1718), царевич, сын Петра I — 345 («сын»), 358.

Аммий, роксоланин — 212.

Амосов Федот, боярский сын (Якутск, XVIII в.) — 453.

Анастасий (первая половина VIII в. н. э.), византийский император — 177, 194.

Анастасий (X в.), феодосийский священник — 265.

Анастасий (Настас) Корсунянин (конец X — начало XI в.), первый настоятель Десятинной церкви в Киеве — 268, 363.

Анастасия, жена вел. кн. тверского Константина Михайловича — 353.

Анастасия (Августа), жена вел. кн. Семена Ивановича Гордого — 354.

Анастасия Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха, жена польского короля Болеслава IV — 349, 350.

Анастасия Петровна, внучка Ивана III, жена Федора Михайловича Мстиславского — 355.

Анастасия Романовна (Захарьина), царица, первая жена Ивана Грозного — 11, 326, 356, 357.

Анастасия (Агмунда) Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, жена венгерского короля Андрея I — 348, 349.

Андреев Александр Игнатьевич, историк — 540, 566.

Андрей I (ум. 1058), король венгерский — 348, 349.

Андрей Александрович (1255—1304), вел. кн. владимирский, сын Александра Невского — 310, 352.

Андрей Васильевич Большой (1446—1493), кн. углицкий и звенигородский, сын вел. кн. московского Василия II Темного — 355.

Андрей Васильевич Меньшой (1452—1481), кн. вологодский, мл. сын вел. кн. московского Василия II Темного — 355.

Андрей Владимирович Добрый (1102—1141), кн. волынский и переяславский, мл. сын Владимира Мономаха — 350.

Андрей Дмитриевич (1382—1432), кн. можайский и белозерский, сын Дмитрия Донского — 354.

Андрей Иванович (1327—1353), кн. боровский и серпуховский, сын вел. кн. московского Ивана Калиты — 353.

Андрей Иванович (1490—1537), кн. Старицкий, сын Ивана III — 12, 355.

Андрей Первозванный, ап. — 31, 32, 56—59, 80, 190, 270.

Андрей Юрьевич Боголюбский (правл. 1158—1174), вел. кн. суздальский и владимирский — 306, 351.

Андрей Ярославич, кн. суздальский и вел. кн. владимирский, брат Александра Невского — 352, 357.

Андрея Владимировича Доброго жена, внучка Тугоркана, князя половецкого — 350.

Анемал (Анема) Храбрый, военачальник византийского императора Иоанна Цимисхия — 244, 245.

Анкудинов Герасим, казак, мореходец второй половины XVIII в. — 449.

Анна, дочь кн. витебского Василия, жена вел. кн. владимирского Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо — 351.

Анна, жена Богуслава Великого, герцога померанского — 353.

Анна, царевна, дочь Ивана Грозного (ум. млад.) — 356.

Анна Алексеевна (1655—1659), дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Анна Алексеевна, рожд. Колтовская (ум. 1627), четвертая жена Ивана Грозного («Дарья Ивановна») — 356.

Анна Васильевна, дочь вел. кн. московского Василия I Дмитриевича, жена византийского императора Иоанна VIII Мануйловича Палеолога — 12, 354.

Анна Дмитриевна, дочь ростовского князя Дмитрия Борисовича, жена вел. кн. тверского Михаила Ярославича — 352.

Анна Ивановна (1693—1740), императрица — 357, 591.

Анна Леопольдовна (1718—1746), мать Ивана VI — 591.

- Анна Михайловна (1630—1693), дочь царя Михаила Федоровича — 356.
- Анна Петровна (1757—1759), дочь вел. кн. Петра Федоровича (Петра III) — 358.
- Анна Петровна (1708—1728), дочь Петра I — 358, 591.
- Анна Романовна (ум. 1011), византийская царица, жена вел. кн. киевского Владимира Свято-славича — 258, 266, 267, 275 («греческая царица») — 285, 299, 346, 347, 367.
- Анна Ягеллонка (1512—1596), жена польского короля Стефана Батория — 353.
- Анна Янка (ум. 1113), дочь вел. кн. киевского Всеволода Ярославича («Анна, супруга Всеволода Ярославича») — 349.
- Анна (Агнесса) Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, жена Генриха I, короля французского — 285, 348, 349, 350.
- Антенор, легендарный герой троянской войны — 179, 188, 211, 294.
- Апраксины — 100, 133.
- Аратий, военачальник византийского императора Юстиана — 193.
- Аристов Николай Яковлевич (1834—1882), историк — 569.
- Арменопул, солунский судья — 386.
- Арминий — см. Герман.
- Аркил (Arnkjel) М. (ум. 1713), немецкий историк — 185, 582, 595.
- Арнольд Любекский (ум. 1212), аббат, продолжатель славянской хроники Гельмольда — 177, 206, 573, 580.
- Арпоксай, легендарное (из Геродота) имя сына скифского царя 199, 200 («сыны»).
- Аскольд (Оскольд) (уб. 880), легендарный князь — 23, 28, 40, 78, 215, 219, 220, 235, 271, 297, 363.
- Ассемани Иосиф-Симон (1687—1768), ориенталист — 581.
- Астрида, жена норвежского короля Олафа Тригвессона — 255.
- Атласов Владимир, пятидесятник, первый исследователь Камчатки в 1697—1699 гг. — 449.
- Афанасий, архиепископ Холмогорский (80-е годы XVII в.) — 118, 149.
- Афанасий Данилович, кн. новгородский, сын вел. кн. московского Даниила Александровича — 352.
- Афанасий Ярославич, кн., брат Александра Невского — 352.
- Ахмет (Ахмед), хан Золотой Орды — 319, 320, 370.
- Бабаев Василий, капитан-лейтенант, участник северной морской экспедиции Чичагова 1765—1766 гг. — 611.
- Багров Лев Семенович, географ — 618.
- Байер (Бейер) Готлиб-Зигфрид-Теофил (1694—1738), историк, академик — 21, 27, 30—33, 40, 41, 53—59, 78, 198, 552, 554, 556, 583.
- Байлот Роберт, английский капитан-мореплавателю начала XVII в. («Билет») — 432, 439.

- Бакмейстер**, Гартвиг-Людвиг-Христиан (1730—1806), инспектор гимназии АН, переводчик — 578.
- Бандури** Ансельм (1671—1743), далматинский ученый, византинолог — 362, 556, 579, 593.
- Баренц** (Barents) Вильгельм (Виллем) (1550—1597), голландский мореплаватель («Баренс») — 443—445, 447, 469, 480.
- Барлау** (Barlow) Джордж, английский мореплаватель первой четверти XVIII в. («Барловс») — 435.
- Баторий** Стефан (1533—1586), король польский — 353.
- Баттон** (Button) Томас (ум. 1634), английский мореплаватель («Буттон») — 432.
- Батый**, хан Золотой Орды, внук Чингис-Хана — 87, 307—309, 352, 563, 576.
- Баумгартен** Зигмунд-Якоб (1706—1757), немецкий богослов — 554.
- Баффин** Вильям (1584—1622), английский мореплаватель — 432, 434, 605.
- Башилов** Семен (1740—1776), переводчик АН — 577.
- Беатриса**, королева богемская («Беатрикс») — 349.
- Бекетов** Платон Петрович (1761—1836), иконограф, издатель — 595.
- Белобог**, слав. мифол. — 186.
- Бельский** Богдан Яковлевич (уб. 1611), окольный боярин при царе Федоре Ивановиче — 327.
- Бельский** Иван Федорович (ум. 1542), кн., боярин — 322.
- Беляев** Иван Иванович (1710—1788), мастер инструментальной палаты АН — 625.
- Бенжеско** (Bengesco) Жорж, французский библиограф второй половины XIX в. — 592.
- Берг** Лев Семенович, географ, академик — 609, 610.
- Беринг** Витус (Иван Иванович) (1680—1741), мореплаватель — 423, 451, 452, 455, 473, 482, 505, 510, 512, 609, 618, 619.
- Бернардо**, капитан, участник экспедиции испанского адмирала де Фонте в 1640 г. — 439, 473, 474.
- Берх** Василий Николаевич (1780—1834), географ — 610, 613, 615, 617.
- Бецкой** Иван Иванович (1704—1795), президент Академии художеств — 594, 598.
- Билет** — см. Байлот Роберт.
- Биллярский** Петр Спиридонович (1815—1867), филолог, академик — 541, 546, 549, 551, 552, 559—563, 573—576, 588, 590, 597, 601—603, 605, 606, 612, 614.
- Блонд** (Blondus), Флавий (1388—1463), итальянский историк и археолог — 188, 582.
- Блуд**, киевский воевода при Ярополке Святославиче — 249, 250.
- Богданов** Андрей Иванович (1693—1766), библиотечарь АН, сотрудник Ломоносова — 589, 590.
- Богословский** Михаил Михайлович (1867—1929), историк — 572.
- Богуслав II**, герцог померанский — 347.
- Богуслав Великий**, герцог померанский, сын Богуслава II — 347, 353.

Болгар, легендарное имя из апокрифического сказания о начале Новгорода — 38.

Болеслав I Храбрый (правл. 999—1025), король польский — 51, 254, 275, 279, 280, 283, 300, 347, 591.

Болеслава I Храброго дочь, жена вел. князя Святополка Владимировича — 51.

Болеслав II Смелый (правл. 1066—1080), король польский — 258, 347, 348.

Болеслав III Кривоустый (правл. 1102—1139), король польский — 304, 347, 350.

Болеслав IV Кудрявый (правл. 1146—1173), король польский — 348, 350.

Борецкая Марфа, вдова новгородского посадника И. А. Борецкого (70—80-е годы XV в.) — 318, 319, 370.

Борецкий Исаак Андреевич, новгородский посадник — 318.

Борис II (ум. 978), последний царь Придунайской Болгарии — 240, 246.

Борис Васильевич (1449—1494), кн. волоцкий, сын вел. кн. московского Василия II Темного — 355.

Борис Владимирович (ок. 990—1015), кн. ростовский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 258, 269, 273, 275—278, 280, 282 («братья»), 299, 346.

Борис Всеволодович, кн., сын вел. кн. Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо — 351.

Борис Данилович (ум. 1320), кн., сын Даниила Алексан-

дровича, вел. кн. московского — 352.

Борис Святославич, кн., сын Святослава Ярославича, кн. киевского — 349.

Борис Федорович Годунов (1552—1605), царь — 93, 327—329, 330 («отец»), 356, 371, 562, 567.

Борис Юрьевич (ум. 1159), кн. белгородский и туровский, сын вел. кн. Юрия Владимировича Долгорукого — 351.

Борноволоков Петр, капитан-лейтенант, участник северной морской экспедиции Чичагова 1765—1766 гг. — 611.

Браун Иосиф-Адам (1712—1768), физик, академик — 560, 598.

Брюс Яков Вилимович (1670—1735), генерал-фельдцейхмейстер, ученый, сподвижник Петра I — 11, 544.

Брячислав Изяславич (997—1044), кн. полоцкий, внук вел. кн. Владимира Святославича — 281.

Брячислав Святополкович (1104—1127), мл. сын вел. кн. киевского Святополка Изяславича — 350.

Будилович Антон Семенович (1846—1908), филолог, славист — 600.

Будый, воевода Ярослава I Мудрого — 279.

Бурбоны, династия французских королей — 348.

Буренин Иван, вологодский купец, один из «компанейщиков», общивших в 1762 г. об островах Умнак и Уналашка — 617, 618.

Бурнет Джильберт (1643—1715), английский историк — 69.

- Бурхард архиеп. трирский (XI в.) — 349.
- Буттон — см. Ваттон.
- Бутурлин Иван Иванович (1661—1738), генерал-аншеф — 127, 158.
- Бюаш (Buache) Филипп (1700—1773), французский географ — 439, 455, 456, 603, 607, 609.
- Вагин Меркурий, казак, открыватель новых северных земель в начале XVIII в. — 452, 453, 454.
- Вадгуз Джемс (Жемес), математик, участник экспедиции Гудсона 1610 г. — 431.
- Вадим, новгородец — 218.
- Вайланд («Свегдеров сын»), король шведский — 196.
- Валуа, династия французских королей — 348.
- Вальдемар I Великий (ум. 1182), король датский — 350.
- Вальдемар II Победитель (ум. 1241), король датский, сын Вальдемара I — 350.
- Ван Гаден Даниил (Daniel von Gade), доктор (уб. 1682) — 110—112, 114, 115, 142—147.
- Ван Гаден Михаил Данилович, сын доктора — 111, 115, 143.
- Варда Скляр, шурина византийского императора Иоанна I Цимисхия — 241.
- Варяжко, воевода вел. кн. Ярополка Святославича — 250.
- Василий II Багрянородный (ум. 1026), византийский император, шурина вел. кн. киевского Владимира Святославича — 62, 266, 267.
- Василий, византийский воевода Иоанна Цимисхия — 242.
- Василий, св. — 204, 584.
- Василий, князь витебский — 351.
- Василий (р. и ум. 1639), царевич, сын царя Михаила Федоровича — 356.
- Василий Александрович (ум. 1271), кн. новгородский, старший сын Александра Невского — 352.
- Василий II Васильевич Темный (правл. 1425—1462), вел. кн. московский — 317, 318, 354, 355.
- Василий Васильевич Шуйский, кн. новгородский — 355.
- Василий Данилович Холмский (ум. 1524), кн., зять Ивана III — 355.
- Василий Дмитриевич (1350—1403), кн. суздальский и городецкий, сын вел. кн. Дмитрия Константиновича — 354.
- Василий Дмитриевич (правл. 1389—1425), вел. кн. владимирский и московский, сын Дмитрия Донского — 12, 316, 354.
- Василий III Иванович (правл. 1505—1533), вел. кн. московский — 320, 355.
- Василий IV Иванович Шуйский (ум. 1612), царь — 331, 332, 356, 373, 597.
- Василий Константинович, князь, сын вел. кн. владимирского Константина Всеволодовича — 351.
- Василий Михайлович, сын вел. князя Михаила Ярославича — 352.

Василий Святославич, кн., внук Владимира Мономаха — 351.

Василий Теодорикан — 284.

Василий Юрьевич, сын вел. кн. киевского Юрия Владимировича Долгорукого — 351.

Василий Юрьевич Косой (1421—1448), князь звенигородский, сын Юрия Дмитриевича Галицкого («Шемяка») — 317.

Василий Ярославич (правл. 1271—1276), вел. кн. владимирский, брат Александра Невского — 309, 310 («дядя»), 352.

Василия Васильевича Шуйского жена, внучка Ивана III — 355.

Василия Дмитриевича дочь, жена Юрия Патрикеевича, кн. литовского — 354.

Василия Константиновича жена, дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговского — 351.

Василия Святославича дочь, жена Всеволода Ольговича — 351.

Василиса Васильевна, дочь вел. кн. московского Василия Дмитриевича — 354.

Василько (Василий) Ростиславич (ум. 1124), кн. тербовальский, сын князя Ростислава Владимировича — 302.

Васко да Гама (ок. 1469—1524), португальский мореплаватель — 426.

Вацлав IV (Венцеслав), король чешский и польский — 347.

Вацугин Василий, штурман в 1765 г. — 611, 612.

Введенский Семен, студент Академ. университета — 575.

Веймаут (Weymouth) Джордж, капитан английского флота, мореплаватель начала XVII в. («Георг Веймут») — 429.

Вейссель (Waisselius) Матвей, немецкий историк конца XVII в. — 207, 210, 211, 573, 584, 585.

Велигин Иван, промышленник, открыватель новых северных земель в начале XVIII в. — 453.

Венцеслав — см. Вацлав.

Вербург, голландский издатель первой четверти XVIII в. — 68, 557.

Верелиус (Werl) Олаф (1618—1682), шведский историк — 73, 559.

Верхослава Всеволодовна, дочь Всеволода III Большое Гнездо, жена Ростислава Рюриковича, кн. белгородского — 351.

Видевит (Вейдевит), вождь латышского племени — 210.

Видомир, король готский — 213.

Виноградов Дмитрий Иванович (1720—1758), химик технолог, создатель русского фарфорового производства — 579.

Винсгейм Христиан-Николай (ум. 1751), астроном, математик, академик — 547.

Висбур, сын шведского короля Вайланда и Дривы — 196.

Витовт (Витольд) (1350—1430), вел. кн. литовский — 317.

Владимир Андреевич (1533—1569), князь Старцкий,

двоюродный брат Ивана Грозного — 356.

Владимир Андреевич Храбрый (1353—1410), кн. серпуховско-боровской, внук Ивана Калиты — 354, 355.

Владимир Владимирович (Володаревич) (ум. 1152), кн. галицкий — 305.

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), вел. кн. киевский — 10, 65, 285, 302, 349, 350, 369, 591.

Владимир-Дмитрий Всеволодович (род. 1192), кн. стародубский, сын вел. кн. владимирского Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо — 351.

Владимир Константинович (род. 1214), кн. углицкий, сын Константина Всеволодовича, вел. кн. владимирского — 351.

Владимир Мстиславич (1132—1174), кн. дорогобужский, внук Владимира Мономаха — 350.

Владимир Святославич (ум. 1015), кн. новгородский и вел. кн. киевский — 9, 10, 19, 64, 87, 168, 196, 197, 207, 238—240, 248, 249—260, 261—268, 270—275, 277, 278, 285, 295, 299, 346, 362, 363, 367—369, 544, 563, 587, 595.

Владимир Юрьевич (р. 1218), князь владимирский, сын вел. кн. Юрия Всеволодовича — 352.

Владимир Ярославич (р. 1151), кн. галицкий, сын Ярослава Осмомысла — 305.

Владимир Ярославич (1020—1052), кн. новгородский,

сын Ярослава Мудрого — 283—285, 348.

Владимира Святославича дочь — 347.

Владимира Святославича жена («болгарыня») — 346.

Владимира Святославича жена (гречанка-монахиня, мать Святополка) — 346.

Владимира Святославича жена («чехиня первая») — 346.

Владимира Святославича жена («чехиня вторая») — 346.

Владимира Ярославича кн. новгородского жена, дочь английского короля Гарольда Строгого — 348.

Владислав I Герман (1043—1102), король польский, внук Владимира Святославича — 347.

Владислав IV (1595—1648), с 1632 г. король польский — 332, 353, 373.

Владислав Локоток (Lokietek) (1260—1333), король польский («Локтик») — 347.

Возницын Прокофий Богданович (ум. в начале XVIII в.), думный дьяк при Петре I — 95.

Володарь (Владимир) Ростиславич (ум. 1124), сын кн. тмутараканского Ростислава Владимировича — 349.

Володаря Ростиславича дочь, жена византийского императора Алексея I Комнина — 349.

Волос, слав. мифол. — 222, 251.

Волостович, сенатор при Болеславе III Кривоустом — 303.

Волфстенгольм — см. Уолстенхолм.

Волхв, легендарный новгородский князь — 189, 296.

Волчий Хвост, воевода Владимира Святославича — 254.

Вольтер Франсуа-Мари-Аруэ (1694—1778) — 89, 92, 93, 95, 359, 361, 364, 539, 564—570, 572, 575, 581, 592—594, 598, 603.

Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767), граф, государственный деятель — 555, 576, 605, 606, 614.

Ворошилка, пушкарь — 83.

Вратислав II (ум. 1092), с 1068 г. король богемский — 347, 349.

Всеволод Александрович (ум. 1364), кн. холмский, сын вел. кн. тверского Александра Михайловича — 353.

Всеволод Владимирович (уб. 1015), кн. владими́ро-волинский, сын вел. кн. Владимира Святославича — 258, 273, 346.

Всеволод Константинович, сын Константина Всеволодовича, вел. кн. владимирского — 351.

Всеволод Мстиславич (ум. 1137), кн. новгородский, внук Владимира Мономаха — 350.

Всеволод Ольгович (ум. 1146), кн. черниговский и с 1139 г. вел. кн. киевский — 304, 351.

Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212), вел. кн. владимирский — 306, 307, 351, 352.

Всеволод Ярославич (1030—1093), вел. кн. киевский,

сын Ярослава Мудрого — 284, 286, 301, 348, 349.

Всеволода Константиновича жена, дочь Олега Святославича — 351.

Всеволода Ярославича жена, дочь византийского императора Константина Мономаха — 284 («дочь Мономаха»), 349 («царевна греческая Константина Мономаха»).

Всеслава Всеволодовна, дочь Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо — 351.

Вышата, воевода при Ярославе Мудром — 284.

Вышеслав Владимирович (ум. ок. 1010—1012), князь новгородский, сын вел. кн. Владимира Святославича — 256, 257, 258, 273, 346.

Вышеслава (Вячеслава) Вячеславовна, дочь кн. смоленского Вячеслава Ярославича, жена польского короля Болеслава II Смелого — 348.

Вышеслава, жена Богуслава II, герцога померанского — 347.

Вышоваты Андрей, польский богослов XVII в. — 587.

Вышоваты Бенедикт, польский богослов XVII в. — 587.

Вятка Яков, торговый человек, мореходец второй половины XVII в. — 452, 454.

Вячеслав Владимирович (1083—1154), вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха — 304, 305, 350, 351.

Вячеслав Ярославич, кн. смоленский, сын Ярослава Мудрого — 286, 348.

Гаак (Наак), лейденский издатель XVII в. — 556.

Гадлей (Hadley) Джон (1682—1744), английский астроном и математик — 611—613, 620, 621.

Галлей Эдмунд (1656—1742), английский астроном — 586.

Гаральд Гардрааде Строгий (ум. 1066), король норвежский, зять Ярослава Мудрого — 285, 348, 349.

Гаральд Пулхриком (IX в.) — 196.

Гарткнох (Hartknoch) Христофор (1644—1687), немецкий историк — 34, 185, 557, 582, 595.

Гвоздев Михаил Спиридонович, геодезист, полярный исследователь первой половины XVIII в. — 451, 608.

Гедвига (Елена), королева польская, жена Владислава II Локотка — 347.

Гедимин (правл. 1316—1340), вел. кн. литовский — 353.

Гедимина дочь, жена Дмитрия Михайловича, вел. кн. тверского — 353.

Гельмольд (Helmold), историк XII в. — 177, 184, 202, 208, 210, 573, 580, 582, 585.

Гемскерк — см. Хемскерк.

Генриетта-Мария (1609—1664), дочь французского короля Генриха IV, королева английская, жена Карла I Стюарта — 348.

Генрих I (правл. 1031—1060), король французский, муж Анны, дочери Ярослава Мудрого — 285, 348, 349 («первый супруг»).

Генрих IV (1050—1106), император германский — 350.

Генрих V (1387—1422), король английский — 348.

Генрих VII (1456—1509), король английский — 426.

Генрих Чешский — 275.

Георгий, слуга Бориса Владимировича, кн. владимирского — 276.

Герман (Арминий) (17—20 гг. до н. э.), вождь херусков — 192, 193.

Германрих (ок. 266—376), король готский — 212.

Гермоген, патриарх московский и всея Руси (1606—1612) — 373.

Геродот (ок. 485—425 до н. э.), греческий историк — 173, 180, 181, 198—201, 214, 573, 581, 583.

Гиббон, английский мореплаватель начала XVII в. — 432.

Гизель Иннокентий (ум. 1683), архимандрит Киево-Печерской лавры, духовный писатель — 544.

Гилляров, Федор Александрович (1841—1895), историк — 555.

Гильямс — см. Джиллемс.

Глеб Владимирович, кн. муромский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 258, 269, 273, 277, 278, 282 («братья»), 300, 347.

Глеб Ростиславич (ум. 1177), кн. рязанский — 306.

Глеб Святославич (ум. 1078), кн. тмутараканский, сын вел. кн. киевского Святослава Ярославича — 349.

Глеб Юрьевич, сын вел. кн. киевского Юрия Долгорукого — 351.

Г л о т о в Степан Гаврилович, яренский посадский, мореход середины XVIII в. — 509, 618.

Г н у ч е в а Вера Федоровна (1892—1942), историк географии — 599.

Г о л и а ф, библ. — 370.

Г о л и ц ы н Александр Михайлович (1723—1807), кн., вице-канцлер — 594, 595.

Г о л и ц ы н Василий Васильевич (1643—1714), кн., начальник Посольского приказа, сторонник Софьи Алексеевны — 124—128, 155—159

Г о л и ц ы н Михаил Андреевич (1640—1687), кн., воевода — 95, 156, 572.

Г о л о в и н Федор Алексеевич (1650—1706), граф, сподвижник Петра — 95.

Г о л у б ц о в Иван Иванович (1715—1759), переводчик АН — 560.

Г о р д о н Патрик (1635—1699), шотландец, генерал русской службы — 130, 161.

Г о р и с л а в а — см. Рогнеда.

Г о р л а н о в Алексей Петрович, студент АН — 549.

Г о р о х о в Иван (конец XVII в.), дворянин — 120, 152.

Г о р ю ш к и н Григорий (уб. 1682), полковник — 111, 143.

Г о с т о м ы с л, новгородский князь — 11, 20, 23, 215, 296, 346, 553, 586.

Г о т ф р и д IV Бульонский (1061—1100), герцог Нижней Лотарингии, участник первого крестового похода — 205.

Г о ф м а н Фридрих (1660—1742), врач — 389, 598.

Г р е к о в Борис Дмитриевич, историк, академик — 553, 578.

Г р е м и с л а в а Ярославна, дочь вел. кн. владимирского Ярослава Всеволодовича, жена герцога польского Лешко Белого — 352.

Г р и б о е д о в Семен, полковник: стрелецкого полка — 101, 133.

Г р и б о е д о в Федор Иванович, разрядный дьяк, автор «Истории о царях» (XVII в.) — 588.

Г р и г о р и й I Великий (р. ок. 540), папа римский — 38, 558.

Г р и н Генрих, участник экспедиции Гудсона 1610 г. — 431.

Г р у т е р (Gruter или Gruytere) Ян (1560—1627), голландский филолог — 556.

Г у б а, король готский — 213.

Г у г о н, сын Генриха I, короля французского и Анны Ярославны — 285, 348.

Г у д с о н Генри (1550—1611), английский мореплаватель — 429, 430—432, 434, 605.

Г у и т ф е л ь д (Hvitfeldt) Арильд (1549—1609), датский историк — 69.

Г у м у л х, король готский — 213.

Г у т м е н ш, доктор (уб. 1682) — 110, 111, 115, 142, 143, 147.

Г ю б н е р (Hübner) Иоганн (1668—1731), автор родословных таблиц — 544, 590.

Д а б с — см. Добс.

Д а в и д, библ. — 388.

Д а в и д Святославич, сын.

- вел. кн. киевского Святослава Яро-
славича — 349.
- Давис — см. Девис.
- Дагон — 196.
- Дажь бог, слав. мифол. — 251.
- Далин Олаф (1708—1763),
шведский поэт и историк — 69.
- Даниил (Данило) Але-
ксандрович (правл. 1261—
1303), вел. кн. московский — 311,
352.
- Даниил Дмитриевич
Тверской, сын Дмитрия Дон-
ского — 354, 355.
- Данило Ярославич, кн.,
сын Ярослава Всеволодовича, вел.
кн. владимирского — 352.
- Дарий III Кодоман (правл.
336—330 гг. до н. э.), царь пер-
сидский — 21.
- Дарья Ивановна Кол-
товская — см. Анна Алексеевна
Колтовская.
- Девис (Davis) Джон (1550?—
1605), англ. мореплаватель («Да-
вис») — 428, 431, 434.
- Дежнев Семен Иванович
(нач. XVII в. — 1673), якутский
казак, землепроходец — 448 («Иван
Дежнев»), 449 (то же), 608.
- Делиль (de L'Isle) Иосиф-
Николай (1688—1768), француз-
ский астроном, географ — 439, 455,
603, 607, 609, 610.
- Де Ту — см. Ту де.
- Де Фонт — см. Фонт де.
- Де Фука — см. Фука де.
- Джемс (James) Томас, англий-
ский мореплаватель первой поло-
вины XVII в. («Жемс») — 434.
- Джиллемс (Gillams) Заха-
рий, английский мореплаватель кон-
ца XVII в. («Гильямс») — 435.
- Дида, слав. мифол. — 251.
- Димитрий, св. — 222.
- Дир, легендарный князь — 23,
28, 40, 78, 215, 219, 220, 235,
271, 297, 363.
- Дитмар (Dietmar, Thietmar)
Мерзбургский (975—1019),
немецкий летописец — 65.
- Длугош Ян (1415—1480),
польский историк — 211, 543, 585.
- Дмитрий Александрови-
ч (правл. 1276—1281), вел. кн.
владимирский и новгородский —
310, 352.
- Дмитрий Алексеевич
(1648—1650), царевич, сын царя
Алексея Михайловича — 94, 357.
- Дмитрий-Всеволод Юрь-
евич — см. Всеволод III Юрьевич
Большое Гнездо.
- Дмитрий Завидович, нов-
городский посадник — 350.
- Дмитрий Иванович
(1483—1509), внук Ивана III —
355.
- Дмитрий Иванович Дон-
ской (1350—1389), вел. кн. мо-
сковский — 12, 315, 316, 354,
370.
- Дмитрий Иванович, сын
Ивана III — 355.
- Дмитрий Иванович
(1582—1591), царевич, сын Ивана
Грозного — 328, 356.
- Дмитрий Константино-
вич (правл. 1360—1362), кн.
суздальский, вел. кн. владимир-
ский — 315, 354.
- Дмитрий Михайлович,
прозв. Грозные Очи (1298—1325),
вел. кн. тверской — 312, 352, 353.

Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий, внук Дмитрия Донского — 318.

Доброгнева — см. Мария Владимировна.

Добрыня Никитич, воевода князя Владимира Святославича, его дядя по матери — 240, 252, 254, 269, 280, 346.

Добс Артур (1680—1765), английский мореплаватель («Дабс») — 435.

Долгорукий Михаил Юрьевич (уб. 1682), кн., боярин, начальник Разрядного приказа — 107—109, 140, 142 («сын»), 571.

Долгоруков Юрий Алексеевич (уб. 1682), кн., начальник Стрелецкого приказа — 100, 109, 133, 141.

Долгорукова Мария Владимировна, княжна — см. Мария Владимировна.

Долгорукого Михайла Юрьевича жена — 110, 142.

Дохтуров Андрей (уб. 1682), полковник — 111, 143.

Дрива, дочь финского короля Сния — 196.

Евдокия Александровна, княжна суздальская, жена Никиты Романовича-Юрьевича Захарьина — 357.

Евдокия Александровна, рожд. Нагая (ум. 1557), жена князя Владимира Андреевича Старицкого — 356.

Евдокия Алексеевна (1650—1712), дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Евдокия Богдановна,

рожд. Сабурова, жена Ивана Ивановича, сына Ивана Грозного — 356.

Евдокия Дмитриевна, дочь вел. князя Дмитрия Константиновича, жена Дмитрия Донского — 354.

Евдокия Ивановна, дочь Ивана III, жена царевича казанского Кудайгула (Петра) Ибраимовича — 355.

Евдокия (Авдотья) Лукьяновна, рожд. Стрешнева, вторая жена царя Михаила Федоровича — 93, 356, 595.

Евдокия Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича — 356.

Евдокия Федоровна, рожд. Лопухина (1669—1731), первая жена Петра I — 127, 158, 345 («первая супруга»), 358.

Евпраксия Всеволодовна (ум. 1109), сестра Владимира Мономаха, жена германского императора Генриха IV — 350.

Евтропий (ум. 370), римский историк — 584.

Евфимия, дочь Владимира Мономаха — 350 («супруга Владимира Мономаха»), 591.

Евфросинья Андреевна, рожд. кн. Хованская, жена князя Андрея Ивановича Старицкого, сына Ивана III — 355.

Едигей — см. Эдигей.

Едигей Магмет, казанский царь, позднее военачальник Ивана Грозного — 324.

Ейвет — см. Эйвет.

Екатерина (1401—1438), дочь французского короля Карла VI,

жена английского короля Генриха V — 348.

Екатерина Алексеевна, царевна, дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Екатерина I Алексеевна (1684—1727), императрица — 292, 343, 344, 358, 544.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796), императрица («самодержица», «государыня») — 358, 419 («родительница»), 420, 513, 529, 535, 594, 600, 606, 609—611, 615, 616, 618, 622, 623.

Екатерина Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха — 350.

Екатерина Ивановна (1691—1733), дочь царя Ивана Алексеевича, жена Леопольда, герцога мекленбургского — 357, 591.

Екатерина Ягеллонка (1528—1583), дочь польского короля Сигизмунда I, жена шведского короля Иоанна — 353.

Екатов Федор, подштурман в 1765 г. — 612.

Елена, дочь Тугоркана, кн. половецкого, жена вел. кн. киевского Святополка Изяславича — 350.

Елена, жена Ивана Даниловича Калиты — 353.

Елена, княжна ясская, жена вел. кн. киевского Ярополка Владимировича — 350.

Елена Васильевна, рожд. Глинская, жена вел. кн. Василия III Ивановича, мать Ивана Грозного — 322, 323, 355

Елена Ивановна, дочь Ивана III, жена вел. кн. литовского Александра — 12, 353, 355.

Елена Петровна, княжна Буйносова-Ростовская, жена царя Василия Шуйского — 356.

Елена Ростиславна, правнучка Ярослава Мудрого, жена польского короля Болеслава IV — 348, 349.

Елизавета (1533—1603), английская королева — 427.

Елизавета (ум. 1381), дочь польского короля Владислава Локотка, венгерская королева — 347.

Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — 87, 292, 295, 358, 402 («монархиня»), 541, 547, 563, 564, 573, 574, 588, 591, 617.

Елизавета Ярославна, дочь Ярослава I, жена Гаральда Смелого, норвежского короля — 285, 348, 349.

Емгурчей, астраханский хан — 325.

Епифаний, св. — 58.

Эрик X — см. Эрик X.

Ермак Тимофеевич (ум. 1584 или 1585), начальник казачьего отряда, начавшего завоевание Сибири — 190, 327, 448, 560.

Ерманарик — см. Германрих.

Жемс, капитан — см. Джемс.

Журавлев Василий, штурманский ученик в 1765 г. — 612.

Забелин Иван Егорович (1820—1908), историк — 552.

Занд Христофор (1644—1680), богослов — 587.

Заруцкий Иван Мартынович (казнен 1614), атаман донских

казаков, сторонник Лжедмитрия II
Тушинского — 372.

Захария, библ. — 10.

Захарьин-Юрьев Никита
Романович, боярин, шурин царя
Ивана Грозного — 357.

Захарьины-Юрьевы, мо-
сковские бояре — 542.

Збыслава Святопол-
ковна, дочь вел. кн. киевского
Святополка Изяславича, жена поль-
ского короля Болеслава III — 350.

Зиновьев Василий, подштур-
ман в 1765 г. — 612.

Зиновьев Петр, полковник в
1682 г. — 122, 153.

Зонара (Zonaras) Иоанн, ви-
зантійский историк конца XI—се-
редины XII в. — 271, 284, 573, 578,
586—588.

Иаков, епископ херсонский,
крестивший вел. кн. Владимира —
267.

Иаков V (1513—1542), ко-
роль шотландский — 349.

Иафет, сын Ноя, библ.
(«Афет») — 70.

Иван I польский — см.
Ян I Альбрехт.

Иван II польский — см.
Ян II Казимир.

Иван Адольф голштин-
ский — 353.

Иван, король богемский —
349.

Иван (Иоанн) Мануйлович —
см. Иоанн VIII Палеолог.

Иван V Алексеевич
(1666—1696), царь — 94, 95, 99,
101, 103, 104, 106—109, 115—118,
120—124, 126, 128, 129, 132,

134—137, 139—141, 146, 147, 148,
(«оба царевича»), 149 («государи»),
151 (то же), 153 (то же), 154, 155
(«государи»), 157, 159, 160, 338,
357, 570, 572.

Иван III Васильевич
(правл. 1462—1505), вел. кн. мо-
сковский — 318, 355, 362, 363 («дед
его»), 370, 544, 563, 576.

Ивана III дочь, жена князя
Даниила Дмитриевича Тверского —
355.

Иван IV Васильевич
Грозный (1530—1584), царь —
9—12, 87, 202, 322, 323, 326,
355—357, 362, 363, 370, 560 («рус-
ский царь»), 563, 591, 593, 595.

Иван VI Антонович
(1740—1764), император — 591.

Иван Васильевич (1396—
1417), сын вел. кн. Василия Дми-
триевича — 354.

Иван Васильевич, кн.
бельский, зять вел. кн. московского
Василия Темного — 355.

Иван Всеволодович
(р. 1198), кн. стародубский, сын
Всеволода Юрьевича Большое
Гнездо — 351.

Иван Данилович Калита
(правл. 1328—1341), вел. кн.
владими́ро-московский — 92, 313,
352, 353.

Ивана Даниловича Ка-
литы дочь, жена ростовского князя
Константина Васильевича — 354.

Иван Дмитриевич, кн.
суздальско-нижегородский, сын Дми-
трия Константиновича, вел. кн. вла-
димирского — 354.

Иван Дмитриевич, кн.,
перяславский, сын вел. кн. влади-

мирского Дмитрия Александровича — 311, 352.

Иван Дмитриевич, сын Дмитрия Донского — 354.

Иван (Елуон), сын Германа, вождя херусков — 193.

Иван Иванович (1458—1490), сын вел. кн. московского Ивана III — 355.

Иван Иванович (1554—1582), сын Ивана Грозного — 326, 356.

Иван Иванович (Кроткий) (правл. 1353—1359), вел. кн. владимирский, сын Ивана Калиты — 314, 353, 354.

Иван Иванович Малый (ум. 1364), кн. звенигородский, мл. брат Дмитрия Донского — 354.

Иван Михайлович (1633—1639), царевич, сын царя Михаила Федоровича — 356.

Иван Семенович, сын вел. кн. московского Семена Ивановича — 354.

Иван Юрьевич, сын князя Юрия Владимировича Долгорукого — 351.

Иванов, Василий Ларионович, сын думного дьяка (убит 1682) — 108, 141.

Иванов Ларион (уб. 1682 г.), думный дьяк, управлявший Посольским приказом — 108, 141.

Игорь Ольгович (ум. 1147), кн. новгород-северский и вел. кн. киевский — 305.

Игорь Рюрикович (правл. 913—945), вел. кн. киевский — 168, 220, 221, 225, 227—236, 240, 247 («дед»), 274, (то же), 297, 298, 346, 574.

Игорь Ярославич, сын вел. кн. киевского Ярослава Владимировича — 348.

Изабелла (Елизавета) (1292—1357), королева английская, жена Эдуарда II — 348.

Изабелла, королева английская, жена Ричарда II — 348.

Изабелла, королева испанская, жена Филиппа IV — 349.

Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын Владимира Святославича и Рогнеды — 257, 258, 273, 281, 346, 368.

Изяслав Владимирович, кн., сын Владимира Мономаха — 350.

Изяслав Давидович (ум. 1162), кн. черниговский — 351.

Изяслава Давидовича дочь, жена Глеба Юрьевича, кн. киевского — 351.

Изяслав Мстиславич (правл. 1146—1154), вел. кн. киевский — 305, 350, 351.

Изяслава Мстиславича дочь, жена Ригвальда Борисовича, кн. полоцкого — 351.

Изяслава Мстиславича жена, княжна Обезская — 351.

Изяслав Ярославич (1024—1078), вел. кн. киевский — 286, 301, 348, 349.

Изяслава Ярославича жена, дочь Мешко (Мечислава, II) короля польского — 349.

Икмор, военачальник Святослава Игоревича — 244.

Иларион, митрополит киевский (при Ярославе Мудром) — 300.

Иллибальд, король готский — 213.

Ильдиэг, королевич лонгобардский — 194.

Илья Федорович, царевич, сын царя Федора Алексеевича — 99, 132, 357.

Ингварь (Ingvar), скандинавский князь — 197.

Ингебурга, королева французская, жена короля Филиппа II — 350.

Ингегерда, Ингигерда — см. Ирина (Ингигерда).

Ингор IV, король шведский — 350.

Иоаким (корсунянин) (ум. 1030), первый епископ новгородский — 270 («Иоаким херсонянин»), 555 («Иоакимовская летопись»).

Иоаким (Иван Савелов) (1621—1690), патриарх московский и всея Руси — 103, 116—118, 121—123, 127, 136, 137, 148—150, 153, 154, 157, 158.

Иоанн, герцог датский, жених Ксении Годуновой («датский королевич») — 330.

Иоанн (Иван) II (правл. с 1432 г.), король кипрский, иерусалимский и армянский — 349.

Иоанн VIII Палеолог (правл. 1425—1448), византийский император («Иван Мануйлович») — 12, 354, 355.

Иоанн I Цимисхий (правл. 969—976), византийский император — 240—246, 298, 363, 586, 594.

Иов (ум. 1607), первый патриарх всероссийский — 328, 371.

Иомала — см. Юмала.

Иорданес («Иорнанд»,

«Иордан»), историк VI в. — 38, 44, 176, 181, 188, 212, 213, 558, 573, 579, 585, 586.

Ирина (ум. 803), жена византийского императора Льва IV Исавряннина — 263.

Ирина (Ингигерда) (ум. 1051), дочь шведского короля Олафа I, жена вел. кн. киевского Ярослава Владимировича — 285, 348.

Ирина Михайловна (1627—1679), старшая дочь царя Михаила Федоровича — 356.

Ирина Федоровна (ум. 1603), рожд. Годунова, царица, жена царя Федора Ивановича — 327 («сестра Борисова»), 356, 371.

Исаак Комнин (правл. 1057—1059), византийский император — 584.

Истер, легендарное имя из апокрифического сказания о начале Новгорода — 38.

Иустин, военачальник византийского императора Юстиниана — 193.

Иустиниан — см. Юстиниан.

Кабот (Cabot, Caboto) Джон (Джованни) (1425—1498), мореплаватель — 426.

Кабот (Cabot) Себастьян (1477—1557), сын Джона, мореплаватель — 427.

Казабон (Casaubon), Исаак (1559—1614), богослов, библиотекарь французского короля Генриха IV — 556.

Казимир I Восстановитель (ум. 1058), король польский, зять Владимира Святославича — 258, 285, 347, 349.

Казимир III Великий (1310—1376), сын Владислава Локотка, король польский — 347.

Казимир IV (р. 1427), вел. кн. литовский и король польский — 353.

Калачов Николай Васильевич (1819—1885), историк-юрист — 578.

Калокир, посланный византийского императора Никифора Фоки — 237, 241, 242.

Каменевич - Рвовский (Тимофей), иеродиакон Холопьево монастыря на Мологе, писатель конца XVII в. — 555.

Канут (Кнут) VI (правл. 1182—1202), король датский — 350.

Капетинги, французская королевская династия — 348.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель, историк — 555, 582, 591.

Карл I Анжуйский (1220—1285), король Неаполя и Сицилии — 348.

Карл I Стюарт (1600—1649), король Англии — 348, 434.

Карл XII (1682—1718), король шведский — 91, 291, 292 («прадед»), 340—343, 361, 565, 591—593.

Карл, посланный норвежского короля Олафа Святого — 196.

Карл-Роберт (1308—1342), король венгерский — 347.

Карл-Фридрих (1700—1739), герцог голштейн-готторпский, отец Петра III — 353, 358, 591.

Катон — см. Порций Катон.

Кашак, казанский царевич — 324.

Кегорн (Coehorn) Менно (1641—1707), голландский военный инженер — 524, 625.

Кедрин (Cedrenus) Георгий, византийский историк конца XI в. или начала XII в. — 203, 215, 240, 242, 245, 362, 578, 584, 586, 587, 593.

Киаксар (правил, по Геродоту, с 624 по 585 г. до н. э.), царь Мидии — 198, 200.

Кий, легендарный основатель Киева — 21, 214, 219, 296, 362.

Кириллов Аверкий (уб. 1682), думный дяк — 111, 143.

Кириллов Иван Кириллович (1689—1737), обер-секретарь Сената, географ, статистик — 608.

Клеркон, эстляндский житель времен Владимира Святославича — 255, 256.

Климент, св. — 268.

Климент Смолятич, митрополит киевский — (с 1147 по 1155) — 305.

Клингштедт Тимофей (Мерцан фон Клингштедт), писатель середины XVIII в. — 566.

Колодинский Андрей, переводчик второй половины XVI в. — 587.

Колоксай, легендарное (из Геродота) имя сына скифского царя — 199, 200.

Коломан (правл. 1095—1114), король венгерский — 352.

Колумб (Colombo, Colon) Христофор (1446—1506), мореплаватель — 603.

Коляда, слав. мифол. — 252.

Коман, легендарное имя из апокрифического сказания о начале Новгорода — 38.

Кондратьев С. П., переводчик, византинист — 582.

Константин, военачальник византийского императора Юстиниана — 193, 194.

Константин I Великий (274—337), восточно-римский император — 263, 554.

Константин IV Погонат (ум. 685), византийский император — 263.

Константин VI (правл. 790—797), византийский император — 263.

Константин VII Багрянородный (правл. 945—959), византийский император («Константин Порфирогенит», «Порфирогенит») — 32, 175, 213, 226, 227, 267, 362, 536, 556, 558, 579.

Константин IX Мономах (правл. 1042—1055), византийский император — 9, 284, 349.

Константин XII Палеолог (правл. 1449—1453), последний византийский император — 355.

Константин, патриарх — 361, 593.

Константин (Кирилл) (827—869), первый проповедник христианства среди славян — 260, 261, 263.

Константин Васильевич (правл. 1320—1365), кн. ростовский, зять Ивана Калиты — 354.

Константин Всеволодович (1186—1218), кн. ростовский и вел. кн. владимирский — 307, 351.

Константин Дмитриевич (1389—1434), кн. углицкий, сын Дмитрия Донского — 354.

Константин Михайлович (1306—1346), вел. кн. Тверской — 352.

Константин Ярославич (ум. 1255), кн. галицкий, сын вел. князя Ярослава Всеволодовича — 352.

Константина Всеволодовича жена (вторая), из Мурома — 351.

Кончака — см. Агафия.

Копай, чукотский житель, шалагский старшина — 453.

Корнелий Непот (Cornelius Nepos) (между 99 и 24 г. до н. э.), римский писатель — 179.

Корнилов Амос Кондратьевич, архангелогородский промышленник, мореходец середины XVIII в. — 461, 502, 609, 613, 616.

Котельников Симеон Кириллович (1723—1806), математик, академик — 601.

Коцел, дунайский князь — 271.

Кравец Торичан Павлович, физик, член-корр. АН СССР — 132.

Кранц (Kranz) Альберт (ум. 1517), богослов, историк — 573.

Красильников Андрей Дмитриевич (1705—1773), адъютант АН, участник Второй Камчатской экспедиции — 611, 612.

Красильников Василий Дмитриевич, чертежник Адмиралтейской коллегии в 1765 г. — 625.

Крашенинников Степан Петрович (1713—1755), исследователь Камчатки, академик — 55, 69, 547—550, 553, 559, 566, 614.

Крекшин Петр Никифорович (1684—1763), историк — 7, 9—12, 69, 541—544, 547, 555, 569—572.

- Креницын Петр Кузьмич** (ум. 1770), капитан-лейтенант, начальник экспедиций к Алеутским островам и к Аляске в 1764—1771 гг. — 528, 530, 567, 623, 625.
- Кроммер Мартин** (1512—1589), польский историк — 177, 188, 189, 205, 206, 211, 254, 285, 573, 578, 580, 582, 584, 585, 587, 588.
- Кеения Борисовна Годунова** (1582—1622), царевна, дочь царя Бориса Годунова — 330, 331, 356.
- Ксения**, жена вел. кн. тверского и владимирского Ярослава Ярославича — 352.
- Ксения Ивановна Романова** (в монахинях—Марфа), мать царя Михаила Федоровича — 357.
- Кудайгул Ибраимович** (Петр), казанский царевич, зять Ивана III — 355.
- Кузьяков Григорий**, мореходец начала XVIII в. — 453, 454.
- Купала**, слав. мифол. — 251.
- Куркуй**, военачальник византийского императора Иоанна Цимисхия — 244.
- Курций Руф Квинт** (Quintus Curtius Rufus), римский историк I в. н. э. — 179, 580.
- Куря**, печенежский князь — 246.
- Кучко Яким Степанович**, боярин, убивший кн. Андрея Боголюбского — 306.
- Кучум**, сибирский хан — 202.
- Лаврентий**, самозванец (начало XVII в.) — 93.
- Лагюр** (Lahure), парижский издатель XIX в. — 564, 592.
- Лада**, слав. мифол. — 251.
- Ламанский Владимир Иванович** (1833—1914), славист, академик — 579, 589.
- Ланкастр Джеймс** (1550—1618), английский мореплаватель — 429.
- Лаптев Дмитрий Яковлевич** (ум. после 1762), моряк, полярный исследователь — 450, 603, 608.
- Лаптев Харитон Прокофьевич** (ум. 1763), капитан I ранга, полярный исследователь — 450, 481, 603, 608.
- Лассинус Петр** (ум. 1735 г.), лейтенант, исследователь северных берегов Сибири — 608.
- Лебедев Василий Иванович** (1716—1771), переводчик АН — 560.
- Лев VI Мудрый** (886—912), византийский император — 222, 223, 224 («Леон»).
- Левенгаупт Адам-Людвик** (1659—1719), шведский генерал — 91, 341.
- Левицкий Николай Евстафьевич** (1770—1810), писатель, историк, переводчик — 564, 569, 592.
- Леман Иоган-Готлиб** (1700—1767), химик, академик — 601.
- Леон**, царевич византийский, сын императора Алексея I Комнина («царевич») — 349.
- Леон (Лев) Грамматик**, византийский историк начала XVI в. — 573.
- Леонтий** (ум. 1013), митрополит киевский — 270.

Леопольд, герцог Мекленбургский — 357, 591.

Леопольд I (1640—1705), император германский — 545.

Лероа, франц. мастер астрономических инструментов (XVIII в.) — 621.

Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699), сподвижник Петра I — 95, 564, 567.

Лех, легендарный основатель польского государства — 177.

Лешко Белый (р. ок. 1188 — ум. 1227), герцог польский («Ляшек Белый») — 352.

Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев), царь московский в 1605—1606 гг. («Расстрига») — 93, 330, 331, 353, 371, 562.

Лжедмитрий II, «Тушинский вор» (уб. 1610 г.) — 93 («три Дмитрия»), 332 («новый самозванец»).

Ливий Тит (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), римский историк — 68, 179, 580.

Липоксай, легендарное (из Геродота) имя сына скифского царя — 199, 200 («сыны»).

Лихачев Алексей Тимофеевич, сторонник царевны Софьи — 104, 137.

Лихачев, Дмитрий Сергеевич, историк и литературовед — 586, 587.

Ломов Алексей, штурман, участник северной морской экспедиции Чичагова 1765—1766 гг. — 611, 612.

Ломоносов Василий Дорощевич (1681—1741), отец М. В. Ломоносова — 610 («отец»).

Лыков, участник стрелецкого заговора — 127, 158.

Лыков Артемий Евстафьевич (1724—1800), фактор академической типографии — 575, 576, 577, 588.

Людви́г, племянник Франца Лефорта — 567.

Людо́вик Благо́чести́вый (778—840), император германский — 558.

Людо́вик I Анжу́йский (ум. 1384), сын французского короля Иоанна — 348.

Людо́вик I Вели́кий (1326—1382), король венгерский и польский — 347.

Людо́вик XIV (1638—1715), король французский — 348.

Людо́вик XV (1710—1774), король французский — 348.

Лю́т, сын воеводы Свенельда — 247.

Ляшек Белый — см. Лешко Белый.

Магдалина, жена Иакова V, короля шотландского («королева шотландская») — 348.

Магмет (Махмет)-Аминь, с 1487 г. казанский царь — 321.

Мади́й, скифский царь — 200

Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Украины — 125, 156.

Ма́л, древлянский князь — 230, 231, 232 («князь»).

Ма́лк Любе́чанин, отец Малуши, матери вел. кн. киевского Владимира Святославича — 240 («Малок»), 346 («Мальц Любчанин»).

М а л у ш а, ключница княгини Ольги, мать вел. кн. киевского Владимира Святославича — 240, 346.

М а л ы г и н Никифор, морской офицер, участник Второй Камчатской экспедиции — 450, 452, 603.

М а л ы г и н Степан Григорьевич (ум. 1764), моряк, ученый, исследователь северных берегов Сибири — 608.

М а л ы т а Скуратов — см. Скуратов-Бельский-Малюта.

М а м а й, хан Золотой Орды с 1361 г. — 316, 317, 370.

М а н к и е в Алексей Ильич (ум. 1723), автор «Ядра Российской истории» — 580, 583.

М а н у и л I (Эммануил) Комнин (1143—1180), византийский император — 12.

М а р г а р и т а, королева английская, жена Эдуарда I — 348.

М а р г а р и т а, царица, дочь Петра I — 358.

М а р и а н а де Педре Хуан (1536—1623), испанский историк — 69.

М а р и н а (монахиня), дочь Владимира Мономаха — 350.

М а р и я, королева английская — см. Генриетта-Мария.

М а р и я (правл. 1370—1395), королева венгерская, императрица римская — 347.

М а р и я, жена вел. кн. московского Даниила Александровича — 352.

М а р и я (в монахинях — Марфа), чешская княжна, жена вел. кн. Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо — 351.

М а р и я А л е к с а н д р о в н а

(ум. 1399), дочь вел. кн. тверского Александра Михайловича, жена вел. кн. московского Семена Ивановича — 354.

М а р и я А л е к с е е в н а, дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

М а р и я А н д р е е в н а, дочь князя Старицкого, жена Христиана Голштинского — 12.

М а р и я Б о р и с о в н а, княжна тверская, первая жена Ивана III — 355.

М а р и я (Доброгнева) Владимировна (ум. 1087), дочь Владимира Святославича, жена польского короля Казимира Восстановителя — 258, 285, 347.

М а р и я В л а д и м и р о в н а Долгорукая (ум. 1625), жена царя Михаила Федоровича — 93, 356.

М а р и я Г р и г о р ь е в н а (ум. 1606), царица, жена Бориса Годунова, дочь Малюты Скуратова — 331, 356.

М а р и я И в а н о в н а (ум. млад.), дочь Ивана Грозного — 356.

М а р и я И в а н о в н а, царица, дочь царя Ивана Алексеевича — 358.

М а р и я И л ь и н и ш н а, рожд. Милославская (1625—1669), первая жена царя Алексея Михайловича — 104, 136 («мать Софьи»), 357.

М а р и я Т е м р ю к о в н а, княжна кабардинская, царица, вторая жена Ивана Грозного — 356.

М а р и я Ф е д о р о в н а, царица, дочь окольного Федора На-

гого, пятая жена Ивана Грозного — 356.

Мария Ярославна (ум. 1484), дочь кн. боровского Ярослава Владимировича, жена вел. кн. московского Василия Темного — 355.

Марк, философ, проповедник христианства в Болгарии — 270.

Маркиан (Marcianus) Флавий (правл. 450—457 гг.), восточно-римский император — 263.

Марков Алексей, мореходец начала XVIII в. — 453, 454.

Марфа Алексеевна (1652—1707), царевна, дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Марфа Васильевна, царица, дочь новгородца Собакина, третья жена Ивана Грозного — 356.

Марфа Васильевна, дочь Василия II Темного, жена князя Ивана Васильевича Бельского — 355.

Марфа Матвеевна (1664—1715), жена царя Федора Алексеевича («младшая вдовствующая государыня») — 100, 105, 106, 111—113, 132, 137, 139, 143—145, 357, 571.

Марфа Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича — 356.

Маскоу Иоганн-Яков (1689—1761), немецкий историк — 69.

Матвеев Андрей Аргамонович (1666—1728), граф, сподвижник Петра I — 568, 569, 571, 572.

Матвеев, Артамон Сергеевич (1625—1682), боярин, видный деятель царствования Алексея Михайловича — 103, 105—109, 136—138, 140, 142, 570.

Матвей Меховский (1456—1523), польский историк — 211, 585.

Мельгер (Melguer) Давид, португальский капитан, мореплаватель второй половины XVII в. («Мельгиер») — 457, 606, 609.

Метиган, кн. печенежский — 267.

Мехтильда, жена вендского короля Прибыслава — 349.

Мечислав — см. Мешко.

Мешко (Мечислав) I (правл. 960—992), король польский — 254, 587.

Мешко (Мечислав) II (980—1034), король польский — 349.

Мешко (Мечислав) III Старый (1131—1201), король польский — 347.

Миддлтон (Middlton) Кристофер (ум. 1770), английский мореплаватель — 435.

Миллер Герард-Фридрих (1705—1783), историограф, академик — 9—12, 17, 19—23, 25—33, 35—46, 48—53, 55, 56, 60, 61, 66—68, 70—72, 74, 75, 77—81, 83, 559, 541—556, 558—562, 568, 578, 581, 583, 586, 592, 593, 601—604, 606, 608, 609.

Милославский Александр Иванович, стольник, сторонник царевны Софьи — 104, 107, 137, 139.

Милославский Иван Михайлович (1635—1685), боярин, сторонник царевны Софьи — 104, 107, 119, 136, 137, 139, 150.

Минин Кузьма Захарьев (Сухорук) (ум. 1616), организатор народного ополчения против поль-

ских интервентов в 1611—1612 гг. — 333, 371.

Минин Федор, штурман, участник Второй Камчатской экспедиции — 450, 603, 608.

Митридат VI Великий Эвпатор (Дионис) (132—63 г. до н. э.), царь понтийский — 28, 212, 295, 554.

Михаил III (838—867), византийский император — 62, 219.

Михаил, митрополит киевский с 994 по 998 г. — 267—270, 363, 367.

Михаил Александрович (1333—1399), кн. тверской-микулинский — 315, 316, 353, 354.

Михаил Васильевич, кн. тверской, зять вел. кн. владимирского и московского Семена Ивановича — 354.

Михаил Всеволодович, кн. черниговский, зять вел. кн. владимирского Константина Владимировича — 351.

Михаил Федорович (1596—1645), царь — 11, 83, 93, 333, 356, 544, 564, 569, 594, 595.

Михаил Юрьевич, сын вел. кн. киевского Юрия Долгорукого — 351.

Михаил Ярославич (1271—1319), вел. кн. тверской и московский — 309, 311, 312, 352.

Михаил Ярославич Хоробрит, сын Ярослава Всеволодовича, вел. кн. владимирского — 352.

Михайлов Родион, кочевщик (XVIII в.) — 452, 454.

Михеев Иван, штурманский ученик в 1765 г. — 612.

Мнишек Марина Юрьевна (ум. 1614), жена Лжедмитрия I — 331.

Могут, разбойник — 368.

Модерах Карл-Фридрих (1720—1772), историк, адъютант АН — 553, 560.

Модзалевский Лев Борисович (1902—1948), литературовед — 562, 589, 590, 601.

Моисей, библ. — 259.

Мокошь, слав. мифол. — 251.

Мор Вильгельм — см. Мур Вильям.

Мориц Оранский (1567—1625), принц, наместник Голландии — 444.

Мосох, внук Ноя, библ. — 20, 180, 552, 580.

Мстислав Владимирович (1075—1132), вел. кн. киевский — 303, 350, 357.

Мстислав Владимирович Храбрый (ум. ок. 1036), кн. тмутараканский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 258, 273, 281—283, 300, 346, 368, 595.

Мстислав Изяславич (ум. 1170), сын вел. кн. киевского Изяслава Ярославича — 349.

Мстислав Мстиславич Удалой (ум. 1228), кн. новгородский и галицкий — 352.

Мстислав Святополкович, сын вел. кн. киевского Святополка (Михаила) Изяславича — 350.

Мстислав Юрьевич, сын вел. кн. киевского Юрия Владимировича Долгорукого — 351, 352.

Мстислава Владимировича дочь, жена Ярослава Святославича

полковника, кн. владимирского — 350.

Мстислава Владимировича жена, дочь новгородского посадника Дмитрия Завидовича — 350.

Мстиславский Федор Михайлович (ум. 1550), боярин, воевода — 355.

Мунк Иоганн, датский промышленник, полярный исследователь (нач. XVII в.) — 438.

Мур (Moog), Вильям («Мор Вильгельм»), английский полярный исследователь середины XVIII в. — 436, 437.

Муравьев С. В., лейтенант, участник Второй Камчатской экспедиции — 608.

Муратори (Muratori) Луи-Антон (1672—1750), библиотекарь Миланской библиотеки, историограф — 68, 202, 557, 558, 573, 584, 586.

Муханов Павел Александрович (1798—1871), историк, археолог («Мухановский сборник») — 600.

Мухин, Алексей, штурман, участник северной морской экспедиции Чичагова 1765—1766 гг. — 611, 612.

Мясников Павел, архангелогородский мореходец середины XVIII в. — 616.

Назарий, военачальник византийского императора Юстиниана — 193.

Назианзин Григорий, церковный писатель IV в. — 386, 598.

Нарышкин Афанасий (Атанас) Кириллович (ок. 1662—1682),

стольник — 105, 106, 108, 122, 137, 138 («сыновья»), 141, 154 («братья»).

Нарышкин Василий Филиппович — 111, 143 («двоюродный брат Нарышкиных»).

Нарышкин Иван Кириллович (1658—1682), боярин — 103, 105, 106, 109, 112—115, 122, 136 («брат Наталья Кирилловны»), 137—139, 141, 144, 145, 147, 154 («братья»).

Нарышкин Кирилл Полуектович (1623—1691), боярин, отец царицы Натальи Кирилловны — 95, 103, 112, 113, 122, 136, 144, 145 («старый Нарышкин»), 154 («отец»).

Нарышкины, младшие сыновья Кирилла Полуектовича Нарышкина — Лев (1664—1705), боярин, Мартемьян (1665—1697), боярин, и Федор (1666—1691), кравчий («три младших сына») — 113, 145.

Нарышкины, родня царицы Натальи Кирилловны — 99, 105, 107, 108, 111, 132, 137, 139, 140, 143.

Наталья Алексеевна (1673—1716), царевна, сестра Петра I — 94, 119, 151, 357, 567.

Наталья Алексеевна, дочь царевича Алексея, сына Петра I — 358.

Наталья Кирилловна (1651—1694), рожд. Нарышкина, мать Петра I — 105, 107, 108, 113, 115, 119, 122, 126, 127, 138 («царица-мать»), 140, 145 («старшая вдовствующая царица»), 146, 151, 154, 157 («мать»), 158 («царица-мать»), 357, 571.

Натальи, младенцы, дочери Петра I — 358.

Немтинов Михаил, капитан-лейтенант в 1765 г. — 617.

Неофит, епископ черниговский (конец X в.) — 270.

Неофит, митрополит ефесский (начало XII в.) — 369.

Нестор (1056—1114), монах Киево-Печерского монастыря, летописец — 22—24, 28, 31, 33—35, 39, 40, 44, 61—65, 69, 71, 72, 78, 80, 173, 175, 177, 181, 182, 184, 188, 190, 197, 202, 204, 206, 213—217, 219, 222, 223, 225, 230, 232, 236, 237, 241, 245, 246, 249, 251, 253, 254, 256—258, 263, 269—270, 275, 279, 284—285, 296, 361, 552, 556, 559, 573, 577, 581.

Нечаев Иван, стрелецкий полковник — 128, 159.

Никита Пустосвят (казнен 1682 г.), расколоучитель — 117, 118, 148, 150.

Никита Романович Юрьевич Захарьин, боярин, брат первой жены Ивана Грозного — 357.

Никодим Селлий (в мире — Адам-Бурхард Селлий) (1713—1764), инспектор Александро-Невского духовного училища, духовный писатель — 545.

Никола Хризовул (Хризоверт?), византийский патриарх конца X в. — 363.

Никон (1605—1681), патриарх — 12, 336, 545, 556, 559, 578, 587.

Ной, библ. — 180, 580.

Нума Помпилий (715—

672 г. до н. э.), римский царь — 258.

Обрект Кл., филолог XVII в. — 556.

Овцын Дмитрий Леонтьевич, капитан 2-го ранга, участник экспедиции Беринга — 603, 608.

Ода Леопольдовна, графиня штадесская, жена вел. кн. киевского Святослава Ярославича — 349.

Одоакр (ум. 493) готский король («Одоацер»), 204, 213.

Одоевская Евдокия Романовна (ум. 1569), княжна, жена князя Владимира Андреевича Старицкого — 356.

Озеров, стрелецкий полковник — 104, 137.

Озеров Федор, лейтенант, участник северной морской экспедиции Чичагова 1765—1766 гг. — 611.

Оконнишников Иван, штурман в 1765 г. — 611, 612.

Олаф Святой (правл. 1016—1029), король норвежский — 196, 285, 348.

Олаф Тригвессон (ум. 1000), король норвежский — 197 («Тригвон»), 255 (то же), 285, 348 («Олав Первый»).

Олаф, сын короля норвежского Олафа Тригвессона («Тригвонсын») — 197, 255, 256.

Олег (ум. 912), первый князь киевский — 63, 167, 206, 215, 220, 221—225, 227, 229, 297, 346, 372, 574, 595.

Олег Святославич, кн. древлянский, сын вел. князя Святослава Игоревича — 238, 239 («дети твои»), 240, 247, 248, 273, 284, 299, 346.

Олег Святославич (ум. 1115), кн. черниговский, сын Святослава Ярославича — 349.

Олег Святославич, кн., сын вел. кн. киевского Святослава Ярославича — 303.

Ольга (ум. 969), кн., жена Игоря Рюриковича — 23, 30, 93, 168, 230—236, 238—240, 259, 264, 271, 298, 346, 367, 553, 566, 586, 594.

Ольга, дочь (по Ломоносову — жена) вел. кн. киевского Юрия Долгорукого — 351.

Ольга, жена вел. кн. киевского Владимира Святославича — 256.

Ольгерд (1341—1377), вел. кн. литовский, сын Гедимины — 314, 315, 353.

Оранский — см. Мориц Оранский.

Осень, половецкий хан — 351.

Оскольд — см. Аскольд.

Остон, отец Ингваря, короля шведского (ок. V в. н. э.) — 197.

Оттон Сальвий, Марк (32—69 н. э.), римский император — 212 («Оттон Сильвий»).

Отрепьев Григорий — см. Лжедмитрий I.

Оттон I Великий (912—973), германский император — 28.

Оттон I (правл. 1170—1184), маркграф бранденбургский — 350.

Павел, ап. — 182.

Павел Дьякон (Diaconus) (р. ок. 740, ум. ок. 800), историк лонгобардов — 573, 584.

Павел, младший сын Петра I (ум. млад.) — 358.

Павел Петрович (ум. млад. 1717), сын Петра I — 358.

Павел I (1754—1801), император — 291, 358, 419—420, 589, 591, 602, 606.

Павлов Михаил Васильевич, лейтенант, участник Второй Камчатской экспедиции — 608.

Павлуцкий Дмитрий Иванович, капитан, участник Второй Камчатской экспедиции — 450, 608.

Панов Никифор, капитан 2-го ранга, участник северной морской экспедиции Чичагова, 1765—1766 гг. — 611.

Панфир, византийский домостик X в. («Памфир Демественник») — 226.

Парамонов, новгородец XI в. — 278 («Парамонов двор»).

Пекарский Петр Петрович (1827—1872), историк, академик — 543, 545, 546, 561—562, 575—577, 589, 596, 597, 605, 619.

Пелагея Михайловна, дочь царя Михаила Федоровича — 356.

Пенелосс, вице-адмирал, участник экспедиции испанского адмирала де-Фонте в 1640 г. — 439.

Перевалов Викторин Александрович, географ — 606, 611—613, 619, 625.

Пересвет Александр, инок, герой Куликовской битвы — 370.

Перингскиольд (Peringskiöld) Иоганн (1654—1720), шведский историк — 203, 558, 584.

Пермяков Яков, усть-янский казак, мореходец начала XVIII в. — 452, 454.

Перри Джон, капитан, автор сочинения о России (1716 г.) — 564.

Перун («Перкун»), слав. мифол. — 34, 206, 207, 222, 227, 229, 251, 252, 268—269.

Петр, болгарский царь (X в.) — 237, 240.

Петр Куртнеэ (Courteneu), коронован на византийский престол в 1217 г. («Куртенеийский») — 348.

Петр, митрополит всея Руси при Иване Калите — 313.

Петр I (1672—1725), император («sa majesté», «tsar», «царь», «государь», «государя»), 14, 16, 31, 56, 59, 80, 87, 89, 91, 93, 94—96, 99, 101—105, 107—109, 112, 115—118, 120—130, 132, 134—141, 144, 146—147, 148 («оба царевича»), 149—151, 153, 154—160, 291, 292 («прадеды»), 337—341, 345, 357—359, 361, 371, 422, 513, 539, 541, 543, 556, 563, 565, 567—572, 575, 581, 588, 590—592, 595, 603, 605, 616.

Петр II Алексеевич (1715—1730), император — 358, 569.

Петр Дмитриевич, кн., сын Дмитрия Донского — 354.

Петр Михайлович, новгородский посадник — 351.

Петр Петрович (1715—1719), царевич, сын Петра I — 358.

Петр Петрович, сын Петра I (ум. млад.) — 358.

Петр III Федорович (1728—1762), император — 353, 358, 545, 591.

Петра Михайловича дочь, жена кн. Мстислава Юрьевича, сына вел. кн. Юрия Долгорукого — 351.

Петрей де-Эрлезунд. Петр, шведский посланник, автор книги о России (1620 г.) — 579.

Петров Игнат, мастер, изготовлявший инструменты для Ломоносова — 622.

Пилимен, король славянских племен — 179, 294.

Писторий Иоганн (1544—1607), немецкий историк — 580.

Планкций (Планций) Петр (1552—1622), голландский географ — 444.

Плениснер Федор Христович (ум. 1778), полковник, участник Второй Камчатской экспедиции, картограф — 625.

Плещеев Михаил, дворянин (конец XVII в.) — 120, 152.

Плиний Гай Старший (С. Plinius Secundus) (23—79 гг. н. э.), римский писатель-натуралист — 26, 46, 173, 176—177, 179—180, 182, 209, 493, 554, 580, 581, 585, 593, 614.

Погвизд (Похвист), слав. мифол. — 251.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк — 598.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—ок. 1641), начальник народного ополчения против польских интервентов в 1612 г. — 333, 336, 372—373.

Позвизд, кн., сын Владимира Святославича, вел. кн. киевского — 258, 274, 347.

Помпей Великий Гней (106—48 гг. до н. э.), римский полководец и политический деятель — 211.

Пономарев Савин, казак, участник открытия Алеутских островов — 617, 618.

Попов Никита Иванович (1720—1782), астроном, академик — 55, 62, 69, 79, 547, 548, 559, 611, 612, 621.

Попов Федот Алексеев (Алексеев Федот), холмогорский промышленник, мореходец середины XVII в. — 448—450.

Порций Катон (Утический) Марк (95—46 гг. до н. э.), римский государственный деятель — 179.

Посошков Иван Тихонович (ок. 1670—1726), представитель передовой экономической мысли петровской эпохи — 598.

Посселят Мориц Федорович (1805—1875), историк — 567.

Поярко Петр, капитан-лейтенант, участник северной морской экспедиции Чичагова 1765—1766 гг. — 611.

Пранчищев — см. Прончищев.

Прасковья Ивановна, царевна, дочь царя Ивана Алексеевича — 358.

Прасковья Михайловна, жена сына Ивана Грозного, царевича Ивана — 356.

Прасковья Федоровна, княжна смоленская, жена вел. кн. московского Семена Ивановича — 354.

Прасковья Федоровна, рожд. Салтыкова (1664—1723), жена царя Ивана Алексеевича — 357.

Предслава, дочь вел. кн. киевского Владимира Святославича и Рогнеды — 257, 278, 347, 591.

Премысл (правл. 1292—

1305), король польский («Примислав») — 347.

Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929), историк — 587.

Претич, воевода вел. князя Святослава Игоревича («Притич») — 238.

Преторий (Praetorius) Матвей (1635—1707), польский историк — 206, 208—210, 213, 216, 573, 584—586.

Прибыслав, король вендских славян — 349.

Прикет (Принет), Аввакум, участник экспедиции Гудсона — 432.

Прозоровский, кн. Петр Иванович (ум. до 1718), боярин — 95.

Прокопий Кесарийский (Prokopios) (р. в конце V в. — ум. в 60-х годах VI в.), византийский историк — 38, 46, 176, 181, 183, 191, 194, 202, 213, 557, 573, 579, 582—584.

Проно (Прове, Пров, Прон), слав. мифол. — 185, 187.

Прончищев Василий М. (ум. 1736), капитан-лейтенант, участник Второй Камчатской экспедиции — 481, 603, 608.

Прототий, царь скифский (VII в. до н. э.) — 200.

Псамметих, царь египетский (конец VI в. до н. э.) — 200.

Птоломей Клавдий, греческий ученый первой половины II в. — 173, 176, 177, 179, 182, 188, 190, 209, 214, 362, 573, 579, 581, 582.

Пушкин Василий, дворянин (конец XVII в.) — 120, 152.

- Радегаст, слав. мифол.—185, 187.
- Радегаст, военачальник — 204, 213.
- Разин Степан Тимофеевич (казнен 1671) — 336.
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф, президент АН, гетман Украины («президент») — 7, 541, 542, 547, 550, 562, 575.
- Ранквилло, участник экспедиции испанского адмирала де-Фонте в 1640 г. — 439.
- Расстрига — см. Лжедмитрий I.
- Реас, эстляндский житель времен Владимира Святославича — 255.
- Редья, сожский князь, богатырь — 281, 368.
- Ригвальд (в крещении Василий) Борисович, князь Полоцкий (середина XII в.) — 351.
- Рип Ян Корнелиссон (Рип Корнилей, Корнелис), участник экспедиции Баренца конца XVI в. — 445, 447, 469.
- Рикса, королева чешская, жена короля Вацлава IV («Венцеслава») — 347.
- Рикса, королева шведская, жена короля Эрика X — 350.
- Ричард II (правл. 1377—1400), король английский («Ричард») — 348.
- Роберт, сын французского короля Генриха I и Анны Ярославны — 285, 348.
- Ровинский Дмитрий Александрович (1824—1895), юрист, искусствовед — 591, 595.
- Рогачев Федор, архангелогородский мореходец середины XVIII в. — 616.
- Рогволод, князь полоцкий, отец Рогнеды — 54, 249, 273 («дедовское княжение»), 346.
- Рогнеда (Горислава) Рогволодовна, дочь полоцкого князя Рогволода, жена вел. кн. киевского Владимира Святославича — 249, 256—258, 273 («мать»), 346—347, 368, 587, 595.
- Розенбуш фон Бутенант, датский резидент в Москве в 1682 г. — 569—571.
- Роман I Лакапин (правл. 919—944), византийский император — 227.
- Роман II, сын Константина Багрянородного, византийский император (правл. 959—963) — 49, 558.
- Роман, сын болгарского царя Петра (X в.) — 240.
- Роман Васильевич, кн. ярославский, участник Куликовской битвы — 10, 11, 544.
- Роман Владимирович, кн. угличский, сын вел. кн. Владимира Мономаха — 350.
- Роман Мстиславич, кн. галицкий и с 1168 г. новгородский — 350, 544.
- Роман Ростиславич (ум. 1180), кн. смоленский — 544.
- Роман Святославич, князь, сын вел. кн. киевского Святослава Ярославича — 349.
- Романов Федор Никитич — см. Филарет.
- Романовы, боярский род — 329, 542.
- Романовы, династия — 10, 11, 371, 541—543, 588, 594.

- Ромодановский Григорий Григорьевич (уб. 1682), кн. — 109, 141.
- Ромодановский, кн., сын Г. Г. Ромодановского — 109, 141.
- Ромодановский Михаил, кн. — 125, 156.
- Ромодановский Федор Юрьевич (ум. 1717), кн., ближний стольник, управл. Преображенским приказом — 95, 129, 160, 567.
- Ростислав Всеволодович (ум. 1093), кн. переяславский, брат Владимира Мономаха — 349.
- Ростислав Мстиславич (ум. 1168), кн. смоленский, внук Владимира Мономаха — 304, 305, 350.
- Ростислав Рюрикович (1173—1218), кн. белгородский — 351.
- Ростислав Юрьевич, кн. новгородский, сын вел. кн. киевского Юрия Долгорукого — 351.
- Ростислав Ярославич (правл. 1193—1198), кн. черниговский — 351.
- Ростислав, дунайский князь — 271.
- Рудольф, граф креспийский и валойский — 349.
- Румовский Степан Яковлевич (1734—1812), астроном, академик — 611, 612, 619.
- Рус, легендарное имя из апокрифического сказания о начале Новгорода — 38, 189, 296.
- Рюрик, легендарный родоначальник династии («Рурик») — 10, 11, 22, 27, 28, 30—37, 39, 41, 55, 63, 64, 74, 76, 77, 87, 167, 173, 177, 184, 197, 206—208, 214—220, 293, 295—297, 346, 353, 544, 551, 553, 563, 574, 577, 588, 589, 591.
- Рюриковичи, династия — 541, 588, 591.
- Рябинин Михаил Ильич (ум. 1790), капитан 2-го ранга, намечавшийся (до назначения Чичагова) начальником северной морской экспедиции 1765 г. — 611.
- Саксон Грамматик (ок. 1140—1206), датский летописец — 20, 73, 175, 195, 208, 215, 551, 552, 548, 559, 579, 585.
- Салмазий (Salmasius Claudius) (1588—1653), историк — 556.
- Салтыков Михаил Глебович (ум. 1618), боярин, перебежчик к Лжедмитрию II Тушинскому — 373.
- Салтыков Петр Михайлович, боярин — 109, 141 («отец»).
- Салтыков Федор Петрович, сын Петра Михайловича Салтыкова (уб. 1682) — 109, 141.
- Самойлович Иван (ум. 1690), малороссийский гетман — 121, 125, 152 («гетман»), 156.
- Сар, роксоланин — 212.
- Сафакирей, крымский царевич, позднее казанский хан — 321—323, 370.
- Сафакирея сын — 324, 370.
- Сахаров Иван Петрович (1807—1863), этнограф и археолог — 570—572.
- Сведгер, шведский король — 196.
- Свенельд, воевода Рюрика, а позднее Святослава и Ярополка — 230, 233, 246—248.

- Сви́гелл, военачальник вел. кн. киевского Святослава Игоревича — 242—244.
- Сви́рская Вера Романовна, историк — 540, 613, 621.
- Святава, королева, жена богемского короля Вратислава II — 347.
- Святовит, слав. мифол. — 185—187.
- Святополк, дунайский князь — 271.
- Святополк I Владимирович (ок. 980—1019), старший сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 51, 65, 168, 258, 273, 275—281, 283, 299, 300, 346, 347.
- Святополк II (Михаил) Изяславич (1050—1113), вел. кн. киевский — 302, 349, 350.
- Святополк Мстиславич, внук Владимира Мономаха — 350.
- Святополка Владимировича жена, дочь Болеслава I Храброго, короля польского — 347.
- Святослав Владимирович, кн., сын Владимира Мономаха — 350.
- Святослав Владимирович, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 258, 273, 277, 278, 282, 300, 346.
- Святослав Всеволодович, кн. киевский, сын вел. кн. Всеволода Ольговича — 351.
- Святослав Всеволодович, сын вел. кн. киевского Всеволода III Большое Гнездо — 351.
- Святослав Игоревич (942—972), вел. кн. киевский — 168, 230, 233, 235—246, 247 («отец»), 274 (то же), 298, 346, 372, 587, 595.
- Святослава Игоревича жена, полоненная гречанка-монахиня — 346.
- Святослав Изяславич, кн., сын вел. кн. киевского Изяслава Мстиславича — 351.
- Святослав Юрьевич, кн., сын вел. кн. киевского Юрия Долгорукого — 351.
- Святослав Ярославич (1027—1076), вел. кн. киевский — 286, 301, 304, 348, 349, 372.
- Святослав Ярославич, кн., брат Александра Невского — 309.
- Семен Алексеевич, царевич (1665—1669), сын царя Алексея Михайловича — 94, 357.
- Семен Дмитриевич, кн., сын кн. суздальского и вел. кн. владимирского Дмитрия Константиновича — 354.
- Семен Иванович (1487—1518), кн. калужский, сын Ивана III — 355.
- Семен Иванович Гордый (1317—1353), вел. кн. московский — 314, 353, 354.
- Семена Ивановича Гордого дочь, жена кн. Михаила Васильевича Тверского — 354.
- Семен Семенович, кн., сын вел. кн. московского Семена Ивановича Гордого — 354.
- Семергл («Семаргл»), слав. мифол. — 251.
- Серков Василий, архангелогородский мореходец середины XVIII в. — 616.
- Сива (Сива), слав. мифол. — 185, 187.

- Сигизмунд I Старый (1467—1548), король польский и вел. кн. литовский — 353.
- Сигизмунд II Август (1520—1572), король польский и вел. кн. литовский — 353.
- Сигизмунд III (1566—1632), король польский и с 1592 по 1604 г. король шведский — 353.
- Сигизмунд (1368—1437), император германский — 347.
- Сигурд, приближенный кн. Владимира Святославича — 255, 256.
- Сим, сын Ноя, библ. — 70.
- Симеон (885—927), царь болгарский — 225 («король болгарский»), 226.
- Синеус (ум. 864), легендарный князь, брат Рюрика — 22, 30, 197, 214, 215, 217, 218, 297.
- Скворцов Василий Ермолаевич, генерал — 599.
- Скиалва, финская княжна — 196.
- Скрогс Джордж, английский промышленник, член «Компании Гудсонова залива» («поездка Скрагсва») — 435.
- Скуратов А., лейтенант, участник второй камчатской экспедиции — 450, 608.
- Скуратов - Бельский - Малюта Григорий Лукьянович (ум. 1572), опричник, приближенный царя Ивана Грозного — 356.
- Славен, легендарное имя из апокрифического сказания о начале Новгорода — 38, 189, 296.
- Смера Иван, половчанин — 264 («Иван Смирам») — 587.
- Смит Френсис, английский полярный исследователь середины XVIII в. («Франц Шмид») — 436.
- Снигирев Илья, тобольский купец, один из «компанейщиков», сообщивших в 1762 г. об островах Умнак и Уналашка — 507, 617, 618.
- Сний, король финский — 196.
- Снятин, новгородский посадник — 28.
- Соймонов Федор Иванович (1692—1780), гидрограф, государственный деятель — 604—606, 609, 610.
- Соколов Александр Петрович (1816—1858), историограф русского флота — 602, 622.
- Соколов Афанасий, штурманский ученик в 1765 г. — 612.
- Солин (Solinus) Гай Юлий, древне-римский писатель середины III в. н. э. — 179, 580.
- Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, академик — 578.
- Соломон, израильский царь — 292.
- Соломон, сын венгерского короля Андрея I и Анастасии Ярославны — 349.
- Соломония, дочь Гремиславы Ярославны и польского короля Лешко Белого, жена венгерского короля Коломана — 352.
- Соломония, рожд. Сабурова, первая жена вел. кн. московского Василия III Ивановича — 355.
- Сониль (Сонильда), рожок ланка — 212.
- София, дочь герцога поморанского Богуслава Великого, жена Фридриха I, короля датского — 353.

- София Алексеевна** (1657—1704), дочь царя Алексея Михайловича, царевна-правительница — 94, 103, 105—108, 112, 113, 116, 117, 119, 123,—130, 136, 137, 139, 140, 144, 145, 147—150, 154—161, 338, 339, 345 («сестра»), 357, 539, 567—572.
- София Витовтовна** (ок. 1371—1453), княжна литовская, жена Василия Дмитриевича, вел. кн. московского — 354.
- София Дмитриевна**, дочь Дмитрия Донского, жена Федора Ольговича, кн. рязанского — 354.
- София Ивановна**, дочь Ивана III, жена Василия Даниловича Холмского — 355.
- София Михайловна**, дочь царя Михаила Федоровича — 356.
- София Мстиславна**, дочь вел. кн. киевского Мстислава Владимировича, жена датского короля Вальдемара I — 350.
- София Фоминшна**, рожд. Палеолог, племянница византийского императора Константина, жена вел. кн. московского Ивана III — 320 («царевна греческая»), 354, 355.
- Спартиан** (Spartianus) Элий, византийский историк средних веков — 28, 29, 212, 555, 556, 585.
- Стадухин** (Стодухин) Василий, казак, обследовавший в 1711 г. землю к северу от Колымы — 453, 454.
- Станислав**, кн. смоленский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 258, 273, 347.
- Станислав Лещинский**, король польский — 361, 565, 593.
- Стафенгаген Иван Иванович** (1728—1784), архивариус конференции АН — 601.
- Стефан**, брат византийских императоров Романа и Константина (X в.) — 227.
- Стефан** (975—1038), король венгерский — 275.
- Стефан Баторий** — см. Баторий.
- Стефан Храбрый**, кн. молдавский — 355.
- Стефана Храброго** дочь, жена князя Ивана Ивановича, сына вел. кн. московского Ивана III — 355.
- Страбон**, греческий географ I в. н. э. — 27, 29, 48, 173, 180, 181, 209, 212, 214, 548, 554, 573, 587, 585.
- Страленберг Филипп-Иоганн** (1676—1747), участник похода Карла XII, автор записок о России — 564, 593, 594.
- Стрешнев Тихон Никитич** (1644—1719), боярин — 95, 129, 160.
- Стрешневы**, боярский род — 595.
- Стрибог**, слав. мифол. — 251.
- Стрийковский Матвей**, польский историк XVI в. — 23, 40, 78, 258, 544, 553.
- Стурлезон** (Sturluson) Снорре (1179—1241), исландский скальд — 91, 195—197, 203, 255, 442, 551, 558, 565, 578, 583, 587.
- Судислав**, кн., сын вел. кн. киевского Владимира Святославича — 258, 273.
- Сумбек**, царица казанская, жена царя Сафакирея — 324, 370.

- Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901), историк русской литературы, академик — 579, 596.
- Сухотин Иван (конец XVII в.), дворянин — 120, 152.
- Схоластик, военачальник императора Юстиниана — 193.
- Таргитай, легендарное (из Геродота) имя скифского царя — 199, 200.
- Татищев Василий Никитич (1686—1750), историк и государственный деятель — 13, 544—546, 549, 552, 555—557, 579, 581, 588.
- Татьяна Михайловна (1636—1706), дочь царя Михаила Федоровича — 94, 356, 567.
- Тауберт Иван Иванович (1717—1771), историк, адъюнкт АН — 568, 592, 600.
- Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120 г. н. э.), римский историк — 28, 29, 176, 212, 555, 580, 585.
- Теплов Григорий Николаевич (1711—1779), адъюнкт и советник канцелярии АН — 547—550, 561.
- Тихомиров Михаил Николаевич, историк — 557.
- Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк русской литературы, академик — 597, 600.
- Толстой Иван Андреевич (ум. 1713), стольник — 104, 137 («два брата Толстых»).
- Толстой Петр Андреевич (1645—1729), стольник, дипломат, позднее начальник тайной канцелярии — 104, 107, 137 («два брата Толстых»), 139, 571.
- Томас (вторая половина XVIII в.), мастер астрономических инструментов АН — 621.
- Тора, жена норвежского короля Гаральда Строгого — 349.
- Торет, посланный норвежского короля Олафа Святого — 196.
- Торольф, слуга Олафа — 255.
- Тотила (Бадуила) (ум. 552), остготский король — 193.
- Тохтамыш (уб. 1407), хан Золотой Орды — 316.
- Третьяковский Василий Кириллович (1703—1769), писатель, академик — 7, 541—543, 547, 550, 560.
- Трессан Луи-Элизабет (1705—1783), граф, французский писатель — 593.
- Тригвон — см. Олаф Тригвессон.
- Троекуров Иван Борисович, кн., боярин, начальник Стрелецкого приказа в 1689 г. — 128, 159.
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625), кн., боярин, временный правитель государства до избрания на царство Михаила Федоровича — 333.
- Трувор, легендарный князь, брат Рюрика — 22, 30, 197, 214, 215, 217, 218, 297.
- Трускотт Иван Фомич (1719—1786), адъюнкт АН — 603.
- Ту де (de Thou) Жак (1553—1617), французский историк и государственный деятель — 67.
- Тугоркан, половецкий хан — 350.
- Туллий Цицерон Марк (106—43 гг. до н. э.), римский

оратор, философ и государственный деятель — 68, 559.

Туманский Федор Осипович (ум. 1805), писатель и переводчик, член-корр. АН — 569, 570.

Тяпкин Иван (конец XVII в.), дворянин — 120, 152.

Ульяна, дочь вел. кн. Александра Михайловича Тверского, жена вел. кн. литовского Ольгерда — 353.

Ульяна Дмитриевна, княжна палецкая, жена кн. Юрия Васильевича — 355.

Уолстенхолм (Wolstenholme) Джон (начало XVII в.), директор Ост-Индской компании («Волстенхолм») — 433.

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, академик — 570, 571.

Ушаков Ефим, подштурман в 1765 г. — 612.

Федор, самозванец начала XVII в. — 93.

Федор Александрович, кн. тверской, сын вел. кн. тверского и владимирского Александра Михайловича — 353.

Федор Алексеевич (правл. 1676—1682), царь — 87, 94, 96, 99, 101, 104, 110—112, 132, 134, 136, 137, 142—144, 337, 357, 544, 563, 569, 571.

Федор Борисович Годунов (1589—1605), сын Бориса Годунова — 330, 331, 356.

Федор Данилович, кн., сын вел. кн. московского Даниила Александровича — 352.

Федор Иванович (1557—1598), царь московский — 11, 327, 333, 356, 357, 371, 591.

Федор Никитич Романов — см. Филарет, патриарх московский.

Федор Ольгович, кн. рязанский, зять Дмитрия Донского — 354.

Федор Ростиславич Черный, кн. смоленский и ярославский, сын смоленского князя Ростислава Мстиславича — 369.

Федор Ярославич, кн. новгородский, брат Александра Невского — 352.

Федоров Борис Михайлович (1794—1875), писатель, чл. Российской академии — 597.

Феодор (ум. 1023), епископ ростовский — 270.

Феодор, св. — 204, 584.

Феодор Стратилат, византийский вельможа X в. — 226.

Феодора (Федора) Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Феодора Юрьевна, дочь Юрия Всеволодовича, вел. кн. владимирского — 352.

Феодосий I Великий (правл. 379—395), римский император — 263.

Феодосий II Младший (правл. 408—450), восточно-римский император — 263.

Феодосия Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича — 94, 357.

Феодосия Дмитриевна, княжна брянская, жена вел. князя

Ивана II Ивановича (Кроткого) — 354.

Феодосия Ивановна, мл. дочь царя Ивана Алексеевича — 358.

Феодосия Мстиславна, дочь кн. новгородского и галицкого Мстислава Мстиславича, жена Ярослава Всеволодовича, вел. кн. владимирского — 352.

Феодосия Федоровна (ум. в млад.), дочь царя Федора Ивановича — 356.

Феофан, византийский воевода (X в.) — 226.

Феофан Прокопович (1681—1736), архиепископ новгородский, проповедник, писатель — 57.

Феофан Исповедник, византийский писатель — 573.

Филарет (боярин Федор Никитич Романов-Юрьев) (1555—1633), патриарх московский и всея Руси — 93, 329, 332—334, 357, 371, 567, 594.

Филипп II (ок. 379—336 гг. до н. э.), царь македонский, отец Александра Великого — 21.

Филипп I (1052—1108), король французский, сын Генриха I и Анны Ярославны — 285, 348.

Филипп II Август (1165—1223), король французский, внук Анны Ярославны — 350.

Филипп IV (1621—1665), король испанский — 349.

Фишер Иоганн-Эбергард (1697—1771), историк, адъютант АН — 74, 547, 548, 557, 559, 560, 583.

Флокке (Floke, Flocco), норвежский мореплаватель IX в. — 485, 486.

Фока, византийский патриций X в. («Фока Патрикеев») — 226.

Фока Никифор (правл. 602—610), византийский император — 237, 240.

Фокс (Фохе) Лука, мореплаватель первой половины XVII в. («Фукс») — 434.

Фонте де Бартоломео, испанский адмирал, мореплаватель середины XVII в. («де Фонт») — 439, 452, 473, 511, 605, 607.

Фотий (ум. 1431), митрополит киевский и всея Руси — 12.

Фотий (р. ок. 820), папярх константинопольский — 28, 62, 219, 363, 594.

Фридрих I (1471—1533), король датский и норвежский — 347, 353.

Фридрих III (1609—1670), король датский и норвежский — 353.

Фридрих IV, герцог шлезвиг-голлштейн-готторпский — 353.

Фридрих - Вильгельм, герцог курляндский, муж Анны Ивановны — 358.

Фробисер (Frobischer) Мартын (1535—1594), английский мореплаватель — 427, 428.

Фростон, финский князь — 196.

Фротон, король датский — 208.

Фука де Жуан (Юан де Фуен, де Фука, Иоанн Дефука), грек на испанской службе, мореплаватель конца XVI в. — 438, 452, 511.

Фукидид (V в. до н. э.), греческий историк — 68.

Фукс Лука — см. Фокс

- Хам, сын Ноя, библ. — 70.
- Хемскерк (van Heemskerck) Якоб (1567—1607), голландский адмирал, мореплаватель (Гемскерк) — 444, 445.
- Хилков Андрей Яковлевич (ум. 1718, в плену у шведов) кн., дипломат — 581, 583.
- Хитров (Хитрово) Авраам Иванович (ум. 1698), думный дворянин, участник Азовского похода — 125, 156.
- Хлопов Кирилл Осипович, с 1667 г. думный дворянин, позднее боярин — 120, 152.
- Хованский Андрей Иванович (казнен 1682), старший сын Ивана Андреевича Хованского — 116, 119, 147, 148, 151, 152.
- Хованский Иван Андреевич (казнен 1682), кн., боярин, сторонник царевны Софьи — 116—121, 147—149, 150—153.
- Хованский Иван Иванович, младший сын казненного — 121, 152.
- Хорив, брат Кия, легендарного основателя Киева — 214, 219, 296, 362.
- Хорс, слав. мифол. — 251.
- Христиан IV (1577—1648), король датский — 437.
- Христиан-Альберт, голштинский князь — 12, 353.
- Христина (Августа) (1626—1689), дочь шведского короля Ингвара IV—350, 591.
- Хулериц (Хурелихц) Лаврентий — 12, 545.
- Цейгер Иоганн-Эрнст (1720—1784), физик, академик — 601.
- Целларий Христофор (1634—1707), филолог, историк — 26, 27, 29, 46—48, 554.
- Циклер Иван Елисеевич (казнен 1697), думный дворянин, участник стрелецкого заговора — 104, 137.
- Цимисхий — см. Иоанн Цимисхий.
- Цицерон — см. Туллий Цицерон.
- Цымулятин Василий, штурманский ученик в 1765 г. — 612.
- Чаплин Петр Иванович, мичман, участник первой Камчатской экспедиции Беринга — 618.
- Челубей, татарин, противник Пересвета на Куликовском поле — 370.
- Челюскин (Челюсткин) Семен Иванович, штурман, участник Второй Камчатской экспедиции — 450, 481, 603, 608.
- Ченакал Валентин Лукич, историк физики — 621, 625.
- Чернобог, слав. мифол. — 186.
- Чернышев Иван Григорьевич (1727—1797), граф, вице-президент Адмиралтейств-коллегии — 21, 529, 530, 606, 612, 620, 624.
- Чех, легендарный основатель чешского государства — 177.
- Чижев Николай Галактионович (1731—1767), мастер инструментальных мастерских АН — 625.
- Чириков Алексей Ильич (ум. 1749), капитан-командир, исследователь Сибири, спутник Беринга в камчатских экспедициях —

363, 452, 455, 456, 505, 512, 593, 594, 603, 619.

Чичагов Василий Яковлевич (1726—1809), руководитель северной морской экспедиции 1765—1766 г., адмирал — 540, 611, 613, 618, 622, 623, 625.

Чичерин Денис Иванович (1720—1785), сибирский губернатор — 617, 618.

Чол-хан, татарский царевич, посол татарского хана Узбека в 1327 г. («Шелкан») — 199, 313.

Чур, слав. мифол. — 253.

Шакловитый Федор Леонтьевич (казнен 1689), окольничий, сгоронник царевны Софьи — 123, 124, 126—128, 155, 157—159.

Шарлотта (XV в.), королева Кипра, дочь Иоанна II, жена португальского инфанта Иоанна — 349.

Шейн Алексей Семенович (1662—1700), полководец, участник Азовского похода — 95, 130, 161.

Шелехов Осип, штурман в 1765 г. — 611, 612.

Шереметев Борис Петрович (1652—1719), граф, фельдмаршал, сподвижник Петра — 95, 128, 159.

Шестаков Афанасий Федотович, казачий голова, начальник северной морской экспедиции 1729 г. — 453—455, 608, 609.

Шеттген (Schöttgen) Иоганн-Христиан (1687—1751), немецкий филолог и историк — 548, 556.

Шиг-Алей (Шигалей), царь казанский и касимовский, воевода Ивана Грозного — 321, 323—325.

Шигалея брат — 322.

Шишкин Петр, участник плавания Степана Глотова 1758—1762 гг. на острова Умнак и Уналашка и составитель карты островов — 618, 619.

Шлецер (Schlözer) Август-Людвиг (1735—1809), историк — 573, 577.

Шмид Франц — см. Смит Френсис.

Шмурло Евгений Францевич (р. 1853), историк — 568.

Шокальский Юлий Михайлович (1856—1940), географ — 602.

Шпанберг Мартын Петрович, капитан 1730-х годов — 608.

Штейнбок (Stenbock) Магнус (1664—1717), граф, шведский полководец — 343.

Штелин Петр Яковлевич, гравер, переводчик Ломоносова — 589.

Штелин, Яков Яковлевич (1709—1785), академик — 560, 575, 595.

Штенглин Иоганн (1710—1770), гравер АН — 590, 595.

Штрубе-де-Пирмонт Фридрих-Генрих (1704—1790), проф. права, академик — 7, 541—543, 547, 548, 560.

Шувалов Иван Иванович (1727—1797), государственный деятель середины XVIII века — 383, 563—569, 573, 574, 592, 596, 597, 600, 601.

Шувалов Петр Иванович (1711—1762), государственный деятель — 616.

Шумахер Иоганн-Даниил (1690—1761), советник канцелярии АН — 545, 549, 553.

Шуйский Василий — см. Василий IV Иванович Шуйский.

Шек, брат Кня, легендарного основателя Кнева — 214, 219, 296, 362.

Шелкан — см. Чол-хан.

Шербатов, Михаил Михайлович (1733—1790), кн., историк — 568.

Эггергард Уразинский (Ekkehardus Uraugiensis) (ум. 1125), хронист — 65.

Эдигей (ум. 1440), татарский хан («Едигей») — 317.

Эдуард I (правл. 1272—1307), король английский — 348.

Эдуард II (правл. 1307—1327), король английский — 348.

Эйвет Роберт, подштурман, участник экспедиции Гудсона 1610 г. («Ейвет») — 431.

Эйду (Eidus), Марк-Антоний, французский писатель XVIII в., переводчик Ломоносова — 578.

Эйлер Леонард (1707—1783), физик и математик, академик — 573.

Эллис Генрих, английский мореплаватель 40-х годов XVIII в. («Еллис») — 436, 437, 442.

Энгель (Engel) Самуил, швейцарский географ, автор книги о путях в Индию по северным морям (1777 г.) — 604.

Эпинус (Aepinus) Франц-Ульрих-Теодор (1724—1802), физик, академик — 601, 612.

Эрик X Кнутссон (ум. 1216), король шведский — 350.

Юлий Цезарь, Гай (100—44 гг. до н. э.), римский полководец и государственный деятель — 179, 211.

Юмала, финск. мифол. — 92, 196 («Юмала»).

Юрий (Георгий) Васильевич (1533—1563), кн. улицкий, сын вел. кн. московского Василия Ивановича — 355.

Юрий (Георгий) Васильевич (младший) (1441—1472), кн. дмитровский, сын вел. кн. московского Василия Темного — 355.

Юрий (Георгий) Васильевич (старший) (1437—1441), сын вел. кн. московского Василия Темного — 355.

Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий (1090—1157, вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха — 305, 306, 350, 351.

Юрий (Георгий) Всеволодович (ок. 1188—1238), вел. кн. владимирский, сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо — 307, 352.

Юрий (Георгий) Данилович (1281—1325), кн. московский и вел. кн. владимирский — 311, 312, 352, 353.

Юрий Дмитриевич Шемяка (1374—1434), кн. звенигородско-галицкий, сын Дмитрия Донского — 317, 354.

Юрий Иванович, кн. дмитровский, сын Ивана III — 355.

Юрий Патрикеевич, кн. литовский — 354.

Юрия Всеволодовича жена, дочь кн. киевского Всеволода — 352.

Юстиниан I Великий (правл. 527—565), восточно-римский император — 38, 39, 74, 75, 177, 178, 191, 193, 263, 264, 293.

Юшков Серафим Владимирович, историк права — 557.

Ягайло (Ягелло) (правл. 1377—1434), вел. кн. литовский и король польский — 353.

Языков Дмитрий Иванович (1773—1845), писатель и переводчик, академик — 597.

Языков Иван Максимович (уб. 1682) — боярин, оружничий — 104, 111, 132, 137, 143, 571.

Языков Павел Петрович, думный дворянин, служивший в Стрелецком приказе — 100, 133.

Яков, протопоп Андреевской церкви на Васильевском острове в Петербурге — 395, 598.

Яков V — см. Иаков.

Якун, начальник варяжской дружины — 282.

Ян I Альбрехт (правл. 1492—1501), король польский («Иван Первый») — 353.

Ян II Казимир (правл. 1648—1668), король польский — 349 («Иван Второй»), 353.

Янков, капитан флота (XVIII в.) — 395.

Ярополк Владимирович (1082—1139), вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха — 303, 304, 350.

Ярополк Изяславич (ум. 1086), кн. туровский, сын Изяслава Ярославича, вел. кн. киевского — 349.

Ярополк Святославич (945—980), вел. кн. киевский — 64, 168, 238—240, 246—250, 257, 258, 273, 284, 298, 299, 346.

Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), вел. кн. киевский — 35, 65, 165, 167, 168, 217, 221, 258, 269, 273, 274, 277—285, 300, 346, 348, 349, 370, 563, 572, 573, 576.

Ярослав Всеволодович (1190—1247), кн. новгородский, затем вел. кн. владимирский — 307, 308, 351.

Ярослав (Ярославец) Святополкович, кн. владимиро-волинский, сын Святополка Изяславича, вел. кн. киевского — 350.

Ярослав Святославич (ум. 1129), кн. муромский, сын Святослава Ярославича, вел. кн. киевского — 349.

Ярослав Юрьевич (ум. 1166), кн., сын вел. кн. киевского Юрия Долгорукого — 351.

Ярослав Ярославич (1230—1271), вел. кн. тверской, брат Александра Невского — 309, 352.

Ярослава Ярославича, великого кн. тверского, дочь, монахиня — 352.

Ярославец — см. Ярослав-Святополкович.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Авары, см. Обры.
Австрия — 75.
Агаряне, народ — 219.
Адрианополь («Андреанополис»), город — 193, 226, 241.
Адриатическое море — 177, 179 («Адриатический залив»), 188, 211, 294.
Азагорие, город — 214.
Азия — 175, 179—181, 187, 188, 198, 200, 201, 212, 294, 295, 448, 451, 472, 474, 498, 593, 603, 604, 607.
Азов, город 335, 340, 343, 567, 590.
Азовское (Меотийское) море 47, 294, 419, 567.
Аквапулк, порт в Мексике 439.
Аланы, племя 26, 43, 44, 46, 47, 198, 209—213, 295, 573.
Алахшак, см. Аляска.
Алба, см. Эльба.
Александрия (Египет) — 265, 587.
Александро-Невский монастырь — 545.
Алеутская гряда — 617, 618.
Алеутские острова — 512, 617 («Американские острова»), 619, 623.
Альпы — 179, 463.
Альта (Алта), река — 276, 280.
Аляска, п-ов — 509, 511, 512, 608, 609, 623, 625.
Амазонки, легендарный народ («Амазоны») — 181, 183, 198, 294.
Амаксовии, племя — 27, 210.
Америка — 422, 494, 604—608, 610.
Америка Северная — 420, 426—429, 431, 438—440, 451, 452, 455, 456, 466, 469, 470—475, 477, 479, 482, 483, 493, 496, 498, 501, 504, 505, 509, 511—513, 525, 527, 594, 603, 605, 606, 618, 619, 623.
Америка Южная — 439, 468, 470 («полуденная»), 472.
Американские острова, см. Алеутские острова.
Амстердам — 444, 554, 559, 580, 592.
Анадырск, город — 608.
Анадырский острог — 449.
Анадырское устье — 456.
Анадырь, река — 449, 450.
Англичане — 37, 204, 427, 429, 434, 435, 437, 440, 513.

¹ Страницы, относящиеся к Приложениям, даны курсивом.

- Англия («Великая Британия») — 26, 211, 425—431, 433—435, 437, 457, 470, 620, 621.
- Антиохия — 205.
- Анты, народ — 176, 177, 183, 188, 193.
- Аральское море — 470.
- Аренсбург, город — 342.
- Аринцы, племя — 60 («аринци»).
- Аркадские острова — 485.
- Армяне — 181.
- Архангелогорцы — 609, 616.
- Архангельск — 91, 92, 196, 421, 450, 459, 478, 484, 485, 495, 497, 504, 561, 566, 610—613, 616, 617.
- Архангельская губерния — 615.
- Архангельский собор в Москве — 157.
- Аскалон, город — 200.
- Астическая страна, см. Аттика.
- Астраханское царство — 325.
- Астрахань — 325, 329, 336, 337.
- Атлантический океан («Атлантическое море», «Западный океан») — 434, 439, 442, 451, 466, 468, 472, 482, 511.
- Атлантическое море, см. Атлантический океан.
- Атодона, город — 214.
- Аттика — 193 («Астическая страна»).
- Африка — 204, 423, 468, 470, 472.
- Базель — 552, 579, 580, 582, 593, 604.
- Байкал, озеро — 470.
- Балтийское (Варяжское) море — 11, 22, 27, 29, 31, 33, 34, 36, 55, 58, 65, 66, 174, 175, 184, 189, 203, 208, 211, 212, 255, 293—296, 419, 459, 470, 471, 553.
- Баффинов залив («Баффинский залив», «Баффинское море») — 442, 468, 470, 473, 475, 505, 511, 527, 528, 531.
- Баффинов перешеек — 482.
- Баффинцы — 496.
- Белая Вежа, город — 237.
- Белгород — 125, 156, 256 («Белгород»), 272 («Белегород»), 273.
- Белгородская губерния — 566.
- Белобережье, при устье Днепра — 229, 246.
- Белое море — 196, 340, 419, 441, 448, 459, 464, 467, 472, 475—478, 484, 614.
- Белозерцы — 29.
- Беломорский пролив — 441.
- Белоозеро («Белоозеро», «Бело Озеро»), область и город — 29, 197, 217—219, 356.
- Белоруссия («Белая Русь», «Белая Россия») — 36, 208, 295, 599.
- Белорусы — 36.
- Берестово («Берестов»), дворцовое село под Киевом — 256, 275, 281.
- Беринга остров — 456.
- Берингов пролив — 606.
- Берлин — 207, 208, 585, 603.
- Бернардово озеро — 440, 473.
- Биармия, см. Пермия.
- Богемия — 174, 210, 239, 293, 585.
- Божие Милосердие, мыс — 428.
- Болгария — 174, 237, 241, 293, 586.
- Болгарская земля — 70, 71, 227.
- Болгары — 38, 71, 72, 175, 177, 188, 194, 226, 227, 229, 237, 240, 241, 243, 254, 259, 264, 270, 271, 298, 579, 581.
- Болгары волжские — 253, 298, 306.
- Болгары дунайские — 298.
- Болгары камские — 254.

- Болгары низовские — 254, 259.
Болгары славенские — 29.
Болгары черные — 229, 586.
Большерецк, город — 617, 618.
Бористенополь, см. Ольбия.
Борович, урочище — 230.
Босфор Киммерийский — 188 («Восфор Циммерский»)
Ботнический залив — 470.
Бразилия — 470, 472.
Бразильский мыс — 470.
Бранденбургцы — 205, 295.
Брест, город (Франция) — 428.
Бристоль, город — 426.
Буг Западный — 182.
Буг Южный — 175, 252, 255, 279.
Будинцы (будины), народ — 180, 201.
Бужане, племя — 29, 175, 296.
Вагерский залив — 437.
Вагрия, область — 185.
Вайгач, остров — 443, 450, 480.
Вайгач, пролив — 444, 467, 479.
Вандалы, народ — 46, 47, 179, 194, 557.
Варвик, мыс — 429.
Варзуга, река — 476.
Варшава — 569.
Варяги — 11, 22, 23, 30—33, 35—37, 44, 45, 47, 53, 54, 56, 60—66, 76, 77, 168, 203, 204, 212—215, 217, 219, 220, 221, 226, 248, 250, 253, 278—280, 282, 283, 293, 295, 298, 300, 551, 553, 584, см. также Скандинавы.
Варяги — русь (варяги россы, варяги руссы) — 33—36, 40, 53, 55, 59, 65, 66, 78, 168, 175, 205—210, 214, 215, 217, 221, 293, 295, 297, 553, 589.
Варяжское море, см. Балтийское.
Василев, город — 272.
Веласково озеро — 440.
Великая, река — 462.
Великая Британия — см. Англия.
Великие Луки, город — 190.
Великий океан — см. Тихий океан.
Великороссия — 566.
Великорусы — 36.
Вена — 130, 160, 558, 583.
Венгерская земля — 583.
Венгрия (см. также Угры) — 202, 239, 241, 277.
Венгры (см. также угры) — 33, 557, 583.
Вендский залив — 176.
Венеды, народ — 174, 176, 177, 179—181, 183, 184, 188, 210, 293, 294.
Венец Земли (Шканцы), город — 310.
Венеция («Веницейское владение») — 294.
Весь, народ — 197, 218, 219, 296.
Ветка, река — 402, 599.
Ветлуга, река — 401.
Византия — 578.
Виля, река — 179.
Винета, город — 175, 184, 185.
Висла — 33, 36, 70, 72, 175, 176, 182, 190.
Витебск — 36 («Вытепск»), 587.
Вифиния, провинция — 58, 226.
Владимир Залесский (на Клязьме), город — 92, 93, 270 («город») 273, 306, 307—310, 314, 315, 350, 587.
Влахернская церковь (в Царьграде) — 219.
Воздвиженское, село — 121, 127, 152, 158.
Волга — 188, 209 («Раа»), 210

- («Раа»), 211, 237, 254, 277,
 320, 321, 336, 340, 401, 472.
 Волохи, народ — 37, 70, 71.
 Волхов, река («Мутная») — 32, 189,
 218, 252, 269, 270, 282, 296.
 Воынь, город и область — 175,
 274, 279.
 Воыняне, племя — 175.
 Воробьево, село — 119, 151.
 Воронеж — 566.
 Воскресенский монастырь, близ
 Москвы — 161.
 Восточная Индия — см. Ост-Индия.
 Восточное море — см. Тихий океан.
 Восточный океан — см. Тихий океан.
 Востфор Циммерский — см. Босфор
 Киммерийский.
 Вотяки, народ — 195, 294.
 Врангеля земля — 609.
 Вручай — см. Овруч.
 Выборг, город — 312, 325, 342.
 Выг, река — 476.
 Вымь, река — 189, 443.
 Выстрия, река — 270 .
 Вышгород — 235, 256, 276, 277.
 Вятчи, племя — 175, 190, 221, 254,
 270.
 Вятка, область — 92, 566.
 Вятка, река — 237.
 Гаага — 592.
 Галатия — 179, 188.
 Галич, город — 304, 307.
 Галле, город — 554.
 Галлия — 179.
 Гамбург — 582, 595.
 Ганг, река — 472 («Гангес»).
 Гардарика, область — 75.
 Гебр, река — 191.
 Гекла, вулкан в Исландии — 458.
 Гелон, город — 201.
 Гем, гора — 242.
 Гепиды — 194.
 Гераклея — 226 («Ираклея»).
 Германия — 205, 407, 555.
 Германцы — 22, 46, 47, 176, 580
 (см. также немцы, пруссы).
 Герулы, народ — 213.
 Геттинген — 557, 583.
 Геты — см. Готы.
 Гибралтарский пролив — 442.
 Гишпания — см. Испания.
 Голландцы — 443, 445, 462, 488,
 513, 604.
 Голландия — 443, 444.
 Голмгардия — см. Холмогоры.
 Голубовицы, деревня — 599.
 Голштиния — 34.
 Гомора, город — 260.
 Горн, мыс — 468.
 Гота, город — 557, 583.
 Готы — 22, 27, 33, 38, 40, 46, 47,
 77, 78, 179, 193, 194, 204, 212,
 213, 293, 295, 557, 558, 573,
 582, 583.
 Греки — 26—29, 31, 44, 46, 48,
 49, 54, 63, 64, 65, 170, 175,
 177, 181, 183, 185, 189, 197—
 199, 201—203, 206, 214, 221—
 229, 237, 241—245, 248, 263,
 264, 284, 294, 297, 298, 300,
 363, 367, 371, 579.
 Гренландия — 427, 428, 430, 432,
 433, 452, 457, 458, 467—470,
 473, 479, 482, 483, 512, 521,
 525, 526, 527, 531, 605.
 Гренландцы — 427, 496.
 Греция — 39, 64, 74, 178, 199, 202,
 204, 213—215, 219, 220, 223—
 225, 227, 228, 230, 239, 246,
 250, 253, 258, 264, 266, 268,
 270, 284, 293, 295, 297, 303,
 343, 363, 395.
 Гродно — 33 («Гродна»).

- Грумант (см. также Шпицберген) — 502, 503, 505.
 Грумантское море — 501.
 Гудсонов залив — 425, 434, 435, 440—442, 470 («море»), 497, 512.
 Гудсонов пролив — 432, 436, 438, 441.
 Гунниландия — 75.
 Гунны, племя — 21, 184, 194, 201, 202, 583.
 Дависа пролив — см. Девиса пролив.
 Дагестан — 202.
 Даки, народ — 198.
 Далматов, остров — 456.
 Далмация (Далматия) — 174, 176, 182, 188, 190, 193, 293.
 Дальний Восток — 591.
 Дания — 216.
 Датчане — 65, 72, 91, 195, 196, 214, 438, 558.
 Двина Западная — 33, 34, 36, 175 («Южная»), 182, 190, 208 («Полуденная»), 215, 296 («Южная»).
 Двина Северная — 29, 92, 95, 196, 340, 442, 448, 476, 565.
 Двинская провинция — 91.
 Девиса залив — 431 («Дависов»), 497 (то же).
 Девиса пролив («Дависа пролив»), 428—431, 433, 434, 441, 442.
 Делаплата — см. Ла-Плата.
 Делямеров пролив — 468.
 Дербент, город — 202, 344.
 Дерпт — см. Юрьев.
 Десна, река — 175, 190, 270.
 Десоласион (Десолацион), остров — 428.
 Де Фонтон залив — 470.
 Де Фонтон пролив — 470.
 Де Фуков залив — 470.
 Де Фуков пролив — 470.
 Дигге, остров — 432.
 Дижон, город — 578.
 Диу, город — 434.
 Днепр — 25—27, 32, 36, 38, 46, 48, 49, 70, 71, 80, 175, 182, 190, 198, 211, 214, 219—221, 229, 235, 238, 246, 253, 268, 270, 278, 283, 296, 372, 595.
 Днепровские пороги — 32, 298, 556, 557.
 Доброй Надежды мыс — 426, 468, 472.
 Дон, река — 25—27, 29, 46, 48, 180, 201, 336, 368.
 Донское устье — 340.
 Дорогожич, под Киевом — 249 («Дорожич»).
 Доростол (Доростоль), город — 243, 244.
 Древяне, племя — 29, 175, 184, 190, 219, 221, 225, 230—234, 236, 247, 296—298.
 Древянская земля — 230, 232, 235, 240, 247, 273, 277.
 Дреговичи, племя — 175, 190, 296.
 Дрезден — 548, 556.
 Дулебы, племя — 175, 221.
 Дунай — 29, 37, 38, 69—71, 174—177, 181, 182, 184, 188, 190—192, 199, 202, 225, 227, 237—243, 245, 246, 252, 298, 472.
 Дуро, река — 457.
 Дюнаминде, город — 342.
 Евганей, племя — 179.
 Евксинский понт — см. Черное море.
 Евреи — 31, 54, 259—261, 264.
 Европа — 91, 175, 180, 181, 187, 198, 205, 212, 294, 340, 341, 402, 472, 498, 565, 570, 593.

602. .
 Евфрат, река — 472.
 Египет — 200, 213, 265, 470, 472.
 Езел — см. Эзель.
 Екатерининская гавань в Кольском заливе — 495 («Катерин Гавань»), 614.
 Екгаузен, город — 444.
 Елеферия св. церковь — 229.
 Еллада — см. Эллада.
 Эльбинг, город — см. Эльбинг.
 Емь (Ямь), народ — 296.
 Енеты, племя — 179—181, 294.
 Енисей — 459, 472, 473, 480.
 Енисейские устья — 450.
 Естляндия — см. Эстляндия.
 Естляндцы — см. Эстляндцы.
- Желания** (Надежды), мыс — 490, 614.
Женева — 565, 593, 598.
Женский остров (у мыса Сендерсон) — 433.
Жмудь, область — 174, 207, 208, 211, 553.
Жмудь, народ — 205.
- Загорье**, деревня — 41.
Западная Двина — см. Двина Западная.
Западный Океан — см. Атлантический океан.
Запорожье — 268.
Зарум, город — 214.
Зееланд — 444.
Зеленый, мыс — 470.
Зимний берег Белого моря — 441.
Зыряне, народ — 195, 294.
- Иберы**, народ — 181 («Иверы»).
Ивангород — 328.
Иена — 582.
- Иерусалим** — 205, 259, 348.
Ижера (ижора), народ — 296.
Изборск (Иссабург), город — 22, 217, 219.
Иллирик, провинция — 29, 177, 181, 182, 188—193, 293, 294.
Иллирийцы — 181, 183, 189.
Ильмень, озеро — 27, 36, 38, 71, 190.
Ингрия — 195, 294.
Ингры (ингряне), народ — 33, 293.
Инд, река — 472.
Индиگیرка, река — 448, 453, 472, 610.
Индийский океан — 468 («Индийское море».)
Индийские острова — 470.
Индия — 420, 422, 423, 428, 435, 437, 438, 443, 455, 483, 484, 604, 605, 610.
Иоаннополь, город — см. Переяславец.
Иоганс Мейенс — см. Ян Майен.
Ираклия — см. Гераклея.
Иркутск — 459, 460.
Искоростень (Искорест, Коросгень), город — 230, 232, 233, 367, 595.
Исландия — 427, 431, 457, 458, 468, 485, 486.
Испаниола (Гаити), острова — 470.
Испания — 27.
Испанское море — 468.
Испанцы — 423, 428, 438, 440.
Иссабург — см. Изборск.
Истляндцы — см. Эстляндцы.
Истрия, область — 38, 176, 558.
Италия — 27, 38, 179, 193, 211, 213, 558.
- Кавказские горы** — 202.
Казань — 318, 320—324, 370.
Казанцы — 318, 321—324, 327.

- Калгуев, остров — см. Колгуев, остров.
- Калифорния — 438, 439, 452, 470, 512.
- Калка (Калька), река — 307.
- Камчадалы, народ — 449, 530.
- Камчатка — 363, 423, 449, 451, 452, 455, 456, 470, 473, 474, 482, 494, 498, 505, 511, 512, 528, 529, 531, 533, 566, 593, 594, 603, 606, 608, 609, 614, 618, 623, 625.
- Камчатка, река — 451, 490.
- Камчатское море — 459, 492, 494.
- Камчатское устье — 509, 623.
- Кандалакша, губа — 476.
- Кандалакша, река — 476.
- Канин п-ов (Канин нос) — 467, 476.
- Канцы, город — 341.
- Капич, урочище под Киевом — 249.
- Карела, народ — 310.
- Карелия, область — 195, 294, 566.
- Карское море — 444, 462, 467, 480.
- Касимов, город — 324.
- Каскова Гора, деревня — 41.
- Касоги (косоги), народ — 237, 281.
- Каспийское море — 201, 202, 336, 337, 344, 419, 470.
- Катерин гавань — см. Екатерининская гавань.
- Кафа, город — 303.
- Кверхбухт (бухта Варнека) — 444.
- Кеврольский уезд — 442.
- Кексгольм, город — 342.
- Кекурское становище — 478.
- Кёльн — 587.
- Кемберланд, п-ов — 433 («Кумберландов»).
- Кемь, река — 476.
- Кенигсберг — 552, 556, 581, 584.
- Кенугардия, Кунигардия — см. Киев.
- Киев — 9, 23, 26 («Кенугардия»), 28, 30, 36, 39, 40, 45 («Кенугардия»), 46, 48, 49, 51, 58, 63—65, 75 («Кунигардия»), 78, 175, 204, 214, 215, 219—223, 227, 228, 230, 232—240, 246, 248—253, 264, 267—270, 274—283, 286, 296—298, 300—306, 337, 362, 372, 544, 553, 595.
- Киевляне — 28, 61, 220, 232, 233, 249, 250, 280, 305.
- Киево-Печерский монастырь — 204, 556.
- Киевские горы — 175, 271.
- Кильдин, остров — 423, 443, 476, 478, 495.
- Кимвры, народ — 595.
- Кипр, остров — 205, 470.
- Китай — 335, 442, 443, 564.
- Китовый залив — 433 («пролив»).
- Клещино озеро — 197.
- Клокбайская гавань (губа, пристань) — 502—504, 521 («Кломбайская»), 531 (то же), 615, 617.
- Клязьма, река — 270, 587.
- Ковда, река — 476.
- Ковыма (Ковыма), река — см. Кольма.
- Козаки — 330, 335, 453.
- Козаре, козары — см. Хазары.
- Кола, город и область — 447, 503, 505, 521, 530, 533, 606, 611, 612, 616, 617, 621, 622, 625.
- Колгуев, остров — 476.
- Коломенское, село — 119, 126, 151, 157.
- Колхи, народ — 181.
- Кольский залив — 614.
- Колывань, город — 45.
- Кольма (Ковыма), река — 448—450, 452, 472, 481, 482, 496.

- Колымское (Ковымское) устье — 450, 453.
 Командорский, остров — 509.
 Конассет, город — 440.
 Константинополь (см. также Царьград) — 63, 65, 259, 266, 556, 579, 593.
 Копаяв, остров — 453, 455, 608, 609.
 Копенгаген — 566, 589.
 Копорье, город — 328.
 Коростень — см. Искоростень.
 Корсунская земля — 229.
 Корсунцы (корсуняне) — 227, 229.
 Корсунь, город — 267.
 Коряцкие жилища — 449.
 Кострома — 334.
 Краков — 585.
 Красная мыза на Чудском озере — 341.
 Красное (Черное) море — 260, 423.
 Кривичи, племя — 29, 62, 63, 175, 184, 219—221, 226, 270, 296.
 Крит, остров — 470.
 Кролевец — 553.
 Кромна, город — 179.
 Кронштадт — 341, 611.
 Крым — 109, 124—126, 155—157, 237, 322, 338.
 Крымцы — 321—323, 325.
 Куба — 470.
 Кумберландов п-ов — см. Кемберланд.
 Кунигардия — см. Новгород.
 Курильские острова — 474, 498.
 Курильский мыс — 456.
 Курляндия (Курландия, Курланды) — 65, 211, 215, 295, 584.
 Курляндский залив — 176.
 Курляндцы — 30, 34, 174, 210.
 Куроны, племя — 53.
 Курский залив (Русна) — 206, 208.
 Ладога, город — 175, 217, 333, 334.
 Ладожское озеро — 189, 470, 471.
 Лапландия (Лаппония) — 92, 195, 294, 467, 566, 593.
 Ла-Плата, речная система — 472 («Делаплата»)
 Латины — 29, 48, 348.
 Лебяжье гнездилище — 432.
 Ледовитое море — см. Северный Ледовитый океан.
 Ледовитый океан — см. Северный Ледовитый океан.
 Ледяное море — см. Северный Ледовитый океан.
 Лейден, город — 556, 579.
 Лейпциг — 543, 544, 548, 554, 556, 557, 578, 579, 589, 592, 595, 607.
 Лемли (вход в Гудсонов залив), пролив — 429 («Лумли залчв»), 430 («пролив Лумлей»)
 Лена — 448, 450, 452, 459, 472, 473, 477, 496.
 Ленинград — 578, 602, 608, 609, 613, 625.
 Лесной о-в — см. Аляска.
 Летний берег Белого моря — 441.
 Лехи — см. Ляхи.
 Ливония (Лифляндия) — 92, 93, 195, 255, 283, 294, 309, 325, 328, 336, 339, 344, 566, 567, 584.
 Ливонцы (лифляндцы) — 199, 207.
 Ливь, народ — 296.
 Лион — 592.
 Литва, страна — 129, 160, 174, 206—208, 211, 313, 401, 553.
 Литва (литовцы), народ — 33, 51, 195, 205, 308, 322, 362.
 Лифляндия — см. Ливония.
 Лонгобарды, народ — 179, 194.
 Лондон — 497, 554, 589, 608.

- Лопаря, народ — 92, 394, 565, 566, 593, 598.
 Луга, река — 235.
 Лумлей (Лумли), пролив — см. Лемли.
 Лутичи, народ — 190.
 Луцк, город — 274 («Луцко»).
 Лыбедь, речка около Киева — 257.
 Любек — 580.
 Любечь, город — 220, 222, 278.
 Любчане, жители Любеча — 221.
 Ляхи — см. поляки.
- Магелланов пролив — 468.
 Мадагаскар, остров — 470.
 Мадьяры — см. Венгры.
 Мазовшане, племя — 190.
 Македония — 174, 176, 293.
 Македоняне — 226.
 Малабарские острова — 423.
 Малая Азия — 226.
 Малая Россия, Малороссия — см. Украина.
 Малороссияне — см. Украинцы.
 Мальта, остров — 205.
 Маманта св. церковь в Царьграде — 222, 228.
 Мангазель, город — 459, 478.
 Мараньон (Амазонка), река — 472.
 Марбург — 579.
 Мариенбург, город — 341.
 Массажеты, народ — 200.
 Мастия, город — 179.
 Матигоры Верхние, деревня — 41.
 Матигоры Нижние, деревня — 41.
 Медвежий, остров — 445, 461, 468, 481.
 Междушарский («Черный»), остров — 490, 614.
 Мезенская губа — 441, 442.
 Мезенское устье — 441.
 Мезень, река — 476, 485.
- Мексика — 470, 512.
 Мексиканский залив — 470 («море»).
 Мельвиль, залив (Рогов пролив) — 433.
 Мельничный (Mill Island), остров — 433.
 Мемель, город — 66 («Мемелы»).
 Мендосино (Мендозин), мыс — 438.
 Меотийское море — см. Азовское море.
 Меря, народ — 62, 63, 197, 219, 221, 296.
 Мидия — 188, 189, 200.
 Мидьяне, народ — 180, 181, 183, 188, 189, 294.
 Мизия — см. Мисия.
 Милан — 558, 584.
 Минское воеводство — 36.
 Миссисипи, река — 472.
 Мисия (Мизия) — 28, 212.
 Митава, город — 341.
 Молога, река — 555.
 Монголы — 60.
 Морава, народ — 29, 175.
 Моравия — 174.
 Мордва, народ — 195, 197, 294.
 Моржовец, остров — 441.
 Москва — 20, 91, 92, 94, 105, 106, 112, 115, 119—121, 123, 124, 127—131, 137, 138, 144, 147, 151, 152, 154, 155, 159—161, 181, 306, 311, 313—317, 319, 321, 324, 326—328, 330, 331—337, 342, 370, 372, 373, 544, 545, 547, 552, 557, 564—566, 568—570, 574, 578, 595, 598, 602, 609, 625.
 Москва, река — 95.
 Московиты — 554.
 Москвиня — 181.
 Мосхи, народ — 181.
 Мста, река — 235.

- Мстиславское воеводство — 36.
 Муром, город — 269, 273, 277.
 Мурома, народ — 219, 296.
 Муромская земля — 219
 Мутная река — см. Волхов.
- Нагаи — см. Ногаи.
 Надежды мыс — см. Желания мыс.
 Наиз — 192.
 Нарва, город — 45 («Ругдев»), 96,
 325, 340, 341, 564, 565, 568.
 Нассауский пролив — 443.
 Нева, река — 175, 292, 312, 340.
 Нелзонсгафен, залив — 432, 436
 («Нейсольская гавань»).
- Неман, река («Немень») — 33, 34,
 36, 65, 66, 206, 211.
 Немецкая земля — 412.
 Немцы — 34, 205, 209, 301, 308,
 309, 310.
 Нерчинск, город — 459.
 Неудачная Надежда, земля — 432.
 Нижегородская провинция — 93
 («Нижней»).
- Нижний Новгород — 371, 566.
 Никольский шар — 462.
 Никомидийская земля — 226.
 Нил, река — 472.
 Новая Англия — 211.
 Новая Земля — 430, 443, 445—
 447, 459, 461, 462, 464, 467,
 468, 479—483, 485, 488, 490,
 495, 501, 502, 606, 607, 610,
 612, 613, 615.
 Новая Земля — 427 («Прима Ви-
 ста»), 470 («Terre neuve»).
- Новая Испания — 211.
 Новая Мексика — 438.
 Новая Франция — 211, 470.
 Новгород — 11, 27, 33, 38, 39, 45,
 58, 71, 80, 96, 124, 155, 175,
 177 («Кунигардия»), 189, 190,
 202, 203, 206, 214, 215, 217—
 220, 240, 248, 249, 252, 256,
 269, 270, 273, 274, 277, 280—
 283, 285, 296, 297, 302, 308—
 310, 312, 314, 315, 318, 319,
 333, 334, 362, 370, 443, 552—
 555, 580, 582, 586, 591, 608.
- Новгородцы — 34, 36, 37, 62, 63,
 73, 168, 189, 190, 196, 202,
 208, 214, 215, 218, 240, 269,
 274, 278, 281, 283, 286, 296,
 297, 300, 307, 308, 310, 316,
 318, 319, 326, 356, 370, 579.
- Новогрудок, город — 36 («Новгоро-
 дек»).
- Новой Голландии, мыс — 468.
 Ногаи, народ — 329.
 Норвегия — 442, 444, 461, 467,
 470, 485.
 Норвежский Северный мыс (нос) —
 430, 468, 474.
 Норвежский океан — 476.
 Норвежцы — 65, 72, 195, 203, 328.
 Нормандское море — 459, 466
 («океан»), 475, 476, 478, 480,
 482, 502.
 Норманны (нормандцы, урмяне) —
 33, 75, 197, 204, 211; см. также
 скандинавы.
- Нью-Йорк — 512.
- Обры (авары), народ — 202
 Обская губа — 450, 480.
 Обь — 189, 443, 459, 472, 473,
 480.
 Овруч (Вручай), город — 247, 248
 Огненная Земля — 470 («Огненный
 остров»).
- Одер, река («Одра») — 175, 184.
 Одобрительный (Cape Comfort),
 мыс — 433.
 Ока — 29, 93, 175, 190, 237.

- Ольбия (Бористенополь), город — 214.
 Олютора, река — 449 («Олюторка»).
 Онега, река — 476.
 Онежское озеро — 470 («Онега»).
 Орда — 308—320.
 Оренбург — 566.
 Орешек — см. Шлиссельбург.
 Ост-Индия («Восточная Индия») — 417, 423, 426, 430, 434, 442, 457, 477, 603, 605—607.
 Острогардия — 75.
 Остяки, народ — 202.
 Офир, страна, упоминаемая в Библии — 292, 591.
 Охотск, город — 459, 625.
 Охотский залив — 494.
 Палестина — 200, 265.
 Паннония, область — 202.
 Парагвай — 472.
 Париж — 390, 554, 560, 564, 577, 579, 586, 587, 592, 593, 607.
 Парфяне, народ — 198.
 Патры ахайские — 58.
 Пафлагония (Пилименская страна), область — 179, 188, 226.
 Пафлагоны, народ — 181, 294.
 Перемышль, город — 254.
 Переяславец на Дунае (Иоаннополь), город — 237, 239, 240, 242, 243.
 Переяславль Залесский, город — 311.
 Переяславль на реке Трубеже, город — 222, 228, 272.
 Переяславская земля — 197.
 Пермия (Биармия), область — 195, 196, 294, 583.
 Пермцы — 197.
 Пермьяки, народ — 35, 59, 60.
 Пернов, город — 208, 342.
 Персия — 189, 334, 339, 344.
 Персы — 557.
 Перу — 470, 472.
 Песчана, река — 254.
 Петербург (Санкт-Петербург, Санкт-петербург, СПбург, С.П.Б.) — 91, 165, 341, 361, 459, 461, 506, 514, 521, 533, 534, 547, 552, 562, 565, 568, 570, 574, 589, 592, 593, 598, 600, 608, 610, 612, 617, 618, 624.
 Петергоф, город — 91, 361.
 Печенеги, народ — 36, 60, 169, 226, 227, 238, 239, 241, 242, 244, 246, 248, 250, 271, 272, 280, 283, 298, 299, 371, 372, 595.
 Печера, народ — 197 («Печора»).
 Печора, река — 189, 443, 467, 472.
 Пилеманская страна — см. Пафлагония.
 Пинега, река — 442.
 Поволжье — 583.
 Подляхия — 206, 207.
 Полк ассирийский — 58.
 Половцы, народ — 169, 301, 302, 306.
 Полога, река — 190, 296.
 Полоцк («Полотск»), город — 36, 175, 215, 218, 219, 222, 257, 258, 273, 325, 369.
 Полоцкая земля — 249.
 Полочане — 175, 190, 296.
 Полтава — 91, 341.
 Польша — 36, 48, 49, 51, 93, 174, 195, 279, 280, 281, 283, 285, 293, 304, 320, 325, 331, 335, 336, 339, 342, 343, 401, 578, 580, 593.
 Поляки (ляхи) — 26, 29, 48, 49, 51, 155, 160, 169, 175, 190, 205, 207, 221, 226, 254, 280, 295, 299, 321, 330—334, 362, 371, 373, 580, 599.

- Поляне, племя — 28, 29, 175, 184, 190, 214, 215, 219, 220, 296.
 Померания — 185, 211, 339, 343.
 Поморье (по Белому морю) — 614.
 Поморы (поморские по Белому морю жители) — 448, 613, 615.
 Поморяне (поморцы, померанцы), жители Померании — 29, 190.
 Понт — см. Черное море.
 Понтийское море — см. Черное море.
 Порта — см. Турция.
 Порто, город — 457.
 Португалия — 457.
 Португальцы — 423.
 Средиземное море — см. Средиземное море.
 Почайна, речка в Киеве — 236, 268, 367.
 Предславино, сельцо близ Киева — 257.
 Преображенское, подмосковное село — 127, 158.
 Пресвятой богородицы церковь в Киеве — 270.
 Приднепровье — 553.
 Прима Виста — см. Новая Земля.
 Припеть, река — 175, 190, 296.
 Пруссия — 33, 34, 66, 95, 205, 207, 208, 210, 211, 216, 295, 313 («в Немцах»), 557, 584, 585, 595, 599.
 Пруссия Белая — 208.
 Пруссия Верхняя — 208.
 Пруссия Восточная — 591.
 Пруссия Нижняя — 208.
 Пруссы — 30, 34, 53, 205, 206, 207 («поруссы»), 208, 295 («пороссы», «поруссы»), 308 («на Немец»)
 Пруссаки, народ — 54.
 Прут, река — 342.
 Псков — 23, 190, 221, 270, 274, 313, 319, 321.
 Псковичи — 335.
 Псковская область — 236, 346.
 Пушкино, село близ Москвы — 121, 152.
 Пяси́на, река — 450 («Пяси́га»)
 Пясинский мыс — 480—482 («Пясинский мыс»)
 Раа, река — см. Волга.
 Радимичи, племя — 175, 184, 221, 254.
 Раны — см. Славяне ругенские.
 Ревель — 45, 342, 611.
 Редест, город — 242.
 Резолюшен, остров — 432 («Резолюцион»)
 Рейн, река — 46, 494.
 Репульс, залив — 441.
 Рига — 336, 342, 578, 589.
 Рим, город — 58, 170, 194, 213, 214, 263, 264, 554, 580—582.
 Римляне — 28, 37, 38, 46, 70, 170, 181, 183, 192—194, 211, 212, 216, 263.
 Римская империя, Римское государство, Рим — 28, 171, 176, 178, 188—192, 194, 204, 212, 213, 320, 545, 556, 557, 584.
 Рогов пролив — см. Мелвиль.
 Род, остров — 205.
 Родня (Родна), город — 249, 250.
 Роксаланы, племя — 22, 25—30, 33, 36, 37, 41, 43, 44—47, 65, 66, 198, 209, 212, 295, 548, 554, 578.
 Ромово, город — 211.
 Росса, река — 20, 552.
 Россаны — 210—212, 548.
 Россия («Российская земля», «Российское государство», «Россий-

- ская Империя», «Российская держава», «Русь», «Русская земля», «Русское государство») — 14, 16, 19—22, 25, 28, 32, 35, 36, 39, 41—43, 47, 49, 55—61, 63, 64, 72, 74—77, 79, 92, 117, 148, 169—171, 173—176, 190, 195, 206, 207, 223, 224, 229, 238, 239, 245, 248, 251—256, 259, 266, 269, 270, 283—285, 291, 293, 297—300, 302, 307, 314, 316, 319, 321, 322, 325, 329, 332—336, 343, 344, 350, 352, 359, 362—364, 367, 384, 389—391, 395, 401, 407, 420—422, 424, 448, 509, 512, 513, 530, 532, 533, 539, 540, 542—545, 550, 551, 553, 555, 557, 562—566, 568, 573, 574, 576—579, 581—583, 587—593, 595, 597—599, 603, 605, 617.
- Россияне — см. русские.
- Российское море — см. Черное море.
- Россы — см. русские.
- Ростов, город — 218, 219, 222, 269, 270, 273, 313.
- Ростовская земля — 197.
- Рось, река — 211, 249.
- Ротала, город — 208.
- Ротала, деревня — 208.
- Роттердам, город — 444.
- Ругдев, Ругодив — см. Нарва.
- Рюген — см. Рюген.
- Ругия, область — 213.
- Ругияне — 213.
- Руса, река — 33, 36, 206, 211, 295.
- Русна — см. Курский залив.
- Русская земля («Российская земля») — см. Россия.
- Русские («россияне», «россы», «российский народ», «русский народ», «руссы», «русь») — 20—22, 24—34, 36, 37, 39—49, 54, 58—60, 63, 65, 66, 74, 77—80, 168, 169, 174, 188, 189, 204, 206—209, 211—213, 215, 216, 218—220, 222—224, 226, 228, 229, 235, 237, 240—246, 249, 259, 266, 271, 272, 280, 284, 292, 293, 295, 320, 330, 336, 363, 369, 372, 373, 380, 383, 384, 424, 456, 462, 463, 498, 539, 546, 547, 550—552, 554, 558, 562, 572, 573, 577, 578, 582, 595, 597, 604, 607.
- Рюген, остров — 185, 186, 208.
- Сабирь, племя — 202.
- Саввин Звенигородский монастырь — 95, 120, 151.
- Саксония — 614.
- Саксонцы — 185.
- Самоеды, народ — 92, 394, 496, 565, 566.
- Сардик, город — 192, 193.
- Сарматия Азиатическая — 188.
- Сарматия (Сармация) Европейская — 176, 177, 554.
- Сарматы, народ — 26, 29, 173, 176, 177, 180, 183, 188, 189, 198, 209, 293—295, 573, 578.
- Сарское Село — см. Царское село.
- Свевы (сви), народ — 33, 293.
- Свияга, река — 321.
- Свияжск, город — 324.
- Святого Лаврентия, река — 472.
- Святого Лазаря, архипелаг — 439.
- Святое море — 453.
- Святой мыс («нос») — 452, 467, 478.
- Севастополь — 58.
- Северная Америка — см. Америка Северная.
- Северная Двина — см. Двина Северная.

- Северный Ледовитый океан («Ледовитый океан», «Ледяное море», «Ледовитое море», «Северный океан», «Северное море», «Сибирский океан», «Северный Сибирский океан», «Сибирское море») — 177, 202, 417, 420, 424—426, 442, 444, 449, 450, 451, 455—459, 461, 466—469, 471—474, 476, 477, 480—484, 488, 490, 494, 498, 499, 512, 513, 519, 540, 603—608, 610, 615, 618, 622.
- Североамериканский архипелаг — 608.
- Северяне, племя — 175, 184, 190, 219, 221, 282, 296.
- Сейм (Семь), река — 175, 190.
- Сербия — 174, 293.
- Сербы — 29, 38, 71, 175.
- Сибирский Океан — см. Северный Ледовитый океан.
- Сибирский Северный мыс — 505.
- Сибирское море — см. Северный Ледовитый океан.
- Сибирь — 24, 60, 83, 84, 93, 190, 202, 327, 448, 449, 450, 453, 459, 460, 465—467, 471, 472, 474, 477—479, 481, 482, 485, 494, 496—498, 501, 510, 511, 533, 551, 553, 560—561, 567, 594, 608, 618.
- Сирия — 200.
- Сицилия — 470.
- Скандинавия — 33.
- Скандинавы — 21, 30—32, 40, 41, 53, 60, 72, 76, 77, 80, 551.
- Скифон — 57.
- Скифы — 21, 27, 46, 58, 173, 180, 197—201, 293, 294, 361, 552, 573, 578, 583, 593.
- Славенск, город — 38, 177, 194, 202, 203, 296, 555.
- Славяне («Славянское племя», «Славянские народы», «Славыны», «Славенский народ») — 21—23, 26—38, 39, 44, 45, 47, 48, 50, 53—56, 58—65, 67, 69, 70—72, 80, 167, 168, 173—185, 187—195, 198—204, 206, 208—210, 212, 214, 217, 218, 220, 223, 226, 235, 271, 293—298, 300, 361, 363, 539, 544, 550, 553, 557, 573, 574, 578, 581, 582, 589, 593.
- Славяне вагрские — 185, 573.
- Славяне венды — 179, 573.
- Славяне дунайские — 190, 271.
- Славяне западные — 175.
- Славяне новгородские — 29, 180, 184, 197, 207, 214, 217, 221, 270, 294, 295.
- Славяне померанские — 185.
- Славяне ругенские (раны) — 210.
- Славяне северные — 189, 214, 219.
- Славяне южные — 175, 214, 219.
- Словены дунайские — 70, 71.
- Смитов пролив — 433 («Шмидов залив»).
- Смоленск — 175, 220, 273, 277, 286, 296, 314, 317, 321, 333, 334, 335.
- Смядино (Смядина, Смядынь), река и урочище — 277.
- Содом, город — 260.
- Сожь, река — 175.
- Соловецкие острова — 328.
- Солунь, город — 192, 193, 386.
- Софии св., собор в Киеве — 283, 284.
- Софии св., собор в Новгороде — 96.
- Софии св., собор в Царьграде — 264.
- Спасский монастырь в Москве — 96.

- Средиземное море — 188, 204, 442, 470.
- Старая Руса, город — 27, 36, 38, 190, 208, 211.
- Стокгольм — 41, («Стикоколный»), 343, 558, 593.
- Страсбург — 556.
- Стугна, река — 270.
- Студенец, озеро — 186.
- Судомир, река — 281.
- Суздаль, город — 269, 356.
- Суздальская земля — 270.
- Суздальцы — 29.
- Сула, река — 175, 190, 235, 270.
- Сума, река — 328.
- Сумь, племя — 296.
- Сцирры, народ — 46 («скирры»), 213.
- Сясь, река — 471.
- Табинский нос — см. Чукотский нос.
- Тазовская губа — 480.
- Таймыра, река — 450 («Таймура»), 473 («Тамура»).
- Татары — 35, 60, 155, 169, 188, 198, 202, 307, 308, 310, 313—315, 317, 321, 322, 324, 330, 333, 335, 363, 369—371, 563, 576, 588, 593.
- Тверская (Тферская) провинция — 93.
- Тверь — 313.
- Тексель, город — 430, 443, 444.
- Темза, река — 431, 432.
- Терский берег Белого моря — 441, 472.
- Тиверцы, племя — 221, 226.
- Тихвин, город — 356.
- Тихий океан («Великий океан», «Восточный океан», «Тихое море», «Восточное море», «Южный океан», «Южное море») — 422, 432, 434, 435, 439, 449, 451, 468, 470, 472, 482, 494, 505, 510, 602—604, 607, 610, 618, 619.
- Тмутаракань, город — 273, 281, 282.
- Тобольск — 459, 510, 618, 625.
- Томас Велькоме (Roes Welcome), земля — 434, 435, 441, 442.
- Топер, город — 191.
- Торки, народ — 254.
- Три острова в Белом море (Кувшин, Вешняк, Бакада) — 441.
- Троице-Сергиев монастырь — 120—122, 127, 128, 151—153, 158, 159, 318.
- Троя, город — 179, 180, 188, 294.
- Троя, город на Адриатическом берегу — 211.
- Троянцы, жители Трои — 179.
- Трубеш, река («Трубеш») — 270—272.
- Турки — 39, 74, 169, 202, 237, 241, 298, 325, 334, 335, 337, 342, 343.
- Туров, город — 273.
- Турцилинги, племя — 213.
- Турция — 339, 342 («в Турках»), 343 («Порта»).
- Углич, город — 318, 328.
- Угорская земля — 70, 71.
- Угорское, урочище под Киевом — 220, 221.
- Угра, река — 320, 583.
- Угры (югры, унгры) — 169, 202, 215, 221, 296, 583.
- Уда, река — 494, 498.
- Украина («Малая Россия», «Малороссия») — 51, 125, 156, 335, 337, 387.
- Украинцы («малороссияне») — 362, 593.

- Умнак, остров — 509, 510, 511, 530, 617, 619.
 Уналашка, остров — 617.
 Унгры — см. Угры.
 Упсала, город — 559.
 Урал — 33, 583.
 Урмяне — см. Норманны.
 Успения богородицы церковь в Владимире.
 Усть-Рудица, деревня — 599.
 Фेरзуэль, мыс — 433 («Форевель»), 436 («Фаревельский»), 438 («Форевель»).
 Феодосия, город — 265, 266, 267.
 Ферро, остров — 509, 528.
 Финистерре, мыс — 468 («Финистерский»).
 Финляндия («Финния», «Финландия») — 195—197, 294, 339, 343, 344.
 Финны («Финландцы», «Финцы») — 92, 196, 197, 199, 296, 551, 565, 578, 593.
 Финский залив — 176.
 Флоридинский мыс — 427.
 Фракийцы — 180, 226.
 Фракия — 176, 188, 191, 192, 226, 241.
 Франки — 37, 47.
 Франкфурт на Майне — 555, 557, 567, 569, 595.
 Франция — 27, 348, 494, 498.
 Французы — 22, 92, 513.
 Фробишера пролив — 427 («залив»).
 Хазары (козары, козаре), народ — 28, 32, 188, 214, 219, 221, 237.
 Херсон, область и город — 198, 237, 265—268.
 Хили — см. Чили.
 Холмогоры, город — 41 («Голмгардия»), 74 («Холмгардия»). 196.
 Холопий монастырь на Мологе — 555.
 Хорватия — 293 («Хорваты»).
 Хорваты, народ — 221, 271.
 Царское (Сарское) село — 91.
 Царьград — 28, 39, 194, 213, 215, 219, 221, 226, 235, 245, 246, 253, 263, 264, 267, 271, 284, 285, 297, 298, 300, 305, 348, 362, 371, 595.
 Циммерия — 201.
 Циммерцы, народ — 200.
 Цирул, город — 191.
 Червен (Червень), город — 254, 280, 283.
 Червоная Россия — см. Чермная Русь.
 Черемисы, народ — 195, 197, 294, 322, 324.
 Чермная (Червоная) Русь — 36, 175.
 Чермное море — см. Красное море.
 Черная Долина в Крыму — 125, 156.
 Черная мыза на Чудском озере — 341.
 Черная река — 219.
 Чернигов — 222, 228, 270, 282, 286, 302.
 Черное море («Понт», «Евксинский Понт», «Понтийское море» «Росское море») — 22, 27, 29, 36, 58, 175, 176, 188, 189, 194, 202, 213, 221, 259, 294.
 Черный, остров — см. Междушарский о-в.
 Чехи — 29, 175, 189, 194.
 Чешская земля — 258, 281 («Чешские пределы»), 300 (то же).
 Чили — 472 («Хили»).
 Чудское озеро — 341, 369.

- Чудь — 63, 168, 173, 195—201, 203, 205, 215, 217, 218, 220, 221, 235, 269, 270, 293—298, 300, 583, 589.
- Чукотский (Чукоцкий, Чукочий, Табинский) нос — 423, 444, 449—451, 455—458, 469, 471, 473, 479, 482, 483, 490, 492, 494, 496, 497, 505, 608, 610
- Чукотское море — 482.
- Чукчи, народ — 449, 451, 496.
- Чухонцы (чухны) — 22, 36, 37, 41, 42, 80.
- Шалагский мыс — 610 («Шалацкий»).
- Шведы — 30, 36, 40—42, 65, 76, 169, 195, 203, 204, 214, 285, 308, 312, 325, 332—334, 342, 343, 551.
- Швеция — 216, 339, 343, 470.
- Шлиссельбург (Орешек), город — 312, 325, 333, 341, 471.
- Шмидов залив — см. Смитов пролив.
- Шпицберген (см. также Грумант) — 430, 457, 458, 461, 462, 467—471, 473, 480, 481, 483, 509, 511, 512, 521, 524, 526, 527, 530, 531, 606, 607, 610, 612, 613, 615—618, 623.
- Штеттин, город — 343.
- Щековица, гора в Киеве — 225.
- Эвель, остров («Езел») — 208, 344.
- Эллада («Еллада») — 58.
- Эльба, река («Алба») — 29, 175, 194.
- Эльбинг, город — 342 («Ельбинг»).
- Эстляндия («Естония», «Естляндия») — 195, 197, 255, 294, 344, 566.
- Эстляндцы («естонцы», «естляндцы», «истляндцы»), народ — 197, 199, 203.
- Югорская земля — 202, 583 («Югора»).
- Югры — см. Угры.
- Южная Двина — см. Двина Западная.
- Южное море — см. Тихий океан.
- Южный океан — см. Тихий океан.
- Юкагиры, народ — 496 («Юкагары»).
- Юрьев, город — 283, 325, 341 («Дерпт»).
- Юрвец-Польский, город — 307.
- Яик, река — 361, 593.
- Якан (Яхан), мыс — 609.
- Якутск — 448, 452, 478.
- Ямбург — 328.
- Ямь — см. Емь.
- Ян Майен, остров — 458 («Иоганс Мейенс»).
- Яна (Яня), река — 448, 452, 453, 472.
- Янское устье — 453.
- Япония — 422, 457, 477, 606.
- Ярославская провинция — 93.
- Ярославль — 372.
- Ясы, народ — 237.
- Ятвяги, народ — 254.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

- I. М. В. Ломоносов. Портрет работы Ф. И. Шубина, масло, 1770-е годы. Музей М. В. Ломоносова (Ленинград). (Фронтиспис).
- II. Титульный лист „Древней Российской истории“ (стр. 165).
- III. Титульный лист „Краткого Российского летописца“ (стр. 289).
- IV. Полярная карта, приложенная к рукописи „Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию“ (стр. 448—449).
- V. Страница черновика А „Примерной инструкции морским командующим офицерам“, с собственноручными добавлениями Ломоносова (стр. 523).

СОДЕРЖАНИЕ

Труды по русской истории 1747—1764 гг.

	Стр.
1. Рассмотрение спорных пунктов между господином профессором Миллером и господином комиссаром Крекшиным, по приказанию его сиятельства графа и президента Академии Наук Кирилы Григорьевича Разумовского учиненное от профессоров Штрубе де Пирмон, Василья Тредьяковского и Михайла Ломоносова	7
2. [Посвящение к первому тому „Истории Российской“ В. Н. Татищева]	13
3. [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера „Происхождение имени и народа российского“]	17
I. [Репорт в Канцелярию Академии Наук 16 сентября 1749 г.]	19
II. [Возражения на диссертацию Миллера]	25
III. [Замечания на ответы Миллера]	42
IV. В Канцелярию Академии Наук репорт [21 июня 1750 г.] .	79
4. [Замечания на 6 и 7 главы „Сибирской истории“ Г.-Ф. Миллера]	81
5. [Наброски плана русской истории]	85
6. Примечания [на рукопись „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера 1757 г.]	89
7. [Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи] Перевод под ред. Т. П. Кравца	97 132
8. [Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской Академий наук]	163

	Стр.
9. Краткий Российский летописец с родословием. Сочинение Михайла Ломоносова	287
10. [Замечания на первый том „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера]	359
11. Идеи для живописных картин из российской истории	365
Труды по общественно-экономическим вопросам 1761—1763 гг.	
12. [Темы статей]	377
13. [О сохранении и размножении российского народа]	381
14. Примечания [об обязанностях духовенства]	405
15. Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостройства	409
Труды по географии 1763—1765 гг.	
16. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию	417
17. Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану	499
18. Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина	507
19. [Заметки о снаряжении экспедиции]	515
20. Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток северным Сибирским океаном	519
Приложения	
От Редакции	539
Примечания	
К работе 1	541
К работе 2	545
К работе 3	546
К работе 4	559
К работе 5	562
К работе 6	563
К работе 7	568
К работе 8	572

	Стр.
К работе 9	588
К работе 10	592
К работе 11	594
К работе 12	596
К работе 13	596
К работе 14	600
К работе 15	600
К работе 16	602
К работе 17	615
К работе 18	617
К работе 19	619
К работе 20	622
Список условных сокращений	626
Указатель личных имен	627
Указатель географических названий	669
Список иллюстраций на отдельных листах	686

*Печатается по постановлению
Общего Собрания Академии Наук СССР
от 11 января 1949 г.*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ

Академик **С. И. Вавилов** (главный редактор),
член-корреспондент Академии Наук СССР
Т. П. Кравец (зам. главного редактора).

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

А. И. Андреев, член-корр. АН СССР С. Г. Бархударов,
Г. П. Блок, академик В. В. Виноградов, академик
Б. Д. Греков, А. А. Елисеев (зав. главной редакцией).
Г. А. Князев, В. Л. Ченакал.

РЕДАКТОРЫ ШЕСТОГО ТОМА

Б. Д. Греков, А. И. Андреев.

Переплет и оформление художника *М. И. Разулевича*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *А. С. Малютина* и *Н. П. Ракова*

*
РИСО АН СССР № 5203. Пл. № 2—1В. Подписано к печати 8/VII
1952 г. Бумага 70 × 92/16. Бум. л. 21⁵/₈. Печ. л. 50.6. Уч.-изд. л. 32.46 +
+ 2 вкл. (0.17 уч.-изд. л.). Тираж 10 000. М-36367. Зак. № 303.
Номинал по прејскуранту 1952 г. 25 руб.

1-я тип. Изд. АН. Ленинград, В. О., 9 линия, дом 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
525	5 сверху	ильный	ильный
633	Левый столбец, 3 сверху	Ваттон	Баттон
637	Левый столбец, 1 сверху	(Наак)	(Наск)
685	Левый столбец, 2 снизу	Эвель	Эвель
686	8 сверху	(стр. 448—449)	(между стр. 424—425)

М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., том VI.

25 975